Годъ IX-й. № 10-й.

МІРЪ БОЖІЙ

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ

ЛИТЕРАТУРНЫЙ И НАУЧНО-ПОПУЛЯРНЫЙ ЖУРНАЛЪ

ДЛЯ

САМООБРАЗОВАНІЯ.

ОКТЯБРЬ

1900 г.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія И. Н. Скороходова (Надеждинская 43).
1900.

СОДЕРЖАНІЕ.

ОТДѢЛЪ ПЕРВЫЙ.

ОТДѢЛЪ ВТОРОЙ.

Годъ IX-й. № 10-й.

МІРЪ БОЖІЙ

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ

ЛИТЕРАТУРНЫЙ И НАУЧНО-ПОПУЛЯРНЫЙ ЖУРНАЛЪ

ДЛЯ

САМООБРАЗОВАНІЯ.

ОКТЯБРЬ

1900 г.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія И. Н. Скороходова (Надеждинская 43).
1900.

V.9
1900

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 27-го сентября 1900 года.

СОДЕРЖАНІЕ.

ОТДѢЛЪ ПЕРВЫЙ.

ОТДѢЛЪ ВТОРОЙ.

ОТДѢЛЪ ТРЕТІЙ.

МОРАЛЬНАЯ СИСТЕМА УТИЛИТАРИЗМА.

(Изложеніе и критика).

Проф. Г. Челпанова.

Статья первая.

Въ настоящей статьѣ я предполагаю разсмотрѣть основы одного наиболѣе распространеннаго этическаго ученія, именно такъ называемаго *утилитаризма*. Для многихъ утилитаризмъ кажется наиболѣе понятнымъ и наиболѣе правильнымъ выраженіемъ фактовъ нравственной жизни, но ближайшее разсмотрѣніе этого ученія, я надѣюсь, покажетъ, что оно именно совершенно не выдерживаетъ критики.

Прежде всего, что такое этика, какъ наука? На этотъ вопросъ мы должны дать отвѣтъ прежде, чѣмъ перейдемъ къ изложенію того, чему учитъ утилитаризмъ. Обыкновенно на вопросъ, что такое этика, отвѣчаютъ слѣдующимъ образомъ: «Этика есть наука, которая пытается дать отвѣтъ на вопросъ, въ чемъ состоитъ *цѣль* человѣческой жизни, что долженъ человѣкъ выполнить своею жизнью»? То, къ выполненію чего человѣкъ долженъ стремиться, называется *высшимъ благомъ*. Если моралистъ опредѣлитъ, въ чемъ состоитъ высшее благо, то онъ найдетъ въ немъ *критерій* для оцѣнки человѣческихъ дѣйствій. Именно, всѣ тѣ дѣйствія, которыя способствуютъ достиженію высшаго блага, онъ назоветъ *хорошими*, а тѣ дѣйствія, которыя мѣшаютъ достиженію высшаго блага, моралистъ назоветъ *дурными*.

Такимъ образомъ, высшее благо служитъ критеріемъ для оцѣнки человѣческой дѣятельности.

Чтобы это сдѣлалось понятнымъ, разсмотримъ, какіе вообще могутъ существовать критеріи нравственности.

Если бы мы спросили ветхозавѣтнаго еврея, въ чемъ заключается критерій нравственности, то онъ отвѣтилъ бы, что этотъ критерій содержится въ заповѣдяхъ Моисея, которыя выражаютъ собою волю Бога; всѣ тѣ дѣйствія, которыя согласуются съ требованіями, заключающимися въ этихъ заповѣдяхъ, хороши, въ противномъ случаѣ они дурны.

Моралистъ такъ называемой *интуитивной* школы отвѣтитъ иначе. Онъ скажетъ, что у человѣка есть нравственный инстинктъ, благодаря которому онъ можетъ безъ посредства какихъ бы то ни было разсужденій опредѣлить, что̀ хорошо и что̀ дурно.

Наконецъ, моралистъ *утилитарной* школы скажетъ, что конечная цѣль человѣческой жизни состоитъ въ достиженіи «наибольшаго счастія наибольшаго числа индивидуумовъ». Это и есть высшее благо. Все, что способствуетъ достиженію его, хорошо, все, что противодѣйствуетъ достиженію его, дурно. Достиженіе высшей суммы счастія есть высшее благо и, вмѣстѣ съ тѣмъ, критерій нравственности.

Задача моей статьи заключается въ томъ, чтобы показать, что именно этотъ послѣдній критерій нравственности совершенно не удовлетворителенъ.

Та моральная система, которую я предполагаю подвергнуть критическому разсмотрѣнію, называется обыкновенно *утилитаризмомъ*, отъ латинскаго слова utilitas, что значитъ «польза», но въ дѣйствительности было бы цѣлесообразнѣе называть ее *гедонизмомъ*, отъ греческаго слова hedone, что значитъ «удовольствіе», такъ какъ она считаетъ высшимъ благомъ удовольствіе или счастіе, но въ виду, того, что новѣйшія формы этого ученія, при томъ наиболѣе послѣдовательно проводившія этотъ принципъ, выступали именно подъ названіемъ утилитаризма, я тоже буду держаться этого названія.

Сдѣлаемъ краткій историческій очеркъ этого ученія и разсмотримъ прежде всего состояніе этого ученія въ древне-греческой философіи.

Основателемъ гедонизма считается греческій философъ *Аристиппъ* изъ Киренъ (435—360 г. до Р. Х.). Онъ считалъ удовольствіе высшимъ благомъ. Все, что приноситъ удовольствіе, хорошо, все, что приноситъ неудовольствіе или страданіе, дурно,—все остальное безразлично. Онъ не дѣлалъ различія между удовольствіями: для него удовольствія чисто тѣлесныя имѣли такую же цѣну, какъ и удовольствія духовныя. Такъ какъ удовольствіе тѣмъ выше, чѣмъ оно сильнѣе, то слѣдуетъ искать удовольствій, обладающихъ наибольшей силой, и не обращать вниманія на то, что̀ вызываетъ удовольствія, т.-е. не обращать вниманія на *содержаніе* удовольствій. Но какимъ образомъ Аристиппъ доказываетъ, что человѣкъ долженъ стремиться именно къ удовольствіямъ и что именно это и есть высшее благо? Главное доказательство этого положенія Аристиппъ видитъ въ томъ, что всѣ живыя существа съ неиспорченнымъ инстинктомъ стремятся именно къ удовольствію и избѣгаютъ страданія, а это обстоятельство̀ показываетъ, что стремленіе къ удовольствію представляетъ нѣчто естественное, нѣчто вполнѣ сообразное съ природой. Человѣкъ долженъ стремиться къ тому, что сообразно съ природой *).

---

*) *Ziegler* «Geschichte d. Ethik». Гл. I, стр. 146.

Анникеридъ (320—280 г.), ближайшій послѣдователь этой школы, подъ стремленіемъ къ удовольствію понималъ уже нѣчто болѣе высокое. Подъ удовольствіями онъ понималъ не только удовольствія тѣлесныя, но и удовольствія, проистекающія отъ дружбы, семейной жизни, любви къ родителямъ, къ отечеству и т. п.

Самымъ виднымъ представителемъ гедонизма въ древней философіи является *Эпикуръ* (341—270 г). Доказательство гедонизма онъ ищетъ въ томъ, въ чемъ искалъ его и Аристиппъ. Онъ также исходилъ изъ предположенія, что единственное безусловное благо есть то, къ чему стремятся всѣ живыя существа. Всѣ существа стремятся къ удовольствію, и поэтому все имѣетъ цѣну только лишь постольку, поскольку способствуетъ достиженію удовольствія. Даже познаніе и добродѣтель имѣютъ цѣнность лишь постольку, поскольку они способствуютъ достиженію удовольствій. Эпикуръ ставилъ духовныя наслажденія выше тѣлесныхъ, чувственныхъ. Цѣлью жизни онъ считалъ не только удовольствія, но также избѣжаніе страданій.

Но поищемъ въ исторіи этики такую систему гедонизма, которая наиболѣе послѣдовательно проводила бы тотъ принципъ, что удовольствіе есть высшее благо. Такую систему мы находимъ у англійскаго юриста *Бентама* (1748 — 1832 г.).

Я остановлюсь подробно на системѣ Бентама потому, что, на мой взглядъ, если говорить объ утилитаризмѣ вообще, то слѣдуетъ говорить только объ утилитаризмѣ такого рода, какой мы находимъ у Бентама. Только его система представляетъ послѣдовательное изложеніе этого принципа. Сущность его моральной системы можетъ быть выражена слѣдующей фразой: «Дайте мнѣ человѣческія чувства: радости и горести, удовольствія и страданія, и я создамъ моральный міръ. Я создамъ не только справедливость, но и благородство, патріотизмъ, филантропію, и всѣ возвышенныя добродѣтели въ ихъ чистотѣ и возвышенности» *). Т.-е., другими словами, въ нравственной жизни человѣка все зиждется на чувствахъ удовольствія и страданія.

Бентамъ разсказываетъ, что онъ долгое время искалъ такую моральную систему, къ которой могъ бы примкнуть. Когда ему случайно попалась въ руки книга Пристлея, онъ нашелъ въ ней формулу, написанную курсивомъ: «Наибольшее счастье возможно большаго числа людей». «При видѣ этой фразы,—говоритъ Бентамъ,—я воскликнулъ отъ радости: «Эврика!» (нашелъ), подобно тому, какъ это сдѣлалъ Архимедъ, когда онъ открылъ основной гидростатическій законъ» **).

Главный принципъ, который Бентамъ кладетъ въ основаніе своей моральной системы, есть стремленіе къ удовольствію. «Природа, говоритъ онъ,—поставила человѣка подъ владычество двухъ верховныхъ

---

*) Фраза эта принадлежитъ *Guyau*. «La Morale Anglaise contemporaine», стр. 5.

**) Тамъ же.

властителей: *удовольствія* и *страданія*. Мы имъ обязаны всѣми нашими идеями, мы къ нимъ относимъ всѣ наши сужденія, всѣ опредѣленія нашей жизни. Тотъ, кто не думаетъ подчиняться ихъ вліянію, не знаетъ того, что онъ говоритъ. Единственнымъ предметомъ человѣческихъ стремленій является удовольствіе и устраненіе страданій» *)...

Это положеніе Бентамъ, въ противоположность Эпикуру, не доказываетъ. Онъ его просто считаетъ очевиднымъ. Оно не нуждается, по его словамъ, въ доказательствѣ, да и не можетъ быть доказано, простого констатированія вполнѣ достаточно, чтобы всякій согласился съ нимъ.

Если признать, что достиженіе удовольствія есть единственная *цѣль* жизни, то оно должно быть также и ея единственнымъ критеріемъ. Другими словами, при оцѣнкѣ нашихъ дѣйствій мы должны принимать въ соображеніе только то, въ какой мѣрѣ именно эта цѣль достигается.

Тотъ принципъ, что при оцѣнкѣ дѣйствій мы должны принимать въ соображеніе, приносятъ ли они намъ удовольствіе или страданіе, онъ называетъ также *принципомъ пользы*. На первый взглядъ кажется, что у него не было никакого основанія называть свой основной принципъ принципомъ пользы, разъ онъ цѣлью жизни ставитъ удовольствіе. Кажется, что между удовольствіемъ и пользой нѣтъ никакой связи. На самомъ же дѣлѣ Бентамъ такую связь между ними находитъ. По его мнѣнію, идея пользы сама по себѣ есть идея безсодержательная. Она получаетъ смыслъ только въ томъ случаѣ, если мы скажемъ: «Полезно то, что доставляетъ такъ или иначе удовольствіе, не полезно то, что не приноситъ удовольствія», — тогда все представится въ правильномъ свѣтѣ. Полезна какая-либо вещь не потому, что благодаря ей достигается какая-нибудь цѣль, а потому, что благодаря достиженію этой цѣли получается удовольствіе. Вещь можетъ считаться полезной только въ томъ случаѣ, если она увеличиваетъ общую сумму удовольствія. Напр., столъ полезенъ не потому, что на немъ можно класть предметы, а потому, что онъ служитъ удовольствію того, кто кладетъ предметы **).

И такъ, подъ принципомъ полезности Бентамъ понимаетъ «принципъ, который одобряетъ или не одобряетъ то или другое дѣйствіе, смотря по тому, имѣетъ ли оно тенденцію увеличивать или уменьшать счастіе того лица, объ интересѣ котораго идетъ рѣчь, или, другими словами, содѣйствуетъ-ли оно его благополучію или противодѣйствуетъ» ***). Если такъ, то удовольствіе есть единственное благо; высшее благо есть удовольствіе или сумма удовольствій, доведенная до максимума.

*) «Oeuvres de Bentham». V. I. «Principes de Legislation», стр. 11.
**) Гюйо, ук. соч., стр. 7.
***) «Principes de Législation», стр. 11.

Здѣсь, собственно, выражается вся нравственная философія Бентама. Вы, можетъ быть, думаете, что такъ какъ Бентамъ здѣсь говоритъ только лишь о *личномъ* удовольствіи или счастіи, то, слѣдовательно, пока о нравственности въ собственномъ смыслѣ слова онъ ничего не говоритъ, потому что вѣдь нравственность есть *соціальное* понятіе. Вѣдь если бы Робинзонъ Крузое оставался на своемъ островѣ одинъ, то слово «нравственность» совсѣмъ не могло бы существовать на его языкѣ. Вопросъ о нравственности возникаетъ въ тотъ моментъ, когда мы въ нашихъ дѣйствіяхъ имѣемъ въ виду интересы другихъ. На самомъ же дѣлѣ, хотя Бентамъ въ данномъ мѣстѣ говоритъ только лишь объ увеличеніи личнаго счастія, но, какъ мы увидимъ дальше, это равносильно тому, какъ если бы онъ говорилъ объ общемъ счастіи.

Бентамъ предвидитъ рядъ возраженій, которыя ему будутъ приведены. Ему могутъ сказать, что при предположеніи, что цѣль жизни есть доведеніе общей суммы удовольствія до максимума, не могутъ быть объяснены такія понятія, какъ *добродѣтель*, моральная обязанность и т. д. Въ самомъ дѣлѣ, почему, если главная цѣль жизни есть удовольствіе, мы такъ высоко ставимъ добродѣтель, моральныя обязанности? Существуетъ ли какая-нибудь связь между ними и между удовольствіями? Вѣдь, по мнѣнію Бентама, добродѣтель только тогда и имѣетъ цѣнность, когда она такъ или иначе способствуетъ увеличенію счастія. Бентамъ на эти вопросы отвѣчаетъ слѣдующимъ образомъ. «Добродѣтель, — говоритъ онъ, — по представленію многихъ, есть какъ бы глава многочисленной семьи, членами которой являются добродѣтели. Она представляется воображенію въ видѣ матери, за которой слѣдуетъ многочисленное потомство. Но она, собственно, есть порожденіе разума, фиктивное существо, рожденное изъ несовершенства языка». Спросите кого-нибудь, почему такой-то актъ добродѣтеленъ, онъ вамъ отвѣтитъ, онъ таковъ потому, что я думаю, что онъ таковъ, и не будетъ въ состояніи привести болѣе основательныхъ доводовъ. Въ дѣйствительности добродѣтель тѣсно связана съ чувствомъ удовольствія и страданія. Что касается мнимой «нравственной обязанности», то это есть терминъ, неопредѣленный до тѣхъ поръ, пока идея *интереса*, *пользы* не придастъ ему опредѣленности. Объ обязанностяхъ безполезно и говорить. Самое это слово содержитъ въ себѣ нѣчто непріятное и отталкивающее. Когда моралистъ говоритъ объ обязанностяхъ, то каждый думаетъ о выгодѣ, пользѣ. Совсѣмъ безполезно говорить объ обязанностяхъ просто: выгода, польза связана съ обязанностью, съ долгомъ во всѣхъ случаяхъ жизни. Въ здравой морали долгъ никогда не можетъ заключаться въ чемъ-либо, не обусловленномъ интересами человѣка. Можно положительно утверждать, что если бы мы не доказали, что такое-то дѣйствіе находится въ интересахъ человѣка, то было бы напрасной потерей труда до-

казывать, что это дѣйствіе есть его долгъ. Слѣдовательно, долгъ безъ связи его съ идеей пользы или удовольствія никакого значенія не имѣетъ. Человѣкъ не можетъ дѣйствовать, руководствуясь какими-нибудь обязанностями. Въ дѣйствительности, «каждый человѣкъ дѣйствуетъ въ виду собственныхъ интересовъ. Конечно, это не значитъ, что онъ всегда понимаетъ, въ чемъ заключается на самомъ дѣлѣ его интересъ, но *каждый человѣкъ для себя и ближе, и дороже, чѣмъ кто-либо другой»* *).

Для того, чтобы предложенный принципъ достиженія наибольшей суммы счастія не оставался безплоднымъ, нужно показать, какимъ образомъ имъ можно воспользоваться, какимъ образомъ его можно осуществить на практикѣ. Мы только что видѣли, какимъ условіямъ должно удовлетворять какое-либо дѣйствіе, чтобы заслужить названіе хорошаго или нравственнаго. Это дѣйствіе должно стремиться къ достиженію наибольшей суммы счастья. Но спрашивается, какъ можно говорить о *наибольшей* суммѣ счастія? Развѣ мы умѣемъ *измѣрять* счастіе? Вѣдь разъ мы говоримъ, что счастіе можетъ быть наибольшимъ или наименьшимъ, то мы предполагаемъ, что оно есть *количество*, которое можетъ увеличиваться и уменьшаться, а слѣдовательно, оно должно подлежать измѣренію. На этотъ вопросъ Бентамъ отвѣчаетъ въ томъ смыслѣ, что удовольствіе и страданіе могутъ быть измѣряемы, что существуетъ особаго рода, такъ сказать, «нравственная ариѳметика», при помощи которой оказывается возможнымъ измѣрять удовольствія и страданія, и такимъ образомъ опредѣлять, какія удовольствія мы должны предпочитать. Нравственная ариѳметика основана на томъ, что количество удовольствій можетъ быть вычисляемо. Само собою разумѣется, что вычисленіе удовольствій и страданій возможно только въ томъ случаѣ, если они обладаютъ такими признаками, которые дѣлаютъ возможнымъ ихъ сравненіе. Какіе же это признаки? О всякомъ удовольствіи и страданіи можно сказать, что оно обладаетъ слѣдующими признаками: 1) *интенсивностью* (силой), 2) *продолжительностью*, 3) *вѣрностью*, 4) *близостью*. То-есть, другими словами, какъ бы ни были различны удовольствія и страданія во всѣхъ другихъ отношеніяхъ, всѣ они имѣютъ опредѣленную интенсивность и опредѣленную продолжительность, о нихъ можно сказать, что они болѣе или менѣе находятся въ нашей власти (это то, что Бентамъ называетъ вѣрностью), о нихъ можно сказать, что они болѣе или менѣе близки къ намъ, т.-е. болѣе или менѣе доступны для насъ. Но есть еще признаки удовольствій и страданій. Мы пока разсматривали удовольствія и страданія сами по себѣ, но они могутъ быть разсматриваемы и съ точки зрѣнія тѣхъ *послѣдствій,* которыя они за собою влекутъ. Если извѣстное удовольствіе

*) «Déontologie». Гл. I.

стремится производить удовольствіе того же рода, то это удовольствіе Бентамъ называетъ *плодотворнымъ*. Если извѣстное удовольствіе стремится производить страданіе, то это удовольствіе будетъ *нечистымъ*. Вотъ еще два новыхъ признака, которые, по его словамъ, мы должны принять въ соображеніе: *плодотворность* и *чистота*. Но примемъ въ соображеніе наличность другихъ индивидуумовъ, и у насъ окажется еще одинъ признакъ. Если мы можемъ сказать о какомъ-либо удовольствіи, что имъ одновременно могутъ пользоваться многіе, то этотъ признакъ мы назовемъ *распространенностью* удовольствія, или его *объемомъ* *).

И такъ, всѣ удовольствія, какого бы они ни были происхожденія, будутъ ли это высшія, духовныя или низшія, чувственныя, имѣютъ семь свойствъ.

Бентамъ придавалъ весьма важное значеніе возможности сравненія удовольствій и страданій при помощи указанныхъ признаковъ. Казалось, каждый разъ передъ совершеніемъ того или другого дѣйствія нужно обсудить его съ семи указанныхъ точекъ зрѣнія. Поэтому, для большей легкости запоминанія свойствъ удовольствій и страданій, было придумано мнемоническое стихотвореніе, которое я и привожу въ переводѣ.

Сила, *продолжительность*, *вѣрность, близость*, *плодотворность*, *чистота*,
Эти признаки присущи *удовольствіямъ и страданіямъ*.
Такихъ удовольствій ты ищи, если преслѣдуешь *личную* цѣль,
Если *общественную*, то придай имъ возможно большій *объемъ*,
Страданій же съ этими свойствами ты избѣгай;
Если *страданія должны* наступить, то придай имъ возможно меньшій *объемъ*.

Имѣя эти данныя, легко опредѣлить свойство какого-либо дѣйствія по сравненію съ свойствомъ какого-либо другого дѣйствія.

Съ точки зрѣнія Бентама, было бы совершенной нелѣпостью доказывать, что какое-либо дѣйствіе содержитъ *внутренніе* признаки, показывающіе, что оно должно быть отвергнуто или признано. Для Бентама такихъ соображеній не существуетъ. По его мнѣнію, чтобы оцѣнить какое-либо дѣйствіе, нужно, подобно купцу, составить балансъ удовольствій и страданій, т.-е. вычислить, какое количество удовольствія можетъ получиться отъ даннаго дѣйствія въ сравненіи съ количествомъ страданій, и если количество удовольствій превыситъ, то дѣйствіе можно назвать хорошимъ, въ противномъ случаѣ—дурнымъ.

Взгляды Бентама лучше всего уясняются, если взять тотъ же примѣръ, который онъ въ этомъ случаѣ приводитъ. Положимъ, что мы должны опредѣлить этическую цѣну такого дѣйствія, какъ пьянство. Какъ это мы можемъ сдѣлать? Мы должны опредѣлить то количество удовольствій, которое это дѣйствіе можетъ съ собою принести въ сравненіи съ количествомъ страданій. Съ точки зрѣнія Бентама,

*) «Principes de Legislation». Гл. VIII.

нѣтъ возможности доказать, что пьянство есть *само по себѣ* дѣйствіе постыдное, унижающее, дурное. По его мнѣнію, доказать, что это дѣйствіе дурное, можно только въ томъ случаѣ, если можно математически показать, что въ немъ количество страданій превосходитъ удовольствіе. Именно, принявъ въ соображеніе вышеприведенныя свойства удовольствій и страданій, можно произвести вычисленіе, которое покажетъ, что пьянство является дѣйствіемъ невыгоднымъ. Вотъ это вычисленіе. Удовольствіе отъ опьяненія, съ точки зрѣнія *интенсивности, близости и вѣрности*, не оставляетъ желать ничего большаго. Съ первыхъ четырехъ точекъ зрѣнія, пьянство есть дѣйствіе выгодное. Это то, что Бентамъ называетъ въ моральномъ бюджетѣ столбцомъ *прибыли*. Но посмотримъ столбецъ *потери*: прежде всего продолжительность удовольствія отъ пьянства очень незначительна, далѣе никакой плодотворности и затѣмъ крайняя нечистота удовольствія. Въ самомъ дѣлѣ, «удовольствіе отъ пьянства влечетъ за собою, во-1-хъ, непріятное состояніе духа и вредныя послѣдствія для здоровья, во-2-хъ, страданія, которыя могутъ наступить, какъ вѣроятный результатъ болѣзни и ослабленія организма, въ-3-хъ, потеря времени и денегъ пропорціональная цѣнности этихъ двухъ вещей, въ-4-хъ страданіе, производимое въ душѣ тѣхъ, которыя для васъ дороги, напр., матери, жены, ребенка, въ-5-хъ, недовѣріе къ лицу, одержимому порокомъ пьянства, въ-6-хъ, рискъ наказанія (напр., за буйство въ состояніи пьянства) и стыдъ, сопровождающій его, въ-7-хъ, рискъ наказанія, связанный съ преступленіемъ, которое человѣкъ пьяный способенъ совершить, въ 8-хъ, мученія при мысли о страданіяхъ, ожидаемыхъ въ загробной жизни». Изъ этого разсчета слѣдуетъ заключить, что математически пьянство есть невыгодное дѣйствіе въ томъ смыслѣ, что количество страданій, вызываемыхъ пьянствомъ, слишкомъ велико въ сравненіи съ количествомъ удовольствій, столбецъ возможныхъ потерь значительно превышаетъ столбецъ возможныхъ выгодъ. Поэтому, говоря коммерческимъ языкомъ, пьянство есть разорительное предпріятіе *).

Такимъ образомъ найдена возможность опредѣлять свойства дѣйствій. Нравственность дѣлается ариѳметическимъ дѣйствіемъ. Конечно, по мнѣнію Бентама, этотъ процессъ вычисленія не можетъ быть вполнѣ точно совершаемъ передъ каждымъ дѣйствіемъ, но его всегда слѣдуетъ имѣть въ виду, и чѣмъ больше мы имъ пользуемся, тѣмъ болѣе точнымъ будетъ наше этическое сужденіе.

Но вотъ какой пунктъ въ этомъ вычисленіи представляетъ для насъ особенную важность. Такъ какъ, по мнѣнію Бентама, въ удовольствіи принимается во вниманіе только его *количество*, то выходитъ, что «игра въ бирюльки такъ же хороша, какъ и поэзія, если только количество удовольствія въ одномъ и другомъ случаѣ равно».

---

*) «Déontologie». Гл. XI. Guyau. 30—31.

До сихъ поръ мы разсматривали дѣйствія, относящіяся къ личнымъ интересамъ каждаго, но въ этихъ дѣйствіяхъ, какъ я выше сказалъ, еще нѣтъ этическаго признака. Этотъ послѣдній является лишь въ тотъ моментъ, когда индивидуумъ совершаетъ дѣйствія, принимая въ соображеніе интересы другихъ. Если, какъ думаетъ Бентамъ, каждый ищетъ свой интересъ, если каждый человѣкъ эгоистъ, то какъ онъ объяснитъ явленія благожелательности, т.-е. дѣйствія въ интересахъ другихъ? Какъ онъ объяснитъ фактически существующія благожелательныя дѣйствія?

Объяснить дѣйствія въ интересахъ другого, съ точки зрѣнія Бентама, въ высшей степени трудно. Въ этомъ случаѣ можетъ возникнуть вопросъ о пожертвованіи личнымъ интересомъ. Какъ въ этомъ случаѣ человѣкъ долженъ поступить? Отвѣтить на этотъ вопросъ Бентаму трудно потому, что онъ, какъ мы видѣли, говоритъ, что человѣкъ по природѣ своей эгоистъ. Если онъ эгоистъ, то онъ и долженъ дѣйствовать въ виду своихъ интересовъ. Не взирая на это, Бентамъ находитъ, что человѣкъ можетъ поступиться своими интересами, если только къ этому его можетъ привести разсчетъ, о которомъ было сказано выше. Человѣкъ можетъ дѣйствовать въ интересахъ другихъ, потому что это можетъ способствовать увеличенію его собственнаго счастія.

Человѣкъ, конечно, эгоистъ. Но если онъ будетъ сообразоваться только лишь съ эгоистическими побужденіями въ собственномъ смыслѣ, то его счастіе не можетъ достигнуть должной полноты, потому что не достаетъ одного очень важнаго источника удовольствій, именно удовольствій, получающихъ начало въ *симпатическихъ* чувствахъ. Чтобы открыть для себя этотъ источникъ, мнѣ нужно совершать благожелательныя дѣйствія съ пожертвованіемъ личныхъ интересовъ. Я совершаю благожелательное дѣйствіе по отношенію къ моему ближнему, это у него вызываетъ чувство радости; созерцая эту радость, я получаю удовольствіе. Такимъ образомъ, хотя на первый взглядъ кажется, что я жертвую своими интересами, въ дѣйствительности же изъ такого рода дѣйствій проистекаетъ несомнѣнная выгода.

«Соціальная добродѣтель,—говоритъ Бентамъ,—есть жертва, которую человѣкъ приноситъ изъ-за собственнаго удовольствія, чтобы получить, служа интересамъ другого, бо́льшую сумму удовольствія для самого себя *). Я увеличиваю счастіе другого, но, созерцая это счастье, я и самъ испытываю его, а слѣдовательно увеличиваю и собственное счастіе. Отсюда ясно слѣдуетъ, что я могу, стремясь увеличить свое собственное счастіе, увеличивать счастіе другихъ существъ; служа моимъ интересамъ, я могу служить общему счастію, и наоборотъ, всякій разъ, какъ я увеличиваю общее счастье, я увеличиваю свое соб-

*) Déontologie. I.

ственное счастіе. Между моимъ счастіемъ и счастіемъ другихъ существъ есть гармоническая связь.

Такимъ образомъ изъ исходной точки «мое счастье» можно легко придти къ формулѣ: «наибольшее счастіе наибольшаго числа людей» *).

А если случится, что благожелательное дѣйствіе лишаетъ насъ бо́льшаго, чѣмъ даетъ, какъ тогда поступить? Воздержаться отъ такого дѣйствія или совершать его? Бентамъ думаетъ, что дѣйствіе такого рода есть неблагоразуміе, расточеніе счастія. Для того, чтобы существовала добродѣтель, т.-е. выгода, нужно, чтобы существовало *равенство между удовольствіемъ жертвуемымъ и удовольствіемъ получаемымъ*. Нужно, чтобы я передалъ другому все удовольствіе, которое я теряю; только тогда всеобщее счастіе, т.-е. сумма счастія, принадлежащая всѣмъ людямъ, ничего не теряетъ; если же такого равенства не существуетъ, то дѣйствіе должно быть отвергнуто; совершенное самопожертвованіе не только не есть добродѣтель, а, напротивъ, есть порокъ. Бентамъ отвергаетъ самопожертвованіе такъ же, какъ экономистъ отвергаетъ непроизводительную трату. Рѣшительное самопожертвованіе граничитъ съ преступленіемъ, человѣкъ безкорыстный и преступный соприкасаются близко другъ съ другомъ, единственная разница заключается въ томъ, что преступникъ жертвуетъ чужими интересами, а человѣкъ безкорыстный — наоборотъ **). Авраамъ и Іеффай должны больше нравиться сторонникамъ утилитаризма, чѣмъ Децій и Курцій. Если бы самопожертвованіе сдѣлалось очень частымъ, то это угрожало бы опасностью для соціальной жизни.

Такимъ образомъ, теорія Бентама можетъ быть названа *урегулированнымъ эгоизмомъ*. По его мнѣнію, «для діэты можетъ служить лишь чувство *эгоизма*, хотя для дессерта благожелательныя чувства могутъ служить хорошей прибавкой», т.-е. въ своей дѣятельности человѣкъ долженъ руководствоваться, главнымъ образомъ, эгоистическими чувствами, но въ исключительныхъ случаяхъ могутъ быть предпринимаемы благожелательныя дѣйствія, но они суть только прибавки.

Хотя Бентамъ и указывалъ на существованіе гармоніи между личными интересами и интересами общими ***), однако, онъ очень далекъ отъ смѣшенія личнаго интереса и интереса общаго. «Маленькія жертвы, чтобы поддержать симпатію, и симпатія, чтобы спасти эгоизмъ— вотъ весь Бентамъ», — справедливо замѣчаетъ Гюйо. Благожелательность есть нечто иное, какъ посѣвъ въ разсчетѣ на жатву. Человѣкъ,

---

*) Guyau, ук., соч. 22—23.

**) Гюйо, ib. 15.

***) Такъ, напримѣръ, онъ говоритъ: «Въ дѣйствительной человѣческой жизни, эмпирически намъ извѣстной, поведеніе, которое приводитъ къ всеобщему счастію, всегда совпадаетъ съ тѣмъ поведеніемъ, которое приводитъ къ счастію дѣйствующаго лица.»

по Бентаму, совершаетъ дѣйствіе такъ, какъ если-бы кто-либо бросалъ мячъ въ опредѣленную цѣль; этотъ послѣдній можетъ попасть въ цѣль, но можетъ и не попасть, такъ и человѣкъ можетъ правильно разсчитать, можетъ сдѣлать ошибку въ разсчетѣ. Дурное дѣйствіе всегда является результатомъ неправильнаго разсчета. Порокъ долженъ быть опредѣленъ именно какъ неправильно разсчитанный шагъ. Если конечный результатъ хорошо разсчитанъ, то это—нравственно хорошее дѣйствіе, если разсчетъ совершенъ плохо, то—безнравственное.

Такимъ образомъ, по Бентаму, человѣкъ по природѣ своей эгоистъ, а изъ правильнаго разсчета онъ можетъ сдѣлаться благожелательнымъ, добродѣтельнымъ, пріобрѣсти то, что мы называемъ соціальной добродѣтелью.

Ближайшимъ послѣдователемъ Бентама и продолжателемъ его идей былъ другой англійскій мыслитель *Д. С. Милль* (1806—1873 г.), который именно впервые сталъ употреблять терминъ *утилитаризмъ* *). Когда онъ впервые основательно ознакомился съ сочиненіемъ Бентама, то съ нимъ, по его собственному признанію, произошелъ полный переворотъ. «Когда я прочелъ послѣдній томъ его «Traité de législation», я сдѣлался другимъ человѣкомъ. Принципъ пользы, какъ его понималъ Бентамъ, образовалъ теперь краеугольный камень, который сталъ сдерживать отрывочныя части моей вѣры и знанія и придалъ моимъ представленіямъ внутреннее единство; съ этой минуты я имѣлъ убѣжденія, вѣру, теорію, философію и религію, проповѣдь и распространеніе которыхъ могли быть сдѣланы главной задачей цѣлой жизни». Вообще о Миллѣ слѣдуетъ сказать, что это былъ замѣчательно искренній мыслитель. Всякую мысль онъ додумывалъ до конца и часто доводилъ ее до того пункта, когда она становилась въ разрѣзъ съ теоріями, которыя онъ защищалъ. Онъ сдѣлалъ попытку исправить недостатки утилитаризма, но его исправленія были таковы, что неудовлетворительность этой теоріи стала еще больше бросаться въ глаза.

Милль опредѣляетъ утилитаризмъ, какъ ученіе, признающее основой нравственности полезность или принципъ наибольшаго счастія (Greatest Happiness Principle). Отношеніе между счастіемъ (удовольствіемъ) и пользой Милль изображаетъ слѣдующимъ образомъ. «Всѣ сторонники полезности подъ этой послѣдней понимали не что-нибудь противоположное удовольствію, но именно само удовольствіе, включая сюда и устраненіе страданія; вмѣсто того, чтобы противополагать полезное пріятному, постоянно утверждали, что полезное означаетъ и это послѣднее между прочими вещами».

Утилитаризмъ утверждаетъ, что «дѣйствія хороши, если они способствуютъ счастію, дурны, если они производятъ противоположное счастію».

---

*) Терминъ «утилитаризмъ» собственно былъ раньше извѣстенъ Бентаму, но онъ его не употреблялъ. «Déontologie», 362.

Подъ счастіемъ понимается удовольствіе и отсутствіе страданія, подъ несчастіемъ (unhapiness) нужно понимать страданіе и лишеніе удовольствія. По этому ученію, только удовольствія и отсутствіе страданія суть единственныя вещи, которыя желательны сами по себѣ, какъ цѣль, всѣ прочія желательны или вслѣдствіе удовольствія, присущаго имъ самимъ, или вслѣдствіе того, что они составляютъ средство для полученія удовольствія и устраненія страданія *).

Милль отвѣчаетъ на возраженія, которыя дѣлались противъ утилитаризма. Нѣкоторыя говорили: «утверждать, что жизнь не имѣетъ болѣе высокой цѣли, чѣмъ удовольствія, значитъ обнаруживать пошлый и низменный образъ мыслей. Такая доктрина, по ихъ мнѣнію, достойна развѣ только свиней, съ которыми въ древности обыкновенно сравнивали эпикурейцевъ. На такое сравненіе эпикурейцы обыкновенно отвѣчали, что не они, а ихъ противники унижаютъ человѣческую природу, потому что считаютъ человѣка не способнымъ имѣть какія-либо другія удовольствія, кромѣ тѣхъ, которыя способны имѣть только свиньи». Сравненіе эпикурейскаго идеала жизни съ жизнью животнаго только потому и кажется унизительнымъ, что удовольствія животнаго не соотвѣтствуютъ представленію человѣка объ удовольствіи или счастіи. Люди имѣютъ потребности болѣе возвышенныя, чѣмъ просто чувственныя влеченія. Чтобы отвѣтить на это возраженіе противниковъ утилитаризма, слѣдуетъ только признать, что при разсмотрѣніи удовольствій нельзя ограничиваться одной оцѣнкой только интенсивности удовольствій, *количества* удовольствій, какъ это предлагалъ дѣлать Бентамъ, но слѣдуетъ принимать въ соображеніе также и *качество* удовольствія. Тогда это возраженіе утратитъ всякую силу».

«Я не вижу,—говоритъ Милль,—никакого противорѣчія съ принципомъ утилитаризма въ томъ, чтобы признать, что извѣстные виды удовольствія болѣе желательны и имѣютъ бо́льшую цѣну, чѣмъ удовольствія другого рода, и, напротивъ, по моему мнѣнію, было бы совершенною нелѣпостью утверждать, что удовольствія находятся въ зависимости отъ ихъ *количества*, тогда какъ при оцѣнкѣ всѣхъ другихъ вещей мы принимаемъ во вниманіе какъ количество, такъ и *качество*». Что дѣйствительно мы оцѣниваемъ удовольствія съ точки зрѣнія качества, показываетъ то обстоятельство, что едва ли много найдется такихъ людей, которые, если бы имъ обѣщали, что они вполнѣ испытаютъ наслажденія животнаго, согласились бы промѣнять свою человѣческую жизнь на жизнь какого либо животнаго. Умный человѣкъ не согласится превратиться въ глупца, образованный въ невѣжду, совѣстливый не пожелаетъ превратиться въ мошенника, хотя бы они и были убѣждены, что глупецъ, невѣжда и мошенникъ гораздо болѣе ихъ довольны своей судьбой.

---

*) Цитирую по его «Utilitarianism» въ изд. Douglas'a, «The Ethics of John Stewart Mille». 1897.

Конечно, чѣмъ ниже организація какого-либо существа, тѣмъ легче оно можетъ быть удовлетворено; чѣмъ выше духовное развитіе, чѣмъ разнообразнѣе потребности, тѣмъ труднѣе для даннаго существа найти для себя удовлетвореніе, но, тѣмъ не менѣе, существо съ высшей организаціей никогда не позавидуетъ существу съ низшей организаціей и не пожелаетъ сдѣлаться таковымъ, хотя бы отъ этого могло воспослѣдовать полное удовлетвореніе потребностей. Свою не вполнѣ удовлетворенную жизнь онъ ставитъ выше удовлетворенной жизни низшаго свойства, потому что онъ принимаетъ въ соображеніе *качество* наслажденій. Вотъ почему Милль могъ сказать: «лучше быть неудовлетвореннымъ человѣкомъ, чѣмъ довольной свиньей, неудовлетвореннымъ Сократомъ, чѣмъ довольнымъ глупцомъ». Это значитъ, другими словами, лучше совсѣмъ не имѣть никакихъ удовольствій, чѣмъ имѣть удовольствія низменнаго свойства.

Если мы сравнимъ Милля съ Бентамомъ, то увидимъ между ними громадное различіе. Милль, вопреки Бентаму, вводитъ понятіе *качества* удовольствія, которое находится въ зависимости отъ причинъ, производящихъ удовольствіе, т.-е. то, чего Бентамъ никогда признать не могъ, разъ онъ утверждалъ, что «игра въ бирюльки такъ же хороша, какъ и поэзія, если только въ одномъ и въ другомъ случаѣ *количество* удовольствія равно».

На возраженіе противниковъ утилитаризма, которые говорили, что люди могутъ жить безъ счастія, что люди способны *жертвовать* своимъ счастіемъ, Милль замѣчаетъ, что утилитаризмъ также признаетъ способность жертвовать своимъ личнымъ счастіемъ для счастія другихъ, утилитаризмъ отрицаетъ только, чтобы это самопожертвованіе могло бы быть благомъ само по себѣ. Утилитаризмъ утверждаетъ, что безплодна та жертва, которая не увеличиваетъ общей суммы счастія. Онъ одобряетъ только то самоотверженіе, которое имѣетъ въ виду счастіе другихъ, счастіе всего человѣчества или отдѣльныхъ индивидуумовъ, и это послѣднее, разумѣется, въ предѣлахъ интересовъ человѣчества. «Противники утилитаризма,—говоритъ Милль,—рѣдко бываютъ настолько справедливы, чтобы признавать, что счастіе, составляющее утилитарный критерій нравственности, *не есть собственное счастіе дѣйствующаго лица, но счастіе, обнимающее всѣхъ*. Въ золотомъ правилѣ Іисуса Назоретскаго мы находимъ цѣликомъ духъ утилитарной этики: поступать такъ, какъ каждый желаетъ, чтобы съ нимъ поступали, или любить ближняго своего, какъ самого себя. Это же составляетъ идеалъ совершенства утилитарной морали».

Милль энергично протестовалъ противъ тѣхъ, которые толковали утилитарный критерій въ смыслѣ эгоистическомъ. Критерій утилитарной морали не есть наибольшее счастіе дѣйствующаго лица, но *наибольшая сумма общаго счастія*; то счастіе, которое онъ признаетъ руководящимъ принципомъ человѣческихъ поступковъ, не есть личное

эгоистическое счастіе, а *счастіе всѣхъ*; онъ требуетъ отъ человѣка въ отношеніи съ своему личному счастію и къ счастію другихъ строгаго безпристрастія, на какое можетъ быть способенъ посторонній, вполнѣ безпристрастный зритель. Легко видѣть, что и въ этомъ пунктѣ Милль отличается отъ Бентама.

Противники утилитаризма утверждали, что человѣкъ имѣетъ и другія цѣли, кромѣ счастія, и слѣдовательно *счастіе не есть единственное мѣрило добра и зла*. Есть еще и добродѣтели, къ которымъ человѣкъ можетъ стремиться какъ къ чему-то такому, что желательно *само по себѣ*, къ чему человѣкъ стремится совершенно безкорыстно, безъ какихъ-либо надеждъ получить удовольствіе или достигнуть счастія.

По мнѣнію Милля, утилитаризмъ не отрицаетъ, что добродѣтель можетъ быть желаема совершенно безкорыстно, ради самой себя, безъ какой бы то ни было надежды на счастіе. Но въ дѣйствительности это иллюзія, объясняющаяся случайными причинами. На самомъ дѣлѣ между добродѣтелью и счастіемъ есть связь, которая случайно утрачена. Первоначально человѣкъ стремился къ добродѣтели, потому что надѣялся благодаря ей достигнуть счастія. Теперь человѣкъ стремится къ ней безъ такихъ надеждъ. Но мы это легко можемъ объяснить, если вспомнимъ, что мы вѣдь и къ деньгамъ тоже стремимся, повидимому, совершенно безкорыстно, ради нихъ самихъ, между тѣмъ какъ несомнѣнно, что къ нимъ мы прежде стремились ради полученія какого-либо удовольствія. Деньги сами по себѣ не болѣе желательны, чѣмъ какіе-либо блестящіе камешки. Главное ихъ достоинство въ нашихъ глазахъ состоитъ въ томъ, что на нихъ можно купить другія вещи, и слѣдовательно, если онѣ составляютъ для насъ предметъ желанія, то не сами по себѣ, а какъ *средство* имѣть желаемое. Но отчего человѣкъ стремится къ деньгамъ самимъ по себѣ? Это объясняется слѣдующими психологическими причинами. Мы первоначально стремились къ нимъ, какъ къ средству для достиженія удовольствія, а такъ какъ наши желанія направляются непосредственно на деньги, а не на тѣ удовольствія, которыя благодаря имъ получаются, то мы какъ будто забываемъ, къ чему собственно мы должны были стремиться, и такъ какъ это повторялось очень много разъ, то кончилось тѣмъ, что мы теперь стремимся къ деньгамъ самимъ по себѣ. Нашей первоначальной *цѣлью* было удовольствіе, а деньги *средствомъ*. Благодаря продолжительной привычкѣ *средство сдѣлалось цѣлью*. Точно такимъ же образомъ обстоитъ дѣло и съ добродѣтелью. Она первоначально была желательна какъ средство для достиженія счастья, но потомъ въ силу того, что средство можетъ превратиться въ цѣль, какъ въ вышеприведенномъ примѣрѣ съ деньгами, она становится желательной сама по себѣ. Но само собою разумѣется, что человѣкъ не имѣетъ ни малѣйшаго желанія быть добродѣтельнымъ ради того только, чтобы быть добродѣтельнымъ, добродѣтели онъ желаетъ только потому, что она сама составляетъ средство для достиженія счастія.

Такимъ образомъ то обстоятельство, что мы теперь можемъ стремиться къ добродѣтели самой по себѣ, не доказываетъ, что мы можемъ *вообще* желать ее безкорыстно; напротивъ, мы первоначально стремились къ ней только потому, что благодаря ей мы могли достигнуть счастія; вслѣдствіе же продолжительной привычки средство превратилось въ цѣль.

Самый трудный вопросъ этики состоитъ въ томъ, чтобы показать, что человѣкъ *долженъ* стремиться не только къ личному счастію, или удовольствію, но и къ счастью другихъ. Мы видѣли, что, по Бентаму, человѣкъ долженъ стремиться къ счастію другихъ потому, что это можетъ способствовать увеличенію собственнаго счастія. Милль становится на совсѣмъ иную точку зрѣнія. Для доказательства перехода отъ личнаго интереса къ общему, Милль приводитъ одно *психологическое* соображеніе, уже совсѣмъ не совмѣстимое съ исходнымъ положеніемъ утилитаризма; именно онъ признаетъ чувство единства съ себѣ подобными. Въ человѣческой природѣ, по мнѣнію Милля, существуетъ могущественное естественное чувство, которое можетъ служить прочной основой для морали утилитаризма; эта прочная основа есть чувство общительности, присущее человѣчеству—желаніе единенія съ нашими ближними, которое теперь уже является могущественнымъ принципомъ въ человѣческой природѣ и принадлежитъ къ числу тѣхъ свойствъ человѣка, которыя съ ростомъ цивилизаціи постоянно возрастаютъ въ своей силѣ. По мѣрѣ того, какъ общество растетъ и общественныя узы крѣпнутъ, индивидуальныя стремленія все болѣе и болѣе отождествляются съ общимъ благомъ; человѣкъ, такъ сказать, инстинктивно приходитъ мало-по-малу къ тому, что начинаетъ сознавать себя существомъ, которое по самой природѣ своей необходимо должно принимать участіе въ интересахъ себѣ подобныхъ, и это стремленіе къ общему благу становится, наконецъ, для человѣка столь же необходимымъ и естественнымъ условіемъ его существованія, какъ и физическія условія существованія. Съ каждымъ шагомъ на пути прогресса постоянно усиливаются тѣ вліянія, которыя по самой природѣ своей стремятся возбудить въ каждомъ индивидуумѣ чувство *единенія* съ другими людьми, и чувство это можетъ развиться до такого совершенства, что для человѣка сдѣлается невозможнымъ не только желаніе, но даже и самая мысль о такомъ личномъ благѣ, которое въ то же время не было бы благомъ всѣхъ. Въ большей части индивидуумовъ это чувство теперь значительно слабѣе ихъ эгоистическихъ стремленій, и часто даже совершенно въ нихъ отсутствуетъ, но въ тѣхъ, у кого оно есть, оно имѣетъ совершенно характеръ естественнаго чувства. Только тѣ немногіе люди, у которыхъ нѣтъ никакого нравственнаго чувства, могутъ оставаться совершенно чуждыми общему благу и не принимать въ достиженіи его никакого участія, если этого не требуетъ ихъ личный интересъ.

Если мы въ этомъ пунктѣ сравнимъ Милля съ Бентамомъ, то увидимъ огромную разницу между ними, происходящую вслѣдствіе признанія Миллемъ чувства общественности, которое въ корнѣ подрываетъ Бентамовское признаніе эгоизма исходной точкой морали. По Бентаму, человѣкъ разсчитываетъ, долженъ ли онъ содѣйствовать благу другихъ или же нѣтъ, по Миллю, онъ обладаетъ такими чувствами, которыя необходимо побуждаютъ его содѣйствовать общему благу.

По Бентаму, человѣкъ долженъ разсчитать, выгодно ли для него въ томъ или другомъ случаѣ совершить то или другое благожелательное дѣйствіе. Если по обсужденіи окажется, что дѣйствіе это не таково, то отъ него нужно отказаться. Въ дѣйствія человѣка входитъ извѣстный *разсчетъ*. Совсѣмъ не то у Милля. Здѣсь разсчету не придается значенія, а у человѣка есть *чувство солидарности*, возникающее вслѣдствіе совмѣстной соціальной жизни, которое и производитъ то, что онъ совершаетъ благожелательныя дѣйствія *).

Но несмотря на это различіе въ объясненіи благожелательныхъ дѣйствій, по существу система Бентама и Милля тождественны. Одинъ и другой считаютъ, что человѣкъ долженъ стремиться къ увеличенію общей суммы счастья, что это послѣднее только и можетъ служить критеріемъ для оцѣнки человѣческихъ дѣйствій **).

Въ слѣдующей статьѣ мы увидимъ, что утвержденіе, по которому удовольствіе или счастіе есть конечный критерій человѣческихъ дѣйствій, ни съ какой точки зрѣнія защищаемо быть не можетъ.

(*Окончаніе слѣдуетъ*).

---

*) Другое доказательство Милля будетъ приведено во второй статьѣ.

**) Здѣсь я ограничиваюсь разсмотрѣніемъ ученія этихъ двухъ наиболѣе типичныхъ представителей утилитаризма. Хотя обыкновенно и Герберта Спенсера относятъ къ числу утилитаристовъ, но, на мой взглядъ, его ученіе настолько отличается отъ ходячаго утилитаризма, что должно быть отнесено къ другому направленію.

НА ОЛИМПѢ.

(Легенда. Изъ Генрика Сенкевича).

Тихо раскинулась ночь серебристая,
Въ воздухѣ рѣетъ дыханье цвѣтовъ,
Свѣтитъ луна надъ Олимпомъ лучистая,
Сказочно блещетъ вершина снѣговъ...
Ниже глядятъ надъ Темпейской долиною
Чащи терновника мрачной толпой...
Клонитъ ихъ до земли тяжкой кручиною,
Клонитъ и шумнымъ весельемъ порой...
Носится шопотъ въ ихъ чащѣ таинственной,
Вздохи любви, и томленья, и грезъ...
Словно задумался лѣсъ густолиственный,
Словно заплакали кущи изъ розъ...
Звуки ли стонутъ свирѣли тоскующей,
Звонко ли шепчетъ гремучій ручей,
Мчится ли бурно потокъ негодующій,
Вѣетъ ли сномъ отъ уснувшихъ полей...
Вкругъ тишина... и безмолвна, торжественна,
Синяя ночь надъ землею царитъ...
Кажется, кто то великій, божественный
Съ тихою грустью въ эѳирѣ паритъ...

* * *

Въ эту-то ночь ароматную, чудную,
Горной тропою апостолы шли—
Павелъ и Петръ. Они миссію трудную—
Судъ надъ богами Олимпа несли...
Бѣлые вѣнчики ярко свѣтилися
Надъ головами сѣдыми святыхъ...
Робко забытые боги толпилися,
Трепетно ждали рѣшенія мигъ...

* * *

Знаку Петра повинуяся властному,
Всталъ Громовержецъ на судъ роковой,
Вѣрный преданію, вѣку ужасному,
Гордый могучею славой былой...
Грозный гигантъ, но понурый, дряхлѣющій...
Ржавыя молніи—прежнихъ даровъ

Символъ убогій—рукой цѣпенѣющей
Крѣпко сжималъ повелитель боговъ.
Знакъ отживающій власти низверженной—
Старый за нимъ волочился орелъ...
Гордо предсталъ Громовержецъ отверженный,
Грозныя очи на старца возвелъ,
Полныя гнѣва, надменныя, властныя,
Мрачно сверкая величьемъ былымъ...
Вспомнились дни властелину подвластные...
Дрогнулъ Олимпъ предъ владыкой своимъ,
Въ страхѣ деревья вокругъ зашаталися,
Вѣтеръ, вздохнувъ, застоналъ, зашумѣлъ,
Молніи, грозно блестя, извивалися,
Славой предсмертною Зевсъ прогремѣлъ...
Мѣсяцъ, плывя надъ вершиною снѣжною,
Сталъ полотна Арахнеи бѣлѣй,
Пѣснь соловья оборвалася нѣжная...
Ночь становилась чернѣй и чернѣй...
Старый орелъ, какъ бы съ міромъ прощаяся,
Вдругъ заклехталъ и забился у ногъ...
Вспыхнули молніи, вкругъ извиваяся,
Словно то былъ умирающій вздохъ...
Грозно вздымались челомъ онѣ пламеннымъ,
Съ скрежетомъ, съ свистомъ, бросаясь, какъ змѣй...
Петръ придавилъ ихъ ногою своей...
Смолкъ повелитель, затихъ, словно каменнымъ
Сталъ изваяніемъ Фидія... „Проклятъ будь!"
Приговоръ строгій апостолъ изрекъ,—
„Сгинь!" И Олимпа разверзлася грудь...
Зевсъ помертвѣлъ и, величья далекъ,
Въ страхѣ устами шепча потемнѣвшими,
Въ нѣдрахъ навѣки сокрылся земныхъ.

* * *

Вышелъ съ очами, какъ ночь почернѣвшими,
Бывшій властитель въ пучинахъ морскихъ.
Всталъ онъ съ трезубцемъ въ рукахъ иступившимся,
Кудри сѣдыя, какъ гнѣвной волной,
Лобъ обрамляли вѣнцомъ омрачившимся...
Грянулъ апостола судъ роковой:
„Больше не будешь владѣть океанами,
Къ пристани тихой не двинешь суда,
Гладью морскою, морскими буранами
Нынѣ управитъ иная звѣзда"...
Вскрикнулъ, какъ будто бы вѣстью нежданною—
Страшнымъ внезапно судомъ пораженъ...

Дрогнулъ, волной обратился туманною,
И разошелся, какъ паръ, Посейдонъ...

* * *

Всталъ Сребролукій... и дивнымъ видѣніемъ
Съ легкой свирѣлью къ святымъ подошелъ...
Съ свѣтлой надеждою, радостнымъ геніемъ
Очи съ мольбою на старцевъ возвелъ...
Тихо скользя, словно статуи бѣлыя,
Трепетно музы предстали за нимъ...
Сжатыя руки, уста помертвѣлыя,
Взоръ безнадежно поникъ, недвижимъ...
Голосомъ звучнымъ, какъ музыка чудная,
Сталъ Лучезарный святого молить:
„Сжалься! безъ пѣсни,—что тьма непробудная,
Міру безъ пѣсни въ тоскѣ не прожить.
Сжалься! Я радость души человѣческой,
Цвѣтъ, тоскованье о Богѣ, я—то,
Что озаренной мечтой прожито...
Сжалься, владыко, пусть судъ твой отеческій
Чистую радость земли, непорочную
Грустному міру, какъ свѣтъ, сохранитъ!
Какъ же безъ крыльевъ, мольбою заочною
Пѣсня до неба тогда долетитъ?..“
Смолкъ. Воцарилась минута молчанія,
Петръ, умоляя, взывалъ къ небесамъ:..
Ласково звѣздъ трепетало сіяніе,
Какъ бы апостола вторя мольбамъ...
Стихло все. Павелъ главою склоненною
Долго на посохъ стоялъ опершись...
Медленно, думою вновь озаренныя,
Очи съ улыбкой святой поднялись,
Феба главу осѣнилъ лучезарную
Знаменьемъ крестнымъ апостолъ и рёкъ:
„Пѣсня, живи! Но волной свѣтозарною
Въ мірѣ разлейся въ могучій потокъ!..“
Съ дивной свирѣлью своей обновленною
Сѣлъ Аполлонъ у святыхъ его ногъ.
Ночь прояснилась, мечтой озаренная,—
Запахъ цвѣтовъ, вѣтерка нѣжный вздохъ,
Лепетъ веселый ручья серебристаго,
Бархатъ ласкающій луга душистаго,—
Все улыбалося пѣснѣ людей...
Музы, какъ стая сошлись лебедей,
Очи поднявъ, трепеща отъ волненія,
Тихо запѣли онѣ. Будто сонъ

Свѣтлое было Олимпу видѣніе,
Гимномъ впервые онъ былъ оглашенъ...
„Дѣва Святая, защитой небесною
Пѣсню земную отъ зла огради!
Дай намъ слова неземныя, чудесныя,
Дай намъ, Пречистая, свѣтъ впереди!..“
Такъ распѣвали онѣ надъ долиною,
Взоры на небо, съ мольбою въ очахъ...
. . . .
Быстро прошли тутъ живою картиною
Боги иные... Свѣтлѣло въ горахъ...

* * *

Дикаго Вакха промчалъ необузданный,
Весь перевитый плющемъ хороводъ,
Съ пѣсней, съ тимпаномъ и буйный, разнузданный
Бѣшено несся, какъ буря впередъ...
Съ хохотомъ адскимъ, съ толпой опьяненною,
Въ хорѣ порока, и зла, и страстей
Мчалъ онъ, и съ криками въ пропасть бездонную
Рухнулъ съ безумною свитой своей...

* * *

Вотъ божество появилося новое...
Съ горькимъ сознаньемъ обиды въ груди,
Строго надменное... Очи суровыя
Вскинулись гордо и вдаль, впереди,
Взоромъ богиня сверкнувъ повелительнымъ,
Словно въ пространствѣ ища приговоръ,
Молвила голосомъ жесткимъ, презрительнымъ,
Были въ немъ холодъ, и власть, и укоръ:
„Жизнь не прошу я! Лишь тѣнью обманчивой
Слава былая играла со мной,
Власть лишь казалась мечтою заманчивой,
Жизнь—это дымъ, это сонъ роковой...
Только тогда лишь, когда онъ состарился,
Слушалъ меня, почиталъ Одиссей,
Только до срока, пока не прославился,
Чтилъ Телемакъ... Такъ весь міръ—міръ тѣней...
Жизни!.. Аѳина Паллада съ презрѣніемъ
Встрѣтила бъ жизнь, этотъ жалкій обманъ
Съ злобной игрой, съ безконечнымъ сомнѣніемъ...
Мысль о безсмертьѣ—Палладѣ тиранъ...“

* * *

Вотъ, наконецъ, и чередъ за прекраснѣйшей,
Чтимой безмѣрно царицей земной,
Вѣчно желанной, но страшной, опаснѣйшей,

Гостьей коварной отрады людской...
Вотъ подошла она, сладостно-нѣжная,
Словно ребенокъ виновный, въ слезахъ,
Сердце подъ грудью ея бѣлоснѣжною
Трепетно билось, какъ птичка въ силкахъ...
Старцамъ святымъ она въ ноги поверглася,
Дивная, робкая, съ влагой очей,
Вся замирая, какъ будто бы сверглася
Сила небесная карой надъ ней...
Въ страхѣ, покорно молила прекрасная:
„Грѣшница я, я виновнѣе всѣхъ,
Знаю; но если, вдругъ, звѣздочкой ясною
Въ жизни блеснетъ мой плѣнительный грѣхъ, —
Люди такъ счастливы, ждутъ съ упоеніемъ,
Скоро ль я гляну улыбкой своей...
О, не берите у нихъ утѣшенія,
Сжальтесь, простите,—я счастье людей!..“
Голосъ богини пресѣкся рыданіемъ,
Страхъ ее снова пугалъ и томилъ...
Петръ же глядѣлъ на нее съ состраданіемъ,
Милости неба для грѣшной молилъ,—
Длань возложилъ на нее правосудную...
Павелъ, склонившися, лилію чудную
Молча сорвалъ и, какъ будто вѣнцомъ,
Дивной богини коснулся цвѣткомъ.
Низко склонилась глава золотистая,
Радостно молвилъ апостолъ любви:
„Будь же отнынѣ, какъ лилія, чистая,
Счастье людское, останься, живи!..“

. . . .

Только промолвилъ, какъ все встрепенулося,
Все озарилось, ликуя въ отвѣтъ,
Въ чащахъ зеленыхъ всѣ птички проснулися,
Ясному утру запѣли привѣтъ...
Розовой зорьки лучи, улыбаяся,
Глянули вдругъ изъ ущелія горъ,—
Въ свѣтломъ эѳирѣ играя, купаяся,
Радостно птичекъ привѣтствуя хоръ...
Яркое солнце, улыбки, участіе...
Къ жизни земля пробудилася вновь,
Славя того, кто оставилъ ей счастіе,
Свѣтлыя грезы, и пѣснь, и любовь...

М.

5-го іюля 1900 г. Майданово.

ПОБѢДА.

ПОВѢСТЬ.

(*Продолженіе* *).

VIII.

Въ началѣ весны у Василія Григорьевича въ гимназіи совершенно неожиданно вышелъ эпизодъ, который имѣлъ большое значеніе въ его жизни.

Ученикъ седьмого класса, по фамиліи Пазухинъ, рѣшительно ничѣмъ особенно не проявлялъ себя. Въ классѣ онъ велъ себя тихо, всегда держался особнякомъ. У него было блѣдное лицо, большіе задумчивые глаза. По лицу видно было, что это человѣкъ нервный, можетъ быть, слишкомъ много занимающійся, и оттого истощенный. Отмѣтки у него были по всѣмъ предметамъ хорошія. Видимо, это былъ ученикъ старательный.

Но Барановъ всегда чувствовалъ, что въ этомъ юношѣ сидитъ какъ-будто что-то враждебное. Когда онъ вызывалъ его и заставлялъ отвѣчать урокъ, Пазухинъ дѣлалъ это такъ же покорно, какъ дѣлали другіе, отвѣчалъ въ предѣлахъ заданнаго урока, придерживаясь учебника, но при этомъ смотрѣлъ въ сторону окошка и на губахъ его играла чуть замѣтная, скользящая усмѣшка.

И когда Пазухинъ отвѣчалъ урокъ, Барановъ всегда тревожно чего-то ждалъ; ему казалось, что вотъ-вотъ онъ скажетъ какое-нибудь лишнее слово или сдѣлаетъ какую-нибудь оскорбительную гримасу. Но это были все ощущенія неопредѣленныя, фактически у него не было никакихъ основаній за что-нибудь придраться къ Пазухину. Да онъ и не хотѣлъ этого. Бываютъ такія неуловимыя теченія, которыя, неизвѣстно почему, создаютъ или дружеское, или враждебное настроеніе.

И вотъ въ этотъ день шелъ урокъ исторіи въ седьмомъ классѣ. Барановъ уже кончилъ спрашивать учениковъ, поставилъ всѣмъ

*) См. «Міръ Божій», № 9, сентябрь.

надлежащія отмѣтки. Пазухина въ этотъ день онъ вовсе даже и не спрашивалъ, но еслибъ онъ къ нему приглядѣлся, то увидѣлъ бы, что лицо у него въ этотъ день было какое-то особенно нервное и сидѣлъ онъ на своемъ мѣстѣ не спокойно, ежеминутно кусалъ губы, хмурилъ брови и бросалъ въ окно какіе-то странные пылающіе взгляды.

Барановъ по обыкновенію началъ объяснять слѣдующій урокъ, строго придерживаясь программы и почти вовсе не отдаляясь отъ учебника. Дѣлалъ онъ это вяло, скучно и самъ зналъ, что дѣлаетъ вяло и скучно; въ каждомъ его словѣ сквозило сознаніе тяжелой обязанности и непрестанное ожиданіе звонка, который роковымъ образомъ разрѣшалъ его отъ этой обязанности.

И вотъ, когда онъ сказалъ десятокъ словъ, Пазухинъ поднялся и, молча, направился къ двери.

— Куда вы, Пазухинъ?—спросилъ его Барановъ.

Пазухинъ остановился и на лицѣ его было такое выраженіе, какъ будто онъ раздумывалъ, отвѣтить или промолчать. Уже это нѣсколько обезпокоило Баранова.

— Такъ, хочу выйти,—отвѣтилъ, наконецъ, Пазухинъ.

— Безъ причины?—спросилъ Василій Григорьевичъ.

Пазухинъ опять сдѣлалъ небольшую паузу и опять у него было то же выраженіе.

— Да, особенной причины нѣтъ.

Это было не въ порядкѣ вещей. Многое здѣсь выходило изъ обычныхъ гимназическихъ рамокъ. Ученики часто выходили изъ классовъ, но всегда въ такихъ случаяхъ спрашивали у учителя позволеніе. Пазухинъ не только не сдѣлалъ этого, но даже, когда его спросили о причинѣ, онъ ея не привелъ.

— Въ такомъ случаѣ зачѣмъ же?—съ замѣтнымъ раздраженіемъ спросилъ Барановъ.

— Такъ, ни зачѣмъ.

И щеки у Пазухина вдругъ поблѣднѣли еще больше, а губы сдѣлались синими; въ глазахъ появился зловѣщій блескъ и нехорошая усмѣшка заиграла на его губахъ.

— Это странно!—сказалъ Барановъ.

А весь классъ, между тѣмъ, видимо, насторожился, внимательно смотрѣлъ и слушалъ, ожидая, чтò изъ этого выйдетъ.

— Тутъ ничего нѣтъ страннаго!—сказалъ Пазухинъ и началъ смотрѣть на Баранова въ упоръ, явно вызывающимъ образомъ.—Вѣдь все равно я буду знать урокъ. Когда вы меня спросите, я вамъ отвѣчу...

— Но вы должны выслушать объясненіе слѣдующаго урока!—сказалъ Барановъ.

— Это зачѣмъ же?—съ саркастической усмѣшкой промолвилъ Пазухинъ.

— Какъ зачѣмъ? Чтобъ лучше понимать его.

Пазухинъ опять усмѣхнулся и промолчалъ.

— Что-жъ вы молчите?—спросилъ Барановъ.

— Вѣдь это все есть въ учебникѣ, то, что вы говорите; я дома прочитаю... Это все равно.

Барановъ сильно покраснѣлъ; ему показалось, что этотъ отвѣтъ намѣренно оскорбляетъ его.

— Я васъ прошу остаться!—строго сказалъ онъ.

— Нѣтъ, я уйду,—какъ бы отвѣчая на его строгій тонъ, рѣзко заявилъ Пазухинъ.

— Я требую, чтобы вы остались.

— Нѣтъ, не зачѣмъ... Притомъ же я... Я нездоровъ.

Послѣднія слова Пазухинъ сказалъ съ видимой насмѣшкой и тотчасъ же вышелъ изъ класса.

Барановъ смотрѣлъ на учениковъ. Для него было ясно, что всѣ они сочувствуютъ товарищу. Онъ вышелъ изъ себя. Въ глазахъ у него какъ-то позеленѣло. Стерпѣть эту обиду, вѣдь это, значитъ, признать его правоту. Онъ растерялся и не зналъ, какъ ему быть. Продолжать дальнѣйшее изложеніе не было никакой возможности. Въ вискахъ у него стучало, въ груди закипала злость. Онъ вдругъ захлопнулъ книгу и журналъ и воскликнулъ задыхающимся голосомъ:

— Я не могу продолжать урокъ!...

И выбѣжалъ изъ класса.

И онъ явственно слышалъ, что позади его раздался радостный шумъ, веселые возгласы и громкій смѣхъ. Это окончательно взбѣсило его.

Совсѣмъ не разсуждая, что дѣлаетъ и къ какой цѣли это поведетъ, онъ побѣжалъ прямо къ директору. Когда онъ вбѣжалъ въ комнату, директоръ, вооружившись очками, внимательно разсматривалъ недавно представленные учителями третныя отмѣтки. Директоръ поднялъ очки на лобъ и съ недоумѣніемъ взглянулъ на Баранова.

— Что такое?—спросилъ онъ.

Барановъ чувствовалъ, что у него дрожатъ ноги, что онъ больше не въ состояніи стоять на нихъ.

— Извините, Иванъ Васильевичъ,—промолвилъ онъ и опустился на стулъ.

Директоръ встревожился. Онъ вообще терпѣть не могъ, когда у него въ гимназіи случались какіе-нибудь изъ ряда вонъ выходящіе эпизоды. Онъ былъ человѣкъ миролюбиваго характера и любилъ, чтобы все шло тихо и спокойно.

— Что такое произошло?—спросилъ онъ.

— Я... я, право, затрудняюсь объяснить. Позвольте мнѣ нѣ-

сколько придти въ себя,—отвѣтилъ Барановъ, который дѣйствительно въ эту минуту даже не могъ хорошенько сообразить, что такое произошло.

— Пожалуйста, пожалуйста, придите въ себя. Можетъ быть, вамъ дать воды?

— Нѣтъ, не безпокойтесь. Я сейчасъ... Я давалъ урокъ въ седьмомъ классѣ,—началъ черезъ силу объяснять Барановъ,—и вотъ на урокѣ это случилось... Я рѣшительно не понимаю причины. Мнѣ кажется, что я ничѣмъ этого не вызвалъ.

— Но что именно случилось?—спросилъ директоръ.

— Ученикъ седьмого класса Пазухинъ...

— Пазухинъ? Пазухинъ, Пазухинъ...

Директоръ началъ припоминать, каковъ изъ себя этотъ Пазухинъ? У него была слабая память на лица, а учениковъ подъ его вѣдѣніемъ было слишкомъ много.

— Ахъ, да, такой худенькій, блѣдный... Знаю, знаю. Что же онъ?..

— Онъ меня оскорбилъ при цѣломъ классѣ...

— Неужели?—съ выраженіемъ какого-то привычнаго ужаса спросилъ директоръ.—Въ чемъ же дѣло?..

— Я началъ объяснять урокъ, а онъ въ это время сталъ уходить изъ класса,—говорилъ запинаясь Барановъ.—Я спросилъ его о причинѣ. Онъ сказалъ, что причины нѣтъ никакой. Я выразилъ удивленіе и тутъ онъ... Тутъ онъ оскорбилъ меня.

— Но какъ именно? Какимъ именно образомъ?

— Онъ сказалъ, что слушать мое объясненіе не зачѣмъ. Что все это онъ... найдетъ въ учебникѣ... И вообще видъ у него былъ оскорбительный. Онъ, видимо, смѣялся надо мной.

— А, это очень важно! — сказалъ директоръ.—Это очень важно... Успокойтесь, господинъ Барановъ, успокойтесь Василій... Василій Григорьевичъ...

И директоръ сильно позвонилъ. Вошелъ слуга.

— Послушай, попроси-ка сюда инспектора...

Слуга побѣжалъ за инспекторомъ, который очень скоро явился на зовъ директора.

— Вотъ видите ли, какое тутъ дѣло,—сказалъ ему директоръ,—ученикъ седьмого класса Пазухинъ оскорбилъ Василія Григорьевича.

— А, Пазухинъ... Гм... Я его сейчасъ встрѣтилъ въ коридорѣ... У него лицо какое-то перекошенное! — сказалъ инспекторъ.—А что?

— Да вотъ, сказалъ дерзость... Сказалъ, что не зачѣмъ ему слушать объясненіе урока. Не такъ ли? — обратился директоръ къ Баранову, очевидно, не вполнѣ полагаясь на свою память.

— Да, такъ,—подтвердилъ Барановъ.

— И при этомъ смотрѣлъ оскорбительно? Не правда ли?

— Да, и вообще все было оскорбительно.

— Да, этотъ Пазухинъ дѣйствительно того... онъ потайной. Я давно за нимъ слѣжу и давно уже жду отъ него чего-нибудь такого...

— Да, да,—сказалъ директоръ.—Онъ находитъ, что не зачѣмъ слушать объясненія, что въ учебникѣ то же самое...

— Это очень важно! — подтвердилъ инспекторъ. — Я всегда ждалъ... У него такое лицо... Онъ всегда мнѣ не нравился, этотъ Пазухинъ. Въ немъ что-то затаенное...

— Послушай, Михайло,—обратился инспекторъ къ слугѣ,—пойди сейчасъ въ седьмой классъ и позови сюда ученика седьмого класса Пазухина...

Пока Михайло ходилъ въ седьмой классъ, Барановъ старался сообразить, что̀ собственно произошло съ нимъ сейчасъ, и чѣмъ больше онъ думалъ, тѣмъ сильнѣе его охватывало какое-то ощущеніе позора. Тамъ, позади, цѣлый классъ, который присутствовалъ при этой оскорбительной сценѣ. Они тамъ хохочутъ, радуются и радуются именно тому, что его оскорбили. И это лицо Пазухина, полное злобы и насмѣшки. Но за что? Съ какой стати? Вѣдь онъ никогда не сдѣлалъ ничего дурного этому Пазухину. Никогда, сколько онъ ни старался припомнить. Другимъ, которые плохо учились, онъ, по крайней мѣрѣ, хоть двойки иногда ставилъ, но Пазухинъ всегда получалъ хорошія отмѣтки. И главное, въ сущности онъ и разсказать-то хорошенько не можетъ то, что произошло. Въ томъ, что онъ разсказалъ директору и инспектору, вѣдь нѣтъ ничего оскорбительнаго, а между тѣмъ лицо Пазухина, взглядъ, тонъ, всѣ пріемы, съ которыми онъ говорилъ, все это было въ высшей степени оскорбительно. И ему казалось, что онъ больше не въ состояніи пойти въ классъ и преподавать исторію и не только въ седьмой классъ, но и въ какой-нибудь другой.

Послышались шаги. Сперва вошелъ Михайло, потомъ появился и Пазухинъ. Лицо у него было такое же блѣдное, какъ тогда, а губы еще больше потемнѣли. Василій Григорьевичъ не поднялъ на него глазъ. Директоръ сидѣлъ въ отдаленіи и молчалъ; допросъ производилъ инспекторъ.

— А, вотъ и господинъ Пазухинъ!—сказалъ инспекторъ съ своей обычной сухой усмѣшкой на губахъ.—Вы сказали Василію Григорьевичу, что вамъ не зачѣмъ слушать объясненіе урока? Не такъ ли?

Пазухинъ смотрѣлъ въ упоръ на инспектора. У него вздрагивали плечи и дыханіе было тяжелое.

— Да, я сказалъ! —отвѣтилъ онъ.

— Почему же вы такъ сказали, господинъ Пазухинъ?—спросилъ директоръ.

— Потому, что такъ и есть! — сквозь зубы отвѣтилъ гимназистъ.

— Допустимъ. Но вы ученикъ, вы должны слушать, а не разсуждать.

— Я и не разсуждалъ. Я хотѣлъ выйти. Меня спросили, я отвѣтилъ то, что думалъ.

— Вы дурной ученикъ. У васъ и теперь дурной тонъ. Съ такимъ направленіемъ не слѣдуетъ поступать въ гимназію.

Пазухинъ молчалъ. Директору и инспектору тоже, повидимому, больше нечего было сказать.

— Ступайте!—сказалъ ему, наконецъ, директоръ, — мы это обсудимъ. Попросите вашего отца явиться въ гимназію.

— Куда же мнѣ идти? - спросилъ Пазухинъ.—Въ классъ?

— Нѣтъ, вы идите домой. Вы не можете быть допущены въ классъ... По крайней мѣрѣ, пока это выяснится.

Пазухинъ ушелъ. Директоръ обратился къ инспектору:

— Прошу васъ — экстренный педагогическій совѣтъ... — сказалъ онъ.

Барановъ поднялся, простился съ директоромъ и направился въ учительскую; тамъ уже всѣ знали о случившемся. Старый учитель словесности сильно кипятился. Лицо у него было красное и онъ громкимъ голосомъ выкрикивалъ.

— Вотъ, вотъ,—говорилъ онъ,—исключатъ ученика, непремѣнно исключатъ... А за что? За мнѣніе... Я не говорю, Василій Григорьевичъ,—обратился онъ вдругъ къ Баранову,—я не говорю, что онъ правъ, и даже навѣрное, онъ не правъ... Но что же онъ сказалъ, позвольте васъ спросить? Что же онъ сказалъ, какъ ни свое мнѣніе?.. Его исключатъ. А почему? Потому что гимназія не должна вырабатывать мнѣній... Она только должна заниматься умственной муштровкой учениковъ... И вотъ исключатъ, исключатъ... И онъ пойдетъ на улицу и не будетъ знать, что съ собою дѣлать, а хорошій ученикъ, умный, вдумчивый, а пропадетъ... И это не вы виноваты, ни я, ни онъ... А система, да-съ, система-съ.

Но большинство учителей выражало негодованіе. Раздавались голоса о томъ, что если допустить такого рода выраженіе своихъ мнѣній, то у учителей не будетъ никакого престижа. Конечно, учитель можетъ ошибаться, но если мальчишки будутъ обсуждать его дѣйствія, такъ тогда скоро ихъ, учителей, посадятъ на скамейки, а ученики будутъ сидѣть за каѳедрами и будутъ имъ ставить двойки.

Акульскій подошелъ къ Баранову и крѣпко пожалъ его руку.

— Если бы со мной случилось такое, я бы непремѣнно потребовалъ исключенія...—сказалъ онъ съ глубокимъ убѣжденіемъ.

Барановъ чувствовалъ, что мысли его все больше и больше запутываются. Онъ до сихъ поръ еще не могъ хорошенько осмыслить всего того, что случилось. Тяжелое чувство оскорбленія преобладало надъ всѣмъ остальнымъ и мѣшало ему сосредоточиться, а тутъ еще кругомъ всѣ эти мнѣнія, отзывы, выраженія сочувствія, въ искренности котораго онъ имѣлъ полное основаніе сомнѣваться.

Раздался звонокъ. Онъ машинально взялъ журналъ и вышелъ въ коррмдоръ, съ намѣреніемъ отправиться въ четвертый классъ и давать тамъ урокъ; но ему вдругъ показалось, что это совершенно немыслимо. Когда онъ проходилъ мимо классовъ, гдѣ до прихода учителей происходилъ обычный шумъ, ему казалось, что весь этотъ шумъ относится къ нему, что всѣ ученики, вся гимназія издѣвается надъ нимъ, онъ чувствовалъ себя оплеваннымъ. Теперь всякій встрѣчный можетъ сказать ему дерзость.

И онъ, вмѣсто того, чтобы отправиться въ четвертый классъ, прошелъ къ директору. Директоръ опять занялся просматриваніемъ отмѣтокъ. Барановъ обратился къ нему.

— Иванъ Васильевичъ, позвольте мнѣ сегодня больше не заниматься... Я хочу уйти домой. Я не совсѣмъ здоровъ.

— Какъ домой?—спросилъ директоръ и посмотрѣлъ на него такимъ взглядомъ, какъ будто совсѣмъ забылъ о только что происшедшемъ эпизодѣ.—Ахъ, да, домой... Но это очень жаль... Лучше бы вы остались.

— Я предпочелъ бы уйти,—сказалъ Барановъ,—мнѣ какъ-то нехорошо. Я потрясенъ...

— А, потрясены? Это очень жаль. Вѣдь они тогда подумають, что этотъ Пазухинъ очень ужъ глубоко васъ тронулъ. А этого не должно быть.

— Но онъ дѣйствительно меня глубоко задѣлъ.

— Да, но этого не должно быть... Они не должны этого знать.

— Я все-таки не могу, Иванъ Васильевичъ.

— Это очень жаль...—Директоръ нахмурилъ брови.—Впрочемъ, какъ вамъ угодно.

Барановъ не зашелъ больше въ учительскую, а прямо пошелъ внизъ.

— Уходите, Василій Григорьевичъ?—спросилъ его швейцаръ и испытующимъ взглядомъ посмотрѣлъ на него. Было ясно, что и здѣсь, въ швейцарской, уже знали о происшедшемъ въ седьмомъ классѣ.

Барановъ ничего не отвѣтилъ и вышелъ. Свѣжій воздухъ ока-

тилъ его голову и вдругъ вся исторія начала ясно вырисовываться въ его головѣ. Теперь выступали передъ нимъ всѣ подробности. Что такое случилось? спрашивалъ онъ себя и разсказывалъ по порядку все, какъ было. И чѣмъ больше онъ думалъ о происшедшемъ, тѣмъ для него становилось яснѣе и яснѣе, что тутъ все не такъ, какъ толковалось въ учительской и у директора. Что здѣсь есть какое-то неизвѣстное, что Пазухинъ, который держалъ себя спокойно и порядочно, не могъ такъ, ни съ того ни съ сего, взять и оскорбить его. Но что это было, онъ не могъ понять; не въ такомъ онъ былъ состояніи, чтобъ углубляться въ подобный вопросъ.

Онъ шелъ довольно быстро, но не домой, а просто безцѣльно двигался по улицамъ. Домой ему было идти не зачѣмъ. Тамъ онъ будетъ бродить изъ угла въ уголъ одинъ. Холодныя стѣны его квартиры не успокоятъ его, ничего не посовѣтуютъ ему.

Куда же идти? Онъ прошелъ значительное разстояніе, потомъ вдругъ машинально повернулъ на Пески и остановился передъ зданіемъ, гдѣ помѣщалась школа Варвары Ѳедоровны. Онъ подумалъ съ минуту, потомъ вошелъ въ подъѣздъ и поднялся наверхъ.

Это былъ часъ, когда у Аргуниныхъ всѣ были заняты. Ѳедоръ Ѳедоровичъ въ это время находился на службѣ, Митя въ университетѣ, Варвара Ѳедоровна занималась въ школѣ. Одна только Марья Петровна возилась въ квартирѣ, приготовляя обѣдъ для всѣхъ.

Онъ позвонилъ и звонокъ его вышелъ слишкомъ сильнымъ. Очень скоро спѣшной походкой къ двери подошла Марья Петровна и отперла ее. Въ школѣ слышался говоръ, очевидно тамъ шли занятія. Въ передней былъ полумракъ и Марья Петровна не могла сразу разглядѣть, кто пришелъ.

— Кто это?—спросила она, удивляясь, что вошедшій прямо вваливается въ переднюю и никого не спрашиваетъ.

— Это я, Марья Петровна!—какимъ-то страннымъ, дрожащимъ голосомъ отвѣтилъ Барановъ.

— Василій Григорьевичъ?

— Да, я. Позвольте мнѣ къ вамъ зайти... на минуту.

— Господи!.. Да что же это на минуту? Отчего же это на минуту? Пожалуйте, Василій Григорьевичъ, я очень рада.

Барановъ снялъ пальто въ передней и узенькимъ корридоромъ прошелъ въ гостиную. Въ передней Марья Петровна не разглядѣла его. А здѣсь было довольно свѣтло и она поразилась блѣдностью его лица.

— Что это съ вами, Василій Григорьевичъ?—спросила она.— У васъ такое лицо.

— Нѣтъ, ничего, ничего, — пробормоталъ онъ, но потомъ вдругъ какъ бы спохватился и воскликнулъ:

— Какъ ничего? Ужасно! Ужасно!

Локти его стукнули по столу, онъ опустился на стулъ и схватился обѣими руками за голову.

— Василій Григорьевичъ, да что же это такое? Несчастье какое-нибудь?—восклицала Марья Петровна.

— Нѣтъ, не несчастье... Хуже несчастья... Позоръ...

— Позоръ! Господи Іисусе! Да въ чемъ же? Въ чемъ? Гдѣ же это?

— Да тамъ, въ гимназіи...

— Да что же случилось?

— Ахъ, даже и разсказать не сумѣю... Видите ли, это случилось на урокѣ... ученикъ одинъ... Ну, все равно... Да нѣтъ, это все ни къ чему...

Марья Петровна, убѣдившись, что не добьется отъ него толку, махнула рукой.

— Нѣтъ, ужъ я лучше позову Варю; пускай ужъ вы ей разскажете.

И она бѣгомъ пустилась по корридору въ школьную комнату и вызвала оттуда Варвару Ѳедоровну.

— Иди, ради Бога, иди; тамъ Василій Григорьевичъ пришелъ и въ такомъ странномъ видѣ... Разстроенный, блѣдный, всклокоченный... и позоръ, говоритъ, а въ чемъ дѣло — объяснить не можетъ...

— Василій Григорьевичъ?

Варя старалась представить себѣ, въ чемъ бы тутъ могло быть дѣло, но не могла. Какимъ образомъ у скромнаго, сдержаннаго Василія Григорьевича могло произойти что-нибудь позорное, что̀ сдѣлало бы его блѣднымъ и всклокоченнымъ. Она вернулась въ школьную комнату, потомъ опять вышла и вмѣстѣ съ Марьей Петровной направилась въ гостиную. Но Марья Петровна сейчасъ же вышла. Она не хотѣла мѣшать Баранову объясняться откровенно.

— Ну, вотъ и васъ оторвалъ отъ дѣла!—сказалъ Барановъ.

— Это не важно, Василій Григорьевичъ. Что у васъ?

— Ахъ, гадость... И самъ не могу сообразить...

— Ну, все-таки надо разсказать.

— Да, конечно, надо разсказать. Вотъ видите ли, сейчасъ былъ у меня въ гимназіи урокъ въ седьмомъ классѣ и тамъ ученикъ одинъ оскорбилъ меня...

— Какъ оскорбилъ?

— Это долго разсказывать подробности. Ну, однимъ словомъ, онъ захотѣлъ выйти изъ класса въ то время, когда я объяснялъ урокъ; я спросилъ его, почему онъ уходитъ. Онъ отвѣтилъ, что не зачѣмъ сидѣть, такъ какъ все равно я ничего новаго не скажу и все, что я скажу, онъ найдетъ въ учебникѣ. Да вѣдь

не это главное, а главное тонъ... Однимъ словомъ, я не могъ продолжать урока. Это было при всѣхъ, при цѣломъ классѣ. Я выбѣжалъ изъ класса и побѣжалъ къ директору.

— Къ директору? Почему же къ директору?—спросила Варя.

— Не знаю, почему... Я не разсуждалъ... У меня все спуталось въ головѣ.

— Однако-жъ, это не помѣшало вамъ побѣжать именно къ директору, а не на улицу?..

— Да, какъ видите.

— Что же будетъ этому ученику?

— Его исключатъ.

— Неужели его исключатъ? Ахъ, Василій Григорьевичъ!..

— Да, да, вижу, вижу... Теперь я понимаю, въ чемъ дѣло.—страннымъ голосомъ промолвилъ Барановъ.—Теперь я въ самомъ дѣлѣ ясно вижу, какое странное несоотвѣтствіе между его дѣйствіемъ и моимъ. Почему я побѣжалъ къ директору? Потому что въ такихъ случаяхъ другіе такъ дѣлаютъ и въ мое время такъ дѣлали, когда я былъ гимназистомъ. Чуть что, сейчасъ къ директору. Никто не хочетъ разсуждать, всѣ довольствуются примѣрами предшественниковъ.

У Вари въ глазахъ мелькнулъ страхъ. Ей показалось, что Барановъ говоритъ, какъ человѣкъ сбившійся съ толку и, можетъ быть, даже съ помрачившимся умомъ. А Василій Григорьевичъ продолжалъ.

— Да, теперь я понимаю, что̀ меня во всемъ этомъ мучило. Я спутался, я не могъ понимать, что̀ главное и что̀ второстепенное. Я чувствовалъ, что тутъ что-то не такъ, и не зналъ, что именно. А вотъ это главное и есть.

— Да, это главное, Василій Григорьевичъ.

— Но что я могъ бы сдѣлать?—безпомощно спросилъ Барановъ.

— Вы должны были вникнуть, Василій Григорьевичъ.

— Да, вникнуть, это вѣрно. Вникнуть!—повторилъ Барановъ.

— Развѣ онъ злодѣй, этотъ ученикъ? Развѣ вы его знали, какъ злодѣя?

— Нѣтъ, онъ всегда былъ спокойнымъ мальчикомъ. Онъ весь дрожалъ... Но что-жъ я могъ сдѣлать?

— Да вотъ именно вы должны были принять въ разсчетъ, что онъ весь дрожалъ, значитъ, былъ въ ненормальномъ состояніи; вы должны были вникнуть въ него, въ его характеръ, въ его душу. И развѣ онъ сказалъ неправду?

— Нѣтъ, чистую правду... Объясняю я, дѣйствительно, почти по учебнику. Такъ, кой-что прибавляешь изъ другихъ источниковъ, но большею частью держишься программы и учебниковъ.

— Значитъ, его исключатъ за то, что онъ сказалъ правду?

— Но вѣдь это позоръ для меня! Согласитесь...

— Тѣмъ хуже, Василій Григорьевичъ, если то, что правда, оказывается позоръ для васъ. Почему такъ стоитъ дѣло, что правда можетъ быть для васъ позоромъ? Онъ, конечно, не долженъ былъ такъ говорить, то-есть это не въ обычаѣ... Но если онъ поступилъ необычно, то, можетъ быть, были причины необычныя, ихъ надо было изслѣдовать. Можетъ быть, въ этомъ виноваты вы и другіе учителя; можетъ быть, его болѣзненное состояніе... Можетъ быть, наконецъ, и онъ виноватъ, но надо было разобрать, разобрать.

— Такъ, такъ, все такъ...—сказалъ Барановъ.—А я самъ не могъ понять этого. Вѣдь это все равно сдѣлано,—его исключатъ, его непремѣнно исключатъ. Таково общее мнѣніе.

— Вы не должны допустить...—сказала Варя.

— Я не могу теперь...

— Вы должны, должны...—убѣдительно промолвила Варя.— Вотъ что, Василій Григорьевичъ, я теперь не могу, меня ждутъ школьники. Вы идите домой и успокойтесь. Скоро придетъ Митя, мы съ нимъ придемъ къ вамъ и вмѣстѣ все обсудимъ. Вы не можете себѣ представить, какъ мнѣ больно все это...

— Что вамъ больно, Варвара Өедоровна?

— То, что это съ вами случилось. У меня такое ощущеніе, какъ будто кто-нибудь изъ нашего семейства оскорбленъ.

— Спасибо вамъ за это.

— Ну, такъ мы и обсудимъ... Мы обсудимъ тогда спокойнѣе, чѣмъ теперь. А сами вы ничего не рѣшайте и не предпринимайте.

— Я ничего не рѣшу. Я ничего и не могу рѣшить.

Варвара Өедоровна ушла въ школу. Барановъ, не простившись съ Марьей Петровной, тихонько вышелъ въ корридоръ. Но Марья Петровна услышала это и догнала его.

— Вы бы что-нибудь закусили, Василій Григорьевичъ; позавтракали бы; у меня котлетка готова!—сказала она.

— Нѣтъ, спасибо, я ничего не хочу.

Онъ надѣлъ пальто и вышелъ на улицу. Теперь онъ пошелъ прямо къ себѣ домой, тамъ разлегся на диванѣ лицомъ вверхъ и какъ-то тупо глядѣлъ въ потолокъ, стараясь ни о чемъ не думать. Онъ даже почти не волновался. Онъ мысленно отложилъ все до прихода Мити и Вари. И единственное чувство, какое у него было въ это время, это—ожиданіе.

Въ передней раздался звонокъ; онъ вскочилъ съ дивана и сталъ прислушиваться къ говору въ передней. Но это былъ голосъ не Вари и не Мити. Да имъ было еще рано,—было всего только около четырехъ часовъ. Голосъ былъ басистый, съ легкой хрипотой. Спрашивали его.

Въ комнату вошелъ невысокій толстенькій человѣкъ, съ сѣдыми бачками, съ лысиной, съ одутловатымъ лицомъ сѣраго цвѣта.

— Извините пожалуйста... Врываюсь!—сказалъ вошедшій и поклонился.—Я—Пазухинъ.

— Пазухинъ?—почему-то съ глубокимъ изумленіемъ спросилъ Барановъ, какъ будто въ первый разъ слышалъ эту фамилію.

— Пазухинъ-съ, отецъ ученика седьмого класса Пазухина. Былъ вызванъ къ директору и побывалъ у него. И онъ меня сразилъ, совершенно сразилъ.

— Садитесь пожалуйста,—подавленнымъ голосомъ пригласилъ его Барановъ.

Пазухинъ сѣлъ. Барановъ тоже взялъ стулъ для себя, подвинулъ его къ столу и опустился на него, хотя состояніе его духа было таково, что ему хотѣлось ходить по комнатѣ.

— Да-съ,—говорилъ гость,—ужасно положеніе отца, когда дѣти, такъ сказать, выходятъ изъ повиновенія. Вѣдь работаешь всю жизнь, можно сказать, до кроваваго пота. Я, надо вамъ знать, состою помощникомъ бухгалтера въ банкѣ, жалованья получаю двѣ съ половиной тысячи въ годъ. Жалованье хорошее, я ничего не говорю. Но чего мнѣ стоило добиться его? Вѣдь добивался я его цѣлыхъ тридцать лѣтъ. Теперь я, конечно, доволенъ. Но раньше перебивался кое-какъ. Старался дѣтямъ воспитаніе дать и надѣялся на сына. Думалъ,—вотъ я теперь надрываюсь, а зато онъ кончитъ курсъ и на старости лѣтъ меня обогрѣетъ и прокормитъ. И вдругъ... Понимаю, понимаю, что поступилъ онъ дерзко. Непозволительно! Но мое-то положеніе, мое! Подумайте, господинъ Барановъ, подумайте: до восьмого класса почти довелъ его, изъ кожи лѣзъ. Всѣ силы, можно сказать, положилъ на его образованіе и вдругъ...

„Что я скажу ему? Что я могу сказать ему?“ подумалъ Барановъ, и такъ какъ гость остановился, то онъ сказалъ то, что первое попалось ему на языкъ.

— Вы были у директора?

— Да, былъ сейчасъ. Но ничего утѣшительнаго онъ мнѣ не сказалъ.

— Что же онъ вамъ сказалъ?

— Сказалъ, что такого направленія нельзя терпѣть въ гимназіи, что его обязательно должны исключить.

— Неужели исключить?

— Такъ онъ сказалъ.

— И онъ послалъ васъ ко мнѣ?

— Нѣтъ, я самъ по собственной волѣ пришелъ.

— Что-жъ, вы думаете,—отъ меня что-нибудь зависитъ?

— Я не знаю... Но я надѣюсь... Вѣдь вы жаловались... Вы были оскорблены.

— Жаловался... Да. Въ сущности, конечно, это такъ, — я пожаловался...

— Да, директоръ это мнѣ объяснилъ. Вы были очень оскорблены и вы пожаловались.

— Но чѣмъ вы объясняете это?—спросилъ Барановъ.—Я вашему сыну не сдѣлалъ никакого зла.

— Онъ страшно нервенъ... Съ нимъ бываютъ такія настроенія. Самъ не понимаю. Видите ли, я самъ человѣкъ очень занятой. Въ девять часовъ утра ужъ иду въ банкъ, въ шесть часовъ прихожу домой, едва успѣю пообѣдать и перевести духъ,—надо спѣшить на вечернія занятія туда же, въ банкъ. Гдѣ же тутъ заниматься еще воспитаніемъ дѣтей? Иной разъ такъ и день пройдетъ, что дѣтей не видишь. Уйдешь изъ дому раньше ихъ, а придешь, они уже спятъ. Къ тому же и мать у нихъ нервная женщина. И самъ онъ очень ужъ заработался.

— Какъ заработался?

— Требованія очень ужъ большія. Способности у него не блестящія. А между тѣмъ мальчикъ старательный. Вотъ вы сами посудите. Утромъ долженъ встать въ семь часовъ, подчитать уроки, освѣжить въ памяти то, что задано. Потомъ идетъ въ гимназію, тамъ сидитъ большею частью до четырехъ часовъ, а придетъ домой, пообѣдаетъ, надо учить уроки, писать тетрадки. Къ тому же и почитать любитъ. Его къ естественнымъ наукамъ влечетъ, такъ ужъ онъ въ постели читаетъ; а утромъ опять то же.

— Онъ любитъ естественныя науки?—самъ не зная почему, спросилъ Барановъ.

И при этомъ мысленно сказалъ себѣ:

— „Я тоже любилъ когда-то естественныя науки".

— Очень любитъ ихъ...

— Почему же вы его не отдали въ реальное училище?

— Не выгодно. Изъ гимназіи онъ попадетъ и въ университетъ, и куда захочетъ, а изъ реальнаго училища только въ спеціальныя заведенія, да и то съ такими трудностями, что ужъ лучше и не пытаться. Что-жъ мнѣ теперь дѣлать?—спросилъ Пазухинъ.

Барановъ всталъ и началъ ходить по комнатѣ.

— Я не знаю... Не знаю... Я не хочу вамъ зла. Я не хочу губить вашего сына... Я не знаю.

Пазухинъ тоже всталъ.

— А ужъ если исключатъ, такъ погибнетъ. И дурную отмѣтку въ поведеніи поставятъ, и тогда его ужъ никуда не примутъ. Еще когда поменьше мальчикъ, можно упросить... А ужъ изъ седьмого класса съ дурной отмѣткой никуда не примутъ. И подумайте,— восемь лѣтъ!.. Сколько труда, сколько заботъ!.. Я хочу просить васъ: позвольте мнѣ привести его къ вамъ.

— Ко мнѣ? Зачѣмъ же? Нѣтъ, я, право, не вижу надобности!— промолвилъ Барановъ, какъ бы даже нѣсколько испугавшись этого предложенія.

— Вы его увидите и вы поймете...

— Ахъ, Боже мой, —съ нѣкоторой даже досадой воскликнулъ Барановъ,—но я ужъ понимаю, я понимаю! Но что же я сдѣлаю? Научите меня, что я долженъ сдѣлать?..

— Можетъ быть, если вы заявите, попросите о смягченіи...

— Я заявлю, я буду просить... Я вамъ это обѣщаю.

-- Я вамъ очень, очень благодаренъ. Извините пожалуйста. Такъ буду на васъ надѣяться...

Пазухинъ ушелъ. Барановъ опять остался одинъ и испытывалъ какое-то жалкое ощущеніе, какъ будто онъ погубилъ кого-то, разбилъ чью-то жизнь...

И какъ это такъ могло выйти? Мирный, кроткій, незамѣтный человѣкъ, который хотѣлъ всегда только одного,—чтобъ его оставили въ покоѣ,—и вдругъ... Погубилъ, разбилъ... Непонятно.

Около пяти часовъ хозяйка прислала горничную узнать, не пора ли давать обѣдъ?

— Все равно, пусть даютъ или не даютъ,—все равно...—съ раздраженіемъ сказалъ Барановъ.

Ему принесли обѣдъ и онъ формально ѣлъ его, безъ всякаго желанія, единственно по ежедневной привычкѣ; а потомъ все ждалъ и ждалъ, когда же придутъ Аргунины? Ему казалось, что Митя и Варя непремѣнно принесутъ спасеніе.

И вотъ начало темнѣть. У него явилось такое ощущеніе, что надвигается какъ будто вѣчная ночь, что никто уже не придетъ. Ему казалось, что Варя послѣ его разсказа непремѣнно должна была почувствовать къ нему презрѣніе, и Митя, когда она ему разскажетъ, отвернется отъ него.

Раздался сильный звонокъ и въ передней послышался бодрый голосъ Ѳедора Ѳедоровича.

— Ну, гдѣ онъ, нашъ отшельникъ? У него даже огня не видно... И что онъ тамъ ходитъ въ темнотѣ?

Барановъ бросился къ двери и отворилъ ее настежъ.

— А, онъ живъ и здоровъ!.. воскликнулъ Ѳедоръ Ѳедоровичъ, пожимая его руку.

Ѳедоръ Ѳедоровичъ и Варя вошли въ комнату. Барановъ быстро зажегъ лампу. Ѳедоръ Ѳедоровичъ началъ осматривать хозяина.

— Ну, я совсѣмъ недоволенъ твоимъ лицомъ,—сказалъ Ѳедоръ Ѳедоровичъ,—точно ты три недѣли былъ боленъ тифомъ.

— А гдѣ же Митя?—спросилъ Барановъ.

— Митя? А вотъ представь, Василій Григорьевичъ; оказалось,— Митя пріятель этого самаго... какъ его? Пазухина, что ли...

— Пріятель?

— Ну, да, да... Они еше, когда Митя гимназистомъ былъ, состояли въ пріятельскихъ отношеніяхъ; и славный малый, говоритъ, просто даже удивительно! Ну, такъ вотъ онъ и побѣжалъ къ нему.

— Къ нему? Но зачѣмъ же?

— Приведетъ сюда. Какъ же! Вотъ мы его и увидимъ и посмотримъ, что̀ онъ за птица.

— А здѣсь недавно былъ его отецъ!—сказалъ Василій Григорьевичъ,—и просилъ, чтобъ я какъ-нибудь похлопоталъ... Вѣдь его исключить хотятъ...

— Ну, вотъ еще пустяки. исключить! Что они тамъ съ ума посходили всѣ? Уладимъ какъ-нибудь.

— Трудно это... Ахъ, какъ трудно...

— Э, нѣтъ такой вещи, чтобъ нельзя было уладить... Главное, надо пожелать какъ слѣдуетъ. Знаешь, я думаю, это больной мальчикъ. Какъ узналъ о случившемся, сейчасъ мнѣ въ голову пришло: больной. Не можетъ здоровый, ни съ того, ни съ сего, такую штуку продѣлать. Ну, а какъ же больного гнать? Это безбожно. Эхъ, какъ это все у насъ странно! Вѣдь, кажется, и образованные все люди. Вотъ я необразованный, но понимаю, что нельзя такъ. Что жъ сказалъ директоръ?

— Сказалъ: нельзя держать его...

— А другіе?

— Да большинство такого же мнѣнія.

— Ну, вотъ, даже никто не подумалъ разобрать, въ чемъ тутъ дѣло. Ахъ, какъ это у насъ!.. На улицѣ человѣкъ пошумитъ, стекла побьетъ, его въ больницу возьмутъ, разберутъ, не боленъ ли, не сумасшедшій ли... А тутъ вотъ мальчикъ, младенецъ... Ахъ, какъ это все у насъ!.. Разобрать человѣка нужно. Когда разберешь человѣка, то непремѣнно и полюбишь его, а иначе какъ же? А ты, Василій Григорьевичъ, успокойся, уладимъ... Вотъ онъ придетъ и мы его разберемъ и полюбимъ!— полушутя говорилъ Ѳедоръ Ѳедоровичъ, — вотъ увидишь, еще друзьями будете; это всегда такъ выходитъ.

Въ семь часовъ пришелъ Митя. Онъ вошелъ въ комнату одинъ и тихонько сказалъ Баранову:

— Я его привелъ; только онъ стѣсняется войти.

Пазухинъ дѣйствительно остался въ передней. Онъ теперь совсѣмъ не походилъ на того Пазухина, который въ классѣ оскорбилъ учителя. Блѣдный, подавленный, онъ смотрѣлъ кротко и виновато.

— Стѣсняется?—сказалъ Ѳедоръ Ѳедоровичъ,—такъ мы его сейчасъ приголубимъ. Пойдемъ, Варя, пойдемъ, Василій Григорьевичъ. Вамъ нужно... чтобы онъ видѣлъ, что вы не звѣрь.

Онъ взялъ Варю и Василія Григорьевича за руки и повелъ въ переднюю. Пазухинъ стоялъ у двери и нерѣшительно поднялъ глаза, а когда увидѣлъ Баранова, то сейчасъ же опять опустилъ ихъ.

— Голубчикъ, что жъ вы стѣсняетесь? пойдемте въ комнату. Снимите-ка пальто; вотъ я вамъ помогу!—говорилъ Ѳедоръ Ѳедоровичъ ласковымъ голосомъ и при этомъ самъ разстегивалъ ему пуговицы пальто.—Экій вы худенькій; замучили васъ... Все наука, ученье... Ахъ-ахъ-ахъ!

Потомъ онъ насильно повелъ его въ комнату.

— Садитесь,—сказала Варя.

Пазухинъ покорно сѣлъ на указанномъ мѣстѣ.

— И пожалуйста не стѣсняйтесь!—прибавила Варвара Ѳедоровна.

— Ну, вотъ и скажите намъ сразу, за что это вы его такъ?—спросилъ Ѳедоръ Ѳедоровичъ, указавъ вглядомъ на Баранова.

— Я вовсе не хотѣлъ Василія Григорьевича... — запинаясь промолвилъ Пазухинъ.—Я былъ разстроенъ съ утра.

— Ну, вотъ, вотъ, я же говорилъ!..

— Мнѣ такъ совѣстно... Я такъ презираю себя за это... — продолжалъ Пазухинъ.—Василій Григорьевичъ ничего дурного не сдѣлалъ мнѣ... Это такъ какъ-то вышло... У меня была злоба противъ всѣхъ. Въ особенности противъ учителя греческаго языка, Акульскаго... Онъ дѣйствительно злой человѣкъ. Я давно хотѣлъ оскорбить его... Но его урокъ четвертый... Я не дотерпѣлъ... Я потомъ... потомъ... Чуть не убилъ себя.

— А, не хорошо, не хорошо...—воскликнулъ Ѳедоръ Ѳедоровичъ,—объ этомъ даже думать не годится. Вѣдь онъ, Василій Григорьевичъ, даже не сердится на васъ.

— Да, Пазухинъ, я дѣйствительно совершенно не сержусь на васъ... Я тоже виноватъ!—съ какимъ-то страннымъ выраженіемъ промолвилъ Барановъ. — Во-первыхъ, вы правы... Я дѣйствительно читаю по учебнику и скучно читаю... Я занимаюсь дѣломъ, котораго не люблю,—это подлость; и потомъ... я не разобралъ, не вникнулъ... (при этомъ онъ мелькомъ взглянулъ на Варю) и побѣжалъ къ директору... Вотъ и вышла глупая исторія... Теперь не знаю, какъ поправить... Да, это правда,—говорилъ онъ, какъ бы разсуждая самъ съ собой.—Мы всѣ виноваты въ вашей нервности; это потому, что мы—казенные люди и казенно относимся къ вамъ. Мы не знаемъ вашей души; и вѣдь точно такъ и къ намъ относились когда-то, а все-таки это ничему насъ не научило. Да, это все не такъ, все не такъ. Это возмутительно, ужасно, оскорбительно! Но какъ поправить? Какъ поправить? — говорилъ онъ съ глубокимъ волненіемъ. Никогда голосъ его не звучалъ еще такъ серьезно.

— Э, ничего, ничего,—очевидно стараясь утѣшить и его, и Пазухина, сказалъ Ѳедоръ Ѳедоровичъ,—какъ-нибудь это уладится.

Барановъ въ это время ходилъ по комнатѣ, видимо что-то обдумывая. Вдругъ онъ остановился передъ Пазухинымъ и сказалъ:

— Не знаю, какъ удастся мнѣ это. Но я поправлю, да, да... Потому что вы не виноваты. А потомъ... потомъ.. Мнѣ хочется пожать вашу руку.

Пазухинъ всталъ и держалъ руки по швамъ, можетъ быть, не рѣшаясь первый протянуть руку. Это сдѣлалъ Барановъ и они въ самомъ дѣлѣ пожали другъ другу руки.

— Э, ну вотъ, ну вотъ!—съ видимымъ удовольствіемъ восклицалъ Ѳедоръ Ѳедоровичъ,—можетъ быть, изъ этого зла выйдетъ и добро. Эхъ, я люблю, когда выходитъ добро.

И Ѳедоръ Ѳедоровичъ подходилъ къ Баранову, обнималъ его, потомъ къ Пазухину, дружески бралъ его за плечи. Пазухинъ началъ овладѣвать собой. Въ его глазахъ уже не было больше подавленности и тревоги; онъ смотрѣлъ на всѣхъ прямо и довѣрчиво.

— Ну, вотъ видишь Пазухинъ, я говорилъ: пойдемъ и нечего тебѣ бояться!—сказалъ Митя.—Вотъ ты и убѣдился въ этомъ. Вся бѣда въ томъ, что ученики и учителя совсѣмъ не знаютъ другъ друга, не видятъ другъ въ другѣ людей, а только учатъ и учатся. Узнали бы, полюбили бы другъ друга. Увидѣли бы, что и у тѣхъ, и у другихъ есть что-нибудь хорошее, и подружились бы.

— Ну, да уладится, уладится, — продолжалъ настаивать на своемъ Ѳедоръ Ѳедоровичъ,—а пока что, Василій Григорьевичъ, прикажи-ка намъ чайку подать и вмѣстѣ и разопьемъ и еще, пожалуй, чокнемся—чаемъ... Ничего, можно и чаемъ чокаться, когда есть чувство!

Барановъ сходилъ въ кухню и приказалъ поставить самоваръ. Не смотря ни на что, онъ въ эти минуты переживалъ какое-то радостное чувство. Въ немъ точно перерождалась душа, онъ обновлялся, Онъ еще не могъ дать имя своему состоянію. Но было въ душѣ его что-то новое, чего онъ еще никогда не испытывалъ.

Они пили чай. Ѳедоръ Ѳедоровичъ говорилъ безъ умолку. Пазухинъ совсѣмъ прояснился. Казалось, всѣ забыли о случившемся.

И вдругъ новый звонокъ въ передней нарушилъ очарованіе и напомнилъ, изъ-за чего они всѣ собрались здѣсь.

— Это къ вамъ! — сказала горничная, пріотворивъ дверь. Барановъ выбѣжалъ въ переднюю. Это былъ курьеръ изъ гимназіи. Онъ передалъ Баранову книжку и пакетъ. Онъ вошелъ въ комнату блѣдный.

— Что тутъ такое? — спросилъ онъ, разсматривая пакетъ.

Онъ росписался въ книгѣ и отдалъ ее курьеру. Потомъ раскрылъ пакетъ. Тамъ было приглашеніе на экстренный педагогическій совѣтъ. Всѣ вдругъ замолкли.

— Надо идти, скоро восемь часовъ!—глухимъ голосомъ сказалъ Барановъ.

— Ничего, ничего,—ободрялъ его Ѳедоръ Ѳедоровичъ,—будь твердъ. Твердостью города стоятъ. А мы посидимъ здѣсь и будемъ чай попивать.

Барановъ одѣлся, пожалъ всѣмъ руки и пошелъ въ гимназію.

IX.

Барановъ слишкомъ поторопился. Онъ пришелъ въ гимназію первымъ. Въ помѣщеніи правленія служитель готовилъ столъ, раскладывая передъ каждымъ стуломъ бумагу и карандаши. Не было еще никого изъ учителей.

Онъ спросилъ служителя, когда же начнется совѣтъ? Ему отвѣтили, что не раньше, какъ черезъ полчаса, и онъ принялся ходить по корридору.

На минуту забѣжалъ инспекторъ.

— Скажите, что̀ будетъ Пазухину?—спросилъ Барановъ.

— А ужъ не знаю, не знаю... — съ выраженіемъ хитрости отвѣтилъ инспекторъ,—но его нельзя оставить въ гимназіи. Съ такимъ направленіемъ нельзя держать ученика.

Инспекторъ сказалъ это и исчезъ. Очевидно, онъ торопился.

Волненіе Баранова усилилось. Значитъ, это уже предрѣшено. Учителя едва ли захотятъ вникнуть въ сущность дѣла. Большею частью это люди безличные. Они всегда исправно ходятъ на уроки, въ учительской говорятъ мягко и сдержанно о совершенно постороннихъ предметахъ. Почтительно встаютъ, когда входитъ директоръ, исполняютъ всѣ свои обязанности и этимъ ограничиваются.

Стали понемножку сходиться. Вбѣжалъ старый учитель словесности. И вдругъ заговорилъ своимъ безпокойнымъ нервнымъ голосомъ.

— Что тутъ такое? Это казнить кого-то хотятъ? Кажется, Пазухина, а? Ужъ если позвали, то, значитъ, казнить... Это что жъ? Это *вамъ* угодно его казнить, Василій Григорьевичъ?—обратился онъ къ Баранову.

Барановъ поблѣднѣлъ.

— Напротивъ... Я хотѣлъ бы его спасти какъ-нибудь...

— Ага... Сперва утопить, а потомъ спасти... Это подвигъ!—ядовито замѣтилъ учитель словесности.

— Какъ спасти?—вмѣшался въ разговоръ Акульскій, у ко-

тораго по этому поводу, очевидно, было очень опредѣленное убѣжденіе.—Но развѣ можно оставить такое дѣло? Допускать такое направленіе, это значитъ отказаться отъ всякаго престижа.

— Престижъ? Вамъ нуженъ престижъ?—спросилъ его учитель словесности и саркастически посмотрѣлъ на него.

— Разумѣется!—съ увѣренностью отвѣтилъ Акульскій.

— А зачѣмъ вамъ престижъ? Ваша обязанность учить, а не престижъ...

— Но однако жъ—началъ было возражать Акульскій...

— Когда учитель талантливъ, когда онъ учитъ дѣльно и хорошо, то его слушаютъ,—внушительно замѣтилъ ему учитель словесности.—Когда же онъ бездаренъ и скученъ, то зѣваютъ. А престижъ тутъ совершенно не причемъ. Если ученикъ заблуждается, его надо научить, вразумить, а не выбрасывать. Если бы всѣ ученики были совершенны и никогда не заблуждались, то незачѣмъ было бы воспитывать ихъ, не зачѣмъ строить гимназіи и платить намъ жалованье...

— Ну, знаете, такими рѣчами вы насъ не удивите!—довольно задорно промолвилъ Акульскій.

— О, да я и не имѣю претензіи удивлять васъ...

Учителя сходились. Стали говорить, но рѣшительно никто не говорилъ о предстоящемъ дѣлѣ. Въ одномъ мѣстѣ обсуждали вчерашній концертъ, здѣсь горячо спорили о новыхъ назначеніяхъ въ педагогическомъ мірѣ. Всѣ имѣли такой видъ, какъ будто собрались не для рѣшенія вопроса о человѣческой жизни, а для форменной подписи какой-нибудь форменной бумаги.

Наконецъ, прибѣжалъ инспекторъ, а вслѣдъ за нимъ, переваливаясь съ боку на бокъ, пришелъ директоръ. Всѣ заняли мѣста и усѣлись.

— Господа, я думаю, что мнѣ не придется очень задержать васъ,—сказалъ директоръ,—дѣло ясно и не требуетъ долгихъ обсужденій. Я собралъ васъ въ экстренное засѣданіе въ виду того, что произошелъ изъ ряда вонъ выходящій случай. Ученикъ седьмого класса Пазухинъ позволилъ себѣ чрезвычайную дерзость по отношенію къ учителю исторіи, Василію Григорьевичу Баранову. Хотя всѣ вы, должно быть, уже знаете подробности этого дѣла, но все же я попрошу Василія Григорьевича разсказать, какъ именно было дѣло.

Барановъ, сидѣвшій до этого съ опущенной головой, поднялъ голову.

— Я прошу у васъ, Иванъ Васильевичъ, и у другихъ товарищей извиненія,—сказалъ Барановъ.

— Въ чемъ же это?—спросилъ директоръ и съ недоумѣніемъ посмотрѣлъ на него.

— Подъ вліяніемъ перваго впечатлѣнія я нѣсколько преувеличилъ и придалъ чрезвычайное значеніе пустому случаю. И такимъ образомъ ввелъ въ заблужденіе и васъ, Иванъ Васильевичъ, и товарищей.

— Вы говорите —пустой случай?—спросилъ инспекторъ.

— Да, когда я вполнѣ спокойно обсудилъ все дѣло, то пришелъ къ заключенію, что это не болѣе, какъ незначительный случай.

— Извините меня, Василій Григорьевичъ,—съ своей обычной усмѣшкой сказалъ инспекторъ,—но, насколько я помню, Иванъ Васильевичъ предложилъ вамъ высказать не заключеніе ваше, а именно изложить, какъ было дѣло.

— Да, именно, какъ было дѣло!—повторилъ директоръ.

— Безъ сомнѣнія,—прибавилъ инспекторъ,—оно было именно такъ, какъ разсказали вы Василію Ивановичу утромъ.

— Совершенно такъ,—сказалъ Барановъ.—Вотъ какъ было дѣло. Въ то время, какъ я началъ объяснять слѣдующій урокъ, Пазухинъ поднялся и направился къ двери. Онъ видимо былъ нездоровъ...

— А, видимо... Но тогда это еще не было видимо!—саркастически замѣтилъ инспекторъ.

— Тогда я этого не могъ принять во вниманіе. Я былъ слишкомъ взволнованъ...

— Продолжайте! —сказалъ директоръ.

— У него дрожали руки, щеки были блѣдны, губы синія. Я спросилъ его: куда вы идете? онъ отвѣтилъ: я хочу выйти. Я спросилъ: зачѣмъ? Онъ сказалъ: такъ, безъ особой причины. Тогда я замѣтилъ: въ такомъ случаѣ вамъ бы лучше остаться и выслушать объясненіе слѣдующаго урока. Онъ отвѣтилъ...

— Да, вотъ любопытно, что̀ именно онъ отвѣтилъ?—сказалъ инспекторъ.

— Онъ отвѣтилъ, что... что это ничего... и что онъ урокъ все-таки выучитъ и будетъ знать...

— Гм... Странно... Утромъ Василій Григорьевичъ все это совершенно иначе передавалъ! — опять ядовито вставилъ инспекторъ.

— Да, какъ будто нѣсколько иначе!—подтвердилъ директоръ.

— Тогда я находился въ сильномъ волненіи и не могъ быть безпристрастнымъ!—промолвилъ Барановъ.

— Я, однакожъ, полагаю, что скорѣе вы *тогда* болѣе могли быть безпристрастны, чѣмъ теперь, когда вы можете находиться подъ вліяніемъ какихъ-нибудь постороннихъ побужденій!—замѣтилъ инспекторъ.

— У меня нѣтъ никакихъ постороннихъ побужденій, — съ чуть замѣтной рѣзкостью возразилъ Барановъ.

— Я позволю себѣ высказать,—мягкимъ голосомъ замѣтилъ красивый учитель математики и физики,—что въ такомъ случаѣ непонятно, зачѣмъ же насъ сюда созвали?..

— А вотъ именно, чтобы обсудить этотъ случай, — сказалъ директоръ.

— Но случая никакого не оказывается.

— Позвольте-съ, —промолвилъ инспекторъ.—Я не согласенъ съ той окраской, какую придаетъ этому эпизоду Иванъ Васильевичъ. Дѣло, насколько я помню, было такъ. Пазухинъ не ограничился заявленіемъ, что выучитъ урокъ, а прибавилъ: вѣдь все равно, новаго, молъ, ничего вы не скажете. Я ничего не услышу такого, чего не было бы въ учебникѣ. Это уже есть дерзость. Иначе этого нельзя понимать. И такого ученика нельзя терпѣть въ гимназіи.

— Позвольте мнѣ высказать свое мнѣніе!—обратился учитель словесности къ директору.

— Пожалуйста!—съ явной однакожъ неохотой сказалъ директоръ.

— Я прежде всего спрошу: что предстоитъ Пазухину?

— Такого ученика нельзя терпѣть въ гимназіи. Поступокъ этотъ, очевидно, не случайный, а является результатомъ извѣстнаго направленія,—отвѣтилъ инспекторъ.

— Такъ что, если бы было доказано, что онъ случайный, то и кара была бы гораздо меньше.

— Но этого доказать нельзя.

— Позвольте мнѣ попробовать сдѣлать это.

— Но въ этомъ и надобности нѣтъ,—съ замѣтнымъ раздраженіемъ сказалъ инспекторъ.

— Въ этомъ есть надобность!—твердо возразилъ ему учитель словесности.—Я прошу Ивана Васильевича опредѣлить, дѣйствительно ли въ этомъ нѣтъ надобности и, въ случаѣ утвердительнаго отвѣта, дать мнѣ слово.

— Говорите, пожалуйста, — сдвинувъ плечами, сказалъ директоръ.

Онъ вообще былъ человѣкъ нерѣшительный, съ мирными наклонностями, но, кромѣ того, къ учителю словесности считалъ своимъ долгомъ относиться снисходительно, какъ къ человѣку старому и главное заслуженному передъ высшимъ начальствомъ.

— Были ли со стороны Пазухина наблюдаемы аналогичные поступки?—спросилъ учитель словесности.

— Поступковъ не было,—отвѣтилъ инспекторъ,—а было явное расположеніе и готовность къ нимъ.

— И что же, объ этомъ записано въ журналахъ?

— Подобныя вещи не записываются въ журналы.

— Но позвольте же вамъ сказать, что расположеніе и готовность—такія неуловимыя и произвольныя вещи, что одно только убѣжденіе кого бы то ни было въ томъ, что онѣ существуютъ, нельзя считать за достаточное основаніе къ исключенію ученика изъ гимназіи. Направленіе, какъ вы изволили сказать, тоже вещь очень тонкая, во всякомъ случаѣ оно опредѣляется дѣйствіями, а не вашимъ убѣжденіемъ, а дѣйствій никакихъ не было. Всѣ мы знаемъ Пазухина въ теченіе уже почти восьми лѣтъ. Это былъ тихій и скромный ученикъ, и если бы не случилось этой болѣзненной выходки, то всѣ мы сказали бы въ одинъ голосъ, что онъ самаго лучшаго направленія. Неужели же одинъ случай создаетъ направленіе? Конечно, нѣтъ. А если это не направленіе, а случай, то задача наша заключается въ томъ, чтобы исправить его характеръ, чтобы подобный случай не повторился. Наконецъ, господа, и направленіе—не такое ужъ страшное слово. Направленіе не получается съ вѣтра и не дается при рожденіи. Пазухинъ семь лѣтъ учится въ нашей гимназіи. Поступилъ онъ сюда ребенкомъ. Большую часть времени онъ проводилъ въ гимназіи. Его умъ, его взгляды, его душевный складъ сформировались исключительно подъ вліяніемъ уроковъ, учебниковъ, учителей и всего духа нашей гимназіи. И если все это дало ему недостаточно хорошее направленіе, то, значитъ, это направленіе создано нами и казнить его за то, что мы не съумѣли дать ему хорошее направленіе, несправедливо.

— Но въ такомъ случаѣ онъ будетъ заражать другихъ!— возразилъ инспекторъ.

— Это было бы очень жаль. Но вы можете устроить какія вамъ угодно дезинфекціи отъ этой заразы, но не губить молодой души, въ порчѣ которой еще неизвѣстно, кто виноватъ. Наконецъ, если самъ обиженный, Василій Григорьевичъ, не придаетъ серьезнаго значенія этому эпизоду...

— Онъ теперь не придаетъ, а утромъ придавалъ...

— Позвольте мнѣ сказать, Иванъ Васильевичъ,—попросилъ Барановъ очень твердымъ голосомъ.

— Говорите, — съ видимо скучающимъ видомъ разрѣшилъ директоръ.

— Я уже сказалъ, что утромъ я былъ слишкомъ взволнованъ и не могъ ясно видѣть, и теперь повторяю, что это было вызвано болѣзненнымъ состояніемъ Пазухина и не заключало въ себѣ ничего оскорбительнаго; я на этомъ настаиваю.

— Странно! То, что утромъ было оскорбительно, вечеромъ вамъ даже, кажется, нравится!—сказалъ инспекторъ.

— Я прошу у васъ, Иванъ Васильевичъ,—прибавилъ Барановъ, какъ бы не слыша замѣчанія инспектора,—а также и у

всѣхъ—извиненія за то, что своимъ необдуманнымъ разсказомъ я ввелъ васъ въ заблужденіе...

— Съ нами просто играютъ!—воскликнулъ инспекторъ, ни къ кому не обращаясь.

— Я прошу извиненія!—повторилъ Барановъ.

— Господа,—примирительно сказалъ учитель математики,—но если такъ, то нѣтъ никакихъ причинъ для столь суроваго наказанія.

— Въ такомъ случаѣ,—съ легкой досадой замѣтилъ директоръ,—я обязанъ сдѣлать вамъ замѣчаніе, Василій Григорьевичъ.

— Я его вполнѣ заслужилъ, Иванъ Васильевичъ.

Тогда возникъ вопросъ о томъ, какому же наказанію подвергнуть Пазухина и, такъ какъ всѣ очень уже утомились и всѣмъ было скучно заниматься этимъ дѣломъ, то было рѣшено долго на этомъ вопросѣ не останавливаться. Директоръ предложилъ на три дня оставить его при гимназіи. И всѣ съ нимъ согласились.

Одинъ только инспекторъ видимо принялъ близко къ сердцу это обстоятельство и явно былъ недоволенъ исходомъ дѣла. Это видно было по его лицу. Всѣ остальные отнеслись съ полнымъ равнодушіемъ. Большая часть учителей даже во время самаго засѣданія тихонько позѣвывали, прикрывая ротъ рукой. Другіе каждую минуту посматривали на часы. У всѣхъ было выраженіе глубокой скуки и лица прояснились, когда оказалось, что, сверхъ ожиданія, совѣтъ кончился всего только въ половинѣ десятаго.

И какъ только директоръ объявилъ объ окончаніи засѣданія, всѣ схватили шапки и удивительно быстро разбѣжались.

Акульскій подошелъ къ Баранову и промолвилъ:

— Ну и оскандалились же, вы, Василій Григорьевичъ!..

— Вы находите?—спросилъ Барановъ.

— Ну, конечно, еще бы... Какъ же нѣтъ? Изъ за васъ вдругъ собрали совѣтъ и что жъ? Ничего.

— А вы чего же хотѣли?

— Какъ чего? Надо было поступить, какъ слѣдуетъ, т.-е. строго... А то что же это такое? Посадить въ карцеръ!... Для этого не стоило собирать совѣтъ.

— А по вашему, совѣтъ стоитъ собирать только изъ за того, чтобъ посадить на колъ?—рѣзко и грубо замѣтилъ Барановъ.

Тутъ только Акульскій сообразилъ, въ какомъ онъ настроеніи:

— Какъ глупо!—сказалъ онъ, фыркнулъ и ушелъ.

Барановъ вышелъ изъ гимназіи, чувствуя, что всѣ недовольны имъ, а нѣкоторые даже обижены; но это нисколько не подавляло его. Напротивъ, онъ испытывалъ какое-то радостное чувство хорошаго дѣла.

Позади его раздавались торопливые мелкіе шаги. Онъ оглянулся и увидѣлъ, что его нагоняетъ стрый учитель словесности.

— Я нарочно догоняю васъ,—сказалъ старикъ.—Я хочу вамъ сказать... Вы сдѣлали промахъ, но поправили, и это отлично... Я радъ, я ужасно радъ...

— Да, я боялся, что не удастся... сказалъ Барановъ.—Вѣдь это только благодаря вамъ...

— Ахъ, нѣтъ... Я тутъ не причемъ. И это вовсе не изъ скромности говорю. Вѣдь я всегда одинаковъ,—сказалъ старый учитель словесности.—Но это ни къ чему не ведетъ. Ужъ они заранѣе знаютъ, какого мнѣнія держусь я по тому или другому вопросу. Но я такъ рѣзко расхожусь съ ними во всемъ, что они даже не понимаютъ моего языка. И повѣрьте, что то, что я говорилъ имъ, произвело такое же впечатлѣніе, какъ будто я говорилъ по-китайски. Что бы я ни говорилъ, но если бы вы дали имъ формальные поводы, все равно мальчика исключили бы. Имъ только дай малѣйшій поводъ... Ученикъ наступилъ на мозоль инспектору, а, значитъ, дурное направленіе! Это точно такъ, какъ было нѣкогда въ инквизиціи. Не надо было даже совершать проступокъ противъ религіи, но достаточно, чтобы тебя заподозрили въ еретичествѣ и ужъ все равно, разъ притащили тебя къ трибуналу, будь ты хоть святой апостолъ, тебя сожгутъ. Такъ и здѣсь, только попадись. Вотъ въ этомъ-то и была ваша ошибка. Что хотите, но только не ходите къ директору и инспектору. Ужъ разъ вы имъ заявили,—они даже и сами не виноваты, потому что они иначе не могутъ поступить, такъ они сдѣланы,—ужъ они должны идти до конца по своимъ рельсикамъ. Я давно пришелъ къ этому заключенію. И у меня же бывали подобные случаи. Вѣдь ученики—живые люди, а съ живымъ человѣкомъ мало ли какіе кудрявые эпизоды случаются. Но, что бы ни случилось съ ученикомъ, я всегда самъ разберу. Лучше ошибусь, лучше поступлюсь, а только ни инспектору, ни директору не скажу. Они вѣдь превратились въ машины и притомъ это машины жадныя, обжорливыя, требующія жертвъ. Только подкладывай, они сейчасъ подхватятъ, сожрутъ и иструтъ въ порошокъ. Вотъ какъ молотилка снопы ржи глотаетъ... Вы, очевидно поняли это?

— Да, понялъ,—отвѣтилъ Барановъ,—хотя не самъ... У меня есть друзья, которые помогли мнѣ.

— Блаженъ тотъ, у кого есть такіе друзья. Ну, такъ кланяйтесь, пожалуйста, вашимъ друзьямъ. Скажите, что старый учитель словесности имъ кланяется... До свиданья!

Барановъ изъ за-него пошелъ совсѣмъ въ другую сторону отъ дома и такъ какъ тамъ его ждали, онъ взялъ извозчика и прикатилъ. Онъ позвонилъ. Всѣ выбѣжали на этотъ звонокъ изъ

комнаты въ переднюю. Ѳедоръ Ѳодоровичъ отперъ дверь и Барановъ увидѣлъ, что всѣ тутъ стоятъ въ ожиданіи.

— Ну, что? кричать ура, что ли?—воскликнулъ Ѳедоръ Ѳедоровичъ.

— Кричите,—сказалъ Барановъ.

— Ну, такъ ур-ра, значитъ ура! съ трудомъ?

— Съ борьбой. Учитель словесности сильно помогъ мнѣ. Онъ кланяется вамъ всѣмъ. Я сказалъ, что это вы мнѣ помогли, ну, такъ вотъ онъ велѣлъ кланяться.

— Эхъ, молодецъ же твой учитель словесности! Дай ему Богъ здоровья!—сказалъ Ѳедоръ Ѳедоровичъ.

Барановъ снялъ пальто, вошелъ въ комнату и разсказалъ все, какъ было.

— Ну,—промолвилъ Ѳедоръ Ѳедоровичъ, обращаясь къ Пазухину,—теперь, молодой человѣкъ, держите ухо востро. Теперь господинъ инспекторъ будетъ даже въ вашихъ сапогахъ искать направленія. Ахъ, ты, Боже мой! Направленіе! Ну, посмотрите вы на него, какой онъ блѣдненькій, худенькій, истомленный... Ну, какое тутъ у него можетъ быть направленіе? Я думаю, одно направленіе: кончить какъ можно скорѣе гимназію и выспаться... Ха-ха-ха!.. Ну, а теперь, господа, по домамъ, по домамъ?.. Поздно. Всѣмъ спать надо. У каждаго завтра дѣло. А вы, молодой человѣкъ, бѣгите къ родителямъ и поскорѣе успокойте ихъ. Они то навѣрно тамъ ждутъ, не дождутся...

— Спасибо вамъ, спасибо!—говорилъ Барановъ, пожимая руки Ѳедору Ѳедоровичу, Митѣ и Варѣ,—безъ васъ я просто не зналъ бы, что дѣлать.

Пазухинъ сталъ прощаться съ ними и, пожимая руку Баранову, сказалъ:

— Я не знаю, какъ мнѣ васъ отблагодарить, Василій Григорьевичъ...

Всѣ одѣлись и вышли. Василій Григорьевичъ остался одинъ и почувствовалъ вдругъ страшный упадокъ силъ. Никогда еще въ жизни онъ не переживалъ такого утомительнаго дня. Никогда его нервы не вынесли такого страшнаго испытанія.

Но зато въ душѣ у него было такое чувство, какъ будто тамъ уже нѣтъ прежней мучительной пустоты, точно онъ сдѣлалъ сегодня какое-то важное пріобрѣтеніе.

На другой день онъ проснулся съ страннымъ чувствомъ. Онъ припомнилъ вчерашнее и ему казалось, что совершилось что-то ужасное; но затѣмъ онъ вспомнилъ дальше, все до конца, и въ душѣ его явилось проясненіе и чувство радости охватило его.

Потомъ явилась мысль о томъ, что надо идти въ гимназію. Какъ же это будетъ? Послѣ всего того, что произошло вчера...

Какъ онъ теперь пойдетъ туда? Прежде всего ему непріятно было появляться въ учительской. Акульскій, быть можетъ, выразилъ общее мнѣніе, когда сказалъ ему вчера: вы оскандалились! Можетъ быть, онъ въ самомъ дѣлѣ оскандалился? Но чѣмъ? Тѣмъ, что изъ-за него были созваны учителя въ совѣтъ? Но что жъ тутъ такого? Ну, напрасно побезпокоили ихъ. Но развѣ лучше было бы, если бы ихъ побезпокоили не напрасно, и совершилось бы жестокое дѣло?

Да въ сущности, какое имъ всѣмъ до этого дѣло? Развѣ они вникаютъ? Развѣ они заинтересовались душой Пазухина? Развѣ хоть кто-нибудь изъ нихъ спросилъ, что это за юноша, откуда у него явились такіе порывы? Развѣ у нихъ есть хоть какое-нибудь мнѣніе по этому вопросу? И развѣ имъ не все равно до того, какая судьба постигнетъ того или другого ученика?

Нѣтъ, имъ рѣшительно все равно. Они равнодушные люди. Въ своей частной жизни, въ своихъ дѣлахъ, они, можетъ быть, увлекаются и интересуются тѣмъ, другимъ, но здѣсь, въ стѣнахъ гимназіи, они равнодушны. Они согласны съ тѣмъ, что сказалъ директоръ, согласны даже не изъ лакейства предъ нимъ, а просто изъ равнодушія. А директоръ—человѣкъ облѣнившійся и желающій только одного,—покоя, всегда говоритъ то, чего хочетъ инспекторъ.

Да, вотъ инспекторъ, — онъ хотѣлъ, чтобы Пазухина непремѣнно исключили. Но зачѣмъ? Какая прибыль ему отъ этого? Почему это доставило бы ему удовольствіе? Этого Барановъ никакъ не могъ понять.

Затѣмъ припомнился ему учитель словесности. Вѣдь онъ говорилъ съ нимъ дружески. Онъ поддержалъ его и даже велѣлъ кланяться всѣмъ... Нѣтъ, нѣтъ, онъ не оскандалился и ничего нѣтъ страшнаго для него въ томъ, что онъ пойдетъ въ учительскую и встрѣтится съ товарищами. Что изъ того, что они скажутъ: ты былъ слабъ, ты уступилъ! но зато онъ знаетъ навѣрное, что, благодаря этой „слабости“, совершилось хорошее дѣло. Если бы Пазухинъ былъ исключенъ, т.-е. если бы онъ, Барановъ, не былъ слабъ, то онъ чувствовалъ бы себя убійцей.

Онъ поднялся съ постели, сталъ одѣваться, умылся; ему дали чаю. Кто-то позвонилъ и затѣмъ спрашивали его. Ему показалось, что это былъ знакомый голосъ. Кто же это могъ придти такъ рано? Онъ на-скоро завязалъ галстухъ. Дверь отворилась и вошелъ старикъ Пазухинъ, тотъ самый, что приходилъ вчера.

— Ахъ, это вы!—промолвилъ Барановъ.

— Простите, пожалуйста; пришелъ поблагодарить васъ. Не знаю даже, какъ и благодарить... словъ нѣтъ!

Голосъ его дрожалъ.

—Садитесь пожалуйста!—сказалъ Барановъ.

Тотъ сѣлъ и началъ разсказывать о сынѣ.

— Вчера пришелъ онъ отъ васъ и началъ передавать, какъ вы его приняли, и о вашихъ родственникахъ, кажется, или друзьяхъ, и такъ онъ былъ разстроенъ, что не выдержалъ и вдругъ началъ плакать и все твердилъ: „нѣтъ, папа, есть хорошіе люди! есть-таки на свѣтѣ хорошіе люди!..“ Онъ ужасно нервный мальчикъ. А сегодня всталъ съ головною болью.

— Ему будетъ тяжело съ головною болью... Вѣдь его оставятъ въ гимназіи!—сказалъ Барановъ.

— Нѣтъ, онъ говоритъ, что ничего... Онъ находитъ, что такъ и слѣдуетъ. И все твердитъ, что страшно виноватъ передъ вами. Ну, еще разъ благодарю васъ. Спѣшу на службу. Ужъ извините... забѣжалъ поблагодарить. Не могъ отказать себѣ въ этомъ...

Онъ ушелъ. Барановъ началъ торопиться. Онъ ужъ и такъ опоздалъ въ гимназію, придется взять извозчика, хотя гимназія была и близко. Вообще онъ избѣгалъ опаздывать на уроки, а опоздать сегодня было совсѣмъ ужъ нехорошо. Пожалуй, инспекторъ особенно поставитъ это ему на счетъ.

Онъ уже собирался выйти изъ квартиры. Въ это время швейцаръ принесъ газеты и вмѣстѣ съ ними подалъ ему письмо, принесенное утромъ посыльнымъ.

— Письмо? Отъ кого же?—спросилъ Барановъ, совсѣмъ не сообразивъ, что швейцаръ никакъ не можетъ отвѣтить на этотъ вопросъ.

Онъ вернулся въ комнату, внимательно разсматривалъ конвертъ и никакъ не могъ отгадать, чей это почеркъ. Наконецъ, онъ распечаталъ. Прежде всего онъ, конечно, взглянулъ на подпись. Онъ увидѣлъ: „Ваша В. Аргунина“.

Сердце его страшно забилось. „Ваша В. Аргунина“, мысленно повторялъ онъ. Ему казалось, что это—самое интересное во всемъ письмѣ и что остальное, что тамъ написано, незачѣмъ и читать.

А въ письмѣ было слѣдующее: „Долго не могла заснуть послѣ всего случившагося. Хочу сказать вамъ, что, какъ это ни странно, а я рада, что все это произошло. Ужасно, когда все идетъ по заведенному порядку. Люди тогда не имѣютъ возможности проявить себя въ настоящемъ видѣ. И часто проходитъ такъ вся жизнь и люди, постоянно сталкивающіеся, каждый день видящіе другъ друга, такъ и умираютъ, не узнавъ другъ друга какъ слѣдуетъ. Но когда случается что нибудь изъ ряда вонъ выходящее, люди начинаютъ дѣйствовать активно, ихъ личность выступаетъ наружу со всѣми своими достоинствами и слабостями и они выясняются другъ передъ другомъ. Вотъ и сегодня передо мной выяснилось многое такое, чему я рада. Жму вашу руку. Ваша В. Аргунина“.

Барановъ на нѣсколько минутъ совсѣмъ позабылъ о гимназіи

и ходилъ по комнатѣ въ какомъ-то безумномъ состояніи. Въ сущности ничего особеннаго въ письмѣ не было и онъ еще не объяснилъ себѣ значенія этого письма. Онъ не зналъ, чему собственно рада Варвара Ѳедоровна?.. Что выяснилось передъ нею вчера? Но чѣмъ-то хорошимъ, дружескимъ, близкимъ вѣяло на него отъ этихъ строчекъ.

Уже одно то, что она не спала, волновалась и все изъ-за него и волей или неволей въ это время думала о немъ, уже одно это было для него важно. И, кромѣ того, вѣдь она захотѣла написать ему.

Что-то важное совершалось въ его жизни, что-то страшно важное. Онъ это чувствовалъ, хотя и вовсе не понималъ, что̀ именно.

Онъ вспомнилъ вдругъ о гимназіи, быстро одѣлся и выбѣжалъ на улицу. Когда онъ вошелъ въ подъѣздъ, наверху раздался звонокъ, приглашавшій на первый урокъ. Онъ забѣжалъ въ учительскую. Уже большинство, захвативъ свои журналы, разбрелись по классамъ. Но кое-кто еще былъ здѣсь. Онъ на̀-скоро пожалъ всѣмъ руки и даже не успѣлъ разглядѣть, какія у нихъ лица и какъ они на него смотрятъ. Онъ схватилъ журналъ и побѣжалъ въ пятый классъ.

Тутъ ему показалось, что въ классѣ была какая-то особенная тишина. И прежде всегда, когда онъ входилъ въ классъ, ученики затихали, но въ этомъ затиханіи ему слышалось что-то принужденное, какая-то натяжка была въ той покорности, съ которой ученики смолкали, прекращая веселый говоръ. Теперь, какъ ему показалось, въ молчаніи учениковъ было что-то добровольное, было какое-то вниманіе.

Онъ вглядѣлся въ лица и не замѣтилъ уже прежняго недовольства; и въ лицахъ учениковъ было что-то новое. Онъ заглянулъ въ журналъ и назвалъ фамилію одного изъ учениковъ; даже въ отвѣтѣ, когда ученикъ отвѣчалъ урокъ, слышалась какая-то охота. Что же произошло съ ними? Или, можетъ быть, съ ними ничего не произошло, а перемѣна случилась только съ нимъ, съ его душой и это дало окраску его взгляду на нихъ и онъ видитъ не то, что есть?

Но вотъ онъ кончилъ спрашивать и долженъ былъ приступить къ объясненію слѣдующаго урока. Вдругъ онъ почувствовалъ, что объяснять такъ, какъ дѣлалъ это всегда, невозможно. Что онъ скажетъ имъ? Вѣдь то, что онъ можетъ сказать, дѣйствительно, они, придя домой, найдутъ въ учебникѣ. И въ самомъ дѣлѣ, что можетъ выражаться на ихъ лицахъ, кромѣ скуки? и въ самомъ дѣлѣ, что могутъ дѣлать они, слушая его сухое, формальное объясненіе, что могутъ дѣлать они, какъ не зѣвать и не бороться со сномъ?

И онъ началъ напрягать свою память. Это было дѣйстви-

тельно страшное напряженіе. Разомъ пришли ему на умъ и университетскія лекціи, въ которыхъ было что-то другое, что-то широкое, и книжки, которыя иногда случайно попадались ему подъ руку, и онъ, стараясь сократить молчаніе, которое и безъ того уже становилось неловкимъ, началъ говорить. Сперва онъ говорилъ тихо, нерѣшительно, какъ человѣкъ, нечаянно залѣзшій не въ свою область, въ которой онъ чувствуетъ себя неувѣреннымъ, но потомъ, какъ бы случайно, онъ попалъ на что-то знакомое и заговорилъ болѣе увѣренно и громко.

Ученики слушали его съ удивленіемъ. Это было совсѣмъ не то, что предстояло для слѣдующаго урока. Они ясно слышали и въ этомъ не могло быть сомнѣнія - онъ говорилъ не о томъ, какъ Карлъ такой-то объявилъ войну Фридриху такому-то, какъ они встрѣтились на берегу такой-то рѣчки, какъ Карлъ мужественно напиралъ на Фридриха и Фридрихъ дрогнулъ и ударился въ бѣгство.

Онъ почему-то вдругъ заговорилъ о глубокомъ значеніи для образованнаго человѣка изученія исторіи народовъ, о томъ, что только тотъ можетъ сознательно относиться къ жизни своей и своего народа, кто знаетъ и правильно оцѣниваетъ прошлое.

Все это онъ, конечно, не выдумалъ изъ своей головы, все это припомнилось ему изъ лекцій, изъ книгъ, благодаря страшному напряженію памяти; все это до сихъ поръ, какъ ненужный балластъ, лежало у него въ головѣ и казалось ему безполезнымъ и непримѣнимымъ.

И вдругъ все это одухотворилось, какъ будто къ сухой, пролежавшей много лѣтъ соломѣ кто-то поднесъ горящій факелъ и поджогъ ее и разомъ запылала она и яркое пламя высоко поднялось отъ нея къ небу.

Говорилъ онъ съ увлеченіемъ, съ огнемъ, голосъ его звучалъ убѣжденно, глаза его пылали. Ученики вытянули шеи и слушали его съ замираніемъ, и онъ это видѣлъ, онъ чувствовалъ, что они его слушаютъ и ему хотѣлось говорить долго и еще горячѣе.

Звонокъ прервалъ его. Онъ вдругъ вспомнилъ, что все это не относится къ слѣдующему уроку и взялъ учебникъ. Онъ сказалъ съ нѣкоторымъ смущеніемъ:

— Мы сегодня нѣсколько отдалились отъ предмета, но это ничего... На слѣдующій урокъ выучите то-то и то-то...

И онъ вышелъ изъ класса среди глубокаго молчанія.

Пазухинъ, придя въ гимназію, конечно, тотчасъ же разсказалъ своимъ товарищамъ обо всемъ, что произошло вчера. Гимназисты слушали его разсказъ съ изумленными лицами, въ особенности о томъ, какъ Пазухинъ былъ у Баранова, что говорилъ Барановъ, о Ѳедорѣ Ѳедоровичѣ, о Варѣ, какъ они ждали Баранова, когда онъ ушелъ на совѣтъ, какъ пили чай. Все это походило на сказку.

Обыкновенно, если случалась у гимназиста особая просьба къ учителю и онъ заходилъ къ нему на домъ, то учитель принималъ его холодно и старался показать, что ему помѣшали, говорилъ свысока, принималъ его не иначе, какъ въ передней. Кромѣ того, весь этотъ разсказъ совсѣмъ не походилъ на представленія гимназистовъ о Барановѣ, какъ о холодномъ сухомъ формалистѣ; такое мнѣніе о немъ составилось уже довольно прочно.

Ученики седьмого класса, конечно, тотчасъ же разсказали все это другимъ гимназистамъ. При скучной однообразной классной жизни, гдѣ все дѣлалось по звонкамъ и каждый день было одно и то же, согласно росписанію, такой разсказъ страшно занялъ и поглотилъ умы гимназистовъ. Всѣ почувствовали къ Баранову уваженіе, смѣшанное съ изумленіемъ.

Послѣ вчерашняго эпизода всѣ считали судьбу Пазухина рѣшенной. Всѣ были увѣрены, что его исключатъ и всѣ пылали непримиримой ненавистью къ Баранову, который являлся причиною этого. И вдругъ онъ же спасъ его.

А послѣ урока въ пятомъ классѣ стали разсказывать, что съ Барановымъ произошла еще новая перемѣна, что онъ вдругъ сдѣлался занимательнымъ, горячимъ, сталъ говорить съ увлеченіемъ. Тогда его уроки пріобрѣли особый интересъ и онъ замѣтилъ, какъ послѣ этого и въ другихъ классахъ его ожидали съ небывалымъ нетерпѣніемъ.

И съ нимъ въ самомъ дѣлѣ произошло что-то небывалое. Онъ точно сбился съ программы и вездѣ говорилъ совсѣмъ не то, что должно было относиться къ слѣдующему уроку и говорилъ съ увлеченіемъ. И весь этотъ день самъ онъ былъ оживленъ, лицо его уже не было такимъ соннымъ, какъ всегда.

Въ два часа у него былъ урокъ въ седьмомъ классѣ. Сюда онъ шелъ съ особеннымъ волненіемъ. Вѣдь здѣсь вчера на глазахъ у всѣхъ была высказана правда. Да, да, правда — нечего это скрывать отъ себя. Не слѣдуетъ скрывать и то, что въ сущности это было дѣйствительно позорно. Да, позорно, но съ какой точки зрѣнія? Съ точки зрѣнія учителя, который уже заранѣе, еще до появленія своего передъ учениками, требуетъ, чтобы у него уже былъ престижъ среди нихъ, съ точки зрѣнія Акульскаго. Престижъ во что бы то ни стало! Уваженіе за то только, что онъ учитель, что у него есть дипломъ, что онъ получаетъ жалованье, носитъ вицъ-мундиръ, что онъ имѣетъ право вязать и рѣшить.

Положимъ, онъ, Барановъ, никогда не стоялъ на такой точкѣ зрѣнія. Онъ не стоялъ ни на какой точкѣ зрѣнія. Ему просто было скучно и противно заниматься въ гимназіи.

Но сегодня у него въ душѣ загорѣлось пламя. Вчера былъ

оскорбленъ учитель, но оскорбленіе вчерашняго учителя до него не касается, сегодня онъ не тотъ.

Онъ вошелъ въ классъ. Здѣсь была та же тишина, что и въ другихъ классахъ. Онъ занялъ свое мѣсто и, прежде чѣмъ начать спрашивать уроки, осмотрѣлъ учениковъ и увидѣлъ, что они съ серьезнымъ вниманіемъ смотрятъ на него и какъ будто ждутъ чего-то особеннаго. И вдругъ онъ почувствовалъ, что долженъ какъ-нибудь отвѣтить на это вниманіе. Онъ совсѣмъ не былъ подготовленъ къ этому и тѣмъ не менѣе онъ сказалъ:

— Господа, вчера произошелъ печальный эпизодъ, который былъ результатомъ взаимнаго непониманія нашего другъ друга. Я очень радъ, что онъ кончился не такъ тяжело, какъ самъ я и, вѣроятно, вы ожидали. Но это не мѣшаетъ ему быть печальнымъ. Постараемся же во всемъ понимать другъ друга. Сдѣлаемъ для этого обоюдное усиліе и, главное, будемъ довѣрять другъ другу и тогда дѣло у насъ пойдетъ хорошо.

Онъ кончилъ и остановился, Въ классѣ пронеслось тихое, едва слышное гуденіе, но въ немъ онъ своими обостренными въ эту минуту нервами разслышалъ симпатію. Что-то торжественно охватило и его и учениковъ въ тотъ мигъ. Можетъ быть, зарождалось зерно той связи, которая должна была впослѣдствіи явиться между ними.

Пазухинъ сидѣлъ на своемъ крайнемъ мѣстѣ, на третьей скамейкѣ, и съ глубокимъ волненіемъ смотрѣлъ на Василія Григорьевича. Можетъ быть, онъ ожидалъ, что тотъ обратится къ нему лично съ какими-нибудь словами и сердце его болѣзненно сжималось отъ этого ожиданія. Нервы его были страшно напряжены и если бы ему пришлось сказать два слова, то навѣрно они не выдержали бы и онъ разрыдался бы. Онъ чувствовалъ себя страшно виноватымъ и ему было тяжело, въ особенности послѣ такихъ словъ Баранова.

Если бы его наказали болѣе жестоко, если бы Барановъ поступилъ съ нимъ не такъ великодушно, ему было бы легче. Но Василій Григорьевичъ ни однимъ словомъ не обратился къ нему; онъ назвалъ фамилію другого ученика и сталъ спрашивать урокъ.

Потомъ спросилъ еще нѣсколькихъ и затѣмъ съ небывалымъ для него увлеченіемъ, которое родилось въ душѣ его сегодня, началъ говорить по поводу слѣдующаго урока. Ученики посматривали другъ на друга и одобрительно кивали головами.

Вдругъ скрипнула дверь и вошелъ директоръ. Всѣ встали, потомъ, подчиняясь его жесту, опять сѣли. Барановъ остановился.

— Продолжайте, продолжайте,—сказалъ директоръ и въ это время видна была въ корридорѣ сквозь стеклянную дверь фигура инспектора, который, очевидно, ходилъ тамъ безъ всякаго дѣла.

Но Барановъ почувствовалъ, что продолжать по прежнему онъ уже не можетъ, что въ эту интимную связь, которая установилась между нимъ и слушателями, ворвалось что-то постороннее и онъ началъ говорить вяло и съ запинками. Онъ сдѣлалъ формальный переходъ отъ общаго взгляда къ завтрашнему уроку и совершенно приблизился къ учебнику. Опять ученики почувствовали въ немъ прежняго учителя, но всѣ поняли, что въ этомъ виноватъ былъ директоръ.

Раздался звонокъ, директоръ поднялся, но не вышелъ. Онъ обратился къ ученикамъ и сказалъ:

— Вотъ, вчера, въ вашемъ классѣ произошелъ случай, одинъ изъ тѣхъ случаевъ, которые не могутъ быть терпимы въ гимназіи. Конечно, я не думаю, я не хочу думать, чтобы тутъ высказалось направленіе. Но во всякомъ случаѣ это нетерпимо и только благодаря—я это прямо скажу—снисходительности Василія Григорьевича, дѣло это не принесло вполнѣ заслуженныхъ послѣдствій. Совѣтъ ограничился тѣмъ, что наказалъ Пазухина оставленіемъ его на три дня въ гимназіи. Но пусть это послужитъ вамъ грознымъ примѣромъ. Вы должны знать, что на будущее время подобные случаи будутъ преслѣдоваться съ непоколебимою строгостью.

Ученики отвѣтили ему на это глубокимъ молчаніемъ. Директоръ подалъ руку Баранову и вышелъ. Барановъ остался еще на минуту, указалъ слѣдующій урокъ и затѣмъ вышелъ въ корридоръ.

Это былъ его послѣдній урокъ сегодня. Въ корридорѣ съ нимъ поравнялся инспекторъ. Онъ поздоровался съ нимъ.

— Скажу вамъ откровенно,—промолвилъ инспекторъ,—что вамъ придется пожинать плохіе плоды отъ вашей слабости.

„Мнѣ кажется, что я уже пожинаю ихъ“, подумалъ Барановъ съ улыбкой и ничего не отвѣтилъ инспектору. А тотъ продолжалъ:

— И я вамъ долженъ сказать, что это очень пагубно, очень пагубно отразится на нравственности всѣхъ гимназистовъ. Да, да. Намъ трудно будетъ, если что-нибудь подобное повторится. А ужъ теперь навѣрно это будетъ повторяться. Малѣйшая слабость и они сейчасъ же начинаютъ подражать...

— Но мнѣ кажется,—сказалъ Барановъ,—что Пазухинъ такъ перестрадалъ отъ всего этого, что для него уже одно это можетъ служить наказаніемъ.

— А-ха-ха! Вы думаете, они страдаютъ отъ такихъ вещей? Какъ вы ошибаетесь! Онъ теперь торжествуетъ. Онъ чувствуетъ себя побѣдителемъ. Но ужъ я буду теперь за нимъ слѣдить. Теперь ни одно его движеніе не пройдетъ не замѣченнымъ, да, да, благодаря вамъ, мы допустили страшную слабость.

Барановъ не зналъ что сказать ему на это и, такъ какъ надо было что-нибудь сказать инспектору въ утѣшеніе, то онъ промолвилъ:

— Но вѣдь это онъ въ первый разъ. Для перваго раза это все-таки довольно строгое наказаніе.

Въ учительской онъ нашелъ только двоихъ: Акульскаго и стараго учителя словесности. Акульскій подошелъ къ нему съ саркастической усмѣшкой.

— А, здравствуйте великодушный наставникъ! Заступникъ угнетенныхъ...

Барановъ вспыхнулъ и хотѣлъ было отвѣтить ему дерзостью. Но учитель словесности помѣшалъ ему. Онъ вдругъ громко и ядовито разсмѣялся.

— И откуда они только берутся эти маленькодушные наставники и заступники угнетателей?.. Вотъ чего я не понимаю...— воскликнулъ онъ.—Кажется, въ университетахъ нашихъ—широкія программы и умные профессора и все такое. Казалось бы, должны выходить оттуда люди съ широкими взглядами, съ огненной душой, съ благородными запросами, а выходятъ какіе-то жалкіе пигмеи, способные только на то, чтобы быть винтиками въ машинѣ. И откуда у этихъ людей берется такая сухость, злоба, готовность подсиживать, губить?.. Просто непонятно...

Акульскій прослушалъ эту тираду и демонстративно вышелъ въ корридоръ, хотя ему и не было надобности въ этомъ. Тогда учитель словесности подошелъ къ Баранову и сказалъ ему:

— Знаете, мнѣ просто невыносимо видѣть вотъ этакихъ недоносковъ, какъ этотъ господинъ. И я вамъ откровенно скажу, что до вчерашняго дня я и васъ считалъ такимъ. Но, слава Богу, я такъ пріятно разочаровался, слава Богу, слава Богу! Вчера днемъ я васъ ненавидѣлъ за то, что вы побѣжали къ директору, а вечеромъ понялъ, что это просто отъ вашей неопытности, отъ неумѣнья владѣть собой. Ну, до свиданья, желаю вамъ всего хорошаго.

Барановъ пошелъ домой. Здѣсь ему сказали, что забѣгалъ Митя и, не заставъ его, оставилъ ему записку.

Митя писалъ: „Отецъ и Варя поручили мнѣ просить васъ, чтобы вы сегодня у насъ обѣдали; я тоже присоединяюсь къ этой просьбѣ. Варя сказала, чтобъ непремѣнно пришли, и если не придете, то она разсердится“.

— Нѣтъ, нѣтъ,—сказалъ онъ горничной, которая уже несла тарелки въ его комнату,—я не обѣдаю дома.

Было только начало четвертаго часа. У Аргуниныхъ обыкновенно обѣдали поздно. Теперь и Өедоръ Өедоровичъ еще на долж-

ности и Варя занята въ своей школѣ, а съ Марьей Петровной онъ не зналъ, о чемъ говорить.

Но дома онъ не могъ сидѣть. Онъ чувствовалъ, что въ его жизни происходитъ что то важное, какой то переворотъ, и что этотъ переворотъ не только здѣсь, въ его душѣ, а долженъ перешагнуть куда-то дальше.

Онъ одѣлся и пошелъ бродить по улицамъ. Погода стояла недурная. Весна быстро надвигалась. На небѣ плыло яркое солнце, вѣяло тепломъ, легко дышалось. Онъ безъ всякой цѣли обошелъ нѣсколько улицъ; гдѣ-то въ окнѣ часового магазина часы показали четыре. Онъ направился на Пески и ускорилъ шаги. Уже ему казалось, что онъ загулялся и опоздалъ. По лѣстницѣ онъ бѣжалъ и когда вошелъ въ квартиру Аргуниныхъ, то задыхался отъ быстраго бѣга.

— А,—раздалось общее восклицаніе всѣхъ Аргуниныхъ, которые встрѣтили его въ передней, и онъ понялъ, что ему всѣ рады, всѣ безъ исключенія; его повели прямо къ накрытому столу, на которомъ, какъ бывало только въ торжественныхъ случаяхъ, стояла бутылка краснаго бессарабскаго вина.

X.

Меню обѣда только и отличалось отъ обычныхъ обѣдовъ у Аргуниныхъ присутствіемъ бутылки бессарабскаго вина. Можно было, конечно, прибавить хоть сладкое блюдо, каковое полагалось у Аргуниныхъ только по воскресеньямъ; но Марью Петровну какъ-то никто не посвятилъ въ тайну этого дня и она не предусмотрѣла торжественности.

Зато съ самаго же начала обѣда сдѣлалось очевиднымъ, что роли перемѣнились. Василій Григорьевичъ, который обыкновенно молчалъ и скучалъ, прислушиваясь болѣе или менѣе лѣниво къ тому, что говорили другіе, на этотъ разъ никому не давалъ говорить. Возбужденное состояніе, охватившее его въ гимназіи, не только не улеглось, но даже еще усилилось. И онъ разсказывалъ просто чудеса. Новыя мысли роемъ врывались въ его голову и ни одной изъ нихъ онъ не могъ удержать въ себѣ, все ему хотѣлось высказаться передъ близкими людьми. Рѣчи его лились каскадомъ.

Онъ походилъ на человѣка, который много лѣтъ провелъ въ полудремотѣ и почти не замѣчалъ того, что вокругъ него дѣлается и вдругъ внезапно совсѣмъ проснулся, протеръ глаза, освѣжилъ лицо холодной водой и созналъ все.

Особенно глубокое впечатлѣніе произвело на него чувство, испытанное имъ, когда онъ увидѣлъ, съ какимъ вниманіемъ его

слушаютъ ученики. Вѣдь онъ чувствовалъ, какъ каждое слово его схватывалось на лету и проникало въ ихъ души. Онъ говорилъ объ этомъ за обѣдомъ съ величайшимъ увлеченіемъ.

— Мнѣ казалось,—говорилъ онъ,—что я видѣлъ ихъ души, утомленныя безсмысленной работой, но жадныя ко всему живому. И какъ я говорилъ, еслибъ вы слышали, какъ я говорилъ! Меня точно охватило какое-то вдохновеніе, точно какая-то невидимая сила извнѣ шептала мнѣ на ухо и я повторялъ. И знаете ли, это меня приводитъ въ ужасъ...

— Что?

— Какъ бы это вамъ объяснить? Слишкомъ ужъ глубоко я захватилъ ихъ. Особенно въ пятомъ классѣ, когда говорилъ о важномъ значеніи изученія исторической науки. Я теперь думаю: что же я имъ завтра скажу? Вѣдь у меня ничего нѣтъ.

— Ничто не приходитъ съ улицы, Василій Григорьевичъ,— сказала Варя.—Есть много хорошихъ книгъ на свѣтѣ, есть цѣлая публичная библіотека.

— Въ которой я никогда въ жизни не былъ! — промолвилъ Барановъ.—Я всегда удивлялся нѣкоторымъ товарищамъ. зачѣмъ они туда постоянно ходятъ? Сидятъ полдня на лекціяхъ, потомъ, вмѣсто того, чтобъ отдохнуть, идутъ туда. И оттуда выходятъ послѣдними; я этого не понималъ...

— Но вамъ этого теперь и не надо,—сказалъ Митя.—Вѣдь товарищи ваши были бѣдны и не могли пріобрѣтать книгъ, а вы можете ихъ покупать и читать дома. Вотъ мы послѣ обѣда сходимъ въ магазинъ и накупимъ ихъ цѣлую кучу. У васъ деньги есть?

— Есть. Рублей тридцать лишнихъ наберется.

— О, на тридцать рублей мы накупимъ массу книгъ. И мы не пойдемъ даже въ магазинъ; у меня есть знакомый букинистъ, у него есть такія сокровища и все это мы купимъ за полцѣны...

— И такъ, надо начинать съизнова! —сказалъ Барановъ. Но въ его голосѣ не слышалось прежней тоски, напротивъ, въ немъ было много бодрости, готовности и желанія.

— Вѣдь удивительно!—воскликнулъ Өедоръ Өедоровичъ, внимательно прислушивавшійся къ ихъ разговору.—Какъ это человѣкъ живетъ, живетъ и точно спитъ и вдругъ просыпается!..

— А знаете ли, Өедоръ Өедоровичъ, отчего это происходитъ? отъ одной единственной причины!—сказалъ Барановъ съ глубокимъ убѣжденіемъ:—оттого это, что живемъ мы поверхностно. Ничто изъ совершающагося вокругъ насъ не задѣваетъ нашей души сколько-нибудь глубоко. Все скользитъ по ней, какъ по гладкой отполированной поверхности стали. Съ малыхъ лѣтъ, съ той минуты, какъ мы поступаемъ въ школу, мы начинаемъ привыкать

къ буквѣ. Передъ нами десятки людей, посвятившихъ себя этому дѣлу и получающихъ жалованье, начинаютъ всячески описывать жизнь съ разныхъ ея сторонъ. Одинъ описываетъ намъ земной шаръ и то, кто и какъ на немъ живетъ, что производитъ и какъ производитъ; другой описываетъ, какъ люди жили прежде, третій расписываетъ передъ нами тонкости языковъ, на которыхъ говорили древніе, четвертый описываетъ исторію творчества тѣхъ же людей и разбираетъ передъ нами образцы этого творчества; мы слушаемъ, стараемся заучить и повторить; за это намъ ставятъ отмѣтки, за это насъ хвалятъ или порицаютъ, за это переводятъ изъ класса въ классъ, даютъ намъ дипломы, за это насъ награждаютъ мѣстами и платятъ жалованье. И это описательное знакомство съ жизнью такъ въѣдается въ насъ, что самой настоящей жизни мы не видимъ. Мы теряемъ способность видѣть ее и умѣть жить ею и ко всему, что происходитъ передъ нашими глазами, мы начинаемъ относиться, какъ къ примѣру на то или другое правило; мы дѣлаемся теоретиками, формалистами и кончаемъ тѣмъ, что превращаемся въ мертвецовъ и на нашихъ учениковъ мы смотримъ, какъ на вмѣстилища, которыя мы должны напичкать описаніемъ жизни съ разныхъ ея сторонъ, напихать въ нихъ правилъ, подкрѣпленныхъ примѣрами. Мы и дѣлаемъ это по разъ установленнымъ программамъ и образцамъ, дѣлаемъ сквозь сонъ, мертвымъ голосомъ и сами спимъ и ихъ усыпляемъ. И когда какой-нибудь питомецъ вдругъ проявитъ себя какимъ-нибудь рѣзкимъ угловатымъ поступкомъ, мы не можемъ даже и понять, что этотъ поступокъ есть результатъ какого-то столкновенія его душевныхъ силъ, нѣчто органическое и живое, а видимъ только нарушеніе одного изъ правилъ... И нельзя насъ винить такъ ужъ безпощадно въ этомъ; мы прошли ту же школу, мы являемся ея дѣтьми, наши души ею сфабрикованы. И мы не можемъ быть иными. Если между нами попадаются иные люди, съ чуткой душой, вотъ вродѣ моего учителя словесности—вездѣ въ каждой школѣ непремѣнно попадается такой человѣкъ — то это только случайно. Это значитъ, что какой-нибудь случай нечаянно втянулъ его въ жизнь, заставилъ его столкнуться съ живымъ проявленіемъ человѣческой души и протереть глаза. Да, протереть глаза, и въ этомъ вся суть. Тотъ, кто одинъ только разъ въ жизни протеръ глаза, уже не можетъ вернуться къ прежней дремотѣ. Вотъ и со мной это случилось. Меня оскорбилъ Пазухинъ. Это разбудило меня, и если бы дѣло этимъ ограничилось, можетъ быть, я настоялъ бы въ совѣтѣ, чтобы его исключили. Можетъ быть, я смотрѣлъ бы такими же непротертыми глазами, какими смотритъ инспекторъ и Акульскій и другіе мои товарищи, потому что видѣлъ бы только нарушеніе одного изъ правилъ... Но

вы, господа, направили мои глаза въ другую сторону, вы заставили меня посмотрѣть на душу этого юноши и я сталъ глядѣть на нее во всѣ глаза, я уже долженъ былъ „протереть глаза“, потому что иначе ничего не увидѣлъ бы. И я увидѣлъ, что она изуродована, истомлена, изболѣлась, совершенно такъ, какъ когда-то и моя душа и отъ тѣхъ же причинъ. Что эта душа не злодѣй, а просто больное существо, забитое, загнанное, замученное, за которымъ нуженъ дружескій уходъ. О, повѣрьте, что мои товарищи и даже инспекторъ и Акульскій—не злодѣи; они только не умѣютъ видѣть человѣческой души, они потеряли эту способность, благодаря той системѣ, которую теперь сами такъ яростно осуществляютъ. И если бы они знали, какіе они бѣдняки и какими богачами они сдѣлались бы сразу, если бы однажды почувствовали живую связь съ жизнью, съ живой человѣческой душой! Ахъ, какимъ богачемъ я чувствую себя сегодня и какъ я вамъ благодаренъ, друзья мои, друзья мои...

Это была настоящая рѣчь, горячая, кипучая, вылившаяся прямо изъ сердца. Барановъ началъ пожимать всѣмъ руки.

— Такъ выпьемъ же по этому поводу!—воскликнулъ Ѳедоръ Ѳедоровичъ.—Ей Богу, мнѣ кажется, что нашъ Василій Григорьевичъ сегодня какъ будто вновь на свѣтъ народился. Право, посмотрите на него, вѣдь это совсѣмъ не тотъ; прежняго и слѣдовъ не осталось; это новый, совсѣмъ новый...

— Новый и есть. Но только ничего новаго не народилось, Ѳедоръ Ѳедоровичъ; въ душѣ каждаго человѣка есть силы на живое дѣло, но онѣ спятъ, спятъ; надо, чтобы что-нибудь разбудило ихъ. Словами ихъ никогда не разбудишь; о, я слышалъ тоже много прекрасныхъ словъ, но они отскакивали отъ моей души, какъ горохъ отъ стѣны. Только жизнь, живое общеніе съ человѣческой душой можетъ разбудить ихъ. Но тамъ, гдѣ надъ всѣмъ господствуетъ программа и правила, тамъ, гдѣ заранѣе все предрѣшено и притомъ одинаково для всѣхъ душъ, гдѣ для всѣхъ начертано одно правило, отступленіе отъ котораго есть уже преступленіе, тамъ трудно ожидать этого общенія.

И удивительнымъ огнемъ горѣли при этомъ его глаза, и онъ, съ своими длинными волосами, доходившими до плечъ, походилъ на проповѣдника и былъ рѣшительно красивъ въ эти минуты. Обѣдъ кончился. Варвара Ѳедоровна встала и на минуту ушла въ школьную комнату, гдѣ ей надо было что-то достать. Барановъ тотчасъ же послѣдовалъ за нею. У него не было никакихъ опредѣленныхъ намѣреній, онъ только чувствовалъ, что надо хоть на минуту имъ остаться наединѣ.

И когда онъ вошелъ, она подняла на него глаза и не удивилась и даже не спросила, зачѣмъ и почему онъ вошелъ.

— Варвара Ѳедоровна, я только хочу сказать вамъ спасибо отъ всего моего сердца!—промолвилъ Барановъ.

— За что, Василій Григорьевичъ?

— За все. И за вчерашнее „вникнуть“, потому что послѣ него я сталъ вникать, и за письмо, въ особенности за письмо. Ахъ, вы не знаете, какъ оно меня подняло; можетъ быть, именно оно и разбудило мена.

— О, что вы, Василій Григорьевичъ? это наше личное дѣло, не больше.

— Да, можетъ быть. Но мнѣ кажется, что тамъ ни говорите, а человѣкъ едва ли на что-нибудь способенъ, пока не устроено его „личное дѣло“.

И странно, что на этотъ разъ ему вовсе не хотѣлось говорить о своемъ чувствѣ и добиваться отвѣта на него. Развѣ все то, что происходило, не есть живое развитіе и проявленіе этого чувства? Оно только не было названо, но зачѣмъ называть? Происходило живое сближеніе между ними. Она сама безъ его просьбы шла ему навстрѣчу, старалась поддержать его, подталкивала его на дальнѣйшее. Что же еще надо человѣку?

И онъ, и она понимали это въ равной степени, имъ обоимъ не нужно было никакихъ обозначеній и подтвержденій. Казалось, они высказали другъ другу все и больше не чувствовали потребности оставаться наединѣ.

Варвара Ѳедоровна достала что-то изъ шкафа и оба они пошли въ столовую. Здѣсь уже пили чай и курили. Настроеніе все время было повышенное. Уже стемнѣло, зажгли огни.

— А завтра у меня уроки,—сказалъ Барановъ,—и я совсѣмъ не готовъ къ нимъ.

— Пойдемте, поищемъ книгъ,—предложилъ Митя.

— Пойдемте! съ наслажденіемъ!

— Возьмите и меня съ собой; мнѣ хочется прогуляться!— сказала Варя.

— О,—воскликнулъ Барановъ восторженно,—отъ этого навѣрное и книги станутъ умнѣе.

— Я, вижу, что вы безпристрастны!—съ улыбкой замѣтила Варя.

— И не думалъ. И не хочу вовсе казаться безпристрастнымъ. Нѣтъ, я пристрастенъ къ вамъ. Въ высшей степени пристрастенъ, и не понимаю, какъ можно быть безпристрастнымъ, когда...

Онъ не договорилъ и вдругъ остановился.

— Когда влюбленъ!—досказалъ за него Ѳедоръ Ѳедоровичъ и разсмѣялся.

Барановъ покачалъ головой и очень серьезно и вдумчиво возразилъ:

— Нѣтъ, не влюбленъ. Это совсѣмъ, совсѣмъ не годится. Я не влюбленъ, я преданъ, я готовъ положить свою жизнь...

— Ого! — воскликнулъ Митя. — Если это не объясненіе въ любви, то я, значитъ, въ этомъ ничего не понимаю...

Ѳедоръ Ѳедоровичъ смѣялся, Варя тоже и все это само собой обратилось въ шутку. Но Барановъ, конечно, не шутилъ и Варвара Ѳедоровна, хотя и смѣялась, отлично понимала, что онъ не шутитъ.

Скоро молодые люди одѣлись и вышли на улицу. Уже совсѣмъ стемнѣло, горѣли фонари, небо было безоблачно. Въ осеннихъ пальто было уже нѣсколько тяжело. Воздухъ былъ мягкій, отъ него вѣяло какой-то юностью первыхъ дней весны.

Они шли рядомъ и молчали. И никто не чувствовалъ тяжести отъ этого молчанія. Всѣ они были проникнуты однимъ ощущеніемъ. Событія этихъ двухъ дней какъ-то тѣсно объединили, сплотили ихъ.

Такъ, можетъ быть, чувствуютъ себя люди, никогда не знавшіе другъ друга, но которыхъ случай всѣхъ свелъ у пропасти, гдѣ долженъ былъ бы погибнуть человѣкъ. Случайно они съ разныхъ сторонъ пришли во время и общими усиліями спасли человѣка отъ роковаго паденія и уже они связаны этимъ общимъ душевнымъ движеніемъ, связаны на всю жизнь и никогда, что бы ни случилось, не забудутъ этого мгновенія; ничто не способно изгладить его изъ ихъ памяти. Митя повелъ ихъ къ знакомому букинисту на Литейный и сталъ увѣрять его, что онъ долженъ дать самыя умныя, самыя глубокія и въ то же время самыя дешевыя книги. Имъ предлагали книги, они разсматривали ихъ и выбрали, наконецъ, нѣсколько фоліантовъ.

Барановъ взялъ ихъ подмышку, но они не пошли домой, а рѣшили еще пройтись по улицамъ.

— Странное чувство, — говорилъ Барановъ, — мнѣ кажется, что я только что вотъ сдѣлался студентомъ, точно вновь поступилъ въ университетъ и началъ снова учиться.

— Въ этомъ нѣтъ надобности, Василій Григорьевичъ, — сказала Варя. — Все то, что вы учили тамъ, не пропадетъ даромъ, оно выплыветъ на поверхность.

— А это вѣрно. Вѣдь вотъ же на урокѣ въ пятомъ классѣ сегодня откуда—что взялось у меня! Вѣдь это все оттуда, изъ тетрадокъ и книгъ, которыя я тогда училъ и читалъ по обязанности. Только тогда меня согрѣвала единственная цѣль—получить и удержать за собой стипендію. Ахъ, какое это темное было время!

Они начали вспоминать прошлое и разные эпизоды изъ ихъ дѣтства, которое провели они вмѣстѣ. Барановъ припоминалъ, какимъ сорванцемъ былъ Митя, и Митя не отрекался.

— А помните вы вотъ этотъ эпизодъ, когда въ Александровскомъ паркѣ у меня сдѣлался припадокъ злобы?—сказалъ Барановъ.

— Еще бы не помнить! Только ничего въ этомъ не было хорошаго.

— Да, кажется, вы меня тогда ненавидѣли...

— Еще бы! Мы представляли собой тогда два начала, которыя взаимно другъ друга не выносили. Я былъ представителемъ живой грубой улицы, то, что называется уличный мальчишка, а вы были что-то вялое, заморенное, неподвижное. Мы должны были стать врагами. Но жизнь и умственное развитіе все нейтрализуютъ и вотъ мы пришли теперь къ единенію.

Барановъ вспоминалъ курсистокъ и студентовъ, которые такъ бѣсили его своимъ умомъ и краснорѣчіемъ.

— Вотъ теперь я не испугался бы ихъ, хотя вѣдь ни капли не сталъ умнѣе.

— Да вѣдь не въ умѣ и дѣло,—сказалъ Митя,—я даже не помню, чтобъ между ними былъ кто-нибудь съ выдающимся умомъ.

— Да, дѣло не въ умѣ,—подхватилъ Барановъ,—а, именно, въ чемъ дѣло, я теперь знаю. У нихъ было о чемъ говорить. Ихъ кое-что интересовало, захватывало глубоко, а у меня ничего не было, вотъ почему я передъ ними былъ жалокъ. И какъ я ненавидѣлъ ихъ!..

— Но вы раскаиваетесь?

— И раскаиваться безполезно. Да и ненависть была не настоящая,—на почвѣ заморенности и душевной пустоты.

Они повернули обратно и довели Баранова до его квартиры. Было больше десяти часовъ вечера. Барановъ простился съ ними и пошелъ къ себѣ.

Онъ заглянулъ въ записную книгу, сообразилъ, какіе уроки предстоятъ ему завтра и сталъ готовиться къ нимъ. Ему предстояло три урока въ разныхъ классахъ. Не легко было объединить ихъ. Но онъ твердо рѣшился не раскрывать рта въ классѣ, если у него не будетъ ничего повыше и пошире учебника и программы.

— Просто такъ задамъ урокъ и скажу, что объяснить не могу. Конечно, этотъ способъ подготовки никуда не годится,—говорилъ онъ себѣ, принимаясь за книгу,—но вѣдь нельзя вдругъ усвоить себѣ широкую точку зрѣнія. Вотъ скоро настанетъ лѣто, поселюсь на дачѣ и тогда начну заниматься, какъ слѣдуетъ.

Но ему представлялся вопросъ: въ состояніи ли онъ полюбить исторію? Вѣдь онъ былъ къ ней равнодушенъ. И онъ отвѣчалъ

себѣ: ахъ, да вѣдь не въ этомъ дѣло, дѣло не въ исторіи, а въ томъ, чтобы вносить свѣтъ, настоящій, истинный свѣтъ въ головы этихъ птенцовъ, въ сущности жаждущихъ живаго слова. Полюбить ихъ, тогда исторія сама собой полюбится. Да что исторія? Ужъ на что сухой предметъ—греческій языкъ, а и въ немъ можно найти много такого, что способно освѣтить умъ, и его можно преподавать съ любовью. Все дѣло заключается въ любви къ тѣмъ, чьей душой судьба поставила тебя руководить и кого просвѣщать. Полюбить ихъ надо, только всего, а кто не можетъ этого, не умѣетъ, тотъ уходи прочь и ищи себѣ другого дѣла. Да, конечно, кормиться всякому надо, но пусть онъ кормится ремесломъ, торговлей, даже наукой и искусствомъ, но кормиться соками нѣжной дѣтской души, это ужъ жестокость, это преступленіе.

Въ одиннадцатомъ часу онъ засѣлъ за книгу. Медленно перелистывалъ онъ страницу за страницей. Чѣмъ больше онъ читалъ, тѣмъ больше захватывалъ его предметъ; онъ не справлялся съ часами и совсѣмъ не хотѣлось ему спать. Можетъ быть, причиной этому было волненіе цѣлаго дня, поднявшее его нервную систему, но онъ не чувствовалъ усталости.

Онъ оторвался отъ книги и поднялъ голову. Въ квартирѣ была тишина. Не слышалось ни одного звука; очевидно, всѣ спали. Онъ прислушался къ улицѣ, тамъ рѣдко раздавался гулъ извозчиковаго экипажа.

Должно быть поздно подумалъ, онъ.

Онъ взглянулъ на часы,—было больше двухъ часовъ. Однако, надо было спать, вѣдь завтра первый урокъ у него въ девять часовъ.

Онъ прошелся по комнатѣ, но у него не было ни малѣйшаго желанія спать и его тянуло къ столу, гдѣ лежала раскрытая книга. Какъ странно! Онъ вдругъ глубоко заинтересовался предметомъ,—отчего это? Вѣдь эта самая книга въ качествѣ пособія была у него и въ университетѣ и онъ читалъ ее, читалъ эти самыя страницы и тогда онѣ наводили на него скуку и зѣвоту и тогда онъ читалъ ихъ по обязанности и думая только о томъ, чтобы поскорѣе отдѣлаться, а теперь онъ находитъ въ ней глубокій интересъ. Отчего? Отчего?

Да, тысячный разъ онъ говорилъ себѣ, что интересъ не въ книгѣ, не въ явленіяхъ жизни, а въ насъ самихъ. Когда въ душѣ все спитъ, то самое живое явленіе, самая захватывающая книга не могутъ задѣть насъ потому, что тамъ, въ душѣ, нѣтъ струнъ и мы пройдемъ мимо ихъ, какъ будто ихъ и нѣтъ. Но если въ душѣ проснулись живыя силы, если струны натянуты, то малѣйшее дуновеніе вѣтра заставляетъ ихъ звучать и откликаться. И глаза, полные жадности, устремляются въ пространство,

и во всемъ, въ малѣйшемъ движенiи, они находятъ интересъ, все занимаетъ ихъ и во всемъ они будутъ искать и найдутъ смыслъ и цѣль.

Онъ махнулъ рукой на соображенiя о завтра и опять засѣлъ за книгу. Иногда онъ отрывался, чтобы выкурить папироску и размять члены, вставалъ, дѣлалъ нѣсколько туровъ по комнатѣ. Онъ снялъ даже сапоги и надѣлъ туфли, чтобы не безпокоить хозяѣвъ, потомъ онъ опять садился за книгу.

Кое-что ему казалось особенно важнымъ и онъ тогда бралъ записную книгу и вносилъ въ нее какую нибудь мысль. Вотъ бы теперь мнѣ сдѣлаться студентомъ! съ какою жадностью я поглощалъ бы лекцiи и книги! Какъ добивался бы истины.

Только въ семь часовъ утра, когда съ улицы сталъ проникать въ окна очень опредѣленный свѣтъ, онъ рѣшился закрыть книгу. Уже горничная проснулась и возилась въ квартирѣ; ставили самоваръ; черезъ полчаса къ нему постучали въ дверь и очень удивились, что онъ уже одѣтъ.

Онъ взглянулъ въ зеркало и не нашелъ на лицѣ своемъ никакихъ признаковъ усталости, какъ будто онъ отлично выспался. Какая то напряженная внутренняя сила поддерживала его. Но надъ всѣмъ въ душѣ его царило радостное ощущенiе какого-то обновленiя. Онъ еще не формулировалъ себѣ ясно, какая именно цѣль явилась у него въ жизни. Но онъ сознавалъ ее, онъ всѣмъ своимъ существомъ чувствовалъ эту цѣль.

Онъ напился чаю и пошелъ въ гимназiю. На улицѣ, подъ влiянiемъ свѣжаго утренняго воздуха онъ почувствовалъ усталость, но тотчасъ побѣдилъ ее мыслью о предстоящихъ урокахъ. Сегодня онъ прилавалъ имъ большое значенiе. Сегодня они казались ему чѣмъ то важнымъ, на что нельзя идти съ легкимъ сердцемъ.

Когда Варя и Митя разстились съ Барановымъ они нѣкоторое время молчали. Затѣмъ молчанiе нарушилъ Митя. Онъ сказалъ:

— Какiе удивительные перевороты бываютъ иногда! Кто могъ подозрѣвать, что въ Василiи Григорьевичѣ сидитъ такой энтузiастъ?!

— А я всегда это подозрѣвала, но мнѣ только казалось, что въ немъ все это такъ придавлено, что никогда уже не воспрянетъ!—сказала Варвара Өеодоровна.

Өедоръ Өедоровичъ не спалъ еще, когда они пришли. Онъ страшно волновался. Въ этомъ человѣкѣ, всю жизнь прослужившемъ въ департаментѣ, на третьихъ роляхъ, было какое то своего рода молодечество. „Добрый малый“ сидѣлъ въ немъ и точно искалъ случая, чтобъ проявиться и, когда выпадалъ такой случай, онъ радовался и весь отдавался ему.

Онъ дождался дѣтей и только тогда объявилъ, что пойдетъ спать.

— Эхъ, славный денекъ выпалъ намъ сегодня!—сказалъ онъ, прощаясь съ дѣтьми.—Люблю я, когда у человѣка вдругъ прорвется душа и заговоритъ. Вотъ Василій Григорьевичъ оправдалъ таки мои надежды. Я всегда говорилъ, что онъ душевный, да только вотъ что не везло ему долго и въ дѣтствѣ онъ много страдалъ. А что же онъ? Все еще горитъ?

— Горитъ,—сказалъ Митя,—и долго будетъ горѣть. Я думаю, онъ ужъ не потухнетъ.

— Ну вотъ и отлично. Потухнетъ? Зачѣмъ же? Никогда не надо потухать. Только и хорошаго, когда горишь. А то что это? Идешь по житейской дорогѣ, едва волоча ноги... Вотъ, какъ у насъ въ канцеляріи. Канитель это, а не жизнь... А вотъ, когда одинъ такой денекъ проведешь, и чувствуешь, что дѣйствительно жилъ на Божьемъ свѣтѣ.

И. Потапенко.

(*Окончаніе слѣдуетъ*).

Международный конгрессъ въ Парижѣ по рабочему законодательству.

(Съ Парижской выставки).

Цѣль, преслѣдуемая современнымъ рабочимъ законодательствомъ, заключается, какъ извѣстно, въ томъ, чтобы, по возможности, защитить наемныхъ рабочихъ всякаго рода отъ различныхъ притѣсненій со стороны предпринимателей съ одной стороны и оградить ихъ здоровье и жизнь отъ угрожающихъ имъ опасностей съ другой стороны. Сообразно съ этимъ, постановленія рабочаго законодательства должны касаться вопроса о регулированіи рабочаго дня, о способахъ и времени выдачи заработной платы, вопросовъ о фабричныхъ порядкахъ въ самомъ широкомъ смыслѣ этого слова, вопроса о регулированіи споровъ между рабочими и работодателями, объ организаціи фабричной инспекціи, о санитарномъ положеніи фабрикъ, заводовъ и всякихъ другихъ предпріятій, вопросовъ о допущеніи того или иного способа производства (отравленія фосфоромъ, свинцомъ и т. д.), вопроса о допущеніи дѣтей и женщинъ въ извѣстныя отдѣлы промышленности и т. д., и т. д.

Уже изъ этого краткаго перечня легко понять громадную важность рабочаго законодательства, при помощи котораго представители рабочаго класса и сочувствующіе имъ элементы изъ другихъ классовъ надѣются достигнуть возрожденія рабочаго класса, давъ этому послѣднему возможность вкусить плоды почти до послѣдняго времени совершенно недоступной ему культуры. Крайне интересно отмѣтить при этомъ, какъ высоко цѣнятъ значеніе рабочаго законодательства сторонники различныхъ направленій.

Въ предисловіи къ вышедшему въ 1892 году вторымъ изданіемъ своему труду о положеніи рабочаго класса въ Англіи, на страницѣ XVIII, Энгельсъ ставитъ вопросъ объ измѣненіяхъ, происшедшихъ въ положеніи англійскихъ рабочихъ во второй половинѣ нашего столѣтія, и даетъ слѣдующій отвѣтъ: «Постоянное улучшеніе замѣчается только въ двухъ отрасляхъ рабочаго класса. Первой отраслью являются фабричные рабочіе. Предпринятое закономъ установленіе сравнительно раціональнаго нормальнаго рабочаго дня въ ихъ пользу, возстановило ихъ организмы... Ихъ положеніе, *несомнѣнно*, лучше, чѣмъ до 1848 года.»

Въ томъ же духѣ выразился Марксъ, когда писалъ по этому поводу: «Поразительное развитіе съ 1853 до 1860 года, рука объ руку съ физическимъ и моральнымъ возрожденіемъ фабричныхъ рабочихъ, бросалось въ глаза даже тупѣйшему человѣку. Сами фабриканты, у которыхъ предпринятое закономъ ограниченіе рабочаго дня было добыто только шагъ за шагомъ при помощи полустолѣтней гражданской войны,—сами фабриканты указывали теперь съ торжествомъ на контрастъ между положеніемъ рабочихъ въ отрасляхъ, на которыя фабричное законодательство распространялось, и въ такихъ отдѣлахъ промышленности, гдѣ рабочіе остались безъ защиты. А фарисеи политической экономіи прокламировали необходимость законодательнаго регулированія рабочаго дня, какъ характерное пріобрѣтеніе ихъ науки.»

Въ томъ же родѣ отзывается о роли рабочаго законодательства вообще и о регулированіи рабочаго дня въ частности Сидней Веббъ. «Кромѣ заработной платы,—говоритъ онъ въ своей брошюркѣ «Рабочій классъ Англіи въ 1837 и 1897 гг.», вышедшей по поводу 60 тилѣтняго юбилея англійской королевы,—нужно обращать вниманіе еще и на другіе моменты, когда хочешь обрисовать образъ жизни наемнаго рабочаго. А однимъ изъ важнѣйшихъ моментовъ, съ точки зрѣнія цивилизаціи, служитъ длина рабочаго дня. Человѣкъ, работающій съ утра до ночи, въ особенности если трудъ монотоненъ и не соединенъ съ истинно-интеллектуальнымъ достоинствомъ, теряетъ человѣческій обликъ. Вмѣсто того, чтобы быть человѣкомъ и гражданиномъ, онъ становится по-просту «рабочей рукой». Я думаю, что ничто такъ не способствовало къ поднятію образа жизни нашихъ наемныхъ рабочихъ, какъ всеобщее сокращеніе рабочаго дня. Фабричные законы спасли Ланкаширъ (важнѣйшій центръ крупной промышленности Англіи) отъ вырожденія и гибели.»

Такихъ же воззрѣній насчетъ вліянія рабочаго законодательства придерживается теперь и громадное большинство оффиціальныхъ представителей экономической науки и, въ особенности тѣ изъ нихъ, которыхъ окрестили названіемъ катедеръ-соціалистовъ. Нѣтъ ничего удивительнаго, что подъ вліяніемъ всѣхъ этихъ факторовъ, въ новѣйшее время почти во всѣхъ культурныхъ странахъ на первомъ планѣ стоятъ вопросы объ организаціи и реорганизаціи рабочаго законодательства.

Въ началѣ вполнѣ *національное* движеніе въ пользу регламентаціи труда стало за послѣдніе годы пріобрѣтать сильную интернаціональную окраску. Причиной этого было отчасти усиленіе международной конкуренціи и международныхъ сношеній съ одной и созданіе многочисленныхъ международныхъ договоровъ съ другой стороны (женевская конвенція, всемірный почтовый союзъ и т. д.). Послѣднему обстоятельству и слѣдуетъ, вѣроятно, приписать тотъ фактъ, что первыя оффиціальныя попытки созыва интернаціональной конференціи о

рабочемъ законодательствѣ были сдѣланы швейцарскимъ правительствомъ, которое и до того уже такъ много трудилось при созданіи всякихъ интернаціональныхъ конвенцій.

Попытка швейцарскаго правительства окончилась, однако, неудачей *) и дѣло это заглохло бы, вѣроятно, надолго, если бы восшествіе на престолъ императора Вильгельма II и его столкновенія съ Бисмаркомъ не вызвали цѣлаго ряда совершенно непредвидѣнныхъ событій, результатомъ которыхъ и былъ созывъ берлинской конференціи 1890 года. Конференція эта была, какъ слѣдуетъ прибавить, результатомъ воздѣйствій Бисмарка, который впослѣдствіи крайне цинично сознался, что давалъ этотъ совѣтъ молодому императору только съ тою цѣлью, чтобы умѣрить его пылъ.

Давая свой совѣтъ, хитрый дипломатъ отлично понималъ, какъ трудно придти на этомъ поприщѣ къ какимъ бы то ни было интернаціональнымъ соглашеніямъ. Стоитъ взять, напримѣръ, важнѣйшій пунктъ всякаго интернаціональнаго соглашенія—созданіе извѣстныхъ нормъ. При созданіи всемірнаго почтоваго союза сравнительно легко было, напримѣръ, установить болѣе или менѣе общія нормы за международную пересылку писемъ, почтовыхъ картъ, денежныхъ пакетовъ и т. д. Совершенно иначе дѣло обстоитъ на поприщѣ рабочаго законодательства, такъ какъ одинаковыя нормы для всѣхъ государствъ, принимающихъ участіе въ соглашеніи, невозможны уже потому, что тѣ ограниченія, которыя легко могутъ быть проведены въ Англіи, легко могутъ повлечь за собой полнѣйшую невозможность дальнѣйшей конкуренціи для странъ, въ которыхъ крупная промышленность очень слабо развита. Интернаціональная регламентація рабочаго законодательства должна была бы, слѣдовательно, дать не приблизительно одну общую норму, какъ это бываетъ при большинствѣ другихъ интернаціональныхъ соглашеній, а цѣлую серію значительно разнящихся другъ отъ друга нормъ.

Если, однако, уже само интернаціональное соглашеніе относительно нормъ для каждаго отдѣльнаго государства сопряжено съ крупными препятствіями, то еще болѣе затрудненій должно доставить учрежденіе добросовѣстнаго контроля, слѣдящаго за исполненіемъ этихъ предписаній. Ни одно изъ большихъ государствъ не согласится, вѣдь, въ самомъ дѣлѣ, допустить на этомъ поприщѣ вмѣшательство иностраннаго контроля, а свой домашній контроль можетъ легко существовать только на бумагѣ.

Кромѣ того, никакія интернаціональныя соглашенія не могутъ повести къ тому, чтобы судебная власть относилась повсюду одинаково строго къ нарушеніямъ рабочаго законодательства. Что могутъ подѣ-

*) Ср. объ этомъ «Обзоръ экономической жизни въ Западной Европѣ» въ сентябрьской книжкѣ «Народнаго Хозяйства» за 1900 годъ.

*

лать всякія интернаціональныя соглашенія, если судебная власть станетъ, какъ это, напримѣръ, сплошь и рядомъ бываетъ въ Италіи или во Франціи, систематически оправдывать всѣ нарушенія этихъ законовъ или налагать до того ничтожные штрафы, что ихъ вовсе нельзя считать наказаніями, такъ какъ выгоды, извлекаемыя изъ нарушенія закона, въ такихъ случаяхъ нерѣдко въ сотни разъ больше этихъ штрафовъ. Не слѣдуетъ забывать, что характеръ судопроизводства зависитъ въ значительной степени отъ того обстоятельства, изъ какихъ круговъ рекрутируются судьи. Рѣшенія суда, въ случаѣ нарушеній постановленій рабочаго законодательства, будутъ вѣдь совершенно иного рода, если въ числѣ судей будутъ находиться только фабриканты и бюрократы, чѣмъ въ томъ случаѣ, когда въ ихъ числѣ будутъ находиться и представители рабочихъ.

Эти примѣры показываютъ съ достаточной ясностью чрезвычайную сложность рабочаго законодательства, затрагивающаго прямо или косвенно почти всѣ важнѣйшія функціи современнаго государственнаго механизма. Сообразно съ этимъ, многіе политики и ученые, работающіе на томъ поприщѣ, стали въ послѣднее время относиться очень скептически ко всякимъ попыткамъ интернаціональной регламентаціи рабочаго законодательства. Этотъ скептицизмъ тѣмъ болѣе обоснованъ, что, во-первыхъ, большинство современныхъ государствъ можетъ провести, какъ это показали Англія и Швейцарія, еще множество довольно радикальныхъ реформъ, безъ малѣйшей опасности для дальнѣйшаго роста ихъ промышленности.

И, во-вторыхъ, скептицизмъ на этомъ поприщѣ очень обоснованъ уже потому, что наиболѣе ярыми приверженцами интернаціональной регламентаціи рабочаго законодательства являются какъ разъ тѣ группы фабрикантовъ, которыя пока всѣми силами противятся введенію реформъ въ ихъ собственномъ отечествѣ. Ссылка на необходимость интернаціональной регламентаціи является для нихъ попросту средствомъ оттянуть какъ можно дольше проведеніе крупныхъ *національныхъ* реформъ на этомъ поприщѣ.

Изъ этого, конечно, не слѣдуетъ, что интернаціональные конгрессы, занимавшіеся этимъ вопросомъ, не принесли никакой пользы. Наоборотъ, приносимая ими польза, какъ мы это увидимъ изъ разбора затронутыхъ на парижскомъ конгрессѣ вопросовъ, несомнѣнна. Эта польза заключается, однако, *не* въ установленіи интернаціональныхъ нормъ и т. д., а въ обмѣнѣ мыслей и крупномъ просвѣтительномъ значеніи такихъ конгрессовъ. Настаивая на необходимости крупныхъ *національныхъ* реформъ въ области рабочаго законодательства, представители экономической науки и симпатизирующія имъ лица должны способствовать проникновенію этихъ взглядовъ въ тѣ классы, которые до сихъ поръ являлись индифферентными по отношенію къ тому законодательству. Интернаціонализацію-же его поведетъ

уже само по себѣ развитіе рабочаго класса, быстро растущаго вслѣдъ за развитіемъ крупной промышленности во всѣхъ цивилизованныхъ странахъ съ одной—и крупные успѣхи, достигнутые при помощи рабочаго законодательства отдѣльными странами относительно ихъ положенія на всемірномъ рынкѣ, съ другой стороны.

Формулировка программы парижскаго конгресса значительно отличалась отъ формулировки программы перваго интернаціональнаго конгресса о рабочемъ законодательствѣ, засѣдавшаго въ 1897 году въ Цюрихѣ. Въ то время какъ цюрихская программа крайне неопредѣленно гласила; 1) о воскресномъ трудѣ, 2) о трудѣ дѣтей и подростковъ, 3) о трудѣ женщинъ, 4) о трудѣ взрослыхъ мужчинъ, 5) о ночномъ трудѣ и трудѣ въ угрожающихъ здоровью и жизни рабочихъ предпріятіяхъ и 6) о средствахъ для проведенія въ жизнь защиты труда,—программа парижскаго конгресса была формулирована несравненно опредѣленнѣе.

Первый параграфъ ея гласитъ: *законодательное ограниченіе рабочаго дня*; сравнительный обзоръ существующихъ законодательствъ, ограниченіе рабочаго дня для дѣтей, подростковъ, женщинъ и взрослыхъ мужчинъ; прогрессъ за послѣдніе годы и желательныя реформы; можно ли надѣяться на фиксированіе въ важнѣйшихъ промышленныхъ странахъ одного и того же максимума рабочаго дня?

Второй параграфъ программы трактуетъ *о запрещеніи ночного труда* и обнимаетъ собой слѣдующіе пункты. Послѣдствія ночного труда; существующія запрещенія его въ различныхъ странахъ; можно ли запретить ночной трудъ разъ навсегда для всѣхъ категорій рабочихъ (дѣтей, подростковъ, женщинъ и взрослыхъ мужчинъ)? Необходимы ли исключенія для извѣстныхъ отдѣловъ промышленности? Необходимы ли интернаціональныя соглашенія для запрещенія ночного труда?

Третій параграфъ парижской программы касался контроля, обязаннаго слѣдить за соблюденіемъ рабочаго законодательства. Послѣ характеристики существующей въ различныхъ государствахъ организаціи контроля и ея критики, въ этотъ параграфъ программы включенъ еще вопросъ о результатахъ дѣятельности контроля и, кромѣ того крайне важный пунктъ о привлеченіи къ инспекціи самихъ рабочихъ въ видѣ ассистентовъ инспекціи, избранныхъ рабочими представителей, контроля со стороны рабочихъ организацій.

Наконецъ, четвертый параграфъ трактовалъ объ основаніи интернаціональнаго союза для споспѣшествованія прогрессу рабочаго законодательства, о пользѣ, которую можетъ принести такая организація и о роли, которую ей предстоитъ съиграть.

Сравнивая обѣ программы, можно легко замѣтить значительный прогрессъ, сдѣланный на этомъ поприщѣ за послѣдніе 3 года. Въ то

время, какъ въ Цюрихѣ, значительное время было удѣлено на теоретическую разработку вопросовъ, въ Парижѣ главное вниманіе обращено на *практическую* сторону. Это стремленіе ограничиться главнымъ образомъ разсмотрѣніемъ практической стороны сказалось особенно ясно въ томъ фактѣ, что, приглашая къ участію въ конгрессѣ лицъ всѣхъ вѣроисповѣданій и всѣхъ политическихъ партій, организаціонный комитетъ рѣшилъ исключить всѣхъ *принципіальныхъ противниковъ* рабочаго законодательства, чтобы такимъ образомъ сдѣлать излишними долгіе и безплодные дебаты съ остатками манчестерства.

Парижскій конгрессъ отличается, впрочемъ, отъ цюрихскаго не одной только формулировкой программы, но и составомъ своихъ членовъ. Въ то время, какъ въ Цюрихѣ дѣйствительными членами, *принимающими участіе въ голосованіи*, могли быть только делегаты рабочихъ организацій, а всѣ остальныя лица могли участвовать только въ видѣ гостей съ правомъ принятія участія въ дебатахъ, на парижскомъ конгрессѣ считался дѣйствительнымъ членомъ всякій, внесшій единовременный взносъ въ 15 франковъ. Для того, впрочемъ, чтобы облегчить представителямъ рабочихъ организацій участіе въ конгрессѣ, ихъ представители, точно такъ же, какъ и лица, представившія конгресссу особые доклады, были освобождены отъ уплаты какого бы то ни было взноса. Насколько это измѣненіе состава членовъ отразилось на характерѣ рѣшеній конгресса, объ этомъ мы поговоримъ подробнѣе въ дальнѣйшемъ.

Первое засѣданіе конгресса было назначено на среду, 25-го іюля по новому стилю, въ 2 часа пополудни. Несмотря на невыносимую жару, залъ въ Musée Social, вмѣщающій отъ 300—400 человѣкъ, былъ переполненъ. Въ числѣ делегатовъ находились бывшій прусскій министръ торговли, баронъ Берлепшъ, предсѣдательствовавшій на Берлинской конференціи 1890 года, бывшій итальянскій министръ Луцатти, извѣстный вѣнскій профессоръ политической экономіи Филипповичъ, директоръ французскаго Office de travail — Артуръ Фонтэнъ и т. д.

Послѣ краткаго вступленія предсѣдатель организаціоннаго комитета профессоръ Conwés, открывшій конгрессъ, уступилъ предсѣдательское кресло французскому министру торговли и промышленности Мильерану. Привѣтствуя членовъ конгресса отъ имени французскаго правительства, Мильеранъ въ спокойной, чуждой всякой напыщенности рѣчи, обратилъ вниманіе присутствующихъ на громадную важность вопросовъ, которые имъ предстоитъ обсудить. Особенно важенъ, по его мнѣнію, вопросъ о реорганизаціи фабричной инспекціи и допущеніи въ число инспекторовъ представителей рабочихъ, такъ какъ безъ энергичной инспекціи рабочее законодательство существуетъ почти только на бумагѣ. Присутствіе на этомъ конгрессѣ выдаю-

щихся представителей европейской науки, закончилъ Мильеранъ свою рѣчь, заставить общественное мнѣніе всѣхъ странъ внимательно прислушиваться къ дебатамъ и рѣшеніямъ конгресса. Заинтересовать же общественное мнѣніе цивилизованныхъ странъ — это значитъ оказать сильное давленіе на правительства ихъ, такъ какъ въ настоящее время нѣтъ ни одной цивилизованный страны, правительство которой не прислушивалось-бы внимательно къ требованіямъ общественнаго мнѣнія, въ особенности въ тѣхъ случаяхъ, когда дѣло касается массы рабочаго населенія, стремящейся къ улучшенію своего экономическаго, соціальнаго и моральнаго положенія.

Послѣ нѣсколькихъ краткихъ замѣчаній предсѣдателя и нѣкоторыхъ делегатовъ первое засѣданіе конгресса было закончено.

Первымъ докладчикомъ въ четвергъ выступилъ Raoul Jay, профессоръ политической экономіи юридическаго факультета въ Парижѣ.

«Не безъ искренняго сожалѣнія,—обращается Же къ немногочисленнымъ слушателямъ, — и не безъ сердечной боли друзья рабочаго законодательства смотрятъ на новый французскій законъ, дозволяющій въ теченіе предстоящихъ 4 лѣтъ дѣтямъ 13-ти, а иногда даже 12-ти лѣтъ болѣе высокій максимумъ рабочаго времени, нежели это допускалось старымъ закономъ 1892 года».

Для объясненія этого страннаго явленія — удлиненія максимума рабочаго времени, вмѣсто укороченія, читателю, незнакомому съ исторіей французскаго рабочаго законодательства, необходимо напомнить, что законъ 1892 года установилъ для дѣтей, женщинъ и подростковъ максимумъ рабочаго времени въ 10 часовъ. Законъ этотъ существовалъ, однако, только на бумагѣ, такъ какъ фабриканты вообще, и въ особенности крупные фабриканты, совершенно открыто не соблюдали его. Крайне характерно въ этомъ отношеніи слѣдующее сообщеніе, сдѣланное автору этихъ строкъ однимъ изъ французскихъ фабричныхъ инспекторовъ, присутствовавшихъ на конгрессѣ. «Теперь мы, — сказалъ мнѣ этотъ инспекторъ, — открывая нарушенія закона, можемъ хоть надѣяться на поддержку со стороны министра (Мильерана), въ вѣдѣніи котораго находится фабричная инспекція. При прежнихъ же министрахъ намъ говорилось: «Слѣдите за соблюденіемъ законовъ, но избѣгайте составленія протоколовъ о нарушеніяхъ его».

Само собою разумѣется, что при такихъ приказахъ свыше фабричные инспектора не особенно усердствовали. Въ томъ же направленіи воздѣйствовали крайне низкіе штрафы, налагавшіеся французскими судьями за нарушенія постановленій рабочаго законодательства. Въ среднемъ эти штрафы рѣдко доходили до 30 франковъ даже въ тѣхъ случаяхъ, когда выгоды, получаемыя фабрикантами отъ нарушенія законовъ, исчислялись тысячами. Такимъ образомъ низкіе денежные штрафы служили какъ бы подстрекательствомъ къ нарушенію законовъ и вели къ тому, что *не* соблюдавшіе законовъ фабри

канты, получая отъ этихъ нарушеній крупныя выгоды, могли вытѣснять съ рынка тѣхъ предпринимателей, которые добросовѣстно соблюдали законы. Низкіе штрафы за нарушенія рабочаго законодательства являются такимъ образомъ какъ бы наказаніемъ за добросовѣстное исполненіе предписаній закона.

Итакъ, законъ 1892 года существовалъ во Франціи только на бумагѣ, причемъ для своего оправданія фабриканты заявляли, что предписанія закона безсмысленны, такъ какъ нельзя же, вѣдь, въ самомъ дѣлѣ, отпустивъ женщинъ и дѣтей послѣ 10 ти-часовой работы, работать послѣ этого только съ взрослыми рабочими мужского пола, хотя бы уже въ виду далеко идущаго раздѣленія труда между отдѣльными категоріями рабочихъ.

Не слѣдуетъ забывать, что такіе же доводы въ свое время дѣлались и въ Англіи, и въ Германіи, гдѣ рабочій день дѣтей и женщинъ ограниченъ, тогда какъ рабочій день взрослыхъ мужчинъ (за немногими исключеніями для особенно вредныхъ для здоровья предпріятій) не подлежитъ ограниченіямъ. Какъ въ Англіи, такъ и въ Германіи законодательная власть оставила, однако, эти жалобы безъ вниманія, а фабричная инспекція, въ особенности въ Англіи, ревностно слѣдя за нарушеніями, заставила предпринимателей при помощи сравнительно высокихъ штрафовъ, налагаемыхъ за нарушенія, исполнять законы. Результатомъ этого было то крайне отрадное обстоятельство, что, не имѣя возможности удлинить рабочій день женщинъ и дѣтей до максимума рабочаго дня взрослыхъ мужчинъ, фабрикантамъ въ этихъ странахъ пришлось нерѣдко *укоротить* рабочій день взрослыхъ мужчинъ до дозволеннаго закономъ максимума для дѣтей и женщинъ. Укороченіе рабочаго дня для женщинъ и дѣтей повело такимъ образомъ за собой въ тѣхъ странахъ и укороченіе рабочаго дня для взрослыхъ мужчинъ.

Вмѣсто того, однако, чтобы пойти по пути Англіи и Германіи и энергичнымъ воздѣйствіемъ на фабрикантовъ заставить ихъ соблюдать законъ 1892 года, какъ это собирался было вначалѣ сдѣлать Мильеранъ, министерство Вальдека-Руссо сдѣлало крупную ошибку. Не желая возбуждать противъ себя части умѣренныхъ республиканцевъ, голосовавшей за него, министерство пустилось на крайне опасные компромиссы, результатомъ чего и явилось временное удлиненіе рабочаго дня для женщинъ, дѣтей и подростковъ съ 10 часовъ, какъ это предписывалъ законъ 1892 года, на 11 часовъ. Взамѣнъ этого удлиненія новый законъ 1900 года предусматриваетъ съ 1902 года укороченіе рабочаго дня до 10½ часовъ для *всѣхъ* рабочихъ, работающихъ въ *смѣшанныхъ* предпріятіяхъ, т.-е. такихъ предпріятіяхъ, въ которыхъ вмѣстѣ со взрослыми мужчинами работаютъ дѣти, подростки или женщины. Съ 1904 года рабочій день во всѣхъ такихъ предпріятіяхъ долженъ даже быть укороченъ до 10 часовъ.

На первый взглядъ человѣку, незнакомому съ исторіей французскаго рабочаго законодательства, можетъ даже показаться, что новый законъ 1900 года является крупнымъ шагомъ впередъ. И на самомъ дѣлѣ, будь такой законъ изданъ въ Англіи или даже Германіи, мы ни на минуту не задумались бы назвать его очень выгоднымъ для рабочихъ. Иначе обстоитъ въ этомъ отношеніи дѣло во Франціи. Вѣчная смѣна министерствъ съ одной стороны и преобладающее вліяніе мелкой и средней буржуазіи въ законодательныхъ собраніяхъ, которымъ искусно пользуются для своихъ узко-корыстныхъ цѣлей и крупные предприниматели—съ другой, дѣлаютъ возможнымъ предсказать заранѣе, что новый законъ наврядъ ли будетъ такъ скоро приведенъ въ исполненіе. Стоитъ, напримѣръ, стать во главѣ министерства снова Мелину, и нѣтъ ни малѣйшаго сомнѣнія, что предусмотрѣнное съ 1902 года укороченіе рабочаго дня до $10^1/_2$ часовъ будетъ отсрочено ad calendas graecas. Не слѣдуетъ забывать, что Франція является той страной, гдѣ всего нѣсколько лѣтъ тому назадъ почти треть палаты депутатовъ голосовала за полное уничтоженіе фабричной инспекціи, т.-е. открыто выразилась за то, что рабочее законодательство хорошо лишь до тѣхъ поръ, пока оно существуетъ только на бумагѣ.

Останавливаясь такъ подробно на этихъ вопросахъ, намъ желательно было выяснить читателю тѣ громадныя трудности, которыя препятствуютъ осуществленію столь желательныхъ въ принципѣ интернаціональныхъ соглашеній на поприщѣ рабочаго законодательства. До тѣхъ поръ, пока въ важнѣйшихъ странахъ не существуютъ еще организаціи рабочихъ, одною изъ главныхъ задачъ которыхъ является надзоръ за точнымъ исполненіемъ предписаній рабочаго законодательства, до тѣхъ поръ всякія интернаціональныя соглашенія будутъ, безъ всякаго сомнѣнія, существовать только на бумагѣ.

Кромѣ Raoul Jay'я, старавшагося со свойственнымъ французамъ оптимизмомъ доказать, что новый законъ 1900 года является крупнымъ шагомъ впередъ, особаго вниманія заслуживаютъ рѣчь делегата голландскаго правительства Струве и мнѣнія, высказанныя по этому поводу бывшими министрами Берлепшемъ и Луцатти. Струве, состоящій въ Голландіи фабричнымъ инспекторомъ, старался во второй части своего реферата*) доказать, что точное исполненіе предписаній рабочаго законодательства мыслимо только тогда, когда общественное мнѣніе и въ особенности сами предприниматели убѣждены въ его необходимости. Безъ этого проведеніе его въ жизнь немыслимо. Само

*) Въ первой части онъ привелъ интересныя данныя въ пользу того, что развитіе фабричнаго законодательства до сихъ поръ не замедлило прогресса промышленности въ Голландіи.

собою разумѣется, что, за исключеніемъ сторонниковъ христіанскаго соціализма — громадное большинство остальныхъ членовъ конгресса не раздѣляло въ этомъ отношеній мнѣній голландскаго делегата, такъ какъ до такого проникновенія предпринимателей сознаніемъ о необходимости рабочаго законодательства утекло бы еще много воды. Въ томъ же смыслѣ высказался и бывшій прусскій министръ торговли баронъ Берлепшъ. На первомъ планѣ должно, по его мнѣнію, стоять не мнѣніе предпринимателей или даже рабочихъ, а мнѣніе безпартійныхъ лицъ, не заинтересованнымъ лично въ выгодахъ предпріятія. Какъ мало довѣрія заслуживаютъ въ такихъ случаяхъ доводы заинтересованныхъ лицъ, видно, по словамъ Берлепша, изъ того факта, что самые ярые противники рабочаго законодательства были въ то-же время самыми ярыми противниками проведенія прогрессивно-подоходнаго налога. Какіе только доводы ни приводились противъ этого налога! А между тѣмъ теперь всѣ мало-по-малу примирились съ нимъ.

Въ томъ же смыслѣ Берлепшъ высказался и относительно новаго французскаго рабочаго законодательства. За свое 6-ти-лѣтнее управленіе прусскимъ министерствомъ Берлепшу не пришлось ни разу серьезно столкнуться съ предпринимателями изъ-за невозможности сокращенія рабочаго-дня женщинъ и дѣтей до 11 и 10 часовъ въ тѣхъ предпріятіяхъ, въ которыхъ эти послѣднія категоріи работаютъ вмѣстѣ со взрослыми мужчинами.

Въ заключеніе остается прибавить, что Берлепшъ считаетъ введеніе 11-ти-часового максимальнаго рабочаго дня для взрослыхъ рабочихъ уже теперь крайне легкимъ дѣломъ для большинства культурныхъ странъ. Черезъ 4 года всѣ эти страны, по его мнѣнію, легко могли бы провести 10-ти-часовой рабочій день для взрослыхъ и 8-ми-часовой рабочій день для подростковъ (до 18 лѣтъ). Десятилѣтняя практика въ Германіи показала, по его мнѣнію, достаточно ясно, что сокращеніе рабочаго дня принесло какъ рабочимъ, такъ и промышленности громадную пользу. Первымъ въ томъ отношеніи, что способствовало повышенію ихъ умственнаго и физическаго развитія и повышенію ихъ потребностей, второй въ томъ отношеніи, что заставило фабрикантовъ отказаться отъ рутины и принудило ихъ взяться серьезно за примѣненіе улучшенныхъ машинъ и болѣе совершенныхъ способовъ производства.

Таковы же въ общемъ были и результаты опыта бывшаго итальянскаго министра Луцатти. Хотя рабочее законодательство находится въ Италіи лишь въ зачаточномъ состояніи — тамъ существуютъ лишь крайне незначительныя ограниченія по отношенію къ употребленію труда женщинъ и дѣтей, — тѣмъ не менѣе и въ Италіи фабриканты были вначалѣ ожесточенными противниками всякаго вмѣшательства государства въ отношенія между капиталомъ и трудомъ. Противъ этихъ

законовъ были, однако, не одни только сторонники манчестерской доктрины. Наоборотъ, въ Италіи замѣчалось то же явленіе, какъ и въ другихъ странахъ, а именно, что самые ярые сторонники высокаго протекціонизма, которымъ даже самыя высокія, почти запретительныя ставки таможенныхъ тарифовъ не казались достаточными, являлись ярыми противниками защиты рабочаго класса. Защита безжизненнаго товара и безжалостная эксплоатація живого рабочаго былъ и есть еще нерѣдко теперь лозунгъ большинства итальянскихъ фабрикантовъ. Боязнь иностранной конкуренціи является въ Италіи, по мнѣнію Луцатти, главнымъ тормазомъ для проведенія реформъ на этомъ поприщѣ. Въ виду этого, имъ требуются интернаціональныя соглашенія, которыя, по его мнѣнію, легко привести въ исполненіе, принявъ въ *торговые договоры* соотвѣтствующія постановленія.

Кто знакомъ съ громадными трудностями, которыя приходится преодолѣвать при составленіи торговыхъ договоровъ, легко пойметъ, что, несмотря на всю свою заманчивость, послѣднее предложеніе Луцатти совершенно неисполнимо уже потому, что должно неминуемо повести за собой безчисленныя пререканія. Не слѣдуетъ, вѣдь, забывать, что преслѣдуемая цѣль состоитъ не въ томъ, чтобы создавать новыя постановленія, существующія только на бумагѣ. Отсутствіе же интернаціональнаго контроля на этомъ поприщѣ, невозможность котораго была нами выше доказана, привела бы несомнѣнно къ тому, что принятыя въ торговые договоры постановленія по этому вопросу остались бы въ большинствѣ случаевъ мертвой буквой. Само собою разумѣется при этомъ, что во многихъ случаяхъ сторонники высокаго протекціонизма воспользовались бы этимъ моментомъ, чтобы вообще затруднить составленіе торговыхъ договоровъ, результатомъ чего появились бы новыя таможенныя войны, такъ тяжело отзывающіяся на положеніи рабочаго класса. Столь симпатичное на первый взглядъ пожеланіе Луцатти является, слѣдовательно, на самомъ дѣлѣ очень опаснымъ оружіемъ.

Оставляя въ сторонѣ докладъ профессора Филипповича, очень интересный самъ по себѣ, но носящій слишкомъ спеціальный характеръ, мы остановимся здѣсь нѣсколько подробнѣе на докладѣ французскаго фабричнаго инспектора Пурсиня, на мнѣніяхъ члена французской палаты депутатовъ Дрона и на требованіяхъ бернскаго профессора политической экономіи Рейхесберга.

Пурсинь, на основаніи своего личнаго опыта и на основаніи опыта своихъ коллегъ доказывалъ, что защита только фабричныхъ рабочихъ неминуемо ведетъ къ дальнѣйшему распространенію потогонной системы, съ ея крайне продолжительнымъ рабочимъ временемъ, низкой платой и плохими санитарными условіями. Чтобы принести въ дѣйствительности значительную пользу, законодательство не должно ограничиваться

одними фабриками и заводами, а должно распространяться на всѣ заведенія, каковы бы ни были ихъ размѣры.

Тѣ же выводы, какъ, вѣроятно, извѣстно читателю, давно уже были сдѣланы какъ практиками, такъ и теоретиками, въ Англіи, Германіи, Австраліи и Сѣверной Америкѣ. Громадный интересъ, съ которымъ общественное мнѣніе повсюду слѣдитъ за этимъ вопросомъ, принудило уже многія правительства внести соотвѣтственные законопроекты, изъ которыхъ многіе уже нѣсколько лѣтъ вошли въ силу.

Депутатъ французскаго парламента Дронъ, внесшій уже въ 1895 году законопроектъ, въ которомъ требовалось въ видѣ *переходной* мѣры введеніе 11-часового рабочаго дня для *всѣхъ* рабочихъ съ тѣмъ, чтобы 3 года спустя 11 часовой максимальный рабочій день былъ замѣненъ 10-часовымъ,—доказывалъ вредъ, который приносятъ безчисленныя исключенія, допускаемыя рабочимъ законодательствомъ въ различныхъ странахъ. Во многихъ случаяхъ приводящіяся въ примѣчаніяхъ къ отдѣльнымъ пунктамъ исключенія до того многочисленны, что отъ первоначальнаго правила почти-что ничего не остается.

Профессоръ Рейхесбергъ выразилъ сожалѣніе по поводу того, что регламентъ конгресса не допускаетъ голосованій по поводу отдѣльныхъ предложеній. Съ своей стороны, онъ думалъ предложить конгрессу высказаться за введеніе 8-часового рабочаго дня. Это было бы, по его мнѣнію, тѣмъ болѣе у мѣста, что подобныя же требованія не разъ уже высказывались конгрессами медиковъ, гигіенистовъ и т. д.

Дальнѣйшія засѣданія были посвящены разбору вопросовъ о ночномъ трудѣ и о реорганизаціи фабричной инспекціи. Что касается перваго вопроса, то большинство ораторовъ высказалось за по возможности полное запрещеніе ночного труда дѣтей и женщинъ. Какъ ни страннымъ можетъ показаться такое явленіе, противъ запрещенія ночного труда женщинъ высказалась молодая и довольно талантливая нѣмецкая писательница и нѣсколько ярая феминистка Käthe Schirmacher. По ея мнѣнію, рабочіе-мужчины стремятся къ запрещенію ночного труда женщинъ главнымъ образомъ, чтобы ослабить конкуренцію. Въ видѣ примѣра она приводитъ казусъ, случившійся съ издающейся въ Парижѣ газетой «La Fronde». Газета эта редактируется, набирается и печатается женщинами, причемъ всѣ работницы пользуются очень выгодными условіями труда, получая очень высокую заработную плату и работая не больше 8 часовъ въ день. Наборщицы должны однако работать ночью, такъ какъ газета выходитъ рано утромъ. Фабричная инспекція считаетъ однако употребленіе женщинъ въ наборной «La Fronde» для ночныхъ работъ нарушеніемъ закона и составила соотвѣтствующіе протоколы.

Феминистки, узнавъ объ этомъ, вышли, понятно, изъ себя и сваливаютъ всю вину на рабочихъ мужчинъ, которые стремятся будто бы къ ограниченію женскаго труда изъ желанія уменьшить конкуренцію.

Протестуя противъ затрудненій, которыя дѣлаются женской газетѣ въ Парижѣ, Käthe Schirmahcer забыла, что законы не дѣлаются для отдѣльныхъ и, притомъ, крайне не многочисленныхъ предпріятій, въ которыхъ условія труда очень выгодны для рабочихъ. Всякій, хотя бы немного знакомый съ рабочимъ законодательствомъ, прекрасно знаетъ, что почти всякое постановленіе закона въ одномъ или въ другомъ случаѣ можетъ доставить нѣсколькимъ десяткамъ или даже сотнямъ рабочимъ крупныя непріятности. Стоитъ указать, напримѣръ, только на положеніе вдовъ, имѣющихъ нѣсколькихъ дѣтей, которымъ запрещаютъ отдавать ихъ дѣтей на фабрики и заводы до достиженія извѣстнаго возраста. Какъ, однако, ни тяжело положеніе этихъ вдовъ, никакой мыслящій человѣкъ не станетъ, однако, осуждать существованія подобныхъ запрещеній, являющихся conditio sine qua non физическаго и моральнаго возрожденія всего рабочаго класса.

То же самое можно сказать и о случаѣ, такъ возмутившемъ феминистокъ. Запрещеніе ночной работы для женщинъ обусловливается главнымъ образомъ тѣмъ обстоятельствомъ, что ночной трудъ сопряженъ для ихъ здоровья и нравственности съ куда бóльшими опасностями, чѣмъ для взрослыхъ мужчинъ. Поскольку то положеніе, установленное сотнями первостепенныхъ авторитетовъ, не опровержено, всякія жалобы на отдѣльные случаи, въ которыхъ точное примѣненіе закона можетъ показаться жестокостью, безсмысленны. Вмѣсто того, чтобы протестовать противъ затрудненій, которыя, будто бы, дѣлаються одной женской газеткѣ, и помогать такимъ образомъ реакціонерамъ, пользующимся всякимъ случаемъ, чтобы помѣшать дальнѣйшему прогрессу рабочаго законодательства, феминистки поступили бы гораздо разумнѣе, если бы сдѣлали изъ утренней газеты—вечернюю. Такимъ образомъ они лучше всего могли бы избѣжать ночной работы женщинъ, запрещенной закономъ. Допустимъ, однако, что выпускъ газеты вечеромъ невозможенъ,—имъ оставался еще другой исходъ. Онѣ могли принанять двухъ или трехъ мужчинъ, которые и исполняли бы тѣ работы, которыя не успѣвали бы исполнять въ дозволенное закономъ время женщины. Отъ этого дѣло ихъ, безъ всякаго сомнѣнія, нисколько бы не пострадало.

Не менѣе безмысленнымъ было очень часто поведеніе присутствовавшихъ на конгрессѣ христіанскихъ соціалистовъ (по-нѣмецки—christlich-sozial, по-французски—socialistes-chrétiens). При всякомъ удобномъ и неудобномъ случаѣ ими требовалось, какъ непремѣнное условіе успѣха рабочаго законодательства, проникновеніе общества моралью. Законы не исполняются, будто бы, потому, говорили они, что заказчики слишкомъ нетерпѣливы и слишкомъ мало думаютъ о томъ, что ихъ нетерпѣливое понуканіе заставляетъ предпринимателей удлинять до безчеловѣчныхъ предѣловъ рабочее время ихъ рабочихъ.

Въ противовѣсъ этимъ безконечнымъ разглагольствованіямъ, авторъ

этихъ строкъ высказалъ мнѣніе, что, будучи вполнѣ согласенъ съ пожеланіями относительно повышенія морали какъ заказчиковъ, такъ и всего общества, онъ тѣмъ не менѣе не можетъ согласиться съ тѣмъ, что на этомъ поприщѣ что-нибудь можно добыть безконечными причитаніями. Лучшимъ средствомъ для повышенія морали являются хорошее рабочее законодательство и тщательный надзоръ за исполненіемъ его предписаній со стороны инспекціи. Дамъ beau-u-demi-monde'а, наводняющихъ модныхъ портныхъ заказами за нѣсколько дней до бала, нельзя отучить отъ этого никакими проповѣдями. Наоборотъ, если онѣ разъ, бросившись за нѣсколько дней до бала къ одному, другому и третьему портному, повсюду получатъ отказъ въ виду того, что, соблюдая законъ, портные не имѣютъ возможности принимать заказы, истощая своихъ рабочихъ 20-часовой работой, эти дамочки, оставшись на этотъ разъ безъ желаемаго ими наряда, въ другой разъ постараются сдѣлать свои заказы заблаговременно.

То же самое было, впрочемъ, уже много разъ достигнуто на другихъ поприщахъ. Такъ, напримѣръ, запрещеніе воскресной торговли въ извѣстные часы, вызывавшее вначалѣ безконечные протесты со стороны публики, не успѣвавшей сдѣлать во время всѣхъ необходимыхъ покупокъ, теперь почти повсюду приводится въ исполненіе безъ малѣйшихъ затрудненій. Вселяя въ общество идею о необходимости отдыха для служащихъ, мы дѣлаемъ его моральнѣе. Такимъ образомъ въ данномъ случаѣ движущимъ факторомъ для повышенія морали общества являются не моральныя причитанія, а хорошіе законы и ихъ тщательное примѣненіе.

Что касается фабричной инспекціи, то всѣ ораторы были согласны относительно необходимости приглашенія въ члены инспекціи представителей рабочихъ, такъ какъ это является наилучшимъ средствомъ для повышенія довѣрія рабочихъ къ членамъ инспекціи. Безъ довѣрія-же рабочихъ инспекціи является, какъ это доказано опытомъ не только во Франціи, но и Австріи, Германіи и Швейцаріи, часто совершенно безсильной, такъ какъ отъ нея ускользаютъ въ такихъ случаяхъ даже самыя безцеремонныя нарушенія законовъ. Будучи, однако, согласны въ принципѣ, многіе члены конгресса расходились въ мнѣніяхъ, по скольку дѣло касается числа представителей рабочихъ, которыхъ слѣдуетъ принять въ инспекцію, относительно правъ, которыя имъ слѣдуетъ предоставить, относительно образовательнаго ценза, которому они должны удовлетворять, и т. д., и т. д.

Крайне интересенъ въ этомъ отношеніи опытъ Бельгіи, гдѣ представители рабочихъ входятъ въ составъ фабричной инспекціи и пользуются почти во всѣхъ отношеніяхъ тѣми же правами, какъ и фабричные инспектора, выбранные изъ инженеровъ и другихъ профессій. Результаты этого многолѣтняго опыта слѣдуетъ назвать, какъ это было высказано однимъ изъ бельгійскихъ инспекторовъ-инженеровъ, очень

благопріятными. Не менѣе благопріятными оказались и результаты принятія въ члены инспекціи женщинъ. Почти во всѣхъ странахъ, гдѣ этотъ опытъ былъ сдѣланъ—а инспектрисы имѣются нынче во Франціи, Бельгіи, Англіи, во многихъ государствахъ Германіи, въ Сѣверо-Американскихъ Соединенныхъ Штатахъ и т. д.—правительства внесли уже или собираются внести новые законопроекты, которыми права инспектрисъ либо уравниваются съ правами инспекторовъ, либо предусматривается вдобавокъ еще и увеличеніе числа инспектриссъ. При этомъ слѣдуетъ еще отмѣтить, что особенно полезными инспектрисы оказались въ тѣхъ областяхъ труда, гдѣ господствуетъ или сильно распространена потогонная система. Вниманіе, которое стали удѣлять этому вопросу за послѣднее время правительство и общественное мнѣніе, указываетъ съ достаточной ясностью, какую громадную роль на этомъ поприщѣ придется играть институту фабричныхъ инспекторовъ

Послѣднее засѣданіе конгресса было посвящено разработкѣ статутовъ международной ассоціаціи для споспѣшествованія прогрессу рабочаго законодательства. Докладчикомъ по этому вопросу былъ молодой бельгійскій профессоръ Маэмъ (Maheim), докладъ котораго конгрессу и послужилъ для коммиссіи, выбранной конгрессомъ, схемой при выработкѣ устава *).

Цѣлью новой ассоціаціи является, во-1-хъ, стремленіе создать постоянную связь между сторонниками прогресса рабочаго законодательства во всѣхъ странахъ и, во-2-хъ, организовать международное бюро рабочаго законодательства, на обязанности котораго будетъ лежать публикація на французскомъ, нѣмецкомъ и англійскомъ языкахъ періодическаго сборника, содержащаго въ себѣ не только всѣ законопроекты, предписанія и законы, касающіеся защиты труда, но и исторію этихъ законовъ, результаты ихъ примѣненія, интерпретацію ихъ судами и т. д.

На обязанности международнаго бюро будетъ затѣмъ лежать обязанность помогать членамъ ассоціаціи при изученіи ими рабочаго законодательства въ различныхъ странахъ и способствовать предпринятію научныхъ изслѣдованій съ цѣлью придать законодательствамъ различныхъ странъ больше однообразія. Наконецъ въ числѣ обязанностей международнаго бюро будетъ находиться и созывъ интернаціональныхъ конгрессовъ.

Членомъ ассоціаціи можетъ быть всякое лицо или общество, сочувствующее прогрессу рабочаго законодательства и согласное вносить ежегодно въ кассу ассоціаціи 10 франковъ (около $3^1/_2$ рублей). Дѣла

---

*) Кромѣ Маэма, по этому вопросу доставили доклады еще членъ швейцарскаго національнаго совѣта Curti и шефъ бюро въ бельгійскомъ Office du Travail—Emile Waxweiler.

ассоціаціи ведутся комитетомъ, въ который каждое государство, въ которомъ числится, по крайней мѣрѣ, 50 членовъ ассоціаціи, посылаетъ по 6 делегатовъ. Если число членовъ ассоціаціи въ извѣстной странѣ превыситъ 50, то каждые новые 50 членовъ дадутъ *національной секціи* право прибавить еще одного делегата до тѣхъ поръ, пока общее число делегатовъ націи въ комитетѣ не достигнетъ цифры 10. § 7 устава даетъ, кромѣ того, правительствамъ право назначить въ комитетъ по *одному* оффиціальному делегату, который будетъ засѣдать въ комитетѣ и пользоваться всѣми правами выборныхъ *не* правительственныхъ делегатовъ.

Вотъ въ главныхъ чертахъ уставъ новой международной ассоціаціи, центральнымъ мѣстопребываніемъ которой избрана Швейцарія, главнымъ образомъ въ благодарность за тѣ громадныя услуги, которыя эта маленькая страна оказала развитію сознанія о необходимости интернаціональныхъ соглашеній на различныхъ поприщахъ.

Выработанный коммиссіей статутъ былъ принятъ почти единогласно, причемъ протесты были вызваны только принятіемъ въ число членовъ комитета ассоціаціи правительственныхъ делегатовъ. Возражая противъ этого постановленія, бернскій профессоръ Рейхесбергъ приводилъ тотъ же доводъ, который по другому поводу былъ высказанъ и открывшимъ конгрессъ французскимъ министромъ торговли и промышленности Мильераномъ. Онъ боялся главнымъ образомъ того, что связанные всевозможными дипломатическими соображеніями делегаты разныхъ правительствъ будутъ только тормазить дѣятельность ассоціаціи, какъ это, напримѣръ, случилось съ интернаціональнымъ статистическимъ институтомъ.

На-ряду съ такими серьезными доводами слышались, однако, и очень комичныя рѣчи. Нѣкоторые горячіе противники клерикализма подняли вопросъ о томъ, можно ли толковать послѣднюю часть § 7 такимъ образомъ, что и папа можетъ послать въ комитетъ своего делегата. Какъ всѣ фанатики, эти противники клерикализма, забывая громадное вліяніе, которымъ пользуется папа на католическій міръ, требовали *недопущенія* делегата папы. Само собою разумѣется, что громадное большинство членовъ конгресса отказалось принять участіе въ религіозной травлѣ, и это тѣмъ болѣе, что такое яблоко раздора могло легко погубить молодую ассоціацію, въ которой соединены масса національностей и сторонниковъ всевозможныхъ религіозныхъ воззрѣній. Делегатъ Ватикана, если папа, понятно, сочтетъ нужнымъ назначить его, будетъ въ виду этого пользоваться въ комитетѣ ассоціаціи тѣми же правами, какъ и делегаты другихъ правительствъ.

За дебатами о статутахъ послѣдовали рѣчи представителей національныхъ секцій. Отъ имени Германіи говорилъ бывшій прусскій министръ Берлепшъ, отъ имени Австріи профессоръ Филипповичъ, отъ имени Италіи профессоръ Топіоло, отъ имени Бельгіи профессоръ Маэмъ,

отъ имени Швейцаріи адвокатъ Шереръ. Всѣ они выразили отъ имени представляемыхъ ими націй согласіе вступить въ новую ассоціацію и высказали по отношенію къ новому институту самыя горячія пожеланія. Оффиціальные делегаты русскаго правительства по этому поводу не высказались.

Оправдаются ли эти пожеланія, точно такъ же, какъ и всѣ другія пожеланія конгресса о сокращеніи рабочаго времени, объ ограниченіи ночного труда и т. д. (какихъ бы то ни было опредѣленныхъ рѣшеній, кромѣ рѣшенія основать международную ассоціацію, конгрессъ не принялъ), и въ какомъ размѣрѣ это случится,—покажетъ близкое будущее. Пока же можно только сказать, что сама идея создать международное бюро для споспѣшествованія прогрессу рабочаго законодательства крайне симпатична, и это тѣмъ болѣе, что этотъ фактъ ясно указываетъ на громадные успѣхи, которые сдѣлало на этомъ поприщѣ за послѣдніе годы общественное мнѣніе всѣхъ культурныхъ странъ.

Приватъ-доцентъ І. М Гольдштейнъ.

ЖОРЖЪ ЗАНДЪ И ЕЯ ВРЕМЯ.

(*Продолженіе* *),

V.

Приближался 1848 годъ, критическій въ исторіи французскаго народа такъ же, какъ и въ дѣятельности Ж. Зандъ. Лица, стоявшія у власти, считали страну умиротворенною: попытки вооруженныхъ возстаній, столь обильныя въ 30-хъ годахъ, уже давно не повторялись; безпокойная интеллигенція была подавлена, печать понизила тонъ, легальныя оппозиціонныя общества были закрыты, а дѣятельность тайныхъ обществъ была парализована ловкой организаціей шпіонства, и министерство Гизо не видѣло причинъ, почему бы такому мирному порядку не продолжаться до безконечности. Создавъ постепенно условія, при которыхъ до правительства не могли доходить голоса недовольныхъ, оно пришло къ заключенію, что страна достигла максимальнаго благополучія, и что только кучка агитаторовъ и демагоговъ навязываютъ народу свои желанія и потребности. «Вы говорите,—самоувѣренно заявлялъ Гизо въ лицо оппозиціи,—что страна желаетъ реформъ, мы же утверждаемъ противное и приглашаемъ васъ произвести движеніе въ пользу реформы».

Въ этомъ наивномъ вызовѣ было больше легкомыслія, чѣмъ сознательной лжи. Въ дѣйствительности недовольство расло во всѣхъ слояхъ населенія. Всѣ усилія консервативнаго правительства съ 1830 года направлены были на подавленіе революціонныхъ элементовъ, т.-е. на поддержаніе собственнаго существованія, а назрѣвающіе запросы общественной жизни оставались безъ удовлетворенія. Полный застой положительнаго законодательства, полное пренебреженіе къ интересамъ всѣхъ слоевъ населенія, кромѣ крупной буржуазіи, въ концѣ концовъ стали очевидны даже приверженцамъ правительства. Къ этому присоединился промышленный кризисъ 1847 года, который тяжело отозвался на трудящихся массахъ, особенно на рабочемъ населеніи Парижа и другихъ крупныхъ центровъ. Такимъ образомъ горючаго матеріала было болѣе, чѣмъ достаточно, и задача оппозиціи, которая приняла

---

*) См. «Міръ Божій», № 9, сентябрь.

вызовъ министерства, заключалась только въ томъ, чтобы организовать общественное мнѣніе, дать ему пароль и поставить передъ нимъ цѣль.

Рядъ народныхъ собраній въ Парижѣ и въ провинціи, извѣстныхъ подъ названіемъ «компаніи банкетовъ», прекрасно выполнилъ эту миссію. Для того, чтобы понять дальнѣйшія событія, надо не упускать изъ виду, что борьба была начата не республиканской партіей, а монархической оппозиціей. Большинство упомянутыхъ банкетовъ сопровождалось тостомъ за короля, а настоящимъ героемъ этого похода былъ безпринципный Ламартинъ, которому удалось и формулировать одушевлявшія всѣхъ чувства: «мы совершали,—сказалъ онъ на одномъ изъ

Ламартинъ.

такихъ сборищъ,—революцію во имя свободы, контрреволюцію во имя славы; теперь мы совершаемъ революцію во имя проснувшагося общественнаго сознанія, *во имя презрѣнія къ правительству*». Дѣйствительно, какое иное отношеніе могло вызывать это правительство, слабое и трусливое во внѣшней политикѣ, подкупное, грубо эгоистическое и жестокое во внутренней? Уже съ самаго начала банкетной кампаніи совершенно ясно обнаружилось раздвоеніе республиканцевъ. Группа либераловъ изъ «National», называвшаяся въ парламентѣ демократами или радикалами, во главѣ съ Гарнье-Пажесомъ (младшимъ), Арманомъ Марра, Паньеромъ и др., безъ всякаго колебанія примкнула къ монархической оппозиціи и шла съ нею рука объ руку, какъ и въ парла-

ментскихъ дебатахъ. Они ясно видѣли исходъ своей оппозиціи: когда состоялось постановленіе объ устройствѣ перваго банкета (9-го іюля 1847 г. въ Шато-Ружъ), Гарнье-Пажесъ сказалъ: «то, что мы только-что постановили, есть революція».

Другая группа, такъ называемые ультра-радикалы, т.-е. тѣ республиканцы, которые не допускали компромиссовъ съ существующимъ строемъ, объединенные вокругъ «Реформы» и предводительствуемые Ледрю-Ролленомъ, Флокономъ, Луи Бланомъ, сначала вовсе не хотѣли принимать участія въ поднятомъ движеніи; затѣмъ, когда нельзя было уже игнорировать достигнутаго подъема общественнаго негодованія,

Ледрю-Ролленъ.

они должны были принять мѣры, чтобы утилизировать его въ своихъ интересахъ. Организуя такіе же митинги протеста, они строго соблюдали республиканскую корректность, и потому дѣйствовали параллельно, но не совмѣстно съ общимъ движеніемъ. Они произносили прекрасныя по содержательности и искренности рѣчи, но были далеки отъ предвидѣнія, къ чему можетъ привести дорога, на которую они стали.

Въ февралѣ 1848 г., одновременно съ открытіемъ палаты, монархисты и умѣренные республиканцы рѣшили устроить грандіозный банкетъ въ Парижѣ. Но министерство еще вовсе не намѣрено было считаться съ общественнымъ мнѣніемъ. Тронная рѣчь говорила о разгорѣвшихся въ странѣ «слѣпыхъ и враждебныхъ» страстяхъ, и банкетъ

22-го февраля былъ безъ церемоніи запрещенъ, чѣмъ открыто нарушался законъ о правѣ собраній. Монархическая оппозиція еще не рѣшалась искать защиты въ силѣ народнаго гнѣва и подчинилась произволу властей, выговоривъ себѣ позволеніе произвести мирную уличную манифестацію протеста противъ незаконнаго запрещенія. Въ этой манифестаціи и группа Ледрю-Роллена сочла возможнымъ принять участіе. Это былъ такимъ образомъ первый моментъ единенія всѣхъ оппозиціонныхъ элементовъ. Но правительство, испугавшись такого внушительнаго протеста, взяло назадъ данное разрѣшеніе. Оппозиція еще разъ рѣшила подчиниться. Группа «Реформы» собралась на засѣданіе для обсужденія положенія, и поднялся было вопросъ о вооруженномъ сопротивленіи, но Ледрю-Ролленъ и Луи Бланъ убѣдили товарищей оставить эту мысль. На слѣдующее утро въ «Реформѣ» еще писалось (22-го февраля): «воздержитесь отъ всякаго безразсуднаго увлеченія». Но парижскій демосъ, хорошо подготовленный зажигательными рѣчами банкетныхъ ораторовъ, уже пришелъ въ волненіе. Весь день 23-го февраля толпа наполняетъ улицы, строитъ баррикады и кричитъ: «Долой Гизо! Да здравствуетъ реформа!» Только на слѣдующій день, когда случайный залпъ отряда регулярныхъ войскъ привелъ въ ярость толпу, король рѣшился уступить, далъ отставку Гизо и остановился на комбинаціи Тьера и Одилона Барро, главы монархической оппозиціи. И въ этотъ день «Реформа» еще говорила о тѣхъ уступкахъ со стороны правительства, при которыхъ можно было бы возстановить порядокъ. Но Марра, редакторъ «National», уже понималъ истинный смыслъ событій, перемѣну министерства онъ находилъ недостаточной: «Отреченіе короля до полудня!—говоритъ онъ,—послѣ полудня будетъ поздно!» Дѣйствительно, около этого времени растерявшійся король подписываетъ отреченіе и поспѣшно бѣжитъ изъ столицы. Но что послѣдуетъ послѣ отреченія Луи-Филиппа? Новый король или республика? Въ палатѣ, собравшейся на засѣданіе, происходитъ колебаніе. Говорятъ о регентствѣ герцогини Орлеанской и о провозглашеніи королемъ малолѣтняго графа Парижскаго. Этотъ проектъ поддерживаетъ какъ бывшая правительственная партія, такъ и нѣкоторые члены лѣвой, напр., Одилонъ Барро. Но ворвавшаяся въ залу засѣданія толпа покончиваетъ со всѣми колебаніями. Въ палатѣ и въ думѣ одновременно провозглашается республика, прекращеніе полномочій депутатовъ и временное правительство. Послѣ нѣсколькихъ колебаній послѣднее составляется изъ всѣхъ оттѣнковъ республиканской партіи: руководители либеральной группы—Марра, Гарнье-Пажесъ, Мари, глава радикаловъ—Ледрю-Ролленъ, соціалистъ—Луи Бланъ, представитель рабочихъ, глава ихъ тайныхъ обществъ—Альберъ, безцвѣтные, но честные люди изъ старыхъ демократовъ, бывшіе въ оппозиціи еще при имперіи — Дюпонъ де-Лёръ и Франсуа Араго и наконецъ новообращенный республиканецъ, рабъ собственнаго краснорѣчія—Ламар-

тинъ. Этимъ-то людямъ, выдвинутымъ на поверхность парижскимъ населеніемъ, неподготовленнымъ къ власти, несогласнымъ между собою въ самыхъ основныхъ принципахъ, предстояла трудная и отвѣтственная задача — создать, организовать и ввести въ жизнь новый государственный строй.

Впрочемъ, въ первые дни все шло довольно гладко, и общее радостное настроеніе затушевывало маленькія шероховатости, неизбѣжныя въ такихъ обстоятельствахъ. Парижское рабочее населеніе ликовало, достигнувъ сравнительно безъ крупныхъ жертвъ своей давнишней мечты и твердо надѣясь на то, что перемѣна политическаго строя приведетъ къ улучшенію его положенія. Чиновники повсюду поспѣшили выразить приверженность республиканскому режиму, какъ до тѣхъ поръ они выражали ее всѣмъ властямъ. Крестьянство хотя и не питало никакихъ нѣжныхъ чувствъ къ республикѣ, но не имѣло также основаній сожалѣть о сверженномъ правительствѣ, а отъ новаго можно было ожидать уменьшенія налоговъ. Буржуазія на первыхъ порахъ боялась краснаго призрака и присмирѣла въ своихъ квартирахъ, зорко поглядывая на улицу изъ-за опущенныхъ жалузи. Но бояться было нечего: рабочіе вели себя по рыцарски и требовали только одного, чтобы имъ дали возможность работать. Временное правительство, въ рукахъ котораго до созванія учредительнаго собранія народныхъ представителей въ сущности была диктаторская власть, дебютировало провозглашеніемъ трехъ принциповъ, долженствовавшихъ служить первыми камнями будущаго зданія республики: всеобщая подача голосовъ, уничтоженіе смертной казни за политическія преступленія и уничтоженіе рабства въ колоніяхъ.

Сейчасъ же однако надо было принимать мѣры по вопросамъ, выдвигаемымъ ближайшею дѣйствительностью. Парижскіе рабочіе, на слѣдующій же день послѣ провозглашенія республики явились къ временному правительству заявить, что они голодны. Къ общему промышленному кризису присоединилась полная пріостановка работъ въ мастерскихъ вслѣдствіе паники, охватившей работодателей. Правительство отвѣчало на требованія рабочихъ провозглашеніемъ принципа «права на трудъ». Но легче было признать это положеніе, чѣмъ осуществить его на практикѣ. Рѣшено было все-таки открыть въ видѣ временной мѣры «національныя мастерскія» для безработныхъ. Любопытно, какое различное отношеніе къ этой мѣрѣ было въ средѣ временнаго правительства: Луи Бланъ былъ рѣшительно противъ національныхъ мастерскихъ, такъ какъ видѣлъ въ нихъ вредный палліативъ, питающій въ рабочей средѣ надежды, которыя рано или поздно должны быть разрушены. Ламартинъ смотрѣлъ на нихъ, какъ на благотворительныя учрежденія, вродѣ убѣжища для нищихъ. Наконецъ, въ глазахъ Марра, который въ качествѣ мэра Парижа былъ главнымъ организаторомъ этихъ мастерскихъ, онѣ должны были служить хоро-

шимъ средствомъ для того, чтобы дисциплинировать безпокойные элементы столичной черни, привязать ихъ къ временному правительству и, въ случаѣ надобности, воспользоваться ими, какъ арміей, противъ соціальной революціи, которую въ одинъ прекрасный день могли произвести приверженцы Луи Блана. Послѣдняго соображенія Марра, конечно, громко не высказывалъ. Національныя мастерскія были организованы такъ, что онѣ больше всего подходили подъ понятіе Ламартина. Изъ боязни государственнаго соціализма, а также по недостатку

Луи Бланъ.

иниціативы и денегъ, имъ не дали характера обычныхъ промышленныхъ предпріятій,—рабочихъ занимали самыми непроизводительными занятіями и, такимъ образомъ деморализовали ихъ постепенно, пріучивъ ихъ получать отъ государства деньги за безполезный трудъ. Чтобы понять, какое общественное значеніе имѣли эти мастерскія, надо сказать, что изъ общаго числа 150 тысячъ рабочихъ Парижа на иждивеніи національныхъ мастерскихъ находилось вначалѣ 50 тысячъ, а къ іюню мѣсяцу 117 тысячъ человѣкъ.

Другою мѣрою для удовлетворенія требованій рабочихъ было обра-

зованіе такъ называемой люксембургской коммиссіи, задача которой, по выраженію оффиціальнаго декрета, состояла въ томъ, чтобы «заниматься судьбою рабочаго класса». Она должна была разрабатывать вопросы, относящіеся къ труду и къ нравственному и матеріальному улучшенію положенія рабочихъ. Предсѣдателемъ этой коммиссіи назначенъ былъ Луи Бланъ, а вице-предсѣдателемъ бывшій рабочій Альберъ. Луи Бланъ весьма основательно отказывался принять это назначеніе. Въ спокойное время такое учрежденіе еще могло бы оказать существенную пользу, подвинувъ изученіе рабочаго вопроса, но въ моментъ, слѣдовавшій за революціей, когда массы ожидали отъ правительства практическихъ мѣръ борьбы съ нуждою, трудно было придумать что-нибудь менѣе цѣлесообразное. «Что стану я дѣлать,—говорилъ Луи Бланъ,—не имѣя власти, денегъ, никакихъ средствъ для осуществленія нашихъ идей? Что скажу я народу, который меня любитъ, если онъ обвинитъ меня въ томъ, что я обманулъ его? Не буду ли я вынужденъ сообщить ему, что его хотѣли усыпить сладкозвучными рѣчами? И меня сочли наиболѣе пригоднымъ для разыгрыванія этой предательской роли! Мнѣ поручаютъ прочитать передъ голодными людьми курсъ о голодѣ...» Въ концѣ концовъ, однако, его убѣдили «вывести временное правительство изъ затруднительнаго положенія», и онъ принялъ предсѣдательство въ этой мертворожденной коммиссіи. Впрочемъ, нѣкоторые товарищи Луи Блана во временномъ правительствѣ соединяли съ этой мѣрой тонкій разсчетъ: предоставивъ Луи Блану развивать свои соціальныя идеи безъ возможности ихъ осуществленія, либералы хотѣли показать народу утопичность этихъ идей и тѣмъ уменьшить популярность Луи Блана, которая ихъ тревожила. Луи Бланъ, воплощенная честность, не угадывалъ этихъ плановъ и всѣми силами старался извлечь изъ своей коммиссіи все, что возможно.

Дѣятельность люксембургской коммиссіи была троякаго рода. Наиболѣе практически полезная часть ея работъ заключалась въ посредничествѣ между хозяевами и рабочими въ качествѣ третейскаго трибунала. Но, конечно, такая скромная роль не могла удовлетворить возбужденныя ею надежды. Затѣмъ она стремилась выработать принципы новаго соціальнаго законодательства. Такъ, ею были постановлены требованія объ уменьшеніи числа рабочихъ часовъ и о назначеніи таксы заработной платы. Такъ какъ въ странѣ въ этотъ моментъ не существовало никакого законодательнаго корпуса, то, разумѣется, эти постановленія оставались благими совѣтами, которымъ рѣшительно никто не желалъ слѣдовать. Правда, временное правительство, въ качествѣ диктаторской власти, не колеблясь, декретировало эти постановленія коммиссіи, въ полной увѣренности, что они никакихъ результатовъ не будутъ имѣть; послѣднее оправдалось блестящимъ образомъ. Наконецъ, была сдѣлана попытка болѣе широкой практической иниціативы, которая, однако, также окончилась полной не-

удачей. По мысли Луи Блана была основана «соціальная мастерская», на первый разъ, для портныхъ, съ равномѣрною заработною платою. Въ отличіе отъ національныхъ мастерскихъ, гдѣ въ принципѣ государство являлось предпринимателемъ, устроенная Луи Бланомъ «соціальная мастерская» была артельнымъ предпріятіемъ производителей. Луи Бланъ мечталъ открыть цѣлый радъ подобныхъ мастерскихъ, скупивъ частныя предпріятія, упавшія вслѣдствіе кризиса. Для этого, однако, у него не было денегъ. Но и ассоціація портныхъ вслѣдствіе взаимнаго недовѣрія членовъ вскорѣ перешла къ обычной системѣ задѣльной платы. Кромѣ того, Луи Бланъ проектировалъ еще образованіе въ каждомъ департаментѣ земледѣльческихъ колоній, гдѣ бы подъ покровительствомъ государства безработные находили источникъ существованія, не обременяя общества; это въ интересахъ производителей. А въ интересахъ потребителей онъ хотѣлъ устроить обширные товарные склады, которые регулировали бы коммерческую спекуляцію. Само собою разумѣется, что и эти проекты остались простыми pia desideria, не столько вслѣдствіе недостатка необходимыхъ рессурсовъ и кредита, сколько вслѣдствіе того, что большинство товарищей Луи Блана вовсе не сочувствовали подобнымъ затѣямъ.

Такимъ образомъ, вопросъ объ улучшеніи положенія городского пролетаріата не подвигался впередъ. Но городскіе рабочіе такъ глубоко вѣрили въ добрыя намѣренія и всемогущество республиканскаго правительства, что продолжали всѣми силами оказывать ему уваженіе и поддержку и старались даже сохранить подъемъ духа, вызванный побѣдой надъ прежнимъ режимомъ, несмотря на то, что положеніе ихъ съ каждымъ днемъ приближалось къ крайности. Они ограничивались тѣмъ, что посылали къ правительству делегаціи, но легко успокоивались сладкими рѣчами и дешевыми обѣщаніями. Болѣе опасеній внушало правительству настроеніе деревенскихъ жителей. Правда, съ ихъ стороны нельзя было ожидать какихъ-нибудь насильственныхъ дѣйствій, зато при всеобщемъ голосованіи отъ крестьянства долженъ былъ въ значительной степени зависѣть составъ будущаго учредительнаго собранія. Ж. Зандъ, которую февральскій переворотъ засталъ въ деревнѣ, разсказываетъ, что «при извѣстіи о республикѣ первымъ возгласомъ деревенскихъ обывателей было: «Не надо налоговъ! долой налоги!» А первою финансовою мѣрою временнаго правительства было увеличеніе прямыхъ налоговъ на 45%. Естественно, что чувства провинціи по отношенію къ республикѣ внушали самыя мрачныя мысли правительству, а особенно министру внутреннихъ дѣлъ Ледрю-Роллену. Онъ разослалъ во всѣ департаменты правительственныхъ коммиссаровъ съ неограниченными полномочіями, какъ гласила данная имъ тайная инструкція. Эти коммиссары должны были внушить провинціаламъ симпатію къ новому режиму, созданному столичнымъ населеніемъ. Имъ предписывалось смѣнить всѣхъ префектовъ и су-префектовъ, а также

мэровъ и вообще всѣхъ должностныхъ лицъ, служившихъ монархіи, и замѣнить ихъ лицами, завѣдомо преданными республикѣ.

Особенно имъ вмѣнялось въ обязанность принять самое горячее участіе въ предстоящихъ выборахъ въ учредительное собраніе. «Вы понимаете, какъ велика въ этомъ отношеніи ваша задача,—говорится въ томъ же конфиденціальномъ циркулярѣ.—Воспитаніе страны еще не кончено, вы должны руководить имъ. Старайтесь объ образованіи во всѣхъ мѣстностяхъ вашего департамента избирательныхъ комитетовъ и вникайте серьезно въ права кандидатовъ. Останавливайтесь только на тѣхъ, въ республиканскомъ образѣ мыслей которыхъ вы вполнѣ увѣрены, которые наиболѣе способны помогать дѣлу республики. Никакихъ сдѣлокъ, никакой снисходительности. Пусть день выборовъ будетъ днемъ торжества республики». «Здѣсь представляется вопросъ, искаженный партіями,—говорится въ другомъ циркулярѣ передъ самыми выборами,—о которомъ слѣдуетъ объясниться безъ запинокъ и недомолвокъ. Время лукавствъ и обмановъ прошло: мы достаточно сильны, чтобы быть правдивыми. Должно ли правительство вліять на выборы или же должно удовольствоваться только наблюденіемъ за ихъ правильностью? Я не колеблясь отвѣчу, что правительство, подъ угрозою обвиненія въ отреченіи и даже въ измѣнѣ, не должно ограничиться веденіемъ протоколовъ и счетомъ голосовъ; оно должно наставить Францію, должно открыто работать для уничтоженія интригъ контръ-революціи, если послѣдней вздумается поднять свою голову». Словомъ, въ этомъ отношеніи республиканское правительство не стояло выше своихъ предшественниковъ и пользовалось оружіемъ, которымъ Наполеонъ III столько лѣтъ впослѣдствіи фальсифицировалъ «волю народа».

Несмотря на эти мѣры предосторожности, Ледрю-Ролленъ далеко не былъ увѣренъ въ результатѣ выборовъ. Онъ и его окружающіе прибѣгали даже къ угрозамъ на случай, если выборы окажутся неблагопріятными республикѣ. Въ оффиціальномъ органѣ министерства внутреннихъ дѣлъ («Bulletin de la république»), въ которомъ дѣятельное участіе принималъ никто иной, какъ Ж. Зандъ, послѣдняя выражалась весьма рѣшительно: въ случаѣ реакціонныхъ выборовъ въ департаментахъ, «для народа, который устраивалъ баррикады,—говоритъ она,—оставался бы только одинъ путь спасенія: вторично проявить свою волю и отсрочить рѣшенія фальшиваго національнаго представительства». Далѣе высказывается мысль, что «Парижъ справедливо считаетъ себя уполномоченнымъ всего населенія національной территоріи». Въ другомъ журналѣ («La vraie république») Ж. Зандъ подробнѣе развиваетъ ту же мысль уже отъ своего имени или, лучше сказать, отъ имени фиктивнаго персонажа изъ народа. «Совершенно вѣрно,—говоритъ она здѣсь,—что изъ всѣхъ краевъ Франціи слышатся жалобы противъ парижскаго народа. Деревенскіе жители говорятъ, что они не принад-

лежатъ къ этому народу, что они не желаютъ слѣдовать указкѣ парижскаго народа, что они требуютъ, чтобы собраніе представителей было перенесено какъ можно дальше отъ Парижа, дабы ея дѣйствіями не руководилъ страхъ! Честные люди нашихъ деревень, не надо говорить такихъ вещей». «Конечно,—продолжаетъ она, обращаясь къ сельскому населенію,—въ томъ, что вы говорите, есть доля истины; Парижъ принимаетъ рѣшенія раньше васъ, и вы принуждены хотѣть то, чего онъ хочетъ, потому что, когда вы объ этомъ узнаете, уже слишкомъ поздно чему-нибудь препятствовать. И затѣмъ Парижъ такъ силенъ! тамъ столько народу! и весь народъ тамъ въ такомъ добромъ согласіи хочетъ одного и того же!» Такимъ образомъ, противодѣйствіе провинціи изображается невозможнымъ, однако оно все-таки было бы возможно, если бы правда и разумъ оказались бы на сторонѣ провинціи. При этомъ Ж. Зандъ рисуетъ совершенно химерическую картину, какъ провинція, если бы она была въ своемъ правѣ, настояла бы на своемъ. «Если бы такой центръ, какъ Парижъ, куда идутъ и могутъ идти всѣ лучшіе умы, всѣ лучшія сердца, всѣ лучшія руки Франціи, могъ ошибаться относительно того, что нужно для Франціи, или же, вещь невозможная, если бы онъ не желалъ того, что хорошо и справедливо для всей Франціи... вы бы почувствовали всѣ разомъ и единодушно, что Парижъ васъ обманываетъ и вредитъ вамъ, и въ одно прекрасное утро, не сговариваясь другъ съ другомъ, вы всѣ очутились бы передъ воротами Парижа... Тогда Парижъ уступилъ бы, потому что Франція имѣла бы на своей сторонѣ справедливость».

Ж. Зандъ, повидимому, была весьма невысокаго мнѣнія объ умственныхъ способностяхъ провинціаловъ, если разсчитывала на силу подобныхъ аргументовъ. Другой преданный республикѣ писатель, Эженъ Сю, умѣлъ найти болѣе подходящій языкъ для того, чтобы содѣйствовать популярности республики среди крестьянъ. Онъ разослалъ даромъ въ одномъ изъ департаментовъ четыре брошюры, въ которыхъ указывались вполнѣ доступные безграмотному и боязливому крестьянину факты и соображенія, говорящіе въ пользу новаго режима. Онъ разъясняетъ прежде всего самое слово республика, такъ какъ многіе крестьяне не понимали разницы между нею и монархіей. Затѣмъ, онъ показываетъ, какимъ образомъ путемъ всеобщаго голосованія можно достичь справедливыхъ законовъ и полезныхъ мѣръ; для образца онъ указываетъ на равномѣрный и прогрессивный налогъ, государственное страхованіе, образцовыя фермы, даровое обученіе, пріюты для дѣтей, убѣжища для стариковъ. Изъ произведенныхъ уже правительствомъ реформъ онъ ставитъ на первое мѣсто не отмѣну смертной казни, а обращеніе тюльерійскаго дворца въ домъ гражданскихъ инвалидовъ.

Наконецъ, черезъ два мѣсяца послѣ революціи выборы состоялись. Результатъ ихъ былъ довольно опредѣленный по вопросу объ отношеніи къ республикѣ. Всѣ депутаты называли себя ея приверженцами,

но насколько это было неискренно, показало недалекое будущее. Члены временнаго правительства отдали отчетъ въ своей дѣятельности и сложили съ себя свои званія. Необходимо было кому-нибудь поручить исполнительную власть. По этому вопросу мы встрѣчаемъ опять мнѣніе Ж. Зандъ. Она въ страстномъ тонѣ возражаетъ Ламенне, который совѣтывалъ избрать президента. Если не большинство, то значительная часть французскаго народа, по ея мнѣнію, отвергаютъ мысль вручить одному лицу исполнительную власть, и она думаетъ, что во Франціи нѣтъ ни одного честнего человѣка, который могъ бы послѣдовать въ этомъ вопросѣ желанію деспотическаго большинства. Въ данномъ случаѣ она обнаруживаетъ ясное пониманіе положенія и даже вѣрное предвидѣніе будущаго. «Президентство, — говоритъ она, — въ настоящій моментъ было бы вынуждено стать диктатурой, а каждый диктаторъ былъ бы вынужденъ проливать кровь». Большинство учредительнаго собранія раздѣляло предубѣжденіе противъ единоличнаго президентства, и постановлено было на-ряду съ министрами учредить исполнительную коммиссію изъ пяти членовъ. Въ выборѣ этихъ высшихъ должностныхъ лицъ уже ясно выразилось, что большинство нисколько не склонно удовлетворить ожиданіямъ рабочихъ массъ. Луи Бланъ и Альберъ, на которыхъ только и можно было возлагать надежды, что они будутъ настаивать на проведеніи извѣстныхъ соціальныхъ реформъ, не были выбраны въ исполнительную коммиссію, куда вошли представители чистаго либерализма, каковы Гарнье-Пажесъ, Мари и Араго, затѣмъ наиболѣе популярный человѣкъ изъ всего временного правительства, Ламартинъ, вся дѣятельность котораго была блестящимъ опроверженіемъ возбужденныхъ имъ ожиданій. Ледрю-Ролленъ, хотя и не раздѣлялъ соціальныхъ идей Луи Блана, но все-таки былъ сторонникомъ организаціи труда, а потому не внушалъ симпатіи учредительному собранію. Но Ламартинъ, чтобы показать, что онъ выше партійныхъ счетовъ, поставилъ условіемъ своего вступленія въ исполнительную коммиссію участіе въ ней Ледрю-Роллена.

Въ такомъ составѣ исполнительная власть систематически бездѣйствовала, а учредительное собраніе принялось исподволь за выработку конституціи. Между тѣмъ, въ первые дни республики временнымъ правительствомъ было наговорено столько прекрасныхъ словъ, дано столько заманчивыхъ обѣщаній, что парижскій народъ неохотно мирился съ медленнымъ ходомъ политической жизни. Кромѣ насущныхъ матеріальныхъ потребностей толпа имѣла и свои идеалы, осуществленія которыхъ она требовала отъ республиканскаго правительства. При короляхъ республиканская оппозиція не уставала корить министровъ за ихъ равнодушіе къ судьбѣ націй, борющихся за свою независимость. Поддержка итальянцамъ и полякамъ стала неотъемлемымъ пунктомъ республиканской программы. Пока республиканцы были оппозиціей, этотъ пунктъ ихъ ни къ чему не обязывалъ; теперь, когда

они были у власти, онъ оказался имъ совсѣмъ некстати; они не имѣли никакой охоты вовлечь Францію въ международный конфликтъ. Но толпа, которой семнадцать лѣтъ внушали братскія чувства къ Польшѣ, не желала измѣнить точку зрѣнія. Видя, что правительство медлитъ, парижане въ одинъ прекрасный день (15-го мая) громаднымъ скопомъ ворвались въ засѣданіе учредительнаго собранія и потребовали, чтобы тутъ же, въ присутствіи народа, рѣшено было вмѣшательство въ пользу Польши. Пока собраніе въ замѣшательствѣ медлило, толпа, подстрекаемая, какъ многіе увѣряли, реакціонными провокаторами, провозгласила распущеніе собранія, низложеніе правительства и направилась въ думу для провозглашенія новаго временного правительства.

Эта вспышка была однако подавлена, и наиболѣе популярные среди рабочихъ люди, какъ Бланки, Барбесъ, Распайль, были арестованы, хотя они не были ни иниціаторами, ни руководителями этой бурной манифестаціи. Мало того, лица, стоявшія у власти, желали извлечь изъ этого эпизода, какъ можно больше пользы и рѣшили примѣшать къ дѣлу ненавистнаго имъ Луи Блана, популярность котораго въ этотъ день подтвердилась съ новой силой возгласами толпы. Арманъ Марра, мэръ Парижа, пустилъ подъ рукою слухъ, что Луи Бланъ былъ вмѣстѣ съ толпою въ думѣ и, слѣдовательно, активно участвовалъ въ попыткѣ низложить своихъ недавнихъ товарищей. Въ этомъ смыслѣ былъ составленъ докладъ учредительному собранію съ требованіемъ предать Луи Блана суду, при чемъ выставлялось на видъ, что это дѣлается главнымъ образомъ въ интересахъ самого обвиняемаго: судъ дастъ ему возможность публично оправдаться, если онъ дѣйствительно невиновенъ. Припертый къ стѣнѣ, Марра долженъ былъ признаться, что пущенный имъ слухъ не имѣетъ никакой фактической основы и былъ сообщенъ ему неизвѣстнымъ человѣкомъ, котораго не удалось разыскать. Преданіе суду на этотъ разъ было отвергнуто, но въ августѣ, когда реакціонное направленіе февральской республики разыгралось уже съ полною силой, тотъ же вопросъ былъ поднятъ вновь, и Луи Бланъ, дабы избѣжать ареста и неминуемаго осужденія, бѣжалъ въ Англію, гдѣ и жилъ до провозглашенія третьей республики въ 1870 году.

Но счеты парижскаго населенія съ правительствомъ не были покончены 15 мая. Рабочіе все еще ожидали исполненія торжественнаго обѣщанія объ организаціи труда, а учредительное собраніе подумывало, какъ бы отдѣлаться окончательно отъ претензій рабочихъ и закрыть національныя мастерскія. Теперь, когда въ средѣ членовъ правительства не было уже никого, кто бы поддерживалъ принципъ права на трудъ, національныя мастерскія казались большею нелѣпостью, чѣмъ когда-либо, и если еще нѣкоторое время учредительное собраніе колебалось ихъ ликвидировать, то это происходило только изъ боязни передъ стотысячной голодной арміей. Но нѣкоторые доктринеры либе-

рализма, поддержанные представителями монархической реакціи, которые все болѣе подымали голову, поставили вопросъ такъ рѣзко и безпощадно, что нѣсколько голосовъ осторожныхъ или человѣколюбивыхъ депутатовъ были заглушены. Убѣдившись, что судьба національныхъ мастерскихъ рѣшена, рабочіе обратились къ баррикадамъ, въ которыхъ они уже привыкли видѣть ultima ratio въ защитѣ своихъ интересовъ. Началась знаменитая іюньская трехдневная бойня, одна изъ самыхъ темныхъ страницъ французской исторіи XIX вѣка. Пятичленная исполнительная коммиссія, конечно, оказалась совершенно неспособной дѣйствовать при такихъ обстоятельствахъ. Власть перешла въ руки генерала Кавеньяка (брата умершаго талантливаго республиканскаго дѣятеля Годфруа Кавеньяка), который завоевывалъ городъ по всѣмъ правиламъ военнаго искусства. Взаимное ожесточеніе сражающихся доходило до высшихъ предѣловъ. Республиканскими войсками было положено на улицахъ Парижа 2.000 горячихъ приверженцевъ республики; раненыхъ добивали, плѣнныхъ разстрѣливали. Но жестокость войскъ еще не самое удивительное явленіе въ этомъ кровавомъ эпизодѣ. Гораздо болѣе достойны удивленія эти спасители отечества, рыцари краснорѣчія, которые своею неспособностью, своимъ своекорыстіемъ и своею систематическою ложью передъ народомъ вызвали эту страшную драму: они и при такихъ подавляющихъ обстоятельствахъ не могли преодолѣть страсти къ интереснымъ позамъ и красивымъ фразамъ. Кавеньякъ, воюющій съ французскими гражданами съ такою же охотничьею выдержкою, какъ прежде воевалъ въ Алжирѣ съ арабами, передъ тѣмъ, чтобы принять командованіе въ свои руки, отправляется къ своей матери и плачетъ надъ участью тѣхъ, кого онъ будетъ истреблять. Въ то время, какъ на улицахъ уже шла ожесточенная битва, Ламартинъ, этотъ поэтъ нѣжныхъ чувствъ, нѣкогда именовавшій себя единственнымъ представителемъ соціальной партіи, старается успокоить учредительное собраніе такими театральными словами: «Позвольте исполнительной власти выполнить безпрепятственно свое дѣло, и она выполнитъ его лучше, чѣмъ предполагаютъ». Надо замѣтить, что исполнительная коммиссія никакого дѣла не выполнила, да и не пыталась выполнить, пока ее не замѣнила диктатура Кавеньяка.

Если у кого еще сохранялась мечта, что республика и всеобщая подача голосовъ дастъ удовлетвореніе всему народу, то послѣ іюньскихъ дней всякія иллюзіи рушились. Городскому пролетаріату предоставлялось на свободѣ умирать съ голоду, а тѣ, которые не соглашались воспользоваться этой свободой, были посажены въ тюрьмы или отправлены въ ссылку. Болѣе 20.000 человѣкъ подверглись этой участи, причемъ тѣ самые люди, которые въ теченіе столькихъ десятковъ лѣтъ не находили достаточно сильныхъ словъ, чтобы заклеймить произволъ монархическаго правительства, теперь, черезъ нѣсколько мѣсяцевъ послѣ того, какъ власть попала къ нимъ въ руки, дошли до

произвола, неслыханнаго при короляхъ; эта «республика адвокатовъ», провозглашавшая самые высокіе принципы свободы и равенства, раздѣлывалась съ своей оппозиціей безъ всякихъ церемоній: тысячи гражданъ, заподозрѣнныхъ какъ участники іюньскаго возстанія, были подвергнуты самымъ суровымъ наказаніямъ и лишены гражданскихъ правъ безъ суда. Однако, и этотъ актъ деспотизма и насилія сопровождался фразами о гуманности и человѣколюбіи. Ссылая голодныхъ рабочихъ безъ законныхъ гарантій защиты, авторы этой мѣры утверждали, что они такимъ образомъ хотятъ защитить ихъ отъ возможныхъ насилій со стороны озлобленной національной гвардіи. Крестьянство, какъ мы видѣли, также не могло разсчитывать на то, что республика захочетъ принимать во вниманіе его интересы, и охотно шло на пропаганду монархистовъ. Та часть интеллигенціи, которая въ состояніи была возвыситься надъ своекорыстными идеями буржуазіи о свободѣ конкуренціи и эксплуатаціи, та часть, которая примыкала къ идеологамъ, въ родѣ Луи Блана, находилась уже въ явномъ антагонизмѣ съ новымъ общественнымъ строемъ. Одинъ моментъ послѣ февральскаго переворота казалось, что эта идеологія совмѣстима съ буржуазнымъ либерализмомъ, но событія быстро дифференцировали идеи и партіи. Послѣ іюньскихъ дней не только была отвергнута всякая соціальная идеологія, но и послѣдовательность въ либерализмѣ оказалась еще преждевременной въ интересахъ средняго класса. Чтобы оградить республики отъ рѣзкой критики независимой прессы, были возстановлены денежные залоги и усилены кары за преступленія печати. Чтобы уменьшить политическую силу пролетаріата, была сокращена свобода собраній, а затѣмъ даже ограничено право всенароднаго голосованія. Словомъ, мало-по-малу возстановлялся режимъ, существовавшій до февральской революціи, съ тою только разницею, что верховная власть перешла отъ королей, которые раздѣляли свои симпатіи между аристократіей, клерикализмомъ и крупной буржуазіей, къ представителямъ средней буржуазіи, которые, впрочемъ, охотно взяли на себя защиту и гарантію господствующаго положенія денежныхъ и промышленныхъ тузовъ.

Однако, въ 1848 году буржуазія не обладала еще тою силою, которая утвердила за нею власть въ 1870 году. Побѣда досталась ей изъ чужихъ рукъ. Столпы прежняго режима не вполнѣ были обезсилены и пользовались еще достаточнымъ авторитетомъ въ провинціи, чтобы развить антипатію ея къ республикѣ. Это обстоятельство въ связи съ тѣмъ, что рабочіе охотно содѣйствовали ослабленію правительства «адвокатовъ», которое обѣщало имъ такъ много добра и сдѣлало такъ много зла, удовлетворительно объясняетъ, почему Луи-Наполеонъ получилъ такое внушительное большинство при всенародномъ голосованіи президента по новой конституціи въ декабрѣ 1848 года. Его имя, окруженное традиціей славы, отрицательныя стороны которой стушевыва-

лись отъ отдаленія, его прошлая жизнь,—жизнь политическаго изгнанника и карбонарія, наконецъ, его демократическіе взгляды, которые онъ всегда старательно выставлялъ на видъ, привлекали на его сторону не только темную массу, но и образованныхъ идеалистовъ, въ томъ числѣ и Ж. Зандъ: этотъ умный, энергичный, благонамѣренный и свѣжій человѣкъ, казалось, лучше другихъ могъ стать выше партійныхъ распрей и пріобщить народъ къ благодѣяніямъ свободы, которыя богатые хотѣли монополизировать въ свою пользу. Какъ быстро рушились эти надежды и какъ ловко узурпаторъ умѣлъ все-таки поддерживать въ массахъ симпатію къ себѣ, мы не будемъ разсказывать: это уже не имѣетъ прямого отношенія къ Ж. Зандъ. Теперь же мы должны подробнѣе остановиться на той роли, которую она играла въ событіяхъ того времени.

Ж. Зандъ прибыла въ Парижъ изъ деревни въ мартѣ, когда уже не мало облачковъ пробѣжало надъ молодой республикой. Но въ общемъ еще и въ народѣ, и въ руководящей средѣ господствовало бодрое настроеніе. Медовой мѣсяцъ свободы еще продолжался, и если и происходили кое-какіе тревожные эпизоды и выпадали непріятные моменты, то это могло быть объяснено неизбѣжными въ первое время ошибками и недоразумѣніями: немного терпѣнія, все уладится, выяснится и все будетъ «добро зѣло». Ж. Зандъ радостно поддается общему подъему духа. Она имѣетъ вдвойнѣ основаніе для этого: идеи, выраженныя въ первыхъ прокламаціяхъ временнаго правительства, это ея идеи, которымъ она неустанно служила словомъ и перомъ вотъ уже восемь лѣтъ; лучшіе люди, указанные симпатіей народа, какъ наиболѣе достойные направлять первые шаги освобожденной демократіи, это ея друзья. Она сама призвана содѣйствовать утвержденію новаго режима въ умахъ согражданъ: ей поручена редакція оффиціальнаго органа министерства внутреннихъ дѣлъ. Она такъ усердно входитъ въ новый курсъ, что забываетъ на время свое нерасположеніе къ активной политикѣ. Но оффиціальные *бюллетени* не поглощаютъ ея времени. Съ необычной для нея рѣшительностью, она пускается въ политическую публицистику и въ другихъ журналахъ. Въ такой моментъ, если и не особенно симпатична, то, во всякомъ случаѣ, легко объяснима нѣкоторая приподнятость тона въ восхваленіи національныхъ доблестей, граничащая съ шовинизмомъ. Ж. Зандъ поддается этому недостатку большинства французскихъ писателей и съ совершенно искреннимъ паѳосомъ увѣряетъ, что нѣтъ на свѣтѣ народа разумнѣе, самоотверженнѣе, храбрѣе французскаго народа; онъ, по ея мнѣнію, готовъ изъ одной любви къ свободѣ насадить ее во всѣхъ углахъ міра, напр., на берегахъ Темзы. Но при этомъ Ж. Зандъ успокаиваетъ и стыдитъ буржуазію, которая попряталась и дрожитъ отъ страха, думая, что республика не можетъ быть ничѣмъ инымъ, какъ повтореніемъ террора 1793 года. Правительство также употребляло всевозможныя усилія, чтобы раз-

сѣять эти неосновательныя опасенія. Буржуазія, въ концѣ концовъ, такъ глубоко повѣрила этимъ убѣжденіямъ, что повернула всю революцію въ свою пользу, и съ своей стороны устроила маленькій терроръ противъ толпы, которая не соглашалась голодать «ради идеи». Ж. Зандъ совершенно вошла въ интересы и взгляды правительства, особенно своего патрона Ледрю-Роллена. Все, что она высказываетъ въ это время, клонится къ содѣйствію видамъ правительства. Поэтому она долгое время старается всѣхъ удовлетворить, никому не сказать жесткой истины, никого не раздражить осужденіемъ. Съ этою цѣлью она даже нѣсколько измѣняетъ характеръ событій, напр., манифестаціи 16 апрѣля. Это было въ сущности первое столкновеніе рабочихъ съ національной гвардіей. Рабочіе отправились къ временному правительству еще разъ напомнить ему, что оно обѣщало организацію труда, а національная гвардія явилась на площадь думы какъ бы для охраны правительства отъ насилій толпы и встрѣтила манифестантовъ криками: «долой коммунистовъ!» А Ж. Зандъ изображаетъ событія въ такомъ видѣ, будто въ силу недоразумѣнія, по наущенію враговъ свободы, двѣ части народа—вооруженная (это обозначеніе національной гвардіи и арміи было обычно въ то время, чтобы внушить имъ преданность къ народному правительству) и безоружная, т.-е. рабочіе,—устремились къ думѣ, дабы предотвратить опасность, угрожавшую правительству со стороны реакціонеровъ; будто бы, когда истина разъяснилась, рабочіе и національные гвардейцы братски соединились въ одномъ возгласѣ: «да здравствуетъ республика!» Это была явная лесть національной гвардіи, состоявшей изъ ремесленниковъ, мелкихъ торговцевъ и т. п. и питавшей не особенно пылкую симпатію къ новому правительству, такъ какъ предполагалось, что оно служитъ послушнымъ орудіемъ рабочихъ. Такъ какъ регулярная армія была еще менѣе надежна въ смыслѣ приверженности къ республикѣ, то надо было покорить національную гвардію во чтобы то ни стало. Съ этою цѣлью черезъ нѣсколько дней (20-го апрѣля) былъ организованъ такъ называемый «праздникъ братства», который состоялъ въ томъ, что національная гвардія, совмѣстно съ корпораціями рабочихъ, дефилировала предъ правительствомъ, возсѣдавшимъ на вершинѣ тріумфальной арки. Ж. Зандъ была такъ близка къ правительству, что занимала мѣсто въ правительственной ложѣ. Вполнѣ согласно съ видами своихъ пріятелей, она даетъ восторженное описаніе этого дня. Она все время говоритъ чисто оффиціознымъ языкомъ, постоянно повторяя «наша революція», «наша республика». Въ этой процессіи, по ея мнѣнію, дѣйствительно вылилось общенародное чувство солидарности, здѣсь торжественно заключенъ былъ братскій миръ между различными группами націи, раздѣленными до сихъ поръ по недоразумѣнію и вслѣдствіе интригъ народныхъ враговъ. «Пусть попробуютъ теперь разорвать этотъ союзъ,—восклицаетъ она,—пусть попытаются опять зажечь раздоръ и распространить клевету! Эта пре-

ступная попытка будетъ безсильна». Пророчество это оказалось невѣрнымъ. Черезъ два мѣсяца обѣ стороны, братавшіяся 20 апрѣля, будутъ стоять другъ противъ друга съ оружіемъ въ рукахъ. Но покуда эффектная картина примирительно настроенной толпы даетъ поводъ Ж. Зандъ припомнитъ метафизику Пьера Леру объ единствѣ души человѣчества. «При зрѣлищѣ могучихъ феноменовъ природы,—говоритъ она,—ощущаешь подавляющее чувство своего ничтожества. Но великія явленія въ области человѣческой вызываютъ совершенно иного рода удивленіе. Къ нему примѣшивается симпатизирующая довѣрчивость, порывъ безграничной солидарности, чувство трогательнаго энтузіазма, потребность любить и обнять все человѣчество, вслѣдствіе чего наше личное существо исчезаетъ, мы живемъ всѣми душами, мы дышимъ всѣми дыханіями, мы видимъ всѣми глазами, мы кричимъ голосами всѣхъ. Толпа! сколько въ ней мощи и сколько кротости! На ея челѣ написанъ божественный законъ, истина ведетъ ее и заставляетъ ее трепетать. Какое она представляетъ великолѣпное и дивное орудіе небесной силы! Это геній земли шествуетъ, какъ царь по своимъ владѣніямъ, и міръ содрогается подъ его стопою. И когда эта душа мірозданія вдохновлена единою, великою мыслью, когда она провозглашаетъ свободу и братскую любовь предъ лицомъ Бога, внимающаго ея клятвѣ, когда она поетъ хоромъ гимнъ святой дружбы между всѣми людьми,—гдѣ же тѣ, которые могли бы протестовать противъ союза, скрѣпленнаго самимъ Богомъ?..»

Здѣсь мы имѣемъ хорошій образчикъ того краснорѣчія, которое обильно расточалось тогда съ парламентской трибуны, на народныхъ собраніяхъ и въ оффиціальной прессѣ, чтобы поддержать въ народѣ энтузіазмъ торжества вопреки печальной дѣйствительности. Простая, дѣловая рѣчь безъ патетическихъ тирадъ показалась бы признакомъ равнодушія къ «общему дѣлу». Но дѣйствительность настойчиво требовала къ себѣ вниманія. Ж. Зандъ опять входитъ въ интересы правительства, когда оправдываетъ передъ сельскими обывателями финансовую политику республики. Развивая, какъ идеалъ, теорію прогрессивнаго налога, она въ то же время доказываетъ необходимость увеличенія существующихъ налоговъ, какъ временной мѣрѣ, вызванной грѣхами прежняго режима. Теперь она покидаетъ высокопарный слогъ энтузіазма, который въ деревнѣ не нашелъ бы отклика; она старается примѣниться къ низменно утилитарной точкѣ зрѣнія крестьянъ и говоритъ съ ними, какъ равный съ равными: отъ лица нѣкоего Blaise Bonnin она выражется «мы бѣдняки», но едва ли ей удалось когонибудь обмануть своимъ крестьянскимъ переодѣваніемъ; повсюду чувствуется снисходительное подлаживаніе взрослаго человѣка, который хочетъ въ чемъ-нибудь убѣдить дѣтей. «Обитатели большихъ городовъ, ближе видящіе положеніе дѣлъ и слышащіе много разговоровъ о великихъ національныхъ интересахъ,—пишетъ она между прочимъ,—тот-

часъ же согласились принести большую и честную жертву. Если деревенскіе жители не сразу пришли къ той же мысли,—это потому, что у нихъ не было еще времени узнать правду и хорошенько поразмыслить надъ этой правдой». Мы выше уже приводили ея доводы въ доказательство того, что Парижъ всегда все знаетъ лучше, и указанія, какимъ образомъ провинція должна была бы поступить, если бы, паче чаянія, оказалось противное. Смыслъ всѣхъ этихъ рѣчей ясный: платите налогъ и выбирайте депутатовъ; преданныхъ временному правительству. До момента выборовъ (28 апрѣля) Ж. Зандъ поддерживаетъ цѣликомъ все временное правительство, не принимая во вниманіе его внутреннихъ разногласій, даже полицейскія мѣры, въ которыхъ сквозитъ уже явное недовѣріе къ народнымъ массамъ. Такъ, напримѣръ, послѣ упоминавшихся волненій 16 апрѣля были строжайшимъ образомъ воспрещены всякіе «возмутительные крики, всякій призывъ гражданъ къ взаимнымъ раздорамъ», и подвижная гвардія должна была разсѣевать народъ передъ думой. Ж. Зандъ излагаетъ разговоръ нѣсколькихъ рабочихъ, будто бы слышанный ею на площади, изъ котораго, между прочимъ, оказывается, что благоразумная часть рабочихъ вполнѣ одобряетъ предосторожности правительства. Одинъ рабочій жалуется, что 17 апрѣля побили запрещали останавливаться передъ думой, чтобы поговорить. Кто сопротивлялся, того считали коммунистомъ. Другой собесѣдникъ излагаетъ факты гораздо мягче и въ примирительномъ тонѣ. «Я тамъ тоже былъ,—говоритъ онъ,—и если бы у меня была охота поговорить, никто, ручаюсь вамъ, не помѣшалъ бы мнѣ этого; но въ тотъ вечеръ говорилось столько глупостей, что я ушелъ *по просьбѣ* мобилей». Послѣ того, какъ выяснился характеръ выборовъ, Ж. Зандъ уже больше напираетъ на тѣ вопросы, которые раздѣляютъ большинство отъ представителей лѣвой, съ которыми она солидарна. Хотя она и называетъ себя соціалисткой *), но она далеко не во всемъ раздѣляетъ программу Луи Блана и придерживается средней точки зрѣнія, представляемой Ледрю Ролленомъ. Она убѣждаетъ упорныхъ защитниковъ существующихъ отношеній капитала и труда принять добровольно рѣшительныя мѣры, которыя намѣчены демократами, подъ страхомъ разрушенія того строя, который они хотятъ сохранить. «Мы, соціалисты,—говоритъ она,—надъ которыми вы столько смѣялись и которыхъ вы такъ отталкивали, мы имѣли лишь одну мысль—спасти то соціальное зданіе, которое вы называете вашимъ домомъ и которому вы дали погибнуть; а теперь, когда оно вотъ—вотъ рухнетъ вслѣдствіе вашей непредусмотрительности мы хотѣли бы васъ спасти... Вы сами подточили вопросъ о вашемъ собственномъ существованіи, воображая себѣ, что капиталъ можетъ

*) Напомнимъ, что въ то время соціалистами называли сторонниковъ улучшенія положенія трудящихся массъ при сохраненіи индивидуальной собственности, сторонники же коллективной собственности назывались коммунистами.

*

эксплуатировать трудъ до конца вѣковъ... Не говорите, что необходимость принудитъ рабочаго возобновить договоръ прошлаго. Это было бы для васъ отсрочкой въ нѣсколько дней»... Таково напутствіе, которое она даетъ народнымъ избранникамъ въ день открытія учредительнаго собранія. Нѣсколькими днями позднѣе она яснѣе высказываетъ, какую поправку она желала бы ввести въ существующія отношенія. Идеалъ для нея начертанъ не въ утопіи Кабе, а въ Евангеліи. Уничтоженіе пропасти между крайнимъ богатствомъ и крайнею бѣдностью—это цѣль, а средство—государственное покровительство ассоціацій труда.

Но скоро уже стало ясно, что всѣ благія совѣты друзей народа, въ родѣ Ж. Зандъ, есть гласъ въ пустынѣ. Начиналась реакція. Люксенбургская коммиссія была упразднена и ничего не создано на ея мѣсто; Ледрю Ролленъ только по милости Ламартина еще сохранялъ мѣсто въ правительствѣ и не пользовался никакимъ авторитетомъ въ учредительномъ собраніи. Съ этимъ вмѣстѣ окончательно разрывается связь Ж. Зандъ съ правительствомъ. Послѣ насилія, совершеннаго 15 мая толпой надъ собраніемъ депутатовъ, друзья писательницы даже боялись, что она будетъ арестована въ числѣ другихъ мнимыхъ подстрекателей, но слухъ этотъ не оправдался, и Ж. Зандъ уѣхала къ себѣ въ деревню. Здѣсь она нашла самую неожиданную для себя политическую атмосферу. Эхо парижскихъ событій и отношеній вылилось тутъ въ совершенно невѣроятныя формы. Принимая во вниманіе, что аналогичныя легенды одновременно распространились повсемѣстно во Франціи, Ж. Зандъ высказываетъ увѣренность, что онѣ созданы монархической буржуазіей для воздѣйствія на крестьянскія массы. Она говоритъ, что ей легко было бы даже указать тѣхъ профессоровъ, которые въ Берри распространяли въ народѣ такія свѣдѣнія, но едва ли сомнительно, что въ разсказываемыхъ ею легендахъ участвовало творчество самого народа и что въ нихъ онъ высказывалъ въ доступной ему формѣ свое собственное отношеніе къ вопросамъ момента. Мы передадимъ разсказъ Ж. Зандъ ея собственными словами. «Здѣсь, въ этомъ романтическомъ, кроткомъ, добромъ, мирномъ Берри, въ краѣ, который я такъ нѣжно люблю, гдѣ достаточно доказала бѣднымъ и простымъ, что я сознаю свои обязанности по отношенію къ нимъ, меня, меня лично, считаютъ врагомъ человѣческаго рода, и если республика не сдержала своихъ обѣщаній, въ этомъ очевидно я виновата. Мнѣ нѣсколько трудно было понять, какимъ образомъ я сыграла такую крупную роль безъ своего вѣдома. Но, наконецъ, мнѣ это такъ хорошо разъяснили, что я принуждена была признать очевидность. Прежде всего, мнѣ приписываютъ участіе въ тайныхъ замыслахъ нѣкоего отвратительнаго старика, котораго зовутъ въ Парижѣ *отецъ Коммунизмъ* и который мѣшаетъ буржуазіи по прежнему осыпать народъ ласками и благодѣяніями (иронія послѣдней фразы принадлежитъ, очевидно, са-

мой Ж. Зандъ). Этотъ негодяй, развѣдавъ, что народъ голодаетъ, придумалъ средство уменьшить общественные расходы: убить всѣхъ дѣтей моложе трехъ лѣтъ и всѣхъ стариковъ старше шестидесяти; затѣмъ, онъ не хочетъ, чтобы люди женились, но чтобы жили по образу звѣриному. Таково начало. Далѣе, такъ какъ я ученица *отца Коммунизма*, то я добилась отъ *герцога Роллена*, что всѣ виноградники, всѣ земли, всѣ луга моего округа будутъ отданы мнѣ, и я стану ихъ собственницей въ первый же день. Я поселю здѣсь гражданина *Коммунизма*, и когда мы прикажемъ убить всѣхъ дѣтей и стариковъ, когда мы введемъ во всѣ семьи звѣриные обычаи, мы дадимъ каждому земледѣльцу по шесть су въ день, а быть можетъ и меньше; на эти средства они будутъ жить, какъ захотятъ, тогда какъ мы будемъ раскошествовать на ихъ счетъ. Не думайте, что я утрирую или шучу, все это буквально. Еще лучше. Послѣ дѣла 15 мая, когда, какъ всѣмъ извѣстно, исполнительная коммиссія провозгласила Кабе королемъ Франціи, я приказала вздернуть въ Венсеннѣ лучшихъ депутатовъ и даже лучшихъ моихъ друзей». Эти исторіи были нетолько забавны, но и не безопасны для Ж. Зандъ: одинъ фермеръ хотѣлъ ни болѣе, ни менѣе, какъ зарыть ее живьемъ въ землю.

Теперь уже Ж. Зандъ не старается подогрѣвать энтузіазмъ ни въ себѣ, ни въ другихъ. Воспоминая Парижъ, она изображаетъ его не ликующимъ, какъ раньше, а «мрачнымъ при своемъ взволнованномъ видѣ, сожженнымъ солнцемъ, печальнымъ при такъ называемомъ торжествѣ республики». Она уже не говоритъ, что новый режимъ поставилъ страну въ условія полнаго счастія, напротивъ, она сознается, что «народъ еще ничего не выигралъ отъ того, что произвелъ революцію». Но, несмотря на все, она еще не окончательно теряетъ надежду. Она высказываетъ пожеланіе, чтобы собраніе депутатовъ, наконецъ, выступило съ какими-нибудь благодѣтельными мѣрами. «Ибо, пока оно теряетъ дрягоцѣнное время и случай пріобрѣсти всеобщее довѣріе, нищета увеличивается, бѣднякъ страдаетъ, настроеніе умовъ ожесточается, человѣчество изнываетъ морально и физически; а для тѣхъ, кто любитъ человѣчество больше, чѣмъ политику, эти бѣдствія ничѣмъ не искупаются и разрываютъ сердце». Вотъ наконецъ рѣчи, въ которыхъ можно узнать прежнюю Ж. Зандъ, не сбитую съ толку своею ролью помощницы правительства. «Справедливо,—говоритъ она далѣе,—чтобы люди, которые хотѣли, одни съ жаромъ, другіе съ жадностью, достичь власти надъ націей, одни были отвѣтственны за судьбы ея. Посмотримъ ихъ въ дѣлѣ; и если небо сотворитъ чудо, если Духъ Святый низойдетъ на эти холодныя головы, которыя отвергаютъ надежду, какъ утопію, если вдругъ эти люди, которые думали въ лицѣ Луи Блана заподозрѣть и оскорбить идеи будущаго, увидятъ себя вынужденными логикой принять эти самыя идеи, оставимъ имъ въ томъ кажущуюся заслугу. Что намъ до того, черезъ кого добро совер-

шается, только бы оно совершилось? Никто иной, какъ Богъ, дѣйствуетъ во всѣхъ поступкахъ людей, и порою и таинственная воля его дѣлаетъ плодоноснымъ то, что казалось безплоднымъ». Но безплодное такъ и осталось безплодныхъ. Эти «холодныя головы» начинали уже согрѣваться пыломъ реакціи и фактически подтачивать основу свободы, которая вознесла ихъ на высоту. Послѣ 15-го мая начались репрессіи противъ несогласно мыслящихъ, нисколько не мягче, чѣмъ при Бурбонахъ и Орлеанахъ. Люди, которые много лѣтъ провели въ тюрьмахъ Луи-Филиппа за свою преданность идеѣ демократической республики, теперь должны были познакомиться съ республиканскими тюрьмами за то, что они иначе понимали задачи народнаго правительства, чѣмъ лица, случайно оказавшіяся у власти. Ж. Зандъ обнаруживаетъ снова, какъ въ вопросѣ о президенствѣ, вѣрное чутье борющихся теченій, намекая на возможность перехода умѣренной республики, олицетворяемой партіей «National'а», въ номинальную республику, изъ-за которой выглядывало бы уже регентство или иная монархическая комбинація. Она называетъ даже лицо, которое бы взяло на себя политику такой переходной государственной формы — Одилона Барро: черезъ полгода онъ дѣйствительно призванъ былъ къ власти, чтобы уготовать путь претенденту. Вмѣстѣ съ тѣмъ, Ж. Зандъ, устранившись отнынѣ и навсегда отъ активной политики, уже теперь приняла на себя роль заступницы за гонимыхъ, — роль, которую она будетъ исполнять до самаго конца печальнаго владычества Наполеона III. И надо сказать, что эта роль была несравненно благодарнѣе при имперіи, чѣмъ при режимѣ народнаго суверенитета. Людямъ, которые еще не насытили своего мелкаго честолюбія и еще дрожали за свои мелкіе интересы, была незнакома «милость къ падшимъ», и горячая статья Ж. Зандъ въ пользу арестованнаго Барбеса не принесла ему никакой пользы такъ же какъ ея протестъ по поводу подозрѣній, возбужденныхъ противъ Луи Блана. Въ послѣднемъ вопросѣ, впрочемъ, присущее Ж. Зандъ благодушіе помѣшало ей стать на правильную точку зрѣнія. Она сама была такъ чужда всякой интригѣ, что не вѣрила въ возможность подобныхъ низменныхъ пріемовъ и со стороны другихъ. Глубоко убѣжденная, что Луи Бланъ не могъ совершить приписываемаго ему дѣянія, она также не подвергала сомнѣнію искренности и добросовѣстности обвинителей. По ея мнѣнію и парламентская коммиссія, предлагавшая собранію предать Луи Блана суду, и Марра, поддерживавшій противъ него такъ долго ни на чемъ не основную сплетню, не могли желать ничего иного, кромѣ выясненія истины и торжества справедливости.

Ев. Дегенъ.

(*Окончаніе слѣдуетъ*).

БЕЗДОМНЫЕ.

Повѣсть Стефана Жеромскаго.

Переводъ съ польскаго М. Троповской.

(*Продолженіе* *).

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

Глава V.

Въ пути.

Въ началѣ іюня мѣсяца Юдымова получила изъ Швейцаріи письмо отъ мужа. Онъ звалъ ее къ себѣ, писалъ, что на фабрикѣ тамъ зарабатываетъ больше, чѣмъ въ Варшавѣ, что ему приходится много тратить на себя, такъ какъ онъ столуется въ трактирѣ, что вообще швейцарскія кушанья не идутъ ему въ прокъ. Онъ перечислялъ нѣкоторыя блюда, какъ супъ изъ швейцарскаго сыра, картофельный салатъ, напитки, въ родѣ *most*, и прямо всѣхъ поразилъ странностью такого стола.

Нечего было дѣлать. Зарабатывать одна на дѣтей, на тетку и на себя Юдымова не могла, притомъ она все боялась, что мужъ можетъ ее бросить и пропасть гдѣ-нибудь на краю свѣта. Разъ онъ этого хотѣлъ, разъ онъ велѣлъ ей пріѣзжать, ей ничего другого и не оставалось, какъ послушаться.

Продала она домашнюю рухлядь и, получивъ паспортъ, отправилась въ дорогу. Кто-то изъ знакомыхъ сказалъ ей, что черезъ нѣмецкую границу нельзя перевозить шелковыхъ платьевъ, и вотъ она, пораспоровъ все, что у нея было получше, обвернула себя всю всякимъ тряпьемъ и такъ, съ зеленымъ деревяннымъ сундучкомъ въ рукахъ, поѣхала. На вокзалѣ собралось нѣсколько человѣкъ пріятелей Виктора. Тетка рыдала... Дѣти чувствовали себя наверху блаженства. Сама она, не привыкшая къ бездѣйствію, въ вагонѣ только и дѣлала,

*) См. «Міръ Божій», № 9, сентябрь.

что дремала. Билетъ она себѣ купила прямо до Вѣны, гдѣ долженъ былъ ожидать ее одинъ знакомый, говорящій по-польски.

Юдымова не знала ни одного иностраннаго слова. Ее передъ отъѣздомъ выучили говорить: *Wasser*, *Brod*, *zwei*, *drei* и т. д., но и это у нея въ головѣ перепуталось.

Проѣхали они границу, ужъ и ночь наступила, а въ вагонѣ все еще слышалась польская рѣчь. Юдымова чувствовала себя хорошо.

— Такъ вотъ она, какова заграница!—думала она.—Да вѣдь тутъ сколько хочешь, съ людьми разговоришься... Немножко только иначе какъ-то говорятъ, а все же по нашему.

Она уложила ребятъ подлѣ себя, сама тоже скорчилась и прилегла кое-какъ на лавкѣ. Нервы ея, привыкшіе къ постоянному бодрствованію, воспользовались минутой. Она заснула, но это былъ тотъ сонъ въ вагонѣ третьяго класса, то странное состояніе полусна, когда слышишь всякій шумъ и стукъ, все сознаешь, и въ то же время находишься гдѣ-то далеко, далеко, за тридевять земель...

Поѣздъ мчался среди темной ночи. Отъ времени до времени въ окнахъ вагоновъ мелькали огоньки станціи и быстро исчезали, словно уносимые куда-то свистомъ локомотива. Когда поѣздъ останавливался, раздавалось дребезжаніе электрическихъ звонковъ и чудилось, будто звучитъ въ немъ какая-то зловѣщая фраза, разбиваясь на тысячи однообразныхъ отзвуковъ...

Такъ чудилось Юдымовой въ полуснѣ. И чудилось ей, что на нее отовсюду вѣетъ огромноокимъ страхомъ, что страхъ этотъ исчезаетъ и смѣняется пріятными видѣніями, образами близкихъ людей, а то передъ нею вставали привычныя, знакомыя, до нельзя опротивѣвшія комнаты сигарочной фабрики. Все существо ея, привыкшее, какъ ломовая лошадь, къ духотѣ, треску, шуму и мукамъ, уходило теперь въ какой-то невѣдомый міръ. Въ ней пробуждалось сладостное, робко-торжествующее полусознаніе того, что она теперь выше всего, что осталось въ Варшавѣ, что теперь тамъ работаетъ въ грязи и духотѣ.

Она ѣдетъ въ свѣтъ, она увидитъ новыхъ людей, новыя страны. Вотъ въ Вѣну... Если она когда-нибудь вернется въ Варшаву, то ужъ не позволитъ теткѣ важничать и давать ей разные совѣты. Ну, что тетка знаетъ? Что тетка можетъ знать? Вѣдь развѣ тетка была хотя бы, напримѣръ, вотъ въ Вѣнѣ? Развѣ тетка видѣла свѣтъ, Европу?

И чудится ей въ полуснѣ, будто она видитъ старуху. Заплаканная, сидитъ тетка на сундукѣ подъ окномъ. Гдѣ это, въ старой ихъ квартирѣ на Теплой или гдѣ-нибудь въ другомъ мѣстѣ? Какая-то каморка не то на чердакѣ, не то въ подвалѣ... По угламъ мрачно, сыро и уныло. Только на одну щеку тетки Пелагеи и на ея худую, стиснутую руку падаетъ изъ окна блѣдный свѣтъ. Старуха молчитъ, ну, и, разумѣется, словечка у ней не вырвешь. Сердита она. Проплакала, по своему обыкновенію, всю ночь, а теперь ужъ притихла и только

смотритъ исподлобья холодными глазами. Порою на сжатыхъ губахъ ея проскользнетъ блѣдная, больная, мимолетная улыбка. Но чтобы она хоть вздохнула... Чтобы хоть словечко вымолвила.., Все-то она знаетъ, но... Ничего отъ нея не скроется. Она черезъ три мѣсяца тебѣ вспомнитъ, что было тогда-то и тогда-то, въ которомъ часу какое слово было сказано, либо взглядъ какой брошенъ. Какая-то глупая, невыносимая жалость охватываетъ Юдымову. Ей хотѣлось бы повернуться къ теткѣ, хотѣлось бы крикнуть:

— И чего ты, тетка, сидишь, какъ колода деревянная? Чего тебѣ, чортъ возьми, нужно? Украли мы что, либо подожгли кого?

Но нѣтъ, это не то, не то! Она вовсе не то ей хотѣла сказать... На такія слова тетка не одно бы, а сто словъ пустила въ отвѣтъ. Тутъ что-то другое. Вѣдь должна же была она уѣхать, должна была къ мужу пойти, куда онъ ей приказалъ. Ну, вотъ пускай тетка скажетъ, что она это нехорошо сдѣлала!.. Да, хорошо, хорошо! По крайней мѣрѣ, она ужъ теперь разъ навсегда избавится отъ старухи... Только вотъ одно это, одно это... Что за жалость! Вѣдь на старуху-то она ужъ смотрѣть не можетъ, такъ она ей опротивѣла, и въ то же время вотъ глазъ отъ нея оторвать не можетъ.

Вдругъ что то сильно толкнуло ее и ударило о стѣну. Въ дремотѣ она покачнулась въ сторону и упала плечомъ на человѣка, сидѣвшаго подлѣ нея на лавкѣ. Это былъ высокій, широкоплечій мужчина, съ трубкой въ зубахъ. Онъ смѣрилъ ее сердитымъ взглядомъ и что-то проворчалъ. Лицо у него было смуглое, длинное, съ орлинымъ носомъ. Онъ вошелъ въ вагонъ, когда она заснула. При скудномъ свѣтѣ лампочки Юдымова украдкой оглянула эту новую фигуру и еще нѣсколько другихъ, находившихся въ вагонѣ. Все это были ужъ какіе-то новые люди. Сѣли они въ вагонъ, видно, довольно давно, такъ какъ ужъ успѣли спать залечь. Кто-то изъ нихъ громко храпѣлъ. Противъ нея какой то мужчина въ твердой, круглой шляпѣ то и дѣло клевалъ носомъ. Видна была только эта шляпа, такъ какъ голова вся свѣсилась ему на грудь, а лицо запряталось въ поднятомъ воротникѣ пальто. Все ниже и ниже свѣшивалась шляпа и все смѣшнѣе подавался впередъ весь корпусъ мужчины. Казалось, вотъ, вотъ онъ всей своей тяжестью навалится на Карольцю, которая спала на краю противоположной скамейки. Юдымова хочетъ вскрикнуть, но странная какая-то боязнь всю ее пронимаетъ дрожью. Въ углу спалъ кто-то другой: голова его, прижавшись къ стѣнѣ, тряслась вмѣстѣ съ нею и со стукомъ ударялась объ нее. Изъ раскрытаго, какъ только можно себѣ представить шире, рта вырывался спазматическій храпъ...

Страшно стало Юдымовой, глядя на этихъ людей. Она выглянула въ окно и съ удивленіемъ замѣтила, что уже свѣтаетъ и можно различить окрестности. Короткая, весенняя ночь уже близилась къ концу. Сѣроватыя очертанія далекой равнины мелькали передъ

глазами, и при видѣ этого что-то какъ будто сдавило ей сердце, и оно у нея болѣзненно сжалось.

— Тутъ ужъ видно чужая земля пошла...—подумала Юдымова, и жутко вдругъ стало у нея на душѣ, и съ какимъ-то робкимъ и покорнымъ почтеніемъ обвела она взглядомъ спящихъ пассажировъ.

Поѣздъ мчался. Мѣстность начинала становиться оживленнѣе, показались жилые дома, въ открытыхъ поляхъ краснѣлись трубы фабрикъ, завиднѣлись костелы...

Было уже совсѣмъ свѣтло, когда показалась большая рѣка, пошли ряды черныхъ, закопченныхъ стѣнъ.

Прошло еще немного времени, и поѣздъ остановился. Всѣ пассажиры вышли изъ вагона, и Юдымова тоже поднялась за ними. Дѣти были заспанныя, усталыя, блѣдныя, сама она еле держалась на ногахъ. Въ то время, когда она стояла посреди широкой платформы вокзала, къ ней подошелъ какой-то бѣдно одѣтый человѣкъ и произнесъ по-польски:

— Я васъ сейчасъ узналъ.

Юдымова вглядѣлась пристальнѣе въ черты лица незнакомца и вспомнила, что ужъ видѣла ихъ когда-то. Онъ забралъ ея вещи и велѣлъ имъ идти за собой. Они вышли съ вокзала и долго бродили по разнымъ улицамъ. Вѣнецъ говорилъ охотно и много. Это былъ хорошій знакомый Виктора. Тутъ, въ Вѣнѣ, повстрѣчались они снова. Викторъ писалъ ему, чтобы онъ занялся его женой, когда она въ назначенный день будетъ проѣзжать черезъ Вѣну, и отправилъ бы ее дальше.

Сегодня онъ и на фабрику не пошелъ, хочетъ, какъ слѣдуетъ быть, заняться ими. Устали они, видно, хорошенько—ба-ба, столько дороги. Отъ самой Варшавы! Ну, и что жъ тамъ, въ Варшавѣ-то этой самой, слыхать-то? Славный это городокъ, Варшава, нечего говорить, веселый городишко, хотя куда ей до Вѣны... Юдымова говорила мало. Она какъ-то стѣснялась незнакомаго человѣка. Ей хотѣлось отдохнуть поскорѣе...

Они пришли въ одинъ изъ бѣдныхъ кварталовъ, поднялись на четвертый этажъ какого-то большого дома и вскорѣ очутились въ обыкновенной, тѣсной, рабочей квартиркѣ. Пріятель Юдыма женатъ былъ на вѣнкѣ, которая по-польски не понимала ни слова. Тѣмъ не менѣе, она говорила дѣтямъ и Юдымовой какія-то смѣшныя слова, задавала имъ тысячи вопросовъ, смѣялась, утирала глаза... Послѣ завтрака, имъ устроили постель на широкомъ диванѣ, и Юдымова прилегла, но, несмотря на усталость, никакъ глазъ сомкнуть не могла. Она не переставала раздумывать о томъ, какъ это ей придется ѣхать дальше. Теперь только она поняла, что находится между чужими. Пріятель Юдыма, говорившій съ ней по-польсии, сдѣлался ей дорогъ и близокъ, какъ будто братъ родной. Когда онъ выходилъ изъ комнаты, она дрожала при одной только мысли, что онъ ушелъ уже совсѣмъ и больше не вернется.

Къ вечеру надо было ѣхать на вокзалъ. Опекунъ ихъ усадилъ ихъ всѣхъ въ большомъ фургонѣ, набитомъ, какъ боченокъ сельдей, и доставилъ на *Westbahn*. Тамъ онъ купилъ Юдымовой билеты до самаго Винтертура въ Швейцаріи, и пока они поджидали второго звонка— онъ наскоро училъ ее разнымъ нѣмецкимъ словамъ. Въ особенности совѣтовалъ онъ ей запомнить два слова: *umsteigen* и *Amsteten*.

— Amsteten,—объяснялъ онъ ей, вперяя въ нее свои выпученные, блѣдные глаза и двигая кадыкомъ,—это станція, гдѣ вамъ нужно будетъ пересѣсть въ *zug*, что ѣдетъ въ Salzburg, а *umsteigen*—это значитъ пересаживаться. Только все и спрашивайте кондуктора: Amsteten? Amsteten? Коли онъ вамъ скажетъ, что да, либо головой кивнетъ, значитъ, вамъ тутъ и пересаживаться на *zug* въ Зальцбургъ—*umsteigen*? Понимаете?

— Понимаю...—шептала Юдымова, вся дрожа отъ страху.

Кромѣ этого, онъ училъ ее еще нѣкоторымъ необходимымъ словамъ, но вотъ раздался второй звонокъ, всѣ повалили къ вагонамъ.

Пріятель Кинцель отыскалъ удобное мѣсто и не безъ труда добылъ его для своихъ протеже. При случаѣ онъ затѣялъ ссору съ какимъ-то толстякомъ, который хотѣлъ забраться какъ разъ на эту самую скамейку. Юдымова, разумѣется, не понимала, въ чемъ тутъ дѣло, но по тону ихъ разговора заключила, что тутъ ужъ можетъ выйти исторія, и стала просить своего провожатаго, чтобы онъ того оставилъ въ покоѣ, а то она теперь всего боится. Кинцель угомонился, устроилъ ребятишекъ, узлы уложилъ на верхней полкѣ и все еще повторялъ Юдымовой разныя нѣмецкія слова. Но вотъ ужъ раздался и третій звонокъ, какъ рѣзкій, сердитый крикъ, и знакомый исчезъ за узкой дверью вагона.

Вагонъ былъ полонъ народу. Было шумно...

Юдымова напряженно вслушивалась въ эти рѣчи, но, не улавливая ни одного понятнаго звука, она прямо пришла въ отчаяніе.

— *Amsteten*, *umsteigen*, *Amsteten*, *umsteigen*... — безпрестанно звучалъ у ней въ ушахъ шепотъ пріятеля, хотя его самого давно уже не было въ вагонѣ.

Поѣздъ медленно тронулся съ мѣста. Огненные, бѣлые фонари поминутно подскакивали снаружи къ окнамъ вагона, словно какія-то пылающія пасти, которыя, казалось, гнались за этимъ двигающимся человѣческимъ гнѣздомъ. Вотъ блеснулъ послѣдній—и поѣздъ, словно оторвавшись отъ свѣта, провалился въ темную-темную пропасть. Дѣти раскапризничались: Карольця ревѣла благимъ матомъ, Франекъ за что-то дулся и кричалъ. Юдымова просто не знала, что дѣлать; все какъ будто въ ней разрывалось, отсутствіе точки опоры давило ее. Она находилась въ томъ странномъ состояніи, когда человѣкъ не владѣетъ собою, когда что-то въ немъ рвется и дергается, вспыхиваетъ, какъ порохъ, и когда слѣпая минута кидаетъ его тѣло, куда хочетъ. Въ

горлѣ у нея что-то давило, въ душѣ былъ хаосъ, хаосъ. Она спокойно сидѣла на скамейкѣ, но ей все казалось, что еще минута—и больше она не выдержитъ, рванется къ двери и умчится куда-нибудь далеко, далеко, вмѣстѣ съ этимъ поѣздомъ, въ глухой, страшный, безпросвѣтный мракъ. Она сама не знала, сколько времени продолжалось это состояніе.

Но вотъ дверь вдругъ отворилась и прямо въ глаза засвѣтилъ ей фонарь кондуктора. Юдымова вынула свои билеты и подала ему. Тотъ внимательно ихъ осмотрѣлъ и, возвращая обратно, монотоннымъ голосомъ произнесъ:

— *Amsteten umsteigen...*

Какъ самое нѣжное утѣшеніе, прозвучали для Юдымовой эти два слова. Можетъ, Богъ дастъ, она все будетъ понимать, какъ эти слова.

— Слава тебѣ, Господи милостивый... Да будетъ благословенно имя Твое...—шептала она радостно.

Блескъ фонаря кондуктора угасъ въ двери. Въ вагонѣ водворился полумракъ. Еще слышались оживленныя рѣчи, въ противоположномъ углу ежеминутно раздавался смѣхъ и крикъ какихъ-то противныхъ бабъ, но все это уже не было такъ мучительно.

Поѣздъ гудитъ, гудитъ... Слушаешь, слушаешь, и кажется, изъ-подъ колесъ его плывутъ какія-то слова—не слова... Ахъ, нѣтъ, не слова... Это какіе-то звуки, которые дѣйствуютъ на тебя, какъ будто пѣніе. Это — тѣ невѣдомыя стрѣлы музыки, которыя, какъ жала, оставляютъ въ душѣ человѣческой глубокіе, святые звуки. Это—вонъ какъ тѣ молитвенныя мелодіи, что раздаются подъ глубокими сводами костела св. Яна:

«Разорвалася завѣса,
Земля дрожитъ, рушатся скалы...»

Пѣснь эта уноситъ человѣка отъ земли, отрываетъ отъ всѣхъ житейскихъ страданій, и настоящихъ, и прошлыхъ, и будущихъ, вырываетъ изъ клещей всякихъ бѣдъ и невзгодъ, безъ мученія отвлекаетъ отъ мужа, отъ памяти родителей, отъ любви и ненависти, даже отъ Франка и Карольци. Все это ужъ для тебя чуждо, безразлично. Эти звуки несутъ тебя далеко, далеко, на святое поле, устланное свѣтлой травою. На цвѣтахъ сверкаютъ капли росы. Кто этой бѣлой росою омоетъ свои босыя, окровавленныя ноги, тотъ вновь становится человѣкомъ, самимъ собою, цѣльной, свободной душою. И тихія слезы плывутъ въ душу, какъ чудодѣйственное лѣкарство, которое гаситъ огонь всякой раны. Ароматный вѣтерокъ обвѣваетъ усталое, изнуренное лицо.

Порою еще набѣгаетъ отчаянье... Порою смертельная тревога такъ изощряетъ зрѣніе, что, кажется, вотъ тутъ близко, близко передъ собою видишь какіе-то ужасные образы несчастья, но мало-по-малу все это стихаетъ, стихаетъ...

Зашумѣлъ мелкій дождикъ. Публика въ вагонѣ измѣнялась. Стали входить простолюдины, мужики въ короткихъ кафтанахъ, съ трубками въ зубахъ, проѣзжали они двѣ—три станціи и выходили, уступая мѣсто другимъ. Воздухъ въ вагонѣ сталъ до того спертымъ, что маленькая Карольця чуть не задыхалась. Когда она немножно успокоилась и уснула, Юдымова присѣла подлѣ нея, заснула тоже и такъ и проспала крики «Amstetten!», раздававшіеся за окномъ.

Большинство ея прежнихъ спутниковъ ужъ вышли изъ вагона, вошли другіе, а она совсѣмъ ничего этого не знала. Когда она проснулась, было ужъ совсѣмъ свѣтло. Вагонъ былъ почти пустъ. Изъ оконъ виднѣлась зеленая, холмистая мѣстность; среди возвышеній тянулись прелестные луга. Еще ранѣе полудня поѣздъ остановился, всѣ пассажиры стали выходить изъ вагона.

— Это вѣрно ужъ Амштетенъ... —подумала Юдымова.

Она стащила сверху свои узелки, собрала ихъ и вышла изъ вагона. На вокзалѣ она съ ужасомъ прочитала другое названіе станціи. Неимовѣрный страхъ охватилъ ее: не случилось-ли чего-то ужаснаго съ нею?...

Станція была небольшая. Поѣздъ, которымъ она пріѣхала, перевели на другую линію, локомотивъ отцѣпили. Онъ ужъ весь стоялъ пустой, какъ возъ безъ лошадей. Пассажиры разошлись, даже носильщики всѣ исчезли съ платформы. Юдымова не знала, что ей дѣлать. Она стояла подлѣ своихъ вещей и со страхомъ озиралась вокругъ. Ей казалось, что въ этомъ ожиданіи чего-то невѣдомаго проходятъ долгіе, долгіе часы...

Наконецъ, изъ станціовной конторы вышелъ какой-то желѣзнодорожный служащій, подошелъ къ ней и что-то у нея спросилъ по-нѣмецки.

Она, разумѣется, ничего ровно не поняла. Только черезъ нѣсколько минутъ она кое-какъ смогла дрожащимъ, робкимъ голосомъ вымолвить:

— Амштетенъ?

Служащій посмотрѣлъ на нее, улыбнулся, задалъ опять одинъ вопросъ, другой, но, не получивъ никакого отвѣта, отошелъ прочь. Черезъ минуту онъ вернулся и снова сталъ говорить что-то. Видя, однако, что она ничего не понимаетъ, онъ взялъ ее за руку, вывелъ съ вокзала на улицу и указалъ рукою на городъ, лежавшій вдали. Тутъ только она поняла, что что-то не ладное случилось съ нею. Она достала изъ кармана билетъ и показала служащему. Онъ прочиталъ, что тамъ было написано, вытаращилъ на нее глаза, пожалъ нѣсколько разъ плечами, отдалъ ей обратно билетъ и снова, какъ только могъ отчетливѣе и яснѣе, сталъ говорить что-то, размахивая руками. Наконецъ, онъ что-то рѣзко, сипло проворчалъ и ушелъ совсѣмъ. Она все еще продолжала стоять на этомъ самомъ мѣстѣ, въ надеждѣ, что онъ еще, можетъ быть, вернется и укажетъ ей что-нибудь, но напрасно.

Больше ужъ онъ не показывался. Между тѣмъ, къ вокзалу стали подъѣзжать нагруженныя телѣги, дрожки, кареты. Она хотѣла ужъ было вернуться обратно на платформу, но швейцаръ заступилъ ей дорогу и, наговорившись досыта, отвелъ назадъ на улицу.

Было жарко. Дѣти усталыя, голодныя, хныкали и просили пить. Карольця шаталась, какъ больная, и, плача, жаловалась, что у нея головка болитъ и что она хочетъ чаю. А достать его тутъ негдѣ было. Юдымова поплелась по направленію къ городу, таща свои вещи на спинѣ и въ рукахъ. Она шла по пустому, залитому солнцемъ, шоссе, по которому, подымая цѣлые столбы пыли, тащились огромныя телѣги. Она чувствовала себя страшно усталой, обезсиленной, она почти теряла сознаніе. Она бы ничуть не удивилась, если бы кто-либо скинулъ ее въ канаву и сталъ топтать ногами. Глаза ея видѣли телѣги, что плелись по дорогѣ, видѣли дома, стоявшіе вдали, очертанія высокихъ костеловъ и фабричныхъ трубъ, но въ то же время передъ этими самыми глазами творилось что-то необычайное. Ей казалось, что вотъ этотъ погнувшійся заборъ, выбѣленный известью, съ чѣмъ-то особеннымъ тутъ имѣетъ дѣло. Изъ огорода, засаженнаго бураками, къ ней что-то, какъ будто, бѣжало, что-то невидимое, но такое страшное, такое безобразное. Вонъ тамъ въ этихъ испареніяхъ, что, дрожа, подымались надъ землей, она это видѣла. Она почувствовала, какъ страшные глаза его вонзаются въ грудь ея, во всѣ суставы, въ сердце, въ корни волосъ, въ окоченѣвшіе пальцы... Это нечистый шелъ тамъ изъ за забора, на кривыхъ ногахъ, вросшихъ въ землю. Онъ помиралъ со смѣху... Онъ разростался, трясся весь, вытягивался, извивался. Руки у него были такія длинныя, длинныя, а глаза—глаза эти впивались въ тѣло, какъ зубы собаки...

— Господи, Господи милосердый, смилуйся...—въ ужасѣ шептала она, отирая руками поть съ лица, протирая глаза, чтобы отогнать страшный призракъ, но никакъ не могла отъ него избавиться. Страхъ опутывалъ ее всю, какъ широкая сѣть, въ которую ее, какъ будто, кто-то завертывалъ, завертывалъ, завертывалъ... И этотъ тихій шопотъ, шопотъ знакомый, памятный еще съ дѣтства.

Франекъ шелъ впереди и, не долго думая, принялся, по привычкѣ, собирать камни съ дороги и швырять ихъ по огородамъ. Швырнулъ онъ такъ разъ, другой, третій, на четвертый гдѣ-то вдалекѣ раздался звонъ разбитаго стекла. Услышала этотъ звонъ Юдымова, поняла, что это Франекъ разбилъ у кого-то стекло, и почувствовала вдругъ къ этому мальчику страшную злобу.

Въ головѣ ея пролетѣла мысль:

— Возьму совсѣмъ и удушу я этого щенка! Еще тутъ сейчасъ придутъ, за стекло съ меня драть станутъ. Того и гляди, какъ сбѣгутся всѣ...

Она шла и дикимъ взглядомъ окидывала голову Франека, который,

засунувъ руки въ карманы, посвистывая, озирался вокругъ. Она ежеминутно должна была останавливаться, чтобы отдохнуть и класть на землю или на кучу камней, наваленныхъ на дорогѣ, тяжелые узлы. Она вся обливалась потомъ, каждый шовъ платья врѣзывался ей въ тѣло. Отяжелѣвшія ноги, какъ будто, распухли и, казалось, заливались кровью. Маленькая Карольця тащилась подлѣ матери, но для нея это не было теперь родное, милое дитятко, а какъ будто ведро воды, подъ тяжестью котораго рука деревенѣетъ.

Такъ приплелись они къ мосту, подъ которымъ катились свѣтло-голубыя воды широкой рѣчки.

На мосту было шумно. Каждый ударъ колеса, каждый стукъ конскаго копыта вызывалъ громкій, долго несмолкающій шумъ. При входѣ на мостъ Юдымова, совершенно обезсиленная, присѣла отдохнуть. Съ другой стороны рѣки, залитый лучами солнца, виднѣлся городъ... На мгновеніе въ душѣ ея стало какъ-то свѣтло, чисто, спокойно, что-то шептало ей о свѣтломъ лугѣ, звало ее туда. Но она не видѣла образа этого луга, и отчаяніе, какъ бурный вихрь, ворвалось въ ея душу.

— Чего же я иду туда?—спрашивала она у самой себя, а внутри ея словно что-то разрывалось на части.—Вѣдь это же не Винтертуръ, и не Амштетенъ... Что бы это былъ за городъ!—громко восклицала она, не отрывая отъ него высохшихъ глазъ.

И сидѣла она такъ, безпомощная, безсильная, какъ былинка, несомая вѣтромъ.

Дѣти сошли съ моста и стали кидать камешки въ воду. Она ничего не замѣчала; еслибъ они сами полетѣли въ воду, она и тогда бы не тронулась съ мѣста.

Изъ такого столбняка ее заставилъ очнуться чей-то голосъ. Передъ нею стоялъ высокій полицейскій въ мундирѣ и каскѣ и что-то говорилъ ей, указывая глазами на вещи и на дѣтей. Она бѣгло взглянула на него и громко произнесла по-польски:

— Да бреши себѣ, собака, хоть цѣлый день! Все мнѣ одно.

Полицейскій громче повторилъ свои слова.

— Какъ этотъ городъ называется, скажи ты мнѣ?—сердито сказала Юдымова.

Нѣмецъ вытаращилъ глаза и снова заговорилъ что-то. Видя, что она ему не отвѣчаетъ и не обращаетъ на его слова никакого вниманія, онъ схватилъ ея узелъ и знакомъ показалъ ей, чтобы она взяла его на плечи. Ее разобрала не только страшная охота, но прямо физическій порывъ плюнуть ему прямо въ глаза, и она едва-едва лишь удержалась отъ этого. Она пошла обратно, и нѣсколько времени шла совсѣмъ, какъ омертвѣлая. Мало-по-малу это безчувственное, холодное состояніе формировалось въ какой-то смутный планъ. У нея еще не было силы схватить его. Послѣдними усиліями сознанія она силилась

уловить это неясное желаніе, чтобы только узнать, что это такое, и сейчасъ же это сдѣлать...

Полицейскаго уже не было... Она остановилась, оперла свой узелъ на желѣзный барьеръ и стояла такъ на одномъ мѣстѣ, водя вокругъ тупымъ взглядомъ. Она не чувствовала уже ничего больше, кромѣ того, что тяжелый узелъ жжетъ ей спину, и кромѣ этого обманчиваго ожиданія чего-то, что давало надежду на успокоеніе и отдыхъ.

Долго стояла она такъ, словно привинченная желѣзными винтами къ мостовой и къ барьеру.

Посрединѣ улицы, по круглымъ камнямъ, катились, по направленію къ вокзалу, омнибусы и экипажи. Взглядъ Юдымовой вдругъ остановился на проѣзжавшихъ мимо дрожкахъ въ двѣ лошади. На нихъ сидѣли молодые, красивые, изящно одѣтые мужчина и дама. Дама, въ скромной соломенной шляпкѣ, закрывала свѣтлымъ зонтикомъ молодого человѣка. Оба они чему-то смѣялись и кидали вокругъ веселые, счастливые взгляды.

Юдымова дрогнула, словно ее что то толкнуло.

Она позвала дѣтей и побѣжала за извозчикомъ, громко говоря сама съ собою.

— Такіе счастливые люди, такіе счастливые... Можетъ, они мнѣ помогутъ... Господи, Господи милосердный, смилуйся...

Извозчикъ ѣхалъ медленно, и Юдымова, спѣша изо всѣхъ силъ, не спускала съ него глазъ. Мужчина и дама то и дѣло склонялись головами другъ къ другу. Вдвое скорѣе, чѣмъ оттуда, пробѣжала теперь Юдымова это самое разстояніе между мостомъ и вокзаломъ.

Когда она подбѣжала къ вокзалу, дрожки еще были тамъ. Молодые господа только что сошли съ нихъ и стояли подлѣ, въ то время, какъ носильщикъ отбиралъ у извозчика двѣ корзины. Юдымова еще не сознавала, что она сдѣлаетъ; она ждала той минуты, когда подойдетъ къ нимъ и заговоритъ. Почему именно къ нимъ—она сама не знала. Что то толкало ее, все существо ея дышало теперь однимъ твердымъ рѣшеніемъ: заговорить!..

— Возьми у него нумеръ и пойдемъ въ залу,—вдругъ произнесла молодая женщина по польски.

Ноги подкосились подъ Юдымовой, Въ глазахъ у ней потемнѣло. Шатаясь какъ пьяная, она подошла къ дамѣ и, смѣясь, крича и плача въ одно и то же время залепетала:

— Барыня! Барыня! О, моя красавица... Барыня! Ангелъ!

Незнакомцы съ ласковой улыбкой повернулись къ ней. Они обмѣнялись другъ съ другомъ нѣсколькими словами по-французски, а потомъ съ живымъ интересомъ и участіемъ стали выслушивать безсвязную исторію приключеній Юдымовой. Въ особенности, молодая женщина съ интересомъ разспрашивала ее обо всемъ.

Юдымова показала имъ свой билетъ, и это окончательно убѣдило

ихъ въ томъ, что передъ ними не обманщица и не нищая. По приказанію дамы, носильщикъ взялъ у Юдымовой узелъ и положилъ его въ залѣ вмѣстѣ съ ихъ чемоданами. Дѣтямъ дали по стакану молока. Тутъ только Юдымова расплакалась; у молодой барыни тоже сверкнули слезы на глазахъ. Молодой человѣкъ отправился въ кассу за билетами и долго оставался тамъ. Вернулся онъ съ извѣстіемъ, что все обстоитъ благополучно, что, благодаря его ходатайству, Юдымова вернется въ Амштетенъ, а оттуда поѣдетъ, куда нужно, между тѣмъ какъ они пересядутъ въ поѣздъ, который ѣдетъ въ Италію. Одно представленіе о томъ, что она должна будетъ съ ними разстаться, объяло Юдымову страхомъ. Но они оба поспѣшили успокоить ее, увѣривъ, что они ей теперь пропасть не дадутъ и что они обяжутъ кондукторовъ и власти доставить ее на мѣсто, въ Винтертуръ.

Молодая барыня оживленно стала ее разспрашивать о разныхъ разностяхъ.

— Вы изъ Варшавы ѣдете?—спросила она ее, между прочимъ.

— Да, барыня, изъ Варшавы.

— А какъ васъ зовутъ?

— Зовутъ меня, барынька моя, Юдымова.

— Какъ, Юдымова?—изумленно переспросила красавица, раскрывая свои прелестные, голубые глаза.

— Фамилія такая, барынька,—Юдымова.

— То-есть, вашего мужа зовутъ... какъ, значитъ?.. Юдымъ?

— Да, Юдымъ.

— Правда?—пролепетала она съ любопытствомъ.—Можетъ быть, у вашего мужа есть родственникъ, докторъ Юдымъ, Томашъ Юдымъ?

— Это мужу родной братъ! Братъ родной!—воскликнула Юдымова:— Такъ вы, барынька, знаете брата?

— Да, знаю немного,—отвѣтила Наталія, и, поворачиваясь къ мужу, прошептала:—Ты слышишь?

— Оказывается, что у тебя были поклонники изъ всѣхъ классовъ общества...—замѣтилъ Карбовскій.

— Хотѣла бы я посмотрѣть теперь на нашего спѣсиваго докторишку...

— Дѣйствительно, интересно было бы! Какъ бы онъ встрѣтился съ своей родней, которая путешествуетъ такимъ оригинальнымъ образомъ...

Зала стала наполняться публикой. Раздались звонки, къ платформѣ подошелъ поѣздъ. Юдымова была устроена въ третьемъ классѣ. Карбовскіе сами ѣхали въ первомъ. День клонился уже къ вечеру.

На станціяхъ, гдѣ остановка продолжалась по нѣсколько минутъ, молодые супруги выходили изъ своего вагона и, прохаживаясь по платформѣ, подходили къ Юдымовой, разговаривали съ нею и съ ребятишками. Пани Наталія интересовалась здоровьемъ маленькой Карольци, которая неспокойнымъ сномъ спала на рукахъ матери. Она приносила

ей то вина, то чего-нибудь покушать, то какого-нибудь освѣжающаго лѣкарства. Она отдала имъ свой, немного уже увядшій, букетъ цвѣтовъ, полъ-бутылочки духовъ, свой вѣеръ; подарила мальчику разныя красивыя бездѣлки.

Когда они показывались на платформѣ и, оживленно разговаривая, лаская другъ друга каждымъ выраженіемъ глазъ, каждой улыбкой, расхаживали туда и обратно, Юдымова не спускала съ нихъ глазъ. Уста ея шептали самыя сладкія, нѣжныя названія, вся душа полна была благословеніемъ этой дивной, прелестной пары.

— Кабы тебя такъ вѣчно хотѣлъ мужъ твой, какъ теперь!..— шептала она.—Кабы ты всегда ему люба была... Кабы онъ любилъ тебя до самой смерти... Кабы у васъ были красивыя, большія, здоровыя, умныя дѣти... Кабы ты ихъ безъ боли великой рожала... Кабы ты надъ ними по ночамъ слезъ много не проливала...

Она прижимала къ губамъ букетъ розъ и упивалась его ароматомъ. Она вдыхала этотъ запахъ съ наслажденіемъ, съ благоговѣніемъ передъ доброй барыней. Этотъ ароматъ возбуждалъ ея признательность и обратилъ ее въ страстную восторженность. Она пожирала глазами каждое движеніе пани Наталіи, не сводила глазъ съ ея фигуры и видѣла ее передъ своими взорами даже и тогда, когда поѣздъ трогался и мчался среди холмовъ, позлащенныхъ заходящимъ солнцемъ.

Ночью, въ Амштетенъ, Карбовскіе разстались съ своей протеже. Но еще передъ этимъ кондукторъ поѣзда, отправляющагося въ Иннсбрукъ, съ такимъ небывалымъ усердіемъ занялся ею, что такой приливъ заботливости могъ свидѣтельствовать о *memento* минимумъ въ пять гульденовъ. Юдымова съ дѣтьми была устроена въ отдѣльномъ купе, запираемомъ на ключъ.

Юдымова была утомлена до такой степени, что всю ночь не могла сомкнуть глазъ.

Она лежала на твердой скамейкѣ и напряженно глядѣла въ окно. Ночь была ясная, лунная. Подъ утро далекій горизонтъ заслонили горы. Ихъ хребты, сначала круглые, становились все зазубристѣе и выше. Юдымова видѣла горы въ первый разъ въ жизни. Этотъ видъ, такой новый, такой незнакомый для человѣка низменностей и городовъ, былъ для нея какъ бы продолженіемъ минувшаго дня. Эти виды и событія, какъ-то странно сливаясь вмѣстѣ, отражались въ душѣ ея какъ будто въ водѣ, и создавали тамъ удивительный образъ. Она глядѣла въ окно не на горы, а вотъ на этотъ образъ въ глубинѣ своей души. Сердце ея билось, и духовные очи пытливо вглядывались въ эту такъ чудесно слившуюся картину.

— Что это за земля такая? И земля-ли это?

— Кто эти дивные люди, которыхъ она увидала тамъ, въ томъ ужасномъ городѣ?

— И люди-ли это? Кто ей сказалъ, чтобы она шла за ними? И...?

Передъ этимъ вопросомъ душа ея замирала и наполнялась слезами И, полная неизъяснимой робости, она обращалась къ ночи, къ этимъ горнымъ цѣпямъ, къ этому святому образу въ глубинѣ своей души, нѣжной и мягкой, какъ-бы въ морѣ слезъ, и спрашивала ихъ:

— Кто ихъ послалъ?

Высокія горныя вершины были точно посеребрены блескомъ луны. Ихъ острыя очертанія пріобрѣтали теперь какое-то нѣжное, какъ бы живое, выраженіе. Казалось, онѣ грезятъ о чемъ-то, задумались и каменными очами глядятъ въ безоблачную лазурь, усѣянную звѣздами. И казалось еще, что такъ же, какъ и человѣкъ, онѣ не могутъ увидѣть...

Порой взглядъ Юдымовой падалъ въ бездну, когда поѣздъ мчался по скалистымъ обрывамъ Арльберской дороги. Гдѣ-то, въ глубокой пропасти, средь неизмѣримыхъ ущелій, по соннымъ, скользкимъ, чернымъ камнямъ струились бѣлыя, зеленоватыя, пѣнистыя воды Инна.

Эти виды не вызывали въ Юдымовой удивленія. Душа ея воспринимала эти впечатлѣнія и тихо, осторожно, заботливо, какъ дорогія сокровища, складывала въ глубинѣ. Порою вагонъ погружался въ глухую темноту, полную дыма и шума. Юдымова не знала, что это такое, но все-таки не пугалась. Въ эту ночь она была какъ бы выше слабостей своего тѣла и выше волненій души.

Но вотъ серебристые края вершинъ стали гаснуть, словно кто-то снималъ ихъ съ горныхъ высотъ. Изъ тѣней все яснѣе и яснѣе выдѣлялись грани скалъ, раздирая собой темноту, лежавшую внизу. Горное утро нисходило съ высоты.

Ѣхали они еще цѣлый слѣдующій день и цѣлую ночь. Дѣти устали до того, что находились въ состояніи какого-то отупѣнія. Во рту у нихъ пересохло и понадѣлались прыщи. Всѣ трое кашляли и метались во снѣ.

Въ Буксѣ австрійскій кондукторъ передалъ Юдымову швейцарскому, который ироническимъ взглядомъ смѣрилъ этихъ пассажировъ. Пересмотрѣли ихъ вещи, заперли опять въ особомъ отдѣленіи, и они поѣхали дальше.

Въ яркомъ блескѣ ранняго утра предъ глазами ихъ вскорѣ открылось зрѣлище, до того прекрасное, не земное, что Юдымова глазамъ своимъ вѣрить не хотѣла: это было холодное, синее, таинственное озеро Wallensee. Первые лучи, падающіе сверху, скользили по волнамъ, которыя перекатывались въ холодномъ полумракѣ. При видѣ этихъ прозрачныхъ водъ, нисходящихъ въ глубокую темную пропасть, сердце Юдымовой вновь затрепетало. Ей показалось, что тогда, въ полуснѣ, она видѣла эти воды, что шла по нимъ съ наслажденіемъ и что тамъ, на ихъ днѣ каменистомъ, лежитъ та святая тайна...

Между тѣмъ, берегъ озера быстро изогнулся и какъ бы сокрылъ отъ глазъ синія воды. Поѣздъ выбѣжалъ на обширную равнину. Горы исчезли и только верхушки елей еще виднѣлись вдали. Куда ни кинь

глазомъ, тянулись широкіе, бѣлые отъ мелиссы, луга, среди которыхъ, образуя безконечный, необозримый садъ, густыми рядами стояли фруктовыя деревья.

Около одиннадцати часовъ поѣздъ остановился въ Винтертурѣ. Услышавъ это слово, Юдымова вдругъ испугалась и боялась тронуться съ мѣста. Кондукторъ отперъ дверь и знакомъ указалъ ей, что нужно выходить изъ вагона. Когда, таща свои вещи и дѣтей, она слѣзала съ ступенекъ, она увидѣла Виктора: онъ пробирался сквозь толпу и искалъ ихъ глазами. Злость ее охватила. Когда онъ, увидавъ ихъ, подбѣжалъ къ нимъ, она сразу ему отрѣзала:

— Да гдѣ жъ у тебя, человѣче, разумъ-то былъ насъ въ этакую-то дорогу посылать!.. О, Боже, Боже...

— Да нешто я тебѣ приказывалъ? Могла и не ѣхать. Ишь ты, какая! Такъ-то съ мужемъ встрѣчаешься! Три дня подрядъ, словно дуракъ какой, на каждый поѣздъ бѣгаешь...

— Вотъ тоже, встрѣчайся ему! Да ты погляди только, что съ ребятами-то подѣлалось. Болячки какія-то во рту у нихъ, сама не знаю... Уменъ ты! Ежели мы въ дорогѣ не померли, такъ это диво одно.

— Ишь ты, нѣженка какая? А я нешто другой дорогой ѣхалъ? Что жъ мнѣ дѣлать было: укоротить ее тебѣ, что ли?

— И-и, молчалъ бы ужъ лучше, чѣмъ глотку драть, а то и вправду...

— Ты ужъ сама, смотри, глотку не дери, а то какъ бы, гляди, не наградилъ я тебя тутъ сейчасъ. Коли не нравится тебѣ, садись себѣ назадъ въ вагонъ и валяй, куда угодно!

Онъ взялъ Карольцю на руки, узелъ подъ мышку и вышелъ съ ними съ вокзала. Нѣкоторое время они молча шли по шоссе, убитому щебнемъ.

Вдоль дороги стояли домики, преимущественно одноэтажные, окруженные садиками съ желѣзными рѣшетками. Зеленыя жалюзи закрывали каждое окошко. Эти чистенькіе домики, какъ и все вокругъ, казалось, сами росли и цвѣли и полны были зелени. На стѣнахъ, обращенныхъ къ югу, были растянуты вѣтви винограда, сѣро-зеленые грозди котораго густо висѣли между листьями.

— Есть у тебя, Викторъ, квартира?—тихо спросила Юдымова.

— Понятное дѣло, есть.

— Одна комната?

— Двѣ небольшія и кухня. Тѣсновата маленько, да ничего.

— А далеко это?

— Еще кусочекъ пройти. Не очень далеко.

Дѣйствительно, пройдя съ ними еще нѣсколько узкихъ и кривыхъ уличекъ, онъ вскорѣ подошелъ къ небольшому каменному дому, и они стали подыматься по узенькой, чисто вымытой лѣстницѣ, истоптанной до того, что изъ досокъ ступеней остались только одни тоненькіе слои. На лѣстницѣ было душно, несмотря на то, что все на ней блистало чистотой. Во второмъ этажѣ Викторъ отперъ дверь и пропустилъ

свою семью въ квартиру. Она была, дѣйствительно, очень маленькая и такая низенькая, что голова чуть не стукалась о потолокъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ очень миленькая и уютная. Обѣ комнатки были выстланы деревомъ и выкрашены масляной краской убогаго цвѣта. Почти цѣлую половину первой комнаты занимала огромная печь изъ темнокоричневыхъ кафель. Окошекъ въ обѣихъ этихъ комнаткахъ было цѣлыхъ четыре. Юдымова съ радостной улыбкой разсматривала эту квартирку, и казалось ей, что она все еще сидитъ въ поѣздѣ — до такой степени эти двѣ выкрашенныя, блестящія, чистенькія коробочки напоминали купе вагона. Но вотъ она увидала во второй комнатѣ большую кровать, до самаго потолка застланную перинами и подушками, и быстро стала раздѣваться.

Юдымъ отправился на свою фабрику. Дѣти не хотѣли идти спать и побѣжали за отцомъ.

Утопая въ перинахъ, Юдымова водила глазами по чистымъ стѣнамъ, по простой мебели, на которой не было ни одного пятнышка, и силилась задержать ихъ на мѣстѣ: въ глазахъ у ней все двигалось, двигалось, двигалось безъ конца, какъ вагоны. Стѣна какъ будто выступала изъ своего мѣста и уходила куда-то... Стулья, комодъ, шкафъ, узелъ, лежавшій посреди первой комнаты—все это шло, шло и шло, безпрерывно, неустанно... Когда она пробовала закрыть глаза, чтобы заснуть, въ ту же минуту въ нихъ и въ глубинѣ мозга ея проходили безконечные ряды вагоновъ.

Колеса ихъ, дрожа, стуча и громыхая, казалось, проносились по всему ея тѣлу, по груди, по головѣ, не давая ни отдохнуть, ни уснуть..

Она прекрасно сознавала, какъ время идетъ, слышала голоса, доносившіеся снаружи, понимала, гдѣ она находится, но не въ силахъ была ни на секунду прогнать этого шума вагоновъ.

Изъ звуковъ, доносившихся съ улицы, ея вниманіе заняли особенно одни какіе-то звуки, напоминавшіе не то пѣніе, не то урокъ въ школѣ, не то еще общую громкую молитву цѣлой группы дѣтей. Юдымова слышала не только общій гулъ этихъ голосовъ, но каждый голосокъ въ отдѣльности. Это звучало такъ мило, такъ весело, что она не могла удержаться, встала съ постели, накинула на себя платье и, притаившись въ глубинѣ комнаты, стала смотрѣть, откуда это идутъ эти голоса.

По другую сторону этой узкой улицы, какъ разъ напротивъ, на той же высотѣ, черезъ раскрытыя окна видна была какая-то большая зала. Штукъ сорокъ индивидуумовъ, въ возрастѣ отъ четырехъ до шести лѣтъ, сидѣли тамъ на маленькихъ деревянныхъ стульчикахъ и болтали, кричали, смѣялись, ссорились, шалили, но черезъ извѣстный промежутокъ времени, по знаку, данному плотной пожилой женщиной, каждый ребенокъ бралъ въ руки крючокъ и принимался за работу. И тогда-то весь хоръ ребятишекъ, за каждымъ движеніемъ крючка, раскачивался и вслѣдъ за наставницей повторялъ слова, которыя каза-

лись какъ будто пѣсенкой какой-то. Юдымова не понимала этихъ словъ, но не могла удержаться, чтобы не повторять за дѣтьми этихъ странно плывущихъ звуковъ:

Ine stache,
Fadeli ume g'schluh'
Use ziehe,
Abe Loh'...

Это забавляло ее и сильно занимало.

«Что бы это такое было? — думала она. — Школа, что ли? Но кто-жъ бы это сталъ посылать въ школу такихъ малышей?»

Въ училищѣ, между тѣмъ, снова раздавался веселый говоръ, смѣхъ и крики, начинались игры, бѣготня, а по истеченіи извѣстнаго времени опять повторялось:

Ine stache...

Глядя на это веселье, соединенное съ работой, слушая этотъ хоровой лепетъ дѣтей, что еще не былъ пѣніемъ, но былъ уже ритмомъ, дѣлавшимъ работу пріятной и не скучной, она испытывала что-то особенное. Прижавшись къ стѣнкѣ, не спуская глазъ съ картины, что была передъ нею, она думала о чемъ-то такомъ, что никогда еще, никогда ей не приходило въ голову.

И едва лишь она успѣла понять, какъ это важно и глубоко, ей стало больно и грустно на душѣ. Въ головѣ ея все еще проходили стѣны, окна, жалюзи, а изъ глазъ катились крупныя слезы. Ей жаль было себя, и не только себя... Въ душѣ у нея гнѣздилось безсильное страданіе за дѣтей своихъ, ростущихъ на грязной улицѣ.

Изъ этой задумчивости ее вырвалъ сильный стукъ въ дверь. Кто-то дергалъ засовъ и стучалъ. Она боялась открыть, притаилась въ углу и ждала, но такъ какъ стуки становились все громче, она, наконецъ, рѣшилась подойти къ двери и повернула ключъ въ замкѣ. Въ комнату вошелъ высокій мужчина, въ одномъ жилетѣ, съ такимъ сердитымъ лицомъ и такими страшными глазами, что Юдымова въ испугѣ такъ и присѣла на кровати.

Человѣкъ этотъ сталъ кричать и махать руками, онъ ежеминутно указывалъ на листья, которыя держалъ въ рукѣ, кидалъ ихъ на землю, подымалъ снова и пихалъ въ карманъ... Онъ подходилъ къ Юдымовой и задавалъ ей какіе-то вопросы, но такъ какъ она продолжала скромно молчать, то онъ принимался кричать еще громче. Такъ надрывалъ онъ свое горло, можетъ, съ четверть часа, пока, наконецъ, не хлопнулъ дверью и ушелъ.

Юдымова еще не успѣла опомниться отъ радости, какъ онъ вошелъ снова, таща цѣлую кучу листьевъ. Онъ клалъ ихъ на столъ и, сверкая бѣлками глазъ, черезъ каждыя нѣсколько словъ повтóрялъ:

— Изе!

Невѣдомо почему, ей вдругъ пришла страшная охота зѣвать. Правда,

она закрывала при этомъ ротъ рукой, но сердитый господинъ все-таки видѣлъ и приходилъ въ дикое бѣшенство: онъ весь трясся отъ злости и топалъ ногами. Юдымова безмолвно осматривала его съ ногъ до головы, думая про себя въ душѣ, что вотъ, дай только Богъ, чтобъ онъ опять вышелъ изъ квартиры, такъ ужъ она не будетъ такой дурой, чтобы опять отпирать ему дверь. Въ самомъ дѣлѣ, онъ скоро ушелъ, продолжая кричать еще на лѣстницѣ. Въ одинъ мигъ она заперла дверь на ключь, легла въ кровать и накрылась периной. Такъ продремала она часа два, пока ее опять не разбудилъ стукъ въ двери. Это былъ Викторъ; онъ вошелъ въ сопровожденіи того самаго злого швейцарца и дѣтей.

Викторъ бормоталъ что-то, но скорѣе для того, чтобъ показать женѣ, какъ это говорятъ по-нѣмецки, чѣмъ для разъясненія дѣла.

— Чего ему отъ насъ нужно, Викторъ,—спросила Юдымова.

— Да вотъ ребята-то наши виноградъ ему оборвали.

— Какой такой виноградъ?

— Да, видишь ли, у нихъ тутъ на стѣнахъ виноградные кусты разводятся... У бюргера-то этого весь его домъ спереди покрытъ ими былъ. Пришли Франекъ съ餐ролькой, взяли да оборвали ему всѣ листья, стебли изъ земли повырывали. Ну, и деретъ себѣ швабъ глотку со злости.

— Зачѣмъ же вы это сдѣлали?

— Эка важность, что мы листья оборвали! — заявилъ Франекъ.— Есть тоже за что кричать, мама...

— Вонъ швабъ-то говоритъ, будто ужъ тутъ приходилъ къ тебѣ,— сказалъ Викторъ женѣ.

— Да приходилъ. Даже два раза. Несъ что-то, а я слушала. Накричался, накричался да и пошелъ.

— Эхъ, съ этимъ народомъ никогда толку не добьешься. Настоящая это каторга, эта ихъ земля! Тутъ въ десять часовъ вечера ужъ не смѣешь ты въ собственной квартирѣ ногою въ полъ постучать, весь домъ сбѣжится. Нельзя тутъ тебѣ погромче поговорить, ни въ кухнѣ дровъ держать, ни огня зажигать, когда вѣтеръ дуетъ, нельзя керосину налить въ печку, чтобъ огонь разгорѣлся, не то сейчасъ двадцать пять францисковъ штрафу—чортъ ихъ знаетъ, что тутъ можно...

Швейцарецъ, между тѣмъ, все что-то говорилъ и говорилъ. Юдымъ объяснилъ женѣ, что это онъ все добивается, почему ему дѣти такую бѣду надѣлали, попортили ему созрѣвающій виноградъ. Кто ихъ научилъ тому, чтобы въ дѣтствѣ быть ужъ такими негодяями. Въ концѣ концовъ, разборъ этого дѣла пришлось отложить на послѣ, такъ какъ Юдымъ и самъ не совсѣмъ хорошенько понималъ, что тотъ говоритъ. Онъ зналъ только, что изъ этой квартиры его ужъ навѣрное выгонятъ и что онъ другой, безусловно, въ городѣ не найдетъ. Это злило его

страшно, онъ ругалъ нѣмцевъ на чемъ свѣтъ стоитъ, проклиналъ ихъ и по-польски, и по-швейцарски.

— Знаешь ли,—сказалъ онъ, наконецъ, женѣ,—я тебѣ правду скажу, я тутъ оставаться не думаю.

— Гдѣ?

— А тутъ вотъ.

— Что-жъ ты это говоришь такое?

— Я катну въ Америку.

— Викторъ!

— Неволя это, не край! Я тутъ, правда, больше зарабатываю, нежели въ Варшавѣ, да зато, знаешь ли, сколько при Бессемерѣ въ Америкѣ платятъ? Вонсикевичъ все мнѣ хорошенько расписалъ. Вотъ это, я понимаю, деньги.

— Что это ты говоришь, что ты говоришь-то...—лепетала она.— Такъ мы ужъ домой никогда...

— Въ Варшаву-то? Вотъ такъ разъ! Да какъ же мнѣ туда воротиться? Одурѣла ты, что ли? Да и, наконецъ, на какого чорта?

Онъ на минуту задумался, а потомъ, встряхнувъ головой, громко сказалъ:

— Милая моя, Бессемеръ повсюду есть на свѣтѣ. Я иду за нимъ. Гдѣ мнѣ лучше заплатятъ, туда и пойду. Что-жъ, тутъ мнѣ сидѣть прикажешь, въ этой ямѣ? Нашла дурака!..

Опять въ глазахъ Юдымовой заходили стѣны, окна, мебель. Какъ одеревенѣлая, упала она на кровать и тупымъ взглядомъ водила по крашенымъ доскамъ потолка, который вмѣстѣ съ нею уходилъ куда-то далеко, далеко, въ безконечность...

Глава VI.

Въ сумерки.

Въ жизни доктора Юдыма начался какой-то особенный періодъ. Съ виду это была какъ будто та же самая жизнь, съ тѣми же обязанностями, тѣми же стремленіями и столкновеніями. Но въ сущности молодой врачъ сталъ какъ будто совсѣмъ другимъ человѣкомъ. Все, что онъ дѣлалъ, чѣмъ занимался, было какъ бы только наружной оболочкой его настоящаго существа, какъ бы тѣломъ, въ которомъ расцвѣла особенная, самостоятельная душа. Лѣченіе больныхъ, дѣла больницы и заведенія, разъѣзды по сосѣднимъ имѣніямъ и по окрестнымъ деревнямъ— все это продолжалось безъ перемѣны и даже, напротивъ, дѣлалось легче и охотнѣе, но это была лишь эксплуатація живой, кипучей силы. Въ глубинѣ души доктора Томаша поселилось что-то новое, такъ нова бываетъ весна послѣ зимнихъ стужъ.

Отъ восхода солнца до заката въ душѣ расцвѣталъ особый, дивный міръ, далекій отъ этого міра, сокрытый за высокими стѣнами. То

ощущеніе нѣги и аромата, что онъ испыталъ въ тотъ апрѣльскій день, когда, въ первый разъ пріѣхавъ въ Цисы, стоялъ у окна и глядѣлъ въ глубь аллеи,—теперь не оставляло его.

Еще вѣтви высокихъ деревъ наги и тонки, какъ вѣтки орѣшника, и сѣрый цвѣтъ ихъ составляетъ странный контрастъ съ той синевою, что, словно легкая, тонкая дымка, нависла межъ стволами, чуть ли не надъ самой землею. Тоненькія вѣточки сирени выпустили свои первые, сморщенные и слабые листочки. Тяжелыя почки, будто золотистые шарики, свѣсились съ коричневыхъ прутьевъ каштана. Солнце то яркимъ, пылающимъ заревомъ охватываетъ влажную землю, то улетаетъ въ свое лазурное царство и исчезаетъ за разноцвѣтнымъ плащемъ облаковъ. Земля покрылась первой зеленою травкой, и молодыя былинки качаются, дрожатъ, то склоняясь внизъ, то подымаясь къ солнцу. Слышится радостное щебетаніе птичекъ, издали доносятся веселые крики дѣтей, и все пространство полно ароматомъ фіалокъ.

И вотъ, среди такой обстановки, съ каждымъ восходомъ солнца, въ душѣ подымались новыя, могучія силы. Благодаря имъ, все представало теперь передъ глазами съ большею ясностью. Явленія и дѣла внѣшняго міра связывались межъ собой и расходились какъ-то иначе, и всѣ предметы показались въ иномъ, болѣе разумномъ и стройномъ свѣтѣ. Обыденныя мысли куда-то исчезли, зародились новыя, похожія на молодыхъ птенцовъ, что, спугнутыя изъ гнѣзда, съ изумленіемъ озираются на все вокругъ.

Къ чему весна? Отчего ночь проходитъ, смѣняясь днемъ? Куда плывутъ труженики—облака, порой невинные, какъ сонъ ребенка, порою страшныя такія, какъ будто внутренности, топоромъ разрубленныя, изъ которыхъ сочится свѣжая кровь? Для чего весною цвѣты расцвѣтаютъ и отчего ароматомъ ихъ дышетъ воздухъ весь?

Что такое эти деревья и почему средь бѣла дня что-то темное, какъ ночь темная—чарующія тѣни ихъ на землю падаетъ?

Вечера, когда на ясное небо, которое, какъ говоритъ Библія, есть дѣло перстовъ Божіихъ, выплывала луна,—совсѣмъ преобразились во что-то святое, мистическое. Они стали какой-то непроницаемой тайной, къ которой душа стремилась съ тоскою, какъ къ конечной формѣ своего счастья.

Въ сумерки панна Іоанна часто приходила въ паркъ съ единственной теперь своей ученицей, Вандой. Тамъ онѣ случайно встрѣчались съ докторомъ Юдымомъ, и такъ гуляли втроемъ по темнымъ аллеямъ парка, разговаривая о постороннихъ предметахъ, на научныя, художественныя или общественныя темы.

Въ темнотѣ они почти не различали ни лицъ, ни глазъ другъ друга, и въ этомъ была какая-то особенная прелесть. Только темныя фигуры, темные люди, темныя существа, какъ будто души однѣ... Только по звуку голоса могли они угадывать тайныя, желанныя меч-

ты другъ друга. Порою, изрѣдка случалось имъ встрѣчаться въ обществѣ и тогда, въ то время, какъ губы, какъ и въ паркѣ, произносили обыкновенныя, безразличныя фразы, глаза ихъ вели иной разговоръ, разговоръ, полный вопросовъ, отвѣтовъ, просьбъ, признаній и обѣщаній, разговоръ, во стократъ болѣе краснорѣчивый, чѣмъ на словахъ.

Одна мысль, что вотъ онъ увидитъ свою «невѣсту», чуть ли не сводила Юдыма съ ума. Онъ мысленно такъ называлъ ее всегда, несмотря на то, что никогда еще ни въ любви своей ей не признавался, ни предложенія еще не сдѣлалъ. Но когда онъ смотрѣлъ въ эти глаза, въ которыхъ ему улыбалось столько упоительной, дивной любви, ему казалось, что вся кровь отливаетъ у него отъ сердца, что сладостная нѣга, какъ волна океана, подхватываетъ его и несетъ къ ногамъ этого чуднаго видѣнія. Это взаимное общеніе доставляло ему столько несравненнаго наслажденія, что оно заглушало всякую физическую страсть.

Не какъ женщину любилъ Юдымъ Іоасю и никогда мысленно не снималъ онъ съ нея дѣвичьихъ одеждъ. Онъ окружилъ ее какимъ-то ореоломъ, не допускавшимъ никакихъ похотливыхъ мыслей. Выше всего, выше красоты, доброты и ума, онъ любилъ въ ней не то свою, не то ея любовь, тотъ заколдованный вертоградъ, въ которомъ человѣкъ пріобрѣталъ неземную способность все понимать. Онъ дрожалъ при одной мысли о томъ, что если бы онъ вздумалъ по отношенію къ этому дивному небесному дару, который, Богъ вѣсть почему, былъ ниспосланъ ему на его жизненномъ пути, проявить свою волю, если онъ протянетъ руку и захочетъ лучше увидѣть это неземное твореніе, то оно въ ту же минуту исчезнетъ. А мысль о возможности этого наполняла его ледянымъ ужасомъ смерти.

Такъ, непрестанно въ душѣ его смѣнялись два чувства: тоска и тревога. Когда онъ глядѣлъ на изящную, нѣжную фигуру Іоаси,—въ глазахъ, какъ неотступный призракъ, вставалъ подвалъ на Теплой улицѣ. Все, что онъ достигъ теперь, чѣмъ онъ былъ теперь, исчезало. Онъ помнилъ только свою бѣдную, рабочую семью, тетку которая его воспитала, ея гостей... Ему чудилось, что, голодный, оборванный, приниженный, стоящій на краю безчестія, онъ сидитъ въ темномъ, грязномъ подвалѣ. И вотъ по лѣстницѣ сходитъ внизъ какая-то темная фигура. Слышится тихій шелестъ ея платья, пахучій шорохъ ея шаговъ... Она сходитъ, сходитъ медленно, останавливается на каждой ступенькѣ. Въ ея свѣтломъ, далеко проникающемъ взорѣ горитъ дивный даръ ея любви.

Ему можно глядѣть на нее, но пусть только онъ пошевельнется и промолвитъ одно молящее слово, пусть только коснется ея протянутой руки,—въ тотъ же мигъ что-то случится, что-то такое, что онъ

смутно предчувствуетъ, что-то такое, что какъ будто таится, выжидаетъ терпѣливо и жадно слѣдитъ за каждымъ его движеніемъ.

Однажды — это было во второй половинѣ іюня—Юдымъ шелъ въ одну изъ болѣе дальнихъ деревень. Онъ нарочно сокращалъ себѣ дорогу, выбирая прямыя тропинки, чтобы скорѣе справиться съ «визитомъ» и вернуться еще передъ закатомъ солнца.

Онъ шелъ по тропинкѣ, тянувшейся вдоль берега рѣки, которая, извиваясь, протекала внизу среди зарослей между двумя возвышенностями. Дорожка эта, прятавшаяся въ тѣни деревъ, сверху только уже высохла, но исподнизу она была еще мягкая и топкая. Вокругъ росли разныя травы, мятлика, ивы. Юдымъ быстро шелъ впередъ, засунувъ руки въ карманы и опустивъ глаза, почти ничего не видя вокругъ себя, когда вдругъ, на поворотѣ, онъ увидалъ панну Іоанну. Въ первое мгновеніе онъ былъ такъ пораженъ, что забылъ даже поклониться. Онъ прошелъ нѣсколько шаговъ въ размышленіи, не ждала ли она его, не сонъ ли это...

Если бы она вдругъ исчезла въ воздухѣ, какъ туманъ надъ рѣкою, онъ ничуть бы не удивился. И вмѣстѣ съ тѣмъ онъ не испытывалъ никакого удовольствія. Онъ спокойно глядѣлъ на ея блѣдное, смущенное лицо и даже замѣтилъ, между прочимъ, что ея прямой носикъ, если на него смотрѣть съ этой стороны, кажется какимъ-то другимъ...

Черезъ нѣсколько минутъ онъ, наконецъ, понялъ, что это какъ бы чудо какое-то... Ему ужъ больше не нужно поджидать ее въ паркѣ, не нужно спѣшить къ больнымъ, не нужно на различные лады коротать какъ-нибудь тѣ часы, что остаются до сумерекъ, потому что вѣдь она тутъ съ нимъ, одна... Въ этомъ было даже какъ будто нѣкоторое розочарованіе.

— Вы гуляете?..—спросилъ онъ и въ ту же минуту почувствовалъ, что поступаетъ глупо, страшно глупо, потому что вотъ эта самая минута, что проходитъ теперь, страшно важна и останется памятной на всю жизнь. Но черезъ секунду послѣ того, какъ онъ это подумалъ, на него вдругъ нашло какое-то забытье обо всемъ и полнѣйшее равнодушіе, словно предъидущее ощущеніе кто-то пескомъ засыпалъ.

— Я прихожу сюда каждый день, понятно, если дождя нѣтъ...— отвѣтила Іоанна.

Она солгала—Юдымъ зналъ это. Онъ зналъ, что она пришла сюда въ первый разъ и пришла для того, чтобы встрѣтить его. Онъ хорошо слышалъ ея слова, но ему казалось, что они донеслись откуда-то издалека. Впрочемъ, онъ какъ-то и не совсѣмъ ясно понималъ ихъ: онъ весь былъ поглощенъ наслажденіемъ заглядывать въ ея душу.

— А панна Ванда?

— Ванда въ эту пору ѣздитъ верхомъ съ нашимъ управляющимъ.

— А вы не ѣздите верхомъ?

— Ѣзжу... Даже очень люблю! И когда-то, когда-то... Боже мой... А теперь ужъ я не могу. У меня, вѣроятно, маленькій, вотъ такой маленькій порокъ сердца или что-нибудь такое, оттого что послѣ каждой такой поѣздки всегда у меня начинаетъ болѣть вотъ тутъ, какъ разъ, гдѣ бьется это скверное сердце. А потомъ наступаетъ еще и безсонница.

Слушая эти слова, Юдымъ самъ буквально ощутилъ физическую боль въ сердцѣ, и такая жалость, такая глубокая безграничная жалость охватила его, что онъ долженъ былъ стиснуть зубы, чтобы не расплакаться.

— Почему же вы не посовѣтуетесь съ какимъ-нибудь хорошимъ врачемъ въ Варшавѣ?

— Эхъ!.. Никакой врачъ этому не поможетъ. Да и вообще, кто станетъ обращать на это вниманіе. Не ѣздить верхомъ—вотъ и все, это вѣдь такъ легко и просто...

— Это вовсе не порокъ сердца и никакой болѣзни тутъ нѣтъ...— улыбаясь, сказалъ онъ.—Это просто обыкновенная, самая обыкновенная усталость. Организмъ, съ непривычки...

— Мой организмъ?

... Подъ вліяніемъ черезчуръ сильнаго напряженія на нѣкоторое время подвергается истощенію... Наоборотъ, было бы даже, можетъ быть, очень хорошо, если бы вы пересилили себя и какихъ-нибудь два или даже три раза въ недѣлю, не до усталости, разумѣется, ѣздили на этой сивкѣ.

— Вы такъ думате?

— Право. Вы, вѣроятно, чудесно выглядите на лошади...

Онъ произнесъ эти слова, ни на мгновеніе не задумавшись, они безсознательно какъ-то вырвались у него.

— Вотъ это такъ терапія!—воскликнула Іоася, не глядя на него. Чудная улыбка, очаровательнѣйшая улыбка въ мірѣ, все лицо ея озарило, какъ будто солнечнымъ блескомъ. Брови и губы весело дрогнули. Съ минуту Юдымъ напрасно ждалъ, что вотъ-вотъ—съ этихъ губъ слетитъ крылатое слово, что таилось въ этой прелестной улыбкѣ. Алый румянецъ разлился по ея щекамъ.

— Послушайте,—промолвила она, краснѣя все больше и больше,— вы ѣздили иногда конкой на Холодную улицу или на Валицовъ?

— Да, да, ѣздилъ... Понятно... А нельзя ли узнать, почему вы меня объ этомъ спросили?

— Да такъ себѣ... Я васъ видѣла нѣсколько разъ, какъ вы ѣхали въ ту сторону. Только вы тогда немножко другой были, не такой, какъ теперь. Впрочемъ, можетъ быть, потому, что вы тогда были въ цилиндрѣ, тогда мнѣ такъ показалось. Это было три года тому назадъ, а можетъ быть даже и больше.

— Почему же вы тогда обратили на меня вниманіе?

— Сама не знаю, почему.

— Такъ зато я хорошо знаю.

— Неужели?

— Знаю, навѣрно знаю.

— Такъ скажите же, почему.

— Потому, что...

Онъ не договорилъ и поблѣднѣлъ. Холодная дрожь волной пробѣжала по всему его тѣлу.

— Нѣтъ,—сказалъ онъ,—нѣтъ, я не скажу теперь... Когда-нибудь въ другой разъ...

Панна Іоанна подняла на него свои свѣтлые, правдивые глаза, посмотрѣла на него и замолкла. Они безмолвно продолжали свой путь.

Шли они долго. На окраинахъ луга, по склону холма раскинулась та самая деревенька, въ которую шелъ Юдымъ. Узкая внизу дорожка кверху все расширялась и образовала широкій выгонъ, весь изрытый безчисленными колеями и огороженный жердянымъ плетнемъ. Панна Іоанна прошла по этой большой дорогѣ нѣсколько десятковъ шаговъ, но вдругъ остановилась и произнесла:

— Вы въ деревню идете?

— Да, къ больнымъ.

— Ну, я туда не пойду.

— Почему?

— Нѣтъ, не пойду.

— Вы уже домой уходите!—печальнымъ голосомъ и съ выраженіемъ жалости въ глазахъ спросилъ онъ.

— Да, нужно идти. Впрочемъ... Вы тамъ долго пробудете?

— Нѣтъ, не очень, съ полчаса, не больше.

— Ахъ, такъ... Ну, такъ я васъ подожду тутъ. Или лучше...

— Панна Іоанна...

— Или лучше тамъ, вонъ у того холма.

— Ахъ, хорошо, это чудная, чудная мысль!

Онъ быстро пошелъ по дорогѣ. Онъ готовъ былъ бы бѣжать, готовъ былъ бы даже совсѣмъ послать къ чорту всѣхъ больныхъ. Но его удерживало сознаніе, что тамъ она ждетъ его. Если бы онъ не исполнилъ... Увѣренность эта доставляла ему безграничное наслажденіе. Онъ чувствовалъ, что это уже сближеніе, что это уже какъ будто свиданіе, какъ будто условленныя минуты общаго счастья и, вмѣстѣ съ тѣмъ, онъ какъ-то наивно радовался, что счастье это само пришло къ нему, что онъ не звалъ его и не напрашивался.

Ему хотѣлось какъ можно скорѣе справиться съ больными, но, какъ на зло, передъ каждой хатой, въ которую онъ ни входилъ,— собиралась цѣлая куча бабъ съ ребятишками, мужики съ искалѣченными руками... Приходилось всѣхъ осматривать, разспрашивать и давать лѣкарства. Почти смеркалось, когда онъ, наконецъ, выбѣжалъ

изъ деревни и пылающимъ взглядомъ сталъ искать Іоанну. Были минуты, что онъ терялъ всякое самообладаніе.

— Ушла...—шепталъ онъ, глотая слезы, какъ ребенокъ.

Онъ увѣдалъ и только тогда, когда подошелъ уже совсѣмъ близко къ холму. Она сидѣла на землѣ между огромными кустами.

— Мы не пойдемъ теперь лугомъ, оттого что туманъ уже стелется и сыро...—сказалъ онъ, подходя къ ней.

— Такъ куда же?

— Можно пройти по холму, прямо черезъ поля, а тамъ по окраинѣ Лазинскаго лѣса.

— Ну хорошо, только мы должны торопиться: уже совсѣмъ темно.

Они взобрались на вершину обрыва и очутились въ полѣ, окруженномъ съ трехъ сторонъ лѣсомъ: съ двухъ—лиственнымъ, а съ третьей—сосновымъ. Солнце падало на безмолвную стѣну деревъ, золотя неподвижныя верхушки грабовъ и березъ такими яркими красками, что глазъ могъ ясно уловить контуры даже самыхъ дальнихъ листьевъ. Далеко, далеко, за оврагомъ, изъ котораго они вышли у окраины полей, сверкавшихъ переливами своихъ колосьевъ, солнце уже заходило. Горизонтальные лучи его лежали на свѣтлой землѣ, на зеркалѣ водъ, на безцвѣтныхъ кровляхъ деревенскихъ избъ. Отъ фигуръ идущихъ, панны Іоанны и Юдыма, падали на землю двѣ тѣни: это были какъ будто два отраженія ихъ жизней, два огромныхъ призрака, которые шли впереди, то сближаясь, то отталкиваясь другъ отъ друга. Золотисто-пурпурный блескъ, облившій все вокругъ, былъ недолговременъ. Солнечный блескъ вскорѣ потонулъ за горизонтомъ. И лиственная роща тогда потемнѣла, стала отдаляться, отдаляться, уходить...

Осматривая эту мѣстность, Юдымъ испытывалъ что-то необъяснимое. Правда, онъ ужъ не разъ бывалъ здѣсь, но ему показалось, что точно такое же ощущеніе онъ уже разъ пережилъ на этомъ самомъ мѣстѣ.

Прежде когда-то, прежде...

Это—то мѣсто, къ которому шелъ онъ всю свою жизнь, всю свою долгую, безотрадную жизнь.

— Почему же это такъ?—спрашивалъ онъ себя, вглядываясь въ эту странную поляну.—Почему это?

И вотъ на мгновеніе, на одно лишь мгновеніе, въ сознаніи его промелькнулъ какъ будто отвѣтъ на этотъ вопросъ. Такъ иногда дуновеніемъ вѣтерка донесется издалека звукъ какого-нибудь слова, но въ то же мгновеніе отлетитъ отъ слуха и разсѣевается въ пространствѣ.

Часть этого поля, какъ будто заброшеннаго людьми, была засѣяна. Рядомъ тянулась недавно вспаханная и взбороненная нива, что представляло для этой поры довольно необычайное зрѣлище. Земля тутъ была еще теплая, мягкая, рыхлая. Ноги не вязли въ ней, какъ въ пескѣ пустыря, и охватывались идущей отъ нея пріятной теплотой.

Ножки панны Іоанны, обутыя въ легкія туфельки, совершенно тонули въ землѣ. Они оба отлично видѣли это, хотя и не обращали на это вниманія.

Съ сѣрой земли стали кверху подыматься сѣрыя краски, стали поглощать только что еще сверкавшіе переливы лѣса, и разстилать кругомъ, и вблизи и вдали, тихій, теплый, душистый сумракъ.

— Я не сказалъ вамъ прежде,—произнесъ Юдымъ,—почему вы обратили на меня вниманіе тогда, когда мы съ вами ѣздили конкой къ Холодной улицѣ... Такъ вотъ, мнѣ кажется, я знаю, почему.

— Вы знаете?

— Да, знаю.

— Интересно, скажите.

— Вы просто-на-просто тогда уже, должно быть, предчувствовали...

— Что предчувствовала?

— Все, что должно случиться.

— Что именно?

— Что я буду мужемъ твоимъ.

Панна Іоанна не выразила изумленія. Она спокойно продолжала свой путь. Ея блѣдное лицо казалось спящимъ. Юдымъ склонился къ ней.

— Только хорошо ли, только обдуманно ли вы это дѣлаете?—вымолвила она тихимъ, глубокимъ голосомъ.—Подумайте объ этомъ хорошенько...

— Я все уже передумалъ.

Слова эти не выражали сущности дѣла, но тонъ, которымъ они были сказаны, былъ такъ рѣшителенъ, что Іоася ничего не сказала въ отвѣтъ.

Юдымъ теперь только почувствовалъ, какъ безгранично любилъ онъ эту дѣвушку. Все изчезло у него изъ глазъ. Въ глубину души ворвался мракъ и все угасилъ въ ней. Казалось, этой мягкой, глубокой землѣ, по которой ступаютъ ноги, нѣтъ конца, эта дорога тянется нескончаемо долго. Сумерки, это исчезновеніе свѣта, доставляли дикое наслажденіе. Это была какая-то невѣдомая стихія, которая, казалось, раздулась въ бурное пламя, предупреждая святую, божественную, таинственную ночь, какъ крикъ радости, раздавшійся надъ обширной землею.

Правой рукой Юдымъ обнялъ свою «жену», прижимая ее къ своей груди и почувствовалъ головку ея близко, близко къ себѣ. Онъ наклонился и впился губами въ густые, черные, растрепавшіеся, душистые волосы дѣвушки...

Изъ глазъ его катились слезы, слезы счастья, безграничнаго счастья, которое замкнуто въ самомъ себѣ и которое испытывается одинъ только разъ въ жизни.

Внезапно ноги ихъ почувствовали подъ собою твердую почву—они вздрогнули, но не замедлили шагу. Они были на опушкѣ лѣса. Въ со-

сновой чащѣ уже стоялъ глубокій мракъ, какъ черный мраморъ, изрѣдка, словно золотой жилкой, прорѣзываясь летящимъ свѣтлячкомъ. Ихъ взглядъ улавливалъ эти золотыя нити и, почти минуя сознаніе, навѣки складывалъ эти прекрасные отблески въ памяти, какъ драгоцѣнное сокровище жизни.

Было такъ тихо, что слышенъ былъ шумъ водяныхъ капель, гдѣ-то далеко, далеко падавшихъ съ шлюза.

Паннѣ Іоаннѣ почудилось, будто это чей-то голосъ, будто онъ что-то ей шепчетъ, зоветъ ее...

Она подняла голову, чтобы прислушаться. Въ ту же минуту что-то горячее обожгло ей губы. Счастье, какъ теплая кровь, медленной волной плыло въ ея душу. Она слышала въ себѣ какіе-то вопросы, какія-то святыя, тихія слова, но уста не находили выраженій, ни звука съ нихъ не срывалось, и лишь поцѣлуями говорила она о своемъ безмѣрномъ, глубокомъ счастьи, о добровольной жертвѣ, которую радостно привѣтствовала...

Глава VII.

Ссора.

Крживосондъ, примѣняя свою изъ года въ годъ практикуемую систему, устраивалъ очистку пруда отъ ила, когда вдругъ, уже въ первой половинѣ іюня, въ Цисы съѣхалось столько народу, что кончать работы не было никакой возможности. Изъ одной только части пруда, со стороны рѣки, илъ былъ вынутъ до дна. Остальная часть представляла болото, чуть-чуть прикрытое сверху водой. Когда она спустилась немного, высыхающее болото покрылось пеленою зеленыхъ водорослей, распространяя вокругъ страшное зловоніе. Работники, занятые свозкой ила тачками, заболѣвали лихорадкой, даже у самого Крживосонда появлялись ея симптомы.

При такихъ-то трудныхъ обстоятельствахъ, когда при постороннихъ никакъ нельзя было вывозить изъ парка цѣлыхъ телѣгъ гнилого илу, у Крживосонда блеснула въ головѣ геніальная идея. Не говоря никому ни слова, онъ приказалъ въ одномъ мѣстѣ раскопать плотину до дна, вставить въ это отверстіе покатый жолобъ изъ досокъ шириною въ аршинъ и пустить въ него ту воду, которая оставалась на днѣ пруда. Такимъ образомъ, получалось нѣчто вродѣ каскада, который довольно обильно спадалъ въ русло рѣки. Тогда Крживосондъ нанялъ нѣсколько человѣкъ рабочихъ съ тачками, съ лопатами, приказалъ имъ вытаскивать илъ изъ пруда, свозить его по перекинутымъ доскамъ къ жолобу и кидать его туда. Падавшая съ высоты вода увлекала илъ за собою и уносила его къ Балтійскому морю.

Это была такая ловкая штука, что всѣ были поражены ея оригинальностью. Огромные возы не разливали по парку мокраго ила, гряз-

ные люди не ходили по дорожкамъ и только отъ самаго пруда несло еще порядкомъ. Предполагалось, однако, что при усиленной работѣ недѣли черезъ двѣ-три дно пруда понизится и воду можно будетъ задержать.

Юдымъ, влюбленный по уши, ничего и знать не зналъ. Когда, проходя однажды черезъ плотину въ заведеніе на обѣдъ, онъ въ первый разъ увидѣлъ всю эту махинацію, онъ остановился, какъ вкопанный. Онъ до такой степени не могъ сразу понять, что это можетъ означать, что принужденъ былъ обратиться къ стоявшему съ краю работнику съ вопросомъ:

— Что это вы, братцы, тутъ дѣлаете?

— А вотъ илъ на воду пущаемъ, господинъ докторъ.

— На воду илъ пускаете?

— Такъ точно.

— Да вѣдь надъ этой же водой деревни ваши стоятъ. Какъ же люди-то ваши будутъ скотъ поить и брать эту воду?

— А это ужъ не наше дѣло. Господинъ управляющій приказали, вотъ мы и вываливаемъ—и баста.

— А... разъ управляющій приказалъ, ну, такъ вываливайте—и баста!

— Тутъ ужъ мужички изъ Секерокъ прибѣгали,—заговорилъ кто-то,—толковали съ бариномъ, съ управляющимъ, что, молъ, грятъ, въ цѣлой рѣчкѣ вода грязная, да баринъ-то ихъ обругалъ и выгналъ. Только и взяли.

Юдымъ оставилъ ихъ и пошелъ берегомъ, съ цѣлью, не вполнѣ, впрочемъ, ясно сформулированной, убѣдиться въ томъ, дѣйствительно ли вода въ рѣкѣ засорена. Онъ долго шелъ по недавно скошенному лугу и съ возрастающимъ бѣшенствомъ глядѣлъ на бурую, глинистую жидкость, которая лѣниво катилась по руслу рѣки.

Черезъ нѣкоторое время, однако, злоба эта прошла. Ее смѣнили какія-то свѣтлыя, пріятныя воспоминанія... Юдымъ совершенно позабылъ о рѣкѣ, забылъ до того, что вся эта дѣйствительность какъ будто совсѣмъ стушевалась передъ нимъ и въ глазахъ проносились сонныя грезы, гораздо болѣе реальныя и несомнѣнныя, чѣмъ всѣ эти рѣчка, прудъ, илъ, мужики, Кржисондъ... Только въ паркѣ онъ очнулся и поднялъ голову.

Около новаго, недавно устроеннаго шлюза стояли Кржисондъ и директоръ.

При видѣ ихъ, прямо какое-то физическое отвращеніе овладѣло докторомъ. Ему представилось, какъ будто отъ обѣихъ этихъ фигуръ несло отвратительнымъ зловоніемъ ила. Онъ рѣшилъ не подходить къ нимъ, притвориться, будто бы онъ ихъ не видитъ и уйти другой дорогой.

Да какое ему, чортъ возьми, наконецъ, дѣло до всѣхъ исторій съ иломъ! Ужъ будто это самое важное изъ милліарда другихъ злоупо-

требленій? Съ какой же стати посвящать этому столько вниманія. Пускай себѣ старикашки дѣлаютъ, что только ихъ душенькѣ угодно! Ихъ это дѣло. Вмѣсто того, чтобы ужъ давно лежать на мѣстѣ, пускай еще дрыгаетъ это ходячее кладбище! Порядкомъ ужъ онъ и такъ съ ними намаялся! Все, что онъ могъ имъ сказать, что онъ находитъ хорошимъ и что сквернымъ, онъ ужъ имъ высказалъ. Не хотятъ они его слушать, поступаютъ по-своему—ну и пусть ихъ, къ чорту!

Онъ быстрыми шагами пошелъ своей дорогой. Но вотъ среди всѣхъ другихъ аргументовъ всплылъ еще одинъ.

Такъ вотъ въ чемъ заключается роль лѣчебнаго заведенія: доставлять темному люду грязную воду для питья. Это вмѣсто того, чтобы людъ этотъ... Ха, ха, ха... Роскошная иллюстрація ко всей этой аферѣ. Этотъ вонючій илъ въ рѣкѣ—вотъ оно въ чемъ проявляется дѣятельность лѣчебнаго заведенія. Что за иллюстрація всѣхъ этихъ громкихъ фразъ объ «общественномъ значеніи Цисовскаго курорта»!

Онъ не могъ выдержать. Вотъ только эту остроумную мысль нужно пойти имъ сказать—и баста! Онъ скажетъ это Кряживосонду, нѣтъ нѣтъ, не Кряживосонду! Онъ это скажетъ прямо въ глаза директору и этимъ ужъ разъ навсегда прекратитъ всякіе разговоры. Пускай это будетъ для нихъ Пиррова побѣда.

И этотъ аргументъ, казалось, какъ будто схватилъ его за шиворотъ и заставилъ свернуть съ дороги. Ясность факта и логичность разсужденія были такъ ослѣпительны, что все стушевывалось передъ ними, какъ тѣнь передъ свѣтомъ. Если бы кто-нибудь захотѣлъ въ данную минуту, хотя бы даже нагайкой, заставить Юдыма пріискать другой аргументъ, который ослабилъ бы силу этого остроумнаго заключенія о мнимой роли заведенія, то никоимъ образомъ не удалось бы выжать изъ него ни одной мысли. Директоръ и Кряживосондъ видѣли, что молодой докторъ идетъ къ нимъ, но притворились, что ведутъ между собою разговоръ, который для нихъ всего важнѣе на свѣтѣ. Только, когда онъ уже совсѣмъ подошелъ къ нимъ и поздоровался, они повернулись къ нему, ни на минуту, однако, не прерывая оживленной бесѣды о какомъ-то сортѣ волосъ для матрацовъ. Юдымъ долго молчалъ, спокойно глядя на испачканныхъ въ грязи, босыхъ работниковъ, которые толкали передъ собою большущія тачки.

Все въ немъ кипѣло и бушевало. Онъ мысленно повторялъ свою остроту и обрабатывалъ ее въ литературной формѣ. Ему хотѣлось выразить это въ видѣ невинно-ѣдкаго замѣчанія, которое своимъ содержаніемъ подѣйствовало бы, какъ легкій уколъ, но навсегда бы отравило души противниковъ!

Наконецъ, дѣлая надъ собою усиліе, чтобы ни одинъ мускулъ на лицѣ не выдалъ его волненія, онъ произнесъ, какъ ни въ чемъ не бывало:

— Что это вы, господа, тутъ дѣлаете? Нельзя ли спросить?

— Какъ видите, коллега...—отвѣтилъ директоръ, чуть-чуть поблѣднѣвъ.

—Да, видѣть-то я вижу, но, признаюсь откровенно, не понимаю, въ чемъ дѣло.

— Возить теперь нельзя, такъ вотъ Кржисондъ вымываетъ прудъ водой.

— А... вымываетъ прудъ...

Директоръ молчалъ. Но черезъ минуту холоднымъ, полнымъ досады, тономъ онъ спросилъ:

— Вамъ это не нравится?

— Мнѣ? Напротивъ. Почему бы это должно мнѣ не нравиться? Какъ мотивъ для родной картинки...

— Какъ мотивъ для родной...

— Всякое благоустроенное хозяйство основано на томъ, чтобы было использовано каждое средство на пользу предпріятія... Разъ я имѣю...—заговорилъ Кржисондъ.

— Какъ мотивъ для родной картинки,—подчеркивая эти слова, повторилъ Юдымъ, съ умысломъ не слушая того, что говорилъ администраторъ, и обращаясь только къ директору.—Я уже убѣдился, что то, что мы часто называемъ ролью заведенія въ исторіи окрестной мѣстности, приписываніе ему какого-то общественнаго или гигіеническаго значенія—это одна лишь фраза, эффектъ, реклама, разсчитанная на глупость истеричныхъ дамъ. А потому я и смотрю на это такъ, какъ смотрѣлъ бы на всякое другое, рисующее родные наши нравы.

— Не люблю я этихъ вашихъ нравоученій! Я человѣкъ старый...

— А я—человѣкъ молодой, который въ данную минуту старикомъ никоимъ образомъ быть не можетъ.

— Сударь!

— Я врачъ! И я нахожу недостойнымъ званія врача то, что вы, господинъ директоръ, позволяете дѣлать вашему заправилѣ.

— Милостивый государь,—сердито проворчалъ Кржисондъ,—сдѣлайте одолженіе, считайтесь съ своими словами! Тоже! Заправила... *Nec sutor ultra crepidam...*

— Ну, ну! Пошелъ съ твоей латынью!..—крикнулъ директоръ.—Я тебѣ тутъ дамъ латынь!—И тутъ же, обращаясь къ Юдыму, онъ тихо, но выразительно проговорилъ:

— Нравоученія ваши, сударь, никакого вліянія тутъ не произведутъ ни на меня и ни на кого.

— Я самъ отлично это знаю. Я...

— А если вы это сами отлично знаете, то я рѣшительно не понимаю, почему вы вмѣшиваетесь не въ свои дѣла. Васъ, милостивый государь, это нисколько не касается.

— Да? Такъ вопросы гигіены, по вашему, касаются вашего заправилы?

*

— Тутъ нѣтъ ни какихъ-бы то ни было вопросовъ гигіены, ни тѣмъ менѣе, какихъ-то тамъ заправилъ. О чемъ это вы толкуете? Ѳедотъ да не тотъ! Гигіена!

— Да, да, именно гигіена, только все дѣло въ томъ, что гигіена у васъ только для богатыхъ. Крестьяне и ихъ скотъ пускай пьютъ илъ изъ нашего пруда. Такъ вотъ же, господинъ директоръ, я вамъ скажу коротко и ясно: противъ того, что тутъ дѣлается, я категорически протестую!

— Да протестуйте себѣ, сударь, сколько душѣ вашей угодно... Сколько угодно! Крживосондъ, завтра же найми мнѣ вдвое больше работниковъ, чѣмъ сегодня.

— Господинъ Пюркевичъ,—крикнулъ Крживосондъ эконому,—прикажите тамъ кому-нибудь сходить въ деревню, чтобы позвать на работу еще человѣкъ восемь—десять.

И, повернувшись къ Юдыму, онъ громко, злорадно расхохотался и сказалъ:

— Ну-съ, что вы на это скажете, господинъ реформаторъ?

— Ничего не скажу, старый оселъ!—спокойно отвѣтилъ Юдымъ.

Съ минуту Крживосондъ смотрѣлъ на него вытаращенными глазами. Вдругъ онъ поблѣднѣлъ и, поднявъ кулакъ, на шагъ поддался къ нему. Юдымъ замѣтилъ это движеніе. Въ глазахъ у него потемнѣло. Однимъ прыжкомъ онъ подскочилъ къ Крживосонду, схватилъ его за горло, дернулъ его нѣсколько разъ и, наконецъ, толкнулъ прочь отъ себя. Администраторъ стоялъ спиною къ пруду. Отъ этого толчка онъ полетѣлъ съ плотины, упалъ прямо въ илъ и чуть ли не съ головой увязъ въ жидкой грязи. Работники бросили лопаты и поспѣшили на помощь.

Юдымъ не видѣлъ, что было дальше. Дикое бѣшенство, какъ бѣльмо, ослѣпило его. Онъ пошелъ по дорогѣ, громко ругаясь.

(Продолженіе слѣдуетъ).

ТОРКВЕМАДА.

Легенда.

Встрепенулись, оживая,
И Севилья, и Гренада;
Легче гнетъ оковъ...
Умеръ грозный инквизиторъ,
Всемогущій Торквемада,—
Бичъ еретиковъ!..

Онъ безъ жалости покинулъ
Міръ порока, міръ невѣрья,
Мести и заботъ...
И явился, торжествуя,
У небеснаго преддверья,
Богу дать отчетъ!..

Сонмы духовъ бѣлокрылыхъ...
Блескъ лазурнаго простора...
Серафимовъ хоръ...
Но въ раю, какъ па Голгофѣ,
Полонъ скорбнаго укора
Іисуса взоръ!..

И склонясь передъ Судьею,
Гордо молвилъ Торквемада:
—„Богъ, мой господинъ,
Я—великій инквизиторъ,
Католичества ограда,
Церкви паладинъ!..

—„Я стоялъ на стражѣ вѣры,
Словно коршунъ, былъ я зорокъ,
Не жалѣлъ трудовъ!..
Я казнилъ, Тебѣ во славу,
Десять тысячъ двѣсти сорокъ
Мавровъ и жидовъ!..

—„Если жалость просыпалась,
Гналъ я грѣшную тревогу,
Грѣшную мечту!..
Пламя казни—свѣточъ вѣры,
Дымъ костра—куренье Богу!..
Нуженъ мечъ кресту!..

—„Это дьяволъ темной ночью
Шепчетъ рѣчи искушенья,—
Шепчетъ: „пощади!..“
Но постами и молитвой
Я ехидну сожалѣнья
Вырвалъ изъ груди!..

—„И теперь на лонѣ вѣры
Полонъ мира и отрады
Я покой найду!
Мой Спаситель, мой Учитель,
Утѣшенья и награды
Отъ тебя я жду!..“

Но поникъ Христосъ главою...
Торквемада поднялъ очи
И взглянулъ вокругъ,—
Онъ взглянулъ,—и дико вскрикнулъ
И, чернѣе черной ночи,
Онъ отпрянулъ вдругъ!..

По лазури въ волнахъ свѣта
Херувимовъ вереницы
Рѣютъ въ вышинѣ...
Эти очи,—онъ ихъ видѣлъ
Въ душномъ сумракѣ темницы,
На кострахъ, въ огнѣ!..

Онъ ихъ видѣлъ, онъ ихъ помнитъ...
И мориска, и морана,
Стариковъ и женъ,
Промѣнявшихъ святотатно
Для талмуда, для корана
Господа законъ!..

Что съ нимъ? Что съ нимъ? Sancta mater!..
Этотъ ангелъ... Божья сила,

Навожденье прочь!..
Чтобъ избавить отъ допроса,
Эта вѣдьма задушила
Передъ пыткой дочь!..

Подлый жидъ, на дыбѣ корчась,
Проклиналъ Христа и Дѣву,
Дико хохоталъ...
Самъ великій инквизиторъ,
Волю давъ святому гнѣву,
Грѣшника пыталъ!..

Вотъ онъ, вотъ онъ... Блещутъ очи
Тихимъ свѣтомъ обожанья;
Онъ у ногъ Христа...
И отпрянулъ Торквемада,
Полонъ гнѣвнаго страданья;
Дрогнули уста!..

—„Кто посмѣлъ ввести невѣрныхъ,
Обреченныхъ вѣчной смерти
Чрезъ святой порогъ?!
. . . .
. . . .

—„Горе, горе!.. Пала церковь!..
Не помогутъ кровь и стоны
И потоки слезъ!..
Горе!..“
. . . .
. . . .

По лазури въ волнахъ свѣта
Серафимы, херувимы
Рѣютъ въ вышинѣ...
Льется пѣсня, торжествуя:
—„Ненавидимый, гонимый,—
Братъ!—иди ко мнѣ!..“

Вл. Гессенъ.

ВОСКРЕСШІЕ БОГИ.

ЛЕОНАРДО ДА ВИНЧИ

РОМАНЪ,

(*Продолженіе*).

ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ ГЛАВА.

Мона Лиза Джіоконда.

1503—1506.

> Мракъ подземелья былъ слишкомъ глубокъ, и когда я нѣкоторое время пробылъ въ немъ, то во мнѣ пробудились и стали бороться два чувства—страхъ и любопытство,—страхъ передъ изслѣдованіемъ темной Пещеры и любопытство—нѣтъ ли въ ней какой-либо чудесной тайны.—Se là dentro fusse alcuna miracolosa cosa.
>
> *Леонардо да Винчи.*

I.

Леонардо писалъ въ *Книгѣ о живописи*:

„Для портретовъ имѣй особую мастерскую,—дворъ продолговатый, четырехугольный, шириною въ десять, длиною въ двадцать локтой, со стѣнами, выкрашенными въ черную краску, съ кровельнымъ выступомъ по стѣнамъ и полотнянымъ навѣсомъ, устроеннымъ такъ, чтобы, собираясь или распускаясь, смотря по надобности, служилъ онъ защитой отъ солнца. Не натянувъ полотна, пиши только передъ сумерками или, когда облачно и туманно. Это—свѣтъ совершенный“.

Такой дворъ для писанія портретовъ устроилъ онъ въ домѣ хозяина своего, знатнаго флорентинскаго гражданина, комиссарія Синьоріи Сэръ-Пьеро ди Барто Мартелли, любителя математики, человѣка умнаго и дружески расположеннаго къ Леонардо,—во

*) См. «Міръ Божій», № 9-й, сентябрь.

второмъ домѣ по лѣвой сторонѣ улицы Мартелли, ежели идти отъ площади Санъ-Джіованни къ палаццо Медичи.

Однажды, въ концѣ весны 1505 года, былъ тихій, теплый и туманный день. Солнце просвѣчивало сквозь влажную дымку облаковъ, тусклымъ, точно подводнымъ, свѣтомъ, съ тѣнями нѣжными, тающими, какъ дымъ—любимымъ свѣтомъ Леонардо, придававшимъ, какъ онъ утверждалъ, особенную прелесть женскимъ лицамъ.

„Неужели не придетъ?"—думалъ онъ о той, чей портретъ писалъ почти три года съ небывалымъ для него постоянствомъ и усердіемъ.

Онъ приготовлялъ мастерскую для ея пріема. Джіованни Бельтраффіо украдкой слѣдилъ за нимъ и удивлялся тревогѣ ожиданія, почти нетерпѣнію, которыя были несвойственны всегда спокойному учителю.

Леонардо привелъ въ порядокъ на полкѣ разнообразныя кисти, палитры, горшечки съ красками, которыя, застывъ, подернулись какъ будто льдомъ—свѣтлою корою клея; снялъ полотняный покровъ съ портрета, стоявшаго на выдвижномъ трехногомъ поставѣ—„леджіо"; пустилъ фонтанъ по серединѣ двора, устроенный имъ для *ея* забавы, въ которомъ ниспадавшіе струи, ударяясь о стеклянныя полушарія, вращали ихъ и производили странную, тихую музыку;—вокругъ фонтана росли, его рукой посаженные и взлелѣянные, ея любимые цвѣты—ирисы;—принесъ нарѣзаннаго хлѣба въ корзинѣ для ручной лани, которая бродила тутъ же по двору, и которую она кормила изъ собственныхъ рукъ; поправилъ пушистый коверъ передъ кресломъ изъ гладкаго темнаго дуба съ рѣшетчатою спинкою и налокотниками. На этомъ коврѣ, привычномъ мѣстѣ своемъ, уже свернулся и мурлыкалъ бѣлый котъ очень рѣдкой породы, привезенный изъ Азіи, купленный тоже для ея забавы, съ разноцвѣтными глазами, правымъ—желтымъ, какъ топазъ, лѣвымъ—голубымъ, какъ сапфиръ.

Андрэа Салаино принесъ ноты и началъ настраивать віолу. Пришелъ и другой музыкантъ, Аталанте. Леонардо знавалъ его еще въ Миланѣ, при дворѣ герцога Моро. Особенно хорошо игралъ онъ на изобрѣтенной художникомъ, серебряной лютнѣ, имѣвшей сходство съ лошадинымъ черепомъ.

Лучшихъ музыкантовъ, пѣвцовъ, разсказчиковъ, поэтовъ, самыхъ остроумныхъ собесѣдниковъ приглашалъ художникъ въ свою мастерскую, чтобы они развлекали *её*, во избѣжаніе скуки, свойственной лицамъ тѣхъ, съ кого пишутъ портреты. Онъ изучалъ въ ея лицѣ игру мыслей и чувствъ, возбуждаемыхъ бесѣдами, повѣствованіями и музыкой.

Впослѣдствіи собранія эти сдѣлались рѣже. Онъ зналъ, что они больше не нужны, что она и безъ нихъ не соскучится. Не

прекращалась только музыка, которая помогала обоимъ работать, потому что и *она* принимала участіе въ работѣ надъ своимъ портретомъ.

Все было готово, а она еще не приходила.

„Неужели не придетъ?"—думалъ онъ.—„Сегодня свѣтъ и тѣни, какъ будто нарочно для нея.—Не послать ли? Но она вѣдь знаетъ, какъ я жду.—Должна придти".

И Джіованни видѣлъ, какъ нетерпѣливая тревога его увеличивалась.

Вдругъ легкое дыханіе вѣтра отклонило струю фонтана; стекло зазвенѣло; лепестки бѣлыхъ ирисовъ подъ водяною пылью взрогнули. Чуткая лань, вытянувъ шею, насторожилась. Леонардо прислушался. И Джіованни, хотя самъ ничего еще не слышалъ, по лицу его понялъ, что это—*она*.

Сначала, со смиреннымъ поклономъ, вошла сестра Камилла, монахиня-конвертита, которая жила у нея въ домѣ и каждый разъ сопровождала ее въ мастерскую художника, имѣя свойство стираться, дѣлаться невидимой, скромно усѣвшись въ углу съ молитвенникомъ въ рукахъ, не подымая глазъ, не произнося ни слова, такъ что за три года ихъ посѣщеній Леонардо почти не слыхалъ ея голоса.

Вслѣдъ за Камиллою вошла та, которую здѣсь ожидали всѣ,—женщина лѣтъ тридцати, въ простомъ темномъ платьѣ, съ прозрачно-темной дымкой, опущенной до середины лба,—мона Лиза Джіоконда.

Бельтраффіо зналъ, что она неаполитанка изъ очень древняго рода, дочь нѣкогда богатаго, но, во время французскаго нашествія въ 1495 году, разорившагося вельможи Антоніо Герардини, жена флорентинскаго гражданина Франческо дель Джіокондо. Въ 1491 году вышла за него дочь Маріано Ручеллаи. Черезъ два года она умерла. Онъ женился на Томмазѣ Виллани и послѣ смерти ея уже въ третій разъ—на монѣ Лизѣ. Когда Леонардо писалъ съ нея портретъ, художнику было за пятьдесятъ лѣтъ, а супругу моны Лизы, мессэру Джіокондо, сорокъ пять. Онъ былъ выбранъ однимъ изъ XII буономини, и скоро долженъ былъ сдѣлаться пріоромъ. Это былъ человѣкъ обыкновенный, какихъ много всегда и вездѣ,—ни очень дурной, ни очень хорошій, буднично-дѣловитый, разсчетливый, погруженный въ службу и сельское хозяйство. Изящная молодая женщина казалась ему самымъ пристойнымъ украшеніемъ въ домѣ. Но прелесть моны Лизы была для него менѣе понятной, чѣмъ достоинство новой породы сицилійскихъ быковъ, или выгода таможенной пошлины на сырыя овечьи шкуры. Разсказывали, что замужъ вышла она не по любви, а только по волѣ отца, и что первый женихъ ея нашелъ добро-

вольную смерть на полѣ сраженія. Ходили также слухи, можетъ быть, только сплетни и о другихъ ея страстныхъ, упорныхъ, но всегда безнадежныхъ поклонникахъ. Впрочемъ, злые языки,—а такихъ во Флоренціи было не мало,—не могли сказать ничего дурного о Джіокондѣ. Тихая, скромная, благочестивая, строго соблюдавшая обряды церкви, милосердная къ бѣднымъ, была она доброю хозяйкою, вѣрною женою и не столько мачихой для своей двѣнадцатилѣтней падчерицы Діаноры, сколько нѣжною матерью.

Вотъ все, что̀ зналъ о ней Джіованни. Но мона Лиза, приходившая въ мастерскую Леонардо, казалась ему совсѣмъ другою женщиною.

Въ теченіе трехъ лѣтъ,—время не истощало, а напротивъ, углубляло это странное чувство,—при каждомъ ея появленіи, онъ испытывалъ удивленіе, подобное страху, какъ передъ чѣмъ-то сверхъестественнымъ, призрачнымъ. Иногда объяснялъ онъ чувство это тѣмъ, что до такой степени привыкъ видѣть лицо ея на портретѣ, и столь велико искусство учителя, что живая мона Лиза кажется ему менѣе дѣйствительной, чѣмъ изображенная на полотнѣ. Но тутъ еще было и что-то другое, болѣе таинственное.

Онъ зналъ, что Леонардо имѣетъ случай видѣть ее только во время работы, въ присутствіи другихъ, порою многихъ приглашенныхъ, порою одной, неразлучной съ нею сестры Камиллы,—и никогда наединѣ; а между тѣмъ Джіованни чувствовалъ, что есть у нихъ тайна, которая сближаетъ и уединяетъ ихъ. Онъ также зналъ, что это—не тайна любви, или, по крайней мѣрѣ, не того, что люди называютъ любовью.

Онъ слышалъ отъ Леонардо, что всѣ художники имѣютъ наклонность въ изображаемыхъ ими тѣлахъ и лицахъ подражать собственному тѣлу и лицу. Учитель видѣлъ причину этого въ томъ, что человѣческая душа, будучи создательницей своего тѣла, каждый разъ, какъ ей предстоитъ изобрѣсти новое тѣло, стремится и въ немъ повторить то, что уже нѣкогда было создано ею,—и такъ сильна эта наклонность, что порою даже въ портретахъ, сквозь внѣшнее сходство съ изображаемымъ, мелькаетъ, если не лицо, то, по крайней мѣрѣ, душа самого художника.

Происходившее теперь на глазахъ Джіованни было еще поразительнѣе: ему казалось, что не только изображенная на портретѣ, но и сама живая мона Лиза становится все болѣе и болѣе похожей на Леонардо—какъ это бываетъ у людей, постоянно, долгіе годы живущихъ вмѣстѣ. Впрочемъ, главная сила возраставшаго сходства заключалась не столько въ самихъ чертахъ,—хотя и въ нихъ въ послѣднее время она иногда изумляла его,—сколько въ выраженіи глазъ и въ улыбкѣ. Онъ вспоминалъ съ неизъяснимымъ удивленіемъ, что эту же самую улыбку ви-

дѣлъ у Ѳомы Невѣрнаго, влагающаго руку въ язвы Господа, въ изваяніи Вероккіо, для котораго служилъ образцомъ молодой Леонардо, и у прародительницы Евы передъ Древомъ Познанія въ первой картинѣ учителя, и у Ангела *Дѣвы въ скалахъ*, и у Леды съ лебедемъ, и во многихъ другихъ женскихъ лицахъ, которыя писалъ, рисовалъ и лѣпилъ учитель, еще не зная моны Лизы,—какъ будто всю жизнь, во всѣхъ своихъ созданіяхъ искалъ онъ отраженія собственной прелести и, наконецъ, нашелъ въ лицѣ Джіоконды.

Порой, когда Джіованни долго смотрѣлъ на эту общую улыбку ихъ, становилось ему жутко, почти страшно, какъ передъ чудомъ,—явь казалась сномъ, сонъ явью, — какъ будто мона Лиза была не живой человѣкъ, не супруга флорентинскаго гражданина мессэра Джіоконда, обыкновеннѣйшаго изъ людей, а существо, подобное призракамъ, вызванное волей учителя, — оборотень, женскій двойникъ самого Леонардо.

Джіоконда гладила свою любимицу, бѣлую кошку, которая вскочила къ ней на колѣни; и невидимыя искры перебѣгали по шелковистой шерсти съ чуть слышнымъ трескомъ подъ нѣжными тонкими пальцами.

Леонардо началъ работу. Но вдругъ оставилъ кисть, внимательно всматриваясь въ лицо ея: отъ взоровъ его не ускользала малѣйшая тѣнь или измѣненіе въ этомъ лицѣ.

— Мадонна, — проговорилъ онъ, — вы сегодня чѣмъ-нибудь встревожены?

Джіованни также чувствовалъ, что она менѣе похожа на свой портретъ, чѣмъ всегда.

Лиза подняла на Леонардо спокойный взоръ.

— Да, немного, — отвѣтила она. — Діанора не совсѣмъ здорова. Я всю ночь не спала.

— Можетъ быть,—устали, и вамъ теперь не до моего портрета?—молвилъ художникъ. — Не лучше ли отложить до другого раза?

— Нѣтъ, ничего. Развѣ вамъ не жаль такого дня? Посмотрите, какія нѣжныя тѣни, какое влажное солнце: это мой день!

— Я знала,—прибавила она, помолчавъ,—что вы ждете меня. Пришла бы раньше, да задержали,—мадонна Софонизба...

— Кто такая? Ахъ, да,—знаю... Голосъ, какъ у площадной торговки, и пахнетъ, какъ изъ лавки продавца духовъ...

Джіоконда усмѣхнулась.

— Мадоннѣ Софонизбѣ, — продолжала она, — непремѣнно нужно было разсказать мнѣ о вчерашнемъ праздникѣ въ Палаццо Веккіо у яснѣйшей синьоры Арджентины, жены гонфалоньера, и

чтó именно подавали за ужиномъ, и какіе были наряды, и кто за кѣмъ ухаживалъ...

— Ну, такъ и есть! Не болѣзнь Діаноры, а болтовня этой трещотки разстроила васъ.—Какъ странно! Замѣчали вы, мадонна, что иногда какой-нибудь вздоръ, который мы слышимъ отъ посторонныхъ людей, и до котораго намъ дѣла нѣтъ,—обыкновенная человѣческая глупость или пошлость—внезапно омрачаетъ душу, разстраиваетъ больше, чѣмъ собственное горе?

Она склонила молча голову: видно было, что давно уже привыкли они понимать другъ друга, почти безъ словъ, по одному намеку, по одному взору.

Онъ снова попытался начать работу.

— Разскажите что-нибудь,—проговорила мона Лиза.

— Что?

Немного подумавъ, она сказала:

— О Царствѣ Венеры.

У него было нѣсколько любимыхъ ею разсказовъ, большею частью изъ собственныхъ или чужихъ воспоминаній, путешествій, наблюденій надъ природою, замысловъ картинъ. Онъ разсказывалъ ихъ почти всегда одними и тѣми же словами, простыми, полудѣтскими, подъ звуки тихой музыки.

Леонардо сдѣлалъ знакъ и, когда Андрэа Салаино на віолѣ, Аталанте на серебряной лютнѣ, подобной лошадиному черепу, заиграли то, что было заранѣе выбрано и неизмѣнно сопровождало разсказъ о *Царствѣ Венеры*, началъ своимъ тонкимъ женственнымъ голосомъ, какъ старую сказку или колыбельную пѣсню:

— Корабельщики, живущіе на берегахъ Киликіи, увѣряютъ, будто бы тѣмъ, кому суждено погибнуть въ волнахъ, иногда во время самыхъ страшныхъ бурь, случается видѣть островъ Кипръ, царство богини любви. Вокругъ бушуютъ волны, вихри, смерчи, и многіе мореходы, привлекаемые прелестью этого острова, сломали корабли свои объ утесы, окруженные водоворотами. О, сколько ихъ разбилось, сколько потонуло въ пучинѣ! Тамъ, на берегу еще виднѣются ихъ жалобные остовы, полузасыпанные пескомъ, обвитые морскими травами: одни выставляютъ носъ, другіе—корму, одни — зіяющія бревна боковъ, подобныя чернымъ ребрамъ полусгнившихъ труповъ, другіе—обломки руля. И такъ ихъ много, что это похоже на день Воскресенія, когда море отдастъ всѣ погибшіе въ немъ корабли. А надъ самымъ островомъ — вѣчно голубое небо, сіяніе солнца на холмахъ, покрытыхъ цвѣтами, и въ воздухѣ такая тишина, что длинное пламя курильницъ на ступеняхъ передъ храмомъ тянется къ небу, столь же прямое, недвижное, какъ мраморныя бѣлыя колонны и черные исполинскіе кипарисы, отраженные въ зеркально-

гладкомъ озерѣ. Только струи водометовъ, переливаясь через край и стекая изъ одной порфировой чаши въ другую, сладко и тихо журчатъ. И утопающіе въ морѣ видятъ это близкое, тихое озеро; вѣтеръ приноситъ имъ благовоніе миртовыхъ рощъ,—и чѣмъ страшнѣе буря, тѣмъ глубже тишина въ царствѣ Киприды.

Онъ умолкъ; струны лютни и віолы замерли, и наступила та тишина, которая прекраснѣе всякихъ звуковъ,—тишина послѣ музыки. Только струи немолчнаго фонтана журчали, ударяясь о стеклянныя полушарія.

И, какъ будто убаюканная музыкой, огражденная тишиною отъ дѣйствительной жизни, — ясная, чуждая всему, кромѣ воли художника,—мона Лиза смотрѣла ему прямо въ глаза съ улыбкою, полною тайны,—какъ тихая вода, совершенно прозрачная, но такая глубокая, что сколько бы взоръ ни погружался въ нее, какъ бы ни испытывалъ, дна не увидитъ,—съ его собственною улыбкою.

И Джіованни казалось, что теперь Леонардо и мона Лиза—подобны двумъ зеркаламъ, которыя, отражаясь одно въ другомъ, углубляются до безконечности.

II.

На слѣдующій день утромъ, художникъ работалъ въ Палаццъ Веккіо надъ „Битвой при Ангіари".

Въ 1503 году, пріѣхавъ изъ Рима во Флоренцію, получилъ онъ заказъ отъ пожизненнаго Гонфалоньера, тогдашняго верховнаго правителя республики, Пьеро Содерини—изобразить какую-либо достопамятную битву на стѣнѣ новой Залы Совѣта во дворцѣ Синьоріи, въ Палаццо Веккіо. Художникъ выбралъ знаменитую побѣду флорентинцевъ при Ангіари, въ 1440 году, надъ Никколò Пичинино, военачальникомъ герцога Ломбардіи Филиппо Марія Висконти.

На стѣнѣ Залы Совѣта была уже часть картины: четыре всадника сцѣпились и дерутся изъ-за боевого знамени: на концѣ длинной палки треплется лохмотье; древко сломано и готово разлетѣться въ щепки. Пять рукъ ухватились за него и съ яростью тащутъ въ разныя стороны. Въ воздухѣ скрещены сабли. По тому, какъ рты разинуты, видно, что неистовый крикъ вылетаетъ изъ нихъ. Искаженныя человѣческія лица не менѣе страшны, чѣмъ звѣриныя морды баснословныхъ чудовищъ на мѣдныхъ панцыряхъ. Люди заразили коней своимъ бѣшенствомъ: они взвились на дыбы, сцѣпились передними ногами и съ прижатыми ушами, сверкая дико-скошеннымъ зрачкомъ, оскаливъ зубы, какъ хищные звѣри, грызутся. Внизу, въ кровавой грязи, подъ ко-

пытами коней, одинъ человѣкъ убиваетъ другого, схвативъ его за волосы, ударяя головой о землю и не замѣчая, что тотчасъ они оба вмѣстѣ будутъ раздавлены.

Это—война во всемъ ужасѣ,—безсмысленная бойня, „самая звѣрская изъ глупостей“—„pazzia bestialissima“, по выраженію Леонардо, которая „не оставляетъ ни одного ровнаго мѣста на землѣ, гдѣ бы не было слѣдовъ, наполненныхъ кровью“.

Только что началъ художникъ работу, по звонкому, кирпичному полу пустынной залы послышались шаги. Онъ узналъ ихъ и, не оборачиваясь, поморщился.

То былъ Пьеро Содерини, одинъ изъ тѣхъ людей, о которыхъ Никколо̀ Макіавелли говорилъ, что они—ни холодные, ни горячіе,—только теплые, ни черные, ни бѣлые—только сѣрые. Флорентинскіе граждане, потомки разбогатѣвшихъ лавочниковъ, вылѣзшихъ въ знать, избрали его въ вожди республики, какъ равнаго всѣмъ, какъ совершенную посредственность, безразличную и безопасную для всѣхъ, надѣясь, что онъ будетъ послушнымъ орудіемъ ихъ воли. Но они ошиблись. Содерини оказался другомъ бѣдныхъ, защитникомъ народа. Этому, впрочемъ, никто не придавалъ особаго значенія. Онъ былъ все-таки слишкомъ ничтоженъ: вмѣсто государственныхъ способностей, была у него чиновничья старательность, вмѣсто ума — благоразуміе, вмѣсто добродѣтели—добродушіе. Всѣмъ было извѣстно, что его супруга, надменная и неприступная мадонна Арджентина, не скрывавшая своего презрѣнія къ мужу, иначе не называла его, какъ „моя крыса“. И въ самомъ дѣлѣ мессэръ Пьеро напоминалъ старую, почтенную крысу канцелярскаго подполья. У него не было даже той ловкости, врожденной пошлости, которыя необходимы правителямъ, какъ сало для колесъ государственной машины. Въ республиканской честности своей былъ онъ сухъ, твердъ, прямъ и плосокъ, какъ доска, — столь неподкупенъ и чистъ, что, по выраженію Макіавелли, отъ него „пахло чистотой, какъ отъ только что вымытаго бѣлья“. Желая всѣхъ примирить, онъ только всѣхъ раздражалъ. Богатымъ не угодилъ, бѣднымъ не помогъ. Вѣчно садился между двумя стульями, попадалъ между двухъ огней. Былъ мученикъ золотой середины. Однажды Макіавелли, которому Содерини покровительствовалъ, сочинилъ на него эпиграмму въ видѣ надгробной надписи:

Въ ту ночь, какъ умеръ Пьеро Содерини,
Душа его толкнулась было въ адъ.
«Куда ты, глупая?»—Плутонъ ей крикнулъ—
«Ступай-ка въ средній кругъ для маленькихъ дѣтей!»

Принимая заказъ, Леонардо долженъ былъ подписать очень стѣснительный договоръ съ неустойкою въ случаѣ малѣйшей про-

срочки. Великолѣпные синьоры отстаивали свои выгоды, какъ лавочники. Большой любитель канцелярской переписки, Содерини докучалъ ему своими требованіями отчетности во всякомъ сольди, выданномъ изъ казначейства на постройку лѣсовъ, на покупку лака, соды, извести, красокъ, льняного масла и на другія мелочи. Никогда на службѣ „тиранновъ“, какъ презрительно выражался гонфалоньеръ,—при дворѣ герцога Моро и Цезаря Борджіа, не испытывалъ Леонардо такого рабства, какъ на службѣ народа, въ свободной республикѣ, въ царствѣ мѣщанскаго равенства. И хуже всего было то, что, подобно большинству людей бездарныхъ и невѣжественныхъ въ искусствѣ, мессэръ Пьеро имѣлъ страсть давать совѣты художникамъ.

Содерини обратился къ Леонардо съ вопросомъ о деньгахъ, выданныхъ на покупку тридцати пяти фунтовъ александрійскихъ бѣлилъ и не записанныхъ въ отчетѣ. Художникъ признался, что бѣлилъ не покупалъ, забылъ, на что истратилъ деньги и предложилъ возвратить ихъ въ казну.

— Что вы, что вы! Помилуйте, мессэръ Леонардо. Я вѣдь такъ только напоминаю, для порядка и точности. Вы ужъ съ насъ не взыщите. Сами видите: мы люди маленькіе, скромные. Можетъ быть, въ сравненіи съ щедростью такихъ великолѣпныхъ государей, какъ Сфорца и Борджіа, бережливость наша кажется вамъ скупостью. Но что же дѣлать? По одёжкѣ протягивай ножки. Мы вѣдь не самодержцы, а только слуги народа и обязаны ему отчетомъ въ каждомъ сольди, ибо, сами знаете, казенныя деньги— дѣло святое, тутъ и лепта вдовицы, и капли пота честнаго труженика, и кровь солдата. Государь одинъ,—насъ же много, и всѣ мы равны передъ закономъ. Такъ-то, мессэръ Леонардо! Тиранны платили вамъ золотомъ, мы же только мѣдью; но не лучше ли мѣдь свободы, чѣмъ золото рабства, и не выше ли всякой награды спокойная совѣсть?

Художникъ слушалъ, молча, дѣлая видъ, что соглашается. Онъ ждалъ, чтобы рѣчь Содерини кончилась, съ унылою покорностью, какъ путникъ на большой дорогѣ, застигнутый вихремъ пыли, ждетъ, наклонивъ голову и зажмуривъ глаза. Въ этихъ обыкновенныхъ мысляхъ обыкновенныхъ людей чувствовалъ Леонардо силу слѣпую, глухую, неумолимую, подобную силамъ природы, съ которыми спорить нельзя, и хотя на первый взглядъ онѣ казались только плоскими, но, глубже вдумываясь въ нихъ, испытывалъ онъ такое ощущеніе, какъ будто заглядывалъ въ страшную пустоту, въ головокружительную бездну.

Содерини увлекся. Ему хотѣлось вызвать противника на споръ. Чтобы задѣть его за живое, заговорилъ онъ о живописи.

Надѣвъ серебряные круглые очки, съ важнымъ видомъ знатока началъ онъ разсматривать оконченную часть картины.

— Превосходно! Удивительно! Что за лѣпка мускуловъ, какое знаніе перспективы. А лошади, лошади,—точно живыя!

Потомъ взглянулъ на художника поверхъ очковъ, добродушно и строго, какъ учитель на способнаго, но недостаточно прилежнаго ученика:

— А все-таки, мессэръ Леонардо, я и теперь скажу вамъ то, что уже много разъ говорилъ: если вы кончите, какъ начали, впечатлѣніе будетъ слишкомъ тяжелое, удручающее, и—вы ужъ на меня не сердитесь, почтеннѣйшій, за мою откровенность, я вѣдь всегда говорю людямъ правду въ глаза, — не на то мы надѣялись.

— На что же вы надѣялись?—спросилъ художникъ съ робкимъ любопытствомъ.

— А на то, что вы увѣковѣчите въ потомствѣ военную славу республики, изобразите достопамятные подвиги нашихъ героевъ,—что-нибудь такое, знаете? что, возвышая души людей, могло бы имъ подать благой примѣръ любви къ отечеству и доблестей гражданскихъ. Пусть война въ дѣйствительности такова, какъ вы ее представили. Но почему же, спрошу я васъ, мессэръ Леонардо, почему не облагородить, не украсить или, по крайней мѣрѣ, не смягчить нѣкоторыхъ крайностей, — ибо мѣра нужна во всемъ. Можетъ быть, я ошибаюсь, но кажется мнѣ, что истинное назначеніе художника состоитъ именно въ томъ, чтобы, наставляя и поучая, приносить пользу народу.

Заговоривъ о пользѣ народа, онъ уже не могъ остановиться. Глаза его сверкали вдохновеніемъ здраваго смысла; въ однообразномъ звукѣ словъ было упорство капли, которая точитъ камень.

Художникъ слушалъ, молча, въ оцѣпенѣніи, и только порой, когда, очнувшись, старался представить себѣ, чтó собственно думаетъ этотъ добродѣтельный человѣкъ объ искусствѣ,—ему дѣлалось жутко, какъ будто входилъ онъ въ тѣсную, темную комнату, переполненную людьми, съ такимъ спертымъ воздухомъ, что нельзя въ немъ пробыть ни мгновенія, не задохнувшись.

— Искусство, которое не приноситъ пользы народу,—говорилъ мессэръ Пьеро,—есть забава праздныхъ людей, тщеславная прихоть богатыхъ, или роскошь тиранновъ. Не такъ ли, почтеннѣйшій?

— Конечно, такъ,—согласился Леонардо и потомъ прибавилъ съ чуть замѣтной усмѣшкой въ глазахъ.

— А знаете ли, синьоре? Вотъ чтó слѣдовало бы сдѣлать намъ, дабы прекратить нашъ давній споръ: пусть бы въ этой самой Залѣ Совѣта на общемъ народномъ собраніи рѣшили граждане

флорентинской республики бѣлыми и черными шарами, по большинству голосовъ—можетъ ли моя картина принести пользу народу или не можетъ? Тутъ двойная выгода: во-первыхъ, достовѣрность математическая, ибо стоитъ только сосчитать голоса, чтобы знать истину. А во-вторыхъ, всякому свѣдущему и умному человѣку, ежели онъ одинъ, свойственно заблуждаться, тогда какъ десятъ, двадцать тысячъ невѣждъ или глупцовъ, сошедшихся вмѣстѣ, ошибиться не могутъ, ибо гласъ народа — гласъ Божій.

Содерини сразу не понялъ. Онъ такъ благоговѣлъ передъ священнодѣйствіемъ бѣлыхъ и черныхъ шаровъ, что ему въ голову не пришло, чтобы кто-нибудь могъ себѣ позволить насмѣшку надъ этимъ таинствомъ. Когда же понялъ, то уставился на художника съ тупымъ удивленіемъ, почти съ испугомъ, и маленькіе, подслѣповатые, круглые глазки его запрыгали, забѣгали, какъ у крысы, почуявшей кошку.

Онъ скоро, впрочемъ, оправился. По врожденной склонности ума своего, смотрѣлъ гонфалоньеръ на всѣхъ вообще художниковъ, какъ на людей, лишенныхъ здраваго смысла, невмѣняемыхъ, и потому шуткой Леонардо не оскорбился.

Но ему было грустно: онъ считалъ себя благодѣтелемъ этого человѣка, ибо, не смотря на слухи о государственной измѣнѣ Леонардо, о военныхъ картахъ съ окрестностей Флоренціи, которыя художникъ будто бы снималъ для Цезаря Борджіа, врага отечества, онъ, Содерини великодушно принялъ его на службу республики, надѣясь на доброе свое вліяніе и на раскаяніе Леонардо.

Перемѣнивъ разговоръ, мессэръ Пьеро уже съ дѣловымъ начальническимъ видомъ объявилъ ему между прочимъ, что Микель-Анжело Буонаротти получилъ заказъ написать военную картину на противоположной стѣнѣ той же Залы Совѣта, — сухо простился и ушелъ.

Художникъ посмотрѣлъ ему въ слѣдъ: сѣренькій, сѣденькій, съ кривыми ногами, круглою спиною,—издали онъ еще болѣе напоминалъ крысу.

III.

Выходя изъ Палаццо Веккіо, остановился Леонардо на площади передъ Давидомъ Микель-Анжело.

Здѣсь, у воротъ флорентинской ратуши, какъ бы на стражѣ, стоялъ онъ, этотъ исполинъ изъ бѣлаго мрамора, выдѣляясь на темномъ камнѣ строгой и стройной башни.

Голое отроческое тѣло было худощаво. Правая рука съ пращею

свѣсилась, такъ что выступили жилы; лѣвая, поднятая передъ грудью, держала камень. Брови были сдвинуты, и взоръ устремленъ въ даль, какъ у человѣка, который цѣлится. Надъ низкимъ лбомъ кудри сплелись, какъ вѣнецъ.

И Леонардо вспомнилъ слова Первой Книги Царствъ.

„Сказалъ Давидъ Саулу: рабъ твой пасъ овецъ у отца своего, и когда, бывало, приходилъ левъ или медвѣдь, и уносилъ овцу изъ стада, то я гнался за нимъ и нападалъ на него, и отнималъ изъ пасти его, а если онъ бросался на меня, то я бралъ его за космы и поражалъ его, и умерщвлялъ его. И льва, и медвѣдя убивалъ рабъ твой, и съ этимъ филистимляниномъ необрѣзаннымъ будетъ то же, что съ ними.—И взялъ посохъ свой въ руку свою и выбралъ себѣ пять гладкихъ камней изъ ручья, и положилъ ихъ въ пастушескую сумку, и съ сумкою, и съ пращею въ рукѣ своей выступилъ противъ филистимлянина. И сказалъ филистимлянинъ Давиду: что ты идешь на меня съ палкою и съ камнями? развѣ я собака? И сказалъ Давидъ: нѣтъ, но хуже собаки. Нынѣ предастъ тебя Господь въ руку мою, и я убью тебя, и сниму съ тебя голову твою, и отдамъ трупъ твой и трупы войска филистимскаго птицамъ небеснымъ и звѣрямъ земнымъ, и узнаетъ вся земля, что есть Богъ во Израилѣ“.

На площади, гдѣ былъ сожженъ Савонарола, Давидъ Микель-Анжело казался тѣмъ самымъ Пророкомъ, котораго тщетно звалъ Джироламо, тѣмъ Героемъ, котораго ждалъ Макіавелли.

Въ этомъ созданіи своего соперника Леонардо чувствовалъ душу, быть можетъ, равную своей душѣ, но навѣки противоположную, какъ дѣйствіе противоположно созерцанію, страсть — безстрастью, буря — тишинѣ. И эта чуждая сила влекла его къ себѣ, возбуждала въ немъ любопытство, желаніе приблизиться къ ней, чтобы познать ее до конца.

Въ строительныхъ складахъ флорентинскаго собора Маріи дель Фіоре лежала огромная глыба бѣлаго мрамора, испорченная однимъ неискуснымъ ваятелемъ. Лучшіе мастера отказывались отъ нея, полагая, что она уже ни на что не годится.

Когда Леонардо пріѣхалъ изъ Рима, ее предложили ему. Но пока, съ обычною медлительностью, обдумывалъ онъ, вымѣривалъ, высчитывалъ и колебался, другой художникъ, на двадцать три года моложе его, Микель-Анжело Буонаротти перехватилъ заказъ и съ неимовѣрною быстротою, работая не только днемъ, но и ночью при огнѣ, кончилъ своего Исполина въ теченіи двадцати пяти мѣсяцевъ. Шестнадцать лѣтъ Леонардо работалъ надъ памятникомъ Сфорца, глинянымъ Колоссомъ, а сколько времени понадобилось бы ему для мрамора такой величины, какъ Давидъ, онъ и подумать не смѣлъ.

*

Флорентинцы объявили Микель-Анжело въ искусствѣ ваянія соперникомъ Леонардо. И Буонаротти безъ колебанія принялъ вызовъ.

Теперь, приступая къ военной картинѣ въ Залѣ Совѣта, хотя до тѣхъ поръ почти не бралъ кистей въ руки, съ отвагою, которая могла казаться безразсудною, начиналъ онъ состязаніе съ Леонардо и въ живописи.

Чѣмъ большую кротость и благоволеніе встрѣчалъ Буонаратти въ соперникѣ, тѣмъ безпощаднѣе становилась ненависть его. Спокойствіе Леонардо казалась ему презрѣніемъ. Съ болѣзненною мнительностью, прислушивался онъ къ сплетнямъ, выискивалъ предлоговъ для ссоръ, пользовался каждымъ случаемъ, чтобы уязвить врага.

Когда оконченъ былъ Давидъ, синьоры пригласили лучшихъ флорентинскихъ живописцевъ и ваятелей для совѣщанія о томъ, куда его поставить. Леонардо присоединился къ мнѣнію зодчаго Джульяно да-Санъ-Галло, что слѣдуетъ помѣстить Гиганта на площади Синьоріи въ глубинѣ лоджіи Орканьи подъ среднею аркою. Узнавъ объ этомъ, Микель-Анжело объявилъ, что Леонардо изъ зависти хочетъ спрятать Давида въ самый темный уголъ такъ, чтобы солнце никогда не освѣщало мрамора, и чтобы никто не могъ его видѣть.

Однажды въ мастерской, во дворѣ съ черными стѣнами, гдѣ писалъ Леонардо портретъ Джіоконды, на одномъ изъ обычныхъ собраній, въ присутствіи многихъ мастеровъ, между прочимъ, братьевъ Поллайоли, старика Сандро Боттичели, Филиппино Липи, Лоренцо ди Креди, учениковъ Перуджино, зашла рѣчь о томъ, какое искусство выше, ваяніе или живопись,—любимый въ то время среди художниковъ, отвлеченный, схоластическій споръ.

Леонардо слушалъ, молча. Когда же приступили къ нему съ вопросами, отвѣтилъ:

— Я полагаю, что искусство тѣмъ совершеннѣе, чѣмъ дальше отъ ремесла.

И съ двусмысленной, скользящей улыбкой своей, такъ что трудно было рѣшить, искренно ли онъ говоритъ или только смѣется, прибавилъ:

— Главное отличіе этихъ двухъ искусствъ заключается въ томъ, что живопись требуетъ бо́льшихъ усилій духа, ваяніе— тѣла. Образъ, заключенный, какъ ядро, въ грубомъ и твердомъ камнѣ, ваятель медленно освобождаетъ, высѣкаетъ изъ мрамора ударами рѣзца и молота, съ напряженіемъ всѣхъ тѣлесныхъ силъ, съ великою усталостью, какъ поденьщикъ, обливаясь по́томъ, который, смѣшиваясь съ пылью, становится грязью. И лицо у него замарано, обсыпано мраморною бѣлою мукою, какъ у пекаря, одежда

покрыта осколками, точно снѣгомъ, домъ наполненъ камнями и пылью. Тогда какъ живописецъ въ совершенномъ спокойствіи, въ изящной одеждѣ, сидя въ мастерской, водитъ легкою кистью съ пріятными красками. И домъ у него — свѣтлый, чистый, наполненный прекрасными картинами; всегда въ немъ тишина, и работа его услаждается музыкою, или бесѣдою, или чтеніемъ, которыхъ не мѣшаютъ ему слушать ни стукъ молотковъ, ни другіе докучные звуки.

Слова Леонардо были переданы Микель-Анжело, который принялъ ихъ на свой счетъ, но, заглушая злобу, только пожалъ плечами и возразилъ съ ядовитою усмѣшкой:

— Пусть мессэръ да-Винчи, незаконный сынъ трактирной служанки, корчитъ изъ себя бѣлоручку и нѣженку. Я—потомокъ древняго честнаго рода, не стыжусь моей черной работы, не брезгаю пѳтомъ и грязью, какъ простой поденщикъ. Что же касается до преимуществъ ваянія или живописи, то это споръ нелѣпый: искусства всѣ равны, вытекая изъ одного источника и стремясь къ одной цѣли. А ежели тотъ, кто утверждаетъ, будто бы живопись благороднѣе ваянія, столь же свѣдущъ и въ другихъ предметахъ, о которыхъ берется судить, то едва ли онъ смыслитъ въ нихъ больше, чѣмъ моя судомойка.

Съ лихорадочной поспѣшностью принялся Микель-Анжело за картину въ Залѣ Совѣта, желая догнать соперника, что̀ впрочемъ, было не трудно.

Онъ выбралъ случай изъ войны съ пизанцами: въ жаркій лѣтній день, флорентинскіе солдаты купаются въ Арно; вдругъ забили тревогу—показались враги; солдаты торопятся на берегъ, вылѣзаютъ изъ воды, гдѣ усталыя тѣла ихъ нѣжились въ прохладѣ, и, покорные долгу, натягиваютъ потное, пыльное платье, одѣваются въ мѣдные, раскаленные солнцемъ, брони и панцыри.

Такъ, возражая на картину Леонардо, изобразилъ Микель-Анжело войну не какъ безсмысленную бойню—„самую звѣрскую изъ глупостей“, но какъ мужественный подвигъ, совершеніе вѣчнаго долга—борьбу героевъ изъ-за славы и величія родины.

За этимъ поединкомъ Леорнадо и Микель-Анжело слѣдили флорентинцы съ любопытствомъ, свойственнымъ толпѣ при соблазнительныхъ зрѣлищахъ. И такъ какъ все, въ чемъ не было политики, казалось имъ прѣснымъ, какъ блюдо безъ перца и соли, поспѣшили они объявить, что Микель-Анжело стоитъ за республику противъ Медичи, Леонардо—за Медичи противъ республики. И споръ, сдѣлавшись понятнымъ для всѣхъ, разгорѣлся съ новою силою, перенесенъ былъ изъ домовъ на улицы, площади, и участіе въ немъ приняли тѣ, кому не было никакого

дѣла до искусства. Произведенія Леонардо и Микель-Анжело стали боевыми знаменами двухъ враждующихъ лагерей.

Дошло до того, что по ночамъ неизвѣстные люди стали швырять камнями въ Давида. Знатные граждане обвиняли въ этомъ народъ, вожаки народа—знатныхъ гражданъ, художники—учениковъ Перуджино, открывшаго недавно мастерскую во Флоренціи, а Буонаротти въ присутствіи гонфалоньера объявилъ, что негодяевъ, швырявшихъ камнями въ Давида, подкупилъ его соперникъ Леонардо.

И многіе этому повѣрили, или, по крайней мѣрѣ, притворились, что вѣрятъ.

Однажды во время работы надъ портретомъ Джіоконды,—въ мастерской никого не было кромѣ Джіованни и Салаино,—когда зашла рѣчь о Микель-Анжело, Леонардо сказалъ монѣ Лизѣ:

— Мнѣ кажется иногда, что если бы я поговорилъ съ нимъ съ глазу на глазъ, все объяснилось бы само собою, и не осталось бы слѣда отъ этой глупой ссоры: онъ понялъ бы, что я ему не врагъ и что нѣтъ человѣка, который бы могъ полюбить его, какъ я.

Мона Лиза покачала головою:

— Полно, такъ ли, мессэръ Леонардо? Понялъ ли бы онъ?

— Понялъ бы,—воскликнулъ художникъ.—Не можетъ такой человѣкъ не понять! Все горе въ томъ, что онъ слишкомъ робокъ и не увѣренъ въ себѣ. Мучится, ревнуетъ и боится, потому что самъ еще не знаетъ силы своей. Это бредъ и безуміе! Я сказалъ бы ему все, и онъ успокоился бы. Ему ли бояться меня? Знаете ли, мадонна,—намедни, когда я увидѣлъ его рисунокъ для Купающихся Воиновъ, я глазамъ своимъ не повѣрилъ. Никто и представить себѣ не можетъ, кто онъ, и чѣмъ онъ будетъ. Я знаю, что онъ уже и теперь, не только равенъ мнѣ, но сильнѣе, да, да, я это чувствую, сильнѣе меня!

Она посмотрѣла на него тѣмъ взоромъ, который, казалось Джіованни, отражалъ въ себѣ взоръ Леонардо, какъ въ зеркалѣ,—и улыбнулась тихою, странною улыбкою.

— Мессэре,—молвила она,—помните мѣсто въ Священномъ Писаніи, гдѣ Богъ говоритъ Иліѣ пророку, бѣжавшему отъ нечестиваго царя Ахава въ пустыню на гору Хоривъ: „выйди и стань на горѣ предъ лицомъ Господнимъ. И вотъ Господь пройдетъ, и большой, и сильный вѣтеръ, раздирающій горы и сокрушающій скалы—предъ Господомъ; но не въ вѣтрѣ Господь. Послѣ вѣтра—землетрясеніе; но не въ землетрясеніи Господь; послѣ землетрясенія—огонь; но не въ огнѣ Господь. Послѣ огня—вѣяніе тихаго вѣтра,—и тамъ Господь“. Можетъ быть, мессэръ Буонаротти силенъ, какъ вѣтеръ, раздирающій горы и сокрушающій

скалы предъ Господомъ. Но нѣтъ у него тишины, въ которой Господь. И онъ это знаетъ и ненавидитъ васъ за то, что вы сильнѣе его—какъ тишина сильнѣе бури.

Въ часовнѣ Бранкачи, въ зарѣчной старой церкви Марія дель-Кармине, гдѣ были знаменитыя фрески Томмазо Мазаччіо, школа всѣхъ великихъ мастеровъ Италіи,—по нимъ учился нѣкогда и Леонардо,—увидѣлъ онъ однажды незнакомаго юношу, почти мальчика, который изучалъ и срисовывалъ эти фрески. На немъ былъ замаранный красками, старый черный камзолъ, бѣлье чистое, но грубое, должно быть, домашняго издѣлія. Онъ былъ строенъ, гибокъ, съ тонкою шеей, необычайно бѣлою, нѣжною и длинною, какъ у малокровныхъ болѣзненныхъ дѣвушекъ, съ немного жеманною и слащавою прелестью продолговато-круглаго, какъ яичко, прозрачно-блѣднаго лица, съ большими черными глазами, какъ у поселянокъ Умбріи, съ которыхъ Перуджино писалъ своихъ Мадоннъ,—глазами, чуждыми мысли, глубокими и пустыми, какъ небо.

Черезъ нѣкоторое время Леонардо снова встрѣтилъ его въ монастырѣ Марія-Новелла, въ Залѣ Папы. гдѣ выставленъ былъ картонъ для Битвы Ангіари. Юноша изучалъ и срисовывалъ этотъ картонъ такъ же усердно, какъ фрески Мазаччіо. Должно быть, теперь уже зная Леонардо въ лицо, онъ впился въ него глазами, видимо желая и не смѣя съ нимъ заговорить.

Замѣтивъ это, учитель самъ подошелъ къ нему. Торопясь, волнуясь, краснѣя, съ чуть-чуть навязчивою, но дѣтски-невинною вкрадчивостью, молодой человѣкъ объявилъ ему, что считаетъ его своимъ учителемъ, величайшимъ изъ мастеровъ Италіи, и что Микель-Анжело недостоенъ развязать ремень обуви у Леонардо.

Еще нѣсколько разъ встрѣчался онъ съ этимъ юношей, подолгу бесѣдовалъ, разсматривалъ его рисунки, и, чѣмъ больше узнавалъ его, тѣмъ больше убѣждался, что это будущій великій мастеръ.

Чуткій и отзывчивый, какъ эхо, на всѣ голоса податливый на всѣ вліянія, какъ женщина,—подражалъ онъ и Перуджино, и Пинтуриккіо, у котораго недавно работалъ въ Сіенскомъ Книгохранилищѣ, въ особенности же Леонардо. Но подъ этою незрѣлостью учитель угадывалъ въ немъ такую свѣжесть чувства, какой еще ни въ комъ никогда не встрѣчалъ. Всего же больше удивляло его то, что этотъ мальчикъ проникалъ въ глубочайшія тайны искусства и жизни, какъ будто нечаянно, самъ того не желая,—побѣждалъ величайшія трудности, съ легкостью, точно играя. Все ему давалось даромъ, какъ будто вовсе не было для него въ художествѣ тѣхъ безконечныхъ поисковъ, трудовъ, усилій, колебаній, недоумѣній, которыя были му-

кой и проклятьемъ всей жизни Леонардо. И когда учитель говорилъ ему о необходимости медленнаго, терпѣливаго изученія природы, о математически-точныхъ правилахъ и законахъ живописи, юноша смотрѣлъ ему въ глаза своими большими, удивленными и бездумными глазами, видимо скучая и внимательно слушая только изъ уваженія къ учителю.

Однажды сорвалось у него слово, которое изумило, почти испугало Леонардо своей глубиною:

— Я замѣтилъ, что когда пишешь,—думать не надо: тогда лучше выходитъ.

Какъ будто всѣмъ существомъ своимъ говорилъ ему этотъ мальчикъ, что того единства, той совершенной гармоніи чувства и разума, любви и познанія, которыхъ учитель искалъ,—вовсе нѣтъ и быть не можетъ.

И передъ кроткою, безмятежною, безмысленною ясностью его Леонардо испытывалъ бóльшія сомнѣнія, большій страхъ за грядущія судьбы искусства, за дѣло всей своей жизни, чѣмъ передъ возмущеніемъ и ненавистью Буонаротти.

— Откуда ты, сынъ мой?—спросилъ онъ его въ одно изъ первыхъ свиданій,—кто отецъ твой и какъ твое имя?

— Я родомъ изъ Урбино,—отвѣтилъ юноша со своею ласковой, немного приторной улыбкой.—Отецъ мой—живописецъ Джіованни Санціо. Имя мое—Рафаэль.

IV.

Въ это время Леонардо принужденъ былъ покинуть Флоренцію по важному дѣлу.

Съ незапамятныхъ временъ республика вела войну съ сосѣднимъ городомъ Пизою,—безконечную, безпощадную, изнурительную для обоихъ городовъ.

Однажды въ бесѣдѣ съ Макіавелли художникъ разсказалъ ему военный замыселъ — направить воды Арно изъ стараго въ новое русло, отвести ихъ отъ Пизы въ Ливурнское болото посредствомъ каналовъ, дабы, отрѣзавъ осажденный городъ отъ сообщенія съ моремъ и прекративъ подвозъ съѣстныхъ припасовъ, принудить къ сдачѣ. Никколó, со свойственнымъ ему пристрастіемъ ко всему необычайному, плѣнился этимъ замысломъ и сообщилъ его гонфалоньеру, отчасти убѣдилъ, увлекъ и отуманилъ его своимъ краснорѣчіемъ, ловко задѣвъ самолюбіе мессэра Пьеро, чьей бездарности въ послѣднее время многіе приписывали всѣ неудачи Пизанской войны,—отчасти обманулъ, скрывъ дѣйствительныя издержки и трудности предпріятія. Когда гонфалоньеръ предложилъ этотъ планъ Совѣту Десяти,—его едва не

подняли на смѣхъ. Онъ обидѣлся, рѣшилъ доказать, что у него не меньше здраваго смысла, чѣмъ у кого бы то ни было, и началъ дѣйствовать съ такимъ упорствомъ, что добился своего, благодаря усердной помощи враговъ своихъ, которые подали голоса за предложеніе, казавшееся имъ верхомъ нелѣпости, чтобы погубить мессэра Пьеро. Отъ Леонардо Макіавелли, до поры до времени, скрылъ свои хитрости, разсчитывая на то, что впослѣдствіи, окончательно втянувъ въ это дѣло Содерини, станетъ онъ вертѣть имъ, какъ пѣшкою, и достигнетъ всего, что имъ нужно.

Начало работъ казалось удачнымъ. Уровень воды въ рѣкѣ понизился. Но скоро обнаружились трудности, которыя требовали все бо̀льшихъ и бо̀льшихъ издержекъ, а бережливые синьоры торговались изъ-за каждаго сольда.

Лѣтомъ 1505 года, рѣка, вышедшая изъ береговъ, послѣ сильнаго грозового ливня, разрушила часть плотины. Леонардо былъ вызванъ на мѣсто работъ.

За день до отъѣзда, возвращаясь домой изъ-за Арно отъ Макіавелли, съ которымъ бесѣдовалъ по этому дѣлу, и который ужаснулъ его своими признаніями, художникъ переходилъ черезъ мостъ Санта Тринитà по направленію къ улицѣ Торнабуони.

Время было позднее. Прохожихъ мало. Тишина нарушалась только шумомъ воды на мельничной плотинѣ за Понте-áлла-Карайя. День былъ жаркій. Но передъ вечеромъ прошелъ дождь и освѣжилъ воздухъ. На мосту пахло теплою лѣтнею водою. Изъ-за чернаго холма Санъ-Миньято подымался мѣсяцъ. Справа по набережной Понте Веккіо маленькіе ветхіе домики съ неровными выступами на кривыхъ деревянныхъ подпоркахъ, отражались, какъ въ зеркалѣ, въ мутно-зеленой водѣ, углубленной и утишенной запрудою. Слѣва, надъ предгорьями Монте-Альбано, лиловыми и нѣжными, дрожала одинокая звѣзда.

Обликъ Флоренціи вырѣзывался въ чистомъ небѣ, подобно заглавному рисунку на тускломъ золотѣ старинныхъ книгъ,—обликъ единственный въ мірѣ, знакомый, какъ живое лицо человѣка: сначала къ сѣверу древняя колокольня Санта-Кроче, потомъ прямая, стройная и строгая башня Палаццо Веккіо, бѣлая мраморная Кампанилла Джіотто и красноватый черепичный куполъ Маріи-дель-Фіоре, похожій на исполинскій, не распустившійся цвѣтокъ древней, геральдической Алой Лиліи,—и вся Флоренція, въ двойномъ вечернемъ и лунномъ свѣтѣ, была какъ одинъ огромный, серебристо-темный цвѣтокъ.

Леонардо замѣтилъ, что у каждаго города, точно такъ же, какъ у каждаго человѣка, есть свой запахъ. Ему казалось, что у Флоренціи это—запахъ влажной пыли, какъ у ирисовъ,

смѣшанный съ едва уловимымъ свѣжимъ запахомъ лака и красокъ очень старыхъ картинъ.

Онъ думалъ о Джіокондѣ.

Почти такъ же мало зналъ онъ ея жизнь, какъ Джіованни. Его не оскорбляла, но удивляла мысль, что у нея есть мужъ, мессэръ Франческо, худой, высокій, съ бородавкой на лѣвой щекѣ и густыми бровями, положительный человѣкъ, который любитъ разсуждать о преимуществахъ сицилійской породы быковъ и о новой пошлинѣ на бараньи шкуры. Бывали мгновенія, когда Леонардо радовался ея призрачной прелести,—чуждой, дальней, не существующей и болѣе дѣйствительной, чѣмъ все, что есть. Но бывали и другія минуты, когда онъ чувствовалъ ея живую красоту.

Мона Лиза не была одной изъ тѣхъ женщинъ, которыхъ въ тѣ времена называли „учеными героинями"—„dotte eroine". Никогда не высказывала она своихъ книжныхъ свѣдѣній. Только случайно онъ узналъ, что она читаетъ по-латински и по-гречески. Она держала себя и говорила такъ просто, что многіе считали ее неумною. На самомъ дѣлѣ—казалось ему—у нея было то, что глубже ума, особенно женскаго,—вѣщая мудрость. У нея были слова, которыя вдругъ дѣлали ее родной ему, близкою, ближе всѣхъ, кого онъ зналъ, единственною, вѣчною подругою и сестрою. Въ эти мгновенія хотѣлось ему переступить заколдованный кругъ, отдѣляющій созерцаніе отъ жизни. Но тотчасъ же онъ подавлялъ въ себѣ это желаніе и каждый разъ, какъ умерщвлялъ живую прелесть моны Лизы, вызванный имъ, призрачный образъ ея на полотнѣ картины становился все живѣе, все дѣйствительнѣе.

И ему казалось, что она это знаетъ и покоряется, и помогаетъ ему,—приноситъ себя въ жертву собственному призраку, отдаетъ ему свою душу и радуется.

Было ли то, что̀ ихъ соединяло, любовью?

Ничего, кромѣ скуки или смѣха, не возбуждали въ немъ тогдашнія платоническія бредни, томные вздохи небесныхъ любовниковъ, слащавые сонеты во вкусѣ Петрарки. Не менѣе чуждо ему было и то, что̀ большинство людей называетъ любовью. Такъ же, какъ не вкушалъ онъ мяса, потому что оно казалось ему не запретнымъ, но противнымъ, воздерживался онъ и отъ женщинъ, потому что всякое тѣлесное обладаніе,—все равно, въ супружествѣ или въ прелюбодѣяніи,—казалось ему не грѣшнымъ, но грубымъ. И онъ удалялся отъ этого, точно такъ же, какъ отъ кровавой бойни пожирающихъ и пожираемыхъ, не возмущаясь, не порицая и не оправдывая, признавая законъ естественной необходимости въ борьбѣ любви и голода, только самъ не желая участвовать въ ней, подчиняясь иному закону любви и цѣломудрія.

Но если бы онъ и любилъ ее, могъ ли бы онъ желать болѣе совершеннаго соединенія съ возлюбленной, чѣмъ въ этихъ глубокихъ и таинственныхъ ласкахъ, — въ созиданіи безсмертнаго образа, новаго существа, которое зачиналось, рождалось отъ нихъ, какъ дитя рождается отъ отца и матери, — было онъ и она вмѣстѣ?

А между тѣмъ онъ чувствовалъ, что и въ этомъ, столь непорочномъ союзѣ есть опасность, быть можетъ, бо́льшая, чѣмъ въ союзѣ обычной плотской любви. Оба они шли по краю бездны, тамъ, гдѣ еще никто никогда не ходилъ,—побѣждая соблазнъ и притяженіе бездны. Между ними были скользкія, прозрачныя слова, въ которыхъ тайна сквозила, какъ солнце сквозь влажный туманъ. И порой онъ думалъ: что̀, если туманъ разсѣется и блеснетъ ослѣпляющее солнце, въ которомъ тайны и призраки умираютъ? Что̀, если онъ или она не выдержитъ, переступитъ черту, и созерцаніе сдѣлается жизнью? Имѣетъ ли онъ право испытывать, съ такимъ же безстрастнымъ любопытствомъ, какъ законы механики или математики, какъ жизнь растенія, отравленнаго ядами, какъ строеніе разсѣченнаго мертваго тѣла,—живую душу, единственно близкую душу вѣчной подруги и сестры своей? Не возмутится ли она, не оттолкнетъ ли его съ ненавистью и презрѣніемъ, какъ оттолкнула бы всякая другая женщина?

И ему казалось порой, что онъ казнитъ ее страшною, медленною казнью. И онъ ужасался ея покорности, которой такъ же не было предѣла, какъ его нѣжному и безпощадному любопытству.

Только въ послѣднее время ощутилъ онъ въ себѣ самомъ этотъ предѣлъ, понялъ, что, рано или поздно, долженъ будетъ рѣшить, кто она для него—живой человѣкъ или только призракъ, отраженіе собственной души въ зеркалѣ женственной прелести. У него была еще надежда, что разлука отдалитъ на время неизбѣжность этого рѣшенія, и онъ почти радовался, что покинетъ Флоренцію. Но теперь, когда разлука наступала, онъ понялъ, что ошибся, что она не только не отсрочитъ, но приблизитъ рѣшеніе.

Погруженный въ эти мысли, не замѣтилъ онъ, какъ вошелъ въ глухой переулокъ и, когда оглянулся, не сразу узналъ, гдѣ онъ. Судя по виднѣвшейся надъ крышами домовъ, мраморной колокольнѣ Джіотто, онъ былъ недалеко отъ Собора. Одна сторона узкой, длинной улицы вся была въ непроницаемо-черной тѣни, другая — въ яркомъ, почти бѣломъ лунномъ свѣтѣ. Вдали краснѣлъ огонекъ. Тамъ, передъ угловымъ балкономъ, съ пологимъ черепичнымъ навѣсомъ, съ полукруглыми арками на стройныхъ столбикахъ,—флорентинской лоджіей,—люди въ черныхъ маскахъ и плащахъ подъ звуки лютни пѣли серенаду. Онъ прислушался.

Это была старая пѣсня любви, сложенная Лоренцо Медичи Великолѣпнымъ, сопровождавшая нѣкогда карнавальное шествіе бога Вакха и Аріадны,—безконечно-радостная и унылая пѣсня любви, которую Леонардо любилъ, потому что часто слышалъ ее въ юности:

Quant'è bella giovenezza,
Che se fugge tuttavia.
Chi vuol esser lieto, sia:
Di doman non c'è certezza.
О, какъ молодость прекрасна
И мгновенна! Пой же, смѣйся,
Счастливъ будь, кто счастья хочетъ,
И на завтра не надѣйся.

Послѣдній стихъ отозвался въ сердцѣ его темнымъ предчувствіемъ.

Не посылала ли ему судьба теперь, на порогѣ старости, въ его подземный мракъ и одиночество родную, живую душу? Оттолкнетъ ли онъ ее, отречется ли, какъ уже столько разъ отрекался, отъ жизни для созерцанія, пожертвуетъ ли снова ближнимъ дальнему, дѣйствительнымъ не существующему и единственно-прекрасному? Кого онъ выберетъ—живую или безсмертную Джіоконду? Онъ зналъ, что, выбравъ одну, потеряетъ другую, и обѣ были ему одинаково дороги; онъ также зналъ, что надо выбрать, что нельзя больше медлить и длить ея казнь. Но воля его была безсильна. И не хотѣлъ, и не могъ онъ рѣшить, что̀ лучше: умертвить живую для безсмертной или безсмертную для живой,—ту, которая есть, или ту, которая будетъ всегда на полотнѣ картины?

Пройдя еще двѣ улицы, подошелъ онъ къ дому своего хозяина, Мартелли.

Двери были заперты, огни потушены. Онъ поднялъ молотокъ, висѣвшій на цѣпи и ударилъ въ чугунную скобу. Привратникъ не отвѣтилъ, должно быть, спалъ или ушелъ. Удары, повторенные гулкими сводами каменной лѣстницы, замерли. Наступила тишина. Казалось, лунный свѣтъ углублялъ ее.

И вдругъ раздались тяжкіе, медленно-мѣрные мѣдные звуки,—бой часовъ на сосѣдней башнѣ. Ихъ голосъ говорилъ о безмолвномъ и грозномъ полетѣ времени, о темной одинокой старости, о невозвратимости прошлаго.

И долго еще послѣдній звукъ, то слабѣя, то усиливаясь, дрожалъ и колебался въ лунной тишинѣ расходящимися звучными волнами, какъ будто повторяя:

Di doman non c'è certezza.
И на завтра не надѣйся.

V.

На слѣдующій день мона Лиза пришла къ нему въ мастерскую въ обычное время, въ первый разъ одна, безъ всегдашней спутницы своей, сестры Камиллы. Джіоконда знала, что это—ихъ послѣднее свиданіе.

День былъ солнечный, ослѣпительно-яркій. Леонардо задернулъ полотняный пологъ, и во дворѣ съ черными стѣнами воцарился тотъ нѣжный, сумеречный свѣтъ, прозрачная, какъ будто подводная тѣнь, которые лицу ея давали наибольшую прелесть.

Они были одни.

Онъ работалъ, молча, сосредоточенно, въ совершенномъ спокойствіи, забывъ свои вчерашнія мысли о предстоявшей разлукѣ, о неизбѣжномъ выборѣ, какъ будто не было для него ни прошлаго, ни будущаго и время остановилось,—какъ будто всегда она сидѣла такъ и будетъ сидѣть передъ нимъ, со своею тихою, странною улыбкою. И то, чего не могъ онъ сдѣлать въ жизни, онъ дѣлалъ въ созерцаніи: сливалъ два образа въ одинъ, соединялъ дѣйствительность и отраженіе,—живую и безсмертную. И это давало ему радость великаго освобожденія. Теперь онъ не жалѣлъ ея и не боялся. Онъ зналъ, что она ему будетъ покорна до конца,—все приметъ, все вытерпитъ, умретъ и не возмутится. И порой онъ смотрѣлъ на нее, съ такимъ же любопытствомъ, какъ на тѣхъ осужденныхъ, которыхъ провожалъ на казнь, чтобы слѣдить за послѣдними содроганіями ужаса въ ихъ лицахъ.

Вдругъ почудилось ему, что чуждая тѣнь живой, не имъ внушенной, ему ненужной мысли мелькнула въ лицѣ ея, какъ туманный слѣдъ живого дыханія на поверхности зеркала. Чтобы оградить ее,—снова вовлечь въ свой призрачный кругъ, прогнать эту живую тѣнь, онъ сталъ ей разсказывать такимъ же пѣвучимъ и повелительнымъ голосомъ, какимъ волшебникъ произноситъ заклинанія, одну изъ тѣхъ таинственныхъ повѣстей, подобныхъ загадкамъ, которыя иногда записывалъ въ дневникахъ своихъ.

— „Не въ силахъ будучи противостоять моему желанію видѣть новые, невѣдомые людямъ образы, созидаемые искусствомъ природы и, въ теченіи долгаго времени, совершая путь среди голыхъ, мрачныхъ скалъ, достигъ я наконецъ Пещеры и остановился у входа, въ недоумѣніи. Но, рѣшившись и наклонивъ голову, согнувъ спину, положивъ ладонь лѣвой руки на колѣно правой ноги, правою рукою заслоняя глаза, чтобы привыкнуть къ темнотѣ, я вошелъ и сдѣлалъ нѣсколько шаговъ. Насупивъ брови, зажмуривъ глаза, напрягая зрѣніе, часто измѣнялъ я мой путь и блуждалъ во мракѣ ощупью, то туда, то сюда, стараясь что-нибудь увидѣть. Но мракъ былъ слишкомъ глубокъ. И когда я нѣкото-

рое время пробылъ въ немъ, то во мнѣ пробудились и стали бороться два чувства: страхъ и любопытство, — страхъ передъ изслѣдованіемъ темной Пещеры, и любопытство—нѣтъ ли въ ней какой-либо чудесной тайны?“

Онъ умолкъ. Съ лица ея чуждая тѣнь все еще не исчезала.

— Какое же изъ двухъ чувствъ побѣдило?—молвила она.

— Любопытство.

— И вы узнали тайну Пещеры?

— Узналъ то, что̀ можно знать.

— И скажете людямъ?

— Всего нельзя, и я не съумѣю. Но я хотѣлъ бы внушить имъ такую силу любопытства, чтобы всегда оно побѣждало въ нихъ страхъ.

— А что̀, если мало одного любопытства, мэссеръ Леонардо?—проговорила она съ неожиданно блеснувшимъ взоромъ. — Что̀, если нужно другое, большее, чтобы проникнуть въ послѣднія и можетъ быть, самыя чудныя тайны Пещеры?

И она посмотрѣла ему въ глаза съ такою усмѣшкою, какой онъ никогда не видалъ у нея.

— Что же нужно еще?—сказалъ онъ.

Она молчала.

Въ это время тонкій и острый, ослѣпляющій лучъ солнца проникъ сквозь щель между двумя полотнищами полога. Подводный сумракъ озарился. И на лицѣ ея очарованіе нѣжныхъ, подобныхъ дальней музыкѣ, свѣтлыхъ тѣней и „темнаго свѣта“ было нарушено.

— Вы уѣзжаете завтра?--спросила Джіоконда.

— Нѣтъ, сегодня вечеромъ.

— Я тоже скоро уѣду,—сказала она.

Художникъ посмотрѣлъ на нее пристально, хотѣлъ что-то прибавить, но промолчалъ. Онъ догадался, что она уѣзжаетъ, чтобы не оставаться безъ него во Флоренціи.

— Мессэръ Франческо,—продолжала мона Лиза,—ѣдетъ по дѣламъ въ Калабрію мѣсяца на три, до осени. Я упросила его взять меня съ собою.

Онъ обернулся и съ досадою, нахмурившись, взглянулъ на острый, злой и правдивый лучъ солнца. Дотолѣ одноцвѣтныя, безжизненно и призрачно-бѣлыя брызги фонтана, теперь, въ этомъ преломляющемъ, живомъ лучѣ, вспыхнули противоположными и разнообразными цвѣтами радуги,—цвѣтами жизни.

И Леонардо вдругъ почувствовалъ, что возвращается въ жизнь,—робкій, слабый, жалкій и жалѣющій.

— Ничего,—проговорила мона Лиза,—задерните пологъ. Еще не поздно. Я не устала.

— Нѣтъ, все равно. Довольно,—сказалъ онъ и бросилъ кисть.

— Вы никогда не кончите портрета?

— Отчего же?—возразилъ онъ поспѣшно, точно испугавшись.—Развѣ вы больше не придете ко мнѣ, когда вернетесь?

— Приду. Но, можетъ быть, черезъ три мѣсяца я буду ужъ совсѣмъ другая, и вы меня не узнаете. Вы же сами говорили, что лица людей, особенно женщинъ, быстро мѣняются.

— Я хотѣлъ бы кончить, — произнесъ онъ медленно, какъ будто про себя. — Но не знаю. Мнѣ кажется иногда, что того, что я хочу,—сдѣлать нельзя.

— Нельзя?—удивилась она.—Я, впрочемъ, слышала, что вы никогда не кончаете, потому что стремитесь къ невозможному.

Въ этихъ словахъ ея послышался ему, можетъ быть, только почудился безконечно-кроткій, жалобный укоръ.

— Вотъ оно,—подумалъ онъ,—и ему сдѣлалось страшно.

Она встала и молвила просто, какъ всегда:

— Ну, что же, пора.—Прощайте, мессэръ Леонардо. Счастливаго пути.

Онъ поднялъ на нее глаза, и опять почудилось ему въ лицѣ ея послѣдній безнадежный упрекъ и мольба.

Онъ зналъ, что это мгновеніе для нихъ обоихъ невозвратимо и вѣчно, какъ смерть. Зналъ, что нельзя молчать. Но чѣмъ больше напрягалъ волю, чтобы найти рѣшеніе и слово, тѣмъ больше чувствовалъ свое безсиліе и углублявшуюся между ними, непереступную бездну. А мона Лиза улыбалась ему своею прежнею, тихою и ясною улыбкою. Но теперь ему казалось, что эта тишина и ясность подобны тѣмъ, какія бываютъ въ улыбкѣ мертвыхъ.

Сердце ему пронзила безконечная, нестерпимая жалость и сдѣлала его еще безсильнѣе.

Мона Лиза протянула ему руку, и онъ, молча, поцѣловалъ эту руку, въ первый разъ съ тѣхъ поръ, какъ они другъ друга знали,—и въ то же мгновеніе почувствовалъ, какъ, быстро наклонившись, она коснулась губами волосъ его.

— Да сохранитъ васъ Богъ, — сказала она все такъ же просто.

Когда онъ пришелъ въ себя—ея уже не было. Кругомъ была тишина мертваго лѣтняго полдня, болѣе грозная, чѣмъ тишина самой глухой, темной полночи.

И точно такъ же, какъ ночью, но еще грознѣе и торжественнѣе, послышались медленно-мѣрные мѣдные звуки,—бой часовъ на сосѣдней башнѣ. Они говорили о безмолвномъ и страшномъ полетѣ времени, о темной, одинокой старости, о невозвратимости прошлаго.

И долго еще дрожалъ, замирая, послѣдній звукъ и, казалось, повторялъ:

Di doman non c'è certezza.
И на завтра не надѣйся.

VI.

Соглашаясь принять участіе въ работахъ по отведенію Арно отъ Пизы, Леонардо былъ почти увѣренъ, что это военное предпріятіе повлечетъ за собою, рано или поздно, другое, мирное и болѣе важное.

Еще въ молодости мечталъ онъ о сооруженіи канала, который сдѣлалъ бы Арно судоходнымъ отъ Флоренціи до Пизанскаго моря и, оросивъ поля цѣлою сѣтью водяныхъ питательныхъ жилъ, увеличилъ бы плодородіе земли, превратилъ бы Тоскану въ одинъ цвѣтущій садъ. „Прато, Пистойя, Пиза, Лукка,—писалъ онъ въ своихъ замѣткахъ,—принявъ участіе въ этомъ предпріятіи, возвысили бы свой ежегодный оборотъ на 200.000 дукатовъ. Кто съумѣетъ управлять водами Арно въ глубинѣ и на поверхности, тотъ пріобрѣтетъ въ каждой десятинѣ земли сокровище".

Леонардо казалось, что теперь, передъ старостью, судьба даетъ ему, быть можетъ, послѣдній случай исполнить на службѣ народа то, что не удалось на службѣ государей,—показать людямъ власть науки надъ природою.

Когда Макіавелли признался ему, что обманулъ Содерини, скрылъ дѣйствительныя трудности замысла и увѣрилъ его, будто бы достаточно тридцати—сорока тысячъ рабочихъ дней, Леонардо, не желая принимать на себя отвѣтственность, рѣшилъ объявить гонфалоньеру всю правду и представилъ разсчетъ, въ которомъ доказывалъ, что для сооруженія двухъ отводныхъ до Ливурнскаго болота каналовъ въ 7 футовъ глубины, 20 и 30 ширины, представляющихъ площадь въ 800.000 квадратныхъ локтей, потребуется не менѣе 200.000 рабочихъ дней, а, можетъ быть, и болѣе, смотря по свойствамъ почвы. Синьоры ужаснулись. Со всѣхъ сторонъ посыпались на Содерини обвиненія: недоумѣвали, какъ могла подобная нелѣпость придти ему въ голову.

А Никколо все еще надѣялся, хлопоталъ, хитрилъ, обманывалъ, писалъ краснорѣчивыя посланія, увѣряя въ несомнѣнномъ успѣхѣ начатыхъ работъ. Но, несмотря на огромныя, съ каждымъ днемъ возраставшія, издержки, дѣло шло все хуже и хуже.

Точно зарокъ былъ положенъ на мессэра Никколо: все, къ чему ни прикасался онъ,—измѣняло, рушилось, таяло въ рукахъ его, превращаясь въ слова, въ отвлеченныя мысли, въ злыя и

циническія шутки, которыя больше всего вредили ему самому. И невольно вспоминалъ художникъ его постоянные проигрыши при объясненіи правила выигрывать въ кости навѣрняка,—неудачное освобожденіе Маріи, злополучную Македонскую фалангу.

Въ этомъ странномъ человѣкѣ, неутолимо жаждавшемъ дѣйствія и совершенно къ нему неспособномъ, могучемъ въ мысли, безсильномъ въ жизни, подобномъ лебедю на сушѣ, — узнавалъ Леонардо себя самого.

Въ донесеніи Гонфалоньеру и Синьорамъ совѣтовалъ онъ, или тотчасъ отказаться отъ предпріятія, или кончить его, не останавливаясь ни передъ какими расходами. Но правители республики предпочли, по своему обыкновенію, средній путь. Рѣшили воспользоваться уже вырытыми каналами, какъ рвами, которые служили бы преградою движенію пизанскихъ войскъ, и, такъ какъ черезчуръ смѣлые замыслы Леонардо никому не внушали довѣрія,—пригласили изъ Феррары другихъ водостроителей и землекоповъ. Но пока во Флоренціи спорили, обличали другъ друга, обсуждали вопросъ во всевозможныхъ присутственныхъ мѣстахъ, собраніяхъ и совѣтахъ, по большинству голосовъ, бѣлыми и черными шарами, — враги, не дожидаясь, пушечными ядрами разрушали то, что было сдѣлано.

Все это предпріятіе до того, наконецъ, опротивѣло художнику, что онъ не могъ слышать о немъ безъ отвращенія. Дѣла давно позволяли ему вернуться во Флоренцію. Но, узнавъ случайно, что мессэръ Джіокондо возвращается изъ Калабріи въ первыхъ числамъ Октября, Леонардо рѣшилъ пріѣхать на десять дней позже, чтобы уже навѣрное застать мону Лизу во Флоренціи.

Онъ считалъ дни. Теперь при мысли о томъ, что разлука можетъ затянуться, такой суевѣрный страхъ и тоска сжимали сердце его, что онъ старался не думать объ этомъ, не говорилъ ни съ кѣмъ и не разспрашивалъ, изъ опасенія, какъ бы ему не сказали, что она не вернется къ сроку.

Рано по утру пріѣхалъ онъ во Флоренцію.

Осенняя, тусклая, сырая,—казалась она ему особенно милой, родственной, напоминавшей Джіоконду. И день былъ ея,—туманный, тихій, съ влажно-тусклымъ, какъ бы подводнымъ солнцемъ, которое давало женскимъ лицамъ особую прелесть.

Онъ уже не спрашивалъ себя, какъ они встрѣтятся, что онъ ей скажетъ, какъ сдѣлаетъ, чтобы больше никогда не разставаться съ нею, чтобы супруга мессэра Джіокондо была ему единственной, вѣчной подругой. Онъ зналъ, что все устроится само собою,—трудное будетъ легкимъ, невозможное возможнымъ,—только бы свидѣться.

„Главное, не думать, тогда лучше выходитъ,—повторялъ онъ слово Рафаэля. — Я спрошу ее, и теперь она скажетъ мнѣ то,

что тогда не успѣла сказать,—что́ нужно, кромѣ любопытства, чтобы проникнуть въ послѣднія, можетъ быть, самыя чудныя тайны Пещеры?“

И такая радость наполняла душу его, какъ будто ему было не пятьдесятъ четыре, а шестнадцать лѣтъ, какъ будто вся жизнь была впереди. Только въ самой глубинѣ сердца, куда не досягалъ ни единый лучъ сознанія, подъ этою радостью было грозное предчувствіе.

Онъ пошелъ къ Никколо́, чтобы передать ему дѣловыя бумаги и чертежи землекопныхъ работъ. Къ мессэру Джіокондо предполагалъ зайти на слѣдующее утро; но потомъ не вытерпѣлъ и рѣшилъ въ тотъ же вечеръ, возвращаясь отъ Макіавелли и проходя мимо ихъ дома на Лунгарно дэлле Граціэ, спросить у конюха, слуги или привратника, вернулись ли хозяева, и все ли у нихъ благополучно.

Леонардо спускался по улицѣ Торнабуони къ мосту Санта-Тринита̀,—по тому же пути, только въ обратномъ направленіи, какъ въ послѣднюю ночь передъ отъѣздомъ.

Погода къ вечеру измѣнилась внезапно, какъ это часто бываетъ во Флоренціи осенью. Изъ ущелья Муньоне подулъ сѣверный вѣтеръ, пронзительный, точно сквозной. И высоты Муджелло сразу побѣлѣли, точно посѣдѣли отъ инея. Накрапывалъ дождь. Вдругъ, снизу, изъ-подъ полога тучъ, какъ будто отрѣзаннаго и оставлявшаго надъ горизонтомъ узкую полосу чистаго неба, брызнуло солнце и освѣтило грязныя, мокрыя улицы, глянцевитыя крыши и лица людей мѣдно-желтымъ, холоднымъ и грубымъ свѣтомъ. Дождь сдѣлался похожимъ на мѣдную пыль. И кое-гдѣ вдали засверкали оконныя стекла, точно раскаленные уголья.

Противъ церкви Санта-Тринита̀, у моста, на углу набережной и улицы Торнабуони, возвышался огромный изъ дикаго коричнево-сѣраго камня, съ рѣшетчатыми окнами и зубцами, напоминавшій средневѣковую крѣпость, палаццо Спини. Внизу, по стѣнамъ его, какъ у многихъ старинныхъ флорентинскихъ дворцовъ, тянулись широкія каменныя лавки, на которыхъ сиживали граждане всѣхъ возрастовъ и званій, играя въ кости или шашки, слушая новости, бесѣдуя о дѣлахъ, зимою грѣясь на солнцѣ, лѣтомъ отдыхая въ тѣни. Съ той стороны дворца, что выходила на Арно, надъ скамьей устроенъ былъ черепичный навѣсъ со столбиками, вродѣ лоджіи.

Проходя мимо этого навѣса, увидѣлъ Леонардо собраніе полузнакомыхъ людей. Одни сидѣли, другіе стояли. Разговаривали такъ оживленно, что не замѣчали порывовъ рѣзкаго вѣтра съ дождемъ.

— Мессэре, мессэръ Леонардо!—окликнули его.—Пожалуйте сюда, разрѣшитека-ка нашъ споръ.

Онъ остановился.

Спорили о нѣсколькихъ загадочныхъ стихахъ Божественной Комедіи въ тридцать четвертой пѣснѣ Ада, гдѣ поэтъ разсказываетъ о великанѣ Дите, погруженномъ въ ледъ до середины груди, на самомъ днѣ проклятаго Колодца. Это—главный вождь низвергнутыхъ ангельскихъ полчищъ, „Императоръ Скорбнаго Царства". Три лица его,—черное, красное, желтое,—какъ бы дьявольское отраженіе божественныхъ Упостасей Троицы. И въ каждой изъ трехъ пастей — по грѣшнику, котораго онъ вѣчно гложетъ: въ черной—Іуда Предатель, въ красной—Брутъ, въ желтой—Кассій. Спорили о томъ, почему Аллигіери казнитъ того, кто возсталъ на Человѣкобога, казнитъ убійцу Юлія Цезаря, и величайшаго изъ Отступниковъ, того, кто возсталъ на Богочеловѣка, почти одинаковою казнью,—ибо вся разница лишь въ томъ, что у Брута ноги внутри Дитовой пасти, голова—снаружи, тогда какъ ноги Іуды—снаружи, а голова—внутри. Одни объясняли это тѣмъ, что Данте, пламенный гибеллинъ, защитникъ власти императорской противъ земного владычества папъ, считалъ Римскую Монархію столь же, или почти столь же священною и нужною для спасенія міра, какъ Римскую Церковь. Другіе возражали, что такое объясненіе отзывается ересью и не соотвѣтствуетъ христіанскому духу благочестивѣйшаго изъ поэтовъ. Чѣмъ больше спорили, тѣмъ неразгаданнѣе становилась тайна поэта.

Пока старый богатый шерстникъ, подробно объяснялъ художнику предметъ спора, Леонардо, немного прищуривъ глаза отъ вѣтра, смотрѣлъ въ даль, въ ту сторону, откуда, по набережной, Лунгарно Ачіайоли, тяжелою, неуклюжею, точно медвѣжьей поступью шелъ небрежно и бѣдно одѣтый человѣкъ, сутулый, костлявый, съ большой головой, съ черными, жесткими, курчавыми волосами, съ жидкою и клочковатою козлиною бородкою, съ оттопыренными ушами, съ широкоскулымъ и плоскимъ лицомъ. Это былъ Микель-Анжело Буонаротти. Особенное, почти отталкивающее уродство придавалъ ему носъ, переломленный и расплющенный ударомъ кулака еще въ ранней молодости, во время драки съ однимъ ваятелемъ-соперникомъ, котораго злобными шутками довелъ онъ до бѣшенства. Зрачки маленькихъ желто-карихъ глазъ отливали порою страннымъ багровымъ блескомъ. Воспаленныя вѣки почти безъ рѣсницъ были красны, потому что, не довольствуясь днемъ, работалъ онъ и ночью, прикрѣпляя ко лбу круглый фонарикъ, что дѣлало его похожимъ на безобразнаго Циклопа съ огненнымъ глазомъ по серединѣ лба, который копошится въ подземной темнотѣ и съ глухимъ медвѣжьимъ бормотаньемъ и лязгомъ желѣзнаго молота яростно борется съ камнемъ.

— Что скажете, мессэре?—обратились къ Леонардо спорившіе.

Леонардо всегда надѣялся, что ссора его съ Буонаротти кончится миромъ. Онъ мало думалъ объ этой ссорѣ во время своего отсутствія изъ Флоренціи и даже почти забылъ ее, какъ будто ея вовсе не было.

Такая тишина и ясность были въ сердцѣ его въ эту минуту, онъ готовъ былъ обратиться къ сопернику съ такими добрыми словами, что Микель-Анжело, — казалось ему, — не могъ ихъ не понять.

— Мессэръ Буонаротти, я слышалъ, — великій знатокъ Аллигіери, — молвилъ Леонардо съ вѣжливою, спокойною улыбкою, указывая на Микель-Анжело. — Онъ лучше меня объяснитъ вамъ это мѣсто.

Микель-Анжело шелъ, по обыкновенію, опустивъ голову, не глядя по сторонамъ, и не замѣтилъ, какъ наткнулся на собраніе. Услышавъ имя свое изъ устъ Леонардо, остановился онъ и поднялъ глаза.

Застѣнчивому и робкому до дикости, были ему тягостны взоры людей, потому что никогда не забывалъ онъ о своемъ уродствѣ и мучительно стыдился его: ему казалось, что всѣ надъ нимъ смѣются.

Застигнутый врасплохъ, онъ въ первую минуту растерялся: подозрительно поглядывалъ на всѣхъ изподлобья своими маленькими желто-карими глазками, безпомощно моргая воспаленными вѣками, болѣзненно жмурясь отъ солнца и человѣческихъ взоровъ.

Но когда увидѣлъ ясную улыбку соперника и проницательный взоръ его, устремленный невольно сверху внизъ, потому что Леонардо былъ ростомъ выше Микель-Анжело — робость, какъ это часто съ нимъ бывало, мгновенно превратилась въ ярость. Долго не могъ онъ произнести ни слова. Лицо его то блѣднѣло, то краснѣло неровными пятнами. Наконецъ, съ усиліемъ проговорилъ онъ глухо-сдавленнымъ, задыхающимся голосомъ:

— Самъ объясняй! Тебѣ и книги въ руки, умнѣйшій изъ людей, который довѣрился каплунамъ-ломбардцамъ, — шестнадцать лѣтъ возился съ глинянымъ Колоссомъ и не съумѣлъ отлить его изъ бронзы, — долженъ былъ оставить все съ позоромъ...

Онъ чувствовалъ, что говоритъ не то, что слѣдуетъ, искалъ и не находилъ достаточно обидныхъ словъ, чтобы унизить соперника.

Всѣ притихли, обративъ на нихъ любопытные взоры.

Леонардо молчалъ. И нѣсколько мгновеній оба, молча, смотрѣли другъ другу въ глаза, — одинъ съ прежнею кроткою улыбкою, теперь удивленной и опечаленной, другой — съ презрительной усмѣшкой, которая ему не удавалась, только искажала лицо его судорогой, дѣлая еще безобразнѣе.

Передъ яростною силою Буонаротти тихая женственная прелесть Леонардо казалась безконечною слабостью.

У Леонардо былъ рисунокъ, изображавшій борьбу двухъ чудовищъ,—Дракона и Льва. Крылатый змѣй, царь воздуха, побѣждалъ безкрылаго царя земли.

То, что теперь помимо сознанія и воли ихъ происходило между ними, было похоже на эту борьбу.

И вдругъ онъ почувствовалъ, что мона Лиза права, что соперникъ никогда не проститъ ему „тишины, которая сильнѣе бури".

Микель-Анжело хотѣлъ что-то прибавить, но только махнулъ рукою, быстро отвернулся и пошелъ дальше своею неуклюжею медвѣжьей поступью, съ глухимъ, неяснымъ бормотаньемъ, понуривъ голову, согнувъ спину, какъ будто неимовѣрная тяжесть давила ему плечи. И скоро скрылся, точно растаялъ въ мутной, огненно-мѣдной пыли дождя и зловѣщаго солнца.

Леонардо также продолжалъ свой путь.

На мосту догналъ его одинъ изъ бывшихъ въ собраніи у палаццо Спини,—вертлявый и плюгавый человѣчекъ, похожій на еврея, хотя чистокровный флорентинецъ. Художникъ не помнилъ, кто это человѣчекъ, и какъ его имя, только зналъ, что онъ злой сплетникъ.

Вѣтеръ на мосту еще усилился. Свистѣлъ въ ушахъ, кололъ лицо ледяными иглами. Волны рѣки, уходившія въ даль къ низкому солнцу подъ низкимъ и темнымъ, точно каменнымъ, небомъ, казались подземнымъ потокомъ расплавленной мѣди.

Леонардо шелъ по узкому сухому мѣсту, не обращая вниманія на спутника, который поспѣвалъ за нимъ, шлепая по грязи, въ припрыжку, забѣгая впередъ, какъ собаченка, заглядывая въ глаза ему и заговаривая о Микель-Анжело. Онъ видимо желалъ подхватить какое-нибудь слово Леонардо, чтобы тотчасъ передать сопернику и разнести по городу. Но Леонардо молчалъ.

— Скажите, мессэре,—не отставалъ отъ него назойливый человѣчекъ,—вѣдь вы еще не кончили портрета Джіоконды?

— Не кончилъ, — отвѣтилъ художникъ и нахмурился. — А вамъ что?

— Нѣтъ, ничего. Я только такъ. Вотъ вѣдь, подумаешь, цѣлыхъ три года бьетесь надъ одною картиною, и все еще не кончили. А намъ, непосвященнымъ, она ужъ и теперь кажется такимъ совершенствомъ, что большаго мы и представить себѣ не можемъ.

Онъ усмѣхнулся подобострастно.

Леонардо посмотрѣлъ на него съ отвращеніемъ. Этотъ плюгавый человѣчекъ вдругъ сдѣлался ему такъ противенъ, что, казалось, если бы только онъ далъ себѣ волю, то схватилъ бы его за шиворотъ и бросилъ въ рѣку.

— Что же, однако, будетъ съ портретомъ?—продолжалъ неугомонный спутникъ. — Или вы еще не слышали, мессэръ Леонардо?

Онъ, видимо, нарочно тянулъ и мямлилъ: у него было что-то на умѣ.

И вдругъ художникъ сквозь отвращеніе почувствовалъ животный страхъ къ своему собесѣднику—словно тѣло его было скользкимъ и колѣнчато-подвижнымъ, какъ тѣло насѣкомаго. Должно быть, и тотъ уже что-то почуялъ. Онъ еще болѣе сдѣлался похожимъ на жида,—руки его затряслись, глаза запрыгали.

— Ахъ, Боже мой,—а вѣдь и въ самомъ дѣлѣ, вы только сегодня утромъ пріѣхали и еще не знаете. Представьте себѣ, какое несчастіе. Бѣдный мессэръ Джіокондо! Третій разъ овдовѣлъ. Вотъ уже мѣсяцъ, какъ мадонна Лиза волею Божьей преставилась...

У Леонардо въ глазахъ потемнѣло. Одно мгновеніе казалось ему, что онъ упадетъ. Человѣчекъ такъ и впился въ него своими острыми рысьими глазками.

Но художникъ сдѣлалъ надъ собою неимовѣрное усиліе,—и лицо его, только слегка поблѣднѣвъ, осталось непроницаемымъ. По крайней мѣрѣ, спутникъ ничего не замѣтилъ.

Окончательно разочаровавшись и увязнувъ по щиколку въ липкой грязи на площади Фрескобальди, онъ отсталъ.

Первою мыслью Леонардо, когда онъ опомнился, было то, что сплетникъ солгалъ, нарочно выдумалъ это извѣстіе, чтобы увидѣть, какое впечатлѣніе оно произведетъ на него, и потомъ всюду разсказывать, давая новую пищу давно уже ходившимъ слухамъ о любовной связи Леонардо съ Джіокондою.

Правда смерти, какъ это всегда бываетъ въ первую минуту, казалось ему невѣроятною.

Но въ тотъ же вечеръ узналъ онъ все: на возвратномъ пути изъ Калабріи, гдѣ мессэръ Франческо выгодно устроилъ дѣла свои, между прочимъ, поставку сырыхъ бараньихъ шкуръ во Флоренцію,— въ маленькомъ, глухомъ городкѣ Лагонеро, мона Лиза Джіоконда умерла, одни говорили, отъ болотной лихорадки, другіе—отъ заразной горловой болѣзни.

VII.

Дѣло съ каналомъ для отвода Арно отъ Пизы кончилось позорною неудачею.

Во время осенняго разлива, наводненіе уничтожило начатыя работы и превратило нѣкогда цвѣтущую низменность въ гнилую трясину, гдѣ рабочіе умирали отъ заразы. Огромный трудъ, деньги, человѣческія жизни—все пропало даромъ.

Феррарскіе водостроители сваливали вину на Содерини, Макіавелли и Леонардо. Знакомые на улицахъ отворачивались отъ нихъ и не кланялись. Никколò заболѣлъ отъ стыда и горя.

Года два назадъ умеръ отецъ Леонардо: „9-го іюля 1504 г., въ середу, въ седьмомъ часу ночи,—записалъ онъ съ обычною краткостью,—скончался отецъ мой, Сэръ Пьеро да Винчи, нотаріусъ во Дворцѣ Подестà. Ему было восемьдесятъ лѣтъ. Онъ оставилъ десять человѣкъ дѣтей мужескаго и двухъ женскаго пола“.

Сэръ Пьеро неоднократно при свидѣтеляхъ выражалъ намѣреніе завѣщать своему незаконному первенцу Леонардо такую же долю имѣнія, какъ остальнымъ дѣтямъ. Самъ ли измѣнилъ онъ передъ смертью это намѣреніе, или сыновья не захотѣли исполнить волю покойнаго, но они объявили, что, въ качествѣ побочнаго сына, Леонардо въ раздѣлѣ не участвуетъ. Тогда одинъ изъ ростовщиковъ, ловкій еврей, у котораго художникъ бралъ деньги подъ обезпеченіе ожидаемаго наслѣдства, предложилъ ему купить права его въ тяжбѣ съ братьями. Какъ ни страшился Леонардо семейныхъ и судебныхъ дрязгъ, денежныя дѣла его въ это время такъ запутались, что онъ принужденъ былъ согласиться. Началась тяжба изъ-за 300 флориновъ, которой суждено было длиться шесть лѣтъ. Братья, пользуясь всеобщимъ раздраженіемъ противъ Леонардо, подливали масла въ огонь, обвиняли его въ колдовствѣ, въ безбожіи, въ государственной измѣнѣ во время службы у Цезаря Борджіа, въ кощунствѣ надъ христіанскими могилами при откапываніи труповъ для анатомическихъ сѣченій, воскресили и двадцать пять лѣтъ назадъ похороненную сплетню о противоестественныхъ порокахъ его, безчестили память его покойной матери, Катерины Аккаттабрига.

Ко всѣмъ этимъ непріятностямъ присоединилась неудача съ картиною въ Залѣ Совѣта.

Такъ сильна была привычка Леонардо къ медлительности, допускаемой въ стѣнописи масляными красками, и отвращеніе къ поспѣшности, требуемой водяными, что, не смотря на предостерегающій опытъ съ Тайной Вечерью, рѣшилъ онъ и Битву при Ангіари писать, хотя другими, какъ онъ полагалъ, усовершенствованными, но все же масляными красками. Когда половина работы была исполнена, онъ развелъ большой огонь на желѣзныхъ жаровняхъ передъ картиною, чтобы, по новому, изобрѣтенному имъ, способу, ускорить впитываніе красокъ въ известь; но скоро убѣдился, что жаръ дѣйствуетъ только на нижнюю часть картины, между тѣмъ какъ въ верхней, удаленной отъ жара, лакъ и краски не сохнутъ.

Послѣ многихъ тщетныхъ усилій, понялъ онъ окончательно, что второй опытъ съ масляною стѣнописью будетъ столь же не-

удаченъ, какъ первый, что Битва при Ангіари также погибнетъ, какъ Тайная Вечеря,—и опять, по выраженію Буонаротти, „долженъ былъ оставить все съ позоромъ".

Картина въ Залѣ Совѣта опостылѣла ему еще больше, чѣмъ дѣло съ Пизанскимъ каналомъ и тяжба съ братьями.

Содерини мучилъ его требованіями канделярской точности въ исполненіи заказа, торопилъ окончаніемъ работы къ назначенному сроку, грозилъ неустойкою и, видя, что ничего не помогаетъ, началъ открыто обвинять въ нечестности, въ присвоеніи казенныхъ денегъ. Когда же, занявъ у друзей, Леонардо хотѣлъ отдать ему все, что получилъ изъ казны, мессэръ Пьеро отказался принять; а между тѣмъ во Флоренціи ходило по рукамъ, распространяемое друзьями Буонаротти, письмо Гонфалоньера къ флорентинскому повѣренному въ Миланѣ, который хлопоталъ объ отпускѣ художника къ намѣстнику французскаго короля въ Ломбардіи, сеньёру Шарлю д'Амбуазъ:

„Дѣйствія Леонардо неблаговидны, — говорилось, между прочимъ, въ этомъ письмѣ.—Забравъ большія деньги впередъ и едва начавъ работу, бросилъ онъ все и поступилъ въ этомъ дѣлѣ съ Республикой, какъ предатель".

Однажды зимою ночью сидѣлъ Леонардо одинъ въ своей рабочей комнатѣ.

Вьюга выла въ трубѣ очага. Стѣны дома вздрагивали отъ ея порывовъ; пламя свѣчи колебалось; подвѣшенное къ деревянной перекладинѣ въ приборѣ для изученія полета, чучело птицы на крыльяхъ, изъѣденныхъ молью, качалось, точно собираясь взлетѣть, и въ углу, надъ полкою съ томами Плинія Натуралиста знакомый паукъ тревожно бѣгалъ въ своей паутинѣ. Капли дождя или талаго снѣга ударяли въ оконныя стекла, словно кто-то тихонько стучался.

Послѣ дня, проведеннаго въ житейскихъ заботахъ, Леонардо чувствовалъ себя усталымъ, разбитымъ, какъ послѣ ночи, проведенной въ жару и въ бреду. Пытался-было приняться за давнишнюю работу,—изысканія о законахъ движенія тѣлъ по наклонной плоскости; потомъ — за каррикатуру старухи съ маленькимъ, какъ бородавка, вздернутымъ носомъ, свиными глазками и гигантскою, чудовищно оттянутою книзу, верхнею губою; пробовалъ читать,—но все валилось изъ рукъ. А спать не хотѣлось, и цѣлая ночь была впереди.

Онъ взглянулъ на груды старыхъ пыльныхъ книгъ, на колбы, реторты, банки съ блѣдными уродцами въ спирту, на мѣдные кадранты, глобусы, приборы механики, астрономіи, физики, гидравлики, оптики, анатоміи,—и неизъяснимое отвращеніе наполнило ему душу.

Не былъ ли самъ онъ—какъ этотъ старый паукъ въ темномъ углу надъ пахнущими плѣсенью, книгами, костями человѣческихъ остововъ и мертвыми членами мертвыхъ машинъ? Чтò предстояло ему въ жизни, чтò отдѣляло отъ смерти—кромѣ нѣсколькихъ листковъ бумаги, которые покроетъ онъ значками никому непонятныхъ письменъ?

И вспомнилось ему, какъ въ дѣтствѣ, на Монте-Альбано, слушая крики журавлиныхъ станицъ, вдыхая запахъ смолистыхъ травъ, глядя на Флоренцію, прозрачно-лиловую въ солнечной дымкѣ, словно аметистъ, такую маленькую, что вся она, умѣщалась между двумя цвѣтущими золотистыми вѣтками поросли, которая покрываетъ склоны этихъ горъ весною,—онъ былъ счастливъ, ничего не зная, ни о́ чемъ не думая.

Неужели весь трудъ его жизни—только обманъ, и великая любовь не дочь великаго познанія?

Онъ прислушивался къ вою, визгу, грохоту вьюги. И ему приходили на память слова Макіавелли: „самое страшное въ жизни не заботы, не бѣдность, не горе, не болѣзни, даже не смерть,—а скука".

Нечеловѣческіе голоса ночного вѣтра говорили о понятномъ человѣческому сердцу, родномъ и неизбѣжномъ, — о послѣднемъ одиночествѣ въ страшной, слѣпой темнотѣ, въ лонѣ отца всего сущаго, древняго Хаоса,—о безпредѣльной скукѣ міра.

Онъ всталъ, взялъ свѣчу, отперъ сосѣднюю комнату, вошелъ въ нее, приблизился къ стоявшей на треножномъ поставѣ, картинѣ, завѣшанной тканью съ тяжелыми складками, подобною савану,—и откинулъ ее.

Это былъ портретъ моны Лизы Джіоконды.

Онъ не открывалъ его съ тѣхъ поръ, какъ работалъ надъ нимъ въ послѣдній разъ въ послѣднее свиданіе. Теперь казалось ему, что онъ видитъ его впервые. И такую силу жизни почувствовалъ онъ въ этомъ лицѣ, что ему сдѣлалось жутко передъ собственнымъ созданіемъ. Онъ вспомнилъ суевѣрные разсказы о волшебныхъ портретахъ, которые, будучи проколоты иглою, причиняютъ смерть изображенному. Здѣсь, подумалъ онъ, наоборотъ: у живой отнялъ онъ жизнь, чтобы дать ее мертвой.

Все въ ней было ясно, точно—до послѣдней складки одежды, до крестиковъ тонкой узорчатой вышивки, обрамлявшей вырѣзъ темнаго платья на блѣдной груди. Казалось, что, всмотрѣвшись пристальнѣе, можно было видѣть, какъ дышетъ грудь, какъ въ ямочкѣ подъ горломъ бьется кровь, какъ выраженіе лица измѣняется.

И вмѣстѣ съ тѣмъ была она призрачная, дальняя, чуждая, болѣе древняя въ своей безсмертной юности, чѣмъ первозданныя глыбы базальтовыхъ скалъ, виднѣвшіяся въ глубинѣ картины —

воздушно-голубыя, сталактитоподобныя горы какъ будто нездѣшняго давно угасшаго міра. Извилины потоковъ между скалами напоминали извилины губъ ея съ вѣчной улыбкой. И волны волосъ падали изъ подъ прозрачно-темной дымки по тѣмъ же законамъ божественной механики, какъ волны воды.

Только теперь,—какъ будто смерть открыла ему глаза,—понялъ онъ, что прелесть моны Лизы была все, чего искалъ онъ въ природѣ съ такимъ ненасытимымъ любопытствомъ,—понялъ, что тайна міра была тайной моны Лизы.

И уже не онъ—ее, а она его испытывала. Чтѐ значилъ взоръ этихъ глазъ, отражавшихъ душу его, углублявшихся въ нее, какъ зеркало въ зеркалѣ—до безконечности?

Повторяла ли она то, чего не договорила въ послѣднее свиданіе: нужно больше, чѣмъ любопытство, чтобы проникнуть въ самыя глубокія и, можетъ быть, самыя чудныя тайны Пещеры.

Или, это была равнодушная улыбка всевѣдѣнія, съ которою мертвые смотрятъ на живыхъ?

Онъ зналъ, что смерть ея—не случайность, и что онъ не могъ бы спасти ее, если бы хотѣлъ. Но никогда еще, казалось ему, не заглядывалъ онъ такъ прямо и близко въ лицо смерти. Подъ холоднымъ и ласковымъ взоромъ Джіоконды невыносимый ужасъ леденилъ ему душу.

И первый разъ въ жизни отступилъ онъ передъ бездною, не смѣя заглянуть въ нее,—не захотѣлъ знать.

Торопливымъ, какъ будто воровскимъ движеніемъ онъ опустилъ на лицо ея покровъ съ тяжелыми складками, подобный савану.

Весною, по просьбѣ французскаго намѣстника Шарля д'Амбуазъ, получилъ Леонардъ отпускъ изъ Флоренціи на три мѣсяца и отправился въ Миланъ.

Онъ былъ такъ же радъ покинуть родину и такимъ же безпріютнымъ изгнанникомъ, какъ двадцать пять лѣтъ назадъ, увидѣлъ снѣжныя громады Альпъ надъ зеленою равниною Ломбардіи.

Д. Мережковскій.

(Продолженіе слѣдуетъ).

АНТРОПОЛОГИЧЕСКІЕ ОЧЕРКИ.

Проф. А. Ѳ. Брандта.

(*Продолженіе* *).

Глава VI.

Естественно-историческое прошлое человѣка.

Десятки тысячелѣтій назрѣвали тѣ культуры, которыя еще сравнительно недавно казались намъ древнѣйшими; необъятному же періоду назрѣванія культуры долженъ былъ предшествовать еще болѣе необъятный ея зарожденія. На нашей памяти создалась новая отрасль знанія—первобытная или, какъ также выражаются, *до-историческая* исторія. Ея памятниками являются, вмѣсто письменъ, остатки свайныхъ построекъ, долмены (гробницы), бронзовыя или каменныя орудія, черепки гончарной утвари, остатки костровъ съ угольками, мусорныя кучи изъ костей и устричныхъ раковинъ, а въ лучшемъ случаѣ, грубыя изображенія, выцарапанныя на обломкахъ слоновой кости и оленьихъ роговъ. По такимъ археологическимъ памятникамъ приходится, какъ извѣстно, возстанавливать судьбы человѣчества въ обширные, такъ называемые вѣка бронзовый и каменный, дополняя недостающее по аналогіи матеріаломъ, почерпаемымъ изъ этнографіи современныхъ намъ «дикарей». Сколько тысячелѣтій потребовалось бы нынѣшнимъ низшимъ племенамъ, хотя бы папуасамъ и цейлонскимъ веддасамъ, подняться на культурную ступень, въ томъ случаѣ, если бы они были предоставлены самимъ себѣ, внѣ соприкосновенія съ опередившими ихъ народами, подняться на культурную ступень письменности?

Не удовлетворяясь, однако, дешифрированіемъ быта людей каменнаго вѣка, мы задаемся вопросомъ и о происхожденіи ихъ культуры, которая, при всей своей первобытности, еще далеко не можетъ быть названа наиболѣе элементарной. При этомъ мы обращаемъ свои взоры на міръ животныхъ, ища въ немъ первые культурные проблески. Вопреки прежнему, основанному на предразсудкѣ мнѣнію, мы теперь съ полною достовѣрностью знаемъ, что и четверорукія, въ помощь соб-

*) См. «Міръ Божій», № 9, сентябрь.

ственной природной силѣ и ловкости, пользуются въ подходящихъ случаяхъ и посторонними орудіями. Такъ, для обороны и нападенія они отламываютъ палки, поднимаютъ и швыряютъ камни; антропоморфныя же обезьяны устраиваютъ для ночлега на деревьяхъ курни или бесѣдки изъ обламываемыхъ ими же вѣтвей; они же обладаютъ и своего рода языкомъ, хотя и очень элементарнымъ, но, тѣмъ не менѣе, передающимъ не только ощущенія, но и простыя представленія и желанія.

Изъ какого рода первобытныхъ млекопитающихъ могъ бы выработаться человѣкъ? По предположенію *Дарвина*, изложенному въ его знаменитой книгѣ о происхожденіи человѣка и половомъ подборѣ, человѣкъ ведетъ свой родъ отъ волосатаго млекопитающаго животнаго, снабженнаго хвостомъ и заостренными ушами, которое по образу жизни было древеснымъ и обитало въ Старомъ Свѣтѣ; зоологи причислили бы это существо къ отряду четверорукихъ. Съ тѣхъ поръ, какъ была набросана эта довольно-таки неопредѣленная картина, прошло тридцатилѣтіе. За это время самой кипучей дѣятельности на поприщѣ естествознанія весьма много изслѣдовано и передумано. Добыты матеріалы и для критической оцѣнки *Дарвинова* взгляда.

Нельзя не считать вѣроятнымъ, что непосредственные человѣческіе предки были животными древесными, т. е. ловко лазившими по вѣтвямъ, хватаясь за нихъ и передними, и задними конечностями. Въ пользу этого говоритъ факультативная хватательная функція человѣческой ноги, которая,—мы это уже отмѣтили,—у новорожденнаго дитяти обладаетъ большою подвижностью какъ въ цѣломъ, такъ и въ пальцевомъ отдѣлѣ. Хватательная функція ногъ взрослаго человѣка нормально значительно угнетена, какъ это подобаетъ животному, отставшему отъ обычая цѣпляться ими за вѣтви и пользующемуся ногами какъ исключительнымъ орудіемъ для передвиженія по землѣ. Приспособленіе ихъ къ этому отправленію должно считаться сравнительно недавнимъ, иначе хватательныя способности ногъ не повторялись бы съ такимъ совершенствомъ еще у маленькаго ребенка и не изощрялись бы у безрукихъ людей, а ограничивались бы намекомъ въ зародышевомъ періодѣ. Другими словами, первоначальныя анатомическія свойства хватательной конечности еще не имѣли надлежащаго времени къ тому, чтобы окончательно стушеваться. Нельзя не согласиться съ нашимъ авторомъ, далѣе, и еще въ томъ, что наши животноподобные предки обладали болѣе густымъ волосянымъ покровомъ. Это проистекаетъ уже изъ того, что млекопитающія вообще покрыты шерстью, да и человѣкъ имѣетъ ее въ видѣ пушка на всемъ почти тѣлѣ, причемъ на иныхъ мѣстахъ она достигаетъ даже значительнаго развитія. Далѣе, въ зародышевой жизни наблюдается періодъ, когда онъ одѣтъ въ густую, нѣжную шубку. Впрочемъ, къ волосяному покрову мы еще основательнѣе вернемся.

Воспоминаніе объ украшавшемъ нашихъ предковъ хвостѣ мы всѣ носили на себѣ въ зародышевой жизни. (Анатомъ *Гисъ* описалъ аномальный человѣческій зародышъ съ особенно длиннымъ нитевиднымъ хвостомъ). Сохраненіе у людей на всю жизнь болѣе или менѣе развитого хвостика встрѣчается лишь какъ рѣдкое уродство. Послѣднее обстоятельство, а также отсутствіе хвоста уже у антропоморфныхъ обезьянъ и даже у турецкой мартышки (Jnuus ecaudatus) и, наконецъ, нормально раннее исчезновеніе зародышеваго хвоста даютъ намъ право предполагать сравнительно давнее исчезновеніе этого придатка у нашихъ предковъ, болѣе давнее, нежели переустройство заднихъ конечностей. А потому мнѣ кажется весьма сомнительнымъ его существованіе у нашихъ болѣе близкихъ животноподобныхъ предковъ

Аналогичное критическое замѣчаніе напрашивается и относительно принимаемой *Дарвиномъ* заостренной формы ушной раковины у этихъ

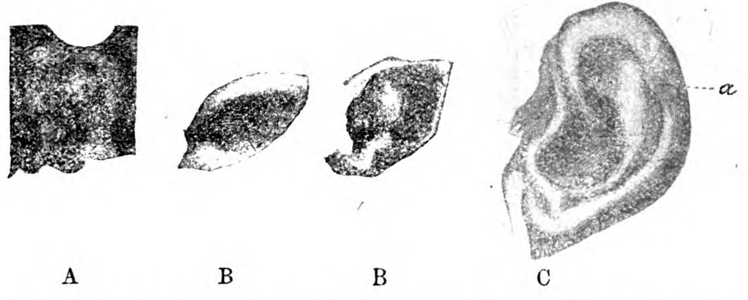


Рис. 31. Развитіе человѣческой ушной раковины. *A* — бугорки, выростающіе на жаберныхъ дугахъ; *BB* — трубчатая форма; *C*—ухо взрослаго съ вульнеровымъ отросткомъ.

предковъ. Англійскій скульпторъ *Вульнеръ* обратилъ его вниманіе на нѣкій отростокъ наружнаго витка человѣческой ушной раковины. Приблизительно половина людей обладаетъ имъ. Степень же его развитія подвержена сильнымъ колебаніямъ: то это лишь легкій, дугообразный выступъ, то своего рода зубецъ, обращенный остріемъ къ центру раковины, къ слуховому проходу. У мужчинъ онъ бываетъ рѣзче выраженъ, нежели у женщинъ. По толкованію *Дарвина*, Вульнеровъ отростокъ ничто иное, какъ подогнутый кончикъ трубчатаго уха большинства четвероногихъ. На нашемъ рисункѣ (рис. 31) первая фигура *(A)* представляетъ первоначальное развитіе ушной раковины изъ бугорковъ шейныхъ дугъ. Эта ступень развитія, какъ слишкомъ ранняя и общая всѣмъ млекопитающимъ животнымъ, здѣсь въ разсчетъ не входитъ. Позже, когда изъ разрощенія и сліянія бугорковъ уже сформировалась ушная раковина, наружный ея витокъ представляется гладкимъ и плоскимъ. Позже, къ третьему мѣсяцу утробной жизни, вся ушная раковина вытягивается трубкой или воронкой; вслѣдъ затѣмъ на ея краѣ выростаетъ остріе. Далѣе, край трубочки послѣдовательно под-

ворачивается и такимъ образомъ получается наружный ушной витокъ. Вмѣстѣ съ краемъ подворачивается, отставая въ ростѣ и сглаживаясь, и его остріе, причемъ превращается въ Вульнеровъ отростокъ. Этотъ путь развитія одинаковъ у человѣка и высшихъ обезьянъ, причемъ у взрослыхъ антропоморфныхъ обезьянъ отростокъ оказывается не чаще и не сильнѣе развитымъ, нежели у человѣка. Сопоставляя этотъ фактъ съ положеніемъ, что непосредственныхъ предковъ человѣка слѣдуетъ искать по сосѣдству не съ низшими, а съ высшими четверорукими, мы приходимъ къ выводу, что заостренныя уши едва-ли составляли принадлежность этихъ предковъ.

Уже изъ сказаннаго проистекаетъ, что рисуемая *Дарвиномъ* картина нашихъ предковъ при всей своей туманности опирается отчасти еще на неидущіе къ дѣлу признаки. Фантастическую картину предка

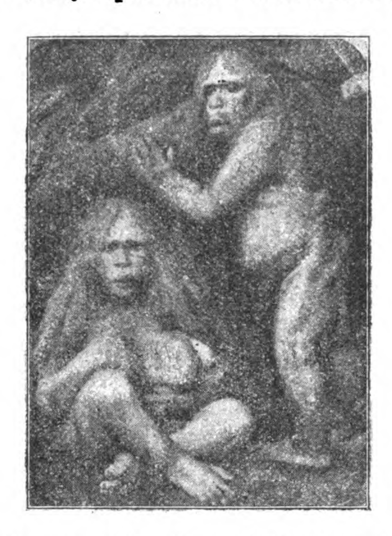


Рис. 32. Pithecanthropus alalus, фантазія Габріэля Макса и Геккеля.

олицетворилъ, подъ руководствомъ своего пріятеля проф. *Геккеля,* знаменитый живописецъ *Габріэль Максъ.* «Обезьяно-человѣкъ безмолвный» (Pithecanthropus alalus) гласитъ подпись картины. Авторами взяты въ общемъ признаки, средніе между человѣкомъ и антропоморфными обезьянами; между прочимъ, очень низкій лобъ, долженствующій указывать на слабое развитіе переднихъ долей большого мозга, гдѣ предполагается центръ рѣчи.

Отъ фантазіи обратимся къ достовѣрному. До послѣднихъ десятилѣтій ученые все еще лелѣяли слабѣвшій съ каждымъ годомъ лучъ надежды, что гдѣ-нибудь въ дебряхъ центральной Африки доживаютъ свой вѣкъ послѣдніе могиканы изъ родоначальныхъ животно-людей. Въ настоящее время окончательно убѣдились въ томъ, что переходныя формы отъ животныхъ къ человѣку приходится искать не на лицѣ земли, а въ ея нѣдрахъ: въ видѣ скелетовъ. Искали ихъ тамъ,

впрочемъ, ужъ давнымъ-давно, въ разныхъ странахъ свѣта, по преимуществу, въ наносныхъ пластахъ аллювіальныхъ и дилювіальныхъ, въ періоды ледниковый и доледниковый; но при этомъ наталкивались постоянно на однѣ только настоящія человѣческія кости, сопутствуемыя черепками глиняной посуды, каменными орудіями, костями пещернаго медвѣдя, пещернаго льва, мамонта и носороговъ. Вслѣдствіе такихъ отрицательныхъ результатовъ, стали обращать вниманіе на болѣе древнія, третичныя наслоенія земной коры, и тутъ, послѣ долгихъ тщетныхъ поисковъ, почти нежданно, негаданно удалось обнаружить кости невѣдомыхъ существъ, восполняющихъ, хотя бы только отчасти, пропасть между человѣкомъ и группой антропоморфныхъ обезьянъ. Центромъ этихъ изслѣдованій сдѣлалась находка доктора *Евгенія Дюбуа* (нынѣ профессора геологіи въ Амстердамѣ). Тѣмъ не менѣе справедливость требуетъ вспомнить сначала о болѣе раннихъ находкахъ, отчасти въ свое время не вѣрно истолкованныхъ или недостаточно рекламированныхъ.

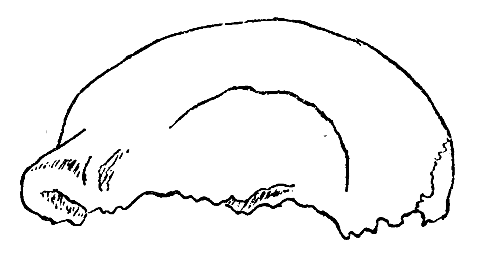


Рис. 33. Неандертальскій черепъ, сбоку.

Сюда относится пресловутый *неандертальскій черепъ* или, вѣрнѣе, лишь черепная покрышка (рис. 33). Этотъ обломокъ былъ найденъ еще въ 1856 г. въ прирейнской Пруссіи вмѣстѣ съ другими костями очень сходными, если не тождественными съ человѣческими. Черепная покрышка весьма низкая съ пологимъ лбомъ, съ сильно выступающими надбровными дугами, свидѣтельствующими о необычайномъ для человѣка развитіи лобныхъ пазухъ. Древность даннаго черепа, т. е. его принадлежность къ той или другой формаціи, остается спорной въ виду того, что онъ найденъ въ оврагѣ, куда могъ быть занесенъ потоками воды. Чего, чего не высказывалось по поводу неандертальскаго черепа? Одни считаютъ его просто человѣческимъ, полагая, что аналогичные черепа и понынѣ встрѣчаются у людей; другіе относили его къ низшей человѣческой расѣ. За таковую—упомяну въ видѣ курьеза—проф. *Майеръ* принималъ нашихъ казаковъ! По крайней мѣрѣ, онъ предполагалъ, не принадлежалъ-ли черепъ (на которомъ видно трехгранное пораненіе, быть можетъ, отъ укола штыкомъ) казаку наполеоновскихъ временъ, тринадцатаго года, сложившему свои кости близъ береговъ Рейна. Еще другіе авторы склонны усматривать въ черепѣ при-

знаки, средніе между человѣческими и обезьяньими. На самомъ дѣлѣ, сличеніе его съ черепомъ шимпанзе какъ будто благопріятствуетъ такому толкованію. Знаменитый патолого-анатомъ и антропологъ *Вирховъ* усматриваетъ на черепѣ признаки англійской болѣзни, рахитизма, и приписываетъ его необычайную форму именно этой болѣзни, самый же черепъ считаетъ за принадлежащій старому человѣческому субъекту. Но рахитизмомъ страдаютъ и животныя, нагляднымъ доказательствомъ чему служатъ почти поголовно содержимыя въ звѣринцахъ. Условія существованія первобытныхъ людей въ пещерахъ и дуплахъ въ крайне антигигіенической обстановкѣ могутъ считаться причиною того, что и между ними попадались явные рахитики. Животно люди жили, надо полагать, при аналогичныхъ условіяхъ; отчего и имъ было не страдать нерѣдко рахитизмомъ, при которомъ зачастую сохраняется типичная форма черепа? Предположеніе же принадлежности неандертальскаго черепного обломка именно такому промежуточному существу—хотя бы и очень близкому человѣку—получаетъ въ настоящую пору новую пищу.

Десятилѣтіе тому назадъ *Фрепонъ* *) описалъ найденныя въ Бельгіи части двухъ скелетовъ, свидѣтельствующихъ о человѣкоподобномъ существѣ съ черепной коробкой, близкой одновременно и къ неандертальской, и къ найденной *Дюбуа*. Изслѣдованія *Фрепона* почему-то игнорируются громаднымъ большинствомъ авторовъ, сосредоточивающихъ свое вниманіе на находкѣ *Дюбуа*.

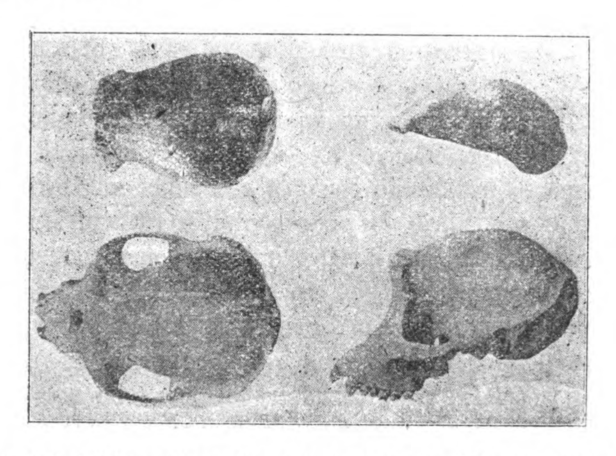
Производя раскопки въ береговомъ обрывѣ пересохшей рѣки Бенгаваны на о. Явѣ, *Дюбуа* въ 1891 г. въ слоѣ мягкаго песчаника, на 1 метръ ниже рѣчного ложа, вмѣстѣ съ многочисленными остатками позвоночныхъ, въ особенности млекопитающихъ животныхъ, нашелъ сначала коренной зубъ своего «Pithecanthropus'а» (рис. 34). Мѣсяцъ спустя, на разстояніи метра отъ зуба посчастливилось извлечь покрышку черепа (A); а черезъ годъ на 15 метровъ выше по теченію еще и бедренную кость (B). При дальнѣйшихъ раскопкахъ въ томъ же мѣстѣ, уже послѣ опубликованія *Дюбуа* его знаменитой книги, былъ добытъ еще второй зубъ. Въ виду потрясающихъ ученый міръ вотъ уже нѣсколько лѣтъ изслѣдованій о явскомъ Pithecanthropus'ѣ, которыя вызвали цѣлую спеціальную и популярную литературу, намъ нельзя не остановиться на нихъ **).

Что касается прежде всего древности остатковъ предполагаемаго соединительнаго звена между четверорукими и двурукими, то, судя по найденнымъ совмѣстно костями буйвола, гиппотама, носороговъ, гіенъ и т. д., геологи и палеонтологи не сомнѣваются въ принадлежности

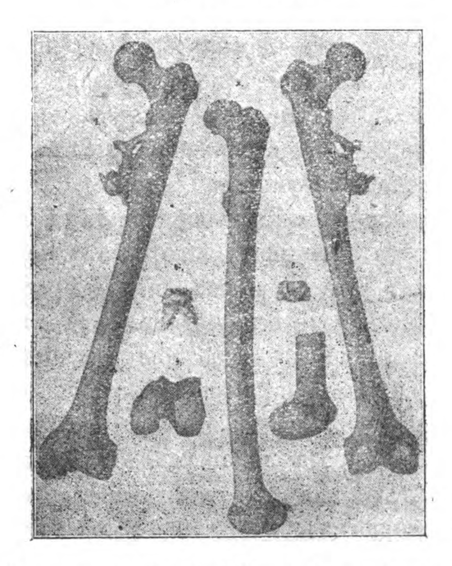
*) «Archive de Biologie». VII. 1887.

**) См. также «Міръ Божій», 1898 г., іюль. «Находка д-ра Дюбуа», ст. Н. Могилянскаго, отд. II, «Научный обзоръ». *Ред.*

ихъ къ новотретичному періоду. Существенныхъ сомнѣній не высказано и относительно принадлежности черепа, бедра и зубовъ одному и тому же виду и, вѣроятно, одному и тому же экземпляру; хотя они и не лежали бокъ о бокъ, но въ свое время могли быть разрознены теченіемъ воды.



A) *Черепа*: 1,1a Pithecanthropus'а сверху и сбоку; 2,2a взрослаго шимпанзе сверху и сбоку.



B) *Бедренная кость и коренной зубъ* Pithecanthropus'а съ разныхъ сторонъ.

Рис. 34. Pithecanthropus erectus и черепъ шимпанзе.

Покрышка черепа (рис. 34 A) продолговато-яйцевидная, длиною въ 18,5, шириною до 13 сантиметровъ, т.-е. размѣровъ, встрѣчающихся нерѣдко у человѣка. Зато до сихъ поръ еще никто никогда не видалъ такого низкаго, плоскаго человѣческаго черепа. Обезьяній типъ его

сказывается въ сильномъ, совсѣмъ нечеловѣческомъ развитіи выступающихъ впередъ глазныхъ частей. Лишь черепа, найденные *Фрепономъ*, и неандертальскій—по крайней мѣрѣ, мнѣ такъ кажется—довольно близки въ этомъ отношеніи, да и вообще по формѣ, къ найденному *Дюбуа*. Наибольшее сходство черепъ явскаго Pithecanthropus'а имѣетъ съ черепомъ шимпанзе (рис. 34) и въ особенности гиббоновъ. Сходство это сказывается не только въ общихъ пропорціяхъ частей, но также въ отсутствіи на макушкѣ продольнаго гребня. Такія гребни являются мѣстомъ прикрѣпленія непомѣрно развитыхъ височныхъ жевательныхъ мускуловъ, которые занимаютъ всю боковую поверхность черепа, вплоть до средней его линіи и, благодаря возвышенію этой линіи гребнемъ, получаютъ такую толщину, что черепъ въ мясѣ кажется шарообразнымъ. Особенно хорошо мы это видимъ у хищниковъ по преимуществу у крупныхъ. Тутъ надо имѣть въ виду, что гребень вырабатывается подъ вліяніемъ упражненія и утолщенія височныхъ мускуловъ, а эти мускулы лишь поздно достигаютъ полнаго развитія, такъ какъ дѣйствуютъ на нижнюю челюсть, которая, въ свою очередь, вмѣстѣ съ остальнымъ лицевымъ отдѣломъ черепа точно также позднѣе развивается.

Маленькая собачка, говорится, до старости—щенокъ. Краніологически это совершенно правильно и подтверждается пропорціональностью мозгового и лицевого отдѣла черепа и также невыработкою у мелкихъ собачьихъ породъ вовсе черепного гребня. Точно также дѣло не доходитъ до его развитія и у мелкихъ обезьяньихъ видовъ. Это отрицательный признакъ, дополняющій сходство подобнаго черепа, да и молодыхъ череповъ крупныхъ видовъ обезьянъ, съ человѣческимъ. Гиббоны—обезьяны мелкія въ сравненіи съ гориллой, орангутаномъ и шимпанзе, соотвѣтствующіе и по складу черепа, примѣрно, годовому ихъ дѣтенышу. Поэтому и ихъ лице-челюстной аппаратъ мало развитъ, а на покрышкѣ мозгового черепа нѣтъ и гребня. Постараюсь быть еще яснѣе. Если гиббонъ сталъ бы увеличиваться противъ теперешней нормы, то, думаю, и у него появился бы этотъ гребень, тогда какъ у человѣка съ его мозговымъ отдѣломъ черепа, развитымъ предпочтительно передъ лицевымъ, этого ожидать нельзя. Эти соображенія надо имѣть въ виду при критической оцѣнкѣ сходства между черепами Pithecanthropus'а и гиббона. «Увеличенный линейно вдвое черепъ гиббона по виду лишь мало отличался бы отъ черепа Pithecanthropus'а»—заявляетъ *Дюбуа*; и это совершенно вѣрно; но все же надо имѣть въ виду, что при этомъ оцѣниваются признаки, на которые ростъ оказываетъ большое вліяніе. Явская ископаемая форма, судя по длинѣ бедренной кости, равнялась взрослому человѣку, а не годовому или двухгодовому ребенку. Вотъ почему надо быть, по возможности, осторожнѣе и по отношеніи гипотезической родословной человѣка, набрасываемой *Дюбуа*. Въ ней, какъ ближайшій предокъ человѣка, стоитъ

его Pithecanthropus erectus. Болѣе древними предками онъ склоненъ считать первогиббоновъ. Въ сторонѣ отъ этой главной восходящей вѣтви родословнаго дерева стояли бы современные гиббоны, оранги, шимпанзе и гориллы.

Свою находку *Дюбуа* демонстрировалъ на многочисленныхъ мѣстныхъ, національныхъ и международныхъ съѣздахъ и всюду возбуждалъ самыя горячія обсужденія. Ученые высказывались за принадлежность костей одни настоящей антропоморфной обезьянѣ, другіе человѣческому существу. Еще другіе, получившіе рѣшительный перевѣсъ, за существо среднее. Судя по формѣ бедренной кости, Pithecanthropus *Дюбуа* уже ходилъ отвѣсно, по-человѣчески. Отсюда предложенное для него видовое названіе *erectus*, т.-е. выпрямленный. Что касается количества мозга, то оно составляло у него, предположительно, еще только около двухъ третей присвоеннаго въ среднемъ человѣку, хотя въ свою очередь вдвое превосходило присвоенное гориллѣ. Зубы съ ихъ сильно расходящимися корнями обезьянняго типа. Въ общемъ, мнѣ кажется весьма правдоподобнымъ мнѣніе тѣхъ ученыхъ, которые предостерегаютъ отъ увлеченій и полагаютъ, что рисковано считать Pithecanthropus'а безпрекословно предкомъ человѣка; что было бы осторожнѣе сопричислить его лишь къ попыткамъ очеловѣченія животнаго. Этотъ взглядъ опирается еще на соображеніе о древности человѣческаго рода. Дѣло въ томъ, что скелетные остатки явской формы найдены въ *ново*-третичныхъ отложеніяхъ, тогда какъ слѣды человѣческой культуры, въ видѣ грубыхъ кремневыхъ орудій, спускаются до болѣе глубокихъ слоевъ той же третичной формаціи. Или, быть можетъ, уже Pithecanthropus обрабатывалъ кремневыя орудія простѣйшаго типа?

Во всякомъ случаѣ, картина человѣческаго предка, даваемая находкой *Дюбуа*, слишкомъ отрывочная, чтобы не вызывать на дальнѣйшія палеонтологическія изысканія. Послѣднія, будучи распространены на самыя разнообразныя пункты земного шара, раньше или позже должны увѣнчаться успѣхомъ. Подтвержденіемъ тому служитъ черепъ, описанный *Нерингомъ* въ 1894 г., очень сходный съ явскимъ; онъ найденъ еще многимъ раньше въ Бразиліи, въ приблизительно одинаково древнемъ пластѣ земли *). Если позволено присоединить сюда еще скелетные остатки изъ Неандерталя и Бельгіи, то навязывается представленіе о томъ, что разныя градаціи переходныхъ формъ отъ четверорукихъ были нѣкогда широко распространены по лицу земному.

И такъ, ученіе о постепенной выработкѣ изъ низшихъ формъ также и человѣка перестаетъ быть уже чистой, висящей на воздухѣ гипотезой, ибо пропасть начинаетъ восполняться переходными формами. За

*) Эта находка могла бы свидѣтельствовать противъ предположенія *Дарвина*, что человѣческій родъ выработался непремѣнно въ Старомъ Свѣтѣ, предположеніе, впрочемъ, не выдерживающее критики уже потому, что въ третичный періодъ континенты распредѣлялись совершенно по иному, чѣмъ современные.

*

отрывочностью нашихъ современныхъ познаній объ этихъ формахъ, считаю умѣстнымъ пополнить картину теоретическими соображеніями на счетъ выработки главнѣйшихъ соматическихъ признаковъ человѣка.

Въ числѣ ихъ на первомъ планѣ отвѣсное положеніе тѣла. Переднія и заднія конечности четвероногихъ животныхъ вообще одинаковой длины: такъ мы судимъ по горизонтальному положенію туловища. Въ сущности это не совсѣмъ правильно, ибо если разложить въ линію кости тѣхъ и другихъ конечностей, то заднія оказываются длиннѣе. Въ живомъ тѣлѣ онѣ лишь болѣе согнуты въ своихъ суставахъ, бедренномъ и колѣнномъ. Это вполнѣ гармонируетъ съ ихъ отправленіемъ какъ главныхъ двигателей тѣла впередъ. Углы этихъ конечностей, выпрямляясь, толкаютъ, какъ бы подбрасываютъ впередъ все туловище, которое переваливается при этомъ на переднія конечности и ими поддерживается. Болѣе активная роль выпадаетъ на долю послѣднихъ лишь при усиленныхъ движеніяхъ. Толкательная функція заднихъ конечностей особенно бросается въ глаза, когда лошадь беретъ барьеръ, и подавну у животныхъ, спеціально приспособленныхъ къ прыганію, каковы тушканчики и кэнгуру съ ихъ укороченными и утонченными передними ногами. На четверенькахъ эти животныя ходятъ лишь въ видѣ исключенія, какъ бы неохотно; но тѣмъ чаще пользуются ими для хватанія и поднесенія ко рту пищи. Стоя или идя на четверенькахъ, такія животныя низко опускаютъ голову и высоко подымаютъ задъ, а потому заслуживаютъ названія *обратнопокатыхъ*. Имъ противопоставляются *прямопокатыя*, какъ гіена, жирафъ, туловище которыхъ выведено изъ горизонтальнаго направленія въ противоположномъ смыслѣ.

Къ прямопокатымъ животнымъ относятся и антропоморфныя обезьяны. Можно догадываться, что польза необычайнаго удлиненія ихъ переднихъ конечностей заключается въ доставаніи, при лазаніи по деревьямъ, болѣе отдаленныхъ вѣтвей. Польза эта не маловажная, такъ какъ позволяетъ срывать плоды съ тонкихъ вѣтокъ, не способныхъ снести тяжесть обезьяньяго тѣла, и дѣлать болѣе быстрыя передвиженія по деревьямъ въ случаѣ преслѣдованія. Степень удлиненія переднихъ конечностей неодинакова у различныхъ представителей антропоморфныхъ обезьянъ, причемъ наибольшее удлиненіе приходится на долю гиббоновъ. На четверенькахъ антропоморфы ходятъ какъ бы крадучись, перестанавливая не спѣша конечности, или же своего рода прыжками. Послѣдніе заключаются въ томъ, что, упираясь въ выпрямленныя переднія конечности, животное задними подбрасываетъ туловище впередъ, въ родѣ того, какъ хромые ходятъ на костыляхъ. Сообразно степени удлиненія переднихъ ногъ, измѣняется наклонъ туловища къ горизонту. Поэтому, гиббоны, у которыхъ опущенныя руки достигаютъ пятокъ, уже на четверенькахъ стоятъ почти по отвѣсу. Еще ничтожный поворотъ туловища вокругъ горизонтальной

оси—и ихъ центръ тяжести подперть одними брюшными конечностями, безо всякаго содѣйствія грудныхъ. Вотъ чѣмъ объясняется фактъ, что гиббоны охотно ходятъ и по-человѣчески. При этомъ ихъ походка еще неувѣренная, а съ опаской упасть, какъ у человѣка, который переправляется по узкой доскѣ черезъ ручей или канаву.

Переднія конечности человѣка гораздо короче заднихъ. Становясь на четвереньки, онъ изображаетъ изъ себя *обратнопокатое* животное. Тѣмъ не менѣе, мы склонны допустить, что его отвѣсная поза выработалась изъ *прямопокатой*, что его животноподобные предки обладали очень длинными *передними* конечностями. Лишь по достиженіи отвѣсной позы эти конечности стали укорачиваться. Эта гипотеза опирается на факты, хотя и не палеонтологическіе, а лишь заимствованные изъ хода индивидуальнаго развитія; но и на послѣднемъ, какъ мы уже знаемъ, отражается путь развитія всего племени.

Въ зародышевомъ періодѣ человѣческой жизни грудныя конечности развиваются быстрѣе брюшныхъ. Такъ, у двухмѣсячнаго зародыша первыя составляютъ половину собственно туловища (т.-е. за выключеніемъ головы и шеи), вторыя же едва болѣе одной трети. Было бы поспѣшно изъ такого рода данныхъ дѣлать прямые филогенетическіе выводы. На самомъ дѣлѣ, усиленный ростъ грудныхъ конечностей находится въ явной связи съ такимъ же ростомъ всей передней (т.-е. верхней, головной) половины тѣла, общимъ всѣмъ животнымъ. Такимъ образомъ, этотъ періодъ не въ счетъ. Позже, насколько вижу на нѣсколькихъ измѣренныхъ мною зародышахъ, длина обѣихъ паръ конечностей выравнивается, и тѣмъ самымъ зародышъ доходитъ до ступени, пожизненно зафиксированной у типичныхъ четвероногихъ и неантропоморфныхъ обезьянъ. Вотъ съ этой ступени и надо исходить при интересующихъ насъ разсужденіяхъ. Если не ошибаюсь, лишь съ достиженіемъ плодомъ зрѣлости, и еще замѣтнѣе послѣ рожденія ребенка на свѣтъ, наступаетъ новый временный перевѣсъ въ ростѣ грудныхъ конечностей. Благодаря ему, эти конечности—уже между 3 и 6 годами — достигаютъ длины туловища, тогда какъ брюшныя достигаютъ лишь между 6 и 10 годами. Тогда вновь наступаетъ равенство, за которымъ уже слѣдуетъ истинно-человѣческое преобладаніе брюшныхъ конечностей, этихъ своего рода ходуль, разсчитанныхъ на большой шагъ при отвѣсной позѣ тѣла. Вотъ это-то временное, въ первые годы дѣтства, преобладаніе рукъ надъ ногами и можетъ по праву считаться воспоминаніемъ того періода развитія человѣческаго племени, когда оно соотвѣтствовало прямопокатому антропоморфному четверорукому. Насъ не должно смущать, что это воспоминаніе приходится не на зародышевый, а на послѣзародышевый періодъ, ибо оно касается лишь недавняго естественно-историческаго прошлаго. Не должна насъ смущать и слабая степень преобладанія длины верхнихъ конечностей надъ нижними. Тутъ достаточно уже намека, такъ какъ

развитіе индивида есть вообще не больше какъ *сокращенное* повтореніе исторіи племени. *К. М. Бэръ* недоумѣваетъ и приводитъ свое недоумѣніе какъ аргументъ противъ происхожденія человѣка отъ первобытнаго четверорукаго—почему-де между людьми не встрѣчаются, какъ уродство, четверорукія? Это недоумѣніе рѣшается очень просто тѣмъ, что нѣтъ мѣста для уродства тамъ, гдѣ искомый признакъ явленіе нормальное. Всякое новорожденное дитя, безъ изъятія, на придачу къ хватательнымъ рукамъ, имѣетъ еще и хватательныя ноги.

По мѣрѣ того, какъ руки человѣческихъ предковъ пріобрѣтали ловкость въ пользованіи камнями, дубинами и другого рода позаимствованными извнѣ орудіями для борьбы съ врагами и добыванія пищи,—должны были уменьшиться зубы, а вмѣстѣ съ ними и челюсти, да и вся лицевая часть черепа. Такимъ образомъ, черепъ сталъ приближаться все болѣе и болѣе къ истинно-человѣческому типу. Что же касается рукъ, то имъ управляла психика, которая, въ свою очередь, обогащалась опытомъ и результатами ручной работы. Такимъ образомъ, отчасти благодаря рукамъ, изощрялся и совершенствовался и психическій органъ, мозгъ.

(*Окончаніе слѣдуетъ*).

КИТАЙ и КИТАЙЦЫ.

(*Продолженіе* *).

VI.

Каждый годъ въ Пекинѣ или въ одной изъ провинціальныхъ столицъ правдами и неправдами тысячи китайцевъ пріобрѣтаютъ ученыя степени. Государственные экзамены въ Китаѣ можно держать неограниченное число разъ, и всякій настойчивый человѣкъ можетъ въ концѣ концовъ добиться степени. Есть даже особый законъ, по которому китаецъ, аккуратно являвшійся на каждый экзаменъ въ столицу и не выдерживавшій его, послѣ 80-ти лѣтъ получаетъ во всякомъ случаѣ ученую степень — не за успѣхи, а за настойчивость.

Каждый награжденный ученою степенью китаецъ стремится несомнѣнно къ одному—реализировать свое право на казенное мѣсто, и чѣмъ дольше онъ стучался въ ворота храма знаній, тѣмъ настоятельнѣе для него необходимость получить хлѣбное мѣстечко; съ теченіемъ времени у него накопилось порядочное количество невыполненныхъ обязательствъ. Въ центральныхъ учрежденіяхъ мѣстъ для всѣхъ желающихъ не хватаетъ, и правительство разсылаетъ обѣднѣвшихъ ученыхъ на кормленіе по разнымъ провинціямъ государства. Но и тамъ, конечно, не всѣ жаждущіе пристроиться къ казенному пирогу сразу получаютъ служебное назначеніе. Они осаждаютъ просьбами и даже угрозами мѣстныхъ администраторовъ, доводя ихъ иногда до отчаянія своею назойливостью. 23 сентября 1880 года, въ «Пекинской газетѣ» былъ помѣщенъ докладъ квантунгскаго вице-короля, въ которомъ онъ убѣдительно проситъ не присылать ему больше кандидатовъ на казенныя должности, такъ какъ ему положительно некуда ихъ дѣвать. Въ Квантунгѣ имѣется всего 414 штатныхъ мѣстъ, а кандидатовъ на нихъ 1.820 **).

Что же дѣлаютъ всѣ эти тысячи кандидатовъ? Вѣдь имъ надо чѣмъ-нибудь существовать. Они и существуютъ, конечно, на средства

*) См. «Міръ Божій», № 9. Сентябрь.

**) Brandt, «Aus dem Lande des Zopfes», стр. 61.

того же населенія, изыскивая разные способы эксплуатировать его невѣжество, пользоваться его безправіемъ. Нѣкоторые изъ нихъ дѣлаются врачами или вольными учителями, подготовляющими новыя фаланги такихъ же ученыхъ. Большинство же предпочитаетъ ютиться около тѣхъ же ямыней, образуя кадры сверхштатной бюрократіи, угнетающей народъ не меньше служащихъ чиновниковъ.

Главнымъ ихъ занятіемъ служитъ всякаго рода посредничество между населеніемъ и мандаринами,—посредничество, конечно, далеко не безвозмездное. Они являются чѣмъ-то вродѣ частныхъ ходатаевъ по дѣламъ въ судахъ, они пишутъ разныя прошенія и жалобы, они предлагаютъ свои услуги въ качествѣ третейскихъ разбирателей,—однимъ словомъ, вмѣшиваются во всѣ дѣловыя отношенія населенія и, пользуясь репутаціей своей мнимой учености, вымогаютъ, гдѣ возможно и сколько возможно.

Для Китая этотъ классъ неслужащихъ ученыхъ является вмѣстѣ съ чиновничествомъ главнымъ бременемъ и главнымъ препятствіемъ всякому движенію впередъ. Они держатся только благодаря существующему строю, позволяющему имъ обирать народъ и жить на его счетъ. Въ то же время они ясно сознаютъ, что безплодная китайская ученость, убивающая въ зародышѣ всякую попытку свободнаго изслѣдованія, всякую творческую мысль, служитъ самымъ прочнымъ фундаментомъ для всего административнаго зданія, и всякая брешь въ этомъ фундаментѣ можетъ пошатнуть самое зданіе. Поэтому, они являются самыми упорными и яростными противниками всякихъ реформъ въ образовательной системѣ. Характерно для Китая, что тамошняя интелигенція,—если только можно приложить это названіе къ носителямъ китайской учености,—является наиболѣе консервативнымъ элементомъ общества. Инстинктивно она чувствуетъ, что столкновеніе съ Европой повлечетъ за собою несомнѣнно кризисъ китайской цивилизаціи, и прежде всего отразится гибельнымъ образомъ на самихъ ученыхъ, лишивъ ихъ возможности спекулировать своей мнимой ученостью. «Если глупыя рѣчи европейцевъ станутъ когда-нибудь истиной,—говорятъ они,—и Китай дѣйствительно будетъ подѣленъ, какъ дыня, тогда святое ученіе Конфуція погибнетъ; пять каноническихъ и четыре классическихъ книги будутъ брошены, какъ мѣшокъ пепла, и *ученымъ не придется болѣе разсчитывать на мѣста*». И въ этомъ послѣднемъ для нихъ, конечно, центръ вопроса. Не мудрено, что всякое движеніе противъ европейцевъ непремѣнно считаетъ въ числѣ подстрекателей нѣсколькихъ такихъ псевдоученыхъ. Въ 1870 году тянь-тзинскій даотай, отправленный въ ссылку за то, что не помѣшалъ разгрому общины сестеръ милосердія, получилъ отъ мѣстной интелигенціи почетный зонтикъ—обычная форма выраженія сочувствія и одобренія чиновникамъ со стороны населенія.

Такимъ образомъ, мы видимъ, что верхніе слои китайскаго обще-

ства—служащая и не служащая бюрократія—служатъ самымъ сильнымъ оплотомъ старины и самымъ непримиримымъ врагомъ новшествъ. Спускаясь ниже по соціальной лѣстницѣ, мы увидимъ, что стимулы къ охраненію старыхъ основъ становятся все слабѣе, а боязнь реформъ теряетъ свою реальную подкладку. Для остальныхъ слоевъ населенія переворотъ, какой могло бы повести ближайшее знакомство съ Европой, явился бы настоящимъ благодѣяніемъ, но, конечно, до сихъ поръ въ Китаѣ немногіе, даже наиболѣе заинтересованные въ этомъ, пришли къ такому сознанію.

VII.

Послѣ ученыхъ наибольшимъ вліяніемъ въ китайскомъ обществѣ пользуется купечество. Склонность къ торговлѣ вообще сильно развита у китайцевъ, и всѣ виды торговли, отъ самой мелкой до самой крупной оптовой, съ незапамятныхъ временъ процвѣтали въ Китаѣ. И теперь при въѣздѣ въ китайскій городъ путешественника прежде всего поражаетъ безконечное количество всевозможныхъ разносчиковъ, лавокъ, лавченокъ и открытыхъ лотковъ съ разнообразнѣйшими товарами. Большія постоянныя лавки украшены обыкновенно пестрой или золоченой рѣзьбой и снабжены раскрашенными вывѣсками, болтающимися на вертикальныхъ прутьяхъ надъ головами прохожихъ, но не эти магазины придаютъ такой характерный и оживленный видъ китайскому городу. Тутъ же на тротуарахъ узкихъ улицъ, на небольшихъ площадяхъ расположились со своими лотками или даже цѣлыми палатками изъ циновокъ разнообразнѣйшіе торговцы. Здѣсь вы увидите и разныя принадлежности сложной китайской одежды, и глиняную посуду, и музыкальные инструменты; поваровъ съ походными кухнями, угощающихъ прохожихъ горячими жирными лепешками, лапшой, бобовой похлебкой, рисовыми клецками и другими неприхотливыми кушаньями небогатаго китайскаго стола. Здѣсь же изобрѣтательный торговецъ открылъ безпроигрышную лоттерею, гдѣ за нѣсколько чоховъ *) можно выиграть какое-нибудь грошовое лакомство, игрушку или посуду. Его скромный заработокъ обезпеченъ, такъ какъ китаецъ отъ природы игрокъ, и самая пустяковинная лотерея привлекаетъ къ себѣ цѣлую толпу. Дальше расположился продавецъ фальшивыхъ косъ, зонтовъ и вѣеровъ, а рядомъ съ нимъ китайскій букинистъ торгуетъ лубочными изданіями плохихъ романовъ и театральныхъ пьесъ. Наконецъ, на всякой большой улицѣ вы встрѣтите непремѣнно торговца птицами или сверчками. Любовь къ пернатымъ очень распространена среди китайцевъ. Какъ у насъ многіе гуляютъ съ любимыми собаками, такъ китаецъ прогуливается, держа на жердочкѣ или въ клѣткѣ свою лю-

*) Чохъ меньше четверти копѣйки.

бимую птичку; въ холодное время клѣтка покрывается особымъ ватнымъ колпачкомъ. Даже рабочіе не чужды этой страсти,—сплошь и рядомъ они берутъ съ собой птичку, идя на работу; прикрѣпляютъ ее гдѣ-нибудь невдалекѣ отъ себя и, работая, бесѣдуютъ со своими любимцами, а во время отдыха отпускаютъ ихъ летать и забавляются съ ними. Сверчки тоже доставляютъ много удовольствія китайцамъ; они устраиваютъ для нихъ маленькіе домики, кормятъ и холятъ ихъ и наслаждаются ихъ музыкальнымъ трещаньемъ. Кромѣ того, въ Китаѣ очень цѣнится особая порода большихъ сверчковъ, которые воспитываются для боевыхъ состязаній. Бои сверчковъ составляютъ одно изъ любимыхъ развлеченій китайцевъ. Эти представленія устраиваются обыкновенно гдѣ-нибудь на площади, гдѣ попросторнѣе, и собираютъ большую толпу зрителей. Вотъ какъ описываетъ докторъ Пясецкій этотъ специфическій китайскій спортъ *).

«Два обладателя этихъ потѣшныхъ рыцарей сходятся, назначаютъ призъ побѣдителю, обыкновенно денежный, и затѣмъ выпускаютъ своихъ героевъ въ бой. Ареной служитъ пустая открытая чашка съ прямымъ дномъ и вертикальными боками; на нее выпускаютъ сначала одного сверчка, потомъ другого. Эти маленькія насѣкомыя до такой степени враждебно относятся къ своему собрату того же пола, что достаточно прикосновенія усами другъ къ другу, чтобъ немедленно началось наступленіе или одновременно съ обѣихъ сторонъ, или какого-нибудь одного. Тотчасъ начинается бой крѣпкими, острыми челюстями; бойцы схватываются, какъ два человѣка, и дерутся, пока одинъ не обратится въ бѣгство или не будетъ выброшенъ вонъ изъ чашки. Вслѣдъ за этимъ слѣдуетъ радость и смѣхъ хозяина побѣдителя, и конфузъ и неудовольствіе проигравшаго. Кромѣ приза, достающагося одному изъ обладателей бойцовъ, часто устраиваются пари между зрителями, собирающимися на подобныя состязанія».

Возбужденный интересъ, съ какимъ толпа взрослыхъ китайцевъ слѣдитъ за этимъ безкровнымъ боемъ, служитъ доказательствомъ миролюбиваго вообще характера китайцевъ, — жестокія, кровавыя зрѣлища, привлекающія европейцевъ, совсѣмъ незнакомы гражданамъ Небесной имперіи.

Торговцы сверчками могутъ наживать хорошія деньги, — цѣна испытаннаго въ бояхъ сверчка подымается иногда довольно высоко, до 30 рублей и дороже. Новички, конечно, цѣнятся значительно дешевле.

Кромѣ всѣхъ этихъ продавцевъ, ведущихъ болѣе или менѣе осѣдлый торгъ, по узкимъ улицамъ, между двухколесными тачками, носилками и вьючными животными, снуютъ во всѣ стороны различные разносчики съѣстныхъ припасовъ, мелочей, игрушекъ, воды, льду, лакомствъ, разныхъ хлопушекъ, фонарей и пр., и пр. Всѣ разносчики

*) Пясецкій, «Путешествіе по Китаю», т. I, стр. 183.

не только выкликаютъ на разные голоса названія своего товара, но еще пользуются для привлеченія вниманія разнообразными музыкальными инструментами. У одного имѣются маленькіе мѣдные бубны, у другого колокольчикъ, у третьяго труба, колотушки, трещетки, барабаны, желѣзныя пластинки,—все это наполняетъ воздухъ невообразимымъ шумомъ и гамомъ.

Эта мелкая уличная торговля совершается, конечно, на минимальные капиталы и даетъ ничтожный доходъ. Зато она и производится довольно безпрепятственно. Съ этихъ жалкихъ полунищихъ, полуторговцевъ, дѣйствительно, нечего взять, и правительственные чиновники волей-неволей махнули на нихъ рукой и болѣе или менѣе оставляютъ ихъ въ покоѣ. Другое дѣло настоящіе купцы, ведущіе крупную торговлю внутри страны,—тутъ есть чѣмъ поживиться, и китайская администрація не упускаетъ своего. Она беретъ съ нихъ сколько возможно, не обращая вниманія на то, что при этомъ своими руками душитъ торговлю страны. Кромѣ всевозможныхъ налоговъ и пошлинъ, которыми облагается въ Китаѣ всякая торговая сдѣлка, кромѣ таможенной пошлины на границахъ отдѣльныхъ провинцій, тамъ существуетъ еще особая внутренняя пошлина—лицзинъ, крайне тяжело отзывающаяся на торговлѣ. Эта пошлина взимается съ каждаго мѣста товара, перевозимаго внутри страны. Для сбора ея по дорогамъ внутри провинцій устроены заставы, гдѣ правительственные чиновники должны взимать пошлину съ мимо идущихъ каравановъ. Сама по себѣ очень высокая, эта пошлина увеличивается еще благодаря полнѣйшему отсутствію контроля за ея сборомъ. Чиновники засѣдаютъ на этихъ заставахъ, точно рыцари большой дороги, и облагаютъ произвольною данью проѣзжихъ купцовъ. Нѣкоторыя мѣстности Китая особенно славятся многочисленностью этихъ заставъ и свирѣпостью чиновниковъ, и купцы предпочитаютъ дѣлать большіе объѣзды, чтобы только миновать опасныя мѣста. Извѣстный знатокъ восточной торговли Хольтъ Халлетъ сообщаетъ, напримѣръ, что Гуйлинь, столица провинціи Гуанси, выписываетъ иностранные товары черезъ Ханькоу, отстоящій отъ нея на 2.000 миль, вмѣсто того, чтобъ получать ихъ изъ Кантона, находящагося всего въ 260 миляхъ. И дѣлается это исключительно потому, что по дорогѣ въ Кантонъ особенно много заставъ для взиманія лицзина.

Кромѣ этихъ налоговъ, тяжелымъ бременемъ лежащихся на торговлю, китайское правительство и косвеннымъ образомъ сильно тормозитъ ея развитіе. Можно удивляться только тому, что торговля еще существуетъ въ Китаѣ, при настоящемъ состояніи китайскихъ дорогъ. Въ концѣ прошлаго года французскій консулъ въ Лонгъ-Тжу—А. Франсуа совершилъ путешествіе изъ Кантона въ Ю-нан-си, съ цѣлью изслѣдованія этой мѣстности для проектированной тамъ французской желѣзной дороги. Описаніе тѣхъ дорогъ, по какимъ ему пришлось пробираться въ этой густо населенной мѣстности, положительно невѣ-

роятно. Весь путь, съ того момента, какъ онъ оставилъ Янъ-цзы, ему пришлось сдѣлать въ носилкахъ, такъ какъ никакой экипажъ не можетъ двигаться по этимъ узкимъ рвамъ, замѣняющимъ дороги, взбираться на еле проходимыя горныя тропинки, переправляться въ бродъ черезъ рѣчки и т. п. Подумаешь, что это путешествіе совершается гдѣ-нибудь въ дикой, недоступной человѣку пустынѣ, а не въ самыхъ населенныхъ провинціяхъ Китая.

«Иногда приходится пробираться по руслу потоковъ, — пишетъ г. А. Франсуа.—Вѣроятно, иногда они пересыхаютъ, но въ настоящее время люди двигаются по колѣни въ водѣ. Пока возможно, мы боремся съ сильнымъ теченіемъ, нисколько не облегчающимъ движенія, и вдругъ мы оказываемся въ тупикѣ, изъ котораго можно выбраться только на отвѣсный берегъ по скользкой глинѣ. Кули выбиваются изъ силъ, они цѣпляются за траву, за мхи, чтобъ удержаться... Надо проѣхать по такой дорогѣ, чтобъ представить себѣ, на что способны китайскіе кули. На вершинѣ одинъ изъ моихъ носильщиковъ падаетъ, и остается лежать подъ дождемъ,—онъ не въ силахъ идти дальше... Когда дорога выходитъ на твердую землю, положеніе становится не многимъ лучше. Дорогу образуетъ выемка, приблизительно, на два метра ниже уровня поля, и тамъ на днѣ грязь отъ двадцати-дневнаго дождя. Кули скользятъ, дѣлаютъ акробатическія упражненія, чтобъ поддержать равновѣсіе на верхушкѣ ската, поросшаго колючками, въ 90 сантиметровъ ширины. А въ глубинѣ отъ времени до времени показывается телѣга, запряженная буйволомъ. Буйволъ тонетъ въ грязи по самую грудь, скорѣе плыветъ, чѣмъ идетъ, а о существованіи телѣжки догадываешься иногда только по бульканью грязи. Возница пробирается по верхушкѣ ската, подбадривая животное и бросая въ него камни, когда оно останавливается въ особенно глубокихъ мѣстахъ. Не забудьте, что это большая дорога».

Большая дорога, по которой идутъ всѣ товары! Прибавьте къ этому, что въ пустынныхъ мѣстахъ, въ ущельяхъ путешественника поджидаютъ сплошь и рядомъ ужъ не чиновные, а профессіональные разбойники. Съ ними, положимъ, дѣло улаживается обыкновенно такъ же, какъ и съ первыми—посредствомъ выкупа. Кровопролитіе не въ нравахъ китайцевъ, и разбой на большихъ дорогахъ во внутреннихъ провинціяхъ Китая является такимъ же промысломъ, какъ и всякій другой. Иногда купцы предпочитаютъ не дожидаться случайныхъ нападеній и входятъ заранѣе въ переговоры съ предводителями извѣстныхъ разбойничьихъ шаекъ. Они уплачиваютъ имъ контрибуцію по соглашенію и могутъ уже безбоязнено перевозить свои товары въ районѣ дѣйствій этого разбойника. Такимъ караванамъ, уплатившимъ заранѣе дань предводителю шайки, выдается какой-нибудь отличительный знакъ — флагъ или что́-нибудь подобное, и ни одинъ разбойникъ не отважится сдѣлать на нихъ нападенія.

Вотъ въ какія условія поставлена китайская торговля. Естественно, китайскіе купцы не питаютъ особаго довѣрія къ своему правительству и стараются, по возможности, собственными силами помогать себѣ и обороняться отъ вымогательствъ чиновниковъ. Для болѣе успѣшной дѣятельности китайскіе купцы съ давнихъ поръ стали организоваться въ союзы или гильдіи. Въ настоящее время эти гильдіи охватываютъ всю страну и пользуются громаднымъ вліяніемъ. Гильдіи бываютъ двухъ родовъ — провинціальныя, объединяющія всѣхъ купцовъ данной провинціи, и спеціальныя, связывающія купцовъ одной мѣстности и одной отрасли торговли. Всѣ члены гильдій собираются на общія собранія, избираютъ членовъ правленія гильдіи, обсуждаютъ общія дѣла, принимаютъ рѣшенія, устанавливаютъ цѣны на разные виды товаровъ и т. п. Постановленія общихъ собраній обязательны для всѣхъ членовъ гильдіи, ослушные немедленно исключаются изъ союза. Но и торговцы, не принадлежащіе къ гильдіи, принуждены бываютъ считаться съ ея рѣшеніями. Для непокорныхъ у нея имѣется въ рукахъ могущественное орудіе — бойкотъ. Съ купцомъ, не придерживающимся объявленыхъ гильдіею цѣнъ, прерываются всякія сношенія, и въ концѣ концовъ онъ волей-неволей принужденъ бываетъ подчиниться. Этимъ же орудіемъ гильдія пользуется для борьбы съ администраціей, и очень часто, благодаря строгой организаціи и дисциплинѣ, царящей среди ея членовъ, она одерживаетъ побѣды. Въ 1881 г. купеческая гильдія въ Сватовѣ пріостановила на 15 дней всю торговлю въ городѣ, не желая подчиниться новому налогу, вводимому правительствомъ. Другой разъ, въ 1890 году, таже гильдія бойкотировала правительственныхъ чиновниковъ, присланныхъ въ этотъ городъ для сбора новой пошлины, заставила ихъ удалиться изъ города и такимъ образомъ принудила правительство отказаться совершенно отъ взысканія этой пошлины *).

Пожалуй еще болѣе очевиднымъ доказательствомъ силы китайскихъ гильдій служитъ тотъ фактъ, что онѣ предписываютъ свои условія иностраннымъ торговымъ фирмамъ, держащимъ въ своихъ рукахъ всю внѣшнюю торговлю Китая, и заставляютъ ихъ подчиняться. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ, англійская фирма, торговавшая опіумомъ въ Шанхаѣ и открывшая отдѣленіе въ Ханькоу, получила увѣдомленіе отъ китайской гильдіи торговцевъ опіумомъ, что отнынѣ вся розничная торговля опіумомъ сосредоточивается исключительно въ рукахъ туземныхъ купцовъ. Управленіе англійской фирмы не обратило никакого вниманія на это сообщеніе, но вслѣдъ за этимъ Ханькоуское отдѣленіе подверглось строжайшему бойкоту. Ни одинъ мелочной торговецъ не рѣшался купить тамъ ни одного фунта опіума. Въ концѣ концовъ шанхайскій торговый домъ принужденъ былъ

*) Harold Corst, «China», стр. 120.

отказаться отъ своего намѣренія вести въ Ханькоу торговлю опіумомъ и съ тѣхъ поръ она осталась всецѣло въ рукахъ китайскихъ купцовъ *).

Внѣшняя торговля Китая, можно сказать, еще только что начинаетъ развиваться, исторія ея не заходитъ дальше начала нашего вѣка. Положимъ, еще въ глубокой древности, за долго до Р. Х. въ Китай заходили индійскіе и арабскіе купцы и пробовали завязать съ нимъ торговыя сношенія, но эти сношенія не могли окрѣпнуть, благодаря удаленности Китая и господствовавшимъ въ немъ политическимъ смутамъ. Много позднѣе, но все же довольно давно, еще съ половины XVII вѣка наше отечество пыталось установить правильную сухопутную торговлю съ Китаемъ, но эти попытки тоже не имѣли серьезныхъ послѣдствій, и наши сношенія съ Китаемъ до послѣдняго времени носили случайный, неправильный характеръ.

Въ началѣ нынѣшняго вѣка всю внѣшнюю морскую торговлю съ Китаемъ забрала въ свои руки остъ-индская компанія и держала ее въ монопольномъ владѣніи вплоть до самаго упраздненія компаніи въ тридцатыхъ годахъ. Только послѣ Нанкинскаго трактата, установившаго однообразныя таможенныя правила и постоянный тарифъ и главнымъ образомъ послѣ открытія въ 1858 и 1861 годахъ нѣсколькихъ китайскихъ портовъ для иностранныхъ судовъ, могла начаться настоящая торговля Китая съ европейскими государствами. Такимъ образомъ правильная внѣшняя торговля Китая считаетъ всего какихъ-нибудь сорокъ лѣтъ. Для такого короткаго промежутка времени она сдѣлала очень быстрые успѣхи и пустила прочные корни въ Китаѣ. О постепенномъ ростѣ внѣшней торговли Китая можно до нѣкоторой степени судить по слѣдующимъ цифрамъ вывоза оттуда золота за семилѣтіе съ 1888 по 1894 годъ.

Въ	1888	году	изъ	Китая	вывезено	золота	на	1.678.000	ланъ.
»	1889	»	»	»	»	»	»	1.625.000	»
»	1890	»	»	»	»	»	»	1.783.000	»
»	1891	»	»	»	»	»	»	3.693.000	»
»	1892	»	»	»	»	»	»	7.332.000	»
»	1893	»	»	»	»	»	»	7.459.000	»
»	1894	»	»	»	»	»	»	12.774.000	»

Такимъ образомъ, вывозъ золота за 7 лѣтъ увеличился въ 8 разъ.

Въ настоящее время главными предметами ввоза въ Китай служатъ: хлопчато-бумажная пряжа и ткани, опіумъ, металлическія издѣлія, рисъ, керосинъ, шерстяныя издѣлія и уголь. Общая цифра ввоза, по даннымъ китайской морской таможни, достигала въ 1894 году до суммы 162.102.911 ланъ. А вывозъ за тотъ же годъ равнялся суммѣ въ 128.104.522 ланъ. Главными предметами вывоза служатъ шелкъ, чай и сырой хлопокъ. Дальше идутъ сахаръ, бобы, шерсть, солома и

*) Harold Corst, «China», стр. 119.

соломенныя издѣлія, бумага и мѣха. Въ 1898 году оборотъ внѣшней торговли Китая достигъ уже суммы въ 368½ милл. рублей.

Важнымъ симптомомъ того, насколько внѣшняя торговля привилась въ Китаѣ, служатъ не только значительныя цифры оборотовъ этой торговли, но измѣнившееся отношеніе къ ней китайскихъ купцовъ.

Въ первое время, когда европейскія торговыя суда стали появляться въ китайскахъ водахъ, туземные купцы относились съ крайнимъ недовѣріемъ къ своимъ иноземнымъ собратьямъ. Одной изъ существенныхъ причинъ этого недовѣрія и непріязни служило то, что первымъ предметомъ ввоза въ Китай явился опіумъ. Постепенно, съ расширеніемъ предметовъ ввоза и съ усиленіемъ вывоза, китайскіе купцы поняли, что торговля съ Европой можетъ принести имъ только выгоду. Съ другой стороны, европейскія торговыя фирмы убѣдились, что веденіе дѣлъ съ китайскими торговыми домами не представляетъ ни малѣйшаго риска. Торговая честность и точность въ исполненіи принятыхъ на себя обязательствъ составляетъ, по общимъ отзывамъ, характерную черту китайскихъ купцовъ. Одинъ англичанинъ, директоръ Шанхайскаго банка, оставляя свое мѣсто послѣ 25-ти лѣтней службы, сказалъ между прочимъ слѣдующее: «Я не знаю ни одного народа въ свѣтѣ, въ средѣ котораго я могъ бы относиться съ большимъ довѣріемъ къ торговцамъ и банкирамъ, чѣмъ въ Китаѣ... Достаточно сказать, что въ теченіе послѣднихъ 25 лѣтъ банкъ имѣлъ обширныя дѣла съ китайцами въ Шанхаѣ, доходившими до сотенъ милліоновъ таэлей, и у насъ не было ни одного случая банкротства китайскаго купца». Даже въ крупныхъ сдѣлкахъ китайскіе купцы рѣдко прибѣгаютъ къ письменнымъ обязательствамъ. Слово служитъ у нихъ совершенно достаточной гарантіей.

Въ виду обоюдной выгоды, между китайскими и иностранными купцами завязались тѣсныя торговыя сношенія. Въ настоящее время во многихъ иностранныхъ торговыхъ компаніяхъ и предпріятіяхъ участвуютъ въ качествѣ вкладчиковъ, пайщиковъ и акціонеровъ китайскіе купцы. Торговые интересы китайскаго купечества тѣсно срослись съ интересами европейскихъ фирмъ, такъ что разрывъ сношеній съ Европою невыгодно отзовется прежде всего на самихъ же китайскихъ купцахъ.

Такимъ образомъ, интересы купеческаго класса въ этомъ отношеніи совершенно противоположны интересамъ бюрократіи и ученыхъ. Насколько для тѣхъ выгодно сохраненіе существующаго строя и опасно вторженіе европейской цивилизаціи, настолько для купечества, наоборотъ, выгодно установленіе прочныхъ сношеній съ Европой и пагубно продолженіе современнаго государственнаго устройства. Но вопросъ объ отношеніи къ европейской цивилизаціи осложняется еще разными примѣшивающимися сюда національными и религіозными мотивами, и потому мнѣніе объ немъ китайскихъ купцовъ не всегда одинаково.

Что же касается роли китайской администраціи въ странѣ, она для нихъ совершенно ясна, и въ отношеніи къ ней они составляютъ организованную и солидарную враждебную силу.

VIII.

Если китайская торговля испытываетъ на себѣ всю тяжесть бюрократическаго строя, то положеніе промышленности въ этомъ отношеніи еще хуже. Къ тѣмъ препятствіямъ, которыя мѣшаютъ развитію торговли, тутъ присоединяются новыя. Полнѣйшій произволъ и взяточничество чиновниковъ ощущаются и тутъ во всей силѣ. Кромѣ того, цѣлыя отрасли промышленности, находящіяся въ другихъ странахъ въ рукахъ частныхъ предпринимателей, составляютъ въ Китаѣ монополію правительства и эксплуатируются казеннымъ способомъ или, лучше сказать, совсѣмъ не эксплуатируются. Добыча соли находится цѣликомъ въ рукахъ правительства; всѣ золотыя, серебряныя и мѣдныя руды составляютъ собственность правительства. О способахъ казенной разработки этихъ рудъ можетъ дать представленіе слѣдующій отчетъ русскаго консула въ Кульджѣ. Въ 1887 году илійскій губернаторъ Лю-цзинъ-танъ узналъ, что въ его провинціи есть мѣсторожденія мѣдной руды, и поручилъ областному начальнику Ляну начать разработку руды, изыскавъ предварительно средства на начало работъ. «Не имѣя ни малѣйшаго понятія о рудномъ дѣлѣ и не располагая людьми свѣдущими, Лянь назначилъ, въ видѣ натуральной повинности, нѣсколькихъ рабочихъ, снабдивъ ихъ кое-какими инструментами, и спѣшно началъ ломку руды. Когда же дѣло дошло до выплавки мѣди, то не нашлось ни одного человѣка, который сумѣлъ бы поставить хотя какія-нибудь плавильныя печи, вслѣдствіе чего сложили кое-какъ горны и во все лѣто успѣли выплавить 6 или 7 пудовъ металла. Въ 1892 году баварскій геологъ докторъ Мербахеръ нашелъ рудники годными къ разработкѣ, что подало поводъ къ новой попыткѣ китайцевъ въ истекшемъ году. Однако же и на этотъ разъ въ результатѣ получилась неудача; все количество металла, около 200 пудовъ, оказалось перегорѣвшимъ, хрупкимъ и даже разсыпчатымъ.»

Такъ кончаются въ огромномъ большинствѣ случаевъ попытки китайской администраціи эксплуатировать естественныя богатства страны. Оно, конечно, иначе и быть не можетъ, такъ какъ въ Китаѣ нѣтъ спеціалистовъ-техниковъ, подготовленныхъ къ такого рода работамъ. Это же отсутствіе технической подготовки мѣшаетъ и частнымъ лицамъ, владѣющимъ капиталомъ, прилагать его къ крупнымъ промышленнымъ предпріятіямъ, требующимъ спеціальныхъ знаній. Кромѣ того, полнѣйшая негарантированность отъ административнаго произвола дѣлаетъ веденіе промышленныхъ дѣлъ еще болѣе рискованнымъ. Членъ англійскаго географическаго общества, Беберъ, из-

слѣдовавшій мѣдные рудники въ Сычуани, говоритъ, что китайскіе капиталисты очень рѣдко рѣшаются на помѣщеніе своихъ денегъ въ горнозаводское дѣло, ибо въ случаѣ успѣха разработки, правительство часто отнимаетъ у нихъ всю выработанную руду или же заставляетъ продавать ее по убыточной цѣнѣ.

Отсутствіе технических знаній, подавленіе частной инициативы, эксплуатація естественныхъ богатствъ казеннымъ способомъ, поборъ и злоупотребленія администраціи,—все это условія, которыя не могли благопріятствовать развитію въ Китаѣ крупной промышленности. Всѣ отрасли промышленности тамъ сохранили мелкую, кустарную и ремесленную форму. Крупная капиталистическая форма производства еще совсѣмъ не существовала въ Китаѣ какихъ-нибудь 30—40 лѣтъ тому назадъ и, вѣроятно, не возникла бы и до сихъ поръ, если бы Китай былъ предоставленъ самому себѣ. Соотвѣтственно этому въ Китаѣ не образовалось и класса крупныхъ промышленниковъ, достаточно вліятельнаго и богатаго, чтобы оказать сколько-нибудь серьезную оппозицію правительству. Положимъ, китайскіе ремесленники и кустари тоже часто соединяются въ союзы и артели, но эти союзы, объединяющіе ремесленниковъ или рабочихъ одного промысла и одной мѣстности, не могутъ, конечно, достигать такой силы и значенія, какъ многочисленныя и богатыя купеческія гильдіи. Главную цѣль этихъ союзовъ составляетъ взаимопомощь въ случаяхъ болѣзни или семейныхъ несчастій отдѣльныхъ членовъ и устройство на свободныя деньги разныхъ дешевыхъ развлеченій, до которыхъ китайцы всѣхъ слоевъ общества большіе охотники.

Изъ различныхъ отраслей промышленности въ Китаѣ больше всего развита шелковая, фарфоровая, чайная и бумажная. Шелководство распространено почти во всѣхъ провинціяхъ Китая. За исключеніемъ нѣсколькихъ казенныхъ шелковыхъ мануфактуръ, все остальное производство сосредоточено въ рукахъ кустарей. На небольшомъ клочкѣ земли отдѣльная крестьянская семья разводитъ нѣсколько тутовыхъ деревьевъ, и всѣ дальнѣйшія стадіи этого производства распредѣляются между членами той же семьи. Выводка яичекъ, уходъ за червями и образованіе коконовъ происходитъ подъ наблюденіемъ женщинъ. Иногда для ускоренія выводки, женщины носятъ яички на себѣ, согрѣвая ихъ теплотою своего тѣла. Замариваніе личинокъ, размотка коконовъ, тканіе и окрашиваніе производится обыкновенно мужчинами. Такимъ образомъ, одна семья съ помощью самыхъ первобытныхъ веретенъ и ткацкихъ станковъ справляется со всѣмъ этимъ сложнымъ производствомъ. Впрочемъ, качество кустарнаго шелка очень невысоко и за границу онъ почти не идетъ. Въ послѣднее время въ портовыхъ городахъ стали возникать настоящія шелковыя фабрики съ европейскими машинами, онѣ, главнымъ образомъ, и поставляютъ шелковыя

матеріи для вывоза, въ прежнее же время иностранныя фирмы скупали въ Китаѣ только шелковую пряжу.

Фарфоровыя издѣлія изготовляются тоже кустарнымъ способомъ. Мастера-гончары руками лѣпятъ изъ особой глины различные сосуды высушиваютъ ихъ на солнцѣ, глазируютъ съ помощью только членовъ своей семьи и потомъ обжигаютъ ихъ въ самодѣльныхъ печахъ, отапливаемыхъ хворостомъ или сухой травой. Впрочемъ, въ Китаѣ существуетъ также и фарфоровая фабрика. Эта единственная крупная китайская мануфактура составляетъ тоже казенную собственность. Мануфактура эта основана очень давно. Китайскіе историки утверждаютъ, что было время, когда на ней работало до милліона рабочихъ и имѣлось 3.000 печей для обжиганія фарфора. Но это было, кажется, въ миѳическія времена, такъ какъ въ началѣ нашего вѣка въ ней насчитывалось всего 270 печей. Тайпингское возстаніе, нанесшее тяжелый ударъ всему фарфоровому производству, отозвалось и на Чинъ-ды-Ченской мануфактурѣ. Фабрика была разрушена, рабочіе разбѣжались, и хотя теперь она возстановлена, но далеко не въ прежнемъ видѣ. Рабочихъ на ней не больше 4-хъ, 5-ти тысячъ, а печей всего 110. Во всякомъ случаѣ, это самая большая собственно китайская фабрика.

Нѣкоторые путешественники упоминаютъ о разныхъ другихъ китайскихъ фабрикахъ и заводахъ—бумажныхъ, кирпичныхъ, черепичныхъ, сталелитейныхъ, селитренныхъ и т. п. Но, въ сущности, названіе фабрики или завода совершенно неумѣстно въ примѣненіи къ нимъ. Это тѣ же кустарныя мастерскія, только пользующіяся кромѣ своихъ семейныхъ, работою 2-хъ, 3-хъ, много 10-ти наемныхъ рабочихъ. Вотъ, напримѣръ, какъ описываетъ докторъ Пясецкій селитренный заводъ: «Однажды онъ (китаецъ-проводникъ) предложилъ мнѣ осмотрѣть заводъ, на которомъ приготовляется селитра и соль. Мы вошли съ Танъ-Лое на небольшой дворъ, гдѣ насъ встрѣтилъ хозяинъ и показалъ мнѣ все несложное дѣло своего промысла. Добываніе селитры и соли производится изъ земли, представляющей матеріалъ бывшихъ стѣнъ разрушенныхъ домовъ, непремѣнно старыхъ, т.-е. въ которыхъ долго жили. Извѣстное количество этой земли смѣшиваютъ съ водой въ четырехугольной ямѣ, обложенной камнемъ и вымазанной цементомъ. Въ нижней ея части находится отверстіе, черезъ которое вода вытекаетъ въ другую яму. Собирающуюся въ ней воду переливаютъ въ котелъ и кипятятъ. Изъ котла черезъ трубку вода переходитъ въ чанъ, а изъ него черезъ кранъ—въ подставленыя плоскія деревянныя чашки. Въ этихъ сосудахъ жидкости даютъ охладѣть, причемъ селитра кристаллизуется на ея поверхности, откуда ее и снимаютъ, а соль осаждается въ нижнихъ слояхъ раствора, изъ котораго потомъ добывается выпариваніемъ. Число рабочихъ на этомъ заводѣ не превышало десяти человѣкъ. Вотъ вамъ и заводъ».

Также простъ и несложенъ процессъ производства бумаги на китайскихъ фабрикахъ. Приготовляется она изъ коры нѣкоторыхъ деревьевъ. Содранную съ дерева кору варятъ вмѣстѣ съ известью, потомъ мѣсятъ въ каменныхъ чашкахъ и полученное тѣсто растворяютъ водой. Въ образовавшуюся бѣлую массу опускаютъ тонкое бамбуковое сито и осторожно вынимаютъ. Оставшійся на ситѣ слой бѣлой жидкости высушиваютъ и отдираютъ; на него потомъ опрокидываютъ сито со слѣдующимъ слоемъ, который пристаетъ къ первому, и это повторяютъ сотни разъ, пока получится слой достаточной толщины. Его кладутъ на нѣсколько времени подъ прессъ и бумага готова. Вся бумажная фабрика, которую осматривалъ докторъ Пясецкій, состояла изъ двухъ комнатъ. Рабочихъ на ней было всего три человѣка. Конечно, выдѣлка бумаги такимъ способомъ подвигается крайне медленно, и производство, поставленное такимъ образомъ, можетъ удовлетворять самому незначительному спросу. Въ настоящее время и въ эту отрасль промышленности начинаетъ проникать европейская фабрика съ машиннымъ способомъ производства.

Чайная промышленность носитъ нѣсколько иной характеръ. Въ рукахъ отдѣльныхъ крестьянскихъ семей осталось только разведеніе чайныхъ деревьевъ и сборъ листьевъ, самое же приготовленіе чая производится обыкновенно въ болѣе крупныхъ размѣрахъ. Мелкіе собственники чайныхъ плантацій не занимаются по большей части выдѣлкой чая. Весь свой сборъ они продаютъ скупщикамъ, которые имѣютъ уже свои заведенія для высушиванія и прессованія листьевъ. Несложныя операціи по изготовленію чая производятся, конечно, тоже самымъ простымъ способомъ безъ помощи какихъ бы то ни было машинъ.

Кромѣ этихъ крупныхъ отраслей промышленности, значительное число китайскихъ кустарей занято разными мелкими ремеслами: плетеніемъ циновокъ, соломенными издѣліями, издѣліями изъ бамбука, рѣзьбой по дереву и слоновой кости, вышиваніемъ по шелку, изготовленіемъ лаковыхъ вещичекъ, валяніемъ фетровыхъ шляпъ и т. п. Нѣкоторыя изъ этихъ ремеслъ достигли въ Китаѣ почти художественнаго совершенства. Китайскіе рѣзчики по слоновой кости и по твердымъ камнямъ не имѣютъ соперниковъ во всемъ мірѣ. Всесвѣтной извѣстностью пользуются также китайскія лаковыя издѣлія. Китайскія вышивальщицы по шелку достигли изумительной тонкости и изящества. Китайскія плетенья и издѣлья изъ бамбука поражаютъ замѣчательной аккуратностью работы и тщательностью отдѣлки. Не надо при этомъ забывать, что такого совершенства въ работѣ китайскіе рабочіе достигаютъ при помощи самыхъ первобытныхъ инструментовъ. Имъ неизвѣстны даже такія простѣйшія орудія, какъ винтъ, буравъ, гайка, шарниръ, пружина, безъ которыхъ не можетъ обойтись европейскій ремесленникъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, китайскій рабочій не умѣетъ пользоваться и силами природы, онъ не знаетъ такихъ естественныхъ дви-

гателей, какъ вода или вѣтеръ, и самыя тяжелыя работы исполняетъ тоже руками, изрѣдка только прибѣгая къ помощи животныхъ.

Всѣ ремесленныя издѣлія въ Китаѣ стоятъ баснословно дешево, такъ какъ самый человѣческій трудъ цѣнится очень низко. Поэтому заработокъ китайскаго рабочаго крайне ничтоженъ. Въ среднемъ самостоятельный кустарь можетъ выработать не больше 50, 60 копѣекъ въ день на наши деньги, а вознагражденіе наемныхъ рабочихъ еще того ниже, причемъ количество рабочихъ часовъ не ограничено никакимъ закономъ, и рабочій день китайскаго кустаря обыкновенно продолжается отъ зари до зари, въ среднемъ часовъ по 13—14. Англійскій изслѣдователь Хозіе, изучавшій устройство казенныхъ соляныхъ варницъ въ провинціи Сычуанъ, говоритъ о положеніи рабочихъ слѣдующее: «Рабочіе имѣли жалкій и изнуренный видъ и, судя по огромному числу нищихъ въ городѣ, жизнь при колодцахъ должна быть весьма тяжелою и короткою. Ихъ жалованье составляетъ отъ 1.200 до 1.300 чоховъ (около 3 рублей на наши деньги) въ мѣсяцъ съ харчами».

Конечно, при этомъ надо принять во вниманіе относительную дешевизну жизни въ Китаѣ, но, во всякомъ случаѣ, китайскій рабочій крайне выносливъ, онъ привыкъ къ самому скудному содержанію и при этомъ отличается большимъ трудолюбіемъ, неунывающей энергіей и настойчивостью. «Рабочій классъ въ Китаѣ, — говоритъ новѣйшій англійскій изслѣдователь Гарольдъ Корстъ,—далеко не отличается благосостояніемъ. Наоборотъ, они всѣ еле-еле перебиваются, работая безъ счету часовъ за самое ничтожное вознагражденіе. Но замѣчательно то—какъ это было уже много разъ справедливо замѣчено,—что при этомъ работа исполняется всегда весело и бодро. Это одушевленіе при работѣ неизмѣнно характерно для китайцевъ, независимо отъ трудности и непріятности самой работы... Оно можетъ зависѣть только отъ присущей китайской расѣ энергіи и уваженія къ труду, внушаемаго съ дѣтства» *).

Кромѣ этого, привычка къ самостоятельному ручному труду развила въ китайскомъ рабочемъ большую ловкость и способность ко всякаго рода работамъ. «Природа весьма щедро надѣлила Китай ловкими и алчущими работы руками,—говоритъ Пясецкій.—Что можно было бы создать, не разъ приходило мнѣ въ голову, если бы умѣючи и широко воспользоваться всѣми рабочими силами китайцевъ, и какъ жаль, что многія изъ нихъ остаются безъ дѣла, потому что послѣдняго не хватаетъ для всѣхъ. Это тѣмъ болѣе жаль, что китайцы работаютъ не только ради куска хлѣба, а нерѣдко влюбляются въ свою работу, наслаждаются ей, какъ художники, какова бы она ни была. У такихъ людей будущее есть».

Излишне было бы приводить единогласныя въ большинствѣ случаевъ

*) Harold Corst. «China», стр. 97.

мнѣнія европейцевъ о китайскомъ рабочемъ. Достаточно будетъ напомнить тотъ фактъ, что конкуренція китайскихъ рабочихъ испугала даже энергичныхъ и работоспособныхъ янки и заставила правительство свободныхъ штатовъ принять исключительный законъ противъ китайцевъ.

IX.

При полномъ отсутствіи статистики въ Китаѣ, нельзя себѣ составить даже приблизительнаго представленія, какой процентъ населенія занятъ кустарными промыслами и ремеслами.

Одно можно сказать съ увѣренностью, что обрабатывающая промышленность играетъ въ Китаѣ второстепенную роль. Главная масса населенія занята исключительно земледѣліемъ и изъ него извлекаетъ всѣ средства къ существованію. Въ честь земледѣлія въ Китаѣ существуетъ даже особый праздникъ, во время котораго самъ богдыханъ пашетъ землю, по крайней мѣрѣ собственноручно проводитъ нѣсколько бороздъ въ полѣ, сборъ съ котораго предназначается для жертвоприношеній.

Въ теоріи вся земля въ Китаѣ составляетъ собственность богдыхана, подданные же являются лишь вѣчными арендаторами, платящими богдыхану арендную плату подъ видомъ поземельнаго налога. На дѣлѣ же эта аренда ничѣмъ не отличается отъ собственности, такъ какъ землевладѣльцы пользуются даже правомъ отчужденія своихъ участковъ. Въ дѣйствительности преобладающей формой землевладѣнія тамъ служитъ мелкая крестьянская собственность. Кромѣ крестьянскихъ земель въ Китаѣ есть еще казенныя земли, составляющія непосредственную собственность правительства, земли, принадлежащія государственнымъ школамъ и буддистскимъ монастырямъ. Крупныхъ частныхъ землевладѣльцевъ тамъ нѣтъ совершенно.

По послѣднимъ приблизительнымъ разсчетамъ, населеніе Китая достигаетъ до 400 милліоновъ, изъ этого количества не болѣе 20 милліоновъ приходится на всю громадную территорію застѣннаго Китая, остальные же 380 милліоновъ населяютъ собственный Китай. Густота населенія тамъ получается громадная, и средній размѣръ крестьянскаго участка очень не великъ. Поземельною мѣрою въ Китаѣ служитъ «му», составляющее около 1/18 нашей десятины. Семья, имѣющая 50 «му», т.-е. менѣе трехъ нашихъ десятинъ, считается состоятельною, а большинство имѣютъ значительно меньше, — одну десятину, даже 1/2 десятины. Цѣны на землю тамъ стоятъ очень высокія, вблизи городовъ десятина земли стоитъ не менѣе 200 рублей. «Легче всего купить фунтъ чаю и труднѣе всего одно «му» земли», говоритъ китайская пословица.

Въ виду такого недостатка земли, китайцы давно перешли къ интенсивной формѣ земледѣлія. Несмотря на недостатокъ химическихъ и

техническихъ знаній, они эмпирическимъ путемъ дошли до самыхъ совершенныхъ способовъ орошенія, удобренія и сѣвооборота. Ни одинъ клочокъ годной къ обработкѣ земли не пропадаетъ тамъ безъ пользы. На низменныхъ болотистыхъ мѣстахъ китайскій земледѣлецъ сѣетъ рисъ, любящій влажную почву, сыпучіе пески онъ орошаетъ и уплотняетъ, засѣвая особаго рода корнеплоднымъ растеніемъ; на каменистые горные склоны наноситъ плодородной земли изъ долинъ и особыми каменными стѣнками укрѣпляетъ ее въ видѣ террасъ. Наконецъ, въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ даже такой земли не хватаетъ, китаецъ умудряется устраивать себѣ поле на водѣ. Онъ сооружаетъ изъ бревенъ большіе плоты, связывая ихъ веревками, натаскиваетъ корзинами землю и илъ со дна рѣки, и на этихъ искусственныхъ поляхъ засѣваетъ любящія влажную почву растенія. Самъ хозяинъ поля со своей семьей живетъ обыкновенно въ такихъ случаяхъ на большой лодкѣ или баркѣ, привязанной къ плоту. Это рѣчное населеніе составляетъ характерную особенность густо населенныхъ провинцій Китая. Сотни тысячъ, а, можетъ быть и милліоны китайцевъ родятся, растутъ, женятся, болѣютъ и умираютъ въ этихъ пловучихъ домахъ, рѣдко, рѣдко выходя на твердую землю.

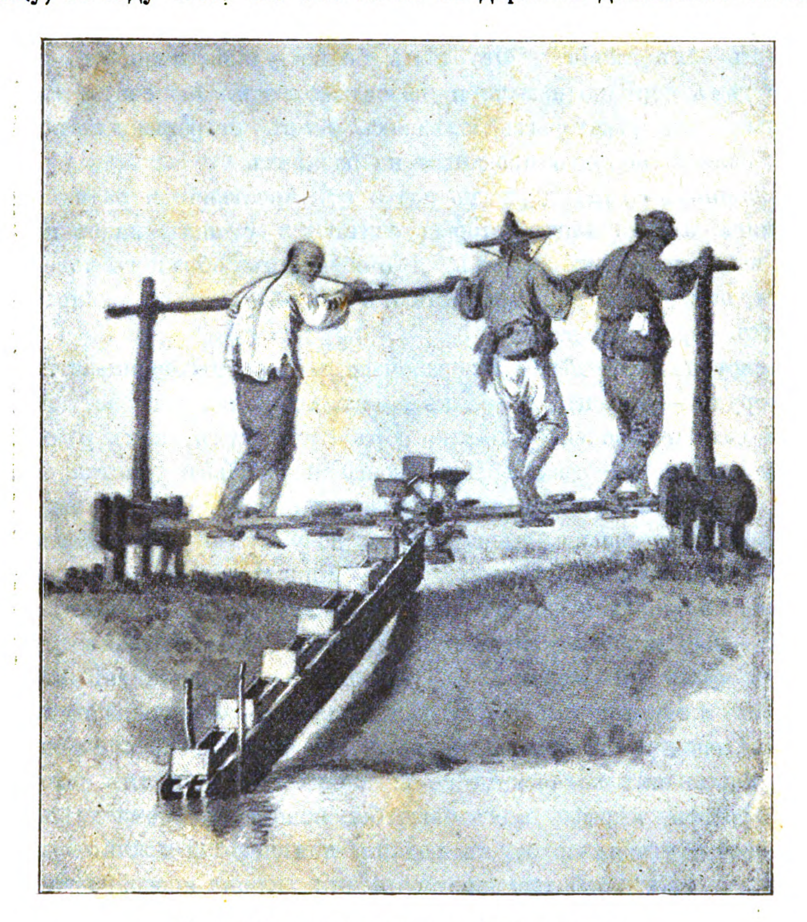
Въ Китаѣ произрастаютъ почти всѣ хлѣбныя растенія, извѣстныя въ Европѣ, но больше всего тамъ сѣется рисъ и соргородъ крупнаго проса, составляющій главный предметъ питанія въ сѣверной части Китая. Кромѣ того въ Срединной имперіи разводится сахарный тростникъ, индиго, маисъ, хлопчатникъ и т. п. Всѣ эти растенія требуютъ различной почвы и разнообразныхъ пріемовъ обработки, и со всѣми ими китайскій земледѣлецъ прекрасно справляется, благодаря терпѣливому и упорному труду.

Всѣ свои силы и все свое время китайскій крестьянинъ и его семья отдаетъ своему маленькому участку. Прежде всего онъ хлопочетъ объ орошеніи; онъ проводитъ изъ ближайшей рѣки или озера рядъ канавъ, пересѣкающихъ вдоль и поперекъ его участокъ. Если поле находится выше уровня воды, онъ устраиваетъ водоподъемныя машины и во что бы то ни стало добываетъ сколько нужно воды. Рисовое поле, требующее особенно обильнаго орошенія, обыкновенно послѣ сбора жатвы сплошь заливается водой до слѣдующаго посѣва. Въ это время поле превращается въ прудъ, а разсчетливый земледѣлецъ въ рыбака.

Слѣдующую заботу хозяина составляетъ удобреніе. Чего только не употребляетъ китаецъ для удобренія своего поля. Кромѣ обыкновеннаго навоза, онъ собираетъ и скупаетъ для этой цѣли всевозможнѣйшіе отбросы: золу, обрѣзки овощей, опилки, листья, корни, всякую падаль, гнилую рыбу, кости, остатки отъ стрижки волосъ, однимъ словомъ—всякія никуда негодныя вещи. Кромѣ того, во дворѣ каждаго крестьянина устраивается яма, обмазанная глиной, куда сливаютъ

всякія жидкія помои, подбавляютъ известки и отъ времени до времени этотъ компостъ мѣшаютъ лопатой, чтобы ускорить гніеніе. Привычные деревенскіе жители совершенно не замѣчаютъ ужаснѣйшей вони, распространяющейся отъ этихъ ямъ. Въ назначенное время они поливаютъ этой кашицей свои поля, и тогда вся окрестность наполняется зловоніемъ.

Удобреніе доставляетъ особенно много хлопотъ китайскому земледѣльцу, въ виду того, что онъ почти не держитъ домашняго скота. У



Орошеніе съ помощью китайскаго насоса.

него нѣтъ ни луговъ, ни выгоновъ и потому ему очень трудно содержать крупный рогатый скотъ; только болѣе богатые крестьяне имѣютъ иногда буйвола, лошадь или быка для полевыхъ работъ. Сплошь и рядомъ въ помощь животнымъ въ бороны и сохи впрягаются и люди, преимущественно женщины. Не рѣдкость встрѣтить бѣднаго китайца, пашущаго на своей женѣ или сестрѣ. Чаще всего китайцы держатъ свиней, во-первыхъ содержаніе ихъ ничего не стоитъ, а, во-вторыхъ, ихъ мясо составляетъ любимую пищу китайца. Послѣ свинины наибо-

лѣе употребительнымъ мяснымъ блюдомъ въ Китаѣ служитъ лошадиное, собачье и даже кошачье мясо. Коровы встрѣчаются въ Китаѣ довольно рѣдко и исключительно въ качествѣ рабочаго скота, мяса ихъ китайцы не любятъ, а молока и всякихъ молочныхъ продуктовъ не употребляютъ совсѣмъ. Несмотря на близкое сосѣдство съ монголами и манчжурами, у которыхъ молочное хозяйство играетъ важную роль, китайцы не могли привыкнуть ѣсть коровье масло или молоко. Масло они употребляютъ исключительно растительное, главнымъ образомъ кунжутное, а вкусъ коровьяго молока, по ихъ словамъ, возбуждаетъ въ нихъ тошноту. Это тѣмъ болѣе удивительно, что женское молоко тамъ нерѣдко пьютъ и взрослые люди. Оно считается очень полезнымъ при нѣкоторыхъ болѣзняхъ и въ старости для возстановленія силъ и нерѣдко продается на базарахъ.

Домашнихъ птицъ держатъ почти всѣ крестьяне и ради навоза, и ради мяса, и ради яицъ, которыя считаются у нихъ лакомымъ блюдомъ, но не въ свѣжемъ видѣ, а особеннымъ образомъ консервированныя, послѣ чего они пріобрѣтаютъ цвѣтную окраску и противный на вкусъ европейца запахъ.

Несмотря на недостатокъ рабочаго скота и несовершенство полевыхъ орудій—китаецъ не знаетъ ничего кромѣ лопаты, заступа, деревянной сохи и бороны,—его поле обработано такъ, какъ рѣдкій огородъ у нашихъ крестьянъ. Изъ своего небольшого участка онъ выжимаетъ рѣшительно все, что тотъ можетъ дать. Сколько бы онъ ни напрягалъ свои силы, бо́льшаго онъ получить не въ состояніи. А, между тѣмъ, какъ онъ живетъ? Какъ живутъ сотни милліоновъ китайцевъ, кормящихся исключительно отъ земли? Ни о какомъ благополучіи, ни о какой спокойной и привольной деревенской жизни тутъ и рѣчи быть не можетъ. Въ громадномъ большинствѣ китайскіе крестьяне живутъ не только бѣдною, а положительно нищенскою жизнью, на самой границѣ голода. Вотъ какъ описываетъ Пясецкій одно изъ посѣщенныхъ имъ китайскихъ селъ: «Между мазанками, которыя по ихъ устройству вѣрнѣе всего было бы назвать жалкими хлѣвами, — тѣмъ болѣе, что здѣсь же съ людьми помѣщаются и животныя, проходятъ узенькіе, горбатые переулочки, эти жилища невообразимо малы, низки и тѣсны; при нѣкоторыхъ я видѣлъ грязные дворики въ нѣсколько квадратныхъ аршинъ, но и такими пользовались не всѣ домовладѣльцы, а домики лѣпятся другъ къ другу вплотную. Запахъ ѣдкаго дыма, которымъ пропитались сложенныя изъ камня стѣны и соломенныя крыши, наполняетъ весь воздухъ переулковъ; люди имѣютъ ужасающій болѣзненный видъ; одѣты... впрочемъ, они совсѣмъ не одѣты, а прикрыты невообразимо грязными тряпками; люди, ослы и свиньи сбились въ однихъ помѣщеніяхъ, въ которыхъ воздухъ до густоты пропитанъ органическими испареніями... И это лѣтомъ, когда тепло, когда двери постоянно открыты и окна тоже, но эти окна суть ды-

рочки четверти въ полторы или въ полъ-аршина величины, съ рѣшеткой *)... Я ничего не преувеличилъ, напротивъ, скорѣе многаго не досказалъ. Итакъ, вотъ условія жизни, какую проводятъ здѣсь эти несчастные люди, не знающіе ничего въ своей жизни, кромѣ заботъ о томъ, чтобы сегодня не умереть съ голоду до завтра, отъ завтра, до послѣзавтра и такъ далѣе»...

И это картина не какой-нибудь исключительной бѣдности—это описаніе среднихъ условій жизни китайскаго крестьянина. Врядъ ли можно будетъ особенно огорчаться, если европейская цивилизація разрушитъ этотъ многовѣковой земледѣльческій строй. Всѣ разсужденія о томъ, что фабрика отвлечетъ китайскаго крестьянина отъ привычныхъ условій родной сельской жизни, кажутся довольно странными, когда посмотришь, каковы эти условія. Врядъ ли жизнь европейскаго рабочаго хуже жизни китайца-кустаря или китайца-земледѣльца.

А при этомъ нельзя еще забывать, что съ каждымъ годомъ жизнь крестьянина въ Китаѣ становится все тяжелѣе и тяжелѣе. Населеніе тамъ растетъ крайне быстро: тотъ участокъ, который 50 лѣтъ тому назадъ прокармливалъ 6 человѣкъ, теперь долженъ, быть можетъ, кормить десятерыхъ. Прикупить земли не откуда, да и не на что, а побочные промыслы даютъ ничтожный заработокъ. Китайцы не любятъ семейныхъ раздѣловъ, до послѣдней крайности они ютятся на одномъ клочкѣ земли, въ одной жалкой лачужкѣ. Но, наконецъ, эта крайность наступаетъ и кто-нибудь изъ семьи долженъ уйти, чтобы остальнымъ не умереть съ голоду. И вотъ эти-то изгнанники земли, число которыхъ съ каждымъ годомъ увеличивается, бродятъ по всему Китаю, разыскивая себѣ какого-нибудь пропитанія. Они составляютъ настоящій китайскій пролетаріатъ, вѣчно ищущій работы и вѣчно голодный. Они хватаются за все, чѣмъ возможно промыслить себѣ чашку рису въ день, и все-таки часто не въ состояніи добыть и этого скуднаго пропитанія. Они собираютъ по дорогамъ мусоръ и падаль, въ городахъ—обрѣзки волосъ и ногтей, рваную бумагу, тряпки, осколки и обрѣзки; они занимаются всякой мелкой торговлей, пускаютъ въ ходъ всѣ разнообразные таланты, какими одарила ихъ судьба,—фигурируютъ въ качествѣ уличныхъ разсказчиковъ, гадальщиковъ, фокусниковъ, акробатовъ, музыкантовъ и т. п. Главнымъ же образомъ они служатъ и въ городахъ, и въ селахъ носильщиками, перевозчиками, погонщиками, проводниками, лодочниками и курьерами, однимъ словомъ, исполняютъ собственными руками и ногами работу желѣзныхъ дорогъ, пароходовъ, телеграфовъ и даже въ значительной степени лошадей.

Многія газеты объясняютъ послѣднія событія въ Китаѣ раздраженіемъ всѣхъ этихъ кули противъ желѣзныхъ дорогъ, отбивающихъ

*) Стекла въ окнахъ и до сихъ поръ еще почти не употребляются въ Китаѣ, обыкновенно окна заклеиваются промасленной бумагой.

у нихъ заработокъ. Въ этомъ нѣтъ ничего невѣроятнаго, и у насъ желѣзныя дороги въ значительной степени убили извозный промыселъ и вызвали неудовольствіе оставшихся безъ работы извозчиковъ, но отсюда еще далеко до вывода, что желѣзныя дороги вредны намъ

Китаецъ—рабочій.

или Китаю. Положеніе всѣхъ этихъ носильщиковъ и перевозчиковъ и теперь такъ ужасно, что наврядъ ли при желѣзной дорогѣ оно можетъ стать хуже. Описанія тяжелаго труда и полуголоднаго существованія этихъ несчастныхъ полулюдей, полувьючныхъ животныхъ приводитъ въ ужасъ. «Какой несчастный, жалкій скотъ представляютъ эти стада

кули, — настоящихъ вьючныхъ животныхъ, — состоящія изъ бродягъ всѣхъ провинцій, скитающихся по Китаю, куда наймутъ, остающихся въ конечномъ пунктѣ безъ всякихъ средствъ и не имѣющихъ другихъ способовъ пропитанія, когда нѣтъ клади, кромѣ нищенства или разбоя! Какая печальная картина выходъ каравана утромъ въ путь, когда люди, подгоняемые надсмотрщиками, навьючиваютъ на себя поклажу. Одѣтые въ невѣроятныя лохмотья, сквозь которыя на три четверти виднѣется голое тѣло, покрытое грязью и рубцами отъ ударовъ бамбука,—жалкіе скелеты, даже не вполнѣ обтянутые кожей!.. И эти люди, которые съ усиліемъ поднимаютъ свою ношу и стонутъ, когда вьюки ложатся на ихъ открытыя раны, бредутъ по ужаснымъ дорогамъ, взбираются на отвѣсныя кручи подъ палящимъ солнцемъ, раскачиваясь подъ давящей тяжестью цѣлыми днями, до тѣхъ поръ, пока изнуреніе, или дезинтерія, или лихорадка свалятъ ихъ посреди дороги и товарищи или надсмотрщикъ небрежно оттолкнутъ ихъ ногой и пройдутъ, не выразивъ даже ни малѣйшаго сожалѣнія» *).

Но если даже допустить маловѣроятное предположеніе, что носильщикамъ въ частности станетъ еще хуже послѣ проведенія желѣзныхъ дорогъ, то изъ этого еще не слѣдуетъ, что для Китая лучше обойтись безъ нихъ. Не говоря уже вообще о необходимости для страны хорошихъ путей сообщенія, желѣзныя дороги, какъ и всѣ остальныя крупныя промышленныя предпріятія, проникающія въ Китай изъ Европы, открываютъ новый и гораздо болѣе обезпеченный заработокъ всей массѣ китайскаго пролетаріата. Вмѣсто того, чтобы эмигрировать въ Америку, откуда ихъ гонятъ, въ Сибирь, даже въ Европу, на что можетъ вынудить китайца, страстно привязаннаго къ родинѣ, только самая безъисходная крайность, эти оторванные отъ земли рабочіе могутъ теперь находить работу дома, у себя на родинѣ, на новыхъ большихъ фабрикахъ. Эти фабрики порой дѣйствительно спасаютъ отъ голодной смерти и являются для нихъ настоящимъ благодѣяніемъ.

Само собою разумѣется, что китайскіе рабочіе не сразу поняли, какую пользу могутъ имъ принести фабрики. Они смотрѣли на нихъ съ недовѣріемъ, какъ на нѣчто чуждое, непонятное и даже страшное. Были случаи разграбленія первыхъ европейскихъ фабрикъ китайскими рабочими. Такъ, ткачи-китайцы разрушили до основанія первыя ткацкія фабрики, выстроенныя въ долинѣ Ян-цзы **).

Но подобные факты еще рѣшительно ничего не доказываютъ. Въ Европѣ, гдѣ промышленный прогрессъ совершался постепенно, такъ сказать, на глазахъ у всѣхъ, и крупныя техническія усовершенствованія вводились не сразу, а послѣдовательно, одно за другимъ, и тамъ бывали случаи совершенно того же порядка.

---

*) A. François, «De Canton à Yun-nan-sen». «Revue de Paris», 15 juillet 1900 г.
**) Harold Corst, «China».

Можно скорѣе удивляться тому, какъ скоро китайскій рабочій примѣняется къ совершенно непривычнымъ для него условіямъ труда. Прошло менѣе сорока лѣтъ съ тѣхъ поръ, какъ въ Китаѣ возникли первыя европейскія фабрики, а теперь они считаются уже десятками, большинство изъ нихъ работаютъ исключительно китайскими рабочими, которые прекрасно научаются обращаться съ незнакомыми имъ машинами. Китайскій рабочій, по словамъ Рихтгофена, долженъ быть признанъ «идеаломъ человѣческой рабочей машины не только потому, что онъ работаетъ точно, какъ машина, но и потому, что онъ въ то же время работаетъ разумно».

Для такого рабочаго не страшенъ переломъ экономическаго строя, онъ не потеряется въ новыхъ условіяхъ производства, напротивъ, онъ имѣетъ всѣ шансы выбиться, благодаря имъ, изъ своего теперешняго жалкаго существованія.

X.

Вся промышленная жизнь китайцевъ имѣетъ, какъ мы видѣли, первобытный видъ мелкаго кустарнаго производства. Ихъ семейный бытъ точно также сохраняетъ и въ настоящее время примитивную форму родоваго устройства. Сложился онъ во времена отдаленной древности въ соотвѣтствіи съ условіями тогдашней экономической жизни Китая, но такъ какъ эти условія ни въ чемъ существенномъ до сихъ поръ не измѣнились, то соотвѣтствіе это не нарушилось и до нашего времени. Кромѣ неподвижности экономическихъ формъ, на устойчивость семейнаго быта китайцевъ оказываютъ громадное вліяніе ихъ религіозныя вѣрованія. Возникли они первоначально, вѣроятно, тоже подъ вліяніемъ данныхъ экономическихъ и бытовыхъ условій, но впослѣдствіи они самостоятельно развились и окрѣпли и оказали обратно могущественное вліяніе на прочность и устойчивость этихъ самыхъ условій.

Какъ и всѣ почти первобытные народы, китайцы въ древности поклонялись съ одной стороны различнымъ силамъ природы, съ другой—душамъ умершихъ людей. Обоготвореніе силъ природы, выражающееся въ жертвоприношеніяхъ небу, землѣ, солнцу и драконамъ водъ, сохранилось у нихъ и до сихъ поръ и входитъ, какъ важный элементъ въ ихъ государственный культъ. Но на самую жизнь народа оно никогда не оказывало такого глубокаго вліянія, какъ другая сторона ихъ вѣрованій—поклоненіе душамъ предковъ. Въ началѣ это поклоненіе опиралось на самыя элементарныя представленія о загробномъ существованіи и облекалось въ формы грубаго культа. Согласно первоначальнымъ воззрѣніямъ китайцевъ, человѣкъ не прекращалъ своего существованія послѣ видимой смерти тѣла. Но существованія, не облеченнаго въ матеріальныя формы жизни, они не могли себѣ представить и поэтому считали, что человѣкъ и въ могилѣ продолжаетъ жить такою же жизнью, какую онъ велъ на землѣ. Онъ ощу-

щаетъ все тѣ же потребности, стремится къ тѣмъ же удовольствіямъ, испытываетъ тѣ же чувства, какъ и при жизни, но только обладаетъ способностью оставаться невидимымъ для живыхъ людей и пользуется бóльшимъ могуществомъ, чѣмъ при жизни, т.-е. можетъ, по желанію, приносить пользу или вредъ оставшимся въ живыхъ. Отсюда естественно вытекало стремленіе человѣка расположить въ свою пользу тѣхъ изъ умершихъ, которые при жизни были всего тѣснѣе съ нимъ связаны, т.-е. своихъ родственниковъ, своихъ предковъ. Но расположеніе ихъ можно купить тѣмъ же, чѣмъ и расположеніе живыхъ людей. Надо помогать имъ удовлетворять свои насущныя потребности, доставлять имъ удовольствія, оказывать имъ знаки вниманія, уваженія, любви. Такимъ способомъ человѣкъ обезпечиваетъ себѣ помощь могущественныхъ покровителей и ограждаетъ себя отъ ихъ мести. Изъ этой несложной основы развились всѣ обряды первоначальнаго культа предковъ.

Связанная условіями земледѣльческаго быта, китайская семья жила осѣдло на одномъ мѣстѣ, извлекая всѣ средства существованія изъ своего участка земли. Умирающіе члены семьи не могли желать ничего иного, какъ остаться на томъ же участкѣ и пользоваться всѣмъ тѣмъ, чѣмъ они привыкли пользоваться при жизни. Ихъ хоронили тутъ же на семейномъ полѣ и заботились о томъ, чтобы доставлять имъ все необходимое и даже пріятное. Въ самой глубокой древности въ могилу умершаго домохозяина закапывали его живую жену, такъ какъ человѣку непріятно жить одному, его слугъ, домашнихъ животныхъ, запасы пищи, питья и т. п. Потомъ, по мѣрѣ смягченія нравовъ, погребеніе живыхъ людей вмѣстѣ съ умершими вышло изъ обыкновенія, вмѣсто нихъ въ могилы стали опускать ихъ изображенія, статуи людей и модели животныхъ. Но погребеніе запасовъ пищи, одежды и украшеній сохранилось надолго. Эти запасы, конечно, со временемъ должны были истощаться и внимательныя дѣти обязаны были отъ времени до времени возобновлять ихъ. Отсюда обычай періодическихъ жертвоприношеній на могилахъ предковъ и посѣщенія ихъ всѣми оставшимися въ живыхъ родственниками, какъ знакъ памяти и уваженія.

Съ развитіемъ городской жизни, когда не всякая семья стала жить на собственномъ участкѣ земли, первоначальныя формы культа нѣсколько измѣнились. Хоронить своихъ предковъ на собственной землѣ оказывалось не всегда возможнымъ и жертвоприношенія на могилахъ сопряжены были иногда съ большими неудобствами, далекими путешествіями, расходами и т. д. Во избѣжаніе этого, каждая семья стала строить по близости своего жилища храмъ, куда приглашались предки или временно для принятія жертвъ, или, позднѣе, на постоянное жительство. Сперва въ этихъ храмахъ ставились статуи, въ которыя и переселялись по народнымъ вѣрованіямъ души умершихъ. Потомъ роль

этихъ статуй стали играть доски, на которыхъ записывались имена умирающихъ. Передъ этими таблицами и совершались и до сихъ поръ совершаются обряды поклоненія и жертвоприношеній, аналогичные тѣмъ, которые въ древности происходили на могилахъ предковъ.

За невозможностью сохранять въ домовомъ храмѣ,—обыкновенно просто одной изъ комнатъ жилого дома,—таблицъ всѣхъ когда-либо жившихъ предковъ даннаго семейства, обычай разрѣшаетъ хранить таблицы предковъ только четырехъ восходящихъ поколѣній, а имена болѣе раннихъ предковъ переписывать на одну общую доску. Такимъ образомъ, когда умираетъ отецъ семейства и таблица его помѣщается съ извѣстными обрядами въ храмъ, остальные предки передвигаются на одну ступень и предки четвертаго поколѣнія становятся уже предками пятаго поколѣнія. Въ такомъ случаѣ табели этихъ послѣднихъ приходится вынимать изъ отведенныхъ имъ шкафовъ и выносить изъ храма. Этотъ актъ тоже сопровождается сложнымъ ритуаломъ, причемъ хозяинъ, совершивъ въ послѣдній разъ жертвоприношеніе передъ исключаемыми предками, обращается къ нимъ съ слѣдующими словами: «Такого-то года, мѣсяца и числа я, почтительный правнукъ такой-то, осмѣливаюсь донести предъ родоначальникомъ пятаго колѣна, такимъ-то, и родоначальницей, такою-то, слѣдующее: по установленію древнихъ, жертвы въ домашнихъ храмахъ должны приноситься только передъ усопшими родственниками четырехъ восходящихъ колѣнъ. Хотя мое сердце преисполнено любви къ вамъ, но вслѣдствіе указаннаго ограниченія табели ваши должны быть исключены изъ храма, о чемъ я невыразимо печалюсь. Съ почтеніемъ предлагая вино и плоды и стократно кланяясь, я докладываю вамъ объ этомъ». Такими извиненіями почтительный правнукъ стремится изгладить у своихъ отдаленныхъ предковъ непріятное впечатлѣніе отъ исключенія изъ храма и оградить себя отъ ихъ мести.

Несмотря на измѣненіе формы культа вмѣстѣ съ перенесеніемъ обрядовъ съ могилъ въ домашніе храмы, въ основѣ его продолжали лежать тѣ же самыя религіозныя представленія. Загробная жизнь носила въ понятіяхъ народа тотъ же грубо-матеріальный характеръ и культъ по прежнему сводился къ умилостивленію душъ умершихъ.

Приблизительно за пять-шесть вѣковъ до Р. Хр. эта первоначальная чистая форма народной вѣры испытала рядъ потрясеній и начала колебаться. Причинъ тому было довольно много. Съ одной стороны Китай, въ это время страдалъ отъ страшныхъ внутреннихъ междоусобій. Онъ распался на нѣсколько удѣловъ, которые всѣ враждовали между собой и не признавали авторитета главнаго императора. Безпрестанныя войны, доходившія до такого ожесточенія, что въ одной битвѣ, напримѣръ, было убито 240.000 человѣкъ,—обезлюдили страну, разоряли народъ, мѣшали ему предаваться своимъ обычнымъ мирнымъ занятіямъ. Священныя могилы сплошь и рядомъ разорялись

изъ мести или не оставалось въ живыхъ никого, кто бы могъ совершать на нихъ необходимые обряды. Этими внутренними смутами пользовались и внѣшніе враги китайцевъ—кочевники, учащавшіе свои набѣги. Кромѣ еще большаго разоренія страны, эти полудикіе народы подрывали первобытную китайскую религію еще тѣмъ, что знакомили ихъ съ обширнымъ пантеономъ своихъ языческихъ боговъ. Поклоненіе этимъ чужеземнымъ богамъ стало распространяться среди китайцевъ, затемняя первоначальную чистоту культа. Наконецъ, къ этимъ внѣшнимъ условіямъ, подрывавшимъ народную вѣру, присоединилось еще враждебное ей теченіе въ китайской философской мысли, разлагавшее ее изнутри.

Вопросы о началѣ и концѣ всего существующаго, о безсмертіи человѣка, о загробной жизни составляли издавна главный предметъ изслѣдованія китайской философіи. Мудрецовъ и философовъ не удовлетворяли грубые и наивные отвѣты, даваемые на нихъ народною вѣрою, они стремились глубже проникнуть въ нихъ и полнѣе освѣтить. Въ то время, о которомъ мы говоримъ, въ китайской философіи развились и получили особую силу ученія, разрѣшавшія эти коренные вопросы бытія въ смыслѣ, діаметрально противоположномъ исконнымъ народнымъ воззрѣніямъ Среди большого числа философовъ, углублявшихся въ эти вопросы, первое мѣсто безспорно принадлежитъ Лао-цзы, положившему начало нѣсколькимъ философскимъ школамъ Китая. Его собственное ученіе, изложено въ книгѣ Дао-де-дзинъ, въ отрывочной, темной, мѣстами мало понятной формѣ. Весь міръ, согласно его ученію, произошелъ изъ первобытнаго хаоса, называемаго имъ *дао*. «Дао можетъ быть названо матерью всего существующаго». Разсужденія о томъ, что такое представляетъ собою дао и въ какомъ отношеніи къ нему находятся предметы видимаго и невидимаго міра, составляютъ главное содержаніе его философіи. «Дао вѣчно и не имѣетъ имени; оно не даетъ впечатлѣній, ни вкуса для рта, ни свѣта для глазъ, ни звука для ушей», т.-е. оно недоступно внѣшнимъ чувствамъ, но въ то же время «въ немъ заключаются всѣ идеи и всѣ предметы», т.-е. оно является началомъ и духовнаго, и матеріальнаго міра. Всѣ предметы возникаютъ изъ дао и въ дао же возвращаются. Индивидуальная жизнь есть только видимое обнаруженіе вѣчнаго дао, съ прекращеніемъ жизни индивидуумы снова поглащаются дао. Во время своей земной жизни человѣкъ долженъ стремиться слѣдовать по пути дао. Для этого онъ долженъ познать самого себя, ограничить свои желанія и побѣдить свои страсти. Кто поступаетъ такъ, тотъ мудрецъ, вкушающій при жизни блаженство покоя и безмятежности. Его духъ, облеченный въ тѣлесную оболочку, приближается къ дао, съ которымъ онъ сольется послѣ смерти. Онъ не будетъ имѣть отдѣльнаго существованія какъ на землѣ, но онъ войдетъ какъ часть въ вѣчное міровое начало—дао.

Такимъ образомъ Лао-цзы признавалъ вѣчность міровой сущности, но въ то же время отрицалъ индивидуальное безсмертіе.

Изъ этого основного ученія Лао-цзы философская мысль стала развиваться въ двухъ совершенно противоположныхъ направленіяхъ—мистическомъ и матеріалистическомъ. Одни изъ продолжателей Лао-цзы, благодаря въ значительной степени мало доступности и загадочности изложенія Дао-де-дзина, стали толковать понятіе дао въ смыслѣ жизни. Вѣчность и неуничтожаемость дао понималась ими какъ вѣчность и неуничтожаемость жизни вообще и человѣческой жизни въ частности. Отсюда путемъ дальнѣйшей эволюціи даосизмъ превратился въ мистическое ученіе о сверхчувственномъ мірѣ, въ своего рода спиритизмъ, связанный съ вызываніемъ душъ, колдовствомъ, гаданіемъ и всевозможными суевѣріями, которыя распространяютъ въ народной массѣ теперешніе даосскіе жрецы.

Въ то же время отрицаніе индивидуальнаго безсмертія у Лао-цзы породило рядъ философскихъ теорій, доведшихъ до крайности эту идею. Исходя изъ отрицанія личнаго безсмертія, они доходили до отрицанія безсмертія вообще и утверждали, что за предѣлами видимаго, матеріальнаго міра нѣтъ ничего. Человѣкъ существуетъ только, пока онъ живетъ земною жизнью, со смертью онъ уничтожается, превращается въ ничто. «Рожденіе есть начало человѣческой жизни, смерть—конецъ ея», говоритъ Сюнь-цзы. «Жизнь человѣка подобна цвѣтамъ древеснымъ: они начинаются бутонами, потомъ развертываются, затѣмъ блекнутъ и уносятся вѣтромъ», говоритъ Фань-чэнъ.

Въ сферѣ нравственности этотъ философскій нигилизмъ положилъ начало эпикуреизму, который съ особенной силой сталъ распространяться тогда среди китайскаго общества. Если внѣ земной жизни нѣтъ ничего, то стоитъ ли думать о томъ, чтобы сообразовать ее съ какими-нибудь высшими началами, какъ училъ Лао-цзы? Хорошую или дурную жизнь велъ человѣкъ—удѣломъ его, все равно, остается уничтоженіе, стоитъ ли стремиться къ высшей мудрости, къ добродѣтели? Надо стараться взять отъ этой жизни все, что она можетъ дать, всю сумму жизненныхъ благъ, купивъ ихъ какой угодно цѣной. Самымъ яркимъ представителемъ этой эпикурейской философіи былъ Янъ-чжу. «Между живыми людьми,—говоритъ онъ,—мы различаемъ умныхъ и глупыхъ, знатныхъ и не знатныхъ, но люди умершіе всѣ одинаково представляютъ вонючую гниль, подвергающуюся разложенію, тлѣнію—таковъ общій удѣлъ... Поэтому, пока мы живы, будемъ спѣшить воспользоваться жизнью». И далѣе онъ подробнѣе поясняетъ эту мысль: «Четыре мудреца въ теченіе своей жизни не посвятили ни одного дня удовольствіямъ, а по смерти стяжали себѣ славу, которая не помрачится во вѣки. Но эта слава не есть нѣчто осязательно-реальное. Прославляйте, награждайте ихъ,—они уже не сознаютъ этого. Ихъ слава для нихъ самихъ то же, что для пня или куска земли... Два

злодѣя въ теченіе своей жизни услаждались, исполняя свои желанія, а по смерти прославились, какъ образцы глупости и жестокости. Но вѣдь реальности не можетъ дать слава. Будутъ ли порицать ихъ, или хвалить, они уже не сознаютъ этого. Ихъ безславіе для нихъ то же, что для пня или куска земли. Четыремъ мудрецамъ всѣ удивляются, но ихъ жизнь была горькая, а ихъ удѣломъ была смерть; двухъ злодѣевъ всѣ порицаютъ, но ихъ жизнь была полна удовольствій, а ихъ удѣломъ была также смерть».

Подобныя теоріи, пріобрѣтавшія большую популярность въ Китаѣ въ VI и V вѣкахъ до Р. Х., не могли не дѣйствовать разрушительно на основы народной вѣры, а вмѣстѣ съ тѣмъ не могли не подрывать и самаго культа предковъ. Китай переживалъ глубокій кризисъ. Съ одной стороны, разореніе страны, внутреннія распри, грозившія повести къ полному распаденію имперіи, съ другой, отрицательное направленіе въ философскихъ и этическихъ теоріяхъ, угрожавшія цѣлости древней вѣры и устойчивости формъ народной жизни.

XI.

Трудно предсказать, какой поворотъ приняла бы китайская исторія, если бы въ этотъ критическій моментъ тамъ не явился человѣкъ, задавшійся цѣлью поддержать шатающееся зданіе китайской имперіи, вернувъ народную жизнь на путь старыхъ вѣрованій, къ прежнимъ основамъ жизни.

Этотъ человѣкъ былъ Конфуцій. Онъ ясно сознавалъ бѣдственное положеніе своей родины и былъ твердо убѣжденъ, что спасти ее можно только, заставивъ людей вспомнить забытый ими законъ. Безполезно разсуждать о томъ, не лучше ли было бы для Китая поискать новаго пути вмѣсто того, чтобы возвращаться на старый. Можно сказать съ увѣренностью только одно, что въ Китаѣ было больше всего задатковъ, чтобы пойти именно этимъ старымъ путемъ. Конфуцій представляетъ рѣдкій въ исторіи примѣръ великаго человѣка, до такой степени отвѣчавшаго потребностямъ времени и духу своего народа. «Исторія давно уже потеряла свой путь, и небо дѣлаетъ философа колоколомъ», говорили про него современники. И колоколъ этотъ звучалъ не даромъ. Почти все, что Конфуцій считалъ необходимымъ для жизни народа, было воспринято и осуществлено имъ, если не при жизни философа, то въ теченіе послѣдующихъ вѣковъ. Вліяніе его, можно сказать, росло прогрессивно съ теченіемъ времени. Мы увидимъ дальше, какъ оно отразилось въ народной жизни.

Китайскіе правители такъ же, какъ и народъ, прониклись ученіемъ Конфуція и съ своей стороны стремились путемъ указовъ и правительственныхъ мѣропріятій упрочить его вліяніе. Законодательство Китая всецѣло основано на принципахъ кунфуціанства, все образованіе въ

Китаѣ сводится къ изученію основъ конфуціанства. На государственныхъ экзаменахъ требуется исключительно знаніе пятикнижія, четверокнижія и другихъ священныхъ книгъ, излагающихъ разныя стороны ученія Конфуція. Императоры всѣхъ слѣдующихъ послѣ смерти Конфуція династій стремились почтить великаго человѣка различными почетными титулами въ знакъ своего уваженія къ нему. При Танской династіи онъ получилъ званіе «перваго святого», потомъ «наставника государя», при Минской династіи титулъ «святѣйшаго, мудрѣйшаго, прозорливѣйшаго, доблестнѣйшаго учителя»; еще позднѣе—«учителя и примѣра для 10 тысячъ поколѣній, равнаго небу и землѣ». Въ настоящее время въ Пекинѣ имѣется особая кумирня въ честь Конфуція, гдѣ ежегодно богдыханъ лично совершаетъ молебствіе святому. Жертвоприношеніе сопровождается слѣдующею молитвой, произносимой императоромъ: «Ты великъ, о совершеннѣйшій мудрецъ! Твоя добродѣтель безпредѣльна; твое ученіе завершено. Среди смертныхъ тебѣ нѣтъ равныхъ. Всѣ правители тебя почитаютъ. Твои изреченія и узаконенія со славою признаются. Ты образецъ императорской школы. Жертвенные сосуды благоговѣйно выставлены. Проникнутые почтеніемъ, мы бьемъ въ гонги и колокола».

Въ чемъ же заключалась сущность этого ученія, оказавшаго такое могущественное вліяніе на исторію Китая?

Идея Конфуція была очень проста. Видя, какія тяжелыя времена переживаетъ его страна, и замѣчая съ другой стороны, что и народъ, и правители перестали соблюдать требованія древняго культа, онъ пришелъ къ заключенію, что причиной всѣхъ бѣдствій Китая служитъ это пренебреженіе къ завѣтамъ предковъ. Необходимо было, слѣдовательно, напомнить забытый законъ.

«Ученіе мое,—говоритъ онъ,—не иное что, какъ ученіе, которое преподали и оставили намъ древніе; къ этому ученію я ничего не прибавляю, ничего отъ него не отнимаю, но передаю его въ первоначальной чистотѣ. Ученіе это неизмѣнно,—само небо авторъ его». Конфуцій правъ только отчасти, утверждая, что онъ не внесъ ничего новаго въ ученіе древнихъ. Дѣйствительно, по формѣ онъ не внесъ никакихъ важныхъ измѣненій въ существовавшій и до него культъ предковъ. Но онъ положилъ въ основу его иной, гораздо болѣе близкій къ жизни принципъ.

Какъ мы видѣли, въ древности культъ предковъ опирался на вѣру въ безсмертіе человѣка и вытекалъ изъ желанія обезпечить себѣ помощь умершихъ предковъ, испытывающихъ и послѣ смерти все тѣ же потребности какъ и при жизни. Конфуцій совсѣмъ отстранялъ отъ себя вопросъ о загробномъ существованіи. Въ центръ культа предковъ онъ ставилъ не потребности умершихъ, а пользу живыхъ. Духи усопшихъ являются въ его глазахъ не могущественными божествами, волю которыхъ должны исполнять люди, чтобы не подвергнуться ихъ мести, а лишь объектами, на которыхъ они упражняютъ свои сынов-

нія чувства. Такимъ образомъ ученіе Конфуція можетъ быть названо скорѣе теоріей нравственности, чѣмъ религіей, — культъ играетъ въ ней только служебную роль. Одинъ ученикъ Конфуція обратился къ нему съ вопросомъ, сознаютъ ли усопшіе, что имъ приносятъ жертвы и воздаютъ почести,—Конфуцій отвѣчалъ: «Если я скажу, что сознаютъ, то можно бояться, что тѣ, которые исполнены сыновняго благочестія, пренебрегутъ всѣми земными интересами, чтобы служить усопшимъ родителямъ; если я скажу, что не сознаютъ, то можно опасаться, что дѣти будутъ оставлять усопшихъ родителей безъ погребенія. Для тебя не представляется необходимости въ непремѣнномъ рѣшеніи вопроса, а придетъ время—самъ все узнаешь» *).

Это нежеланіе углубляться въ трансцендентные вопросы составляетъ характерную особенность всей философіи Конфуція. Онъ считалъ совершенно излишнимъ задумываться надъ вопросами о началѣ и концѣ міра, о загробной жизни человѣка; «когда еще не знаютъ, что такое жизнь, то гдѣ уже знать, что такое смерть», — говорилъ онъ. Въ основу ученія долженъ быть положенъ такой принципъ, который обезпечитъ людямъ благоденствіе въ этомъ мірѣ, какая бы судьба ни ожидала ихъ за гробомъ. Такимъ принципомъ онъ считалъ *отцепочтеніе*. Изъ этого принципа Конфуцій считалъ возможнымъ вывести всѣ правила нравственности, начиная отъ обязанностей къ самому себѣ, къ своей семьѣ, къ окружающимъ, ко всему обществу и къ правительству. Кто любитъ своихъ родителей, тотъ бережно относится къ самому себѣ, памятуя, что на немъ лежитъ обязанность кормить и лелеять ихъ. «Пока живы родители, сынъ не долженъ думать, что тѣло его или имущество составляютъ его собственность». «Сынъ не долженъ влѣзать на высоты или приближаться къ пропастямъ». — «Мудрый человѣкъ почтительно относится къ своему тѣлу. Тѣло—это вѣтвь родового дерева, — какъ не чтить его! Небрежно относящійся къ своему тѣлу наноситъ какъ бы раны родовому дереву, а нанося раны родовому дереву, онъ ранитъ корень. Поранишь корень—погибнутъ вѣтви». Далѣе отцепочтительный сынъ будетъ любить своихъ братьевъ и сестеръ, происходящихъ отъ однихъ съ нимъ родителей и всѣхъ своихъ родственниковъ, происшедшихъ отъ общихъ предковъ. Но эта же общность происхожденія связываетъ его и съ посторонними людьми, въ отношеніи къ которымъ онъ также долженъ проявлять добрыя родственныя чувства. «Небрежность къ самому себѣ—это небрежность къ предкамъ, непочтительность къ другимъ—это непочтительность къ святому человѣку, общему предку». Поэтому обряды поклоненія предкамъ имѣютъ такое громадное значеніе; они вѣчно напоминаютъ людямъ ихъ взаимное родство и укрѣпляютъ въ нихъ добрыя родственныя и дружескія чувства. «Начиная строить дворецъ, прежде всего строятъ храмъ предковъ, чтобы утверждать въ народѣ

*) Георгіевскій, «Принципы жизни Китая», стр. 307.

память о его родоначальникахъ». «Жертвы предкамъ пробуждаютъ въ простолюдинахъ чувства взаимной любви, укрѣпляютъ пріязненныя отношенія между высшими и низшими». Жертвы приносятся предкамъ не потому, чтобы предки нуждались въ нихъ, а потому, что живые люди имѣютъ потребность проявлять свои сыновнія чувства не только къ живымъ, а и къ умершимъ родителямъ, поддерживая этимъ путемъ кровную связь съ другими живыми людьми. Такимъ образомъ культъ предковъ является надежной охраной добрыхъ взаимныхъ отношеній между людьми—и въ этомъ его главная роль.

Но сыновнее благочестіе служитъ основой не только личныхъ хорошихъ отношеній между людьми, — ихъ общественныя обязанности тоже цѣликомъ опредѣляются этимъ принципомъ. «Кто съумѣлъ быть отцепочтительнымъ сыномъ, тотъ съумѣетъ быть и любящимъ братомъ, кто съумѣлъ быть отцепочтительнымъ сыномъ и любящимъ братомъ, тотъ всегда съумѣетъ быть прекраснымъ гражданиномъ, преданнымъ чиновникомъ, храбрымъ воиномъ». «Рѣдко бываетъ, чтобы тотъ, кто исполняетъ обязанности сына и брата, любилъ возмущаться противъ правительства, и никогда не бываетъ, чтобы тотъ, кто не любитъ возмущаться противъ правительства, любилъ производить смуты въ государствѣ». Слѣдовательно, если народъ будетъ проникнутъ чувствами сыновняго благочестія, въ странѣ будетъ царить миръ и спокойствіе, и подданные будутъ свято исполнять свои обязанности въ отношеніи главы государства. Но изъ принципа отцепочтенія вытекаютъ не только обязанности подданныхъ,—на немъ же основывается и долгъ правителей въ отношеніи народа. Чиновники, проникнутые сыновнимъ благочестіемъ, будутъ исполнять приказанія императора, какъ отца, и относиться къ народу, какъ старшіе братья къ младшимъ. «Первѣе всего чиновники должны заботиться объ исполненіи обязанностей отцепочтенія и братолюбія; кто исполняетъ эти обязанности, тотъ потому уже самому можетъ назваться чиновникомъ».

Исполненный чувствами сыновняго благочестія богдыханъ, относиться къ подданнымъ, какъ къ дѣтямъ, и своимъ поведеніемъ подаетъ имъ примѣръ строгаго исполненія обязанностей.

«Когда съумѣлъ быть почтительнымъ сыномъ, тогда можешь сдѣлаться отцомъ; когда съумѣлъ быть чиновникомъ, тогда можешь быть государемъ; когда съумѣлъ служить людямъ, тогда можешь и людьми повелѣвать».

«Если государь даетъ наставленіе народу своимъ собственнымъ добродѣтельнымъ поведеніемъ, то этотъ послѣдній питаетъ къ государю наилучшія чувства».

«Причиною, почему древніе государи и ихъ подданные въ точности исполняли взаимныя обязанности, служитъ то, что тѣ и другіе были проникнуты отцепочтеніемъ» *).

*) Георгіевскій, «Принципы жизни Китая».

Такимъ образомъ, *отцепочтеніе* является базисомъ всѣхъ семейныхъ и общественныхъ отношеній человѣка. Конфуцій много разъ ясно и опредѣленно высказывалъ эту мысль: «Тѣломъ нашимъ до самыхъ волосъ и кожи мы обязаны нашимъ родителямъ, сохранять свое тѣло и не портить его—это первое требованіе сыновняго благочестія. Начало этого послѣдняго—служеніе родителямъ, средина—служеніе государю, конецъ—нравственное самоусовершенствованіе... Кто любитъ своихъ родителей, не посмѣетъ ненавидѣть людей; кто уважаетъ родителей, не посмѣетъ презирать людей. Истощать все свое уваженіе, всю свою любовь въ служеніи родителямъ, направлять народъ на путь добродѣтели,—вотъ въ чемъ заключается сыновнее благочестіе государя... Пользоваться тѣмъ, что земля производитъ въ каждое время года, быть осмотрительнымъ къ самому себѣ, умѣрять свои расходы, чтобы быть въ состояніи прокормить своихъ родителей,—вотъ въ чемъ заключается сыновнее благочестіе простолюдина... Отношенія родителей и дѣтей истекаютъ изъ естественнаго закона и служатъ первоначаломъ отношеній между государемъ и подданными. Такъ какъ человѣкъ получаетъ отъ родителей жизнь, то его связи съ ними важнѣе всѣхъ другихъ связей, а права родителей на дѣтей важнѣе всѣхъ другихъ правъ. Всегда выражать полное уваженіе къ родителямъ; доставлять имъ пищу самую любимую; скорбѣть, когда они больны; до глубины души сокрушаться при ихъ кончинѣ; приносить имъ усопшимъ жертвы съ торжественностью,—вотъ пять обязанностей сыновняго благочестія. Кто такъ служитъ своимъ родителямъ, тотъ, находясь въ высокомъ положеніи, не гордится; находясь въ низшемъ положеніи, не производитъ возмущеній, избѣгаетъ споровъ».

Но хотя сыновнее благочестіе—эта основа всего поведенія человѣка—и свойственна, по мнѣнію философа, всѣмъ людямъ, все-таки имъ нельзя предоставить слѣдовать ему по личному произволу. Рядомъ съ хорошими инстинктами въ человѣкѣ существуютъ и дурные, и эти послѣдніе могутъ взять верхъ, если позволить человѣку регулировать свою жизнь по своему усмотрѣнію. Она должна быть заранѣе регулирована и поставлена въ строгія рамки, держаться которыхъ обязательно всѣмъ. Этими рамками являются обряды, регламентирующіе всѣ жизненныя явленія.

Естественныя чувства сына къ отцу должны выражаться въ извѣстныхъ до мелочей предусмотрѣнныхъ формахъ: «При первомъ крикѣ пѣтуха сынъ отправляется въ спальню родителей, подаетъ имъ воду для умыванья и платья со всѣми ихъ принадлежностями, прибираетъ комнату и пр. Вечеромъ, когда родители желаютъ лечь спать, сынъ спрашиваетъ, гдѣ постлать постель и стелетъ по указанію. Когда родители находятся за столомъ, то сынъ съ женою прислуживаетъ имъ... Сынъ съ женою, находясь въ комнатѣ родителей, должны вѣжливо отвѣчать на приказанія послѣднихъ, должны входя или выходя сохранять почтительный видъ, не смѣютъ говорить сквозь зубы, сморкаться, кашлять, смотрѣть по сторонамъ и т. п.» «Когда родители боль-

ны, сынъ не заботится о головномъ украшеніи, имѣетъ смущенный видъ, говоритъ разсѣянно, не играетъ на музыкальныхъ инструментахъ, не находитъ вкуса въ пищѣ и питьѣ, не пьетъ много вина, смѣется только слегка улыбаясь не въ состояніи гнѣваться.» И подобнаго рода предписанія направляютъ буквально всякій шагъ китайца.

Отъ рожденія и до смерти вся жизнь человѣка облекается Конфуціемъ въ строгія формы обрядовъ. «Если не знать обрядовъ, то нечѣмъ будетъ регулировать жизнь», говоритъ онъ, но это не значитъ, чтобы онъ требовалъ одного внѣшняго соблюденія формъ: напротивъ, всѣ обряды должны служить внѣшнимъ проявленіемъ того же самаго сыновняго благочестія. Онъ боялся только дать волю человѣку и предпочиталъ разъ установленныя нормы, основанныя на истинномъ принципѣ, случайностямъ личнаго произвола человѣка. «Если не соблюдать издревле установленныхъ обрядовъ, то все перемѣшается и возникнутъ нестроенія», поэтому «не смотрите ни на что, не слушайте, не говорите, не дѣлайте ничего въ противность обрядамъ». «Въ жизни людей—самое главное обряды, между обрядами самый главный—обрядъ жертвоприношеній».

И Конфуцій зналъ, что дѣлалъ, требуя неукоснительнаго исполненія всѣхъ, даже мелочныхъ обрядовъ, и придавая главное значеніе обряду жертвоприношеній, т.-е. культу предковъ. Эта безконечная обрядность, вошедшая въ плоть и кровь китайскаго народа и оковавшая всю его жизнь массой ненужныхъ на нашъ взглядъ формальностей, подавила свободу его мысли, лишила его самостоятельности и творчества. Ему не о чемъ думать, всѣ его житейскія отношенія, всѣ чувства его даже облечены въ заранѣе готовыя формы. Въ то же время культъ предковъ, направляющій постоянно его вниманіе на старину и заставляющій его относиться съ особымъ почтеніемъ къ людямъ прошлаго, ставить своимъ высшимъ идеаломъ рабское подражаніе имъ, развиваетъ въ немъ боязнь и даже презрѣніе ко всему новому, нарушающему въ чемъ-нибудь привычныя условія жизни. Непосредственные ученики Конфуція и проповѣдники его ученія ясно сознавали эту сторону его вліянія и всего выше цѣнили именно ее. «Почему сыновнее благочестіе служитъ коренною основою соціальныхъ законовъ? Потому что оно неизмѣнно и безпрерывно внушаетъ людямъ то же самое, откуда слѣдуетъ, что сыновнимъ благочестіемъ обусловливается общность, прочность и неизмѣнность соціальныхъ законовъ».

Конфуціанство, наложившее свою печать на всю духовную жизнь китайцевъ, на ихъ религіозныя вѣрованія, на ихъ науку, оказало огромное вліяніе на ихъ бытъ. Конечно, не оно создало формы этого быта, оно нашло ихъ готовыми, сложившимися благодаря извѣстной совокупности соціальныхъ условій въ началѣ исторической жизни Китая; но оно придало имъ устойчивость, позволяющую имъ, съ своей стороны вліять на другія стороны жизни и оказывать сопротивленіе реформамъ даже въ области экономической, когда эти реформы затрагиваютъ

основы семейнаго быта. Поэтому всякія нововведенія такъ трудно проникаютъ въ Китай.

XII.

Обновленный Конфуціемъ культъ предковъ и до сихъ поръ лежитъ въ основѣ организаціи китайской семьи. Роль и взаимныя отношенія членовъ семьи опредѣляются требованіями этого культа и опираются на него. Отецъ въ китайской семьѣ пользуется совершенно неограниченною властью надъ остальными членами своего семейства. Онъ является въ роли настоящаго древняго патріарха или родоначальника. Только онъ одинъ имѣетъ право совершать жертвоприношенія въ домашнемъ храмѣ, онъ облеченъ въ высокій санъ жреца, посредника между умершими предками и ихъ живыми потомками; онъ выразитель воли этихъ предковъ, носитель семейныхъ традицій, и младшіе члены семьи обязаны ему безпрекословнымъ подчиненіемъ. Онъ назначаетъ всякому, какую работу тотъ долженъ исполнять, а за ослушаніе или какой-либо другой проступокъ можетъ подвергать его наказанію. Самымъ высшимъ наказаніемъ, налагаемымъ отцомъ семьи, считается изгнаніе изъ дома и сопряженное съ этимъ отлученіе отъ домашняго культа. Въ Китаѣ не рѣдкость встрѣтить такихъ изгнанниковъ изъ семьи, безропотно подчиняющихся рѣшенію главы рода и влачащихъ жалкое существованіе гдѣ-нибудь вдали отъ мѣста родины.

Права отца простираются до такой степени, что онъ можетъ даже продавать своихъ дѣтей. Положимъ, законъ не поощряетъ такихъ сдѣлокъ, но и не запрещаетъ ихъ абсолютно, и продажи дѣтей, особенно дѣвочекъ составляютъ въ періоды голодовокъ довольно обычное явленіе въ Китаѣ.

Конечно, съ своей стороны, въ уплату за это повиновеніе, отецъ семьи долженъ заботиться о нуждахъ ея членовъ и по возможности удовлетворять всѣ ихъ законныя потребности; но главная его обязанность въ отношеніи своего рода заключается въ томъ, чтобъ не оставить предковъ безъ жертвоприношеній, обезпечить непрерывность культа. Продолжателемъ культа можетъ быть только старшій сынъ родоначальника, поэтому онъ обязанъ во что бы то ни стало жениться, чтобы имѣть сына, а когда сынъ выростетъ обязанъ подыскать жену и ему.

Сынъ женится не для себя самого, не для того, чтобы создать новую семью—онъ во всякомъ случаѣ при жизни отца будетъ неотлучно находиться при немъ,—онъ долженъ только дать слѣдующаго преемника жреческихъ обязанностей. Поэтому естественно, что онъ не самъ ищетъ себѣ жену, это входитъ въ кругъ обязанностей родоначальника, какъ охранителя прочности культа. До свадьбы молодые люди въ Китаѣ обыкновенно совершенно не знаютъ другъ друга, разъединеніе юношей и дѣвушекъ проводится тамъ съ полною строгостью. Даже въ своей семьѣ мальчики и дѣвочки воспитываются совершенно отдѣльно, на разныхъ половинахъ. «Старше семи лѣтъ мальчики и дѣвочки не мо-

гутъ сидѣть на одной циновкѣ, не могутъ вмѣстѣ принимать пищу». «Что касается домоправительства, — внушаетъ одинъ отецъ своимъ сыновьямъ,—то прежде всего какъ можно строже блюдите разграниченіе женскихъ и мужскихъ апартаментовъ. Пусть дѣвочки старше десятилѣтняго возраста не выходятъ изъ своихъ комнатъ, и мальчики не посѣщаютъ послѣднихъ; я одобрю даже, если доступъ на женскую половину будетъ закрытъ и для ближайшихъ родственниковъ». Такое полное затворничество женщинъ можетъ соблюдаться, конечно, только среди состоятельныхъ классовъ населенія. Бѣднымъ приходится волей-неволей нарушать это постановленіе. Зато богатыя женщины по большей части строго исполняютъ его. Этому еще болѣе способствуетъ извѣстный обычай уродованья ногъ, лишающій китаянку возможности двигаться безъ посторонней помощи. На улицахъ онѣ путешествуютъ исключительно въ носилкахъ, въ комнатахъ же обыкновенно проводятъ время полулежа въ болтовнѣ и абсолютномъ бездѣйствіи. Всякая работа для состоятельной женщины считается унизительной и въ доказательство того, что руки ихъ незнакомы съ трудомъ, онѣ имѣютъ обыкновеніе отпускать очень длинные ногти, на которыхъ носятъ особыя подвѣски или заключаютъ ихъ, чтобы не сломать, въ золотые футлярчики. Но и бѣдныя женщины также стараются избѣгать мужского общества, которое считается совершенно неприличнымъ для молодой дѣвушки. Впрочемъ, дѣвушки не долго проводятъ время въ родительскомъ домѣ, лѣтъ 15-ти, 16-ти и во всякомъ случаѣ не позже 20-ти, ихъ выдаютъ замужъ.

Не радостная жизнь ожидаетъ обыкновенно молодую китаянку въ новой семьѣ. Мужа своего она совершенно не знаетъ, да и не съ нимъ ей приходится главнымъ образомъ имѣть дѣло. Она попадаетъ всецѣло въ зависимость отъ свекра и свекрови, угождать которымъ съ этого момента составляетъ ея первый долгъ. Съ своей прежней семьей она должна порвать теперь всякія связи. И это понимается въ Китаѣ такъ буквально, что даже родство по женѣ тамъ не признается. Двоюродные братья и сестры по отцу не могутъ вступать въ бракъ, но двоюродные братья по матери совершенно не считаются родственниками и браки между ними дозволяются. Непочтительность по отношенію къ свекру или свекрови считается самымъ тяжкимъ преступленіемъ со стороны молодой женщины и даетъ мужу право на разводъ съ ней. «Если жена не нравится сыну, но родители говорятъ, что она хорошо имъ служитъ, то онъ не смѣетъ отпустить ее. Если жена нравится сыну, но не нравится его родителямъ, то онъ обязанъ отпустить ее». Это вполнѣ естественно съ китайской точки зрѣнія,—вѣдь и подыскивалъ ее свекоръ не какъ подходящую подругу сыну, а какъ необходимую служительницу культа предковъ. Въ этомъ отношеніи отъ нея требуется главнымъ образомъ одно—рожденіе сына. Пока она не исполнила этого назначенія, она является скорѣе въ положеніи работницы на семью мужа, чѣмъ хозяйки въ домѣ. Только сдѣлавшись ма-

терью, она пріобрѣтаетъ нѣкоторыя права на уваженіе семьи. Но если судьба лишила ее навсегда счастья имѣть ребенка, положеніе ея дѣлается еще хуже. Безплодіе жены даетъ мужу полнѣйшее право на разводъ съ ней; если же онъ почему-нибудь не желаетъ воспользоваться этимъ правомъ, онъ можетъ, сохранивъ первую жену, взять себѣ наложницу. И этотъ вторичный бракъ справляется также торжественно съ особыми обрядами, въ которыхъ не послѣднюю роль предписывается играть первой женѣ. «Въ самый день брака съ нею мужъ вмѣстѣ съ законною женою испрашиваетъ благословеніе у предковъ, выставляя причиною этого брака продолженіе рода».

Такимъ образомъ исключительною цѣлью брака является рожденіе сына, и это именно придаетъ опредѣленную окраску отношеніямъ между мужемъ и женой, и отношеніямъ родителей къ дѣтямъ.

Рожденіе ребенка является очень важнымъ моментомъ въ жизни китайской семьи, оно сопровождается крайне сложнымъ ритуаломъ, но, конечно, торжественные обряды и общая радость семьи привѣтствуютъ только появленіе на свѣтъ мальчика; рожденіе дѣвочки встрѣчается совершенно иначе. «Когда въ семействѣ родился мальчикъ, то у воротъ дома съ лѣвой стороны *) вѣшаютъ лукъ; если рождается дѣвочка, то у воротъ съ правой стороны вѣшается кусокъ холста». «Рождается сынъ—его помѣщаютъ на постелю, красивыми одеждами обертываютъ, игрушки и скипетръ кладутъ около него; кричитъ ребенокъ,—пурпуровыми одеждами покрываютъ нижнюю часть его тѣла: родился владыка, царь семьи—ему достанется власть. Рождается дѣвочка—помѣщаютъ ее на землю, окутываютъ кусками холста, кладутъ около нея черепицу—вѣдь, чего особенно хорошаго можно ожидать отъ дѣвочки? Не впадала бы только въ пороки и того довольно; умѣть приготовить вино, сварить кушанье, а главное, стараться не быть въ тягость родителямъ—вотъ обязанности женщины». Распространено мнѣніе, будто бы въ Китаѣ родители убиваютъ новорожденныхъ дѣвочекъ. Какъ признанный обычай, это, конечно, не существуетъ, но дѣвочки, вѣроятно, гораздо чаще умираютъ отъ послѣдствій небрежнаго отношенія, а въ бѣдныхъ семьяхъ, быть можетъ, иногда родители и позволяютъ себѣ избавиться отъ лишней обузы.

Въ своей семьѣ дочь ни при какихъ условіяхъ не можетъ играть вліятельной роли; если ей суждено пріобрѣсти значеніе, то развѣ въ новой семьѣ, куда она войдетъ въ качествѣ жены и, главнымъ образомъ, будущей матери. Естественно поэтому, что къ мальчикамъ существуютъ совершенно иныя отношенія чѣмъ къ дѣвочкамъ. Да и сыновья пользуются далеко не одинаковымъ положеніемъ въ домѣ отца. Помогать отцу въ жертвоприношеніяхъ можетъ только старшій сынъ, такъ какъ только къ нему могутъ впослѣдствіи перейти почетныя обязанности жертвоприношенія. Младшіе братья имѣютъ значеніе въ нѣкоторомъ

*) Въ Китаѣ почетной стороной считается не правая, какъ у насъ, а лѣвая.

родѣ резерва на случай смерти или какого-нибудь несчастія со старшимъ. Но пока онъ живъ, они играютъ второстепенную роль, служатъ исполнителями воли отца, работниками на семью. И такая роль суждена имъ на всю жизнь, такъ какъ послѣ смерти отца всѣ его права и вся власть цѣликомъ переходитъ къ его старшему сыну, а они остаются при немъ въ положеніи младшихъ родственниковъ. Выйти изъ этого положенія имъ не представляется почти никакой возможности. Тотъ же культъ, который отдаетъ власть въ руки старшаго въ семьѣ, мѣшаетъ и семейнымъ раздѣламъ и заставляетъ всѣхъ братьевъ, племянниковъ, однимъ словомъ, всю большую семью или родъ, до послѣдней крайности жить вмѣстѣ. Родовой храмъ можетъ быть только одинъ въ немъ можетъ совершать жертвоприношенія только старшій братъ, такимъ образомъ младшіе братья, если они пожелаютъ отдѣлиться, будутъ лишены возможности участвовать въ семейныхъ жертвоприношеніяхъ, будутъ лишены покровительства общихъ предковъ. «Живите вмѣстѣ до конца дней,—читаемъ мы въ одномъ китайскомъ завѣщаніи,—не думая о раздѣлѣ имущества. Ты, Инъ-ци (младшій сынъ), почитай старшаго брата, какъ меня самого, будь безпредѣльно къ нему внимателенъ; если онъ будетъ гнѣваться на тебя, не задумываясь падай передъ нимъ на колѣни, и старайся успокоить его извиненіями; если онъ не перестанетъ гнѣваться, прибѣгни къ его друзьямъ и проси ихъ успокоить его. Если между вами возникнутъ серьезныя разногласія, то пригласите родственниковъ, чтобы они выслушали васъ и разсудили. Помните, что ни въ какомъ случаѣ не слѣдуетъ прибѣгать къ судебному разбирательству». Если мы вспомнимъ судебные порядки въ Китаѣ, то послѣднее напоминаніе покажется намъ особенно благоразумнымъ.

При такой прочности родственныхъ отношеній семейные раздѣлы въ Китаѣ составляли до послѣдняго времени очень рѣдкое явленіе. Теперь подъ вліяніемъ крайняго малоземелья съ одной стороны и нѣкотораго осложненія промышленной жизни—съ другой, они стали происходить значительно чаще. И эта необходимость разбивать старыя, большія семьи и создавать новыя, лишенныя могущественной опоры въ видѣ домашняго храма, сильнѣе всего подрываетъ старые устои быта и вноситъ брешь въ окаменѣвшія формы китайской жизни.

Родственники, принужденные силою обстоятельствъ жить не подъ одной кровлей, сохраняютъ все-таки между собой тѣсную связь. По правиламъ священныхъ книгъ, они должны собираться періодически разъ въ мѣсяцъ въ домѣ главы рода для обсужденія общихъ дѣлъ. Правила эти не всегда исполняются въ дѣйствительной жизни, но, во всякомъ случаѣ, общія родственныя собранія бываютъ при всякомъ важномъ событіи въ семьѣ родоначальника—въ большіе праздники, при рожденіи ребенка, при женитьбѣ одного изъ сыновей, при похоронахъ и т. п. Съ особою торжественностью справляются похороны отца семейства. Умирая, онъ переходитъ въ число предковъ покровителей рода и смерть его обставляется очень сложнымъ ритуаломъ. Похо-

роны младшихъ родственниковъ устраиваются гораздо проще. Положимъ, имена ихъ тоже заносятся въ списки, хранимые въ домашнемъ храмѣ, и имъ приносятъ жертвы, но не особыя, именныя, какъ главнымъ предкамъ, объединяющимъ родъ, а общія всѣмъ вмѣстѣ. По смерти имъ суждено играть такую же второстепенную роль въ храмѣ предковъ, какую они играли при жизни въ семьѣ.

Культъ предковъ, оковавшій въ такія строгія и стѣснительныя формы отношенія между родственниками, даже самыми отдаленными, распространилъ свое вліяніе и за предѣлами семьи. Обрядность, давящая семейную жизнь китайца, кладетъ свою печать на всѣ его отношенія съ людьми. Европейца, попадающаго въ Китай, больше всего поражаетъ на первыхъ порахъ сложность этикета, сопровождающаго каждый шагъ китайца. «Церемоніями и музыкою,—говорится въ Лицзи,—не должно пренебрегать ни одной минуты». Встрѣча, прощаніе, пріемъ гостя, приглашеніе къ обѣду, покупка какой-нибудь мелочи, все происходитъ по строгому ритуалу, и европеецъ, невольно нарушающій этотъ ритуалъ, навлекаетъ на себя насмѣшки, удивленіе, даже гнѣвъ. При встрѣчѣ ѣдущіе въ экипажахъ или носилкахъ знакомые должны выходить на землю и производить установленные поклоны. Приглашая гостя къ себѣ, хозяинъ долженъ схватить его за платье Когда гость входитъ въ домъ, хозяинъ останавливается у каждой двери и проситъ его войти, на что послѣдній соглашается лишь послѣ усиленныхъ просьбъ; войти же сразу считается невѣжливымъ. Въ письмахъ къ знакомымъ считается необходимымъ употреблять по отношенію къ себѣ уничижительные эпитеты. Вотъ для примѣра письмо, какое получилъ начальникъ русской экспедиціи 1874 г. Сосновскій отъ Ханькоускаго даотая. «Я весьма обрадованъ тѣмъ, что дорогіе гости великаго русскаго государства намѣрены озарить сіяніемъ мою скверненькую хижину и буду ожидать ихъ сегодня въ 23-й день 11-й луны, въ 3 часа пополудни». Подписано: «Вашъ младшій братъ, глупецъ, Дао-тай такой-то». Въ разговорахъ принято употреблять подобныя же формы.

— Какъ ваше уважаемое имя?

— Ничтожное прозванье вашего младшаго брата—Вангъ.

— Гдѣ ваше благородное жилище?

— Лачуга, куда я прячусь, тамъ-то.

— Сколько драгоцѣнныхъ сыновей вы имѣете?

— Только пять глупыхъ маленькихъ поросятъ.

Большая часть этихъ странныхъ церемоній и странныхъ формъ обращенія утратила въ настоящее время свой внутренній смыслъ и соблюдается по инерціи, по свойственному китайскому народу консерватизму, отступающему передъ нарушеніемъ даже не нужныхъ формъ, разъ онѣ освящены древностью. Но въ прежнее время въ основѣ всѣхъ этихъ формальностей лежалъ несомнѣнно тотъ же самый принципъ, на которомъ построенъ и семейный бытъ китайцевъ. Во многихъ изъ этихъ правилъ этикета сказывается и до сихъ поръ происхожденіе отъ того

же корня. Особымъ почетомъ и уваженіемъ окружается въ Китаѣ старость. Отсюда правила вродѣ слѣдующихъ. «Если старшій подаетъ младшему руку, тотъ долженъ принять ее въ обѣ свои». «При встрѣчѣ друга отца, сынъ не долженъ первый начинать разговоръ, а только отвѣчать, прикрывая ротъ рукой» и т. п. По той же причинѣ въ Китаѣ считается верхомъ любезности предполагать, что собесѣдникъ старше, чѣмъ онъ есть въ дѣйствительности.—«Какую продолжительность имѣетъ вашъ почтенный возрастъ?» освѣдомляетесь вы у вашего новаго знакомаго, и это одно изъ самыхъ обычныхъ вступленій въ разговоръ.— «Мои ничтожныя лѣта не превышаютъ тридцати».—«О!—слѣдуетъ вѣжливое восклицаніе тономъ величайшаго изумленія.—Я думалъ, что вамъ никакъ не меньше сорока!» И даже женщины въ Китаѣ считаютъ подобное предположеніе крайне лестнымъ для себя.

Высокое служебное положеніе наравнѣ съ возрастомъ даетъ въ Китаѣ право на знаки особаго почтенія со стороны всѣхъ. Кромѣ обычнаго преклоненія передъ властью, въ основѣ этого почтенія лежитъ тамъ тотъ же культъ, который создаетъ привилегированное положеніе старикамъ. Высшіе чиновники въ разныхъ областяхъ государства играютъ ту же роль, какъ отцы въ своихъ семьяхъ. Какъ родоначальники являются жрецами семейнаго культа, такъ мандарины служатъ жрецами культа государственнаго. Отдѣльная семья чествуетъ и молится своимъ предкамъ, и все общество въ совокупности возноситъ моленья, если не всѣмъ своимъ предкамъ, то наиболѣе прославившимся изъ нихъ.

Къ такимъ знаменитымъ всенароднымъ предкамъ причисляются, во-первыхъ, предки царствующей династіи и главы всѣхъ прежнихъ династій; далѣе, Конфуцій и ближайшіе ученики и проповѣдники его ученія, именуемые святыми, какъ Менъ-цзы и многіе другіе; потомъ люди, принесшіе своею жизнью пользу всему народу, нѣкоторые изъ нихъ получаютъ названіе боговъ. Особеннымъ почетомъ среди послѣднихъ пользуется богъ войны—Гуань-ди, бывшій при жизни знаменитымъ военнымъ генераломъ въ III в. до Р. X., потомъ богиня шелководства—при жизни супруга императора Хуанъ-ди, изобрѣтатель земледѣлія—Шэнь-кунъ, покровитель учености Вэнь-чанъ-ди и многіе другіе. Наконецъ, всѣ люди, прославившіеся какой нибудь особой доблестью или подвигомъ, чрезвычайнымъ проявленіемъ сыновняго благочестія, супружеской вѣрности и т. п. могутъ быть причислены послѣ смерти къ почетнымъ предкамъ народа.

Поклоненіе этимъ доблестнымъ предкамъ составляетъ государственный культъ Китая. Въ него входятъ, сверхъ того, еще нѣкоторые остатки прежняго культа природы въ видѣ поклоненія небу (Шанди), землѣ, драконамъ водъ, солнцу и разнымъ другимъ явленіямъ природы, приносящимъ пользу человѣку. Иногда эти божества природы за особыя услуги людямъ жалуются почетными титулами, какъ и обожествленные предки. Вотъ, напримѣръ, милостивый рескриптъ, данный въ нынѣшнее царствованіе дракону Ханъ-танскаго колодца: «Моленія о дождѣ, принесенныя въ кумирнѣ Ханъ-танъ въ Чили, произвели удивительное дѣй-

ствіе. Уже ранѣе того императоръ, дабы почтить этого духа, даровалъ ему титулъ «дракона священнаго колодца, исполняющаго молитвы». Въ нынѣшнемъ году, въ виду недостатка воды въ столицѣ, мы выписали изъ Ханъ-тана въ Пекинъ желѣзную полоску (извлеченную изъ колодца). Мы ее помѣстили и почтили въ Дагао-минъ-дянѣ. Вчера обильный дождь увлажнилъ окрестности и мы испытываемъ глубокую благодарность. Я приказываю, чтобы Ханъ-танскій колодезь былъ удостоенъ новой почести и названъ «священнымъ колодцемъ, гдѣ драконъ удивительнымъ образомъ исполняетъ молитвы и обнаруживаетъ помощь». Кромѣ того, пусть ученикъ Ханлина сдѣлаетъ надпись на доскѣ, которая будетъ передана Ли-хунъ-чангу и благоговѣйно вывѣшена, дабы возблагодарить божество за его покровительство».

Такимъ образомъ, государственный культъ — единственная общераспространенная и обязательная религія Китая—представляетъ собой соединеніе поклоненія предкамъ и поклоненія обожествленнымъ явленіямъ природы. Особаго жреческаго сословія эта религія не имѣетъ; обязательными жрецами ея являются государственные чиновники, начальники областей и провинцій. По существу своему эта религія отличается крайней терпимостью. Сложная изъ различныхъ элементовъ, лишенная одного объединяющаго начала, она гостепріимно открываетъ двери другимъ религіямъ, если только онѣ не стремятся вступить въ борьбу съ ея исконными обрядами. Она готова причислить къ сонму своихъ «утилитарныхъ» боговъ божество любой посторонней религіи, если обращеніе къ нему имѣло благопріятный результатъ. Такимъ образомъ, въ китайскихъ кумирняхъ мы можемъ встрѣтить изображеніе Будды, таблицу въ честь Магомета, имена многочисленныхъ даосскихъ святыхъ и т. п. Это значитъ, что жрецы которой-нибудь изъ этихъ религій, распространенныхъ среди разноплеменныхъ подданныхъ богдыхана, вымолили у своихъ боговъ какую-нибудь особую милость—дождь во время засухи, прекращеніе наводненія, выздоровленіе богдыхана отъ тяжелой болѣзни и т. п. Въ награду за это изображеніе исполнительнаго божества или таблица въ честь него помѣщается въ кумирню, и передъ ней мандаринамъ предписывается совершать жертвоприношенія.

Но мандарины, охотно исполняющіе эти предписанія и готовые чествовать въ своихъ кумирняхъ любого бога, подозрительно и враждебно относятся къ представителямъ тѣхъ религій, которыя стремятся къ исключительности и воспрещаютъ своимъ прозелитамъ исполненіе обрядовъ китайскаго культа. Они сознаютъ, что эти религіи въ корнѣ противоположны китайскому міросозерцанію, ихъ распространеніе можетъ нанести ударъ государственному культу, а вмѣстѣ съ тѣмъ,— что важнѣе всего,—лишить самихъ мандариновъ этого могущественнаго орудія вліянія на народъ.

Т. Богдановичъ.

(*Окончаніе слѣдуетъ*).

ЛЕДЯНОЙ ШТОРМЪ.

РАЗСКАЗЪ.

Посвящается **А. В. Вергежскому**.

I.

Яйла „курила“ и сверкала подъ блескомъ южнаго солнца своими бѣлоснѣжными гребнями, расщелинами и склонами.

Срывая и крутя алмазную пыль, порывы горнаго вѣтра налетали съ бѣшеной силой все чаще и чаще и такъ пронизывали своимъ ледянымъ дыханіемъ, что напоминали близость не Чернаго моря, а Ледовитаго океана.

Вѣтеръ дулъ и съ горъ, и съ моря и, казалось, съ самого неба, подернутаго бирюзой, по которому величаво и словно бы лѣниво поднималось ослѣпительное солнце, появившись изъ-за горъ.

Надъ ними неслись нѣжно-бѣлыя перистыя облачка, а на противоположномъ горизонтѣ, надъ моремъ, надвигались черныя, тяжелыя и нависшія тучи и точно грозили приближеніемъ шторма.

И чуя его, бакланы и чайки тревожно короткими концами, носились низко надъ волнами, какъ будто скользя по нимъ.

И бѣлыя какъ снѣгъ чайки словно бы предостерегали другъ друга своимъ грустнымъ крикомъ, похожимъ на плачъ обиженнаго ребенка.

Въ маленькой открытой гавани Ялты, у набережной, трепыхались, прыгая на своихъ якорькахъ, зимовавшія каботажныя суденышки.

Этотъ десятокъ маленькихъ бригантинокъ и шкунокъ допотопной конструкціи не внушалъ большого довѣрія. Повидимому, не особенно довѣряютъ имъ и господа шкипера—изъ отставныхъ боцмановъ военнаго флота, или „изъ грековъ“,—и не плаваютъ на своихъ „каботажкахъ“ въ зимнюю пору, когда Черное море задаетъ „форменныя трепки“, отъ которыхъ не спасетъ моряковъ, даже заступничество св. Николая Мирликійскаго. Да и тихое,

оно на долгое время заволакивается такимъ густымъ туманомъ, что здѣшніе шкипера, умѣющіе плавать только „на глазъ“, вблизи знакомыхъ береговъ и не имѣющіе понятія о прокладкѣ курса по картѣ и о компасѣ, знаютъ, что, легко вмѣсто Ѳеодосіи попасть въ Одессу, а то и въ Константинополь.

И бравые, но невѣжественные моряки высыпаются за зиму на своихъ „каботажкахъ“, по цѣлымъ днямъ грѣются на солнцѣ на набережной или проводятъ время въ турецкихъ кофейняхъ, гдѣ, вмѣсто кофе, дуютъ сантуринское.

Ошвартовавшійся у мола раскачивался пассажирско-грузовой „Бакланъ“, только что пришедшій изъ Севастополя. Выпущенные пары прогудѣли о приходѣ. Вѣтеръ подхватывалъ черные клубы дыма изъ горластой трубы. Нѣсколько палубныхъ пассажировъ въ порты Кавказа, вышли на берегъ, чтобы купить кое-чего и попробовать твердой земли послѣ сильной качки на пароходѣ... А что еще будетъ впереди?..

Крѣпчало.

Волны взбухали и „разгуливались“. Сталкиваясь между собою, гребни пѣнились съ сердитымъ воемъ и вѣтеръ подвывалъ волнамъ, срывая верхушки „зайчиковъ“, и разнося брызги.

Море вблизи сѣдѣло и становилось сердитѣй.

А вдали, совсѣмъ вдали, оно казалось холмистымъ, темнымъ, таинственно-грознымъ и жуткимъ.

Прибой гудѣлъ.

Особенно былъ высокъ подъемъ столба воды у волнорѣза (конца) мола.

Эта, съуженная вверху, прибойная волна взлетала съ бѣшеной стремительностью на высоту 30 футовъ, почти вертикально... Еще мгновеніе и, рокочущая и обезсиленная, она низвергалась, сливаясь съ широкими волнами. Черезъ нѣсколько секундъ взлетала слѣдующая могучая и бушующая волна.

Кучка людей уже пришла на молъ.

Грузчики подавали тюки и ящики къ лебедкѣ, поворачивающейся съ парохода къ пристани. Нѣсколько зрителей изъ „сѣрой“ публики напряженно и испуганно взглядывали то на море, то на пароходъ, словно бы изумляясь и сожалѣя людей, которые пойдутъ на „Бакланѣ“, казавшемся скорлупой передъ взволнованнымъ, вздувшимся моремъ.

Были и „господа“.

Въ отдаленіи отъ стѣнки, чтобы не получить ледяной ванны, они любовались высокимъ и грознымъ прибоемъ, и безсмысленная его сила невольно наводила почтительный страхъ.

Какой-то художникъ съ подстриженной бородкой, худощавый, молодившійся старикъ, быстро, размашисто и самоувѣренно пи-

салъ масляными красками эскизы прибойной волны. Но неуловимо-характерный, трепетавшій жизнью, грозный и красивый и, казалось, каждое мгновеніе мѣнявшій и цвѣтъ, и мощь, и прозрачность воды, прибой едва ли былъ почувствованъ художникомъ.

Въ выраженіи его изжитаго и скептическаго лица виденъ былъ умъ, но „бога“ въ немъ не было.

И онъ, ловя натуру, въ то же время взглядывалъ на молодую, красивую и изящно одѣтую дѣвушку, стоявшую отъ него въ двухъ шагахъ съ пожилой дамой. Обѣ восхищались и ужасались прибоемъ, не обращая ни малѣйшаго вниманія на художника.

Зато дамы невольно заглядывались на пригожаго, бѣлокураго студента съ худощавымъ и одухотвореннымъ лицомъ и необыкновенно мягкими и „чистыми“ голубыми глазами. Возбужденный и зарумянившійся на стужѣ, онъ озабоченно разставлялъ фотографическій аппаратъ, чтобъ снять въ разныхъ видахъ прибой, произведшій сильное впечатлѣніе.

II.

Одинъ изъ „сѣрыхъ“ зрителей, обращавшихъ исключительное вниманіе на сравнительно небольшой низко нагруженный пароходъ, молодой человѣкъ съ болѣзненнымъ и напряженно-встревоженнымъ лицомъ, лихорадочными и угрюмо-насмѣшливыми глазами, съ жидкой черной бородкой и маленькими усиками, подъ тонкой безкровной губой,—повидимому находился въ отчаянно-скверномъ положеніи.

По крайней мѣрѣ, костюмъ его далеко не соотвѣтствовалъ собачьему холоду въ Ялтѣ, побаловавшей еще вчера чудной, теплой погодой.

Лѣтнее „легкомысленное“ пальтецо, тонкое и протертое на локтяхъ, настолько выцвѣло, что опредѣлить его цвѣтъ было трудно. Дырявыя и стоптанныя ботинки обнажали голые грязные пальцы. Легонькая фуражка, когда-то модная, очевидно, попавшая съ большой головы, была съ вентиляціей... Однимъ словомъ, вся одежда несомнѣнно плохо защищала молодого человѣка, пронизываемаго ледянымъ нордъ-остомъ.

Только шерстяной шарфъ, въ который онъ пряталъ носъ, представлялъ собою лучшую и основательную часть костюма и, казалось, именно онъ и придавалъ нѣкоторый апломбъ всей этой худенькой, безсильной и вздрагивающей фигурѣ. Но молодой человѣкъ носилъ свое рванье съ такимъ же достоинствомъ, съ какимъ сытые люди носятъ свое хорошо сшитое платье.

Молодой „зритель“ пытливо смотрѣлъ на пароходъ и не безъ

зависти думалъ о солидно одѣтыхъ матросахъ, работавшихъ на лебедкѣ, и о тепломъ помѣщеніи на кубрикѣ. Да и у машины было тепло...

И, не смотря на грохочущій въ концѣ мола прибой на гулъ вздымающагося моря и на вой вѣтра, молодой человѣкъ, словно бы озаренный вдругъ рѣшеніемъ, обратился къ одному изъ грузчиковъ. Онъ показался молодому человѣку умнѣе и симпатичнѣе другихъ, этотъ пожилой здоровый брюнетъ, обросшій сильно засѣдѣвшими бородой и усами. Онъ только что спустилъ съ широкой сутулой спины изрядный ящикъ и, остановившись въ нѣсколькихъ шагахъ отъ парохода, ловко закурилъ на вѣтрѣ папироску.

— Пойдетъ въ „рейцъ“, господинъ рабочій?

И, приложивъ къ козырьку засинѣвшіе пальцы, молодой человѣкъ махнулъ головой на пароходъ.

— Пойдетъ!—обрывисто и далеко не любезно отвѣтилъ грузчикъ.

— Въ такого-то дьявола-штормъ?

— Капитанъ знаетъ, коли идетъ!—строго и авторитетно промолвилъ грузчикъ и отвернулся.

— Развѣ по волѣ пойдетъ въ бурю?

— Отстоялся бы здѣсь, еслибъ хотѣлъ.

— Можетъ, и очень бы хотѣлъ, да службы рѣшиться не смѣетъ...

— А ты знаешь, что ли?—рѣзко спросилъ грузчикъ.

— То-то знаю... Не бойсь, ваши шишки, главные, значитъ, начальники въ страхѣ капитановъ держатъ... Лестно, молъ... Я, такой, сякой, захочу—прогналъ съ мѣста, захочу оставилъ... Имъ вѣдь, вашимъ начальствамъ „обормотамъ“, сиди на сухомъ пути да жри хорошій харчъ съ мадерой виномъ, а вотъ ихніе подначальные капитаны, по опаскѣ и глупости, хоть самъ потопай да матросовъ топи!.. Они и виноватые останутся... А управляющіе, молъ, не при чемъ... Очень просто... И ежели въ тебѣ есть понятіе, то обмозгуешь, что вездѣ одна и та же идетъ линія... Всѣ, что по своему мѣсту или по капиталу надъ людьми куражатся,— одно слово озвѣрѣлыя свиньи и сволочь!—прибавилъ съ злой насмѣшкой молодой босякъ.

И эта неожиданно дерзкая рѣчь, не совсѣмъ понятная грузчику, который никогда и не думалъ о людской неправдѣ, хотя, быть можетъ, и чувствовалъ ее своими боками, и оборванный видъ этого босяка, видимо дошедшаго до точки,—вызвали въ грузчикѣ неодобрительныя чувства къ оратору.

И онъ основательный и домовитый семейный человѣкъ, тепло одѣтый и хорошо напившійся чаю съ хлѣбомъ въ своемъ ма-

ленькомъ домишкѣ въ слободкѣ, купленномъ на деньги жены, неизвѣстно какъ добытыя ею,—строго взглянулъ на бездомнаго босяка и ничего не проговорилъ.

Однако, заинтересованный этимъ оборванцемъ съ такой дерзкой „фанаберіей“, не уходилъ.

А молодой оборванецъ неожиданно сказалъ:

— А если капитана этого парохода спросить... Не возьметъ ли онъ, матросомъ?

— Это кого взять матросомъ?—удивленно спросилъ грузчикъ.

— Меня.

— Тебя!?.. Такого... господина??

И грузчикъ разсмѣялся.

Но оборванецъ, казалось, не обратилъ вниманія на презрѣніе въ смѣхѣ этого сильнаго и здороваго человѣка къ слабосильному, нищему и самоувѣренному проходимцу. И онъ спокойно отвѣтилъ:

— То-то такого господина... Сію минуту нанялся бы. Бури не боюсь...

— Ты хоть и отчаянный господинъ, но капитану не требуются матросы. Да тебя, все равно, не возьмутъ... Тоже лодырь, объявился матросъ!..

— Правильно разсудилъ, сытый грузчикъ!.. А ежели, напримѣръ, наняться грузчикомъ на пристани, а то носильщикомъ?..

— Проваливай лучше... Замерзнешь въ своемъ легкомъ кустюмѣ!

— А я полагалъ по тому самому, ты и порекомендуешь меня на должность!..—съ рѣзкой и угрюмой ироніей проговорилъ молодой человѣкъ.

— Другой должности ищи... А пока что... одѣнься.

И съ этими словами грузчикъ торопливо отошелъ, испытывая какую-то неловкость вродѣ виноватости передъ этимъ вздрагивающимъ босякомъ съ чахоточнымъ лицомъ.

— Сволочи!—негодующе бросилъ искатель занятій, два мѣсяца тому назадъ пріѣхавшій изъ Керчи, гдѣ былъ, по болѣзни, разсчитанъ съ табачной фабрики и со штрафомъ за дерзкія слова управляющему.

Замерзнувшій отъ ледяного вѣтра, молодой человѣкъ почти побѣжалъ съ мола и направился въ „матросскую слободку“, гдѣ жилъ у старой квартирной хозяйки, ялтинской мѣщанки, которой платилъ три рубля въ мѣсяцъ за крошечную конуру, безъ отопленія разумѣется.

Ни у кого изъ встрѣчныхъ, шедшихъ къ молу—посмотрѣть на прибой и на пароходъ, собирающійся уходить въ бурю—онъ не рѣшился попросить гривенника, чтобы купить десятокъ папиросъ и выпить въ кофейнѣ стаканъ горячаго чая.

Уже два мѣсяца онъ напрасно искалъ работы и продалъ все, что было возможно, чтобы не умереть съ голода.

Вчерашній день онъ не ѣлъ.

II.

Вѣтеръ усиливался съ быстротой. Барометръ падалъ.

Прибой у мола взлеталъ выше и рокоталъ грознѣе.

Нагрузка парохода приходила къ концу послѣ того, какъ нѣсколько бочекъ и ящиковъ въ были выгружены.

Былъ одиннадцатый часъ утра.

Капитанъ парохода, спавшій лишь часа два на переходѣ изъ Севастополя въ Ялту, встревоженный, озабоченный и не выспавшійся, торопливо напился чаю съ свѣжими булками и вышелъ изъ своей каюты въ рубку.

Взглянувъ на собравшуюся у пристани преимущественно сѣрую публику, испуганную и по временамъ выражавшую опасенія, онъ казалось, спокойно и увѣренно, приказалъ старшему помощнику потораапливать нагрузку и, поднявшись на мостикъ, сталъ смотрѣть на далекій горизонтъ чернѣющаго моря и на зловѣщія темныя тучи, клочковатыя и низкія...

Но горькія думы поднимались въ душѣ этого, повидимому, хладнокровнаго и сдержаннаго капитана.

Это былъ пожилой низенькій и кряжистый человѣкъ съ крупными, грубыми и добродушными чертами щекъ обвѣтрившагося, краснаго и напряженно-серьезнаго лица.

Никифору Андреевичу Москалеву далеко за пятьдесятъ.

Здоровый крѣпышъ, онъ былъ очень не казистъ, морщинистъ и съ сѣдою, какъ лунь, бородой, его неладно скроенная фигура была гибка, поступь легка, и его маленькіе, воспаленные отъ безсонной ночи и возбужденные сѣрые глаза еще горѣли молодымъ блескомъ.

Онъ былъ въ старенькомъ, сильно потертомъ пальто, подбитомъ густымъ и крупнымъ крымскимъ бараномъ съ мерлушечьимъ воротникомъ и въ высокихъ смазныхъ сапогахъ. Изъ подъ форменной фуражки съ толстымъ потемнѣвшимъ золотымъ галуномъ на околышѣ выбивались сильно посѣдѣвшіе русые волосы.

Капитанъ впился въ даль моря и тяжко вздохнулъ.

Штормяга будетъ серьезная, и онъ его встрѣтитъ.

Мысли наводили страхъ на стараго моряка, давно плававшаго по Черному морю. Сперва онъ ходилъ здѣсь на военныхъ судахъ молодымъ штурманскимъ офицеромъ, потомъ на коммерческихъ пароходахъ, когда оставилъ военную службу, всегда ма-

чиху для штурмановъ—этихъ обойденныхъ, обиженныхъ и обозленныхъ пасынковъ морской семьи.

О, какъ хотѣлось ему быть теперь въ Севастополѣ и тамъ пережидать штормъ, вмѣсто того, чтобы идти въ море.

И зачѣмъ онъ пошелъ изъ Севастополя? Зачѣмъ?

Капитанъ понималъ: зачѣмъ. Онъ малодушно боялся выговора. Начальство подумаетъ, что онъ струсилъ. Шторма еще не было въ Севастополѣ. Но вѣтеръ уже крѣпчалъ, и волненіе разводило большое. Слѣдовало бы остаться. Пожалуй, и промело бы.

Никифоръ Андреевичъ служилъ въ коммерческомъ флотѣ двадцать семь лѣтъ и пятнадцать послѣднихъ командуетъ пароходами. Онъ дорожилъ мѣстами и съ молоду привыкъ къ неодолимому, чисто рабьему страху передъ людьми, отъ которыхъ зависѣла его судьба. Боялся, хотя бы не уважалъ и даже презиралъ въ душѣ своихъ патроновъ.

И, слава Богу, до сихъ поръ все шло благополучно. Исправный, пунктуальный и осторожный, онъ ни разу не билъ пароходовъ, даже аварій не случалось. И начальство, кажется, имъ довольно, хотя и долго не заикалось о пассажирскомъ пароходѣ. А Никифоръ Андреевичъ никого не просилъ и не любилъ безпокоить начальство. „Само знаетъ“. Товарищи прямо говорили, что давно слѣдовало бы Никифору Андреевичу получить пассажирскій пароходъ на Крымской линіи, но вѣрно не даютъ за то, что онъ не представительный человѣкъ. Мало ли какіе высокопоставленные пассажиры и какія важныя, свѣтскія пассажирки ѣздятъ въ Крымъ.

Необыкновенно скромный, до болѣзни застѣнчивый Никифоръ Андреевичъ сознавалъ—и очень страдалъ прежде—что онъ не только не представительный, а просто-таки „безобразная рожа“, какъ самоотверженно называлъ онъ свое, топорное лицо. Особенно возбуждалъ въ немъ чувство отвращенія и словно бы виноватости передъ людьми его мясистый, похожій на картофелину съ проростками и багровый, какъ у пьяницъ, носъ. Онъ былъ самымъ главнымъ изъяномъ его лица и самымъ „больнымъ мѣстомъ“ мнительнаго и втайнѣ болѣзненно самолюбиваго Никифора Андреевича.

Онъ не увеличивалъ своихъ достоинствъ, а скорѣе умалялъ ихъ. Онъ понималъ, что не „боекъ умомъ“, никогда не „заносился“, ничего не читалъ, о чемъ можно бы задуматься и имѣть шире кругозоръ, былъ не рѣчистъ и терялся, особенно передъ важными людьми. Даже и со своимъ начальствомъ не умѣетъ разговарить и не умѣетъ подлаживаться. Явится, бывало, по окончаніи рейса въ Одессу, доложитъ, по возможности, лаконично о томъ, что все благополучно, и, робѣющій, стѣсняющійся и застѣн-

чиво краснѣющій, скорѣе вонъ изъ кабинета и на квартиру— повидать семью и пробыть „дома“ два, три не всегда счастливые дня до слѣдующаго ухода въ рейсъ недѣли на три, а то и на четыре.

И Никифоръ Андреевичъ старался подавить оскорбленное самолюбіе обойденнаго человѣка и обиду усерднаго работника на семью, благосостояніе которой являлось для него чуть ли не главнымъ и единственнымъ смысломъ жизни.

Положимъ, на пассажирскомъ и выгоднѣе, и виднѣе, и пароходы быстрѣе и лучше, но, того и гляди, какая-нибудь исторія изъ-за пассажировъ перваго класса. И въ рейсѣ капитанъ долженъ быть всегда на чеку и одѣтъ щегольски. Замухрышка капитанъ непріятенъ пассажирамъ. Они вѣдь требовательные, съ претензіями и капризами. То покажется какому-нибудь генералу, что капитанъ недостаточно „приличенъ“ и внимателенъ, то будто обѣдъ недоброкачественъ, то вино скверное и дорогое, то качаетъ, и виноватъ капитанъ, что не стоитъ на мостикѣ, а болтаетъ или спитъ; то зачѣмъ въ туманъ пароходъ стоитъ по нѣскольку часовъ и капитанъ не обращаетъ вниманія на совѣты идти въ Ялту, до которой всего полчаса, и сирена гудитъ. Особенно дамы нервничаютъ. То и дѣло спрашиваютъ капитана: погибнетъ ли пароходъ? Есть ли надежда спастись?.. Капитанъ долженъ оберегать ихъ. Онѣ вѣдь жены извѣстныхъ лицъ въ Петербургѣ... Все генеральши и со связями... Или жены милліонеровъ изъ Москвы... И всѣхъ этихъ плачущихъ, перетрусившихъ барынь надо уговаривать и успокоивать... А пассажирамъ надо объяснять, что въ такой густой туманъ, когда бака не видно съ кормы, лучше переждать, пока не прояснится... И эти стрекулисты изъ газетъ тоже... народецъ. Задаются!.. Форсятъ!.. Не покажи особеннаго вниманія къ представителю прессы, не помѣсти одного въ каюту, не пусти на мостикъ, — начнетъ фыркать и... все не хорошо, не такъ, какъ на заграничныхъ пароходахъ, и потомъ закатитъ корреспонденцію, въ которой разнесетъ въ дребезги капитана. А ядовитый генералъ, у котораго болитъ печень? Онъ ѣдетъ въ Ессентуки, и сердитый выискиваетъ за что бы придраться и, главнымъ образомъ, за то, что капитанъ не знаетъ, что этотъ желтый и худой старикъ, съ гладко выбритыми щеками и съ застланнымъ взглядомъ озлобленныхъ глазъ, тайный совѣтникъ и директоръ департамента. Такой господинъ и того хуже... Онъ непремѣнно напишетъ предсѣдателю правленія письмо о безпорядкахъ на пароходѣ, на которомъ по несчастью, поѣхалъ, и попроситъ обратить вниманіе на недостаточную вѣжливость капитана съ пассажирами... И тогда запросъ правленія директору... Тотъ, въ свою очередь, капитану... Оправдывайся... Того и гляди, переведутъ на грузовой пароходъ... Бывали такіе случаи.

„Богъ съ ними, съ этими пассажирами. Лучше подальше отъ нихъ... По крайней мѣрѣ спокойнѣе!“—утѣшалъ себя Никифоръ Андреевичъ.

Но недавно Никифору Андреевичу обѣщали, что лѣтомъ ему дадутъ пассажирскій пароходъ... Подъ старость Никифоръ Андреевичъ показался начальству нѣсколько благообразнѣе, и старый морякъ обрадовался за семью. Тогда онъ будетъ получать жалованья съ процентами до пяти съ половиною тысячъ. А теперь онъ получалъ съ прибавками за долгую службу только три съ половиной. Конечно, и съ этими деньгами возможно жить, но осторожно и съ умѣньемъ. Не даромъ же Анна Ивановна недовольна, что Никифоръ Андреевичъ такъ мало получаетъ и не умѣетъ обратить вниманія на свои заслуги. Семья не маленькая: кромѣ Анны Ивановны, четыре дочери. Двѣ ужъ невѣсты и... хоть бы одинъ женихъ!..

„И что съ ними всѣми будетъ, если, Боже храни, кормильца не будетъ“?—подумалъ вдругъ Никифоръ Андреевичъ.

И сердце его замерло отъ тоскливаго ужаса за близкихъ.

Какъ дорога и любима семья—эти некрасивыя, застѣнчивыя, обидчивыя „дѣвочки“. Онѣ живутъ въ скромной обстановкѣ, при вѣчной воркотнѣ матери о трудности сводить концы съ концами, не знаютъ развлеченій, почти безъ знакомыхъ мужчинъ. Особенно всегда недовольны и раздражительны двѣ старшія дочери, часто говорятъ, вытирая слезы, что онѣ жить хотятъ...

И по временамъ Никифору Андреевичу больно и тяжело въ семьѣ, когда, послѣ рейсовъ, онъ проводилъ эти рѣдкіе, желанные дни дома. Онъ ждалъ тепла и любви, ждалъ отдыха въ „гнѣздѣ“, ради котораго работалъ безъ конца—и вмѣсто этого, ни ласки, ни вниманія... Не такими хотѣлъ бы онъ видѣть ихъ.

Формально любезныя, онѣ точно безмолвно укоряли отца, что онъ не съумѣлъ сдѣлать ихъ счастливыми и не старался зарабатывать столько, чтобы семья жила прилично.

Жена, моложавая сорокалѣтняя Анна Ивановна, съ нимъ холодна и нѣсколько третируетъ, считая его недалекимъ и очень некрасивымъ. Никифоръ Андреевичъ это чувствуетъ и побаивается жены. И прежде она не любила мужа и вышла замужъ, чтобъ пристроиться. Пригожей и бѣдной безприданницѣ было восемнадцать, когда она пошла за некрасиваго, смѣшного и влюбленнаго сорокалѣтняго Никифора Андреевича, только что назначеннаго капитаномъ парохода.

Первые годы супружества пронеслись въ головѣ капитана. Какъ онъ страдалъ, ревновалъ и любилъ. И сколько было у жены любовниковъ! Онъ зналъ и не показывалъ, что знаетъ.

Теперь нѣтъ и осадка. Онъ все простилъ. И жена стала

ласковѣе, какъ узнала, что мужъ получитъ наконецъ пассажирскій пароходъ... Семья будетъ жить лучше.

— И вдругъ нищія!—прошепталъ Никифоръ Андреевичъ.— Нищія!—въ ужасѣ повторилъ онъ, представивъ положеніе семьи, если...

„И какъ онъ безпомощенъ... И какъ онъ беззащитенъ!"

Словно бы только теперь, передъ явной опасностью, онъ вдругъ прозрѣлъ, что въ глазахъ начальства онъ только исправный капитанъ, а не человѣкъ.

Заболѣй онъ—черезъ шесть мѣсяцевъ уволятъ. Состаришься—убирайся вонъ и живи, какъ знаешь. Умри—семьѣ ни гроша пенсіи. Погибни въ морѣ—семья моряка, проплававшаго двадцать семь лѣтъ, нищая!

„Безсовѣстные! Безсердечные!"—подумалъ Никифоръ Андреевичъ и спустился съ мостика, попрежнему не понимая, что дѣлаетъ людей безсовѣстными и безсердечными.

IV.

— Первый свистокъ!—приказалъ капитанъ первому помощнику.

— Есть! — неувѣренно и смущенно проговорилъ статный красивый молодой брюнетъ въ щегольской тужуркѣ и высокихъ сапогахъ.

И, стараясь скрыть передъ капитаномъ чувство жуткаго страха, овладѣвшаго имъ, и не спѣша исполнять приказаніе, дрогнувшимъ голосомъ прибавилъ:

— Мы, значитъ, уходимъ, Никифоръ Андреевичъ?

Старый капитанъ, владѣвшій собою несравненно лучше своего помощника, словно бы не понялъ его вопроса.

И въ его серьезномъ, казалось, не встревоженномъ лицѣ, и въ обычномъ спокойномъ голосѣ было словно удивленіе, когда онъ, въ свою очередь, спросилъ:

— А то какъ же, Иванъ Ивановичъ?

— Я полагалъ, Никифоръ Андреевичъ, переждемъ... штормъ...

— Не оставаться же здѣсь... Заштормуй—пароходъ разобьетъ въ щепки объ молъ. Вотъ въ Керчи и отстоимся, если штормяга прихватитъ...

„Уже бушуетъ въ морѣ!"—подумалъ Никифоръ Андреевичъ.

И, стараясь подбодрить и себя, и помощника, прибавилъ:

— Слава Богу, дойдемъ!

Помощникъ взглянулъ на море...

— И мы не загружены, Иванъ Ивановичъ!

— Да, Никифоръ Андреевичъ... Здѣсь пустяки груза.

— А машина у насъ здоровая. Отлично выгребали изъ Севастополя...

— Какъ бы не заливала насъ продольная волна, Никифоръ Андреевичъ... Взгляните, что тамъ! — испуганно проговорилъ брюнетъ.

И въ головѣ его пронеслась мысль:

„Здѣсь пароходъ разобьетъ, зато всѣ живы будемъ!"

Но сказать этой мысли не смѣлъ. А громадная волна, которая будетъ заливать и обледѣнять палубу и бушпритъ, тревожила и капитана.

И, вѣроятно, оттого, что это его мучило и вселяло опасенія, Никифоръ Андреевичъ, обыкновенно ровный и добродушный съ подчиненными, раздражительно и даже съ озлобленіемъ воскликнулъ, глядя въ упоръ на красивое, взволнованное и румяное лицо помощника.

— Да что заранѣе трусу праздновать, Иванъ Ивановичъ! И что вы каркаете, Иванъ Ивановичъ! Вы не воронъ!

— Я вовсе не трусъ, Никифоръ Андреевичъ!—обидчиво вымолвилъ помощникъ.

И въ то же время почувствовалъ, что сердце упало и по спинѣ забѣгали мурашки... И онъ прибавилъ:

— Я не каркаю... Я только хотѣлъ...

— Все равно, идти надо. Первый свистокъ!—повелительно и рѣзко перебилъ Никифоръ Андреевичъ, отводя глаза.

— Есть!—отвѣтилъ въ отвагѣ отчаянія пригожій помощникъ.

И бросивъ на „обезумѣвшаго" капитана, не внимавшаго резоновъ и внезапно „окрысившагося", жалко-испуганный и укоряющій взглядъ своихъ бархатныхъ и нагло-ласковыхъ съ поволокой черныхъ глазъ южанина,—торопливо пошелъ на мостикъ.

Черезъ нѣсколько секундъ, заглушая вой вѣтра и гулъ прибоя, прогудѣли пары короткаго свистка.

Три палубные пассажира—одинъ въ лисьемъ шубѣ-пальто пожилой, рыжій лавочникъ изъ Новороссійска, съ плутоватыми раскосыми глазами, и два чеченца въ буркахъ, изъ Туапсе, съ мужественными правильными, точно выточенными худощавыми и глупыми молодыми лицами—примостившись на своихъ настилкахъ у горячей трубы, посматривали то на капитана, то на матросовъ.

И лавочникъ, торопившійся домой, чтобы получить съ кого-то въ срокъ деньги и по алчности не рѣшившійся не смотря на страхъ остановиться въ Ялтѣ до слѣдующаго парохода, хотя и смертельно боявшійся воды, — закусывалъ воблу и ситникъ, пока не качаетъ, и, блѣдный, испуганно прислушался къ шуму моря и крестился. А чеченцы ѣли хлѣбъ и овечій сыръ и дрожали подъ своими бурками покорные Аллаху.

Видъ капитана и матросовъ не наводилъ унынія и обнадеживалъ.

И лавочникъ говорилъ черкесамъ:

— Понимай, чиркесъ... Ежели пароходъ уходитъ, значитъ секимъ-башки намъ не будетъ! И капитанъ знаетъ.

Черкесы слушаютъ, едва понимаютъ и безмолвствуютъ, съ видомъ фаталистовъ, ожидающихъ своей участи.

Матросы послѣ свистка стали напряженнѣе и угрюмѣе. О томъ, что впереди, не разговаривали. Каждый про себя думалъ, что матросская жизнь каторжная и что въ морѣ жутко. Того и гляди, не увидишь берега.

Художникъ, окончивъ два эскиза, взглянулъ на море и, обращаясь къ молодой дѣвушкѣ, словно бы въ экстазѣ,—воскликнулъ:

— Какая грозная красота... И какъ хорошъ прибой!

„Что за скотина!"—подумалъ пригожій студентъ и возбужденно и сердито произнесъ:

— Какой опасности подвергаются матросы!.. Въ ней красоты мало!

И красивая барышня посмотрѣла на пароходъ и догадалась, что ѣдущимъ на пароходѣ не до красотъ природы.

— Бѣдные!—застѣнчиво промолвила барышня, обращаясь къ студенту и словно бы извиняясь, что она, восхищаясь моремъ, забыла о людяхъ.

И въ эти минуты среди любопытныхъ изъ сѣрой публики раздавались восклицанія, полныя сочувствія и сожалѣнія къ морякамъ:

— Отчаянный капитанъ.

— И буря-то страсть!

— Не бойсь, не боится идти!

— Какъ-то дойдетъ праходъ.

— Матросикамъ-то какъ... Замерзнутъ!

— Вызволилъ бы ихъ Николай угодникъ!

— Спаси ихъ Господь! Не сдѣлай сиротъ!

И кто-то истово перекрестился.

Капитанъ услышалъ эти замѣчанія и вспомнилъ о своихъ.

И какого чорта я не остался въ Севастополѣ!"—снова упрекнулъ себя Никифоръ, Андреевичъ, скрываясь въ рубку.

Онъ приказалъ буфетчику подать чаю и коньякъ и, оставшись одинъ безъ свидѣтелей, Никифоръ Андреевичъ не выглядѣлъ рѣшительнымъ.

Но мысль о томъ, что остаться бы въ Ялтѣ и спастись, рискуя разбить пароходъ, даже не пришла ему въ голову.

V.

Какъ только „Бакланъ", прогудѣвъ о приходѣ, ошвартивался у мола, Антонъ Жученко, чернявый и курчавый молодой матросъ

съ безшабашно-смѣлымъ и жизнерадостнымъ пригожимъ лицомъ, то и дѣло прибѣгалъ на корму и взволнованно и жадно вглядывался въ начало мола, поджидая кого-то.

Онъ не обращалъ вниманія ни на завывающее море, ни на ледяной вѣтеръ, трепавшій его шелковистую бородку и кудрявые волосы, выбивавшіеся изъ-подъ матросской нахлобученной шапки, и, казалось, въ своемъ, не особенно тепломъ, бушлатѣ, застегнутомъ наглухо, не чувствовалъ рѣзкаго холода.

Словно прикованный, весь нетерпѣніе и ожиданіе, онъ впивался въ каждую женщину, показывавшуюся на поворотѣ съ улицы на молъ и сколько-нибудь напоминавшую ему издали ту, которую онъ такъ возбужденно ждалъ.

И его острые, какъ у ястребка, каріе и лукавые глаза вдругъ загорались радостнымъ блескомъ и взглядъ становился нѣжнымъ, ласкающимъ и влюбленнымъ. Ему видѣлось, что спѣшитъ его желанная, любимая...

Это она, Матреша... Невысокая, аккуратная, такая франтоватая...

Но еще минута, и матросъ увидалъ не ту, которую ждалъ.

„И что за рыло!"—мысленно досадовалъ Антонъ.

Его лицо, быстро мѣняющее выраженіе, уже омрачилось. И, подавленный и тоскливый, Антонъ снова взглядывалъ въ показывавшіяся женскія фигуры и, не узнавъ Матрены, начиналъ волноваться и злиться.

Прошло полчаса. Время казалось безконечнымъ.

Прогудѣлъ долгій свистокъ и за нимъ короткій первый.

Антонъ былъ въ отчаяніи. Въ слѣдующее мгновеніе, взбѣшенный и ревнивый, онъ уже питалъ злыя обвиненія противъ Матрены и мысленно повторялъ:

— Подлая!.. Шельма!

Антонъ уже рѣшилъ, что изъ-за такой „подлянки" не стоитъ убиваться. Ну ее, сволочь, къ чорту. Наплевать! При первой же встрѣчѣ искровянитъ ея обманную рожу.

Однако не отходилъ отъ кормы.

Антону дѣлалось обиднѣе и оскорбительнѣе.

Онъ былъ приверженъ до дурости, сохранялъ законъ, былъ ласковъ, не пьянствовалъ, не ругалъ и—дуракъ, какъ есть дуракъ—не билъ, какъ бы слѣдовало, чтобъ понимала. Онъ въ бурю уйдетъ, а ей все равно... Видно, опять зашилохвостила...

— Безстыжая обманщица!..—прибавилъ онъ вслухъ.

И Антону нестерпимо захотѣлось видѣть сейчасъ, сію минуту эту „подлую", чтобы все обнаружить. Онъ покажетъ себя, какъ обманывать... Покажетъ и потомъ пусть убирается навѣкъ.

Матросу казалась теперь секунда цѣлой вѣчностью. Онъ за-

горѣлся и словно бѣшеный сбѣжалъ съ парохода и бросился къ агентству.

Два пожилые носильщика армяне сидѣли у стѣны, притулившись за вѣтромъ.

— Братцы!.. Спѣшка!.. Кто съѣздитъ духомъ въ городъ?

Оба равнодушно подняли большіе влажные и лѣнивые глаза на нетерпѣливаго матроса и спрятали въ гарусные шарфы, намотанные на шеѣ, свои большіе, сизые, мясистые носы.

Ни одинъ даже не отвѣтилъ.

— Идолы! Не даромъ. Заплачу!

— Дежурный. Нельзя!—отвѣтилъ одинъ.

— И мнѣ нельзя!—промолвилъ другой.—А ты не баринъ, не ругайся!—обидчиво прибавилъ онъ.

— Цѣлковый дамъ!

— А куда?—вдругъ разомъ спросили оба носильщика, нѣсколько оживляясь.

— Въ Виноградную.

— Морозъ-то какой. Хо хо-хо! А тебѣ какая такая спѣшка?—спросилъ болѣе добродушный и любопытный носильщикъ.

— Дать знать жонкѣ, чтобы явилась. Наживешь карбованецъ, армяшка!

— Не подходитъ. А ты вотъ мальчика пошли, сродственникъ, племянникъ. Умный, все справитъ. Наумка!..

Подошелъ черномазый, черноглазый и носатый мальчикъ.

Антонъ облегченно вздохнулъ и торопливо заговорилъ:

— Живо, Наумка! Бери перваго извозчика и жарь въ Виноградную, домъ Кукораки... Знаешь?

Мальчикъ утвердительно кивнулъ.

— Въ домѣ меблированныя комнаты барышни Айканихи... Не забудешь?

— Знаю Айканиху.

— У нея въ горничной Матрена. Пусть въ одинъ секундъ сюда на извозчикѣ съ тобой... Молъ, матросъ Антонъ наказалъ, чтобы безпремѣнно. „Бакланъ“, скажи, въ „рейцъ“ отходитъ... Штормъ! Понялъ?

— Все поняли!—хитро улыбаясь, отвѣтилъ Наумка.

— Вали, Наумка!—кинулъ Антонъ, подавая мальчику деньги на извозчика.—Постараешься, цѣлковый!

— А если пароходъ уйдетъ?—вкрадчиво спросилъ Наумка.

Оба носильщика хихикнули.

— Бѣги же! Да летомъ! Отдамъ дядѣ! — грозно закричалъ Антонъ.

И маленькій Наумка, словно бы жеребчикъ, получившій внезапно плеть, помчался со всѣхъ ногъ.

— Наумка молодца... Исправно сполнитъ. Онъ — башка, даромъ, что малъ! — любовно сказалъ носильщикъ, восхищенный предусмотрительностью племянника, и подумалъ, что слѣдуетъ съ Наумки получить „могарычъ".

Но матросъ не уходилъ и волновался.

— Будь спокоенъ, Наумка не обманетъ — возьметъ извозчика!—прибавилъ Наумкинъ дядя.

— То-то не обманетъ... А ужъ и шельмоватый Наумка!

— Понятливый. И привезетъ твою супружницу. Только отпустила бы Айканиха. Строгая барышня... уксусная!—протянулъ армянинъ.

— Знаю, что уксусная и зудитъ. Однако не посмѣетъ... И Матрешка не овца... Отчекрыжитъ... Бойкая на языкъ!

Въ эту минуту мальчикъ сѣлъ въ коляску, въѣзжавшую на молъ, и скрылся.

— Спасибо, братцы!

Съ этими словами Антонъ побѣжалъ на пароходъ.

Снова прислонившись къ борту кормы, онъ впился впередъ на молъ и, взволнованный, и вздрагивающій, будто въ лихорадкѣ, повторялъ:

— И что за сволочь Матрешка!

И въ голосѣ его невольно дрожала нотка любви.

Прогудѣлъ второй звонокъ. Лебедка еще работала, принимая бочки. Сердце Антона усиленно забилось.

И имъ овладѣла лишь одна мысль:

„Успѣетъ ли пріѣхать эта подлая Матрешка?"

VI.

„Айканиха", какъ вульгарно и неподходяще называли носильщики и Антонъ фамилію Ады Борисовны, да еще считали ее „уксусной",—была тонкая и деликатнаго обращенія дѣвица, точный возрастъ которой никто въ точности не зналъ, но во всякомъ случаѣ предполагали, что Адѣ Борисовнѣ отъ тридцати до сорока.

Бѣлобрысая, съ щурящимися маленькими близорукими, порой мечтательными глазами, съ мелкими кудряшками у лба, высокая и худая, какъ спичка, благоухающая сірг'омъ и втайнѣ влюбчивая, какъ корректная кошка, не воющая по ялтинскимъ крышамъ по родственной душѣ какого-нибудь приличнаго кота,— Ада Борисовна, благодаря изяществу сдержанныхъ манеръ, пышнымъ складкамъ на лифѣ, выхоленнымъ рукамъ въ кольцахъ и кое-какимъ секретамъ нѣжности кожи лица, казалась близору-

кимъ мужчинамъ еще недурной, особенно подъ густой вуалеткой и безъ солнечнаго или луннаго освѣщенія на берегу моря.

Пансіонъ, какъ считала Анна Борисовна приличнѣе называть свои меблированныя комнаты въ двухъ-этажномъ домѣ, она не считала „компрометантнымъ“ занятіемъ хотя бы для образованной дѣвушки изъ порядочнаго общества и генеральской дочери, жаждавшей самостоятельности и какого-нибудь дѣла, — тѣмъ болѣе когда пансіонъ, вполнѣ приличный и семейный, доставляетъ не только исходъ жажды полезной дѣятельности на пользу туристовъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ и хорошій доходъ во время сезона, когда порядочные пріѣзжіене ошалѣваютъ отъ серьезныхъ цѣнъ, произносимыхъ съ любезной улыбкой изящно-одѣтой, благоухающей и корректной Адой Борисовной.

Хоть Ада Борисовна и влюбчива, но это не мѣшаетъ ей быть дѣловитой и аккуратной хозяйкой, понимающей значеніе сезона и несоотвѣтственныхъ цѣнъ за комнаты. Она необыкновенно заботлива о своихъ жильцахъ, особенно зимой, когда пріѣзжихъ такъ мало и пустующихъ комнатъ такъ много. Она умѣетъ примирять безпокойныхъ и нервныхъ жильцовъ съ кое-какими неудобствами, вродѣ холода въ комнатахъ, щелей въ рамахъ и слишкомъ маленькихъ порцій за завтраками и обѣдами,— безконечной внимательностью, знаніемъ трехъ языковъ и научно доказанныхъ фактовъ о пользѣ для здоровья прохладнаго воздуха въ комнатахъ и домашняго простого и свѣжаго обѣда безъ излишества. И въ подтвержденіе своихъ теоретическихъ сообщеній Ада Борисовна разсказывала, какъ быстро поправлялись жившіе въ ея пансіонѣ прошлой зимой князь Булатовскій, извѣстный писатель Ракушкинъ и одинъ молодой офицеръ фонъ-Дорфъ.

У князя, товарища министра или вродѣ этого, восторженно присочиняла Ада Борисовна для бо́льшаго эффекта, былъ діабетъ, у нашего извѣстнаго Ракушкина — переутомленіе, у молодого изящнаго офицера, лейбъ-улана фонъ-Дорфа — плевритъ. Къ веснѣ всѣ были здоровы, пополнѣли и стали веселые. Вотъ что сдѣлали ялтинскій морской воздухъ, режимъ и добросовѣстная заботливость объ удобствахъ...

Участливая къ своимъ жильцамъ, что сказывалось и въ ласковомъ взглядѣ маленькихъ глазъ, и въ мягкомъ сопрано, иногда доходящемъ до тремоло, Ада Борисовна или заходила къ жильцамъ, или приглашала въ свою уютную и хорошо убранную гостиную со множествомъ фотографій прежнихъ жилицъ и жильцовъ съ болѣе или менѣе извѣстными фамиліями. И чтобы сколько-нибудь развлечь тоскующихъ на чужбинѣ по семейной обстановкѣ, хозяйка не безъ увлеченія и мастерства бесѣдовала о разныхъ темахъ, дипломатически принаравливаясь къ взглядамъ гостьи или гостя.

Ада Борисовна болтала и о литературѣ, и политикѣ, и о своемъ знатномъ происхожденіи, и дороговизнѣ въ Ялтѣ провизіи, о задачахъ жизни и, случалось, не безъ патетическихъ нотокъ разсказывала объ одиночествѣ непонятыхъ душъ. Въ интимной бесѣдѣ съ какой-нибудь понимающей собесѣдницей Анна Борисовна разсказывала, разумѣется, въ третьемъ лицѣ, объ одномъ романѣ, испортившемъ жизнь. *Она* любила. *Онъ* представлялся, что любитъ, но вскорѣ обнаружилось, что *онъ* хотѣлъ жениться изъ-за низменныхъ цѣлей—изъ-за приданаго и протекціи отца. И *она* отказала и съ тѣхъ поръ уже никогда не любила... Знала Ада Борисовна и много пикантныхъ романовъ пріѣзжавшихъ въ Ялту дамъ. Осторожно, не называя именъ героинь, Ада Борисовна разсказывала о наивной простотѣ завязокъ этихъ романовъ, брезгливо удивляясь, что можно увлекаться такими героями какъ татары-проводники, такіе некультурные и такіе необразованные. И не безъ негодованія прибавляла, что имъ „Богъ знаетъ за что" московскія купчихи и даже генеральши платили шальныя деньги. Вообразите?

Зимой, ради экономіи, Ада Борисовна держала только одну горничную, Матрешу, которая живетъ въ пансіонѣ уже пять лѣтъ и расторопная и знающая свое дѣло, должна была, по мнѣнію Ады Борисовнѣ, одна справляться, хотя ей конечно, трудно вездѣ поспѣвать.

Но зато Ада Борисовна давала Матренѣ соотвѣтствующія инструкціи о томъ, въ какихъ номерахъ слѣдуетъ быть исправнѣе и къ кому внимательнѣе, имѣя въ виду характеръ и положеніе жильцовъ, размѣръ ихъ платы и время возможнаго пребыванія въ пансіонѣ.

Стараться въ остальныхъ номерахъ, о которыхъ не сообщалось особенныхъ инструкцій, предоставлялось самой Матрешѣ, чтобы не было неудовольствій со стороны жильцовъ.

Ада Борисовна, разумѣется, не могла не дорожить расторопной, ловкой и приличной горничной, которой платила лишь десять рублей въ мѣсяцъ и нерѣдко давала наставленія, считая Матрешу „продувной бестіей", какъ не всегда деликатно выражалась про себя образованная дѣвушка, гордившаяся своей корректностью и порядочностью и считавшая Матрешу далеко не на высотѣ добродѣтели, составляющей лучшее украшеніе женщины.

Не безъ тайной невольной зависти злобствовала Ада Борисовна, что какая-то вульгарная горничная особенно нравится, главное, не жилицамъ, а жильцамъ и, разумѣется, потому, что эта смазливая и вертлявая Матреша явно стрѣляетъ глазами, безстыдно показывая свои полныя формы подъ обтянутымъ лифомъ и, конечно, не прочь, ради добавочныхъ подарковъ, отъ флирта съ жильцами, готовыми флиртовать хотя бы и съ горничными.

Но какъ ни возмущала Аду Борисовну эта безнравственная Матреша, тѣмъ не менѣе практическая сметка хозяйки пересиливала зависть и брезгливость добродѣтельной поневолѣ увядавшей дѣвицы. И она не преслѣдовала Матрешу за флиртъ, хорошо понимая, что жильцы болѣе привязываются къ пансіону, не поднимаютъ исторій изъ-за какихъ-нибудь пустяковъ и какъ-то становятся веселѣе, когда видятъ въ комнатѣ внимательную и услужливую горничную. Тѣмъ болѣе терпѣла, что Матреша настолько была сообразительна, дорожила мѣстомъ и знала строгія правила барышни, что не допускала „гадостей", которыя могли бы испортить репутацію ея пансіона.

Къ тому же, Матреша годъ тому назадъ вышла замужъ и, конечно, должна вести себя осторожнѣе. Вѣдь любитъ же она этого влюбленнаго Антона. Не даромъ же она, не послушавъ добрыхъ совѣтовъ Ады Борисовны, сдѣлала глупость—вышла замужъ за грубаго, безъ гроша матроса и тѣмъ огорчила ее. Хоть Матреша и обѣщала остаться, но вѣдь, того и гляди, уйдетъ и оставитъ безъ опытной и привычной горничной хозяйку, которой была обязана и своимъ положеніемъ и деньжонками.

„Неблагодарныя",—думала Ада Борисовна.

VII.

Матреша была хорошо сложенная, съ красивыми формами бюста, ослѣпительно-бѣлая, рыжеволосая блондинка, лѣтъ двадцати пяти-шести на видъ, небольшого роста, крѣпкая, свѣжая, дышавшая здоровьемъ, съ привѣтливымъ и сдержанно-лукавымъ взглядомъ быстрыхъ и смышленыхъ глазъ, умѣвшихъ, казалось, говорить краснорѣчивѣе словъ, съ слегка вздернутымъ носомъ, пышными губами и черной родинкой на щекѣ—какъ муха въ молокѣ—придающей пикантность миловидному и кокетливо-задорному лицу Матреши. И вся она точно чувствовала свою привлекательность.

Щеголевато пріодѣтая, въ бѣломъ фартукѣ и въ высокомъ французскомъ чепцѣ, опрятная, вѣжливая безъ угодливости, съ большими красивыми рабочими руками съ обручальнымъ и бирюзовымъ кольцами на безъимянномъ пальцѣ, Матреша въ одиннадцатомъ часу убирала третій номеръ, особенно рекомендованный барышней. Матреша старательно и усердно вытирала каждый день со всѣхъ вещей пыль, послѣ того, какъ подметала полъ, и убирала постель въ маленькой сосѣдней спальнѣ, потомъ прибирала письменный столъ, складывала къ мѣсту газеты и быстро являлась на электрическій звонокъ жильца.

Онъ требовательный, мелочной, страдавшій болѣзнью печени,

платилъ за свои двѣ комнаты дороже, чѣмъ другіе, чтобы только пользоваться особеннымъ вниманіемъ и быстрымъ исполненіемъ своихъ законныхъ просьбъ, какъ внушительно говорилъ „№ 3“, отучнѣвшій петербургскій чиновникъ второй молодости, пріѣхавшій въ Ялту для отдыха отъ неимовѣрно долгаго сидѣнія въ департаментѣ и не терявшій еще надежды на возвращеніе силъ первой молодости.

„№ 3“ жилъ уже болѣе мѣсяца и, видимо довольный, заплатилъ Матрешѣ пять рублей за мѣсяцъ услугъ. Онъ напускалъ серьезный видъ, когда Матреша приходила убирать и подавала самовары, завтракъ и обѣдъ, хотя изъ-подъ густыхъ сѣдыхъ бровей незамѣтно бросалъ на Матрешу загоравшіеся глупые взгляды и снова отводилъ глаза и дѣлался серьезнымъ, не рѣшаясь на авантюру, о которой втайнѣ мечталъ, и, аккуратный, прикидывалъ, во что это могло бы стоить, если бы эта „штучка“ согласилась хотя бы на флиртъ и, главное, не болтала бы объ этомъ, чтобъ не скомпрометировать репутаціи солиднаго виднаго чиновника въ генеральскомъ званіи.

Однако сегодня, когда Матреша окончила уборку и хотѣла было уходить изъ комнаты, жилецъ внезапно проговорилъ серьезнымъ тономъ, одѣваясь въ свой мѣховой охотничій костюмъ:

— А сегодня прохладно у васъ, Матреша... А?..

— Сильный вѣтеръ сегодня...

— Какой?..

— Нордъ-остъ...

— Вы, Матреша, говорите, нордъ-остъ?..

И, внезапно понижая голосъ, прибавилъ:

— А вы не озябли, Матреша?..

— Мнѣ не холодно!—улыбнулась Матреша...

— И вечеромъ не холодно?.. А?.. Вечеромъ холоднѣе... Или у васъ горячая кровь, Матреша...

— Я молода, баринъ... Оттого и кровь горячая...

И Матреша кокетливо и вызывающе повела глаза на жильца второй молодости.

Старикъ осоловѣлъ и шепнулъ:

— А вѣдь вы прехорошенькая, Матреша.

— Будто?..

— Право, очень хорошенькая... Гдѣ вашъ мужъ?..

— Въ разлукѣ!.. Онъ матросъ...

— У такой милой Матреши и матросъ?.. И скучно по мужѣ?

— Какъ по мужѣ не скучать...

— А знаете ли что, Матреша?..

— Что, баринъ?..

— Только между нами...

— Я не болтушка, будьте спокойны...

— Вы мнѣ очень нравитесь, Матреша. . И вотъ вамъ позвольте подарить золотой...

— За что?

Съ этими словами жилецъ подошелъ къ Матрешѣ и подалъ пять рублей.

— А за вашу красоту... И постоянно радъ вамъ давать по столько, если... если... позволите васъ поцѣловать... Въ этомъ... ээ... ээ... ничего дурного!—прибавилъ, млѣя, жилецъ.

Торопливо и почти что съ серьезнымъ дѣловитымъ видомъ Матрена сунула золотой въ карманъ юбки и подставила свою бѣлую, упругую щеку.

Не глядя на раскраснѣвшееся, млѣвшее лицо жильца второй молодости, который припалъ къ шеѣ носомъ, Матрена съ брезгливымъ чувствомъ ощущала слюнявыя губы и поцѣлуи, которыхъ столько продавала во время сезона съ такимъ же дѣловитымъ равнодушіемъ. И прислушиваясь къ двери, Матреша, привыкшая къ курортнымъ нравамъ, думала:

„Никакой тутъ мерзости нѣтъ. Барыни еще хуже. Меня не убудетъ отъ этихъ поцѣлуевъ безсовѣстнаго блудливаго старика. А между тѣмъ лишнія деньги пригодятся для дома: для меня и красавца Антошки“.

И черезъ двѣ-три минуты, она уже рѣшила, что за пять рублей уплата произведена, и, оттолкнувъ осоловѣлаго старика, шепнула:

— Будетъ! Еще барыня войдетъ... Каково?

Старикъ испуганно отошелъ къ столу и, присаживаясь, пролепеталъ сдавленнымъ голосовъ:

— Милая... Обворожительная! Еслибъ вы знали, какъ я васъ... люблю!

— Знаю!..—насмѣшливо промолвила Матреша.

— Такъ прошу... заходите вечеромъ... на четверть часа... Я поцѣлую васъ... Придете?

— Можетъ быть!—неопредѣленно засмѣялась Матреша.

— Я снова подарю золотой...

— Но только помните уговоръ: кромѣ поцѣлуевъ, какъ сейчасъ, ничего!..

— И это наслажденіе, Матреша... О, какая вы вкусная, Матреша!..

„И какой ты противный!“—подумала Матреша, улыбаясь глазами.

Въ эту минуту въ двери тихо постучали.

Матрена уже сметала книги съ этажерки пуховкой, какъ ни въ чемъ не бывало, а жилецъ хриплымъ голосомъ разрѣшилъ войти и успокоился, что въ дверяхъ стояла толстая, пожилая кухарка

и, извинившись, что осмѣлилась побезпокоить генерала, сказала, что зовутъ Матрешу.

— Мальчикъ какой-то ждетъ тебя въ кухнѣ! — шепнула въ корридорѣ кухарка.

Обѣ спустились въ кухню. Тамъ Наумка торопливо доложилъ Матрешѣ о своемъ порученіи и что извозчикъ ждетъ. Пароходъ скоро уходитъ. Ужъ второй свистокъ.

Матреша обрадовалась, почему-то смутилась и бѣгомъ вернулась наверхъ и нетерпѣливо постучала въ комнату Ады Борисовны.

И, впущенная, возбужденно и почтительно проговорила:

— Позвольте на полчаса отлучиться, барышня!

— Это зачѣмъ?—съ неудовольствіемъ спросила хозяйка, подозрительно взглядывая на взволнованное лицо Матреши.

— Антонъ прислалъ за мной. „Бакланъ" уходитъ. И какая буря, барышня!—прибавила тревожно Матреша.

— Твой матросъ могъ бы самъ забѣжать... И что матросамъ буря... А ты дома нужна.

— Антону, значитъ, было нельзя.

— И тебѣ нельзя... И что за свиданіе на нѣсколько минутъ... Скажите пожалуйста, что за проводы!

„Экая злюка и безсердечная!" —подумала Матреша.

И, оскорбленная, возбужденно и возвышая голосъ, проговорила:

— Кажется, безъ необходимости утромъ не прошусь, барышня. Ровно каторжная у васъ работаю... И вы не зудите, барышня, и отпустите, а не то и безъ спросу уѣду...

— Не будь дерзкая, Матреша!.. Номера третій и пятый убраны?

— Убраны.

— Уѣзжай и скорѣй возвращайся!.. И что у насъ за прислуга!—вздохнула Ада Борисовна.

Но Матреша этихъ словъ, вѣрно, не слыхала. Она была уже въ своей маленькой комнатѣ въ первомъ этажѣ противъ комнаты Ады Борисовны, торопливо обвязала шею голубой лентой, надѣла теплое пальто съ барашкомъ на воротникѣ, новую шляпку, переложила изъ кармана золотой, только что полученный отъ жильца № 3, въ портмонэ, чтобы дать его Антону, и выбѣжала на улицу.

Черезъ минуту она съ Наумкой ѣхала на молъ.

Чѣмъ ближе подъѣзжала коляска къ молу, тѣмъ ужаснѣе казалась буря.

И Матреша чувствовала себя виноватой передъ Антономъ, что онъ все еще матросомъ и долженъ идти въ такую бурю.

„Могла бы уже съ нимъ не разлучаться. Деньги-то прикоплены",—думала Матрена и взволнованно повторяла:

— Ради Бога, поскорѣе, извозчикъ! Поскорѣе, голубчикъ!

И, взглядывая на бушующее море, Матрена замирала отъ ужаса при мысли о гибели Антона и только теперь поняла, какъ любитъ его и какъ передъ нимъ виновата.

VIII.

Едва сдерживая безумную радость, охватившую его, когда Антонъ увидалъ коляску, въ которой сидѣла Матреша, казалось, еще красивѣе и франтоватѣе,—онъ ужъ и не подумалъ больше о томъ, чтобы показать себя Матрешѣ и искровянить ея обманную рожу.

Но словно бы стыдясь показывать, какъ онъ обрадовался и какъ онъ ее любитъ, Антонъ встрѣтилъ Матрешу, когда она взбѣжала на пароходъ, не особенно горячо и, напуская на себя беззаботный видъ, пожалъ руку и проговорилъ:

— Однако и поздно, Матреша... Полагалъ, и не пріѣдешь...

— Не знала, что пришелъ... Письмо бы послалъ...

— Послалъ...

— Не получила, Антоша, честное слово!..

Антонъ отдалъ рубль Наумкѣ и повелъ Матрешу внизъ, въ матросскую каюту.

— Не бойсь, торопилась?...

— Еще бы!

Матреша обвила шею Антона и крѣпко, крѣпко поцѣловала его... Глаза ея блестѣли такою любовью, что Антонъ, счастливый и радостный, восторженно любовался Матрешей и, словно не находя словъ, нѣсколько секундъ молчалъ.

И спросилъ наконецъ:

— А живешь какъ у своей уксусной?

— Подлая... Не хотѣла отпускать сегодня... Сказала, что и безъ спросу уѣду...

— Молодца ты у меня, Матрешка.

Онъ крѣпко сжалъ ея руку и прибавилъ:

— Вернемся съ рейца, къ тебѣ забѣгу.

— Антоша, милый мой. Не ходи ты въ рейцъ. Слышишь? Оставайся здѣсь. Ѣдемъ!—возбужденно говорила Матреша.

И въ голосѣ ея звучала мольба. И глаза ея такъ нѣжно ласкали.

— Никакъ нельзя.

— Сдѣлай для меня... Штормъ-то какой... О, Господи!

— Служба. И не хорошо уйтить. И подъ судъ уйдешь, если сбѣжишь... Понимаешь?

Матреша понимала не то, что уйти не хорошо, а то, что по-

садятъ въ тюрьму. Но теперь она понимала, что она виновата передъ Антономъ, когда уговаривала его не оставлять пока мѣста рулевого на пароходѣ, благо жалованье хорошее, и сама не хотѣла бросать мѣста горничной. Доходы соблазняли и послѣ интимности съ Антономъ и выхода за него замужъ.

Она скрывала это отъ него. Вѣдь доходы не мѣшали ея любви къ Антону, но онъ бѣшеный, ревнивый... Вызналъ бы все, живя въ Ялтѣ.

И, охваченная позднимъ раскаяніемъ, она заплакала.

— Не реви, Матрешка... Чего ревѣть?—съ необыкновенной нѣжностью проговорилъ матросъ, тронутый страхомъ Матреши за него и самъ отлично понимающій опасность шторма.

И, стараясь поцѣлуями вытереть слезы, онъ, чтобъ подбодрить Матрешу, прибавилъ своимъ увѣреннымъ и безшабашнымъ тономъ:

— И чего бояться? До Керчи дойдемъ, тамъ и отстоимся... И телеграммъ тебѣ пошлю!

Матреша улыбнулась сквозь слезы. И черезъ минуту хорошо знающая власть своего обаянія надъ Антономъ, рѣшительно и повелительно сказала:

— Какъ рейцъ кончишь, проси разсчетъ. Слышишь. Не хочу я больше мужа матросомъ!

— Обвязательно возьму разсчетъ, коли ты хочешь быть при мужѣ!..

— То-то хочу и чтобъ вмѣстѣ жить, Антоша... на одной квартирѣ... Надоѣло врозь... Брошу я свою Айканиху!

Обрадованный Антонъ сіялъ побѣдоносно.

— То-то пришла въ разсудокъ, Матрешка... Давно звалъ тебя вмѣстѣ жить, какъ полагается форменно супругамъ... И я мѣсто пріищу... въ дворники пріищу, а то не здѣсь, такъ въ Севастополѣ. Не бойсь, тебѣ не нужно въ людяхъ жить.

— Придумаемъ, какъ лучше, Антоша... Деньжонки есть.

— Скопила?

— Такъ по малости на мѣстѣ...

И, замѣтивъ, что Антонъ не обрадовался этимъ словамъ, прибавила, любуясь своимъ пригожимъ и ревнивымъ мужемъ, прибавила:

— Не нравится, что живу въ горничной?

— А ты, какъ полагала, Матрешка? Лестная, что ли твоя должность! Развѣ, что только выгодная, ежели вертишься день деньской да жильцамъ ублажай, чтобы были довольны... Хуже нѣтъ... И между ими есть, что прямо-таки подлецы! Думаютъ съ деньгами и господа... Облестительная горничная... Такъ и безъ разговора ее упоцѣлуетъ, Свиньи!

— Всякіе есть... И отваживаешь!—лгала Матреша, чтобъ не

оскорбить Антона.—Недавно еще... въ третьемъ номерѣ, старый генералъ приставалъ...

— А ты бы его въ морду, Матрешка! Молъ, въ законѣ!— вспыльчиво воскликнулъ матросъ.

— И такъ отсталъ... Не воображай... Будь покоенъ, обожаю своего Антошку... Милый! Вернешься только въ Ялту—ну ихъ съ пансіономъ!—горячо говорила Матреша, охваченная страхомъ за мужа.

И прильнула къ его губамъ. Потомъ вспомнила о золотомъ и сунула его Антону.

— А ты, Матрешка, знай, что окромѣ тебя, ни на кого не взгляну. Завладѣла!...

Въ каютѣ сильно покачивало. Въ открытыя двери донесся окрикъ:

— Свистокъ!

Антонъ истово и серьезно поцѣловался троекратно съ Матрешой, и они вышли на верхъ.

— До свиданія, Матрешка!

— Прощай, мой желанный!

Загудѣлъ третій свистокъ. Матреша сбѣжала со сходни. Антонъ поднялся на мостикъ и сталъ къ рулю съ подручнымъ.

Старый капитанъ въ дождевикѣ поверхъ теплаго пальто, обмотанный шарфомъ и въ теплыхъ англійскихъ перчаткахъ, озабоченный стоялъ на мостикѣ, обернувшись къ кормѣ, чтобы не прозѣвать хода впередъ при отдачѣ швартововъ, и пароходъ не ударился бортомъ о стѣнку мола.

Увидавъ своего любимца, славнаго рулевого, Никифоръ Андреевичъ кинулъ:

— Легко, Антонъ, снарядился. Зазябнешь. Есть полушубокъ?

— Есть, вашескобродіе. Не успѣлъ одѣться. Снимемся, надѣну.

— Видно, жена помѣшала?

— Пріѣзжала проводить, Никифоръ Андреевичъ!

Убрали сходню. Никого изъ посторонних не осталось.

— Отдавать швартовы!—скомандовалъ капитанъ.

И сію же минуту, какъ только что стали отдавать швартовы, капитанъ возбужденно крикнулъ по телефону въ машину:

— Полный ходъ впередъ!

Машина застучала, и винтъ забуровилъ. „Бакланъ“ отходилъ отъ пристани и, раскачиваясь съ бока на бокъ, обдаваемый верхушками волнъ, направился, сдѣлавъ поворотъ налѣво, въ море.

Капитанъ тихонько перекрестился и, полный рѣшимости не оставить мостика, чтобъ бороться съ штормомъ, съ угрюмымъ видомъ человѣка, для котораго нѣтъ выхода изъ положенія, смо-

трѣлъ впередъ и тоскливо смотрѣлъ и слушалъ, какъ на просторѣ дьявольски поднимаются и ревутъ волны.

Придерживая зазябшей рукой шляпку, Матреша стояла у края пристани, не спуская глазъ съ Антона, ворочавшаго рукоятку штурвала. Ужасъ отражался въ расширенныхъ зрачкахъ Матреши при мысли, что Антону не вернуться. Она, напрасно стараясь улыбнуться, кивала на пароходъ головой, чувствуя, какъ рыданія перехватываютъ горло.

Прибой грохоталъ и волны гудѣли.

Въ публикѣ ахнули. Многіе крестились, точно прощались. Никто не спускалъ глазъ съ отошедшаго парохода. Зрители не расходились еще.

„Бакланъ" только что отошелъ, какъ качка уже „трепала" пароходъ. Носъ его стремительно опускался, словно зарываясь въ воду, и корма взлетала словно на дыбы. И мгновеніями „Бакланъ" скрывался отъ глазъ и снова показывался такой маленькій, метающійся, захлестываемый бѣшеными волнами и, казалось, обреченный на гибель.

По мѣрѣ того, какъ „Бакланъ" удалялся отъ мола, пароходъ казался съ берега еще безпомощнѣе и чаще закрытымъ волнами.

Куча стала расходиться.

Зрители „по-сѣрѣе", подавленные, подъ впечатлѣніемъ потрясающаго зрѣлища обреченныхъ людей, бросали недружелюбные короткіе взгляды на тѣхъ изъ немногихъ возвращающихся съ мола господъ, которые, тепло одѣтые и довольные, внушительно и громко восхищались грознымъ моремъ и бѣснующимся прибоемъ и съ веселой развязностью болтали и смѣялись.

Матреша съ красными отъ слезъ глазами, удрученная тоскливыми думами объ Антонѣ, тихо и раздумчиво, ни на кого не глядя, проходила въ толпѣ, направляясь къ извозчикамъ, чтобъ спѣшить домой. Ее нагналъ жилецъ пятаго номера пансіона „Айканихи", маленькій круглый молодой человѣкъ въ щегольскомъ мѣховомъ пальто и въ бобровой бояркѣ, мѣсяцъ тому назадъ пріѣхавшій изъ Петербурга въ Ялту отдыхать отъ чего-то и зачѣмъ-то вдохновляться моремъ. Не казистый, со скуластымъ, румянымъ и самодовольнымъ лицомъ, онъ заглянулъ въ лицо Матреши и слегка побѣдоноснымъ и наглымъ теноркомъ воскликнулъ:

— И вы полюбоваться природой, Матреша?.. Вы на морозѣ прехо...

И внезапно оборвалъ слово.

Оборвалъ и, рѣшительно сбросивъ золотое пенснэ и словно бы лично оскорбленный страшнымъ порывомъ ледяного вѣтра, быстро спряталъ въ серебристый бобровый воротникъ свой чувствительный къ холоду, пухлый, маленькій вздернутый носъ.

Глаза Матреши сверкнули презрительнымъ огонькомъ. Она презрительно отвернулась отъ пятаго номера и пошла скорѣе. А молодой человѣкъ удивленно и обиженно взглянулъ на Матрену, такую внимательную и любезную въ пансіонѣ и такую грубую на улицѣ.

— И глупый же, однако, кобель!—громко проговорилъ какой-то рабочій.

А Матреша слышала, какъ около нея какой-то старый, обросшій, смуглый грекъ говорилъ такой же старой гречанкѣ, что „Баклану" не дойти и что такого шторма и не вспомнить. Слышала и отъ другихъ проходящихъ такія же безнадежныя замѣчанія и видѣла тревожныя лица.

Совсѣмъ потерянная, сѣла Матреша въ коляску и велѣла ѣхать домой.

Вернувшись, она стала прибирать неубранные номера и накрывать въ столовой къ завтраку... Пансіонъ ей сталъ нестерпимъ. Она затосковала и стала угрюмой.

Ада Борисовна увидала мрачную Матрешу въ столовой и проговорила мягкимъ вкрадчивымъ голосомъ, искренности которому Матреша не вѣрила:

— Что съ тобой, Матреша? Нельзя же быть горничной съ такимъ мрачнымъ лицомъ. Можно подумать, что тебя обидѣли, и ты дуешься. На кого ты дуешься? Уже не на меня ли?

— Я не дуюсь, барышня.

— Вотъ и порадовала. Вѣдь я, кромѣ добра, ничего тебѣ не сдѣлала. Пять лѣтъ живешь и, слава Богу, и я довольна, и жильцы тобой довольны. А мнѣ было казалось, что дуешься на меня?

— Зачѣмъ дуться? Не понравится, и взяла разсчетъ!—проговорила Матреша.

Ада Борисовна испугалась. „Дерзка!"—подумала она.

И охотница до бесѣдъ по душѣ, она позвала Матрешу въ комнату и просила разсказать откровенно, чтó съ Матрешей. Вѣдь Ада Борисовна такъ привязана къ Матрешѣ. Она такая отличная горничная. Не даромъ же всѣ жильцы вознаграждаютъ за ея внимательность. Даже такой требовательный, какъ номеръ третій, и тотъ очень доволенъ и говорилъ, что такой добросовѣстной, какъ ты, не видалъ. А этотъ почтенный человѣкъ важный генералъ и богатый... Только будь внимательна, и онъ хорошо заплатитъ за услуги... Онъ до осени думаетъ прожить... И пятый номеръ, молодой человѣкъ, благодарилъ, что у насъ въ пансіонѣ такая аккуратная горничная.

— Ты вѣдь умница, Матреша, и всегда привѣтливая. А между тѣмъ такая мрачная.

Матрешѣ хотѣлось скорѣе отдѣлаться отъ Ады Борисовны, которая стала „облещивать" и запѣла свои разговоры.

И Матреша отрѣзала:

— Антона жалко. Оттого и невеселая!

— Но отчего жалко? Вѣдь онъ, слава Богу, здоровъ?

— Буря на морѣ. А пароходъ ушелъ. Кажется, понятно, барышня?

— Но, милая... Ушелъ пароходъ и дойдетъ, куда нужно... Зачѣмъ же ты тревожишься?..

„Зачѣмъ тревожишься!?“ —подумала Матреша.

И, едва сдерживая слезы, Матреша сказала:

— Мнѣ некогда, барышня. Надо накрывать къ завтраку!

Но, чтобы утѣшить Матрешу и она „не имѣла мрачнаго вида“. совсѣмъ не подходящаго приличной горничной приличнаго пансіона, Ада Борисовна сказала, что задержитъ на минуту и проговорила:

— Вѣрь, Матреша, что опасности нѣтъ (и подумала: „а если будетъ, тогда и плачь!“). Капитанъ же знаетъ и хорошій капитанъ... И будь благоразумнѣе: не тревожь себя. Не распускайся. Не кажись неинтересной, Матреша... Ты вѣдь хорошенькая и надо беречь красоту... Мало ли какія мнительныя мысли приходятъ въ голову, но не слѣдуетъ давать имъ воли... Ты думаешь, Матреша, и у меня нѣтъ тоскливыхъ думъ? И мнѣ бываетъ грустно, но я знаю, что у меня есть обязанности передъ жильцами, и... на людяхъ я любезна... Я обязана... Будь же хоть при жильцахъ не такой грустной... Сдѣлай для меня... У насъ вѣдь въ пансіонѣ порядочные люди, а не Богъ знаетъ какіе.

Матреша наконецъ вышла.

Всѣ эти льстивые разговоры „Айканихи“, какъ называла Аду Борисовну Матреша, зная хорошо ея лицемѣріе и эгоизмъ, не только не успокоили и не обрадовали комплиментами, но еще болѣе возбудили Матрешу противъ хозяйки. И она казалась молодой женщинѣ безсердечной, сухой и отвратительной съ ея „подлыми“, лукавыми совѣтами, чтобы удержать жильцовъ.

Съ какимъ злорадствомъ объявитъ она Айканихѣ объ уходѣ... „Только получу телеграмму, что пароходъ пришелъ въ Керчъ и Антонъ здоровъ!“

Такъ думала Матрена, накрывая на столъ, и по временамъ надежда закрадывалась въ ея сердце.

Вечеромъ, когда Матреша подала самоваръ жильцу второй молодости, онъ проговорилъ:

— Ты придешь?.. Ты, вѣдь, обѣщала, Матреша... А я опять золотой дамъ.

Но генералъ былъ оскорбленъ, когда Матреша, не скрывая отвращенія, со злостью отвѣтила:

— Никогда не смѣйте приставать. . блудливый старикашка .. Наплевать мнѣ на ваши деньги... Туда же ухаживатель!

Матреша вышла и въ своей маленькой комнаткѣ плакала.

А вѣтеръ, казалось, усиливался и завывалъ громче и сильнѣе. Рвало крыши. Лѣстницы визжали и свистали. Изъ трубъ точно вылеталъ стонъ.

Матреша выскочила на улицу и, Боже! что за вихрь! Подъ блѣднымъ свѣтомъ мѣсяца блестѣли замерзшія канавки и лужицы. Ледяной, захватывающій холодъ! И какіе порывы вѣтра, пригибающіе къ землѣ деревья и рвущіе крыши и вывѣски!

„О Господи! Что тамъ въ морѣ!“—думала Матреша.

И, вернувшись въ комнату, она, рыдая, молилась:

„Спаси, Боже, пароходъ!“

На слѣдующій день штормъ бушевалъ, какъ вчера, и жильцы жаловались, что въ комнатахъ холодно. Номера третій и пятый, необыкновенно злые и недовольные Матрешей, говорили ей, что жить въ этакомъ пансіонѣ нельзя—морозятъ здѣсь—и къ вечеру Ада Борисовна упрекнула Матрешу, что она стала дерзка съ жильцами. Жаловались, что она долго не идетъ на звонки.

— Свиньи они, вотъ что!—со злостью отвѣтила Матреша и прибавила:—Холодъ въ комнатахъ. Они и за это сердятся!

Къ вечеру Матреша стала еще нервнѣе и раздражительнѣе. Телеграммы не было. Ночь Матреша безпокойно спала, часто просыпалась и прислушивалась, нѣтъ ли стука въ прихожей.

Прошла ночь. Настало утро. Штормъ не стихалъ. Телеграммы не было.

Послѣ уборки комнатъ, не спросившись Ады Борисовны, Матреша поѣхала въ агентство узнать, гдѣ „Бакланъ?“

Въ агентствѣ отвѣтили, что о немъ нѣтъ никакихъ извѣстій.

Матреша вернулась убитая.

IX.

Никифоръ Андреевичъ съ ужасомъ видѣлъ, что штормъ крѣпчалъ, и черезъ нѣсколько часовъ послѣ выхода изъ Ялты понялъ, что идти прежнимъ курсомъ, въ Ѳеодосію или въ Керчъ, нельзя.

При громадной боковой качкѣ волны нападали на груженый пароходъ съ обѣихъ сторонъ, поминутно вкатываясь и на палубу, и на корму, и на бокъ. И вода, застоявшаяся на палубѣ и безпрерывно обрызгивающая бушпритъ и борты, быстро замерзала, покрывая ихъ льдомъ.

Матросы и пассажиры то и дѣло скалывали ледъ, но новыя волны снова наносили новый ледъ. И матросы зябли, изнемогали и снова работали, въ изступленіи невольнаго ужаса, охватываю-

щаго при мысли о неминуемой опасности и испуганно взглядывали съ мольбой и вопросомъ на укутаннаго капитана, дождевикъ на которомъ обледенѣлъ.

А капитанъ, придумывающій средства спасенія отъ гибели, думалъ:

„Волны зальютъ, и ледъ будетъ лишней тяжестью—она насъ увлечетъ ко дну. Надо повернуть и пойти полнымъ ходомъ по волнѣ и, Богъ дастъ, дойдемъ до Новороссійска или Батума, куда попутно“.

Только повернетъ ли счастливо пароходъ? Не зальетъ ли его при поворотѣ? Тогда смерть!“—промелькнуло въ головѣ Никифора Андреевича. Казалось, смерть въ этихъ кипящихъ волнахъ, отъ которыхъ дышитъ ледянымъ холодомъ, такъ близка и неминуема.

„О Господи!“—шепнулъ капитанъ и мысленно прибавилъ:

„Выбора нѣтъ!“

Онъ видѣлъ, что ледяной штормъ неистовалъ. Носъ ужъ обледенѣлъ и не такъ легко поднимался на волну. Вездѣ ледъ. И матросы его не побѣждаютъ. Брызги мгновенно обращаются въ льдинки. И какая жестокая стужа! Онъ чувствуетъ, что ноги коченѣютъ...

Все больше и больше волнъ вкатываются на бакъ, и людямъ работать тамъ невозможно.

Капитанъ видѣлъ испуганные и молящіе взгляды кучки людей, работавшихъ на оледенѣвшей палубѣ около трубы. Они вздрагивала отъ стужи, посинѣвшіе съ одеревенѣвшими пальцами, окачиваемые брызгами, покрывающими буршлаты ледяною корой.

Былъ пятый часъ утра, когда капитанъ рѣшился.

Придерживаясь за поручни, чтобы не быть снесеннымъ въ море, капитанъ подошелъ къ штурвалу, помѣщенному въ маленькой рубкѣ, и приказалъ Антону:

— Лѣво на бортъ!

И выйдя изъ рубки онъ смотрѣлъ, какъ покатилъ носъ вправо и... и... вдругъ... закрылъ глаза, опять ихъ открылъ и секунду, другую ждалъ гибели...

Правый бортъ кренился все ниже и ниже, все ближе и ближе къ волнамъ. Онѣ уже вливались и покрывали словно смертнымъ покровомъ...

И всѣ матросы, охваченные ужасомъ, подбѣжали къ трубѣ и... замерли, потрясенные.

Ни одинъ не крикнулъ... не молилъ...

Только мѣщанинъ изъ Новороссійска вылъ и молился, каялся въ грѣхахъ и обѣщалъ не грѣшить, если Богъ смилуется и спасетъ...

Эти нѣсколько мгновеній предсмертнаго страха казались безконечно долгими.

И вдругъ вздохъ облегченія вырвался изъ десятка грудей...

Бортъ поднялся... Волны отхлынули... И, сдѣлавши оборотъ, пароходъ выпрямился и раскачивался уже не боковой качкой, а килевой.

Всѣмъ казалось, что положеніе стало лучше.

И Никифору Андреевичу показалось, что пароходъ безопаснѣе. Надежда закралась въ изнывшую душу. Капитанъ, вызвавъ старшаго помощника подсмѣнить, бросился въ каюту, чтобы немного согрѣться. Передъ этимъ онъ велѣлъ матросамъ очищать пароходъ отъ льда посмѣнно.

И Боже, какое физическое наслажденіе тепла испыталъ Никифоръ Андреевичъ въ каютѣ. И съ какимъ удовольствіемъ онъ выпилъ стаканъ горячаго чая съ коньякомъ... И съ какою надеждой онъ думалъ, что штормъ хоть немного стихнетъ!

Но къ ночи надежды почти не было. Отчаяніе уже овладѣло имъ.

Еще бы!

Бугшпритъ представлялъ собою уже гору льда. Тоже было и съ кормой. И пароходъ замѣтно сѣлъ ниже... Носъ все тяжелѣе взлеталъ изъ воды...

Но Никифоръ Андреевичъ, несмотря на отчаяніе, не потерялъ еще упорствовавъ борьбѣ.

И, озаренный счастливой мыслью, всегда трусившій начальства, Никифоръ Андреевичъ теперь не подумалъ его бояться, когда приказалъ старшему помощнику выбросить за бортъ часть груза...

Въ эту минуту изъ за стремительно несущейся къ югу, черной зловѣщей тучи вдругъ обнажился полный мѣсяцъ, красивый и блѣдный, лившій мягкій и серебристый, казалось, трепетный полусвѣтъ.

Безстрастно и холодно глядѣлъ онъ сверху, и на вздувшееся, вспѣнившееся и гудѣвшее море, и на этотъ, словно бы заблудившійся, маленькій пароходъ, судорожно метавшійся въ качкѣ, изнемогавшій подъ ударами бѣшено нападавшихъ громадъ—волнъ, и на эту маленькую кучку испуганныхъ и иззябшихъ отъ пронизывающей стужи людей, напрасно работающихъ, чтобы освободить корму отъ наростающаго льда.

Глядѣлъ и на Никифора Андреевича, казалось, замерзшаго въ своей неподвижной позѣ, и на искаженное отъ паническаго ужаса и жалко-страдальческое лицо, съ вздрагивающими челюстями, старшаго помощника, который глядѣлъ на капитана безсмысленными, выкаченными и неподвижными глазами.

Убитымъ голосомъ помощникъ спросилъ:

— Выбросить грузъ?

— Десять тысячъ пудовъ! Поняли?—крикнулъ капитанъ.

— Есть!—уныло отвѣтилъ Иванъ Ивановичъ.

— А сію минуту отдать якорь, а то и два!—рѣзко и повелительно кричалъ Никифоръ Андреевичъ.

— Есть!—отвѣчалъ оцѣпенѣвшій отъ страха старшій помощникъ, казалось, не понимавшій цѣли этихъ приказаній.

„Гибель неизбѣжна! О Господи!"—думалъ Иванъ Ивановичъ и воскликнулъ:

— Стоитъ ли бросать грузъ, Никифоръ Андреевичъ?

И чуть не рыдая, вдругъ разразился жалобными упреками:

— Зачѣмъ въ Ялтѣ не остались? Зачѣмъ? Пароходъ могъ разбиться въ щепы объ молъ, но мы были бы живы. А теперь—смерть. Зачѣмъ пошли на погибель? Вѣдь у васъ семья... у меня—невѣста... Всѣ хотятъ жить!.. И вы виноваты... вы!..

— Якорь! Грузъ за бортъ! Вы обезумѣли отъ страха? Какъ вамъ не стыдно! Мы отстоимъ пароходъ!—громовымъ голосомъ крикнулъ Никифоръ Андреевичъ, разгнѣванный, что помощникъ не вѣритъ тому, во что онъ хочетъ вѣрить.

Этотъ бѣшеный окрикъ капитана задѣлъ самолюбіе старшаго помощника и въ то же мгновеніе проблескъ надежды на жизнь вспыхнулъ въ его сердцѣ.

И онъ, пріободренный, бросился съ мостика исполнять приказанія, которыя казались теперь малодушному молодому брюнету необыкновенно значительными.

А у капитана напротивъ, надежды не было уже прежней.

— Стопъ машина!—крикнулъ Никифоръ Андреевичъ.

Якорь упалъ на глубинѣ двадцати саженъ.

„Бакланъ" остановился, вздрогнулъ всѣми своими членами и бросился къ вѣтру.

„Пароходъ еще не погибъ на поворотѣ!"—подумалъ капитанъ, когда носъ остановился противъ вѣтра, и, облегченно вздохнувъ, перекрестился.

Съ лихорадочной поспѣшностью матросы выбрасывали за бортъ грузъ.

Облегченный, пароходъ приподнялся надъ водой. Надежда снова воскресла въ людяхъ.

X.

Но не долго надѣялись моряки.

О, что за безконечно-длинная была эта ужасная ночь на Черномъ морѣ!

Штормъ, казалось, ревѣлъ „во всю" и дошелъ до своего апогея. Морозъ захватывалъ дыханіе.

Не прерывающійся гулъ моря и вой вѣтра, потрясающій мачты и проносившійся то стономъ, то визгомъ по мачтамъ, трубѣ и бортамъ, и эти тяжелыя, ледяныя и освирѣпившія волны въ такой жуткой близости, наводили ужасъ на несчастныхъ моряковъ, не испытавшихъ еще такого жестокаго шторма. Грозящая смерть. Смотрѣла въ глаза безпощадно-близкая.

Пароходъ метался, какъ въ бѣшенствѣ агоніи. Онъ, точно въ судорогахъ, вздрагивалъ на своей цѣпи. Она то натягивалась, какъ струна, то „сдавала". И тогда „Бакланъ" подбрасывало и онъ стоналъ и скрипѣлъ, вздрагивая на своей привязи.

Часы тянулись безъ конца. И каждая минута этихъ долгихъ часовъ говорила объ ужасѣ смерти.

Матросы и два черкеса пассажира скалывали топорами и ломами ледъ, стоя по колѣни въ ледяной водѣ привязанные концами, чтобы не быть смытыми въ море. А ледъ все выше и выше поднимался надъ носомъ.

Вмѣсто короткаго бушприта и носа бѣлѣла безформенная уродливая глыба.

Выдерживать на такой стужѣ больше нѣсколькихъ минутъ было невозможно. Почти у всѣхъ были отморожены лица, ноги и руки. Смутная надежда заставляла людей переносить муки и скалывать ледъ. Но скоро они уже бросили работы и прижимались къ горячей трубѣ. Но обмороженные люди не чувствовали жара.

И сонная апатія охватила этихъ мучениковъ.

„Заснуть! Заснуть!"

Погрѣвшись нѣсколько минутъ въ каютѣ, Никифоръ Андреевичъ былъ съ матросами и работалъ съ ними. Онъ приказывалъ, просилъ, умолялъ изнемогшихъ людей не спать и взять топоры и ломы, и, самъ потерявшій надежду, обнадеживалъ, что штормъ стихнетъ, и пароходъ отстоится.

И многіе не слушали.

„Зачѣмъ?"—угрюмо говорили матросы и шли внизъ...

Только боцманъ, Антонъ и два младшіе помощника капитана, обмороженные, все-таки съ какимъ-то остервенѣніемъ отчаянія и уже едва владѣя руками, продолжали работать.

Но и они понимали, что работаютъ напрасно. Что могутъ они сдѣлать?

Но Антонъ все-таки напрягалъ всѣ свои молодыя силы.

Вѣдь, ему такъ хотѣлось жить и такъ много обѣщала жизнь вмѣстѣ съ Матрешей?

И Антонъ въ бѣшенствѣ рубилъ ледъ топоромъ, пока не обезсилѣлъ и тутъ же упалъ, готовый заснуть.

Никифоръ Андреевичъ немедленно велѣлъ отнести его на кубрикъ.

Тамъ Антонъ бросился въ койку. Онъ не чувствовалъ боли отмороженныхъ ногъ и, внезапно охваченный равнодушіемъ ко всему—даже къ смерти—заснулъ, какъ убитый.

Никто болѣе не работалъ. Никто ужъ не надѣялся. Всякій думалъ только о теплѣ и о снѣ.

И, добравшись до тепла, многіе молились и плакали.

Никифоръ Андреевичъ дремалъ въ своей каютѣ на мостикѣ тревожной, прерывистой дремотой. Каждую минуту онъ въ ужасѣ просыпался, вскакивалъ и выбѣгалъ.

Штормъ ревѣлъ. Пароходъ все больше и больше покрывался льдомъ.

Только вахтенный и рулевой на мостикѣ и двое часовыхъ на палубѣ уныло бодрствовали.

„Черезъ часъ, другой... смерть!"—мысленно проговорилъ Никифоръ Андреевичъ.

Ужъ онъ перестрадалъ предсмертныя муки, простился заочно съ семьей съ тоской любви и теперь уже съ покорнымъ отчаяніемъ ждалъ смерти.

Онъ какъ будто уже не жилецъ.,. И ему безразлично, пожалѣютъ ли его близкіе и что скажетъ начальство.

Мѣщанинъ изъ Новороссійска громко читалъ молитвы.

Вахтенный помощникъ вдругъ зарыдалъ.

Капитанъ не чувствовалъ сожалѣнія. И, изнеможеный, усталый отъ всей этой каторжной жизни, понятой имъ только теперь,—проговорилъ почти что съ мольбой:

— Скорѣе бы смерть!

XI.

Забрезжило утро.

Осунувшійся за эту ночь и казавшійся дряхлымъ старикомъ. Никифоръ Андреевичъ недовѣрчиво встрѣтилъ надежду, охватившую измученное сердце, словно приговоренный къ смерти вѣсть о помилованіи.

Море, казалось, миловало, и надежда крѣпла въ Никифорѣ Андреевичѣ. И въ головѣ его проносились мысли о жизни, когда онъ смотрѣлъ вокругъ.

Штормъ еще ревѣлъ, но уже обезсиленно. Волны вздымались, но уже не съ прежней мощью и злобой нападали на изнемогшій „Бакланъ". Онъ ужъ не метался. Хоть качка и трепала его, но волны не вкатывались и только обдавали брызгами. За ночь весь пароходъ обледенѣлъ и глыбы высились надъ кормою, бортомъ и носомъ, и борты хоть и понизились, но не были еще совсѣмъ близки къ водѣ.

Еще можно уйти отъ могилы.

И капитанъ, умиленный и оживш͡ій, горячо прошепталъ нѣсколько благодарныхъ молитвенныхъ словъ и приказалъ разбудить матросовъ и сниматься съ якоря.

Всѣ вышли. Многіе едва двигались. Антонъ, болѣе другихъ обмороженный, поднялся на мостикъ къ рулю, и лицо его дышало смѣлостью и вѣрой въ жизнь.

Всѣ ожили. Волны не заливали.

Скоро якорь былъ поднятъ.

И чтобы воспользоваться попутнымъ штормомъ, капитанъ приказалъ снова взять курсъ на Батумъ и идти самымъ полнымъ ходомъ.

Къ вечеру всѣ моряки обнажили головы и, радостные, крестились. Перекрестился счастливый и Никифоръ Андреевичъ.

Пароходъ, почти касавшійся бортами воды, уже не боялся шторма и входилъ въ Батумскую гавань.

Еще минута, и „Бакланъ“, представлявшій собой какую-то ледяную массу, ошвартовался.

XII.

Агентъ поздравлялъ капитана съ счастливымъ приходомъ. Никифоръ Андреевичъ просилъ немедленно отправить обмороженныхъ въ госпиталь. Со всѣми больными простился и обѣщалъ завтра же навѣстить ихъ.

Чуть не обезумѣвшій отъ восторга, мѣщанинъ изъ Новороссійска оставилъ пароходъ. Крѣпко пожали руку капитану два черкеса и ушли. Они не захотѣли въ госпиталь, хотя у нихъ и были отморожены руки.

Никифоръ Андреевичъ, снова уже трусившій начальства, не переодѣваясь, написалъ въ главную контору въ Одессу слѣдующую телеграмму:

„Не могъ выполнить рейса и прибылъ благополучно въ Батумъ. Принужденъ былъ выбросить 10.000 пудовъ груза, чтобы облегчить пароходъ во время шторма. Подробности донесеніемъ“.

Затѣмъ, чтобы успокоить семью, Никифоръ Андреевичъ написалъ телеграмму женѣ о прибытіи въ Батумъ и, отправивъ телеграмму въ городъ, пошелъ полѣчить свои отмороженные пальцы на ногахъ и щеки, вымыться и переодѣться.

Черезъ десять минутъ Никифоръ Андреевичъ, обрадованный, что не сдѣлался калѣкой и можетъ быть кормильцемъ семьи, сидѣлъ въ своей теплой натопленной каютѣ за стаканомъ горячаго чая, сильно разбавленнаго коньякомъ для предупрежденія простуды.

Когда къ нему вошелъ агентъ, Никифоръ Андреевичъ пер-

нымъ дѣломъ просилъ прислать людей для очистки парохода отъ льда и, словно бы виноватый за убытокъ обществу, застѣнчиво и лаконически сказалъ:

— Никакъ нельзя было не выбросить груза... Прихватило штормомъ... Да-съ!..

Не смотря на просьбы агента разсказать подробности о томъ, какъ Никифоръ Андреевичъ штормовалъ и что онъ испытывалъ, капитанъ, словно бы стыдясь разсказывать о своихъ испытаніяхъ, ничего интереснаго не разсказалъ и только проговорилъ:

— Какъ видите... слава Богу... Вотъ только грузъ выбросили и матросы померзли... Особенно Антонъ рулевой...

Не обмолвился Никифоръ Андреевичъ агенту и о томъ, что за эту ужасную ночь и посѣдѣлъ, и осунулся, и обморозилъ порядочно-таки ноги, но зато просилъ агента обратить вниманіе, что только крайность заставила его выбросить грузъ и прибавилъ:

— Не взыщутъ за это? Не обвинятъ?.. Какъ вы думаете?

Агентъ увѣрялъ Никифора Андреевича, что никто и не обвинитъ такого отличнаго капитана, который спасъ пароходъ... Напротивъ...

— Вѣдь, какой ледяной штормъ... Ужасный! — прибавилъ агентъ и, не добившись отъ капитана ничего любопытнаго, ушелъ, находя, что Никифоръ Андреевичъ глупъ и нестерпимо скученъ.

XIII.

Всѣ эти дни Матреша не находила мѣста. Тоскующая, она не мало проливала слезъ по ночамъ и мучалась думами объ Антонѣ и считала себя безконечно виноватой.

Прошло два дня, прошелъ третій... Матреша по два раза въ день бѣгала въ агентство справляться о „Бакланѣ“ и по прежнему ей отвѣчали незнаніемъ.

А штормъ продолжался. Ни одинъ пароходъ не приходилъ въ Ялту. Разсказывали, что рейсы прекращены...

И Матреша возвращалась домой съ мола еще болѣе разстроенная и тоскливая.

Напрасно и Ада Борисовна, и нѣкоторые жильцы, недовольные, что видъ Матреши „наводитъ скуку“, утѣшали обычными банальными фразами, прибавляя къ нимъ, что Матреша еще молода и такая хорошенькая.

Матреша угрюмо отмалчивалась или просила оставить ее въ покоѣ.

Особенно обрывала она хозяйку, когда та начинала говорить по „душѣ“ и слащавымъ голосомъ утѣшать о силѣ характера и терпѣніи.

Наконецъ, на четвертый день послѣ этого ужаса неизвѣстности, Матреша получила сильно запоздавшую телеграмму и прочла:

„Вмѣсто Керчи, попали въ Батумъ. Немного обморозилъ ноги и нахожусь въ госпиталѣ. Скоро на поправку и буду къ дорогой супругѣ".

Матреша отъ радости смѣялась и плакала. И рѣшила ѣхать къ Антону въ Батумъ съ первымъ же параходомъ...

„Бѣдный, вѣдь обмороженный... Около него должна быть.. И скорѣе, скорѣе!"

Въ тотъ же день Матреша справилась въ агентствахъ, когда пойдетъ пароходъ въ Батумъ. Ей отвѣтили, что черезъ три дня, если штормъ стихнетъ, пароходъ придетъ изъ Севастополя въ кавказскій рейсъ.

И Матреша въ тотъ же вечеръ, рѣшительная и счастливая, что штормъ затихалъ, пошла къ Адѣ Борисовнѣ просить разсчета.

Ада Борисовна читала французскій романъ, наслаждаясь описаніемъ любви виконта и графини на Ривіерѣ, когда постучали въ дверь.

— Войдите!..

— Я, барышня, къ вамъ по дѣлу...

— Что такое?.. Ну, ты теперь прежняя Матреша... Веселая, довольная... Надѣюсь, больше ужъ нервничать и огорчать меня...

— Никогда больше не огорчу васъ, барышня!—насмѣшливо играя глазами, проговорила Матреша

И, принимая серьезный видъ, прибавила рѣшительныя и вызывающимъ тономъ:

— Позвольте разсчетъ, барышня.

— Какъ разсчетъ?.. Зачѣмъ?.. Ты собираешься уходить отъ меня?—растерянно и испуганно промолвила Ада Борисовна, не предполагавшая, что Матреша оставитъ мѣсто теперь.

— Черезъ три дня уйду.. Потрудитесь найти себѣ горничную...

— Да какъ же я въ три дня... Какъ же тебѣ не совѣстно такъ поступать со мной... Вѣдь это что же? Я такъ обращалась съ тобой... У тебя такое выгодное мѣсто... И зачѣмъ же тебѣ уходить... Или тебя переманиваютъ?..

— Я къ мужу ѣду... Извольте дать разсчетъ...

— Но хоть подожди, пока я не найду приличной горничной... Вѣдь такъ не поступаютъ, Матреша... Ты меня подводишь... Я не одна... У меня жильцы... Кажется, могла бы... Ну, я тебя прошу, Матреша... Останься!

— Не могу, барышня. И осталась бы, да Антонъ боленъ.

— Антонъ!?. Можетъ подождать Антонъ... Не серьезно онъ больной... Цѣлый годъ безъ него жила и вдругъ...

— Пожалуйте разсчетъ, барышня! — упорно повторила Матреша.

— Но ты не смѣешь уйти, пока я не найму другой горничной!—вдругъ мѣняя тонъ, сказала Ада Борисовна.

— Уйду... Смѣю!..

— Я буду жаловаться наконецъ!

— Кому угодно, барышня... Мнѣ наплевать... Черезъ три дня уѣду!

— Безсовѣстная... Неблагодарная!..

— Вы-то стыдливая.. Вы-то благодарная!—съ злой насмѣшкой отвѣтила Матреша.

— Вонъ!.. Вонъ уйди... дерзкая!..—вспылила Ада Борисовна...

— И завтра же уйду... А вы не ругайтесь... Не даромъ уксусная... Никто не влюбляется, такъ вы и злющая! — бросила скороговоркой Матреша и вышла, хлопнувъ дверью.

Ада Борисовна заплакала.

— Господи, какая дерзкая и безнравственная эта безчувственная тварь?—прошептала Ада Борисовна.

Черезъ три дня шторма ужъ не было. Море успокоилось и погода была прелестная.

Пароходъ пришелъ въ Ялту и въ девять часовъ вечера ушелъ въ рейсъ. Матреша уже была на пароходѣ въ восемь часовъ и везла съ собой двѣ большихъ корзины съ вещами и на груди былъ зашитъ билетъ ссудосберегательной кассы.

Черезъ сутки пароходъ благополучно пришелъ въ Батумъ, и Матреша, справившись въ гостинницѣ, въ одиннадцатомъ часу уже была въ госпиталѣ.

Антонъ еще не спалъ, когда сторожъ ввелъ Матрешу въ палату, гдѣ лежалъ уже поправлявшійся матросъ.

— Матрешка!—едва выговорилъ Антонъ, увидавъ Матрешу.

А Матреша припала къ лицу Антона и, плача отъ радости, говорила:

— Всегда теперь будемъ вмѣстѣ жить... Желанный мой...

К. Станюковичъ.

Новое изданіе „Промышленныхъ кризисовъ" М. И. Туганъ-Барановскаго *).

(Критическая замѣтка).

Магистерская диссертація М. И. Туганъ-Барановскаго появилась въ свѣтъ въ 1894 г. и довольно быстро разошлась. Теперь авторъ въ видѣ новаго изданія этой книги даетъ читателямъ въ значительной мѣрѣ новый трудъ. Онъ пересмотрѣлъ и измѣнилъ изложеніе теоріи кризисовъ, оставивъ совершенно въ сторонѣ исторію и литературу этого вопроса, которымъ въ первомъ изданіи было посвящено значительное число страницъ (стр. 375—494). Съ другой стороны онъ ввелъ новыя главы, рисующія нѣкоторыя соціальныя движенія и явленія въ англійскомъ обществѣ, стоящія въ связи съ промышленными колебаніями (чартизмъ, хлопковый голодъ, движенія безработныхъ въ 70-хъ и 80-хъ гг.).

Въ литературѣ по теоріи кризисовъ сочиненію Туганъ-Барановскаго принадлежитъ крупное мѣсто. Онъ первый выдвинулъ стройную теорію реализаціи продуктовъ въ капиталистическомъ обществѣ, являющуюся сознательнымъ и продуманнымъ продолженіемъ и обоснованіемъ теоріи Сэя и Рикардо, и весьма искусно воспользовался для этого знаменитыми схемами II-го тома «Капитала» Маркса. Однако въ первоначальной формулировкѣ теоріи реализаціи Туганъ-Барановскаго были весьма существенные недостатки. Главнѣйшей характеристической чертой этой формулировки являлось одностороннее утвержденіе, что исключительно неорганизованностью капиталистическаго производства объясняются затрудненія при реализаціи продуктовъ, обостряющіяся до депрессіи и кризисовъ. Эта pointe прежней теоріи Туганъ-Барановскаго, къ которой примкнули Булгаковъ, Неждановъ, Денъ и другіе, въ сущности означала игнорированіе того, что въ капиталистическомъ обществѣ характеръ процесса реализаціи и встрѣчаемыя имъ препятствія стоятъ въ связи не только съ «отсутствіемъ планомѣрной организаціи», но и

---

*) М. Туганъ-Барановскій, «Промышленные кризисы. Очеркъ изъ соціальной исторіи Англіи». 2-е совершенно переработанное изданіе. Спб. 1900 г. (Изд. О. Н. Поповой), стр. 335. (Въ первомъ изданіи было 512 стр. и оно до сихъ поръ сохраняетъ самостоятельную цѣнность, такъ какъ многое изъ него не вошло въ новую переработку).

*

съ другими соціальными чертами капиталистическаго строя. Въ новомъ изданіи Туганъ-Барановскій избѣгъ односторонности своей первоначальной формулировки.

«Противорѣчіе между производствомъ, какъ средствомъ удовлетворенія потребности человѣка, и производствомъ, какъ техническимъ моментомъ созданія капитала, какъ цѣлью въ себѣ,—говоритъ Туганъ-Барановскій,—есть основное противорѣчіе капиталистическаго строя. Соціальнымъ выраженіемъ этого противорѣчія является противорѣчіе принадлежности средствъ производства лицамъ, не принимающимъ непосредственнаго участія въ производствѣ, но руководящимъ имъ, и отсутствія средствъ производства у непосредственныхъ производителей, лишенныхъ какого бы то ни было контроля надъ производствомъ. Это противорѣчіе, однако, не есть специфическая особенность капитализма, но обще капитализму со всѣми способами производства, основанными на присвоеніи прибавочнаго продукта, какъ рабское и крѣпостное производство. Отличіе капиталистическаго производства въ томъ, что не только рабочій низводится до роли простого орудія производства, но, до извѣстной степени, и самъ капиталистъ становится простымъ орудіемъ накопленія капитала. Законы капиталистической конкуренціи повелительно требуютъ отъ капиталиста расширенія производства и капитализированія значительной части его прибыли. Въ рабскомъ и крѣпостномъ хозяйствѣ производство все же имѣетъ своей непосредственной цѣлью потребленіе—потребленіе господствующаго общественнаго класса. Въ капиталистическомъ хозяйствѣ даже потребленіе капиталистовъ регулируется потребностями производства—даже руководители производства становятся, въ извѣстномъ смыслѣ его слугами... Въ непосредственной связи съ первымъ находится второе противорѣчіе капитализма,—противорѣчіе организованности труда въ предѣлахъ одного предпріятія и неорганизованности всего національнаго производства. Въ рабскомъ и крѣпостномъ хозяйствѣ производство въ предѣлахъ отдѣльнаго хозяйства можетъ быть крупнымъ и весьма сложно организованнымъ, — достаточно вспомнить familiae rusticae и urbanae римскихъ патриціевъ. Но поскольку основой такого хозяйственнаго строя является натуральное потребленіе, онъ не страдаетъ отъ неорганизованности національнаго производства. Въ мелкомъ товарномъ хозяйствѣ національное производство можетъ быть неорганизованнымъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ отсутствуетъ планомѣрная организація и внутри отдѣльнаго предпріятія,—отсутствуетъ постольку, поскольку мелкое производство, какъ таковое, не допускаетъ сколько-нибудь значительнаго раздѣленія и соединенія труда въ предѣлахъ отдѣльнаго предпріятія. Неорганизованность всего національнаго производства, въ связи съ денежнымъ обмѣномъ, создаетъ *возможность* общаго перепроизводства въ мелкомъ товарномъ хозяйствѣ. Указанныя противорѣчія капиталистическаго производства дѣлаютъ общее перепроизвод-

ство, какъ моментъ развитія капиталистическаго хозяйства, *необходимымъ»* (стр. 24—26).

Съ этой формулировкой мы вполнѣ согласны, но считаемъ ее недостаточной. Авторъ не выяснилъ того, что противорѣчіе между производствомъ, какъ средствомъ для удовлетворенія потребностей человѣка, и производствомъ, какъ цѣлью въ себѣ, или, точнѣе, производствомъ, какъ средствомъ обогащенія, что это противорѣчіе объемлетъ собой въ экономической жизни современнаго общества двѣ одинаково дѣйствительныя и дѣйствующія силы и что, поэтому, производство, какъ цѣль въ себѣ, или какъ средство обогащенія, отнюдь не полновластно господствуетъ даже и въ капиталистическомъ обществѣ. Вѣдь всякое производство реально, всетаки, должно опираться на чье-нибудь потребленіе, безъ котораго не можетъ быть никакой реализаціи продукта. Какъ я уже развивалъ раньше, капиталисты, заботящіеся о самовозрастаніи капитала, а не о собственномъ потребленіи, тѣмъ самымъ всецѣло направляютъ свои помыслы на потребленіе рабочихъ и другихъ капиталистовъ, ибо безъ потребленія нѣтъ реализаціи, нѣтъ возмѣщенія капитала, нѣтъ и его возростанія. Такимъ образомъ, положеніе, что потребленіе не есть цѣль капиталистическаго производства, относится непосредственно къ потребленію отдѣльныхъ капиталистовъ, тогда какъ потребленіе другихъ лицъ, совпадая съ реализаціей, является цѣлью капиталистовъ. Въ этомъ смыслѣ капиталисты заинтересованы и въ потребленіи рабочихъ. Конечно, они въ то же время заинтересованы, чтобы это потребленіе, поскольку дѣло касается *ихъ* рабочихъ, было какъ можно меньше, т.-е. чтобы относительная заработная плата ихъ рабочихъ была возможно ниже. Такимъ образомъ характеристика капиталистическаго хозяйства, какъ не служащаго цѣлямъ потребленія, является неполной и односторонней. Хозяйство въ капиталистическомъ обществѣ есть система многообразныхъ и перекрещивающихся противорѣчій между производствомъ какъ цѣлью въ себѣ, и производствомъ, какъ средствомъ для потребленія, противорѣчій, въ основѣ которыхъ лежитъ всетаки необходимое по существу дѣла служебное отношеніе перваго ко второму.

Такимъ образомъ съ указанными измѣненіями, сдѣланными самимъ Туганъ-Барановскимъ въ его теоріи реализаціи продукта въ капиталистическомъ обществѣ, и съ только что выдвинутыми дополненіями я считаю эту теорію дающею правильное истолкованіе реальнымъ фактамъ и потому вполнѣ пріемлемой, и нашу полемику о рынкахъ законченной не словеснымъ, а реальнымъ соглашеніемъ. Слѣдуетъ замѣтить тотчасъ, что выдвинутая Туганъ-Барановскимъ теорія по своимъ логическимъ выводамъ въ примѣненіи къ конкретнымъ условіямъ хозяйственной жизни совершенно несогласима съ строго выдержанной теоріей трудовой цѣнности (какъ я уже указывалъ раньше, когда самъ еще до извѣстной степени раздѣлялъ теорію трудовой цѣнности). Туганъ-Бара-

новскій, поэтому, вполнѣ логично отказался въ новомъ изданіи отъ формулированія своихъ взглядовъ въ терминахъ теоріи цѣнности Маркса *).

Съ другой стороны, изъ сочетанія основныхъ посылокъ теоріи трудовой цѣнности съ историческими чертами капиталистическаго производства, какъ его понималъ Марксъ, у самого Маркса логически вытекала идея *чисто экономической* необходимости крушенія капитализма—Zusammenbruchstheorie. Теорія Туганъ-Барановскаго въ ея первоначальной формѣ, наоборотъ, могла быть толкуема, какъ основа для прямо противоположнаго утвержденія: ею особенно подчеркивалось, что чисто *соціальныя* черты капиталистическаго строя *экономически безразличны*; разстройства экономическаго равновѣсія въ капиталистическомъ обществѣ объяснялись исключительно «отсутствіемъ плана»—съ «планомъ» капиталистическое хозяйство могло бы вѣчно существовать. Теперь новая формулировка, не отрицая экономической возможности вѣчнаго существованія капиталистическаго хозяйства, отводитъ соціальнымъ противорѣчіямъ совершенно самостоятельное мѣсто и въ нихъ видитъ движущую силу общественныхъ преобразованій. Это очень важный выводъ, отнимающій почву у той вѣры въ автоматизмъ экономическаго развитія, въ которую нерѣдко впадалъ самъ Марксъ и которая у нѣкоторыхъ его послѣдователей выродилась въ традиціонную фразеологію, худо скрывающую отсутствіе ясныхъ мыслей. Критика этой фразеологіи только еще начинается, и очень жаль, что Туганъ-Барановскій не истолковалъ читателямъ, какое мѣсто онъ, какъ авторъ теоріи, отрицающей въ сущности то, что называется экономической необходимостью крушенія капиталистическаго хозяйства, долженъ логически занять въ спорѣ, поднятомъ критиками ортодоксальнаго марксизма.

Изложивъ теорію кризисовъ въ началѣ своего труда, Туганъ-Барановскій переходитъ къ исторіи кризисовъ. Прежде всего онъ даетъ общій очеркъ развитія англійской промышленности со второй четверти этого вѣка, характеризуя въ немъ промышленную революцію, окончившуюся побѣдой машиннаго производства, послѣдовавшее затѣмъ открытіе новыхъ рынковъ и происшедшій въ связи съ нимъ подъемъ товарныхъ цѣнъ, наконецъ, смѣнившіе этотъ подъемъ паденіе цѣнъ и упадокъ торгово-промышленнаго владычества Англіи. Къ сожалѣнію, послѣдній вопросъ, вопросъ объ экономической гегемоніи Англіи, представляющій огромный и практическій, и теоретическій интересъ, только затронутъ авторомъ, но не изслѣдованъ имъ съ тою тщательностью,

*) Конечно, г. Неждановъ съ упорствомъ, достойнымъ лучшаго примѣненія, оспариваетъ очевидную несообразность построенія теоріи реализаціи Туганъ-Барановскаго при помощи теоріи цѣнности Маркса, по которой прибавочный продуктъ и прибавочная цѣнность создаются исключительно живымъ трудомъ, т.-е. перемѣннымъ капиталомъ. Онъ вынужденъ при этомъ оспаривать, что въ основѣ марксовой теоріи «Капитала» лежитъ признаніе цѣнностнаго самовозростанія капитала цѣлью капиталистическаго производства. См. статью г. Нежданова въ «Жизни» (Декабрь 1899 г.).

которой онъ заслуживаетъ. Между тѣмъ, сами англичане настолько изучили вопросъ *), что представить по ихъ слѣдамъ болѣе или менѣе полный обзоръ всѣхъ относящихся къ вопросу фактовъ и проблемъ было бы для автора очень легкимъ дѣломъ. Въ общемъ намъ кажется, что Туганъ-Барановскій, какъ и нѣкоторые англійскіе авторы, преувеличиваетъ размѣры паденія торгово-промышленнаго первенства Англіи. Первенство еще даже не пошатнулось, но гегемонія или полновластіе, дѣйствительно, отошли въ область исторіи.

Любопытно, что тѣ самыя черты, которыя въ концѣ XVIII и въ первыя 7 десятилѣтій XIX вѣка несомнѣнно составляли сильную сторону англичанъ: постепенное ослабленіе роли планомѣрнаго воздѣйствія государства на экономическую жизнь въ ея цѣломъ, упадокъ протекціонизма въ широкомъ смыслѣ слова и почти полный суверенитетъ индивидуальнаго почина и свободной конкуренціи—теперь, по признанію самихъ же англичанъ, именно и обусловливаютъ ихъ слабость въ международной экономической борьбѣ. Это слѣдуетъ понимать не въ томъ плоскомъ смыслѣ, что Англія вынуждена будетъ вернуться къ покровительственнымъ пошлинамъ; наоборотъ, ея главный конкурентъ Германія не въ очень далекомъ будущемъ, если не окончательно порветъ, то еще больше, чѣмъ это случилось въ силу послѣднихъ торговыхъ договоровъ 90-хъ гг., ослабитъ таможенный протекціонизмъ. Мы говоримъ не о таможенныхъ пошлинахъ, а о всей совокупности мѣръ торговой, и общѣе, экономической политики, направленныхъ на развитіе производительныхъ силъ націи и сбыта ея товаровъ. Такъ, названный выше коммерческій атташе при англійскомъ посольствѣ въ Берлинѣ Гастрель подчеркиваетъ огромное значеніе желѣзнодорожной политики Бисмарка для торговопромышленнаго развитія Германіи, противопоставляя континентальную систему государственной собственности на желѣзныя дороги, въ наиболѣе крупномъ масштабѣ осуществленную Бисмаркомъ въ Пруссіи, англійской частно-хозяйственной системѣ желѣзнодорожнаго строительства и управленія. Вообще, въ Англіи сознаніе культурной несостоятельности старой либеральной политики невмѣшательства, уже давно сказавшееся по отношенію къ нѣкоторымъ фабрично-заводскимъ порядкамъ и создавшее ихъ регламентацію (фабричное законодательство), начинаетъ распространяться на всю сферу хозяйственной и общественной жизни. Рядомъ съ этимъ теряетъ прежнее обаяніе старый англійскій методъ казуистическаго законодательства, не знающій общихъ идей и не создающій широкихъ общихъ

---

*) Укажу, напримѣръ, на труды коммерческаго атташе при англійскомъ посольствѣ въ Берлинѣ Гастреля (Gastrell): «Our trade in the world in relation to Foreign Competition 1885—1895» и «Development of Commercial, Industrial, Maritime and Traffic interests in Germany 1871—1898» (Diplomatic and Consular Reports, Miscellaneous Series № 490), на рядъ статей профессора Флукса (A. Flux) въ «Economic Journal», на полемику Кокса съ Уильямсомъ (въ «Daily News» и отдѣльно).

нормъ, а регулирующій частные случаи «по мѣрѣ надобности» и потому поневолѣ плетущійся за дѣйствительностью, но не строящій ея. Еще Маколей въ одной изъ своихъ парламентскихъ рѣчей объ избирательной реформѣ указалъ на слабыя стороны этого метода, благодаря которому въ жизни англійскаго народа сохранялось и теперь сохраняется много нелѣпаго и даже варварскаго.

Вотъ это замѣчательное мѣсто: «Вѣрно, что англійское правительство въ общемъ опередило почти всѣ другія правительства, но также вѣрно, что англійскій народъ стоитъ впереди англійскаго правительства и уже давно опередилъ его. Это просто доказывается хотя бы тѣмъ, что на нашемъ островѣ ничто не поставлено такъ скверно, какъ законы. Во всѣхъ дѣлахъ, которыя зависятъ отъ интеллигентности, знанія, трудолюбія, энергіи индивидовъ или свободныхъ союзовъ, наша страна являетъ блистательный примѣръ всѣмъ государствамъ какъ Стараго, такъ и Новаго Свѣта. Наши поля обрабатываются съ такимъ искусствомъ, которое неизвѣстно въ другихъ мѣстахъ, съ искусствомъ, которое принудило топи и болота давать богатыя жатвы. Наши дома наполнены удобствами, которымъ позавидовали бы цари прежнихъ временъ. Наши мосты, наши каналы, наши дороги, наши пути сообщенія внушаютъ каждому иностранцу изумленіе. Нигдѣ въ другомъ мѣстѣ мануфактуры не отличаются такимъ совершенствомъ. Нигдѣ не накоплена такая масса механической силы. Нигдѣ люди не господствуютъ въ такой мѣрѣ надъ матеріей. Таковы дѣла націи. Сравните эти дѣла съ дѣлами владыкъ націи. Посмотрите на уголовные законы, на гражданскіе законы, на способы передачи земельной собственности, на формы судопроизводства. По этимъ вещамъ мы должны оцѣнивать и судить нашихъ законодателей точно такъ же, какъ мы судимъ нашихъ фабрикантовъ по ихъ бумажнымъ матеріямъ и желѣзнымъ издѣліямъ, или нашихъ инженеровъ—по ихъ висячимъ мостамъ, туннелямъ и паровозамъ. Спрашивается: устроенъ ли у насъ механизмъ, осуществляющій справедливость, съ тѣмъ изысканнымъ искусствомъ, которое мы находимъ въ машинахъ другого рода? Можетъ ли быть болѣе рѣзкій контрастъ, чѣмъ контрастъ между красотой, полнотой, быстротой, точностью, съ которою все совершается на нашихъ фабрикахъ, и неумѣлостью, грубостью, медленностью, неточностью того аппарата, посредствомъ котораго караются преступленія и ограждаются права? Взгляните на этотъ рядъ уголовныхъ законовъ, самыхъ кровавыхъ и недѣйствительныхъ на всемъ свѣтѣ, на эти ребяческія фикціи, которыя дѣлаютъ всякое заявленіе и всякое возраженіе непонятнымъ для обоихъ, и истца, и отвѣтчика... на этотъ хаосъ судебныхъ обычаевъ, на эту бездонную пропасть канцелярщины. Поистинѣ, здѣсь передъ нами варварство XIII-го столѣтія, идущее рука объ руку съ высшей культурой XIX-го, и мы видимъ, что варварство принадлежитъ правительству, культура—народу». (Рѣчь, произнесенная 5-го іюля 1831 года).

Здѣсь съ классической силой подчеркнута до сихъ поръ существующая въ англійской жизни противоположность между, съ одной стороны, мощью личнаго почина и стихійнаго національнаго творчества, и, съ другой стороны, доходящею подчасъ до убожества недостаточностью организованной въ государствѣ сознательной общественной силы.

Съ двухъ концовъ подтачивается историческій англійскій либерализмъ: съ одной стороны необходимость удержать свою позицію въ международной борьбѣ, съ другой—все властнѣе и громче раздающіяся требованія соціальной справедливости, идущія изъ среды рабочаго класса и радикальной интеллигенціи, заставляютъ отказываться отъ традиціонной общественной доктрины, создавшей торгово-промышленное величіе Англіи, но теперь отжившей. Огромное жизненное значеніе англійскаго имперіализма, трактовать который, какъ простое проявленіе шовинизма и реакціи, было бы въ высшей степени наивно, заключается въ томъ, что онъ такъ же, какъ и соціально-реформаторское движеніе, знаменуетъ собой новую эпоху въ англійской исторіи. Эпоха эта будетъ характеризоваться сознательнымъ и цѣлесообразнымъ политическимъ творчествомъ и приспособленіемъ всего государственнаго механизма къ тѣмъ широкимъ задачамъ, которыя будутъ выдвинуты такимъ творчествомъ и составятъ его содержаніе.

Изложивъ вкратцѣ исторію англійской промышленности, Туганъ-Барановскій переходитъ къ довольно подробному историческому обзору отдѣльныхъ кризисовъ. Слѣдуетъ пожалѣть, что авторъ, очевидно приложившій много работы къ тому, чтобы сдѣлать свое изложеніе доступнымъ и интереснымъ, исторіи отдѣльныхъ кризисовъ не предпослалъ общей характеристики тѣхъ хозяйственныхъ явленій, о которыхъ ему приходится говорить, описывая кризисы. Неподготовленный читатель растеряется въ массѣ фактовъ, относящихся къ торговымъ и биржевымъ дѣламъ, съ механизмомъ которыхъ онъ мало знакомъ.

Прежнія хозяйственныя разстройства до 70-хъ гг. включительно были денежными и промышленными бурями, ураганомъ проносившимися по экономически развитымъ странамъ и прежде всего по Англіи*). Теперь не то. Авторъ обстоятельно выясняетъ, что «характернымъ фактомъ новѣйшей промышленной эволюціи Англіи является отсутствіе рѣзко выраженныхъ промышленныхъ кризисовъ, мѣсто которыхъ заступили продолжительныя эпохи торговопромышленнаго застоя. Королевская коммиссія 1886 г., разобравъ отдѣльныя причины торговаго застоя половины 80-хъ годовъ, пришла къ слѣдующему заключенію: всѣ эти причины имѣютъ тенденцію постепенно ослаблять тѣ ненормальные періоды возбужденія, во время которыхъ, по обычному словоупотребленію, торговля оживлена, и дѣлать болѣе рѣдкими тѣ тяжелые, хотя

*) Кризисъ начала 70-хъ годовъ, впрочемъ, не былъ въ самой Англіи рѣзко выраженъ.

сравнительно короткіе, періоды торговаго упадка, которые извѣстны подъ названіемъ «паникъ». Прежде перепроизводство внезапно останавливалось денежнымъ *) крушеніемъ, между тѣмъ какъ послѣдующее расширеніе спроса быстро поправляло несчастіе. Въ будущемъ можно ожидать большей устойчивости въ отношеніи спроса къ предложенію, и болѣе равномѣрнаго, хотя и пониженнаго, уровня прибыли. Въ новѣйшемъ фазисѣ развитія капиталистическаго хозяйства, типичнымъ образчикомъ котораго является англійское хозяйство, промышленныя колебанія не прекратились и даже не сдѣлались болѣе слабыми; амплитуда ихъ скорѣе увеличилась, но быстрота, несомнѣнно, уменьшилась. Отъ этой перемѣны промышленность не только ничего не выиграла, но скорѣе проиграла. Раньше промышленный кризисъ вызывалъ банкротства менѣе состоятельныхъ хозяйственныхъ предпріятій и на время почти пріостанавливалъ торговлю, но, какъ только паника проходила, торговля быстро оправлялась и въ скоромъ времени достигала еще болѣе цвѣтущаго состоянія, чѣмъ раньше. Теперь же застой торговли сдѣлался болѣе продолжительнымъ, но въ тоже время менѣе рѣзкимъ и внезапнымъ. Раньше кривая англійскаго экспорта въ общемъ быстро повышалась, несмотря на рѣзкія паденія послѣ промышленныхъ кризисовъ; теперь эта кривая приняла характеръ волнообразной линіи, движущейся почти на одномъ и томъ же уровнѣ. Подобныя же перемѣны произошли и въ области производства» (стр. 148—149). Общія условія міровой торговли также не способствуютъ распространенію кризисовъ. Прежде всего такое значеніе имѣетъ постепенное ослабленіе роли самостоятельнаго торговца; между тѣмъ, именно торговый капиталъ болѣе всего повиненъ въ тѣхъ безразсудныхъ спекуляціяхъ, которыя нѣкогда порождали катастрофы на англійскомъ денежномъ рынкѣ. Кромѣ того, и самая торговая спекуляція въ новѣйшее время скорѣе смягчаетъ, чѣмъ обостряетъ колебанія цѣнъ. Затѣмъ самое расширеніе мірового рынка и паденіе относительнаго значенія Англіи не могло не измѣнить характера кризисовъ. Къ тому же Англія стала поставлять на міровой рынокъ не предметы непосредственнаго потребленія, а орудія производства, которыя производятся на заказъ, и торговля которыми въ силу этого носитъ гораздо менѣе спекулятивный характеръ, чѣмъ торговля предметами потребленія. Но «если,—какъ говоритъ авторъ,—промышленные кризисы прежняго типа отошли въ Англіи въ область исторіи, то это нисколько не ослабило характерной для капитализма періодичности развитія. Даже болѣе—прекращеніе кризисовъ только усилило поразительную періодичность приливовъ и отливовъ капиталистической промышленности» (стр. 155).

*) Авторъ въ этомъ мѣстѣ (и другихъ) англійское слово «financial» передаетъ русскимъ «финансовый». Но англійское «financial» означаетъ въ данномъ случаѣ «денежный», а не «финансовый» въ континентальномъ смыслѣ. П. С.

Въ спеціальной главѣ Туганъ-Барановскій изслѣдуетъ причины періодичности кризисовъ. «Чередованіе оживленія и застоя промышленности находится въ непосредственной связи съ расширеніемъ основного капитала страны. Годы подъема промышленности суть вмѣстѣ съ тѣмъ годы созданія основного капитала» (стр. 158). «Подъемъ промышленности вызывается тѣмъ, что скопившіеся за предыдущіе годы денежные капиталы, представляющіе собою покупательную силу въ связанномъ состояніи, расходятся и создаютъ новый спросъ на товары. Поэтому цѣны повышаются. Повышеніе цѣнъ при благопріятномъ положеніи рынка быстро переходитъ разумныя границы и вырождается въ спекуляцію, за которой слѣдуетъ крахъ. Но даже если повышеніе цѣнъ не настолько значительно, чтобы вызвать крахъ, реакція неизбѣжно должна наступить. Дѣйствительно, ранѣе накопленный капиталъ долженъ же быть когда-нибудь израсходованъ. Въ эпоху подъема создается новый основной капиталъ страны. Вся промышленность страны принимаетъ своеобразное направленіе; производство средствъ производства получаетъ усиленное развитіе. Желѣзо, машины, инструменты, суда, строительные матеріалы и спрашиваются, и производятся въ усиленномъ количествѣ. Но вотъ расширеніе основного капитала закончено—фабрики построены, желѣзныя дороги проведены. Спросъ на всѣ матеріалы, изъ которыхъ строится основной капиталъ, сокращается. Распредѣленіе производства становится непропорціональнымъ: машинъ, инструментовъ, желѣза, кирпичей, дерева требуется меньше прежняго вслѣдствіе того, что меньше возникаетъ новыхъ предпріятій. Но такъ какъ производители средствъ производства не могутъ вынуть капиталъ изъ своихъ предпріятій и къ тому же самая громадность этого капитала, въ видѣ построекъ, машинъ и др., требуетъ продолженія производства (иначе предприниматели будутъ терять процентъ на праздно стоящемъ капиталѣ), то перепроизводство средствъ производства дѣлается неизбѣжнымъ. Въ силу зависимости всѣхъ отраслей промышленности другъ отъ друга частичное перепроизводство становится общимъ—цѣны всѣхъ товаровъ падаютъ—и наступаетъ общій застой. Такимъ образомъ, общее разстройство торговли слѣдуетъ непосредственно за усиленнымъ оживленіемъ ея и промышленный циклъ завершается застоемъ. Во время застоя накапливается свободный денежный капиталъ, слѣдуетъ новая эпоха оживленія промышленности, когда этотъ капиталъ расходуется, затѣмъ кризисъ и т. д., и т. д. Дѣйствіе всего механизма можно сравнить съ работой паровой машины. Роль пара въ цилиндрѣ играетъ накопленіе свободнаго денежнаго капитала; когда давленіе пара на поршень достигаетъ извѣстной предѣльной нормы, сопротивленіе поршня преодолѣвается, поршень движется, доходитъ до конца цилиндра, для пара открывается свободный выходъ, и поршень возвращается въ прежнее мѣсто. Точно такъ же скопляющійся свободный денежный капиталъ, достиг-

нувъ извѣстныхъ размѣровъ, проникаетъ въ промышленность, движетъ ее, расходуется, и промышленность приходитъ опять въ прежнее состояніе. Естественно, что при такихъ условіяхъ кризисы должны повторяться періодически. Капиталистическая промышленность должна постоянно проходить одинъ и тотъ же кругъ развитія» (стр. 171—173).

Очень жаль, что Туганъ-Барановскій, давая такую теорію періодичности кризисовъ, не высказался болѣе ясно по нѣкоторымъ вопросамъ, тѣсно связаннымъ съ основной мыслью его теоріи. Повидимому, Туганъ-Барановскій думаетъ, что въ современномъ хозяйствѣ затраты на основной капиталъ прогрессивно возрастаютъ не только абсолютно, но и относительно, т.-е. что все бóльшая и бóльшая доля національнаго производства и труда идетъ на созданіе основного капитала. Эта мысль, какъ извѣстно, лежитъ въ основѣ всей теоріи капитала Маркса: хотя его постоянный капиталъ объемлетъ собою не только основной капиталъ, но и всю долю оборотнаго капитала, остающуюся за вычетомъ заработной платы (перемѣнаго капитала по его терминологіи), однако прогрессивный относительный ростъ постояннаго капитала, съ точки зрѣнія Маркса, объясняется именно техническими условіями, т.-е. возрастаніемъ основного капитала и, главнымъ образомъ, орудій производства.

На этой мысли покоится ученіе Маркса о прогрессивномъ паденіи уровня прибыли, который, какъ я показалъ въ другомъ мѣстѣ, есть у Маркса не что иное, какъ отношеніе чистаго національнаго дохода къ національному капиталу. Ученія о тенденціи уровня прибыли къ паденію съ той мотивировкой, которую даетъ ему Марксъ, Туганъ-Барановскій, какъ извѣстно, совершенно не раздѣляетъ. Но онъ, повидимому признаетъ совершенно безспорнымъ и не требующимъ никакихъ толкованій и оговорокъ ту предпосылку, на которой строится ученіе Маркса о паденіи уровня прибыли, т.-е. онъ принимаетъ безъ дальнѣйшихъ разговоровъ положеніе о прогрессивно возрастающей роли основного капитала. Это положеніе, замѣтимъ кстати, принимаетъ въ другой формулировкѣ и съ другой мотивировкой, чѣмъ Марксъ, и крупнѣйшій представитель теоріи капитала, исходящей изъ совершенно другого общаго пониманія экономическихъ явленій. Я имѣю въ виду Бёмъ-Баверка. Но въ то время, какъ великимъ теоретикамъ трудовой цѣнности Марксу и Родбертусу совершенно чужда идея, что по мѣрѣ увеличенія затратъ капитала, производительность ихъ падаетъ, въ ученіи Бёмъ-Баверка положеніе о падающей производительности (технической и цѣнностной) послѣдовательныхъ затратъ капитала играетъ очень крупную роль (въ этомъ пунктѣ Бёмъ-Баверкъ является продолжателемъ Тюнена и Лонгфильда). Между тѣмъ у Маркса не только совершенно отсутствуетъ идея паденія производительности послѣдовательныхъ затратъ капитала, но, наоборотъ, у него фактъ прогрессивнаго увеличенія затратъ капитала связывается съ повышеніемъ производи-

тельности этихъ затратъ, которая, согласно абсолютной теоріи трудовой цѣнности, разсматривается исключительно, какъ производительность труда. Мы не знаемъ, къ какой версіи ученія о возрастающей роли основного капитала склоняется Туганъ-Барановскій, къ оптимистической ли Маркса или пессимистической Бёмъ-Баверка. Между тѣмъ, въ самое послѣдне время одинъ молодой нѣмецкій экономистъ пытался, опираясь на факты новѣйшаго экономическаго развитія Германіи, установить положеніе, что по мѣрѣ развитія и укрѣпленія машинной техники все меньшая и меньшая доля первоначальнаго продукта превращается въ основный капиталъ (аккумулируется). «Въ непрерывно развивающемся машинномъ хозяйствѣ относительно все меньшая и меньшая часть труда требуется для накопленія въ будущемъ, другими словами та часть труда, которая подлежитъ накопленію для будущаго въ формѣ средствъ производства (фабрики, желѣзныя дороги, паровыя суда и т. д.) все болѣе и болѣе перевѣшивается унаслѣдованными отъ прошлаго и ранѣе въ интересахъ современности накопленными продуктами труда». Этотъ законъ цитируемый нами авторъ фонъ-Галле *) называетъ «закономъ падающей доли накопленія» («Gesetz der abnehmenden Akkumulationsquote»). Онъ толкуетъ его въ очень выгодномъ для развитыхъ капиталистическихъ странъ оптимистическомъ смыслѣ. Изъ этого закона, по мнѣнію фонъ-Галле, вытекаетъ, что образованіе капитала даетъ современнымъ людямъ возможность получать больше предметовъ потребленія съ меньшей затратой труда. Любопытно, что и Марксъ свой противоположный законъ, какъ мы уже указывали, понимаетъ въ такомъ же оптимистическомъ смыслѣ. Если справедливо положеніе Маркса и Бёмъ-Баверка, что затраты на основной капиталъ постоянно и прогрессивно возрастаютъ по мѣрѣ развитія капиталистическаго производства и если вѣрно, что при этомъ все явственнѣе и явственнѣе выступаетъ періодическій характеръ такихъ затратъ, то основанныя на этихъ двухъ положеніяхъ заключенія Туганъ-Барановскаго должны быть приняты наукой. Но если правъ фонъ-Галле, утверждающій что все меньшая и меньшая часть національнаго продукта превращается въ основной капиталъ, то наши выводы должны кореннымъ образомъ измѣниться. Здѣсь во всякомъ случаѣ, передъ нами трудная и сложная проблема, представляющая первостепенный теоретическій и практическій интересъ. Мы указываемъ на нее потому, что она стоитъ въ непосредственной связи съ теоріей кризисовъ.

Въ главѣ «Вліяніе промышленнаго цикла на народную жизнь» авторъ весьма искусно на таблицахъ и діаграммахъ показываетъ, что прежде промышленныя колебанія рѣзко отражались на всей жизни рабочаго класса, между тѣмъ какъ въ новѣйшее время такого вліянія

*) Статья его напечатана въ журналѣ Дельбрюка «Preussische Jahrbücher» за 1898 г.

нельзя констатировать. Прежде мы видимъ рѣзкія періодическія колебанія народной жизни, идущія параллельно колебаніямъ промышленности и находящіяся въ зависимости отъ нихъ; особенно рѣзкій характеръ носятъ колебанія въ положеніи промышленнаго населенія. «Каждый промышленный кризисъ оказываетъ чрезвычайно губительное дѣйствіе на рабочій классъ; рабочіе дома, также какъ и тюрьмы, наполняются безработными, смертность возрастаетъ въ огромныхъ размѣрахъ. Въ то же время торговля и промышленность, не смотря на жестокіе кризисы, дѣлаютъ быстрые успѣхи. Чрезвычайный ростъ экспорта составляетъ рѣзкій контрастъ съ ухудшеніемъ условій жизни рабочаго населенія. Діаграммы новѣйшаго времени говорятъ совершенно иное. На мѣсто энергичнаго поднятія кривой экспорта съ рѣзкими паденіями въ годы кризисовъ мы замѣчаемъ правильныя волнообразныя колебанія этой кривой на томъ же уровнѣ. Промышленное развитіе страны замедляется. И въ то же время въ народной жизни замѣчаются признаки несомнѣннаго улучшенія. Кризисы не оказываютъ прежняго разрушительнаго дѣйствія на положеніе рабочихъ. Даже въ промышленныхъ центрахъ смертность и преступность въ годы кризисовъ не возрастаютъ. Происшедшая перемѣна тѣмъ болѣе замѣчательна, что безработица отнюдь не исчезла въ новѣйшемъ фазисѣ развитія капитализма, и даже нѣтъ основанія думать, что она сократилась по своимъ размѣрамъ... Статистическія данныя убѣдительно говорятъ, что дѣйствіе промышленнаго застоя и безработицы на условія жизни массы англійскаго населенія сильно смягчено въ новѣйшее время какими-то причинами» (210—211). Важнѣйшими изъ этихъ причинъ авторъ считаетъ общій подъемъ экономическаго положенія англійскаго рабочаго и ростъ трэдъ-юніонизма. Благодаря организованности рабочихъ, вступающихъ съ предпринимателями не въ индивидуальныя, а коллективныя сдѣлки, заработная плата не только повысилась, но, несмотря на періодическую безработицу, стала также болѣе устойчивою. Въ то же время общества взаимопомощи и потребительныя коопераціи увеличиваютъ экономическую мощь англійскаго рабочаго.

Въ главѣ «Чартизмъ» Туганъ-Барановскій характеризуетъ и оцѣниваетъ это замѣчательное соціальнополитическое движеніе англійскаго рабочаго класса въ первую половину XIX вѣка. Эта глава, написанная, какъ и весь трудъ автора, по первоисточникамъ, представляетъ выдающійся интересъ и по темѣ, чрезвычайно любопытной, и по изложенію, живому и увлекательному, и, наконецъ, по оригинальной оцѣнкѣ, даваемой знаменитому движенію. Чартизмъ, говоритъ авторъ, былъ съ внѣшней стороны продолженіемъ политической агитаціи, создавшей избирательную реформу 1832 года, но по своему внутреннему содержанію и смыслу онъ былъ не политическимъ, а всецѣло соціальнымъ движеніемъ. Знаменитые 6 пунктовъ хартіи обязаны

были своею популярностью среди англійскаго рабочаго класса тому обстоятельству, что его угнетала безработица, и онъ былъ ожесточенъ закономъ 1834 года о бѣдныхъ, обставившимъ мѣры общественнаго призрѣнія крайне тягостными для нуждавшихся въ нихъ условіями. Такъ, въ народныхъ массахъ возникло убѣжденіе, что только путемъ участія въ парламентскихъ выборахъ и законодательствѣ онѣ могутъ добиться смягченія нужды, достигшей ужасающихъ размѣровъ. «Чартизмъ внезапно вспыхнулъ яркимъ пламенемъ, которое угрожало поглатить весь исторически сложившійся соціальный строй Англіи, и также быстро потухъ. Причины чартизма были преходящаго характера: тяжелая нужда и безработица—вотъ что исторгло у англійскаго народа крикъ отчаянія, каковымъ и былъ чартизмъ. Нужда была слишкомъ невыносима, народная масса всколыхнулась и потребовала политическихъ правъ. Но нужда прошла, и волна промышленнаго оживленія быстро унесла революціонное настроеніе англійскаго рабочаго. Чартизмъ промелькнулъ въ англійской исторіи яркимъ метеоромъ, не оставившимъ слѣда» (228). Случилось это потому, что у чартизма не было, и по условіямъ времени не могло быть никакой положительной экономической программы. Чартизмъ возникъ въ эпоху «энергичнаго развитія еще юнаго и могучаго капитализма съ одной стороны и утопическаго соціализма—съ другой. Радикальныя экономическія реформы были немыслимы и свелись бы къ попыткамъ задержать развитіе капитализма,—попыткамъ, не имѣвшимъ никакихъ шансовъ на успѣхъ и неспособнымъ облегчить страданія народныхъ массъ».

Чѣмъ же объясняетъ авторъ, почему чартизмъ не могъ сочетаться въ единое теченіе съ професссіональнымъ рабочимъ движеніемъ, какъ это случилось въ Германіи съ движеніемъ эйзенахцевъ и лассалеанцевъ, или съ кооперативнымъ и професіональнымъ движеніемъ, какъ это произошло въ Бельгіи съ тамошнимъ политическимъ рабочимъ движеніемъ? Авторъ видитъ ключъ къ объясненію этого факта въ различномъ отношеніи народной массы, съ одной стороны, къ политическимъ, съ другой стороны—къ гражданскимъ правамъ. Повидимому, подъ первымъ онъ разумѣетъ права на участіе путемъ выборовъ въ государственномъ законодательствѣ и управленіи, подъ вторыми—разнообразныя права личности и союзовъ, не имѣющія своимъ содержаніемъ участія въ законодательствѣ и управленіи. Въ различіи «политическихъ и гражданскихъ правъ лежитъ ключъ къ пониманію всей новѣйшей политической исторіи Англіи. Англійскій рабочій всегда обнаруживалъ непонятный, на первый взглядъ, индифферентизмъ къ своимъ политическимъ правамъ. Только въ эпоху чартизма политическія права были выставлены, какъ знамя народнаго движенія. Но Дизраэлли былъ глубоко правъ, говоря, что это только внѣшность, что не въ политическомъ недовольствѣ сила чартизма. Нигдѣ въ мірѣ рабочій классъ не обнаруживалъ столько мужества и настойчивости въ защитѣ

своихъ интересовъ, какъ въ Англіи. Нигдѣ въ мірѣ рабочіе не выработали такой могущественной и прочной классовой организаціи, какъ въ Англіи. И нигдѣ рабочіе не пользовались такимъ вліяніемъ, какъ въ Англіи. И однако англійскій рабочій только очень недавно получилъ политическія права—даже и теперь не получилъ ихъ полностью, такъ какъ всеобщаго избирательнаго права Англія все еще не знаетъ. Почему же англійскій рабочій, въ противоположность своимъ континентальнымъ собратьямъ, не направилъ свою энергію на завоеваніе политическихъ правъ? Конечно, если бы на политическую борьбу англійскій рабочій затратилъ хотя бы небольшую долю той энергіи и настойчивости, съ которой онъ постоянно ведетъ экономическую борьбу, всеобщее избирательное право въ Англіи было бы уже давно совершившимся фактомъ. Объясненіе лежитъ въ слѣдующемъ: у англійскаго рабочаго нѣтъ тѣхъ побудительныхъ мотивовъ, которые толкаютъ континентальнаго рабочаго на политическую борьбу. Континентальный рабочій совершалъ революціи для того, чтобы расширить свою гражданскую свободу. Въ Англіи гражданская свобода въ своихъ главныхъ основаніяхъ давно достигнута, и никакое расширеніе избирательныхъ правъ не могло существенно прибавить къ этой свободѣ. Поэтому политическія реформы не могли затрагивать массу англійскаго населенія за живое: и при аристократическомъ парламентѣ англичанинъ чувствовалъ себя такимъ же свободнымъ человѣкомъ, какъ и при демократическомъ. Чартизмъ былъ грандіозной попыткой связать требованіе политическихъ правъ для народа съ реальными народными нуждами. Однако, такъ какъ эти нужды были экономическаго характера, а никакихъ серьезныхъ законодательныхъ мѣръ для удовлетворенія этихъ нуждъ общественная мысль этого времени выставить не могла, то попытка эта должна была кончиться неудачей. Пока безработица была въ полной силѣ, народная масса держалась за «хартію», какъ за самое грозное знамя недовольства и протеста. Но достаточно было наступить оживленію торговли, чтобы чартизмъ разсѣялся, какъ дымъ» (246—247).

Это объясненіе возбуждаетъ серьезныя недоумѣнія. Когда «континентальный рабочій совершалъ революціи», онъ боролся подъ знаменемъ и руководствомъ буржуазіи (исключеніе до извѣстной степени составляетъ іюньское возстаніе 1848 года въ Парижѣ, но движеніе это было вспышкой, которая была подготовлена уже оконченной политической революціей). Континентальныя рабочія движенія всѣ возникли уже на почвѣ созданныхъ предшествующими политическими движеніями гражданскихъ порядковъ, обезпечившихъ рабочему классу извѣстный минимумъ гражданскихъ правъ. Это мы видимъ и въ Германіи, и въ Бельгіи, и во Франціи, и даже въ Австріи. Отличіе Англіи можно было бы искать въ существованіи консервативной партіи, въ пику либеральнымъ фабрикантамъ проводившей соціальныя реформы въ инте-

ресахъ рабочаго класса. Но развѣ соціальная политика Бисмарка и Тааффе не стоитъ соціальной политики англійскихъ тори? Я, конечно, прекрасно понимаю крупное различіе между политическими порядками Англіи и большинства европейскихъ континентальныхъ странъ. Но различіе это вовсе не такъ просто укладывается въ выдвигаемое Туганомъ-Барановскимъ противоположеніе политическихъ и гражданскихъ правъ. Дѣло тутъ, конечно, не въ одномъ чартизмѣ, а во всемъ складѣ соціальнаго движенія въ Англіи, характеризующемся отсутствіемъ самостоятельной политической организаціи рабочаго класса. Энгельсъ объяснялъ отсутствіе политическаго рабочаго движенія въ этой странѣ ея монопольнымъ положеніемъ на міровомъ рынкѣ, превращавшимъ англійскій рабочій классъ какъ бы въ дольщика въ экономическихъ успѣхахъ буржуазіи и тѣмъ отнимавшимъ или ослаблявшимъ у него стимулы къ самостоятельной политической дѣятельности. Но положеніе англійскаго рабочаго класса въ его цѣломъ съ 1850 по 1890 г. вовсе ужъ не столь рѣзко отличалось отъ положенія континентальныхъ рабочихъ, чтобы имъ однимъ можно было бы объяснить такую огромную разницу въ политическомъ поведеніи. Проблема—одна изъ самыхъ загадочныхъ въ новѣйшей исторіи Европы—остается неразрѣшенной, и я думаю, что разрѣшеніе ея требуетъ детальнаго пересмотра и анализа политическаго и соціальнаго прошлаго и настоящаго Англіи, сравнительно съ историческими судьбами и современнымъ положеніемъ континентальныхъ странъ.

Любопытно, что оба наиболѣе выдающіеся вождя чартистовъ имѣли своего рода «аграрныя программы». О'Бріеннъ стоялъ за національзацію земли, а О'Конноръ за мелкую крестьянскую собственность, для пріобрѣтенія которой рабочіе должны были составить общество *). О'Конноръ былъ твердо убѣжденъ, что фабричная промышленность въ Англіи, уже въ его время, достигла своего апогея и обречена на упа-

*) «Осуществленіе своего знаменитаго «аграрнаго плана» О'Конноръ не считалъ нужнымъ откладывать, какъ отмѣну хлѣбныхъ пошлинъ до побѣды «народной хартіи». Надѣленіе рабочихъ землей можно начать немедленно: достаточно собрать 2 тысячи фунтовъ, и общество открываетъ свои операціи. Эти двѣ тысячи собираются по подпискѣ: желающій получить участокъ въ 2 акра платитъ 2 ф. 12 ш. 4 п., 3 акра—3 ф. 18 ш. 6 п. и 4 акра—5 ф. 4 ш. 8 п. Жребій рѣшаетъ, кому изъ акціонеровъ достанутся участки. За эти участки, также какъ и за капиталъ, получаемый одновременно съ участками, получившія землю лица платятъ обществу опредѣленную ренту—5% со всего затраченнаго общественнаго капитала. Купленное имѣніе закладывается и на вырученныя деньги пріобрѣтается новое, на которомъ отводятся участки по жребію новымъ лицамъ, и т. д. Если вспомнить, что этотъ планъ предлагался фабричнымъ рабочимъ, то можно оцѣнить его практичность. Но чрезвычайно характерно, что столь наивный планъ имѣлъ нѣкоторое время крупный успѣхъ. За три года, къ началу 1848 г., О'Коннору удалось собрать съ рабочихъ по грошамъ сумму въ 94.184 ф. ст., при чемъ число подписавшихъ было около 100 тыс. чел. Нѣсколько имѣній были, дѣйствительно, куплены и разбиты на мелкіе участки» (260).

докъ вслѣдствіе невозможности расширенія внѣшняго рынка. Необходимо искать, вмѣсто фабрикъ, другого источника заработка. Такой источникъ О'Коннорь нашелъ въ мелкомъ крестьянскомъ хозяйствѣ. Съ земледѣліемъ должна соединяться и обрабатывающая промышленность. Земледѣліе, говорилось въ газетѣ «Northern Star», должно составлять основаніе экономическаго строя и давать занятіе большей части населенія. Промышленность же должна занимать второстепенное мѣсто Экономическая исторія въ отвѣтъ на утопію О'Коннора, основная мысль которой была впослѣдствіи повторена знаменитымъ, недавно умершимъ мыслителемъ-эстетикомъ Джономъ Рёскинымъ *), перешла къ очереднымъ дѣламъ, составившимъ въ совокупности внушительную лѣтопись прогрессивнаго вытѣсненія англійскаго земледѣлія промышленностью. «Популярность «аграрнаго плана» О'Коннора, — справедливо говоритъ Туганъ-Барановскій, — вскрываетъ намъ глубочайшія причины чартизма. Чартизмъ былъ реакціей англійскаго рабочаго класса противъ промышленной революціи и фабричной системы. «Back to the land!»—«назадъ на землю»—было боевымъ кличемъ О'Коннора. И этотъ кличъ встрѣтилъ огромное сочувствіе среди рабочаго класса, устремившагося за обманчивымъ призракомъ воскрешенія исчезнувшаго въ Англіи крестьянскаго хозяйства. Отсюда видно принципіальное отличіе чартизма отъ современнаго рабочаго движенія» (261). Мы совершенно согласны съ этой характеристикой руководящихъ идей О'Коннора. Но намъ совершенно непонятно, какъ самъ авторъ «Промышленныхъ кризисовъ» могъ написать слѣдующія строки, которыя мы находимъ на стран. 54 его труда: «Англія представляетъ собой и самое совершенное, и самое уродливое созданіе капитализма. Все существованіе Англіи основано на внѣшнемъ рынкѣ, земледѣліе въ странѣ падаетъ и только ничтожная часть территоріи поступаетъ въ обработку. По характеру своего сельскаго хозяйства, все болѣе превращающагося въ простое луговое и сѣнокосное хозяйство, Англія—эта высочайшая вершина современной цивилизаціи—приближается къ дикимъ странамъ, не вышедшимъ еще изъ пастушеской стадіи **). Только сбытъ фабрикатовъ на внѣшнемъ рынкѣ можетъ доставить растущему населенію Англіи необходимые предметы потребленія, которые больше уже не производятся англійской почвой. Пока Англія сохраняла свое промышленное превосходство надъ всѣми дру-

---

*) Объ общественныхъ взглядахъ этого глубокаго мыслителя см. книгу *Гобсона* «Общественные идеалы Джона Рёскина» (С.-Петербургъ, 1899 г., русск. пер. подъ редакціей Протопопова). Гобсонъ, впрочемъ, относится некритически къ нѣкоторымъ явно несостоятельнымъ взглядамъ Рёскина.

**) Въ этой фразѣ заключается сильное преувеличеніе, игнорирующее тотъ фактъ, что въ Англіи земледѣліе вытѣсняется не пастушескимъ скотоводствомъ, а разведеніемъ самыхъ высокихъ породъ скота (молочнаго и мясного). Это было уже замѣчено автору однимъ изъ его оппонентовъ въ Вольн. Экон. Обществѣ.

гими странами, это положеніе вещей не заключало въ себѣ для Англіи ничего угрожающаго» (54—55). Въ этихъ словахъ намъ чуется та же самая мысль, которая легла въ основу утопіи О'Коннора, мысль, что современное международное раздѣленіе труда есть нѣчто уродливое и искусственное и что поэтому промышленнымъ странамъ въ родѣ Англіи, предстоитъ пережить аграрный метаморфозъ,—до извѣстной степени возстановить прежнее значеніе земледѣлія. Намъ думается, что установившееся международное раздѣленіе труда, представляющееся О'Коннору и Туганъ-Барановскому уродливымъ, гораздо прочнѣе, чѣмъ они думаютъ. Мы полагаемъ, что всякія общественныя реформы, для того, чтобы быть жизнеспособными, должны считаться съ существующимъ международнымъ раздѣленіемъ труда и быть къ нему приспособленными.

Въ главѣ «Хлопковый голодъ» въ первый разъ въ русской литературѣ обстоятельно разсказана исторія этой острой безработицы ланкаширскихъ хлопчатобумажныхъ рабочихъ, вызванной прекращеніемъ подвоза хлопка изъ Америки, вслѣдствіе войны между сѣверными и южными штатами изъ-за рабства негровъ. Хлопковый голодъ, повысивъ цѣнность запасовъ хлопка, принесъ фабрикантамъ огромные барыши; рабочихъ онъ повергъ въ тяжелую нужду. Тѣмъ не менѣе, фабриканты очень неохотно стали помогать рабочимъ въ ихъ нуждѣ, а когда послѣдніе рѣшились бѣжать отъ нея, эмигрировать, фабриканты всполошились и рѣшительно воспротивились эмиграціи. Правительство тоже отклонило всякую помощь эмиграціи и предложило парламенту ассигновать широкій кредитъ въ размѣрѣ около 19 мил. руб. муниципалитетамъ хлопчатобумажныхъ округовъ на устройство общественныхъ работъ для поддержанія безработныхъ. Затѣмъ хлопковый голодъ сталъ слабѣть и вопросъ объ эмиграціи рабочихъ самъ собой былъ снятъ съ очереди.

Намъ кажется страннымъ, какъ Туганъ-Барановскій, излагая этотъ интересный эпизодъ изъ соціальной исторіи Англіи, не отмѣтилъ, что организація широкой эмиграціи ланкаширскихъ хлопчатобумажныхъ рабочихъ и съ точки зрѣнія интересовъ всего англійскаго рабочаго класса была безумной и отчаянной мѣрой. Она могла бы подорвать одну изъ важнѣйшихъ и наиболѣе совершенныхъ англійскихъ индустрій и тѣмъ самымъ ослабить экономическую и соціальную силу всего рабочаго класса Англіи. Какъ индивиды, конечно, ланкаширскіе рабочіе, даже если бы они выселились всѣ до одного, могли бы ничего не потерять. Они перешли бы въ другія профессіи или перенесли бы въ другія части свѣта свое промышленное искусство; въ послѣднемъ случаѣ вслѣдъ за ними туда потянулся бы и англійскій капиталъ. Но вмѣсто міровой промышленности и милліоннаго населенія въ Ланкаширѣ оказалось бы пустое мѣсто, и англійская культура и англійскій рабочій классъ потерпѣли бы сильный уронъ. Мы увѣрены, что, если

*

бы англійскіе рабочіе не были въ эпоху хлопковаго голода такъ сильно проникнуты воспринятыми отъ буржуазіи принципами free trade, до крайности съужавшими ихъ общественный горизонтъ, то они—по другимъ мотивамъ, но также рѣшительно, какъ и фабриканты—отвергли бы убійственную идею массовой эмиграціи, которая могла бы, по меньшей мѣрѣ, отбросить на нѣсколько десятилѣтій назадъ ихъ родину.

Въ главѣ «Новѣйшія движенія безработныхъ» авторъ довольно живо, но, къ сожалѣнію, слишкомъ бѣгло характеризуетъ наиболѣе крупные факты изъ исторіи соціальнаго движенія въ Англіи въ 70-хъ и 80-хъ гг., стоявшія въ связи съ промышленными колебаніями. «Безработица 80-хъ годовъ имѣла огромное значеніе въ развитіи англійскихъ общественныхъ отношеній. Цѣлый рядъ парламентскихъ коммиссій предпринялъ изученіе столь ярко обнаружившейся народной нужды... Частные изслѣдователи также обратились къ вопросамъ народной нужды... Оптимистическій либерализмъ, царившій въ 60-хъ и 70-хъ годахъ не только въ англійскомъ обществѣ, но и среди вожаковъ рабочихъ, уступилъ мѣсто совершенно иному соціальному міровоззрѣнію. Бёрнсъ, Томъ Мэннъ, Тиллеттъ—самыя яркія фигуры рабочихъ вождей, выдвинувшихся въ это время, были проникнуты новымъ духомъ и направили англійское рабочее движеніе по новому пути. Такъ называемый новый трэдъ-юніонизмъ явился выраженіемъ этого новаго пути, а резолюціи конгрессовъ рабочихъ союзовъ въ пользу 8-ми-часового рабочаго дня, обобществленія средствъ производства и пр. были выраженіемъ этого нового духа» (310—311).

Въ «Заключеніи» авторъ анализируетъ данныя о числѣ безработныхъ по годамъ въ тѣхъ отрасляхъ промышленности, трэдъ-юніоны которыхъ, выдавая пособія безработнымъ, сообщаютъ соотвѣтствующія свѣдѣнія Департаменту труда англійскаго Board of Trade, и приходитъ къ выводу, что эти данныя вполнѣ подтверждаютъ его теорію кризисовъ. «Согласно этой теоріи, періодическіе кризисы вызываются періодической смѣной расширенія и сокращенія производства основного капитала капиталистическаго хозяйства. Если эта теорія вѣрна, то наибольшія циклическія колебанія должны были бы наблюдаться въ томъ, что Бэджготъ называлъ instrumental trades (производство машинъ и орудій труда), а также въ добычѣ каменнаго угля, являющагося топливомъ для машинъ. Именно это мы и наблюдаемъ въ дѣйствительности» (332).

На основаніи знаменитыхъ изслѣдованій Буса *) и показаній другихъ лицъ, данныхъ передъ парламентскою коммиссіей о безработныхъ, Туганъ-Барановскій рисуетъ довольно мрачную картину современной

*) Авторъ неправильно транскрибируетъ фамилію Booth черезъ *Бутсъ*, благодаря чему у малосвѣдущихъ читателей легко можетъ произойти смѣшеніе изслѣдователя Чарльза Буса (Booth) съ генераломъ Арміи Спасенія Бутсомъ (Boots), тоже занимавшимся соціальными вопросами и писавшимъ о нихъ.

англійской безработицы, всею своею тяжестью обрушивающейся на низшіе слои рабочаго населенія и на стариковъ *). Туганъ-Барановскій думаетъ даже вмѣстѣ съ Гобсономъ, что вообще безработица усилилась за послѣднія 50 лѣтъ. Мнѣ это кажется сомнительнымъ, хотя бы потому, что 50 лѣтъ тому назадъ крупнымъ факторомъ безработицы въ Англіи было вытѣсненіе старыхъ методовъ производства новыми, совершенно несравнимое по своимъ размѣрамъ съ тѣмъ, что происходитъ въ этомъ отношеніи теперь. Вполнѣ правъ авторъ, считая устраненіе безработицы невозможнымъ на почвѣ капиталистическаго хозяйства.

Мы пытались въ общихъ чертахъ познакомить читателей съ богатымъ содержаніемъ труда Туганъ-Барановскаго и въ то же время формулировать тѣ критическія замѣчанія, на которыя насъ вызывали изложеніе и аргументація автора. Въ заключеніе мы считаемъ полезнымъ привести нѣкоторыя данныя **), характеризующія современное положеніе англійскаго народнаго хозяйства и дополняющія историческую картину, набросанную Туганъ-Барановскимъ.

Со второй половины 1895 года Англія переживаетъ энергичный и до сихъ поръ неослабѣвающій подъемъ. Это положеніе ярко характеризуется слѣдующими данными о безработицѣ въ тѣхъ отрасляхъ промышленности, по которымъ имѣются свѣдѣнія ***).

ГОДЫ.	% безработныхъ во всѣхъ отрасляхъ.	% безработныхъ въ			
		машиностроеніи и металлическихъ производствахъ.	судостроеніи.	строительныхъ промыслахъ.	въ печатномъ и переплетномъ дѣлѣ.
1893	7,5	9,1	16,3	3,8	4,1
1894	6,9	9,1	15,7	4,1	5,7
1895	5,8	6,4	12,5	3,8	4,9
1896	3,4	2,6	8,2	1,8	4,3
1897	3,5	3,6	7,6	1,6	3,9
1898	3,0	3,7	4,7	1,3	3,7
1899	2,4	2,4	2,3	1,5	3,9
Средняя за 7 лѣтъ	4,6	5,3	9,6	2,6	4,4

Особенно показателенъ низкій % безработныхъ въ машиностроительномъ и металлическихъ производствахъ, а также въ судостроеніи за

*) Эта картина совпадаетъ въ общемъ съ той характеристикой англійской безработицы, которую пишущій эти строки далъ въ статьѣ «Къ вопросу о безработицѣ», напечатанной въ «Нов. Словѣ» за 1897 г. и перепечатанной въ приложеніи къ русскому изданію «Проблемъ бѣдности и безработицы» Гобсона.

**) Они заимствованы нами изъ оффиціальнаго органа департамента труда англійскаго министерства промышленности и торговли (Board of Trade) — «Labour Gazette».

***) Свѣдѣнія за 1899 г. относится къ 500 тыс. рабочихъ.

послѣдніе три года, причемъ 1899 г. характеризуется самыми низкими цифрами, болѣе чѣмъ вдвое или втрое меньшими, чѣмъ средняя за 7 лѣтъ. Измѣненія въ заработной платѣ за этотъ періодъ также были благопріятны рабочему классу, какъ это явствуетъ изъ слѣдующей весьма поучительной таблицы:

ГОДЫ.	Общее число лицъ, затронутыхъ измѣненіями въ заработной платѣ.	Конечный результатъ измѣненій въ надѣльной платѣ. Увеличеніе (+) и уменьшеніе (—).	
		Общая сумма въ фунтахъ стерлинговъ.	Средняя на душу въ шилл. и пенсахъ.
			шилл. пенс.
1893	549.977	+ 12.426	+ 0 5½
1894	670.386	— 45.091	— 1 4½
1895	436.718	— 28.211	— 1 3½
1896	607.654	+ 26.592	+ 0 10½
1897	597.444	+ 31.507	+ 1 0¾
1898	1.015.169	+ 80.815	+ 1 7
1899	1.111.197	+ 85.820	+ 1 6½

Изъ этой таблицы видно, какъ, начиная съ 1896 г. *), заработная плата стала повышаться и какъ это благопріятное движеніе стало охватывать все бо̀льшій и бо̀льшій кругъ лицъ. Въ 1899 г. 1.110.128 лицамъ съ повышеніемъ заработной платы противостояло лишь 1.069 лицъ съ понизившейся заработной платой.

Любопытно отмѣтить движеніе заработной платы ланкаширскихъ прядильщиковъ, этихъ описанныхъ Шульце-Геверницемъ **) представителей аристократіи англійскаго рабочаго класса. Въ 1893 году, въ эпоху промышленной депрессіи, они послѣ знаменитыхъ стачки и локаута ***) должны были согласиться на пониженіе своей заработной платы въ размѣрѣ 2,91%, и лишь новѣйшій промышленный подъемъ повысилъ ихъ заработную плату въ 1899 г. ровно на такой же процентъ.

Интересно также, что лишь у 2,79% (31.055) рабочихъ заработная плата измѣнилась въ 1899 г. послѣ стачки; 97,21% (1.080.142) рабочихъ достигли измѣненія ея, не прибѣгая къ стачкѣ, либо простыми переговорами съ предпринимателями, либо по рѣшенію примирительной камеры, соединеннаго комитета, посредниковъ и третейскихъ судей ****), либо, наконецъ, въ силу договора о «скользящей скалѣ», регулирующей заработную плату въ зависимости отъ цѣны продукта. Устанавливае-

*) Повышеніе началось собственно со второй половины 1895 г.

**) См. его сочиненіе «Крупное производство» (русскій перев. Красина подъ ред. и съ пред. Струве. Спб. 1897 г.).

***) О нихъ см. въ моемъ предисловіи къ русскому переводу книги Шульце Геверница

****) См. объ этихъ учрежденіяхъ С. и Б. Веббы «Теорія и практика англійскаго тредъ-юніонизма», т. I (перев. В. Ильина) и Де-Рузье «Профессіональные рабочіе союзы въ Англіи» (перев. подъ ред. Струве).

мая приведенными цифрами незначительная роль стачекъ въ дѣлѣ повышенія заработной платы англійскихъ рабочихъ указываетъ не столько на успѣхи такъ называемаго «соціальнаго міра», сколько, во-1-хъ, на огромную соціальную силу англійскаго рабочаго класса и, во-2-хъ, на доминирующую роль условій рынка, иначе говоря,—торговопромышленной конъюнктуры въ колебаніяхъ жизни современнаго англійскаго рабочаго. Когда рынокъ идетъ въ гору, т.-е. предъявляется бойкій спросъ на товары и повышаются цѣны, заработная плата тоже движется вверхъ: предприниматели тогда не склонны отвергать повышеніе заработной платы и рисковать стачками, потому что они всего болѣе заинтересованы въ томъ, чтобы скорѣе и лучше использовать конъюнктуру, пуская въ ходъ всѣ машины и всѣ рабочія руки и сполна удовлетворяя рынокъ. Англійскій рабочій такъ хорошо освѣдомленъ о положеніи товарнаго рынка и такъ силенъ, что онъ никогда не дастъ предпринимателямъ возможности исключительно въ свою пользу обратить хорошій спросъ и высокія цѣны, оставляя заработную плату на прежнемъ уровнѣ. Англійскій рабочій стремится, правда, снизу поставить границы колебаніямъ заработной платы въ зависимости отъ колебаній товарнаго рынка. Но это вовсе не значитъ, что въ развитомъ капиталистическомъ хозяйствѣ рынокъ труда становится независимымъ отъ общаго товарнаго рынка, какъ думаютъ нѣкоторые *). Установленіе идеи и практики минимальной «достаточной для существованія» заработной платы (living wages) не означаетъ нисколько отказа отъ пользованія рыночными конъюнктурами для повышенія заработка сверхъ «достаточной» платы и отнюдь не устраняетъ возможности такого пользованія.

Современный промышленный подъемъ, быть можетъ, продержится въ главнѣйшихъ капиталистическихъ странахъ еще нѣкоторое время **). Возможно, что наступленіе застоя будетъ отсрочено или его размѣры будутъ ослаблены южно-африканской и европейско-китайской войнами. Войны всегда создаютъ «искусственный» спросъ и поглощаютъ капиталы, а мирное время послѣ войны идетъ на возстановленіе разрушенныхъ капиталовъ и закрытыхъ торговыхъ путей, и предъявляетъ, такимъ образомъ, усиленный «естественный» спросъ. Послѣ возстановленія мира въ Африкѣ и Азіи, европейскіе капиталы съ удвоенной силой нахлынутъ туда, и это, въ связи съ экономическимъ вліяніемъ предшествовавшаго «военнаго» спроса, не можетъ не отразиться на общемъ положеніи промышленныхъ дѣлъ въ первомъ пятилѣтіи XX вѣка.

Іюль 1900 г. Петръ Струве.

---

*) Напр., Роза Люксембургъ, авторъ брошюры «Socialreform» etc.

**) Въ молодыхъ капиталистическихъ странахъ, какъ Россія и Японія, въ настоящее время нѣтъ промышленнаго подъема, а замѣчается нѣкоторая промышленная депрессія, въ Японіи, повидимому, гораздо болѣе рѣзкая, чѣмъ въ Россіи.

НЕЗНАКОМКА.

Рыдалъ пѣвучій вальсъ; по залѣ въ упоеньи
Кружились вихри паръ; гудѣла рѣчь гостей...
А я бродилъ, какъ тѣнь, въ мучительномъ томленьи
О томъ, чего ужъ нѣтъ, о юности моей...

И въ сторонѣ отъ дѣвъ, чуждаясь бури бальной,
Сидѣла тамъ одна, какъ будто въ полуснѣ.
Лишь взоръ ея мерцалъ загадочно-печально
И встрѣтился съ моимъ, и потонулъ во мнѣ.

И сердце вспыхнуло и робко къ ней просилось...
Казалось: слово лишь,—и мы на-вѣкъ друзья.
Но передъ словомъ тѣмъ душа моя смутилась,
Какъ передъ подвигомъ,—и удалился я.

Что съ ней? Жива-ль? Богъ вѣсть.. Но грустной и прекрасной
Все снится мнѣ она. Склонясь ко мнѣ на грудь,
Она прощается, и нѣжный голосъ страстно
Сквозь слёзы шепчетъ мнѣ: „Люби и не забудь!..“

А. Колтоновскій.

КРИТИЧЕСКІЯ ЗАМѢТКИ.

Изъ лѣтней беллетристики. — Два произведенія въ «Вѣстникѣ Европы» — романъ г. Новикова «По закону» и «Сестры» г. Ромера.—«Неизданныя письма И. С. Тургенева».—Ихъ литературное значеніе.—Нѣкоторые взгляды Тургенева.—Книга г. Фаресова «Въ одиночномъ заключеніи».—Интересныя сообщенія автора изъ недавняго прошлаго.—Психологія заключеннаго; отношеніе къ нему окружающихъ.—Порядки одиночнаго заключенія.—Борьба заключенныхъ съ ними.—Общій выводъ автора.— «Грѣхи и нужды нашей средней школы». г. Ев. Маркова.—Нашъ отвѣтъ Н. К. Михайловскому.

Не богатъ урожай лѣтней беллетристики въ нашихъ журналахъ, гдѣ почему-то принято печатать лѣтомъ всякую залежь, какъ будто лѣтнихъ книгъ никто не читаетъ. Если не считать романа г-жи Гиппіусъ «Въ сумеркахъ», напечатаннаго въ «Жизни» и отличающагося несомнѣнной оригинальностью, то въ сущности не на чѣмъ и остановиться. Бóльшая часть беллетристики представляетъ какіе-то эскизы, наброски и недомолвки, лучшимъ образчикомъ которыхъ могъ бы служить «Аркашинъ мірокъ» въ «Русской Мысли», нѣчто столь странное какъ по формѣ, истинно дѣтской и ученической, такъ и по содержанію, что ничего подобнаго мы уже давно не встрѣчали. Пальма первенства, однако, надлежитъ не неизвѣстному автору «Мірка», а двумъ довольно извѣстнымъ публицистамъ, которые вдругъ пустились въ беллетристику. Завистью ли ихъ лукавый мучилъ, или по другимъ невѣдомымъ причинамъ, только одновременно они оба выплыли на страницахъ «Вѣстника Европы»— одинъ съ романомъ, другой съ повѣстью. Г. Новиковъ, пописывавшій въ «С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ» не безъинтересныя «Письма земскаго начальника», въ которыхъ весьма убѣдительно доказывалъ безрезультатность отеческихъ попеченій, выступилъ съ романомъ «По закону». Г. Ромеръ, который не менѣе дѣятельно оппонировалъ ему на страницахъ той же газеты, разрѣшился повѣстью «Сестры», весьма игриваго содержанія, хотя и съ трагическимъ окончаніемъ. Такъ, нѣкогда противники, они объединились на страницахъ обоимъ чуждаго журнала и задались одною цѣлью—расшевелить читателей его непривычнымъ для нихъ поведеніемъ.

А что это поведеніе для «Вѣстника Европы» дѣйствительно непривычно, явствуетъ изъ бѣглаго изложенія содержанія этихъ странныхъ произведеній. Г. Новиковъ разсказываетъ, насколько дѣйствія «по закону» губительны для деревенскаго люда. Иллюстрируетъ онъ это положеніе, нѣсколько неожиданное для такого сторонника законности, какъ «Вѣстникъ Европы», болѣе пикантно, чѣмъ убѣдительно. Нѣкая дѣвица Маша изъ богатой семьи любитъ бѣднаго Сергѣя, но родители при помощи деревенскихъ средствъ, въ родѣ вожжей, заставляютъ ее выйти замужъ за противнаго ей Кирилку. Она «связалась» послѣ этого съ Сергѣемъ и уходитъ отъ мужа. Тотъ «по закону» требуетъ ее къ себѣ, чего и добивается при содѣйствіи закона въ лицѣ земскаго начальника и волостного суда. Въ то же время отца Сергѣя, за кражу охапки мякины, «по закону» приговариваютъ къ высидкѣ въ тюрьмѣ на $1^1/_2$ мѣсяца. Сергѣя, заподозреннаго въ рядѣ кражъ, общество приговоромъ, утвержденнымъ «по закону», ссылаетъ въ Сибирь, а Маша послѣ ряда томительныхъ происшествій умираетъ «по закону» природы. Въ результатѣ все, что «по закону», оказывается гибельнымъ для всякаго, имѣющаго несчастіе столкнуться съ за-

кономъ. Какой же отсюда выводъ? Тотъ ли, что безъ закона много пріятнѣе, или что лучше не имѣть дѣла съ закономъ совсѣмъ и обходиться собственными средствами? Авторъ не даетъ на эти вопросы отвѣта, и читатели «Вѣстника Европы» могутъ рѣшать ихъ смотря по направленію и настроенію. Читающіе внутреннія обозрѣнія журнала станутъ, конечно, на сторону законности вообще, предпочитая хотя бы и плохенькіе законы самому лучшему произволу. Тѣ же, для которыхъ г. Ромеръ написалъ своихъ «Сестеръ», вѣроятно, оставятъ совсѣмъ безъ вниманія эти скучные вопросы и поступятъ вполнѣ правильно. Дѣло въ томъ, что во всей плачевной исторіи Маши и Сергѣя законы ни причемъ. Каковы бы ни были законы, пока деревенская среда такова, какова она есть, будутъ насильно отдавать дѣвокъ замужъ, тѣ, въ свою очередь, будутъ протестовать по своему, а обозленные родители будутъ имъ чинить непріятности. Несчастіе Маши и Сергѣя въ томъ и заключается, что личность въ деревнѣ еще не цѣнится и сознаніе человѣческаго достоинства еще не проникло въ деревенскій «міръ». Что законы наши не ахти какое сокровище, это вѣрно, но и начальственное произволеніе, какъ мы знаемъ изъ писемъ того же г. Новикова, тоже не велика радость. А такъ какъ почтенный «внутренній обозрѣватель» «Вѣстника Европы» достаточно убѣдилъ насъ, что хоть какой-нибудь да законъ все же лучше самаго превосходнаго земскаго начальника безъ закона, то... пусть впредь г. Новиковъ пишетъ «Письма земскаго начальника», а беллетристику оставитъ въ покоѣ.

Для беллетристики нуженъ прежде всего талантъ и потомъ—тоже талантъ. Безъ таланта въ этой области не выручаютъ даже весемленькіе сюжетцы, которыми упивается г. Ромеръ. Давно уже не приводилось въ русской литературѣ встрѣчать такой «оголенности» сюжета, какъ у г. Ромера. Чтобы дать нѣкое представленіе о живости г. Ромера, приведемъ небольшой діалогъ между счастливымъ купчикомъ и почтеннымъ старичкомъ, его приказчикомъ.

«Задоровъ настолько былъ полонъ своими чувствами къ женѣ, что даже не утерпѣлъ похвастаться ею, оставшись какъ-то наединѣ съ Касаткинымъ.

«— Ну, дѣдушка!—сказалъ онъ.—Хорошую я себѣ хозяйку выискалъ?

«— Хозяйка—надо бы лучше, да нельзя. Зато ты самъ не больно хорошъ.

«— Чѣмъ?

«— Что-жъ, если правду сказать, не гожо такъ.

«— Что не гожо?

«— Софья Александровна супруга вамъ законная, Богомъ данная, дѣткамъ вашимъ, Богъ дастъ, будетъ матерью. А вы съ ней... на манеръ какъ съ полюбовницей.

«— Что ты, ошалѣлъ, дѣдушка?..

«— Не ошалѣлъ, а насмотрѣлся кой-чего на вѣку. Ты кровь-то свою уйми, лучше будетъ. Богъ тебѣ жену для святого дѣла, для семьи, а не для баловства послалъ».

Изъ этого разговора читатели могутъ догадаться, въ какомъ жанрѣ написана вся повѣсть. Вмѣстѣ со старичкомъ и мы скажемъ увлекшемуся г. Ромеру, что «не гожо такъ», главное, ужъ очень грубо и безталантно. Получается грубая суздальская мазня, неинтересная, мало поучительная и довольно-таки скучная.

Выбранные нами два образчика лѣтней беллетристики едва ли увеличатъ желаніе знакомиться съ нею подробнѣе. Среди многочисленныхъ очерковъ, разсказовъ, этюдовъ ни одинъ не выдѣляется сколько-нибудь талантливостью или содержательностью, какъ будто на всѣхъ легъ отпечатокъ той сѣрой будничной скуки, которая мертвитъ всѣ порывы и погружаетъ душу въ апатію.

Эта печать лежитъ и на всей текущей журналистикѣ, которая все дальше и дальше становится отъ жизни, конечно, не по своей винѣ. Но отъ такого сознанія не легче ни ей, ни читателю.

Не намъ первымъ приходится испытывать это.

«Въ наше время ничего нельзя читать. Глюкъ выразился про одну оперу, что она только *воняетъ* музыкой. То же самое можно сказать и про всѣ современныя произведенія, что они *воняютъ* литературой, дѣланностью, ремесломъ, условностью. Кто желаетъ наслаждаться живымъ и чистымъ источникомъ, тотъ пусть возвращается на много-много лѣтъ назадъ. Литературный зудъ, лепетъ эгоизма, самого себя изучающаго и собою любующагося—вотъ болѣзнь нашего вѣка: какъ псы, мы возвращаемся на свою блевотину. Это слова св. Писанія—могучія въ своемъ простодушіи. Нѣтъ болѣе ни Бога, ни сатаны, а пришествіе Человѣка еще далеко».

Такъ жалуется Тургеневъ въ своихъ письмахъ къ m-me Віардо, недавно появившихся и въ русскомъ переводѣ.

Какія свѣжія и интересныя письма,—таково первое впечатлѣніе, которое растетъ по мѣрѣ чтенія. Таковы, однако, только письма къ m-me Віардо, въ которыхъ цѣликомъ отразился великій художникъ. Чувствуется въ нихъ дыханіе жизни, непосредственной чистоты и естественности, когда человѣкъ ничего не сочиняетъ, а выливаетъ на бумагу все, чѣмъ въ данную минуту полна душа. И такъ какъ это душа огромнаго художника, чуткая и нѣжная, глубокая и всеобъемлющая, то въ этихъ безхитростныхъ письмахъ отразился цѣлый міръ. Легкая и изящная болтовня о мелкихъ интересахъ текущаго дня, объ охотѣ, рыбной ловлѣ, домашней жизни съ ея милыми и назойливыми пустяками, вдругъ прерывается замѣчаніемъ о прочитанной книгѣ, о литературныхъ новостяхъ или мнѣніемъ о игрѣ актера и искусствѣ вообще, и снова возвращается къ ощущеніямъ автора, къ разсказу о прожитомъ днѣ.

Большая часть писемъ написана изъ Куртавенеля, имѣнія господъ Віардо, гдѣ Тургеневъ почти безвыходно прожилъ съ 1847 г. до обратнаго возвращенія въ Россію въ 1850 году. «Будущій авторъ «Записокъ охотника»,—говоритъ издатель писемъ г. Гальперинъ-Каминскій,— въ то время еще неизвѣстный, былъ принятъ своими новыми друзьями самымъ сердечнымъ образомъ. Они какъ будто раньше его соотечественниковъ угадали въ немъ талантъ романиста. Дѣйствительно, спустя четыре года (послѣ перваго знакомства), какъ разсказываетъ самъ Тургеневъ, онъ очутился за границей почти безъ всякихъ средствъ. Его мать, очень недовольная его отъѣздомъ и оскорбленная тѣмъ что сынъ ея, потомокъ стараго дворянскаго рода, избралъ литературную карьеру, отказалась выдавать ему какія-либо средства. Въ этомъ положеніи онъ нашелъ въ семьѣ Віардо самое широкое гостепріимство, и Куртавенель, ихъ помѣстье въ Бри, сдѣлался, по собственному выраженію Тургенева, его литературной колыбелью. «Здѣсь,—разсказываетъ онъ Фету,—не имѣя средствъ жить въ Парижѣ, я провелъ всю зиму одинъ, питаясь куринымъ бульономъ и яичницей, которые готовила мнѣ старушка, ходившая за мной. Здѣсь, чтобы заработать деньги, я написалъ большую часть моихъ «Записокъ охотника». Віардо въ это время переѣзжали изъ столицы въ столицу Европы, гдѣ г-жа Віардо участвовала въ оперѣ на первоклассныхъ сценахъ.

Тургеневъ ревниво и любовно слѣдитъ по газетамъ за ея успѣхами, какъ пѣвицы, даетъ ей совѣты и сообщаетъ все, что творилось въ его маленькомъ міркѣ въ Куртавенелѣ. Письма отсюда наиболѣе интересны. Оттого ли, что онъ былъ тогда еще совсѣмъ юнъ, или тихая ровная жизнь въ прелестной мѣстности такъ дѣйствовала, но эти первыя письма необыкновенно поэтичны. Легкій оттѣнокъ грусти лежитъ на нихъ, усиливая ихъ меланхолическую прелесть. Для человѣка его возраста жизнь въ глухомъ углу, изрѣдка прерываемая поѣздками въ Парижъ, не очень-то весела. А если присоединить сюда неотвязную мысль, вѣчно сопутствующую, о далекомъ другѣ, который пожинаетъ лавры вдали и только отголоски этихъ овацій изрѣдка долетаютъ сюда въ га-

зетной передачѣ, то можно представить себѣ, что жизнь Тургенева не была особенно радостна въ Куртавенелѣ. Тяготитъ и воспоминаніе о родинѣ, къ которой его влекло несомнѣнно. Такъ, увидѣвъ ворону въ полѣ, онъ разражается фразой: «Какъ-то недавно я увидѣлъ ворону на поляхъ: видъ этой соотечественницы волнуетъ меня; я снимаю шляпу и прошу у нея вѣстей мнѣ о моей родинѣ. Право, я былъ почти тронутъ». Тяготило и незавидное матеріальное положеніе, о которомъ онъ неоднократно говоритъ, что «когда человѣкъ нищъ, какъ Іовъ, нельзя думать объ экскурсіяхъ». Все это вмѣстѣ вызывало временами настоящую бурю въ душѣ, гнѣвные раскаты которой глухо слышатся между строчками. «О, да! будьте здоровы, будьте счастливы, веселы, довольны, восхваляемы, любимы, славны: я знаю, что все это такъ и есть, но это мнѣ не мѣшаетъ доставить себѣ удовольствіе пожелать вамъ этого»...—и въ заключеніе: «а денегъ мнѣ все-таки упорно продолжаютъ не присылать»!..

Но «благодатна всякая буря душѣ молодой», особенно, если эта душа такъ глубоко воспріимчива и обладаетъ такимъ даромъ творчества, какъ душа Тургенева. Здѣсь-то и складывается изъ этихъ разнообразныхъ элементовъ будущій великій творецъ русскаго романа. Въ письмахъ на каждомъ шагу можно видѣть, какъ многимъ изъ того, что онъ думалъ тогда, онъ воспользовался впослѣдствіи для своихъ несравненныхъ твореній. Вотъ, напр., изящная страничка, словно вырванная изъ «Записокъ Охотника». «Со вчерашняго дня я сдѣлался матерью, теперь мнѣ вѣдомы радости материнства, у меня есть семья! У мени три прелестные крошечные близнеца, кроткіе, ласковые, милые, которыхъ я самъ кормлю и за которыми хожу съ истиннымъ удовольствіемъ. Это трое крошечныхъ зайчатъ, которыхъ я купилъ у одного крестьянина. Чтобы пріобрѣсти ихъ, я отдалъ мой послѣдній франкъ. Вы не можете вообразить, какіе они хорошенькіе и ручные. Они уже начинаютъ грызть листья латука, которые я имъ даю, но главная ихъ пища—молоко. У нихъ такой невинный и смѣшной видъ, когда они поднимаютъ вверхъ свои маленькіе ушки! Я держу ихъ въ клѣткѣ, въ которой мы помѣщали ежа. Они идутъ ко мнѣ, какъ только я протяну имъ руку, взлѣзаютъ на меня, роются въ моей бородѣ своими маленькими мордочками, съ длинными усами. А затѣмъ они такіе чистенькіе, всѣ движенія ихъ такъ милы! Особенно у одного изъ нихъ, у самаго толстого, такой важный видъ, что можно умереть со смѣху».

Въ другомъ письмѣ онъ описываетъ охоту на куропатокъ, дѣлая очень милое и въ сущности вѣрное замѣчаніе объ игрѣ актеровъ. «Знаете ли вы, что куропатки прекрасно разыгрываютъ комедію? Онѣ отлично умѣютъ притворяться, что онѣ ранены, будто они насилу летаютъ, они кричатъ, пищатъ, и все это для того, чтобы заманить за собой собаку и отвлечь ее отъ мѣста, гдѣ находятся ея птенцы. Материнская любовь третьяго дня едва не обошлась очень дорого одной изъ нихъ: она такъ превосходно сыграла свою роль, что Султанъ таки сцапалъ ее. Но такъ какъ онъ—perfect gentleman,—то онъ только смочилъ ее своей слюной и помялъ у нея нѣсколько перья; я возвратилъ свободу этой неустрашимой матери и черезчуръ хорошей актрисѣ. А все-таки, что значитъ театръ. Вотъ актеръ, который трогаетъ меня, заставляетъ плакать, а начни онъ плакать самъ вправду, и можетъ быть заставитъ меня даже смѣяться. А между тѣмъ, если онъ будетъ *только играть*, только *притворяться*, то не думаю, чтобы онъ могъ совсѣмъ растрогать меня: какъ видно, здѣсь необходимо извѣстное соединеніе природы и искусства... Вы должны это понимать. Нѣтъ, вы этого не знаете или, по крайней мѣрѣ, не съумѣли бы этого объяснить, не смотря на то, что вы «самая тонкая трагическая актриса въ свѣтѣ». Положительно, люди дѣлаютъ очень хорошо только то, въ чемъ они не могутъ дать себѣ отчета; вотъ поэтому-то и приходится гоняться за самимъ собой. Если довести это правило до парадокса, можно сказать, что для того, чтобы сдѣлать что-нибудь хорошо, не надо понимать того, что дѣлаешь»..

Тургеневу и не снилось, конечно, что этотъ парадоксъ найдетъ въ свое время послѣдователей, принявшихъ его за главное правило и дѣйствительно стремившихся «не понимать того, что дѣлаютъ». Эстеты и декаденты не съумѣли разобраться въ этомъ парадоксѣ такъ тонко, какъ молодой русскій художникъ, который въ своей послѣдующей творческой дѣятельности нашелъ грань, гдѣ сливаются непосредственность и вдумчивость, составляющія въ цѣломъ искусство. Какъ понималъ Тургеневъ задачи искусства, видно изъ цѣлаго ряда замѣтокъ, небрежно высказанныхъ «между прочимъ». Въ одномъ письмѣ есть у него интересное мнѣніе о красотѣ вообще. «Вы спрашиваете меня, въ чемъ заключается «Прекрасное». Оно, вопреки дѣйствію времени, разрушающему форму, въ которой оно выражается, всегда тутъ... потому что красота—единственная безсмертная вещь, и пока существуетъ хотя малѣйшій остатокъ ея матеріальнаго проявленія, безсмертіе ея продолжается. «Прекрасное» разлито всюду, оно проявляется даже въ смерти. Но оно нигдѣ не сіяетъ съ такой силой, какъ въ человѣческой индивидуальности; здѣсь оно болѣе всего говоритъ разуму, и вотъ почему я всегда предпочту большую музыкальную силу, которой будетъ служить несовершенный голосъ,—голосу хорошему, но глупому, такому голосу, красота котораго матеріальна».

Здѣсь еще слышны отголоски философскихъ системъ тридцатыхъ годовъ. Тургенева, однако, отъ увлеченій ими удерживалъ его реализмъ, или, какъ онъ выражается, «стремленіе къ земному». «Я болѣе четырехъ часовъ,—пишетъ онъ,—провелъ сегодня въ лѣсахъ—печальный, растроганный, внимательный, поглощающій и поглощенный. Впечатлѣніе, которое природа производитъ на *одинокаго* человѣка, очень своеобразно. Въ этомъ впечатлѣніи есть осадокъ горечи, *свѣжей* какъ благоуханіе полей, немного *ясной* меланхоліи, какъ въ пѣніи птицъ... Я не могу видѣть безъ волненія, какъ вѣтка, покрытая молодыми зеленѣющими листьями, отчетливо вырисовывается на голубомъ небѣ. Почему? Да, почему? По причинѣ ли контраста между этою маленькою вѣткой, живущею, колеблющеюся отъ самаго небольшого дуновенія, которую я могу сломать, и она должна умереть, но которую благодѣтельный сокъ оживляетъ и окрашиваетъ,—и этою вѣчною и пустою безпредѣльностью, этимъ небомъ, которое только благодаря землѣ сине и лучезарно?.. Ахъ, я не выношу неба!—но жизнь, ея реальность, ея капризы, ея случайности, ея привычки, ея быстро преходящую красоту... все это я обожаю. Я прикрѣпленъ къ землѣ. Я предпочитаю созерцать торопливыя движенія влажной лапки утки, которою она чешетъ себѣ затылокъ на краю лужи, или длинныя и блестящія капли воды, медленно падающія съ морды неподвижной коровы, только что напившейся воды изъ пруда, куда она вошла по камню,—всему, что можно видѣть на небѣ»...

Въ Россіи время тогда было глухое, а во Франціи какъ разъ совершился тогда переворотъ 1848 г., при которомъ присутствовалъ и Тургеневъ, въ качествѣ очевидца. Знаменитая сцена смерти Рудина на баррикадахъ, такъ ярко написанная, является результатомъ его наблюденій уличной жизни въ Парижѣ, о которыхъ онъ сообщаетъ въ длинномъ письмѣ къ Віардо. Въ этомъ письмѣ онъ разсказываетъ о народномъ волненіи 15-го мая, когда рабочіе осадили національное собраніе. Но нужно замѣтить, что Тургенева, повидимому, мало захватило общее движеніе. Его разсказъ, точный и ясный, какъ отчетъ рапортера англійской газеты, написанъ холодно, безъ увлеченія и волненія, какъ будто видѣнное имъ столь обыкновенно, что не можетъ вообще быть особенно интереснымъ. Художникъ, который, по его признанію, не можетъ смотрѣть безъ волненія на молодую зеленѣющую вѣтку, остается равнодушнымъ къ міровому событію, не выходя изъ роли посторонняго зрителя. Общій выводъ его сводится къ тремъ замѣчаніямъ. «Изъ всей массы вещей, которыя меня поразили, я скажу только о трехъ: во-первыхъ, о *внѣшнемъ порядкѣ*,

не перестававшемъ царить вокругъ палаты; эти картонныя игрушки, называемыя солдатами, охраняли возстаніе настолько тщательно, насколько это было возможно: пропустивъ его, они сомкнулись за нимъ. Нужно сказать правду, что собраніе, съ своей стороны, вело себя ниже всякой критики; оно слушало въ теченіе получаса разглагольствованія Бланки, не протестуя! Президентъ не надѣвалъ шляпы. Два часа представители не покидали своихъ скамеекъ и ушли только тогда, когда ихъ прогнали. Если бы эта неподвижность была неподвижностью римскихъ сенаторовъ передъ галлами, то это было бы величественно; но нѣтъ, ихъ молчаніе было молчаніемъ страха; они засѣдали, президентъ предсѣдалъ. Никто, исключая г. д'Адельсварда, не протестовалъ... даже самъ Клеманъ Тома прервалъ Бланки только для того, чтобы съ важностью потребовать слова. Меня поразило также, съ какимъ видомъ продавцы прохладительнаго питья и сигаръ расхаживали среди толпы: алчные, довольные и равнодушные, они имѣли видъ рыболововъ, тащившихъ хорошо нагруженный неводъ! Въ-третьихъ, что особенно удивило меня самого, это сознаніе невозможности дать себѣ отчетъ въ чувствахъ народа въ такую минуту; честное слово, я не могъ разобрать, чего они хотѣли, чего боялись, были ли они революціонерами, или реакціонерами, или же просто друзьями порядка. Они точно ожидали конца бури. А между тѣмъ я много разспрашивалъ рабочихъ въ блузахъ... Они ожидали. . они ожидали!.. Что же такое исторія!.. Провидѣніе, случай, иронія или судьба?..»

Художникъ-созерцатель весь вылился въ этомъ письмѣ, такимъ и оставался всю жизнь. Въ дальнѣйшихъ письмахъ его къ Віардо уже изъ Россіи продолжаются тѣ же описанія природы, отдѣльныя характеристики, остроумныя замѣчанія,—и ни слова о положеніи тогдашнемъ народа или общества. Это не значитъ, что вопросы общественные были ему чужды, какъ хорошо извѣстно всякому по его произведеніяхъ, но онъ бралъ то, что непосредственно вліяло на художественную натуру, волновало его, какъ образъ, рѣзко запечатлѣвавшійся въ душѣ, и онъ также непосредственно выливалъ его на бумагу. Тѣмъ и драгоцѣнны эти письма для уясненія личности Тургенева, что въ нихъ онъ—нараспашку, не кутается въ несвойственныя ему одежды, не фразируетъ и не является въ подтянутомъ видѣ.

Онъ весь тутъ со всѣми милыми капризами, нервничаніемъ, то тоскующій, то увлекающійся собакой Султаномъ, то «окальдероненный» драмами испанскаго писателя, по поводу которыхъ, напримѣръ, дѣлаетъ любопытное замѣчаніе, очень глубокое и вѣрное о литературѣ вобще. «Читая эти прекрасныя произведенія, чувствуешь, что они естественно выросли на плодородной и могучей почвѣ; ихъ вкусъ и благоуханіе просты, литературная подливка здѣсь совсѣмъ не чувствуется. Драма въ Испаніи была послѣднимъ и самымъ лучшимъ выраженіемъ наивнаго католицизма и общества, созданнаго имъ по своему образцу. Между тѣмъ, какъ въ переживаемое нами критическое и переходное время, всѣ художественныя и литературныя произведенія представляютъ—самое большее—отдѣльныя мнѣнія, индивидуальныя чувства, неясныя и противорѣчивыя размышленія, эклектизмъ ихъ авторовъ; жизнь раздробилась; теперь нѣтъ болѣе великаго общаго движенія, за исключеніемъ, можетъ быть, *промышленности*, которая, если смотрѣть на нее съ точки зрѣнія прогрессивнаго подчиненія стихій природы человѣческому генію,—сдѣлается, быть можетъ, освободительницей и обновительницей людского рода. А потому самые великіе поэты нашего времени—это, на мой взглядъ, американцы, которые собираются прорыть Панамскій перешеекъ и обсуждаютъ вопросъ о проведеніи электрическаго телеграфа черезъ океанъ. А разъ соціальная революція совершится—да здравствуетъ новая литература!»

Это замѣчаніе, высказанное вскользъ, вдвойнѣ любопытно. Въ 1847 г. Турге-

невъ былъ увлеченъ, какъ и всѣ, начавшимся тогда промышленнымъ міровымъ подъемомъ, и сейчасъ же улавливаетъ связь его съ общими соціальными вопросами, до литературы включительно. Эта чуткость и пониманіе общественныхъ настроеній и сдѣлали его непревзойденнымъ изобразителемъ русской жизни, и тѣмъ страннѣе читать въ послѣсловіи издателя, г. Гальперина-Каменскаго, о вліяніи, какое оказала на Тургенева Жоржъ-Зандъ и другіе французскіе писатели, съ которыми онъ былъ въ близкихъ отношеніяхъ. Знакомство съ ними, конечно, не прошло безслѣдно, но доводить это вліяніе чуть ли не до позаимствованій у нихъ типовъ, какъ дѣлаетъ, напр., Вл. Каренинъ,—едва ли возможно.

Переписка съ Флоберомъ, Зола, Жоржъ Зандъ и другими писателями не имѣетъ и сотой доли того интереса, какъ съ Віардо. Относится она къ 70-мъ годамъ, когда Тургеневъ уже постарѣлъ, часто хворалъ, и касается больше разныхъ дѣловыхъ мелочей, интересныхъ только для корреспондентовъ. Для біографіи Тургенева она даетъ очень мало, а для характеристики его, какъ писателя и человѣка, почти что ничего. Попадаются изрѣдка интересныя мнѣнія о нѣкоторыхъ литературныхъ произведеніяхъ. Вотъ, напр., отзывъ Флобера о романѣ Толстого «Война и миръ». «Это перворазрядная вещь! Какой художникъ и какой психологъ! Два первые тома изумительны, но третій страшно катится подъ гору. Онъ повторяется и философствуетъ! Однимъ словомъ, здѣсь виденъ самъ авторъ и русскій, тогда какъ до тѣхъ поръ видны были только природа, человѣчество. Мнѣ кажется, что есть мѣста, достойныя Шекспира. Мнѣ случалось вскрикивать отъ восторга во время чтенія, а оно продолжительно». На это Тургеневъ отвѣчаетъ: «Вы не можете вообразить, какое удовольствіе доставило мнѣ ваше письмо и то, что вы говорите о романѣ Толстого. Ваше одобреніе укрѣпляетъ мое мнѣніе о немъ. Да, это очень могучій человѣкъ, а между тѣмъ вы замѣтили его больное мѣсто. Онъ создалъ себѣ философскую систему, въ одно и то же время мистическую, дѣтскую и высокомѣрную, которая чертовски испортила его второй романъ, написанный имъ послѣ «Войны и мира», но гдѣ находятся также въ полномъ смыслѣ первоклассныя вещи. Не знаю, что скажутъ г.г. критики, но для меня вопросъ рѣшенъ: Flaubertus dixit. Остальное не важно». О раннихъ шагахъ Толстого въ литературѣ есть краткое упоминаніе въ письмѣ къ Віардо изъ Россіи въ 1854 г., гдѣ, описывая свои знакомства въ Спасскомъ и окрестностяхъ, онъ въ числѣ другихъ называетъ и Толстого, «одного изъ лучшихъ нашихъ писателей, изъ ряду вонъ выходящій талантъ».

Г. Фаресовъ въ книгѣ своей «Въ одиночномъ заключеніи» приподнимаетъ завѣсу съ очень таинственной области, которая до сихъ поръ была глубоко скрыта отъ глазъ общества,—и въ этомъ мы видимъ большой шагъ впередъ. Благодѣтельная гласность, разъ проникнувъ въ эту глухую сферу человѣческихъ отношеній, и здѣсь проявитъ свою обычную силу. А область эта заслуживаетъ самаго глубокаго вниманія и изученія, какъ и все, гдѣ душа человѣка проявляется съ особою силою. Это область тюрьмы въ самомъ ея худшемъ видѣ—одиночное заключеніе съ его мучительными душевными страданіями, отъ которыхъ изныла не одна сильная личность. Человѣкъ не даромъ общественное животное, и выдѣленіе его изъ ряда ему подобныхъ въ особое одиночное существованіе, внѣ міра живущихъ съ ихъ разнообразными интересами, не можетъ не быть признаннымъ однимъ изъ тягчайшихъ видовъ наказанія. Тѣмъ болѣе должно быть оно тягостно, когда одиночное заключеніе является не наказаніемъ за вину, уже установленную судомъ, а въ видѣ лишь предварительной мѣры не столько для пресѣченія возможности побѣга, сколько съ цѣлью вынудить нужное признаніе.

Разсказъ г. Фаресова именно во всѣхъ этихъ отношеніяхъ крайне назидате-

ленъ. Автору въ началѣ 70-хъ годовъ пришлось испытать на себѣ всѣ виды и формы одиночнаго заключенія, практиковавшагося тогда въ Россіи, начиная съ камеры обычной губернской тюрьмы и до Петропавловской крѣпости включительно. Юношей двадцати лѣтъ вошелъ авторъ въ «секретную», а вышелъ оттуда черезъ четыре года. Времени было болѣе чѣмъ достаточно для практической оцѣнки одиночной системы, и потому его разсказъ получаетъ особую, такъ сказать, экспериментальную цѣну. Не только порядки, но духъ и смыслъ ихъ получаютъ въ его изложеніи полное освѣщеніе.

На первыхъ же шагахъ знакомство съ тюремными порядками для «секретнаго» было обставлено самымъ внушительнымъ, бьющимъ по нервамъ, образомъ. Прежде всего слѣдовала унизительнѣйшая процедура «тѣлеснаго обыска».

«Раздѣньтесь совсѣмъ!..»—махнулъ смотритель рукою сверху внизъ для большаго вразумленія. Я почти машинально снялъ съ себя сюртукъ, брюки и сапоги.—«Все, все долой!»—повторилъ онъ, указывая мнѣ на нижнее бѣлье. Я чувствовалъ, что со мной дѣлается дурно. Надзиратель и ключникъ быстро обнажили мое тѣло, помогая мнѣ снять послѣдніе покровы.—«Нагнитесь!»—командуетъ смотритель. Грубыя руки надзирателя ощупываютъ меня со всѣхъ сторонъ.—«Ничего?»—спрашиваетъ смотритель.—«Ничего не спрятано?»—Надзиратель вторично наклоняетъ меня и ничего не находитъ. Наконецъ, предлагаютъ мнѣ, блѣдному, какъ смерть, одѣться».

Таково первое знакомство, которое должно означать, что отнынѣ «секретный»—не отъ міра сего, есть вещь для экспериментовъ, а не живая личность. Грубо, просто, примитивно, и, пожалуй, даже хорошо. По крайней мѣрѣ, сразу пришибаетъ до безчувствія. Дальнѣйшія впечатлѣнія уже не такъ сильно отдаются въ душѣ, которой было бы трудно исподволь впитывать ихъ, переполняться и задыхаться. Оглушенный г. Фаресовъ прослѣдовалъ въ торжественномъ сопровожденіи тюремнаго начальства въ одиночную камеру.

«Я замѣтилъ, что посрединѣ дверей сдѣлана стеклянная форточка, освѣщенная снаружи тусклыми лучами лампочки.—Отпирай!—отрывисто приказалъ смотритель, становясь передъ однимъ изъ секретныхъ номеровъ.—Это будетъ вашимъ помѣщеніемъ,—прервалъ мои мысли смотритель, указывая рукой на отпертое темное пространство. — Одиночное заключеніе, — подсказалъ онъ, вторично приглашая войти. — Вотъ ваша кровать, столъ, образъ, — указалъ смотритель на чуть виднѣвшіеся предметы. — Когда вамъ будетъ надо что-нибудь, постучитесь въ дверь и скажите ключнику позвать меня. Я приду. За разговоръ со стражей подвергаетесь строгой отвѣтственности. Покойной ночи.—Я такъ былъ озадаченъ, что едва замѣтилъ въ потьмахъ протянутую руку. На допросахъ прокуроръ и жандармскій полковникъ, отправляя меня подъ конвоемъ въ тюрьму, также прощались по-свѣтски. Ключникъ привѣсилъ къ двери каземата большой замокъ, долго гремѣлъ и дергалъ его, чтобы провѣрить самого себя. Затѣмъ онъ весьма часто заглядывалъ ко мнѣ черезъ стекло форточки, точно поражаясь тѣмъ, что я все стою на одномъ мѣстѣ».

Эти первыя минуты, обыкновенно, по словамъ автора, самыя трудныя, и кто выдержалъ ихъ безъ особаго упадка духа, тотъ въ сущности—какъ солдатъ послѣ перваго сраженія. Дальнѣйшее уже не подавляетъ. Начинается неустанная работа человѣческаго духа, изворотливаго, неутомимаго и жадно стремящагося къ исканію выхода. Прежде всего, конечно, онъ стремится къ общенію съ себѣ подобными, т.-е. съ товарищами по заключенію. Рядъ комичныхъ и трагическихъ сценъ описываетъ авторъ по поводу этихъ безконечно-разнообразныхъ попытокъ. Тюрьма, куда попалъ на первыхъ порахъ авторъ, не была приспособлена къ заключенію «секретныхъ». Такъ, напр., уборку ихъ камеръ производили «хожалые» изъ уголовныхъ арестантовъ, подъ наблюденіемъ надзирателей. Не смотря на всѣ строгости, эти «хожалые» со-

вершенно безкорыстно помогали «секретнымъ», переносили записки и ловко, подъ носомъ надзирателей, передавали ихъ заключеннымъ, которые съ своей стороны не зѣвали, устраивая нѣчто въ родѣ спорта по части всякихъ ухищреній, какъ ловчѣе провести бдительность начальства. И въ огромномъ большинствѣ случаевъ имъ это удавалось. Главнымъ образомъ помогала имъ невыдержанность мелкаго служащаго люда и сочувствіе, какое они возбуждали въ уголовныхъ. Мелкій служилый народъ, на первыхъ порахъ даже щеголявшій своей нарочитой строгостью и дисциплиной, постепенно, незамѣтно для себя, смягчался и распускался. Общая русскому человѣку черта—невыдержанность сказалась очень скоро, и ее-то эксплуатировали заключенные чѣмъ только можно. Завелись даже пріятельскія отношенія, и сами надзиратели предупреждали «секретныхъ» въ случаѣ внезапныхъ обысковъ въ камерахъ. Отчасти ихъ интересъ заключался въ томъ, чтобы въ камерахъ секретныхъ не было ни чернилъ, ни карандашей, ни острыхъ орудій. Отчасти толкало ихъ къ сближенію съ заключенными постоянное пребываніе вмѣстѣ, привычка и полное непониманіе, за что сидятъ въ такомъ строгомъ заключеніи эти десятки молодыхъ мужчинъ и женщинъ, такихъ съ виду простыхъ, ласковыхъ и безобидныхъ. Уголовныхъ арестантовъ побуждало молодечество—ловко провести за носъ надзирателя, надуть смотрителя и пронести секретному записку. Можетъ быть, думаетъ авторъ, описывая одного особенно усерднаго уголовнаго, «къ этому побуждало его то обстоятельство, что съ нимъ, обездоленнымъ воромъ и мошенникомъ, терпятъ одинаковую участь и молодые люди, не совершавшіе ни воровства, ни душегубства. Многіе изъ насъ обязаны ему чувствомъ радости, испытаннымъ при полученіи черезъ него писемъ отъ дорогихъ лицъ. Правосудіе же едва ли пострадало отъ того, что кто-нибудь изъ насъ годомъ раньше увидѣлъ Божій свѣтъ». Главныя, однако, сношенія, неутомимыя и постоянныя, велись при помощи перестукиванія, что приводило начальство въ полное отчаяніе, такъ какъ оно оказывалось совершенно безсильнымъ помѣшать секретнымъ не только узнавать, кто сидитъ рядомъ, но и сговариваться относительно дачи показаній на слѣдствіи. Какъ только наступалъ вечеръ и тюрьма затихала, начиналась бесѣда во всемъ отдѣленіи заключенныхъ въ «секретныхъ» камерахъ. Стучали по извѣстной азбукѣ, въ которой каждая буква носила опредѣленную цифру. Постукивая извѣстнымъ образомъ данное число, заключенные вели очень живые переговоры, а долгая практика ввела рядъ усовершенствованій, въ видѣ сокращеній и даже шифра, для избѣжанія подслушиваній. Авторъ такимъ способомъ даже влюбился въ свою сосѣдку, съ которой они вели безконечные ночные разговоры, и былъ очень огорченъ, когда при случайномъ свиданіи увидѣлъ не ту, кого ожидалъ.

Губернская тюрьма съ ея довольно примитивными порядками была первымъ этапомъ для автора въ его странствіяхъ по одиночнымъ заключеніямъ. Изъ Поволжья его перевезли для дальнѣйшаго слѣдствія въ Москву, гдѣ ему пришлось провести долгіе дни въ Пугачевской башнѣ Московской пересыльной тюрьмы. Здѣсь порядки оказались далеко хуже. Башня была уединена отъ остальной тюрьмы, и стража была особая. Четверо вооруженныхъ солдатъ и унтеръ-офицеръ составляли постоянное начальство, съ которымъ пришлось имѣть дѣло. Самая обстановка была хуже, главное—грязнѣе. Разсказъ автора объ этой нечистотѣ можетъ смутить всякаго.

«До сихъ поръ у меня не изгладилась изъ памяти моя треугольная камера. У дверей она была сужена, а у наружной, болѣе широкой стѣны стояла койка съ соломеннымъ тюфякомъ. Маленькое окно помѣщалось около потолка, значительно выше моего роста, и свѣтъ изъ окна падалъ только въ противоположную сторону каземата, вырываясь черезъ форточку двери, на темный полъ корридора. Такимъ образомъ, только около двери можно

было читать книгу, поднявъ ее нѣсколько кверху, и окончательно испортить глаза по истеченіи нѣсколькихъ мѣсяцевъ. Размѣръ комнаты не превышалъ трехъ-четырехъ шаговъ и разминаніе себѣ ногъ отъ долгаго сидѣнія приходилось почти на одномъ мѣстѣ. Я невольно вспомнилъ одного бастильскаго узника, начертавшаго на дверяхъ своего каземата слѣдующія слова: «двойныя рѣшетки съ большими гвоздями, тройныя двери съ крѣпкими задвижками,—вы кажетесь адомъ однимъ преступникамъ; для невинныхъ людей вы только дерево, камень и желѣзо». Размышляя въ этомъ направленіи о новомъ своемъ помѣщеніи, я нагнулся къ кровати, чтобы убрать съ нея полушубокъ, и нечаянно обратилъ вниманіе на бѣлыя точки, покрывавшія его черный верхъ. Сыплется известь съ потолка, подумалъ, и вдругъ мнѣ показалось, что бѣлыя точки двигаются.—Неужели? — воскликнулъ я..—Паразиты! Быть не можетъ... такъ много.—Весь тюфякъ съ перемятой отъ ветхости соломой былъ покрытъ насѣкомыми, уже успѣвшими забраться на мой полушубокъ. Я позвалъ унтеръ-офицера.—Нигдѣ такой грязи нѣтъ,—произнесъ тотъ,—вездѣ чище, а въ этомъ номерѣ и каторжники жалуются. Клопъ въ стѣнахъ, а другая дрянь въ постеляхъ...—При огнѣ мой номеръ оказался еще болѣе омерзительнымъ. Его стѣны были нѣсколько лѣтъ не крашены и измазаны нечистотами бывшихъ здѣсь ранѣе уголовныхъ арестантовъ».

Когда автора увозили и на его мѣсто въ ту же камеру имѣли въ виду посадить «секретную» дѣвушку, онъ указалъ смотрителю на эту грязь и безчисленныхъ насѣкомыхъ и заявилъ, что въ этомъ номерѣ даже сильный мужчина теряетъ силы, что въ стѣнахъ и кровати насѣкомыя, ему пришлось услышать въ отвѣтъ. «И чудесно!—весело воскликнулъ смотритель.—Я бы иголокъ насыпалъ туда!» — Зачѣмъ эта суровость?» — «А мы въ этомъ присягу принимали», отвѣтилъ онъ безъ смущенія». Авторъ называетъ этого смотрителя «дореформеннымъ тюремщикомъ». Хотѣлось бы думать, что онъ правъ, и что описанная имъ Пугачевская башня тоже отошла въ область преданій вмѣстѣ съ дореформенными тюремщиками. Невыносимо думать, что въ центрѣ Россіи даже въ наше время были бы возможны такія мѣста заключенія, гдѣ людей заживо съѣдаютъ насѣкомыя и сильные люди превращаются въ живыхъ мертвецовъ, какъ это случилось съ авторомъ.

Это заключеніе въ Пугачевской башнѣ оказалось для него самымъ тяжелымъ. Незамѣтно для себя онъ началъ терять сознаніе окружающей жизни, началъ впадать въ полузабытье и потерялъ интересъ даже къ своей судьбѣ. «Меня уже не тянуло стучать въ стѣну, говорить свѣтлой кружкой или тѣнями на свѣтломъ фонѣ, и я былъ радъ, когда меня никто не вызывалъ сигналами на бесѣду. Я даже иногда притворялся спящимъ, когда слышалъ, что условными ударами въ стѣну мой товарищъ зоветъ меня... На пятиминутную прогулку по тюремному дворику я выходилъ, едва передвигая ноги, и скоро совсѣмъ отказался выходить изъ комнаты. Было какое-то странное удовольствіе наблюдать за собой и замѣчать, какъ гаснутъ и покидаютъ меня силы».

И долго, очень долго тянулось это однообразное сидѣніе. Немногіе его выдерживали съ подобающей твердостью и какой угодно цѣной пытались вырваться изъ удручающей физически и нравственно обстановки. Такой выходъ предлагался и автору въ видѣ откровеннаго показанія, что соблазняло многихъ. Но авторъ весьма убѣдительно доказываетъ, насколько попытки этихъ подавленныхъ и растерявшихся несчастныхъ были неудачны. «Тяжело мнѣ было видѣть ихъ совершенно растерянными на допросахъ... Теперь я могу уже безъ гнѣва вспоминать всю картину ихъ растерянности. Сначала юноша думаетъ обмануть прокурорскій надзоръ искренностью своихъ показаній и подтверждаетъ цѣлый рядъ фактовъ, уже раскрытыхъ слѣдствіемъ ранѣе его. — «Все это намъ извѣстно, — презрительно обрываютъ его. — Вы ничего но-

ваго не сообщаете. Если хотите быть выпущеннымъ на поруки, то будьте искреннѣе и откройте намъ новыя обстоятельства дѣла».—Блѣдный и трепещущій юноша превращается въ беллетриста-инсинуатора. Онъ пока еще уклоняется отъ политической откровенности и маскируетъ свое запирательство грязной клеветой на товарищей; онъ роетъ пропасть между собою и ими, чтобы свидѣтельствовать грязными фактами свою съ ними несолидарность. Если вамъ приходилось брать у него на сутки-другіе нѣсколько рублей или, по собственному желанію, онъ оказалъ денежную помощь вашему предпріятію и укрылъ у себя на недѣлю скомпрометированное лицо, этого достаточно, чтобы онъ оговорилъ васъ въ коммунизмѣ или въ вымогательствѣ на свои собственныя нужды денегъ подъ угрозой насилія. Частыя посѣщенія вами его семейства онъ не постѣснится объяснить любовнымъ волокитствомъ за его сестрой и т. д. Росказни его съ удовольствіемъ выслушиваютъ, но ставятъ на видъ частный и голословный ихъ характеръ, ничѣмъ не подтвержденный.—«Васъ не выпустятъ, если вы укрываете факты... Это все слова, что вы говорите».—Плохо кормленный въ тюрьмѣ юнецъ, лишенный солнца и истомленный неизвѣстностью, начинаетъ тогда уже и себя не жалѣть, ссылаясь на молодость, легкомысліе и увлеченіе любовью къ арестованной дѣвушкѣ, но ему опять напоминаютъ о полномъ раскаяніи. — «Вашъ соучастникъ во всемъ сознался. На вашемъ мѣстѣ вполнѣ будетъ честно отплатить ему тѣмъ же; а другой бѣжалъ за границу, и вы напрасно боитесь его скомпрометировать. Теперь вамъ надо думать о себѣ и полномъ своемъ раскаяніи». Несчастный хватается за удобный предлогъ и убаюкиваетъ свою совѣсть вымыслами о подлости одного и бѣгствѣ другого. Онъ даетъ прокурору пространное показаніе и расказываетъ все, что зналъ изъ личной и общественной жизни своихъ товарищей. Но и это не помогло его освобожденію, а еще болѣе онъ сталъ нуженъ для суда, какъ живая улика противъ всѣхъ. Ему осталось приняться за политическіе вымыслы. Онъ впутываетъ наугадъ новыхъ лицъ и окончательно теряется. Онъ прислушивается къ стуку своихъ сосѣдей, вглядывается черезъ щель форточки въ ихъ наружность и одежду, дѣлаетъ свои выводы изъ подслушанныхъ разговоровъ и просится на допросъ къ прокурору. И это не помогло! Доносы не подтвердились! Въ отчаяніи многіе кончили жизнь самоубійствомъ, но и передъ смертью лгали, мотивируя свое поведеніе привитымъ имъ «іезуитизмомъ», или храбро заявляя, что они разочаровались въ старыхъ путяхъ и считаютъ теперь для новой программы весьма полезнымъ уничтожить прежнихъ своихъ вожаковъ и сторонниковъ. Были, впрочемъ, и такіе среди нихъ, которые горько каялись за свою ложь и, получивъ прощеніе отъ товарищей, сходили потомъ съ ума». Такимъ образомъ, было имъ «второе горше перваго»: къ мукамъ одиночнаго заключенія присоединялись мученія раздраженной совѣсти, безпокойной и неумолимой.

Въ концѣ концовъ авторъ съ честью вышелъ изъ испытанія. Сколько ни бились съ нимъ, сколько ни истощила его Пугачевская башня, онъ не поддался и его перевели въ Петербургъ, въ домъ предварительнаго заключенія, только что тогда построенный и гостепріимно открывшій свои двери многочисленнымъ товарищамъ автора, которыхъ свозили сюда со всей Россіи. Постройка этого дома въ свое время,—говоритъ онъ,—привѣтствовалась учеными криминалистами, какъ торжество гуманности и послѣднее слово тюрьмовѣдѣнія. И дѣйствительно, послѣ Пугачевской башни автору показалось, что онъ попалъ если не въ рай, то все же въ мѣсто очень пріятное, даже очаровательное. «Все здѣсь блестѣло: полъ, натертый воскомъ; чисто, просторно; администрація изъ чиновниковъ, а не солдатъ; ванна есть, обѣдъ и ужинъ, книги»... Одолѣвала только тоска отъ пустоты и тишины, и полное отсутствіе дерева. «Хорошо, но только пусто въ камерѣ. Даже откидная кровать привинчена къ стѣнѣ. Столъ и стулъ представляли изъ себя простыя желѣзныя досчечки, безъ но-

жекъ, просто откидываемыя отъ стѣны на крючекъ... Но я понялъ причину тоски только тогда, когда замѣтилъ совершенное отсутствіе въ зданіи дерева. Деревяннаго пола, деревянной кровати, деревяннаго стула не было, и я страдалъ безъ нихъ». Поражала также формальность во всѣхъ отношеніяхъ, абсолютная тишина и молчаніе, которое считалось вѣнцомъ одиночнаго заключенія по новой системѣ. «Но,—заключаетъ авторъ не безъ насмѣшки,—криминалисты поторопились привѣтствовать торжество послѣдняго слова уголовнаго права въ нашей «Предварилкѣ». Человѣческое слово проникло и сюда черезъ желѣзо и камень». И даже напротивъ, именно желѣзо и камень послужили превосходными путями для передачи словъ. Заключенные, помимо обычнаго способа—перестукиванія черезъ стѣну, изобрѣли остроумный способъ разговаривать при помощи газовыхъ трубъ и трубъ, служившихъ для спуска воды. Такія трубы, проходя по стѣнѣ черезъ всѣ шесть этажей, соединяли по десяти камеръ, заключенные которыхъ могли свободно вести разговоры между собой. Образовались «клубы», гдѣ заключенные вдоль одной стѣны вели по ночамъ оживленныя бесѣды, составляли планы общихъ показаній и формулировали требованія, предъявляемыя потомъ начальству. Ученые криминалисты были побѣждены на всѣхъ пунктахъ, а за чистоту и сравнительно гуманныя отношенія къ заключеннымъ въ «Предварилкѣ» авторъ не разъ поминаетъ ихъ добрымъ словомъ.

Послѣ пройденныхъ мытарствъ на автора не произвела особаго впечатлѣнія и Петропавловская крѣпость, гдѣ заключеніе было болѣе строго обставлено, но ни въ чемъ существенномъ не отличалось отъ прежняго. Только однообразіе режима усугубляло тяжесть заключенія. «Я впалъ въ мрачный трансъ... Сѣрыя фигуры сторожей вытѣснили изъ моихъ представленій маленькій запасъ впечатлѣній за послѣднее время, и опять весь міръ сталъ мнѣ казаться состоящимъ изъ солдатъ. Изо-дня въ день раздавался въ моихъ ушахъ звукъ ихъ сабель; виднѣлись въ форточкѣ ихъ подстерегающіе глаза и негодующіе угрозы пожаловаться коменданту на то, что мы переговариваемся или играемъ каждый у себя на столѣ въ шахматы тѣмъ же стукомъ пяткой ноги въ асфальтовый полъ. Кромѣ сѣрыхъ фигуръ солдатъ, я около года не видалъ въ «Петропавловкѣ» ни одного штатскаго и свободнаго человѣка. Я чувствовалъ, что сживаюсь съ ними, и что они сами перестаютъ начальствовать надъ нами, дѣлаясь проще и ближе къ намъ... Время, проведенное внѣ общества, уже наложило на меня свой слѣдъ. Изъ стройнаго и высокаго молодого человѣка я превратился въ арестанта изъ одиночнаго заключенія: вытянутая шея, шатающаяся и развинченная походка слабыхъ ногъ, лицо съ безстрастнымъ взглядомъ. Мнѣ опять, какъ и въ Пугачевской башнѣ, не доставало впечатлѣній, и я становился равнодушнѣе день-ото-дня и къ книгамъ, и къ прогулкамъ, и къ перестукиванію съ товарищами, и даже къ новостямъ о свободѣ, къ которой такъ жадно прислушиваются одично-заключенные».

Четырехлѣтнее одиночное заключеніе окончилось осужденіемъ въ Сибирь, но по ходатайству суда предварительный арестъ былъ вмѣненъ въ наказаніе, и авторъ былъ освобожденъ, хоть вскорѣ ему пришлось, во избѣжаніе новаго ареста, бѣжать, вести нелегальное существованіе, затѣмъ эмигрировать, пока при гр. Лорисъ-Меликовѣ ему не удалось получить прощеніе и снова вернуться въ ряды общества. Оглядываясь на свое прошлое, авторъ заканчиваетъ свою глубоко интересную книгу знаменательными словами: «Вступая въ общество подъ собственнымъ именемъ, уже совершенно взрослымъ человѣкомъ, я, тѣмъ не менѣе плохо зналъ Россію и жизнь. Мнѣ приходилось начинать послѣднюю съ того момента, когда я впервые былъ арестованъ и на долгіе годы оторванъ отъ живой дѣйствительности тюрьмами и нелегальностью. Неудивительно, что послѣдующая жизнь была исполнена невѣдѣнія и ошибокъ! Но міръ отвлеченныхъ идеаловъ и страданій за нихъ давалъ настроеніе, въ которомъ не ужи-

вались корысть, злоба и прислужничество... Вотъ почему этому міру отвлеченныхъ идеаловъ и любви къ благородству поступковъ въ человѣческой исторіи я обязанъ и лучшими чувствами во мнѣ, и до нѣкоторой степени отпущеніемъ грѣховъ, выпавшихъ на мою долю въ такомъ изобиліи...»

Благо тому, кто можетъ сказать про себя, что выдержалъ всѣ описанныя авторомъ испытанія и остался вѣренъ «міру отвлеченныхъ идеаловъ». Пусть даже онъ ошибался и принималъ миражи за дѣйствительность,—нѣтъ выше удовлетворенія, какъ сознаніе чистоты своихъ стремленій, хотя бы за нихъ и пришлось расплачиваться годами тяжелыхъ мученій и ошибками въ послѣдующей жизни. Все равно, кто разъ побывалъ на высотѣ, не оступится и не потонетъ въ житейской грязи...

Какой же выводъ дѣлаетъ авторъ о всей системѣ одиночнаго заключенія? По его словамъ, оно не достигало тѣхъ цѣлей, ради которыхъ было обставлено такими мучительными условіями. «Оно,—говоритъ онъ,—фанатизировало насъ и дѣлало мученикомъ изъ слабыхъ и ничтожныхъ людей, какими потомъ большинство изъ насъ стали на волѣ. Но, живя подъ колпакомъ, мы не могли провѣрить собственныхъ силъ такъ же, какъ и до тюрьмы въ отвлеченныхъ спорахъ объ отдаленномъ будущемъ и въ пѣсняхъ о томъ, что своею грудью мы согрѣемъ грудь народа... Одиночное заключеніе, разумѣется, не могло указать намъ живого и плодотворнаго дѣла, къ которому мы были бы пригодны въ Россіи. Въ тюрьмахъ мы еще болѣе спѣлись между собою, и чѣмъ заключеніе было продолжительнѣе, тѣмъ наши вымыслы о жизни и собственныхъ силъ становились отвлеченнѣе». Такимъ образомъ, людей выносливыхъ и сильныхъ «одиночки» дѣлали еще стойче и упорнѣе, слабыхъ доводили до окончательнаго паденія, и въ результатѣ не получалось ничего, кромѣ ненужныхъ страданій. «Не имѣя какого-либо тенденціознаго характера и рисуя только съ фактической стороны одиночное заключеніе, эти воспоминанія могутъ все-таки убѣдить тюрьмовѣдовъ, что страданія лишь тогда облагораживаютъ человѣка и не безполезны для него, когда тюрьма не портитъ его характера, не разрушаетъ его совѣсти и не лишаетъ средствъ къ размышленію».

Въ заключеніе нашихъ замѣтокъ намъ хотѣлось бы обратить вниманіе читателей на интересную въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ книгу г. Ев. Маркова «Грѣхи и нужды нашей средней школы». Книга любопытна не потому, чтобы мысли г. Маркова были новы или отличались особой глубиной. Нѣтъ, но авторъ вѣрно отмѣчаетъ наболѣвшія мѣста злополучной средней школы, ярко иллюстрируетъ ихъ однимъ примѣромъ изъ прошлаго и ставитъ вопросъ о реформѣ на надлежащую почву. А что многое въ этой школѣ дѣйствительно наболѣло, дѣйствительно, какъ открытая рана, при малѣйшемъ прикосновеніи заставляетъ мучиться и учениковъ, и родителей, и педагоговъ,—показываетъ то обострившееся до крайности вниманіе, съ какимъ встрѣчается каждый циркуляръ по учебному вѣдомству, каждое временное распоряженіе, каждый слухъ, подхватываемый на лету и дебатируемый въ печати и обществѣ съ усердіемъ, достойнымъ лучшей участи.

Г. Марковъ выступаетъ горячимъ поборникомъ прежде всего бо̀льшей свободы въ дѣлѣ воспитанія, бо̀льшей инициативѣ и бо̀льшаго уваженія къ личности. Регламентація, тиски программы и централизація системы воспитанія по одному шаблону, по одному трафарету для всѣхъ,—вотъ что мертвитъ современную школу, сковываетъ лучшія намѣренія и начинанія и не даетъ имъ развитія въ желательномъ для общества направленіи. Ничто не поддается такъ легко доброму вліянію и нравственному руководству, какъ наше юношество, и если за послѣдніе годы мы видимъ, что воспитанники настроены враждебно къ школѣ и ея руководителямъ, то въ этомъ виновата только система учебно-

воспитательнаго дѣла, устранившая постепенно живые, благожелательные элементы изъ педагогическаго міра и замѣнившая ихъ формализмомъ. «Причину этого нужно искать,—говоритъ г. Марковъ,—въ томъ омертвѣніи внутренней жизни этихъ заведеній, въ этомъ уничтоженіи всякой воспитательной самостоятельности ихъ, которыя явились роковымъ послѣдствіемъ строгой канцелярской централизаціи учебнаго дѣла. Система недовѣрія къ учителю, къ ученику, къ главнымъ руководителямъ учебнаго заведенія, къ обществу, къ самимъ родителямъ, вызванная, можетъ быть, историческими обстоятельствами,—мертвою рукою легла на наше воспитательное дѣло и обратила его въ механическое отправленіе служебной обязанности, подобно всякому другому чиновническому «присутственному мѣсту». Въ указанномъ часу всѣ приходили въ классы; до указаннаго часа по указанной книгѣ проходили указанное число страницъ, отвѣчали на экзаменахъ на указанные высшимъ начальствомъ вопросы, и даже за проступки должны были нести то наказаніе, которое было заранѣе предназначено въ утвержденной разъ навсегда и для всѣхъ таблицѣ наказаній. Все было до того предусмотрѣно и предустановлено заранѣе чиновничьею инстанціей, живущею за тридевять земель, что какой-нибудь Эдиссонъ могъ бы, кажется, изобрѣсти машинку, вполнѣ способную замѣнить эти прямолинейные распорядки учебнаго начальства».

Въ результатѣ явилось глубокое равнодушіе воспитателей къ своему дѣлу и враждебно-отрицательное отношеніе къ школѣ со стороны общества, родителей и дѣтей. Какимъ образомъ можно бы измѣнить такія ненормальныя отношенія, авторъ показываетъ на примѣрѣ изъ своей прошлой практики.

«Мнѣ посчастливилось, — разсказываетъ онъ,—въ ранней молодости быть дѣятельнымъ членомъ очень своеобразнаго педагогическаго улья, о которомъ когда-то довольно много говорилось и писалось, о которомъ, конечно, теперь совершенно забыли, но о которомъ особенно кстати вспомнить именно теперь, какъ о противоположномъ полюсѣ нашихъ современныхъ учебныхъ заведеній. Я говорю о тульской гимназіи конца 50-хъ и начала 60-хъ годовъ.»

Гимназія была до того времени въ такомъ же печальномъ запущеніи, какъ и всѣ другія учебныя заведенія. Но вотъ ей посчастливилось найти въ лицѣ молодого директора Гаярина умнаго, преданнаго и понимающаго дѣло педагога. Тогдашній попечитель Исаковъ не только не стѣснялъ личную иниціативу, но поощрялъ ее и охотно шелъ на встрѣчу всякимъ смѣлымъ опытамъ, если человѣкъ внушалъ ему довѣріе. Гаяринъ, опытный педагогъ, прежде всего собралъ дружную, молодую и талантливую группу учителей, которые подъ его руководствомъ съ жаромъ принялись за трудную и отвѣтственную дѣятельность. «Благодаря полному довѣрію попечителя округа и замѣчательному дару Гаярина подчинять людей своему образу мыслей, тульская гимназія безъ всякихъ формальностей мало-по-малу отступила отъ оффиціальныхъ программъ преподаванія и воспитанія и превратилась, такъ сказать, въ дѣятельную педагогическую лабораторію, гдѣ испробовались и примѣнялись разныя педагогическія системы и методы». Эти пробы не мѣшали стройному ходу дѣла, такъ какъ всѣ они заранѣе много и долго обсуждались вполнѣ свободно и примѣнялись на дѣлѣ съ любовью къ дѣлу и горячимъ рвеніемъ. Измѣнились отношенія къ дѣтямъ, которыя, къ изумленію родителей, шли въ гимназію не со страхомъ и уныніемъ, какъ прежде, а съ радостнымъ чувствомъ, какъ въ свой домъ, гдѣ они дѣлали свое занимательное, увлекающее ихъ дѣло. Ученіе перемежалось развлеченіями, учителя и въ томъ, и въ другомъ являлись не властью, предъ которой должно только трепетать, а старшими, опытными товарищами, которые уже тѣмъ самымъ становились руководителями и наставниками. «Старшій, болѣе его знающій и болѣе его опытный человѣкъ, всегда къ нему справедливый и участливый, не забывающій его молодой потребности

въ радостномъ отдыхѣ, въ его сердечныхъ отношеніяхъ, можетъ съ полной увѣренностью относиться строго и къ его дурнымъ поступкамъ, къ его лѣни и шалостямъ, и плодотворно вліяетъ на его нравственныя влеченія. Безъ этой же душевной близости воспитателя къ дѣтямъ, всѣ его нравоученія и взысканія будутъ сродни тому вліянію, которое оказываетъ тюремный смотритель на своихъ арестантовъ».

И дѣлалось все это отнюдь не въ ущербъ учебной части, которая была поставлена такъ высоко, что интересовавшіеся этой гимназіей поражались знаніемъ учениковъ, ихъ развитіемъ и любознательностью. Правда, учебная часть подверглась огромнымъ измѣненіямъ. «Латынь была урѣзана до-нельзя и сведена почти на необязательный предметъ, къ большому огорченію нашего латиниста; въ маленькихъ классахъ ея вовсе не было, а въ большихъ—читались большею частью классическіе авторы. Зато русскій языкъ, исторія, географія, физика, естественная исторія, новые языки получили сильное расширеніе; математика оставалась безъ ослабленія; по физикѣ и естественнымъ наукамъ пріобрѣтались всякаго рода наглядныя пособія и инструменты, все объяснялось демонстративно и при дѣятельномъ участіи всего класса, такъ что ученики увлекались этими предметами болѣе всего. Въ двухъ старшихъ классахъ по русскому языку, исторіи, географіи дѣлался уже переходъ къ университетскому преподаванію. Читались и объяснялись очень серьезные авторы; выбирались болѣе крупныя историческія эпохи и обрабатывались по новѣйшимъ источникамъ гораздо подробнѣе и интереснѣе, чѣмъ помѣщалось въ учебникахъ». Словомъ, научная сторона преподаванія была такъ поставлена, что на долго и на много опередила свое время.

Понятно, такіе блестящіе результаты обратили на Тульскую гимназію общее вниманіе. Изъ разныхъ округовъ пріѣзжали учителя и директора для ближайшаго ознакомленія съ ходами дѣла въ ней, о ней писали статьи и горячо обсуждали ея методы. Конечно, замѣчаетъ авторъ, не все шло гладко, были промахи и ошибки, но «за одно можно было ручаться,—что въ нашей гимназіи любили дѣтей, старались о дѣтяхъ, не жалѣли себя для нихъ; любили за это и дѣти гимназію и ея дѣятелей».

Какъ и можно было ожидать, эта педагогическая идиллія не долго просуществовала. Съ перемѣной попечителя измѣнилось и отношеніе къ ней. Гаяринъ ушелъ изъ гимназіи, правда съ повышеніемъ по службѣ, а вслѣдъ за нимъ разбрелись и остальные его сподвижники, и гимназія вскорѣ была введена въ общій уровень со всѣми другими средними заведеніями. Но и въ краткій періодъ своего существованія она оказала благотворное вліяніе не только на дѣтей, но и на окружающее общество. Она создала и женскую гимназію по своему образцу и подобію, вызвала одушевленіе въ окружающихъ и стала центромъ разныхъ культурныхъ начинаній, какими такъ богата эпоха возрожденія русской жизни.

Возможенъ ли подобный типъ воспитательно-учебнаго заведенія теперь? Мы думаемъ, что какъ частный опытъ онъ вполнѣ мыслимъ, и теперь уже можно указать на попытки въ этомъ родѣ, болѣе или менѣе удачныя. Но какъ общій типъ, конечно, такая гимназія не возможна, такъ какъ ни людей для нея не найдется, ни средствъ Да и самая постановка дѣла въ ней слишкомъ рѣзко разошлась бы съ общими условіями жизни. Этотъ живой примѣръ изъ прошлаго показываетъ только, что значитъ свободная иниціатива, живое, полное любви отношеніе къ дѣлу и отсутствіе стѣснительныхъ, все регламентирующихъ правилъ.

Насколько вѣрно отмѣтилъ авторъ грѣхи нашей школы, настолько же страннымъ представляется намъ его отношеніе къ книгѣ вообще. Когда г. Марковъ говоритъ, что современная школа «забиваетъ голову обрывками

знаній», притупляетъ ученика «книжнымъ изморомъ», не давая ему ничего живого, цѣликомъ отрѣшая его отъ жизни, то онъ, безъ сомнѣнія, правъ. Но когда онъ обрушивается на книгу вообще, то онъ, что называется, слишкомъ перегибаетъ палку въ другую сторону. «Для подвига, для великаго дѣла, нужны великіе характеры, страстная вѣра, любовь къ людямъ, а характеры создаются жизнью, а не книгою, точно также, какъ любовь и вѣра родятся изъ живого общенія съ людьми, а не изъ чернильныхъ строкъ», говоритъ онъ. Совершенно вѣрно, но если всѣхъ этихъ важныхъ качествъ мы не замѣчаемъ теперь въ ученикахъ нашихъ среднихъ школъ, то тутъ меньше всего виновата книга. Г-ну Маркову, должно быть, неизвѣстно, что именно отъ книги и ея «тлетворнаго вліянія» всячески ограждался этотъ ученикъ, что для него воспрещены всѣ библіотеки, кромѣ ученической, всѣ книги, кромѣ узкаго круга спеціально одобренныхъ. Скорѣе малое знакомство съ книгой, обнаруживаемое среднимъ ученикомъ, — исключенія были и есть всегда,—повинно въ извѣстной мѣрѣ и въ пониженіи духовнаго уровня воспитанниковъ, на что справедливо сѣтуетъ г. Марковъ.

Наши замѣтки о романѣ «Знаменіе времени» вызвали статью г. Михайловскаго, напечатанную въ сентябрьской книгѣ «Рус. Богатства». Какъ помнятъ читатели, мы высказали мнѣніе, что крайне слабый по достоинствамъ романъ г. Мордовцева явился въ свое время отраженіемъ настроенія и взглядовъ передовой части общества. Г.-же Михайловскій обвиняетъ насъ въ измѣнѣ лучшимъ завѣтамъ прошлаго, въ оплеваніи эпохи великихъ реформъ, въ «зашеніи» ея выдающихся писателей и пр. Мы не находимъ нужнымъ возражать по существу на такого сорта обвиненія и не желаемъ вести полемику, лучше сказать—перебранку, такого тона. Наше отношеніе къ эпохѣ великихъ реформъ и ея славнымъ дѣятелямъ хорошо извѣстно какъ нашимъ читателямъ, такъ и самому г-ну Михайловскому. Для чего понадобилось ему сдѣлать по нашему адресу эту выходку, мы, признаться, не понимаемъ. Можемъ объяснить ее развѣ тѣмъ, что за послѣднее время г. Михайловскій привыкъ всѣхъ несогласно съ нимъ мыслящихъ обвинять въ измѣнѣ. Конечно, это самый легкій способъ полемики, сомнѣваемся только, можно ли считать его достойнымъ г. Михайловскаго. Во всякомъ случаѣ въ этомъ нельзя не видѣть своего рода «знаменія», и очень печальнаго для г. Михайловскаго.

А. Б.

ОПЕЧАТКА.

Въ статьѣ «Владиміръ Соловьевъ» въ сентябрьской книжкѣ вкралась слѣдующая опечатка:

Стран.	*Стр.*:	*Напечатано*:	*Слѣдуетъ читать*:
13	7 сверху	цѣльное метафизическое	цѣльное философское.

РАЗНЫЯ РАЗНОСТИ.

На родинѣ.

Изъ Благовѣщенска. Корреспондентъ «Сѣв. Кур.» сообщаетъ слѣдующія свѣдѣнія о началѣ столкновеній съ китайцами въ Благовѣщенскѣ. 29 іюня изъ Благовѣщенска были отправлены всѣ войска, собравшіяся сюда по случаю мобилизаціи. Отправлялись они въ Хабаровскъ. Проводы были торжественные— съ музыкой и пальбой. Ѣхали войска на нѣсколькихъ пароходахъ съ баржами. Въ Благовѣщенскѣ осталось нѣсколько сотенъ казаковъ и часть артиллеріи.

Торжественные проводы войскъ обратили вниманіе сахалинскихъ китайцевъ. Въ Благовѣщенскѣ нѣкоторые манджуры тоже обезпокоились: нѣкоторые изъ нихъ прекратили торговлю и уѣхали въ Сахалинъ. Большинство, впрочемъ, осталось въ Благовѣщенскѣ и вело себя спокойно: ихъ успокаивало расклеенное всюду печатное объявленіе губернатора о ихъ безопасности въ русскихъ владѣніяхъ. Объявленіе это было вызвано нѣкоторыми насильственными дѣйствіями противъ мирныхъ благовѣщенскихъ мандчжуръ и китайцевъ со стороны горожанъ и въ особенности запасныхъ.

1 іюля къ вечеру въ Благовѣщенскъ пришелъ небольшой пароходъ, занимавшійся перевозкой инженеровъ. Пароходикъ въ Айгунѣ былъ встрѣченъ пушечными выстрѣлами и былъ ими сильно попорченъ. При этомъ одинъ матросъ былъ убитъ, нѣсколько человѣкъ ранено, въ томъ числѣ пограничный комиссаръ. Это произвело сильное впечатлѣніе на благовѣщенцевъ и вызвало нѣсколько военныхъ распоряженій.

На слѣдующій день, 2 іюля, губернаторъ области, съ отрядомъ казаковъ и артиллеріей, оставшейся въ городѣ, отправился къ Айгуну, чтобы обезопасить путь для пароходовъ. Въ тотъ же день въ Благовѣщенскъ пришло нѣсколько сотъ запасныхъ. Они стали купаться въ Амурѣ и, такъ какъ было мелко, зашли на середину рѣки. Видя это, китайцы въ Сахалинѣ подумали, что солдаты идутъ черезъ рѣку аттаковать Сахалинъ, и начали стрѣлять въ нихъ. Солдаты бросились въ казармы. Китайцы продолжали стрѣлять, направляя выстрѣлы въ толпу гуляющихъ по набережной. Въ городѣ распространился слухъ, что китайцы собрались въ эту ночь сдѣлать нападеніе на Благовѣщенскъ, и лишь купаніе казаковъ заставило ихъ ускорить этотъ рѣшительный шагъ. Въ то же время говорили, что оставшіеся въ Благовѣщенскѣ китайцы и манджуры намѣревались примкнуть къ нападавшимъ. У нѣкоторыхъ изъ нихъ нашли будто бы запасы оружія, пороху и динамиту. Сколько было правды въ этихъ слухахъ, сказать трудно.

Въ тотъ же день, когда началась пальба (2 іюля), всѣ живущіе въ городѣ китайцы и мандчжуры вынуждены были немедленно оставить Благовѣщенскъ и уйти на китайскій берегъ. Такъ какъ лодокъ у Благовѣщенска не было, китайцы стали переходить Амуръ въ бродъ и ихъ нѣсколько сотъ человѣкъ по-

тонуло. Отъ труповъ ихъ, мѣстами сплошь покрывавшихъ рѣку, вода въ ней испортилась, и ее запретили было брать. Пользовались колодезной водой, платя за нее большія деньги. Позднѣе количество труповъ въ Амурѣ значительно увеличилось. Китайскіе трупы плыли сверху по Амуру въ очень большомъ количествѣ, въ особенности послѣ взятія и уничтоженія с. Махо.

Затѣмъ, приказано было горожанамъ подъ страхомъ большого штрафа выдавать полиціи китайцевъ, которые пытались у нихъ укрыться. Сверхъ того, поймано было до 300 китайцевъ, пытавшихся укрыться въ окрестностяхъ города. Всѣхъ ихъ отправили черезъ Амуръ вбродъ на китайскую сторону.

Такъ начиналась эта печальная и тяжелая исторія.

По этому поводу въ «Спб. Вѣдом.» напечатано письмо жены ихъ благовѣщенскаго корреспондента, написанное подъ непосредственнымъ впечатлѣніемъ переживаемыхъ ужасовъ.

«4 іюля. Сейчасъ пришелъ нашъ учитель и сообщилъ мнѣ, что полиція собрала въ городѣ всѣхъ китайскихъ рабочихъ, мелкихъ торгашей и мастеровыхъ, даже тѣхъ, которые жили у русскихъ по нѣскольку лѣтъ; собрали ихъ очень много. Начальство, при нашихъ ничтожныхъ военныхъ силахъ, рѣшило невозможнымъ оставить въ городѣ такую массу китайцевъ, внутренній міръ которыхъ ему совершенно неизвѣстенъ, и вотъ рѣшили, во что бы то ни стало, удалить ихъ изъ города на ту сторону Амура.

«Перевозочныхъ средствъ у насъ не было, да и боялись давать послѣдніе лодки, чтобы ими не воспользовались китайцы того берега. Привели всю эту толпу къ болѣе узкому мѣсту Амура, подъ конвоемъ нѣсколькихъ десятковъ жителей, полицейскихъ и десятка конныхъ казаковъ. Предложили кричать и просить съ того берега лодокъ. Когда лодокъ не дождались, погнали всю толпу въ воду, предлагая переплыть. Далеко не всѣ выбрались на тотъ берегъ, и не всѣ, кто выплылъ, остались живы: съ того берега ихъ встрѣчали тоже выстрѣлами. Вчера приходилъ полицейскій съ вооруженнымъ солдатомъ требовать отъ насъ нашего повара Василія. Боже мой! Бѣднаго Ваську, который прожилъ у насъ четыре года, который ходилъ за тобой трудно-больнымъ, который плакалъ надъ тобой,—утопятъ, какъ какого-нибудь щенка! Я обмерла на мѣстѣ. Саша выбѣжала къ полицейскому и смѣло солгала: «У насъ китайца нѣтъ: нашъ поваръ—крещеный». Я, нѣсколько успокоившись, вышла къ полицейскому и тоже сказала, что Василій крещеный, наши сосѣди-квартиранты подтвердили то же; полицейскій ушелъ. Мнѣ сообщили, что полиція хоритъ по домамъ и отбираетъ всѣхъ китайцевъ. Кромѣ Василія, у насъ, какъ знаешь, жилъ скромный поденщикъ Иванъ, китаецъ изъ Чифу, землякъ Василія. Я рѣшилась, во что бы то ни стало, спасти обоихъ. Ивана я спрятала, но Василія спрятать было нельзя: его всѣ знали и за нимъ приходила уже полиція. Я спросила Василія, хочетъ ли онъ креститься, онъ пожелалъ съ удовольствіемъ, и вотъ ему обрѣзали косу и одѣли въ русскій костюмъ. Василію дѣйствительно нравятся правила христіанской религіи. Я тотчасъ послала къ знакомому молодому священнику отцу Ильѣ съ просьбой окрестить Василія, потомъ тотчасъ побѣжала къ нему сама, когда получила отвѣтъ, что необходимо разрѣшеніе архіерея. Илья объяснилъ мнѣ, что нужно подать прошеніе и тутъ же продиктовалъ его. Дѣло затянулось до вечера; перестрѣлка велась сильная, по улицамъ свистѣли пули, хотя за домами и было безопасно, но пересѣкать улицы было не хорошо. Архіерей жилъ въ 4 верстахъ отъ города, на дачѣ. На другой день, при уменьшившейся перестрѣлкѣ, подъ дождемъ, отправляюсь на извозчикѣ къ архіерею. Везетъ меня такими улицами, чтобы избѣжать пуль; дѣлаетъ порядочный крюкъ. Пріѣзжаю; оказывается, владыка выѣхалъ въ городъ. По городу разносится вѣсть, что изъ Айгуна перешла на нашу сторону масса китайцевъ съ пушками, потѣснила нашъ небольшой отрядъ, отступаю-

щій къ городу. Страхъ за дѣтей отнялъ у меня всякій страхъ за себя; я ѣду подъ пулями домой, справляюсь—все благополучно; узнаю, что посланный въ подкрѣпленіе полковникъ Печенкинъ прогналъ китайцевъ обратно за Амуръ; успокаиваюсь нѣсколько и ѣду къ владыкѣ. Пріѣзжаю, прошу доложить владыкѣ. Выходитъ онъ, небольшой, сухой, суровый старикъ, съ холоднымъ, строгимъ взглядомъ; я бросаюсь передъ нимъ на колѣни и молю его спасти душу,—чью? Я въ это время не давала себѣ отчета, мнѣ казалось, что это спасеніе души и моей, и Василія, что на мнѣ лежитъ какой-то тяжкій грѣхъ; не помню, что и говорила владыкѣ.—Да вы встаньте; какой грѣхъ? Говорите, въ чемъ дѣло?—Владыка, спасите человѣка, не дайте ему погибнуть! Въ семьѣ у насъ живетъ давно китаецъ, онъ хорошій, добрый, онъ желаетъ принять православіе: разрѣшите ему креститься,—и опять со слезами кланяюсь ему въ ноги!—Что вы кланяетесь, я и такъ сдѣлаю, но сейчасъ этого сдѣлать нельзя, вѣдь ихъ высылаютъ.—Нѣтъ, владыка.—Стало быть вы скрываете его?—Да, владыка, я не могла его отдать на погибель, его утопятъ.—Знаетъ ли объ этомъ губернаторъ? Безъ разрѣшенія начальства я не могу въ это время дозволить крестить его.—Я говорила губернатору,—смѣло солгала я,—если онъ крестится, ему разрѣшаютъ остаться.—Надо прошеніе.—Подаю и прошеніе.—Но такъ скоро крестить нельзя; слѣдуетъ справиться, знаетъ ли онъ молитвы и знакомъ ли онъ съ Закономъ Божіимъ?—Его спрашивалъ отецъ Илья.—Ну, пошли ко мнѣ отца Илью.—Пришлось ѣхать къ доброму отцу Ильѣ, ручаться, что Василія научу и молитвамъ, и Закону Божію. Пока добилась разрѣшенія крестить, при условіи, что если городскія власти ничего противъ этого не имѣютъ. На мои просьбы губернаторъ отвѣтилъ, что онъ не запрещаетъ и не разрѣшаетъ, что это дѣло полиціи. Полиціймейстеръ,—человѣкъ хорошій, оставилъ пока въ покоѣ»...

«Оставляю выписку изъ письма жены, коментарій не требуется», прибавляетъ корреспондентъ.

Въ связи съ этимъ массовымъ потопленіемъ китайцевъ находится слѣдующее распоряженіе губернатора Амурской области, напечатанное въ «Сиб. Жизни».

«До свѣдѣнія моего дошло, что нѣкоторые жители г. Благовѣщенска, а также лица изъ крестьянскаго и казачьяго населенія ввѣренной мнѣ области допускаютъ различнаго рода насильственныя дѣйствія противъ живущихъ на нашей территоріи мирныхъ манджуръ и китайцевъ. Нападеніе на безоружнаго и беззащитнаго врага не въ характерѣ русскаго человѣка, а потому указанные прискорбные случаи насилій могу лишь объяснить вспыхнувшей озлобленностью противъ китайцевъ, начавшихъ противъ насъ враждебныя дѣйствія, безъ всякаго съ нашей стороны повода. Теперь, когда населеніе успокоилось и сознательно можетъ взирать на происходящія событія, я твердо увѣренъ, что дальнѣйшихъ какихъ-либо насильственныхъ дѣйствій противъ безоружныхъ инородцевъ не произойдетъ.

«Высказывая эту увѣренность, я, въ устраненіе дальнѣйшихъ какихъ-либо посягательствъ на личность и имущество проживающихъ у насъ мирныхъ китайцевъ, а также въ видахъ предупрежденія развитія заразныхъ болѣзней отъ разлагающихся по берегу Амура труповъ убитыхъ китайцевъ, плывущихъ въ значительномъ числѣ по рѣкѣ, постановляю: 1) объявить всему населенію ввѣренной мнѣ области, что виновные въ убійствѣ, грабежѣ и другихъ насильственныхъ дѣйствіяхъ противъ мирныхъ безоружныхъ китайцевъ, будутъ предаваться суду и подвергаться наказанію по всей строгости законовъ военнаго времени и 2) вмѣнить въ непремѣнную обязанность благовѣщенскому полиціймейстеру, предсѣдателю войскового правленія амурскаго казачьяго войска и амурскому окружному начальнику принять самыя энергичныя и безотлагательныя мѣры къ тому, чтобы городская полиція, казачье и крестьянское населеніе области вытаскивали изъ воды трупы китайцевъ и зарывали возможно

глубже въ землю или сжигали. О числѣ найденныхъ и зарытыхъ труповъ представлять свѣдѣнія въ мою гражданскую канцелярію».

На строющейся линіи. Газета «Владивостокъ» даетъ слѣдующія характерныя картинки жизни на строющейся желѣзной дорогѣ на Дальнемъ Востокѣ, во время нападенія китайцевъ.

«Довольно обширное помѣщеніе конторы N участка постройки жел. дороги. Въ конторѣ только два человѣка: самъ начальникъ участка и его письмоводитель. Начальникъ держитъ въ рукахъ длинную вѣдомость и, прочтя рубрики цифръ, кладетъ на счетахъ вѣдомость объ убыткахъ, причиненныхъ «Большимъ Кулакомъ» постройкѣ Костоломки N участка. Выдано подрядчику Тунъ-хунъ-ли наличными деньгами 11.371 руб. 21 к., вслѣдствіе бѣгства подрядчика сносятся въ расходъ; убѣжавшими рабочими не возращено 9.852 лопаты по 2 р. 11 к. на сумму 20.783 р. 72 к., столько же кирокъ по 1 р. 43 к., на сумму 14.088 р. 36 к.; сносится въ расходъ мука, выданная рабочимъ по 3 кулька на человѣка по 3 р. 85 к. за каждый, на сумму 37.932 р. 20 к.; сносится въ расходъ пассажирское зданіе станціи «Не зѣвай», сожженное бѣжавшими рабочими, стоимостью 11.822 р.

— Иванъ Петровичъ, — обращается начальникъ къ письмоводителю, — пошлите завтра рабочихъ на то мѣсто, гдѣ мы хотѣли строить пассажирское зданіе, и пусть они сожгутъ тамъ нѣсколько бревенъ, набросаютъ негодной жести, гвоздей, битаго стекла и проч., чтобы вышла большая куча мусору, — поняли?

— Понялъ!

«Списывается въ расходъ долгъ по забору подрядчиками Сунъ, Коа-су, Ліюн-мо товаровъ изъ магазиновъ по прилагаемымъ книжкамъ (просматриваетъ книжки), Сунъ—22.821 руб., Коа-су 27.928 руб. и Ліюн-мо 41.015, итого на сумму 91.774 руб.; списываются въ расходъ тачки, попорченныя и уничтоженныя бѣжавшими рабочими 212 штукъ, по 15 р. каждая, на сумму 3.180 р.; сносятся въ расходъ испорченные матеріалы: кровельное желѣзо, цементъ, камни, бревна, гвозди, лампы, кирпичъ и проч., на сумму 393 тысячи 162 руб. 69 коп. Гм! Кажется, хватилъ я ужъ черезъ чуръ! Впрочемъ, теперь только и подходящее время закрыть всѣ утери, а потомъ будетъ поздно, когда все успокоится.

— Иванъ Петровичъ! Не забудьте въ концѣ бумаги прибавить для большаго эффекта, что собирается бѣжать еще нѣсколько тысячъ рабочихъ китайцевъ и что я удерживаю ихъ пока различными денежными выдачами изъ собственныхъ средствъ. Это слѣдуетъ поставить имъ на видъ; въ случаѣ чего, такъ мы имъ представимъ еще такой же счетецъ, да примажемъ десятокъ-другой тысячъ, израсходованныхъ изъ собственности. Велите-ка позвать мнѣ Тунъ-хунъ-ли, Сунъ, Коа-Су и Ліюнъ-мо.

Письмоводитель уходитъ, а начальникъ лѣзетъ въ ящикъ стола и вынимаетъ оттуда нѣсколько паспортовъ и объемистый мѣшечекъ съ презрѣннымъ металломъ. Входятъ китайцы-подрядчики.

— Вотъ господа, — обращается къ нимъ начальникъ, — ты, Тунъ-хунъ-ли, будешь теперь называться Хунъ-сунъ-чинъ, это тотъ рабочій, котораго задавило вагонеткой, вотъ тебѣ его и паспортъ; ты Сунъ, будешь не Сунъ, а Тунъ-ли, ты, Коа-су, будешь Ельдаженъ, а ты Ліюн-мо переименовываешся въ Фу-фа-фо; вотъ вамъ и паспорты убитыхъ упавшимъ вагономъ рабочихъ. Старыя свои имена забудьте, какъ это уже и бывало, и носите имена новыя, а вотъ вамъ и денежки, по нашему «могарычъ» называется. Поняли?

— Могарись! Шибко хорошо могарись!

И китайцы удаляются.

— Иванъ Петровичъ, идите сюда, я уже кончилъ. Не забудьте завтра

отослать подписки съ приложеніемъ денегъ отъ N дистанціи: въ пользу буровъ 97 р., Краснаго Креста 16 р, газетѣ NN 1.200 руб. На дняхъ мы поѣдемъ во Владивостокъ, и тамъ вы получите свою часть, да не забыть бы купить перстень, а то моя американка безъ кольца и на глаза не велѣла показываться. Кстати, нужно закупить кое-что по буфетной части, и ужъ зададимъ же мы пиръ горой! А боксерамъ я пошлю вѣнокъ съ адресомъ!!»

Грамотность въ Ярославской губ. Въ «Письмахъ земскихъ статистиковъ», печатающихся въ московской газетѣ «Курьеръ», сообщаются слѣдующія интересныя свѣдѣнія о грамотности въ Ярославской губ. Основываясь на послѣднихъ данныхъ о грамотности новобранцевъ въ Ярославской губ., выходитъ; что по степени распространенія грамотности она занимаетъ первое мѣсто среди всѣхъ земскихъ губ. и четвертое среди губерній Европейской Россіи; 85,5% (72—98;4% по отд. уу.) новобранцевъ изъ Ярославской губ. оказывается грамотными; ее опережаютъ лишь Прибалтійскія губ. съ нѣмецкой культурой; по степени же раздѣленія учащихся по поламъ, по % учащихся дѣвочекъ—второе среди земскихъ и четвертое среди всѣхъ губ. Европейской Россіи (33% учащихся дѣвочекъ).

И вотъ, между тѣмъ, какъ ни странно, по доступности для населенія учебныхъ заведеній Ярославская губ. занимаетъ лишь седьмое мѣсто среди всѣхъ губ. Европейской Россіи и пятое среди земскихъ губ. Эта послѣдняя сторона непосредственно зависитъ отъ того мѣста, какое занимаетъ Ярославская губ. среди другихъ земскихъ губерній по затратамъ земства на народное образованіе: по этимъ затратамъ она занимаетъ лишь восьмое мѣсто (17,4 к. на жителя); уже то обстоятельство, что, несмотря на столь малое обезпеченіе населенія школами и при столь низкихъ, сравнительно, затратахъ земства на народное образованіе,—все-таки въ отношеніи учащихся ко всему населенію (5,9%), Ярославская губ. стоитъ на первомъ мѣстѣ (не уступая изъ земскихъ губ. даже и знаменитой въ этомъ отношеніи Московской губ.), — указываетъ насколько у промыслово-земледѣльческой деревни губерн. велика потребность въ грамотности и насколько она умѣетъ обходить даже и такія препятствія, какъ недостатокъ школъ и учителей; здѣсь мы видимъ прямое свидѣтельство того, насколько промыслово-земледѣльческое населеніе умѣетъ интенсивно использовать и существующія въ ограниченномъ размѣрѣ школы.

При разспросахъ населенія о томъ, «гдѣ и у кого учился», оказывается, что грамотность въ Ярославской губ. имѣетъ уже свою стародавнюю исторію. Показанія пожилыхъ обывателей промысловой деревни выясняютъ, что учились они въ то время, когда вовсе еще не было школъ, а если оффиціальныя школы и существовали, то лишь въ зародышѣ;—они учились у своихъ же односельчанъ—«солдатиковъ», «дѣвицъ», «вдовъ», «старичковъ», наконецъ, просто—«дома».

Эти выдвинутые самой же нуждающейся въ грамотѣ деревней учителя представляли собой явленіе буквально сплошное.

О чемъ, какъ не о самостоятельномъ происхожденіи народнаго образованія въ данномъ краѣ говорятъ такія цифры: % грамотныхъ новобранцевъ въ 1874 г., немного спустя послѣ освободительной реформы и тотчасъ же по введеніи всеобщей воинской повинности, уже выражался по отношенію къ Ярославской губ. въ 60,1%; между тѣмъ въ большинствѣ губерній Россіи и теперь грамотность населенія, даже когда на помощь ей явились земства, значительно не достигаетъ еще этой цифры.

Характеръ этой исторической особенности происхожденія грамотности въ Ярославской губ. естественно кладетъ свою печать и на ея современную исторію. Дѣйствительно, нерѣдко тамъ, гдѣ существующая потребность въ грамот-

ности не удовлетворяется оффиціальной школой, эти вдвойнѣ народные учителя и до сихъ поръ замѣняютъ собой оффиціальную школу. Подобныхъ фактовъ не перечтешь за ихъ массовымъ характеромъ.

Интересно, что даже и при существованіи оффиціальной школы, когда постановка дѣла въ ней не вполнѣ удовлетворяетъ требованіямъ населенія, исчезнувшіе было учителя-грамотеи иногда опять возобновляютъ свою дѣятельность.

Наконецъ, нельзя не признать почтеннымъ размѣръ участія населенія Ярославской губ. въ самостоятельныхъ тратахъ на свои сельскія школы—оно выражается въ 20% затратъ всѣхъ вѣдомствъ на нужды школьнаго дѣла въ губерніи. («Сел. шк. Ярославской губ.», изд. губ. зем.).

Остановимся на причинахъ, вызывающихъ столь интенсивное стремленіе къ грамотности среди населенія Ярославской губ., и бросимъ общій взглядъ на ея эволюцію.

Если мы сопоставимъ поуѣздныя данныя о распространеніи грамотности съ такими же данными о распространенности отхожихъ промысловъ, то получится бьющая въ глаза зависимость этихъ двухъ явленій; окажется, что уѣзды съ рѣзко выраженнымъ развитіемъ отхода не даютъ ни одного неграмотнаго новобранца; примѣромъ этому можетъ служить Угличскій у., въ которомъ, однако, затраты земства на народное образованіе, сравнительно съ другими уѣздами, наименьшія и населеніе котораго самолично расходуетъ на нужды школьнаго дѣла сумму высшую сравнительно съ погубернской средней (23% при средней ок. 20%. Напротивъ, наименѣе развита грамотность въ уѣздахъ съ неразвитымъ отходомъ (въ нихъ же замѣчается развитіе мѣстныхъ промысловъ—Ярослав., Пошех., Мол. уѣзды). Беря эти два ряда цифръ, лишь въ 3-хъ изъ десяти уу. замѣчается какъ бы уклоненіе отъ выведенной зависимости (ср. «Гр. Яр. Г.», изд. губ. ком.).

Относительно книгъ, читаемыхъ грамотнымъ населеніемъ деревни, авторъ замѣчаетъ слѣдующее: у многочисленнаго читателя изъ ея среды въ большинствѣ случаевъ можно встрѣтить—для болѣе пожилыхъ божественныя книги, и изданія лубочной литературы для болѣе молодого поколѣнія и это при полной возможности пользоваться столичными связями. Еще чаще встрѣчается интересъ къ «романамъ», любятъ читать такія газеты, какъ «С.-Петербургскій Листокъ», благодаря массѣ встрѣчающихся тамъ «происшествій». Вообще мало серьезнаго отношенія къ книгѣ, кромѣ какъ «божественной».

Наиболѣе развитые типы наблюдаются преимущественно среди хозяйственныхъ обывателей промыслово-земледѣльческой деревни, долго прожившихъ въ городѣ въ особо культурныхъ условіяхъ; среди нихъ можно встрѣтить лицъ, не только читающихъ большія столичныя газеты, но даже какъ будто доросшихъ до сознательной партійности; эти лица называютъ себя то умѣренными «консерваторами», то «либералами» (нѣсколько коверкая эти слова). Среди нихъ же уже чаще встрѣчаются такіе, которые имѣютъ маленькія библіотеки классиковъ, интересуются литературой.

Въ гостяхъ у толстовцевъ. Въ «Новостяхъ Дня» описывается посѣщеніе колоніи толстовцевъ на берегу Черноморскаго побережья, извѣстной подъ именемъ «Криница». Сама колонія произвела на автора статьи впечатлѣніе прекрасно устроеннаго имѣнія. «Начиная съ воротъ,—говоритъ онъ,—которыя сами по себѣ представляютъ здѣсь явленіе необычное, все на каждомъ шагу показывало добрую хозяйскую руку и заботливость: тщательно выполотыя гряды огородовъ, внизу—на току—правильно сложные стога, подчищенные виноградники, обложенный крупными камнями край дороги надъ обрывомъ и т. д. Но вотъ и усадьба,—нѣсколько разбросанныхъ строеній, расположенныхъ среди виноградниковъ и лѣса на пространствѣ 30—40 десятинъ ровнаго плато, съ

одной стороны довольно круто спускающагося къ морю, съ другой—окаймленнаго горами, за которыми въ долинахъ лежитъ пахотныя поля колоніи. Мы остановились около большого дома незатѣйливой архитектуры, болѣе новаго и параднаго на видъ, чѣмъ другіе, на крыльцѣ котораго стояла группа дамъ и дѣтей. На нашу просьбу вызвать г-на Калитаева одна изъ дамъ предложила намъ войти въ домъ подождать «распорядителя», но въ эту минуту къ намъ подошелъ высокаго роста красавецъ-блондинъ съ острымъ суровымъ взглядомъ умныхъ голубыхъ глазъ, смотрѣвшихъ изъ-подъ широкихъ полей малороссійскаго «бриля». На немъ была чистая бѣлая и вышитая по вороту рубаха, заправленная въ широкіе темносиніе шаровары «на выпускъ», ременный поясокъ и опорки на босую ногу.

Это былъ «распорядитель» колоніи, извѣстный Семенъ Калитаевъ.

Осмотръ колоніи мы начали съ виноградниковъ, превосходно содержимыхъ, гдѣ культивируются самые разнообразные сорта винограда, изъ котораго выдѣлываются, главнымъ образомъ, бургундскія вина и сотернъ.

Докторъ О... осторожно спросилъ Калитаева, какъ относятся колонисты къ этой работѣ, безусловно противной ихъ принципамъ.

— Да такъ, что едва сгонишь ихъ на работу,—не хотятъ, претитъ...

Безъ виноградниковъ и вина колоніи не просуществовать однако, ибо вино главная, если но единственная, статья дохода,—хлѣбъ сбывать, вѣдь, некому здѣсь, а огородные и молочные продукты могутъ имѣтъ сбытъ только въ лѣтній сезонъ въ Геленджикѣ, за сорокъ верстъ или Новороссійскѣ—за восемьдесятъ почти. Вино «Криницы», получившее уже двѣ медали отъ министерства государственныхъ имуществъ, понемногу распространяется по югу Россіи и оцѣнивается знатоками. Осмотрѣвъ виноградники, мы пробовали вино въ подвалѣ, гдѣ отъ 1897, 1898 и 1899 годовъ у колоніи осталось еще до 1.000 ведеръ прекраснаго сотерна, столоваго и бургундскаго вина отъ 5 до 9 рублей за ведро, или отъ 30 копѣекъ за бутылку. Складовъ и агентовъ по распространенію вина у «еропкинцевъ», конечно, нѣтъ, но кто слышалъ объ ихъ винѣ, тотъ по-просту выписываетъ прямо изъ колоніи; адресъ очень простъ: «Криница, Черноморской губерніи, черезъ Новороссійскъ».

С. Калитаевъ долженъ былъ уѣзжать въ Береговое по дѣлу, и заявилъ объ этомъ, добавивъ разъ принятымъ имъ тономъ: «да и на чорта я вамъ сдался, вамъ все Зотикъ покажетъ, да другіе». Если бы онъ предвидѣлъ какую-нибудь принципіальную «прю», онъ навѣрное бы остался, какъ горячій, убѣжденный и краснорѣчивый ораторъ, но мы пріѣхали не дебаты вести, а лишь въ качествѣ скромныхъ наблюдателей. На смѣну уѣхавшаго «распорядителя» явился другой. Высокаго роста, худой и сутуловатый, съ головой Сократа и замѣчательно добрымъ взглядомъ глазъ и симпатичной улыбкой, онъ не имѣлъ импонирующаго вида своего сотоварища. Говорилъ онъ просто, одѣтъ былъ не такъ молодцовато, какъ первый, и носилъ грубой шерсти чулки до колѣнъ, а вмѣсто бѣлой вышитой рубахи—синюю блузу. «Зотикъ», какъ всѣ его здѣсь называютъ, заговорилъ съ нами спокойнымъ, мягкимъ тономъ, употребляя зачастую простонародныя выраженія, потому что вотъ уже пятнадцать лѣтъ онъ живетъ среди народа, но не чертыхаясь, не употребляя бойкихъ словечекъ сомнительнаго достоинства. Студентъ сельскохозяйственнаго института З. Сычуговъ завѣдываетъ въ колоніи виноградарствомъ и винодѣліемъ и именно ему обязано успѣхомъ винодѣліе Криницы. Глубоко убѣжденный въ плодотворности дѣла колоніи и старѣйшій членъ ея, «Зотикъ» не любитъ дебатовъ и вноситъ повсюду миръ и согласіе, которыя такъ легко нарушаются въ обществѣ молодыхъ и убѣжденныхъ головъ вездѣ, но не здѣсь; въ противоположность разсказамъ о частныхъ случаяхъ разногласій и расколовъ въ этого рода колоніяхъ, мы видѣли здѣсь рѣдкое согласіе и солидарность.

Авторъ описываетъ далѣе свое знакомство съ другимъ выдающимся членомъ колоніи, г-жею Коганъ, завѣдующей въ колоніи воспитаніемъ дѣтей, которыхъ тамъ около 30 человѣкъ. Эта небольшого роста уже сѣдая женщина обладаетъ такими глазами и улыбкой, что, глядя на нее, каждый скажетъ: «счастливыя дѣти». Здѣсь воспитываютъ дѣтей одновременно и какъ крестьянъ, и какъ принцевъ. Они участвуютъ во всѣхъ сельскихъ и садовыхъ работахъ, которыя имъ по силамъ, ходятъ босикомъ и спятъ на воздухѣ и въ то же время получаютъ прекрасное реальное и раціональное образованіе, которое даетъ имъ полную независимость въ жизни. На ряду съ естественными науками, столь необходимыми человѣку, который живетъ «на землѣ и землею», ихъ учатъ нѣмецкому и англійскому языкамъ и музыкѣ, и къ услугамъ ихъ прекрасно составленная библіотека, половина книгъ которой на иностранныхъ языкахъ. Здѣсь вы найдете и всѣхъ классиковъ на ихъ родныхъ языкахъ, и сотни спеціальныхъ сочиненій по всѣмъ отраслямъ человѣческаго знанія. На библіотечныхъ шкапахъ, на подоконникахъ и столахъ — повсюду физическіе приборы, фотографическіе аппараты, глобусы и т. д., а въ углу фортепіано.

Въ колоніи въ данную минуту свыше 60-ти человѣкъ съ дѣтьми. Нѣсколько человѣкъ остаются съ основанія колоніи, есть пяти и десятилѣтки, большинство—молодежь, живущая здѣсь 2—3 года. Многіе не выдерживаютъ и года, многіе уходятъ на второй день по поступленіи, убѣдившись, что коса или соха—орудіе не для нихъ, и въ колоніи такимъ образомъ остаются люди и физически способные къ тяжелому труду, и убѣжденные въ томъ, что только въ немъ счастіе человѣка на землѣ.

Мы не разспрашивали колонистовъ, вліяютъ ли они на окрестное населеніе, потому что это вліяніе само сказывалось. На пути отъ кладбища къ прачечной и сушильнѣ Зотика остановилъ крестьянинъ, котораго по манерамъ и лицу нельзя было заподозрѣть въ принадлежности къ «интеллигентной» колоніи. Когда онъ отошелъ, я спросилъ Зотика: «Изъ береговой по дѣлу?»— «Нѣтъ, это изъ лѣсной колоніи за совѣтомъ». Я спросилъ, что это за колонія. Когда прекратились работы по постройкѣ «Голоднаго», шоссе, въ «Криницу», явилось просить работы много рабочихъ бездомныхъ и даже безпаспортныхъ, не могшихъ, за недостаткомъ средствъ, вернуться на родину; кому можно было—работа дана была въ страдную пору, но потомъ ихъ пришлось разсчитать. Зиму эти люди бродили по Кавказу, а на лѣто опять въ «Криницу» пришли. Ихъ искреннее желаніе работать и отвращеніе къ бродяжничеству, которымъ они занялись, поневолѣ заставили задуматься Калитаева и Зотика... Подумали колонисты, сообразили и приняли дѣятельное участіе въ несчастныхъ. Составили изъ нихъ артель, выхлопотали имъ паспорты,—«озаконили» ихъ, исходатайствовали у правительства участокъ земли въ аренду для нихъ, помогли имъ матеріаломъ и деньгами на стройку и въ нѣсколькихъ верстахъ отъ «Криницы» выросла на такихъ же, какъ и здѣсь началахъ община крестьянъ, которая теперь живетъ, какъ дай Богъ всякому крестьянину. Теперь уже пять такихъ общинъ выросло вокругъ «Криницы», какъ центра не только геометрическаго... Не только дѣти, но и парни общинъ этихъ учатся въ «Криницѣ», пользуются книгами ея библіотечки, все просятъ указаній «какъ имъ жить справедливо», и колонисты примѣромъ и простой бесѣдой щедро сѣютъ среди нихъ религіозно-этическія начала и сѣмена падаютъ на добрую почву. Благословляютъ имя «криничанъ» и жители села Береговогo. Ихъ дѣла шли очень плохо вслѣдствіе неудобствъ хлѣбопашества, отсутствія отхожихъ промысловъ и недостатка средствъ для предпріятій высшей культуры, къ которой годна здѣсь земля, и вотъ колонисты, пользуясь посѣщеніемъ ихъ министра государственныхъ имуществъ, исходатайствовали для крестянъ Бере-

гового денежное пособіе отъ казны и научили ихъ виноградарству; теперь жители Берегового имѣютъ кое-какой доходъ, а будутъ имѣть и большій, когда дѣло разовьется. Вообще, окрестное населеніе охотно перенимаетъ у «криничанъ» раціональные новые пріемы сельскаго хозяйства и широко пользуется разумными и охотно даваемыми совѣтами интеллигентовъ, въ которыхъ они видятъ не «бар», а своего брата, трудящихся людей, простыхъ, но нравственныхъ, трезвыхъ и «ученыхъ». Отсюда—уваженіе и любовь къ нимъ.

Авторъ статьи описываетъ также интересный альбомъ каррикатуръ изъ жизни Криницы, который ему тамъ показывали. Вотъ, напримѣръ, одинъ изъ этихъ рисунковъ. Лѣтъ пять назадъ группа молодежи рѣшила не продолжать работы на виноградникѣ и заняться исключительно хлѣбопашествомъ самостоятельно и независимо отъ «стариковъ». Старики не препятствовали и улыбались, снабдивъ раскольниковъ всѣмъ, чѣмъ слѣдуетъ, для продолжительной жизни въ долинѣ. Прошло три мѣсяца, и... произошла сцена, изображаемая каррикатурой. Сконфуженные, съ поникшими головами, съ пѣтухомъ подъ мышкой, ведя лошадь подъ узцы, неся инструменты, пять раскольниковъ подходятъ къ Калитаеву, гордо выпрямившемуся и сложившему руки à la Наполеонъ, и говорятъ, какъ славяне варягу: «Наша колонія обильна, но порядка въ ней нѣтъ,—придите править нами!». Вотъ громадная телѣга, нагруженная черезъ мѣру «не разрѣшенными принципіальными вопросами», — вся колонія впряглась въ нее и изъ силъ выбивается, но Калитаевъ могучимъ плечомъ упирается въ заднее колесо и... телѣга катится. Вотъ «пшютъ» въ элегантномъ костюмѣ, весело подпрыгивая, идетъ съ косою на плечѣ «на работу». Вотъ его плачевная фигура ошпаренной курицы, когда онъ возвращается «съ работы». Вотъ веселое здоровое лицо колонистки «въ воскресенье», когда она вступаетъ на недѣльное дежурство на кухню, и она же грустная, похудѣвшая, безъ силъ «въ субботу», передъ сдачей дежурства. Вотъ группа колонистовъ споритъ до зари, и старикъ С... звонитъ въ 4 часа утра «подъемъ», приговаривая: «Я вамъ докажу принципы!».

Воспоминанія о Владимірѣ Соловьевѣ. Въ «Варш. Дневникѣ» появились любопытныя воспоминанія г-на Н. Н-ва о Владимірѣ Соловьевѣ, какъ о профессорѣ. Авторъ разсказываетъ о его первой лекціи въ Петербургскомъ университетѣ въ 1880—1881 академическомъ году.

Для первой лекціи В. С. въ Петербургскомъ университетѣ была назначена самая большая аудиторія въ университетѣ, вмѣщающая болѣе 400 слушателей. Она вся наполнилась студентами всѣхъ факультетовъ. Но объяснилось это отнюдь не сочувствіемъ къ молодому философу и къ его философскому міропониманію. Напротивъ, слушатели заранѣе приготовились обнаружить свой научный антагонизмъ съ тою точкою зрѣнія, которая служила исходнымъ пунктомъ ученія новаго профессора: господствующимъ элементомъ среди слушателей были «естественники», аудиторія «волновалась и кипѣла», «опытный глазъ тотчасъ замѣтилъ бы, что тутъ что-то подготовляется». Но вотъ лекція началась.

«Все разомъ стихло,—разсказываетъ г. Н—въ,—и сотни глазъ устремились на молодого еще человѣка, одѣтаго въ скромный домашній пиджакъ и тихо, съ опущенными глазами, входившаго въ аудиторію. Это былъ Соловьевъ. Прежде всего, что бросилось въ глаза, это—прекрасное, одухотворенное его лицо. Оно было продолговато, съ блѣдными, немного впавшими щеками, съ небольшой раздвоенной бородкой и въ рамѣ густыхъ черныхъ волосъ, кольцами спускавшихся на плечи. Это была голова пророка («бестужевки» такъ и прозвали его Христомъ за эту величественную, одухотворенную красоту). Соловьевъ медленно взошелъ на каѳедру и обвелъ глазами огромную аудиторію. Эти большіе темноголубые глаза, съ густыми черными бровями и рѣсницами, были глубоки,

полны мысли и огня и какъ бы подернуты мистическимъ туманомъ. На губахъ играла милая, ласковая улыбка. Аудиторія, вопреки обычаю встрѣчать новаго профессора аплодисментами, хранила гробовое молчаніе. Среди «филологовъ» послышалось-было нѣсколько шлепковъ, но они тотчасъ были заглушены бурнымъ: шш—ш... Соловьевъ съ той же мягкой улыбкой началъ лекцію. Началъ онъ говорить тихо, но чѣмъ далѣе, тѣмъ голосъ его болѣе и болѣе становился звучнымъ, вдохновеннымъ; онъ говорилъ о христіанскихъ идеалахъ, о непобѣдимости любви, переживающей смерть и время, о презрѣніи къ міру, который «во злѣ лежитъ»; говорилъ о жизни какъ о подвигѣ, цѣль котораго—въ возможной для смертнаго степени приблиться къ той «полнотѣ совершенства», которая дѣлаетъ возможнымъ «обожествленіе человѣчества» и обѣщаетъ царство «міровой любви» и «вселенскаго братства»... Такова была тема этой вступительной лекціи. Онъ кончилъ и по прежнему опустилъ голову на грудь. Нѣсколько секундъ молчанія, и вдругъ—бѣшеный взрывъ рукоплесканій. Аплодировала вся аудиторія — и естественники, и юристы, и филологи. Наконецъ, вдохновенный лекторъ поднялъ руку, и разомъ все смолкло. Очевидно, онъ уже овладѣлъ своей аудиторіей, онъ загипнотизировалъ ее...—«Я хочу сообщить вамъ, господа,—сказалъ Соловьевъ,—или, лучше, я прошу васъ, чтобы каждый, несогласный съ основными положеніями моей настоящей и будущихъ лекцій, возражалъ мнѣ по окончаніи лекціи». Снова взрывъ рукоплесканій. Возраженія профессору по поводу прочитанной имъ лекціи,—это являлось совершеннымъ новшествомъ въ университетской жизни, — и новшествомъ, какъ оказалось потомъ, весьма благотворнымъ по послѣдствіямъ».

На второй лекціи аудиторія оказалась еще многолюднѣе; пришлось открыть актовую залу, — фактъ, по словамъ автора воспоминаній, въ Петербургскомъ университетѣ неслыханный. Каждая изъ дальнѣйшихъ лекцій Соловьева была для него новымъ тріумфомъ.

Секретъ популярности Соловьева въ средѣ студенчества заключался въ томъ, что онъ самъ и въ то время. и во всю жизнь былъ восторженнымъ борцомъ за истину, какъ онъ понималъ ее, что внѣ стремленій къ идеалу, внѣ вѣры въ непобѣдимую силу общечеловѣческой правды, внѣ жизни, какъ подвига, — онъ не могъ себѣ и представить жизни. И какъ ни смущала его наша сѣрая дѣйствительтельность, какъ ни казалась временами ликующими и торжествующими ложь и мракобѣсіе, онъ свято вѣрилъ, что «въ незримой глубинѣ сознанія міроваго источникъ истины живетъ, не заглушенъ». Но именно эти-то свойства духа и были присущи студенческой молодежи; именно она-то и была проникнута жаждой идеала и борьбы за него; она то и была преисполнена горячей вѣрой во всепобѣждающую силу «идеи»... Въ Соловьевѣ лучшая идейная часть студенчества видѣла родную себѣ душу, и симпатія возникла изъ «сродства душъ», — вотъ что являлось прочнымъ залогомъ единенія, къ которому такъ усердно, но безнадежно стремятся профессоры-чиновники. Поэтому-то и случалось, что многіе изъ студентовъ во многомъ расходились со взглядами своего профессора, но любили и уважали его, чувствуя тяготѣніе къ нему. Къ этому нужно добавить, что Соловьевъ былъ чрезвычайно обаятеленъ какъ человѣкъ, благодаря своей любвеобильной душѣ, широкой гуманности и замѣчательной терпимости къ чужимъ мнѣніямъ. Случалось, напр., что во время преній послѣ лекціи нѣкоторые изъ увлекающихся оппонентовъ говорили ему прямо дерзости. Такихъ останавливали, конечно сами студенты. Но Соловьевъ, съ неизмѣнной ласковой улыбкой, вмѣшивался: «Господа, позвольте же свободно высказаться моему оппоненту».

«Однажды,—разсказываетъ авторъ,—онъ обратился къ покойному философу съ вопросомъ: какъ онъ въ глубинѣ души относится къ «несдержаннымъ» студентамъ. В. С. серьезно отвѣтилъ:

«Это будутъ если не лучшіе изъ моихъ учениковъ, то, всякомъ случаѣ, прекрасные люди и полезные общественные дѣятели».—«Почему?»—«Для того, чтобы проникнуться извѣстной идеей,—отвѣчалъ профессоръ,—необходимо пройти по отношенію къ ней стадію отрицанія, — таковъ психологическій законъ. И чѣмъ страстнѣе и энергичнѣе отрицаніе, тѣмъ восторженнѣе будетъ впослѣдствіи преклоненіе предъ этой идеей. Для того, чтобы быть апостоломъ Павломъ, нужно пройти черезъ Савла»...—Но вѣдь съ вашей точки зрѣнія, какъ поборника противоположнаго міросозерцанія,—возразилъ я,—все-таки невыгодно появленіе Савловъ».—«Напротивъ, я могу только радоваться, если моя идея истинна, она все равно восторжествуетъ, и тѣмъ полнѣе будетъ ея торжество, чѣмъ больше будетъ пробныхъ камней, на которыхъ испытываютъ ее. Наконецъ, пусть существуетъ множество противорѣчивыхъ мнѣній,—чѣмъ больше, тѣмъ лучше, потому что, повторяю, благо въ томъ, чтобы люди мыслили, а не пребывали индифферентами къ запросамъ духа, а истинѣ, какъ таковой, нечего опасаться множества противоположностей, потому что очень часто это и есть та почва, на которой она выростаетъ».

Очень простыя, чисто товарищескія отношенія образовались между Соловьевымъ и его слушателями внѣ стѣнъ университета. Г. Н—въ передаетъ:

«Соловьевъ охотно посѣщалъ студенческія квартиры и велъ себя истиннымъ товарищемъ. Нечего и добавлять, что чопорность была совершенно чужда ему. Никто бы, глядя на него въ студенческой квартирѣ, не сказалъ, что это уже извѣстный, обладающій огромной эрудиціей докторъ философіи. Онъ смѣялся громкимъ, почти дѣтскимъ смѣхомъ всѣмъ шуткамъ, выслушивалъ стихотворенія, которыя писали студенты, и охотно велъ бесѣды о поэзіи, объ искусствѣ и о философіи, если заходила о ней рѣчь. Около покойнаго профессора быстро образовался довольно многочисленный кружокъ его почитателей-студентовъ, на который онъ вліялъ самымъ благотворнымъ образомъ».

Но профессорская дѣятельность В. С., какъ извѣстно, продолжалась недолго; она прекратилась послѣ перваго же года, когда имъ была въ 1881 году прочитана лекція въ Кредитномъ обществѣ.

Авторъ воспоминаній посѣтилъ В. С. на другой день послѣ лекціи.

Онъ былъ сильно озабоченъ и писалъ на французскомъ языкѣ длинное письмо одной высокопоставленной особѣ, разъясняя истинный смыслъ своей лекціи, опиравшейся исключительно на христіанскіе принципы. Безпрестанно раздавался звонокъ, и профессору приносили букеты цвѣтовъ и письма, которыхъ образовались, наконецъ, цѣлыя груды.

Но черезъ нѣсколько дней г. Н—въ уже не могъ увидѣть Соловьева: В. С. выѣхалъ изъ Петербурга, а лекціи его въ университетѣ были прекращены.

Суздальскіе иконописцы. «Новое Время» сообщаетъ любопытныя свѣдѣнія о паденіи стараго иконописнаго промысла въ Суздальскомъ уѣздѣ. Среди промышленныхъ селъ и мѣстечекъ во Владимірской губерніи по размѣрамъ своего производства видное мѣсто занимаютъ сс. Холуй, Мстера, Палехъ. Въ этихъ слободахъ болѣе 6 тысячъ жителей почти всѣ поголовно занимаются иконописаніемъ и промыслами, тѣсно связанными съ этимъ искусствомъ,—какъ то: изготовленіемъ кіотовъ, чеканкой ризъ, уборкой цвѣтами и фольгой иконныхъ окладовъ и т. п. Послѣднимъ занята преимущественно женская часть населенія этихъ слободъ. Иконописаніе составляетъ промыселъ этой мѣстности уже болѣе двухъ столѣтій. Въ этомъ занятіи, переходящемъ отъ отцовъ къ дѣтямъ, заключаются всѣ средства къ существованію мѣстнаго населенія. Во время освобожденія крестьянъ отъ крѣпостной зависимости сс. Холуй и Мстера даже не получили обычныхъ земельныхъ надѣловъ, такъ какъ населеніе ихъ уже не занималось земледѣліемъ.

Въ частности каждое изъ этихъ трехъ селъ имѣетъ свою опредѣленную самостоятельную физіономію. Мстера, среди населенія которой до сихъ поръ еще есть старообрядцы, изготовляетъ исключительно иконы въ древне-русскихъ стиляхъ, такъ называемыхъ греческомъ, новгородскомъ, строгановскомъ, и сохранила всѣ техническіе пріемы древне-русскихъ иконописцевъ, самыя краски разводятся иконописцами и мастерцами по древнему способу на яйцѣ, а не на маслѣ. Здѣсь же процвѣтаетъ и искусство реставраціи поврежденныхъ древнихъ иконъ и поддѣлокъ подъ древнія иконы, какъ извѣстно, высокоцѣнимыя старообрядцами и старинщиками.

Холуй имѣетъ среди иконописцевъ уже много такихъ, которые занимаются живописью, подражая академическимъ художникамъ. Отсюда выходятъ мастера, берущіе подряды на украшеніе стѣнописями сельскихъ и городскихъ храмовъ.

Жители Палеха, владѣя въ совершенствѣ искусствомъ иконописанія въ древне-русскихъ стиляхъ, въ то же время излюбили особый способъ изготовленія иконъ, составляющій средину между иконописью и живописью, такъ называемый «фряжскій» стиль. Самый способъ написанія иконъ, практикуемый въ Палехѣ, отличенъ отъ техническихъ пріемовъ, принятыхъ въ Мстерѣ и даже Холуѣ. Иконы въ Палехѣ пишутся, согласно этому способу, сначала масляными красками широкой кистью (одежды и проч.), а затѣмъ иконописцъ окончательно отдѣлываетъ, «отбираетъ» тонкой кистью краской, разведенной на яйцѣ или твореннымъ золотомъ на древній манеръ, особенно тщательно приписывая мельчайшими штришками лики, волосы, движки и пробѣла въ одеждахъ. Вмѣстѣ съ этимъ палеховцы сохранили умѣніе исполнять въ древнерусскихъ стиляхъ фресковую живопись и послѣднія реставраціи древнихъ фресковыхъ стенописей во Владимірскомъ Успенскомъ соборѣ, въ Благовѣщенскомъ соборѣ въ Москвѣ и въ Новгородскомъ Софійскомъ произведены палеховскими мастерами.

Къ сожалѣнію, почти всѣ иконописцы эти лишены всякаго руководства со стороны высшихъ художественныхъ учрежденій. До послѣдняго времени въ этихъ селахъ не было даже рисовальныхъ школъ. Лишь десять лѣтъ тому назадъ высокопреосвященный Ѳеогностъ, бывшій архіепископъ владимірскій (нынѣ митрополитъ кіевскій), основалъ двѣ школы, иконописанія въ с. Мстерѣ и Холуѣ, которыя и приносятъ значительную пользу населенію, въ особенности холуйская школа; въ Палехѣ же до сихъ поръ нѣтъ иконописной школы и ученики принуждены обучаться механически иконописанію у мѣстныхъ мастеровъ въ ихъ мастерскихъ.

Въ послѣднее время всѣмъ иконописцамъ приходится переживать тяжелый кризисъ и ихъ промыслу здѣсь грозитъ полное уничтоженіе. Нѣсколько лѣтъ назадъ въ Москвѣ открылись двѣ иностранныя мастерскія Жако и Бонакера, которыя, начавъ свою дѣятельность съ изготовленія металлическихъ коробокъ для ваксы, консервовъ, чая, конфектъ и проч., перешли къ печатанію на жести иконъ. Отличаясь дешевизною, благодаря массовому изготовленію на скоропечатныхъ машинахъ, иконы эти во множествѣ стали распространяться торговцами. Агенты этихъ фирмъ забрали заказы у монастырей и лавръ на изготовленіе иконокъ для продажи богомольцамъ и въ сотняхъ тысячъ распространили свои издѣлія по всей Россіи. Монастыри почти совсѣмъ прекратили покупку иконъ у иконописцевъ и такимъ образомъ лишили главнаго заработка, который имѣли иконописцы отъ монастырскихъ заказовъ.

Находясь въ почти безвыходномъ положеніи мстерцы, палешане и холуйцы обратились съ ходатайствомъ въ Св. Синодъ о запрещеніи производить машиннымъ способомъ иконы и распространять иконы Жако и Бонакера. Но это ходатайство оставлено Синодомъ безъ послѣдствій.

Безпорядки на Сормовскихъ заводахъ. 23-го августа въ Нижнемъ Новгородѣ въ судебной палатѣ слушалось дѣло о безпорядкахъ на заводѣ «Сормово», происходившихъ въ іюлѣ 1899 г. Подсудимыхъ было 16 человѣкъ, въ числѣ которыхъ находился сынъ подполковника, Вл. Ал. Чеховскій. По словамъ газетъ, сущность обвинительнаго акта заключалась въ слѣдующемъ: 24-го іюля 1899 г., въ субботу, на механическихъ и другихъ заводахъ акціонернаго общества «Сормово», расположенныхъ въ 10 верстахъ отъ Нижняго-Новгорода, произошли безпорядки среди заводскихъ рабочихъ. По правиламъ внутренняго распорядка сормовскихъ заводовъ, заработная плата должна была выдаваться ежемѣсячно не позднѣе 26-го числа, и обыкновенно разсчетъ производился въ первую субботу послѣ 20-го числа, поэтому 24-го іюля рабочіе ждали полученія денегъ, хотя въ этотъ разъ обычнаго объявленія о выдачѣ платы вывѣшено не было.

Въ 6-мъ часу вечера толпа рабочихъ, постепенно увеличиваясь, стала собираться сначала около заводской конторы, а затѣмъ у квартиры директора заводовъ инженеръ-технолога Фоссъ, требуя выдачи денегъ. Фоссъ вышелъ къ толпѣ и объявилъ рабочимъ, что правленіе общества «Сормово» не успѣло перевести изъ Петербурга нужную для разсчета сумму, и что поэтому выдача денегъ отлагается на нѣсколько дней. Вмѣстѣ съ тѣмъ, Фоссъ предложилъ рабочимъ, кому нужно, взять, вмѣсто денегъ, такъ называемыя харчевыя записки на полученіе въ кредитъ товара изъ лавки заводскаго общества потребителей. Послѣ довольно продолжительныхъ объясненій съ Фоссомъ и мѣстнымъ полицейскимъ приставомъ Лавровымъ, толпа, не слушая ихъ увѣщаній успокоиться и разойтись по домамъ, громко, настойчиво, съ ругательствами продолжала требовать немедленной выдачи денегъ. При возроставшемъ постепенно волненіи толпы, около 8 часовъ, послышались угрозы разгромить заводъ, и въ окна директорской квартиры полетѣли камни. Выбивъ здѣсь камнями стекла въ 24-хъ рамахъ, рабочіе бросились громить главную заводскую контору и находящуюся въ томъ же зданіи канцелярію полицейскаго пристава, выбили въ этомъ зданіи стекла почти въ 100 окнахъ, въ нѣкоторыхъ рамахъ выбили переплеты, въ бухгалтерскомъ отдѣленіи конторы изорвали нѣсколько счетовъ; въ канцеляріи пристава частью истребили, а частью похитили нѣкоторыя дѣловыя бумаги и вещественныя доказательства, а также похитили 17 руб. 30 коп. казенныхъ денегъ. Отъ главной конторы рабочіе направились къ электрической станціи, взломали камнями стекла, переплеты рамъ и двѣ двери, повредили перила, ограждавшія машины, разбили измѣрительные приборы, нанесли побои нѣсколькимъ служащимъ и пытались испортить находившіяся въ движеніи машины, бросая въ нихъ камни, доски и песокъ. Но попытка эта не удалась, такъ какъ дѣйствіе машинъ тотчасъ же было остановлено служащими завода.

Оставивъ электрическую станцію, толпа направилась изъ завода въ деревлю Сормово къ ренсковому погребу заводскаго общества потребителей, разбивая на пути стекла въ окнахъ квартиръ заводской администраціи. Разломавъ въ погребѣ окна и двери, рабочіе ворвались въ самый погребъ и частью расхитили, а частью уничтожили винный товаръ, разбили кассу, въ которой, однако, денегъ не оказалось, и похитили часы и самоваръ, причинивъ разгромомъ обществу потребителей убытка свыше 3.000 рублей.

Безпорядки прекратились, и рабочіе разбѣжались уже около 9 часовъ вечера, когда въ Сормово прибыли вызванныя изъ Нижняго-Новгорода, по распоряженію губернатора, войска. Участвовало въ безпорядкахъ около 1.000 рабочихъ съ сормовскихъ заводовъ.

Во время судебнаго разбирательства выяснилось многое, характеризующее положеніе дѣлъ на Сормовскихъ заводахъ.

Вотъ, напр., что показывалъ завѣдующій хозяйственной частью на заводахъ, о системѣ расплаты съ рабочими (цит. по «Смоленскому Вѣстнику»).

Свид. Большинство работаетъ на сдѣльной платѣ, получая въ среднемъ 40 р., выше — отъ 85 р. до 150 р. и, наконецъ, мастера получали до 400 р. въ мѣсяцъ; первыхъ больше всего, вторыхъ не болѣе ¼ всего количества рабочихъ и третьихъ не болѣе 29-ти человѣкъ.

Пом. прис. пов. Муравьевъ. На какой срокъ нанимаются рабочіе? *Свидѣтель.* На неопредѣленный В. Сколько разъ въ мѣсяцъ выдается плата? О. Одинъ разъ, но послѣ безпорядковъ стали выдавать по два раза въ мѣсяцъ. *Чл. палаты.* Почему рабочіе не успокоились, когда директоръ завода предложилъ имъ получить вмѣсто денегъ харчевыя записки въ лавку общества потребителей служащихъ въ Сормовскихъ заводахъ? *Свидѣтель* молчитъ. В. Не хужели харчи въ потребительской лавкѣ? О. Рабочіе говорили, что имъ нужны для закупокъ на ярмаркѣ наличныя деньги. В. Какіе продукты продавались въ потребительской лавкѣ? Не тѣ же ли, что и на ярмаркѣ? О. Да, почти тѣ же. В. Если тѣ же, то почему рабочіе предпочитали дѣлать закупки на ярмаркѣ, а не у себя въ потребительской лавкѣ? *Свидѣтель* молчитъ. В. Значитъ просто по капризу? О. Да, это былъ капризъ рабочихъ. В. Но, быть можетъ, здѣсь имѣли значеніе и существующія въ потребительской лавкѣ цѣны на товаръ? О. Цѣны были низкія. В. Значитъ въ лавкѣ все обстояло хорошо? О. Да, въ это время все было хорошо, но раньше было маленькое неустройство. *Помощникъ прис. пов. Муравьевъ.* Какое неустройство? О. Дѣла лавки шли плохо. В. На какую сумму обращается харчевыхъ записокъ въ теченіе года? О До 800 тыс. р.

Пр. пов. Малянтовичъ. У завода есть кредиторы? *Свид.* Да. В. Заводъ платитъ имъ проценты? О. Да. В. А потребительскому обществу Сормовскій заводъ платитъ проценты за просрочку платежей, причитающихся съ завода за отпущенный изъ потребительской лавки товаръ по заводскимъ харчевымъ запискамъ? О. Нѣтъ, ничего не платитъ. В. А не оттого ли и дѣла потребительскаго общества были плохи? О. Не знаю. Вѣроятно, неустройство произошло вслѣдствіе неудачной закупки товара.

По просьбѣ защиты, палата разрѣшила подсудимому Лебедеву объяснить роль харчевыхъ записокъ на Сормовскихъ заводахъ. При крайне неаккуратной расплатѣ съ рабочими, вмѣсто денегъ даютъ харчевыя записки на заработанную сумму. Деньги даютъ съ большимъ трудомъ, а харчевыя записки сами навязываютъ. За десятирублевую харчевую записку на сторонѣ даютъ 7 — 8 руб. Изъ пріобщенныхъ къ дѣлу матеріаловъ газета указываетъ на разсчетныя книжки, изъ которыхъ видно, что нѣкоторымъ подсудимымъ 24-го іюля приходилось получить 11 руб. харчевыми записками и только 10 коп. деньгами. Если же взять счета по расплатѣ съ рабочими за годъ, то отчеты самихъ же Сормовскихъ заводовъ въ такихъ цыфрахъ иллюстрируютъ роль харчевыхъ записокъ: рабочему Рыбакову за годъ выплачено деньгами 33 руб., а харчевыми записками 253 р., рабочему Чижикову деньгами 11 руб., а харчевыми записками 321 р. Въ такомъ же положеніи сумма харчевыхъ записокъ находится къ суммѣ полученныхъ за годъ денегъ и другихъ подсудимыхъ, что удостовѣрено выпиской изъ счетовъ Сормовскихъ заводовъ.

Вызванный въ качествѣ свидѣтеля Добротворскій въ поясненіе невыгоды для рабочихъ расплаты харчевыми записками разсказалъ, что въ Сормовѣ близъ завода пріютился цѣлый контингентъ лицъ, живущихъ размѣномъ харчевыхъ записокъ. При такомъ учетѣ рабочій теряетъ 20 — 30%. Харчевыя записки не просто даютъ, а навязываютъ. Товаръ и продукты по этимъ запискамъ выдаются только изъ потребительскаго общества.

По окончаніи допроса свидѣтелей защиты началась рѣчь обвинителя тов.

прок. палаты Соболева. Обвинитель признавалъ наличность всѣхъ признаковъ преступленія по 269[1] ст. ул. о наказ. Отказавшись разсматривать участіе каждаго отдѣльнаго обвиняемаго въ безпорядкахъ, представитель обвинительной власти объяснилъ, что для обвиненія вполнѣ достаточно физическаго нахожденія подсудимаго въ толпѣ. Нахожденіе это подтверждено показаніями свидѣтелей обвиненія. Свидѣтели же защиты, стремящіеся установить alibi нѣкоторыхъ обвиняемыхъ, по мнѣнію тов. прокурора, не могутъ заслуживать довѣрія уже по одному тому, что они—рабочіе. Всѣхъ рабочихъ въ безпорядкахъ было 400 человѣкъ, на скамьѣ подсудимыхъ только 16; осталось много рабочихъ, хотя и участвовавшихъ въ безпорядкахъ, но не привлеченныхъ къ суду. Относительно доказанности alibi обвинитель держится того мнѣнія, что рабочіе не могли точно опредѣлить время нахожденія обвиняемыхъ внѣ заводской ограды; часы опредѣлились свидѣтелями лишь приблизительно.

Въ заключеніе защита въ яркихъ краскахъ обрисовала беззаконія, творившіяся заводской администраціей: расплату съ рабочими продуктами и харчевыми записками, чего не допускаетъ уставъ о промыш., расплату съ рабочими, нанимаемыми на неопредѣленный срокъ, менѣе двухъ разъ въ мѣсяцъ, опять-таки вопреки ясному требованію того же уст. о промыш. Аппаратомъ, при помощи котораго Сормовскіе заводы имѣли возможность изъ года въ годъ допускать указанныя беззаконія, являлось подчиненное администраціи завода потребительское о-во служащихъ на Сормовскихъ заводахъ, выдававшее своимъ пайщикамъ даже по 12% дивиденда, но ничего не выдававшаго покупателямъ рабочимъ на заборный рубль.

Судебная палата вынесла слѣдующій приговоръ: виновность по 269[1] ст. улож. о нак. отвергнута; десять рабочихъ признаны виновными по второй части 38-й ст. уст. о нак., нал. мир. суд., и присуждены въ арестный домъ: четверо несовершеннолѣтнихъ—на три недѣли, шестеро совершеннолѣтнихъ—на мѣсяцъ. Оправданы шесть человѣкъ. Гражданскій искъ отвергнутъ. Прокуроръ поддерживалъ обвиненіе противъ 15-ти рабочихъ по 269[1] ст. улож. о нак.

Изъ русскихъ журналовъ.

«Русская Мысль», августъ. Г. *Л. Г.* продолжаетъ характеристику «современной финляндской литературы», занимаясь на этотъ разъ поэтами и писателями, писавшими на финскомъ языкѣ. Подъемъ національнаго чувства и интереса къ родной старинѣ и языку создалъ національное теченіе въ финляндской литературѣ. Представителями этого теченія являются съ одной стороны Оксаненъ, и какъ поэтъ, и какъ ученый, работавшій надъ созиданіемъ литературнаго финскаго языка и стихотворныхъ размѣровъ для національной поэзіи, съ другой стороны, Эрко, первый поэтъ современной Финляндіи. Эрко—лирикъ, берущій сюжеты изъ народной среды; стихотворенія его проникнуты глубокимъ стремленіемъ къ правдѣ и къ высшимъ нравственнымъ идеаламъ. Въ послѣднее время онъ все болѣе вводитъ въ свои стихотворенія соціальные вопросы. Лучшимъ изъ его произведеній признается драма «Айно» (сюжетъ заимствованъ изъ «Калевалы»). Но самымъ талантливымъ изъ всѣхъ писателей національнаго возрожденія, безспорно, является Стенваль, писавшій подъ псевдонимомъ Киви. Сынъ бѣднаго пьянчужки портного, онъ только къ семнадцати годамъ научился грамотѣ, въ двадцать три поступилъ въ университетъ, всю жизнь боролся съ нуждой въ непосильной работѣ и въ тридцать шесть лѣтъ умеръ сумасшедшимъ вслѣдствіе истощенія. Онъ признается отцомъ финской прозы, а его драма «Портные изъ Нумми» и романъ «Семь братьевъ» считаются классическими

произведеніями финляндской литературы. Драма поражаетъ тонкою наблюдательностью, юморомъ, знаніемъ описываемой среды и мастерскимъ психологическимъ анализомъ. А романъ «Семь братьевъ» можно назвать исторіей культуры въ сокращенномъ видѣ. Въ немъ Киви показываетъ намъ, какъ семь братьевъ, «эти грубыя натуры, эти представители людской первобытной дикости, постепенно превращаются въ людей, годныхъ для общежитія, въ работниковъ культуры», говоритъ Браузеветтеръ. Опасности и приключенія этихъ братьевъ при жизни въ лѣсной глуши авторъ передаетъ съ необыкновеннымъ юморомъ и богатствомъ фантазіи; языкъ отличается силою, страстностью и необычайнымъ разнообразіемъ. Черезъ нѣсколько лѣтъ продолжателями литературной дѣятельности Киви выступили два крупныхъ таланта: въ области драмы—Минна Кантъ, въ области романа—Ахо. Кантъ дебютировала драмой «Кража со взломомъ», имѣвшей огромный успѣхъ и до сихъ поръ не сходящей съ репертуара финской сцены. Подъ вліяніемъ знакомства съ иностранной литературой, она возвысилась надъ узко-національными интересами и стала горячей поборницей новѣйшихъ просвѣтительныхъ идей. Но на ея литературную манеру самое сильное вліяніе оказали русскіе писатели, въ особенности Достоевскій и Толстой: благодаря имъ, на ряду съ общественными вопросами, она все больше начинаетъ интересоваться психологическими. Драмы ея тенденціозны, вездѣ она борется съ предразсудками и общественными условіями, вездѣ громитъ, изобличаетъ, поучаетъ; ей трудно отрѣшиться отъ своей субъективности, и сквозь драматическое изображеніе лицъ и событій всюду проступаетъ ея сатирическій и полемическій задоръ. Самой сильной изъ ея драмъ является «Анна-Лиза», написанная подъ сильнымъ вліяніемъ «Власти тьмы», но тѣмъ не менѣе типично-финское произведеніе. Минна Кантъ умерла въ 1898 году. Виднѣйшимъ современнымъ писателемъ Финляндіи считается Ахо, каждое новое его произведеніе составляетъ цѣлое событіе въ литературномъ мірѣ. Въ противоположность обличительнымъ тенденціямъ Кантъ, Ахо—прежде всего художникъ. Онъ соединяетъ въ себѣ отличительныя черты финскихъ писателей—любовь къ природѣ, родинѣ, своему народу, смѣсь меланхоліи и юмора, но въ то же время онъ совершенно чуждъ національныхъ пристрастій и выдается среди финскихъ писателей широтой міровоззрѣнія. Критика признаетъ за Ахо удивительный талантъ разгадывать внутреннія побужденія человѣческихъ поступковъ. По убѣжденіямъ Ахо—несомнѣнно прогрессистъ, а между тѣмъ, какъ художникъ, онъ любитъ живописную старину; какъ наблюдатель, онъ отмѣчаетъ на ряду съ положительными и обратныя стороны новыхъ жизненныхъ условій, ту путаницу въ понятіяхъ простыхъ и темныхъ людей, которую они вносятъ, и гибель того хорошаго и поэтическаго, что было въ старомъ. Въ своихъ произведеніяхъ онъ даетъ намъ вполнѣ реальныя, полныя захватывающаго интереса картины борьбы новыхъ культурныхъ условій жизни со стариной. Изъ русскихъ писателей Ахо ближе всего стоитъ къ Тургеневу. Какъ Тавастьерна (по болѣе употребительной транскрипціи—Тавастшерна), Ахо не избѣгъ нареканій за пристрастіе къ «чужому» и за пренебреженіе «своимъ». На эти нападки онъ съ горечью отвѣчаетъ: «Развѣ не возмутительно, что восхваляютъ тебя за то, за что ты самъ себя презираешь, и, наоборотъ, когда ты во что-нибудь всю душу вкладываешь, тебя поднимаютъ на смѣхъ? Такъ было со мной всю жизнь: надъ лучшими моими пѣснями потѣшались, но зато слушали съ сіяющими глазами уличныя мелодіи». Но послѣдній историческій романъ Ахо «Пану» заставилъ на время умолкнуть даже его противниковъ,—до того онъ поражаетъ грандіозностью замысла и художественностью исполненія. Дѣйствіе происходитъ во времена Калевалы, въ самый разгаръ борьбы христіанства съ отжившимъ язычествомъ, здѣсь сталкиваются два міровоззрѣнія, двѣ культуры, и авторъ старается выяснить, почему побѣда осталась на сторонѣ христіанъ. Статья о

финляндской литературѣ иллюстрирована переводами отрывковъ изъ финскихъ писателей.

Г. М. Протопоповъ въ статьѣ «Критика критиковъ» оцѣниваетъ двѣ новыя книги: Арс. Введенскаго, «Общественное самосознаніе въ русской литературѣ», и М. О. Меньшикова, «Критическіе очерки». При разборѣ первой книги, критическая манера г. Протопопова не вызываетъ протеста, такъ какъ матеріалъ, надъ которымъ онъ произноситъ свои рѣзкіе приговоры, въ достаточной мѣрѣ заслуживаетъ этого. Введенскій критикъ-націоналистъ. Книга его есть наборъ пышныхъ и банальныхъ сужденій, и г. Протопоповъ приводитъ цѣлый букетъ безцвѣтныхъ, громкихъ и претенціозныхъ изрѣченій, притомъ проникнутыхъ какимъ-то риторическимъ паѳосомъ, напр., въ родѣ слѣдующихъ: «Шекспиръ—величайшій представитель драматической поэзіи, соединявшій въ себѣ геніальный умъ съ геніальнымъ художественнымъ талантомъ и давшій рядъ удивительныхъ произведеній, глубокихъ и поучительныхъ, какъ сама жизнь». Русскіе писатели одинъ за другимъ характеризуются такими много говорящими эпитетами: знаменитый, геніальный, необыкновенный, изумительный, талантъ величавый, безпримѣрный; между ними время отъ времени находимъ такія восклицанія: «какъ упоительно-прекрасны лѣтній день и лунная чарующая ночь въ произведеніяхъ Гоголя!» Г. Протопоповъ правъ, отмахиваясь отъ этой «литературной банальщины», отъ этихъ школьныхъ хрестоматій, составленныхъ преподавателями «изящной словесности» въ низшихъ классахъ гимназіи. Этой безсодержательной риторикѣ, по его мнѣнію, придаютъ нѣкоторую характерность развѣ только націоналистическія тенденціи г. Введенскаго. Націонализмъ его состоитъ въ любви къ тому «неуловимому, родному, русскому настроенію, которое въ мысль и чувство вноситъ свой живой и дѣятельный элементъ». Единственное объясненіе этого «неуловимаго, русскаго настроенія» дается въ слѣдующихъ словахъ: «Русская натура, какъ извѣстно, широка, какъ необозримы поля нашей родины. Ужъ если русскій человѣкъ веселъ, то веселъ безгранично; скученъ—такъ скученъ до глубокой печали: онъ не знаетъ середины. Если онъ порочень, то порокъ его принимаетъ формы огромныя» и т. д. Отъ этихъ полумистическихъ славянофильскихъ фразъ вѣетъ полувѣковой пылью. Раздѣлавшись съ Введенскимъ на объективной почвѣ, г. Протопоповъ по отношенію къ Меньшикову становится на субъективную почву, всегда столь невыгодную для него самого. Онъ повторяетъ свой обычный пріемъ—отвѣтить на обличеніе протестомъ оскорбленнаго достоинства. Меньшиковъ, какъ критикъ-моралистъ, имѣлъ неосторожность воскликнуть: «О, если бы совѣсть русскаго человѣка пробудилась! Если бы онъ, сидящій съ открытыми глазами, увидѣлъ все нравственное безобразіе своей жизни, всю ложь и грязь, скопившуюся вѣками». Г. Протопоповъ почувствовалъ себя лично уязвленнымъ этимъ упрекомъ и закусилъ удила. «Г. Меньшиковъ!—восклицаетъ онъ.—У васъ есть совѣсть или нѣтъ?.. Я вѣдь такой же русскій человѣкъ, какъ и другіе русскіе люди... и вотъ за другихъ и за самого себя я ставлю (этотъ) вопросъ». Далѣе онъ привлекаетъ г. Меньшикова къ отвѣту за то, что онъ выставляетъ себя избранникомъ, требуетъ отъ него доказать на это свои права и кончаетъ, какъ всегда, грубымъ поученіемъ: «Напомнимъ г. Меньшикову просто о приличіяхъ, попросимъ его не шумѣть попусту, не толкаться и не браниться: «не смѣйся горохъ, ты не лучше бобовъ». И дальше онъ выхватываетъ у Меньшикова фразу о «свѣтлыхъ душахъ, затерянныхъ въ толпѣ» и разражается бранью совсѣмъ дурного тона. «Чортъ возьми, какой аристократизмъ! Позвольте вамъ сказать, г. Меньшиковъ, что жизнь держится не вашими благородными сердцами, а нашими рабочими спинами и руками... Мы не заслуживаемъ вашего вниманія? Ахъ, очень рады, оставьте безъ вниманія насъ, наши труды, наши заботы, наши горести и радости и... наши карманы. Оставьте и

ступайте въ келью подъ елью созерцать нравственную красоту другъ друга, Иванъ у Петра, а Петръ у Ивана». Чтобы договориться до такихъ неприличныхъ эксцесовъ, нужно быть болѣзненно чувствительнымъ въ пунктѣ о признаніи своихъ заслугъ. Дальнѣйшая критика книги Меньшикова придирчива и вертится на уловленіи несущественныхъ противорѣчій. Такъ читатель, присутствовавшій при раздраженномъ отчитываніи Меньшикова г. Протопоповымъ, въ концѣ концовъ, не получаетъ почти никакого понятія о самой книгѣ.

Г. Ассѣевъ въ обстоятельной статьѣ, снабженной таблицами, сообщаетъ о развитіи безлошадности въ крестьянскомъ хозяйствѣ. Передадимъ главныя его положенія. Количество безлошадныхъ дворовъ стоитъ въ прямой зависимости отъ величины надѣла: чѣмъ меньше земли и, слѣдовательно, чѣмъ гуще населеніе, тѣмъ выше процентъ безлошадныхъ хозяйствъ. Бо́льшее обезпеченіе землей влечетъ за собой пониженіе безлошадности. Въ черноземныхъ губерніяхъ наблюдается прямая связь между безлошадностью и урожаями: хорошіе урожаи и низкія цѣны на хлѣбъ задерживаютъ развитіе безлошадности; въ нечерноземныхъ западныхъ губерніяхъ наблюдается другая закономѣрность: безлошадность стоитъ въ прямой зависимости не отъ урожаевъ (ибо урожаи здѣсь не такъ измѣнчивы, какъ въ черноземной полосѣ), а отъ уровня цѣнъ,—болѣе высокія цѣны на хлѣбъ повышаютъ процентъ безлошадности, и наоборотъ. Вообще, въ губерніяхъ, гдѣ урожаи сильно колеблются, замѣчается и бо́льшее количество безлошадныхъ дворовъ, и постоянная тенденція къ возрастанію безлошадности, именно, въ черноземныхъ губерніяхъ. Наконецъ, несомнѣнно, важнымъ факторомъ для уменьшенія безлошадныхъ хозяйствъ служитъ пониженіе выкупныхъ платежей. Подводя общій итогъ распредѣленію безлошадныхъ и многолошадныхъ дворовъ въ 12 западныхъ и центральныхъ губерній и 10 губерній Царства Польскаго (которыя вообще только и изучалъ авторъ), за періодъ времени отъ 1888 года по 1894 замѣчается убыль многолошадныхъ дворовъ и прибыль безлошадныхъ и однолошадныхъ: такъ процентъ безлошадныхъ и однолошадныхъ въ русскихъ губерніяхъ возросъ съ 46 до 55, а процентъ многолошадныхъ (въ 2, 3, 4 и больше лошадей) упалъ съ 30 на 21; итакъ, возрастаніе однолошадныхъ и безлошадныхъ совершилось на счетъ многолошадныхъ, и есть, слѣдовательно, признакъ экономическаго упадка многихъ зажиточныхъ хозяйствъ.

«Русское Богатство», августъ. *Г. Черновъ* разсматриваетъ процессъ эволюціи марксистской догмы. Этой доктринѣ былъ нанесенъ серьезный ударъ фактами аграрной дѣйствительности, упорнымъ сельскохозяйственнымъ кризисомъ, не подходившимъ подъ шаблонную формулу торгово-промышленныхъ кризисовъ, слабымъ развитіемъ капитализма въ области земледѣлія и живучестью мелкой собственности. Эти факты расшатывали основанія догмы и требовали отъ вождей ея такъ или иначе съ ними справиться. Естественно, что теоретики марксизма на первый разъ употребятъ всѣ старанія, чтобы сохранить старое ученіе въ неприкосновенномъ видѣ, и потому прибѣгнутъ къ «оговоркамъ», постараются путемъ всякихъ ухищреній приладить новые факты къ прежнимъ теоретическимъ основамъ. Марксизмъ какъ разъ и переживаетъ теперь переходный періодъ «оговорокъ» и «оговорокъ къ оговоркамъ». Аграрный вопросъ засталъ представителей марксизма врасплохъ, какъ они признавались сами. А между тѣмъ любопытно, что въ позднихъ сочиненіяхъ основателей марксизма, Маркса и Энгельса, можно уже найти всѣ элементы для построенія своеобразнаго процесса аграрной эволюціи, радикально различающагося отъ хода промышленной эволюціи. При этомъ Марксъ совсѣмъ не касается вопросовъ аграрной политики, но Энгельсъ очень опредѣленно высказывается въ пользу такого образа дѣйствій, который бы могъ избавить крестьянъ отъ паденія на ступень пролетаріата; средство для этого онъ ви-

дитъ въ сельскохозяйственной кооперацiи, дающей возможность вести крупное хозяйство и покоящейся на общественной собственности. Итакъ, и теоретически, и практически аграрный вопросъ былъ намѣченъ въ трудахъ основателей марксизма, между тѣмъ ученики пропустили все это мимо и связали ученiе исключительно съ болѣе ранними, и потому болѣе крайними и рѣшительными утвержденiями учителей. Расколъ въ партiи по поводу аграрнаго вопроса былъ произведенъ впервые рефератомъ Фольмара на франкфуртскомъ партейтагѣ въ 1894 году; успѣхъ этого реферата, провозглашавшаго «иной путь» развитiя для земледѣлiя, сравнительно съ индустрiей, *) былъ громадный, и немедленно была составлена спецiальная аграрная коммиссiя для выработки особой аграрной программы. Программа эта поддерживала двѣ тенденцiи: во-первыхъ, развивать крестьянскую общинную собственность, во-вторыхъ, организовать сельскохозяйственную кооперацiю; земледѣльческая кооперацiя на общинныхъ началахъ и должна послужить естественной переходной формой къ высшей народнохозяйственной организацiи. Но противъ этого теченiя вновь поднялась реакцiя со стороны попранной догмы, которая и восторжествовала на слѣдующемъ партейтагѣ въ Бреславлѣ, въ 1895 году. Побѣдители теперь еще громче выкрикивали свои непререкаемые тезисы о необходимости уничтоженiя крестьянства капитализмомъ, и одинъ изъ нихъ даже заявилъ, что нечего спасать «крестьянина, который уже не существуетъ». Проектъ аграрной программы, представленный коммиссiей, былъ отклоненъ. Но при внѣшней побѣдѣ догматическаго направленiя, моральная побѣда была собственно одержана Фольмаромъ и его сторонниками, что выразилось уже въ характерной оговоркѣ, вставленной въ резолюцiю: «Партейтагъ признаетъ, что сельское хозяйство подчиняется своимъ особымъ законамъ, отличнымъ отъ законовъ развитiя индустрiи». Значитъ, отрицать новые факты было нельзя: нужно было попытаться приклеить ихъ къ старымъ взглядамъ и поискуснѣе замазать трещины. Эту задачу взялъ на себя Каутскiй въ своей книгѣ «Аграрный вопросъ»; въ ней онъ старается доказать, что факты аграрной эволюцiи нисколько не противорѣчатъ старой догмѣ. Въ сущности, онъ принужденъ по многимъ пунктамъ капитулировать передъ своими противниками, но дѣлаетъ эти уступки глухо, замаскированно, въ двухъ-трехъ бѣглыхъ фразахъ, вслѣдъ за которыми идутъ цѣлыя страницы развитiя его собственныхъ мнѣнiй и споровъ съ противниками. Благодаря этимъ ловкимъ маневрамъ, читатель, недостаточно втянувшiйся въ вопросъ, можетъ вынести впечатлѣнiе, что область аграрныхъ отношенiй только лишнiй разъ самымъ блестящимъ образомъ подтверждаетъ глубокую научную силу «догмы».

*) Для параллели съ этимъ скромнымъ первымъ выступленiемъ, приведемъ рѣшительный тонъ и крайнiя требованiя Фольмара, заявленныя имъ недавно на партiйномъ собранiи въ Грацѣ (эта рѣчь передана берлинскимъ корреспондентомъ «Русскихъ Вѣдомостей», № 247). Онъ рѣзко протестуетъ противъ примѣненiя готовыхъ индустрiальныхъ формулъ въ сельскохозяйственной области. «Я могу сказать,—продолжаетъ онъ,—не рискуя быть названнымъ отступникомъ, что есть цѣлыя области народнаго труда, въ которыхъ мы можемъ и должны поддерживать частную собственность, какъ не только законную, но при настоящихъ условiяхъ лучшую, т.-е. болѣе соотвѣтствующую экономическимъ силамъ, требованiямъ производства и потребностямъ трудящихся». Въ полномъ объемѣ, по мнѣнiю Фольмара, это относится къ крестьянскому землевладѣнiю: нужно расширить общинную собственность на лѣса, пастбища, луга, нужно требовать поднятiя образованiя, техники, отмѣны привилегiй и т. п., но принципа мелкаго землевладѣнiя нельзя трогать, совершенно такъ, какъ нельзя задѣвать религiозныя убѣжденiя. «Я считаю завоеванiе симпатiй деревни величайшей нашей задачей»; но если бы партiя хотѣла настаивать на томъ, что, стоя на почвѣ коллективизма, она не имѣетъ права поддерживать существованiе частной собственности, то ей пришлось бы отказаться не только отъ всякой попытки привлечь на свою сторону крестьянъ, но и отъ всякаго участiя въ соцiальномъ законодательствѣ вообще.—Присутствовавшiе проводили Фольмара бурными рукоплесканiями.

*

Затѣмъ г. Черновъ подкрѣпляетъ эту характеристику книги Каутскаго примѣрами и выдержками изъ нея. Сельское хозяйство, крестьянъ Каутскій считаетъ пассивными элементами, они не въ состояніи собственными силами выбраться на настоящую дорогу, активнымъ дѣятелемъ, творцомъ новой жизни изъ этого пассивнаго матеріала будетъ городъ, индустрія. Къ міросозерцанію Каутскаго въ высшей степени подходитъ мѣткій терминъ «индустріоцентризмъ» (употребляемый Оппенгеймеромъ по отношенію къ теоріи Маркса вообще). Вообще, въ книгѣ Каутскаго фигурируетъ та же старая «догма», только въ нѣсколько разжиженномъ и обезцвѣченномъ видѣ. Нужно надѣяться, что начавшійся внутренній пересмотръ ученія освободитъ его отъ всего отжившаго, лишняго, и некритическая, черезчуръ прямолинейная доктрина возродится въ новой, болѣе зрѣлой и болѣе реалистической формѣ.

Г. Ф. Щербина на основаніи крестьянскихъ бюджетовъ, собранныхъ путемъ опроса по Воронежской губерніи, опредѣляетъ среднюю норму пищевыхъ продуктовъ для взрослаго человѣка. Показанія собраны съ 230 хозяйствъ, составляющихъ 1.912 душъ населенія. По произведенному подсчету оказывается, что если привести всѣ пищевыя вещества къ одному знаменателю—хлѣбу, то нормой продовольствія взрослаго человѣка въ сутки должно быть $2^1/_4$ фунта хлѣба. При пониженіи этой нормы въ населеніи повышается процентъ смертности, заболѣваемости и даже калѣчности. Въ приведенныхъ авторомъ таблицахъ это соотвѣтствіе происходитъ съ замѣчательною закономѣрностью. Но и самая норма не можетъ считаться вполнѣ удовлетворительною, какъ это выясняется изъ сравненія бюджетовъ разныхъ народностей: такъ, расходъ на пищу русскаго крестьянина въ пять разъ меньше расхода англичанина; притомъ и составъ пищи кореннымъ образомъ отличается по значительному преобладанію растительныхъ веществъ надъ животными въ пищѣ русскаго крестьянина. Итакъ, суточную продовольственную норму въ $2^1/_4$ фунта хлѣба никакъ нельзя считать высокою. Съ этой точки зрѣнія, «продовольствовать нуждающихся однимъ фунтомъ хлѣба въ день, какъ это дѣлалось въ неурожайные годы, значитъ завѣдомо вести населеніе къ вымиранію». Это и доказано опытомъ 1892 года, когда тѣ же воронежскіе крестьяне, которые дали бюджетный матеріалъ, не только не имѣли обычнаго прироста до 1,5%, но даже потерпѣли убыль населенія въ 1,3%.

Г. В. Кузнецовъ даетъ очеркъ замѣчательно раціональной организаціи переселенческаго дѣла въ Сѣверной Америкѣ, по собственнымъ наблюденіямъ на мѣстѣ. Канада въ 1870 году выкупила громадныя пространства земли, принадлежавшія компаніи Гудзонова залива, и съ тѣхъ поръ колонизуетъ ихъ. Прежде всего были строго опредѣлены тѣ провинціи, въ которыя должно было направиться иммиграціонное движеніе, и установлены общія правила, опредѣляющія всѣ права и обязанности поселенцевъ и содержащія въ себѣ необходимыя указанія для устройства ихъ на новыхъ мѣстахъ. Завѣдываніе переселенческимъ дѣломъ сосредоточено въ особомъ эмиграціонномъ департаментѣ при министерствѣ внутреннихъ дѣлъ. Кромѣ этого центральнаго органа и его представителя, живущаго въ переселенческомъ районѣ, есть цѣлый рядъ мѣстныхъ учрежденій: переселенческія конторы и при нихъ переселенческіе дома, затѣмъ земельныя конторы, земельные агенты, землемѣры, инспекторы и т. д. Признавая огромную важность дорогъ для успѣховъ колонизаціи, канадское правительство провело большую магистраль—Тихоокеанскую желѣзную дорогу и боковыя вѣтви (общая длина линіи около 5.000 верстъ). Правительство заботится о томъ, чтобы участки поселенцевъ отстояли не дальше 30 верстъ отъ желѣзной дороги,—въ противномъ случаѣ предпринимаетъ постройку новой вѣтви. Въ то же время правительство на свой счетъ проводитъ грунтовыя дороги мимо каждаго вновь занятаго участка, немедленно вслѣдъ за поселеніемъ въ немъ колониста. Пред-

варительно, еще до появленія переселенцевъ, земля размежевывается и разбивается на участки, размѣромъ около 60 десятинъ каждый. Такой участокъ можетъ пріобрѣсти всякій, безъ различія происхожденія и религіи, уплативъ 20 рублей. Кромѣ того, поселенецъ обязанъ выстроить на своемъ участкѣ домъ и разрабатывать подъ посѣвъ землю въ такомъ количествѣ, чтобы черезъ три года было разработано не менѣе $5^1/_2$ десятинъ. Во все это время никакихъ податей не платится, и по истеченіи трехъ лѣтъ земля поступаетъ въ полную собственность поселенца. Оформить это право будетъ стоить тоже около 20 рублей. Затѣмъ правительство предоставляетъ переселенцу лѣсъ для хозяйственныхъ построекъ, даетъ ссуду въ размѣрѣ 1.200 рублей изъ 6% годовыхъ и др. Канадское правительство держитъ въ Лондонѣ, Ливерпулѣ и Глазго свои агентства, въ которыхъ переселенцы могутъ получить всѣ нужныя имъ свѣдѣнія. Когда же переселенецъ вступилъ на бортъ океанскаго парохода, ему не о чемъ болѣе заботиться: онъ поступаетъ всецѣло на попеченіе канадской переселенческой организаціи. Проѣздъ по желѣзнымъ дорогамъ удешевленъ для переселенцевъ на 70%, причемъ по боковымъ вѣтвямъ переселенца съ его семьей везутъ даже совсѣмъ безплатно; весь багажъ, скотъ и земледѣльческія орудія провозятся также безплатно отъ того или другого европейскаго порта. Спеціальные вагоны для колонистовъ устроены съ большими удобствами, и когда ихъ не хватаетъ, пользуются обыкновенными пассажирскими вагонами I-го класса. При остановкахъ переселенцы помѣщаются въ особыхъ эмиграціонныхъ домахъ. Доѣхавъ до избраннаго пункта, переселенецъ обращается къ земельному агенту, и тотъ беретъ на казенный счетъ лошадей и везетъ его на мѣсто для осмотра участковъ; эта поѣздка продолжается иногда двѣ недѣли, причемъ переселенецъ все время пользуется даровымъ ночлегомъ и продовольствіемъ. Выбравъ участокъ, переселенецъ подаетъ объ этомъ заявленіе въ мѣстную земельную контору и уплачиваетъ установленные 20 рублей, тѣмъ дѣло и кончается. Если прибавить къ этому, что колонистъ получаетъ право на участіе во всѣхъ мѣстныхъ провинціальныхъ и общегосударственныхъ выборахъ, что дѣти его получаютъ обязательное образованіе въ школахъ, на которыя правительствомъ учрежденъ спеціальный школьный фондъ, то получается очень внушительная картина, которая еще рѣзче оттѣняетъ неорганизованность нашего переселенческаго дѣла со всѣми сопровождающими его случайностями. Въ Канадѣ населеніе очень рѣдкое: на одну кв. версту приходится 0,7 человѣкъ; поэтому канадское правительство заинтересовано въ привлеченіи колонистовъ, оно ищетъ ихъ, зазываетъ. У насъ въ Сибири населеніе еще рѣже—0,5 чел. на кв. версту, однако сколько-нибудь дѣятельной колонизаціонной политики не проявляется.

«Жизнь», августъ. *Г. Андреевичъ* подводитъ итоги своей характеристики Горькаго. Въ основѣ отношенія къ жизни у Горькаго лежитъ осужденіе современной культуры; жертвой своего негодованія онъ избираетъ прежде всего интеллигенцію, къ которой относится не только съ презрѣніемъ, но даже съ ненавистью. Содержаніе интеллигентной души, по его мнѣнію (очеркъ «Еще о чортѣ»), составляетъ безобразная и ничтожная смѣсь изъ злобы, трусости, гнѣва, честолюбія и нервозности. Интеллигенція поддалась буржуазнымъ аппетитамъ и огрубѣла въ самодовольствѣ и самоудовлетворенности, жрецы и служители науки «съ поразительной быстротой становятся безукоризненными чиновниками и кругленькими буржуями». Истинный смыслъ художественныхъ произведеній Горькаго и заключается въ томъ, что въ нихъ «гордый и мятежный духъ человѣка не хочетъ примириться съ потерей своего достоинства ради всѣхъ соблазновъ мѣщанской культуры». Этотъ протестъ противъ самодовольнаго упоенія житейскими благами воплотился у Горькаго въ «конкретномъ, яркомъ, полномъ трепета крови и мощи образѣ босяка». «И я думаю,—замѣчаетъ г. Андреевичъ,— что этотъ босякъ—греза, мечта, образъ чисто лирическій, созданный тоской и

обидой, накапливающимися въ душѣ подъ вліяніемъ современности, созданный злобой на ложь, пошлость и лицемѣріе, сѣрымъ, промозглымъ туманомъ окутывающія наши думы и все наше бытіе. Въ полную этнографическую реальность этого босяка я не вѣрю, какъ не вѣрю въ реальность романтическихъ типовъ вообще. Но дѣло тутъ не въ реализмѣ, а въ богатомъ идейномъ содержаніи образа». Босякъ—не выходъ, не идеалъ, но въ наше мѣщанское или «обмѣщанивающееся» время широкій размахъ романтизма привлекаетъ своимъ контрастомъ, своею силою. «Смотря на этихъ людей, отрѣшившихся отъ страха жизни, развязавшихся съ самымъ неотвязнымъ—съ привычкой, вы забываете объ ихъ жестокости, себялюбіи, этой жаждѣ жизни, не останавливающейся передъ страданіями другого, объ этомъ полномъ отсутствіи общественности...—вы просто довольны тѣмъ, что на васъ пахнуло струей свѣжаго воздуха, и вы увидѣли призракъ свободнаго собрата... Они привлекательны прежде всего своей жизненной неустрашимостью, у этихъ отверженныхъ нѣтъ мѣста для страха іудейска въ душѣ, нѣтъ унижающей заботы о будущемъ... И потомъ—эта властность ихъ натуры, этотъ ихъ аристократизмъ, это высокомѣрное презрѣніе къ благамъ міра. Они непобѣдимы: никакой жизненный соблазнъ не подкупитъ ихъ, никакая сила не склонитъ ихъ передъ собою, не вырветъ у нихъ слова лжи, неправды и лицемѣрія; ничто ихъ не пугаетъ»... Но подъ всѣми этими горделивыми украшеніями скрывается основная «реальность» босяцкой натуры—ея страданіе отъ жизненныхъ обидъ и жизненныхъ утѣсненій. Они всѣми способами стараются прикрыть свое страданіе, свою тоску, заглушаютъ ее пьянствомъ, или изливаютъ въ душу надрывающихъ пѣсняхъ. «О, мы знаемъ, мы слишкомъ хорошо знаемъ эти натуры! Тоскующія тѣни ихъ не сходятъ со страницъ нашей литературы, чуть ли не съ первыхъ же дней ея зарожденія. Это босячество—это вѣковѣчная драма нашей литературы, первое, наиболѣе полное и безхитростное изображеніе которой мы находимъ еще въ знаменитой повѣсти XVII вѣка—«Горе-Злосчастіе». И обращая вниманіе на страданіе и обиду, которыя каждый босякъ носитъ въ себѣ, вы увидите, какъ, въ концѣ концовъ, реаленъ Горькій въ самомъ романтизмѣ своемъ, ибо тутъ онъ дошелъ до глубины». Но за всѣми смѣлыми картинами, за всѣми вызывающими проклятіями жизни у Горькаго пробивается какой-то тайный страхъ передъ могуществомъ жизни и ея—жестокостью. Во всѣхъ изображеніяхъ его вина въ житейскихъ неудачахъ босяковъ падаетъ не на отдѣльныхъ людей, которые, наоборотъ, очень часто протягивали имъ руку помощи: босяковъ придавили стихійные процессы жизни. Отсюда та «пессимистическая нотка, которая безъ устали звучитъ въ произведеніяхъ Горькаго, и его робкіе призывы къ человѣческому сердцу».

«Вѣстникъ Европы», сентябрь. Въ отдѣлѣ «Изъ общественной хроники» находимъ обсужденіе министерскихъ циркуляровъ о преподаваніи древнихъ языковъ въ гимназіяхъ. «Великимъ праздникомъ для десятковъ тысячъ родителей былъ тотъ день, когда они прочли циркуляры. Немаловажно то, что они даютъ, еще важнѣе то, на что они позволяютъ надѣяться». Существенно важный комментарій къ словамъ министра мы находимъ въ циркулярѣ попечителя с.-петербургскаго учебнаго округа на имя начальниковъ средне-учебныхъ заведеній. «Съ отмѣною экстемпоралій и письменныхъ испытаній по древнимъ языкамъ,—говоритъ г. попечитель,—эти послѣдніе ставятся нынѣ въ гимназіяхъ, въ сущности, въ такое же положеніе, какъ и новые языки; отличіе выражается только числомъ уроковъ, которое можетъ быть измѣнено не иначе, какъ въ законодательномъ порядкѣ... Тексты (древнихъ авторовъ) изучались и при прежней постановкѣ дѣла; но при изученіи преслѣдовались преимущественно грамматическія цѣли Отчасти вслѣдствіе этого, а отчасти и вслѣдствіе того, что для преподаванія древнихъ языковъ были въ свое время приглашены въ большомъ числѣ иностранцы, не владѣвшіе свободно русскимъ

языкомъ, при переводахъ съ древнихъ языковъ на русскій выработался своеобразный стиль... Отнынѣ переводы должны быть обязательно и немедленно же отдѣлываемы сообразно съ требованіями литературнаго языка, для чего, конечно, необходимо, чтобы преподаватели не только вполнѣ владѣли русскимъ языкомъ, но и были достаточно знакомы съ русской литературой». Эти слова заставляютъ думать, что при пересмотрѣ гимназическаго устава въ законодательномъ порядкѣ древніе языки окончательно утратятъ господствующее мѣсто въ преподаваніи и, слѣдовательно, не будетъ основанія оставлять за ними теперешнее несоразмѣрно большое число уроковъ, въ ущербъ остальнымъ предметамъ. Но «какова бы ни была судьба законопроектовъ, подготовляемыхъ министерствомъ народнаго просвѣщенія, эпоху мертваго, удушливаго, притупляющаго псевдоклассицизма можно считать безвозвратно миновавшей». Министерскій циркуляръ стремится также поднять значеніе педагогическихъ совѣтовъ, но осуществленіе этой благой цѣли можетъ встрѣтить помѣху въ черезчуръ широкой власти, предоставленной директору гимназіи. Въ виду этого, можно вполнѣ сочувствовать напоминанію попечителя с.-петербургскаго округа о томъ, что «директоры средне-учебныхъ заведеній не должны входить къ нему съ представленіями лично отъ себя по вопросамъ, подлежащимъ обсужденію педагогическаго совѣта или хозяйственнаго комитета»; въ то же время попечитель ограждаетъ права меньшинства, настаивая на внесеніи въ протоколъ отдѣльныхъ мнѣній, хотя бы поданныхъ однимъ лицомъ. Но совсѣмъ иное отношеніе вызываетъ другое требованіе попечителя о томъ, чтобы директора гимназій въ свободное время посѣщали уроки и давали совѣты и указанія преподавателямъ. Эти начальственныя посѣщенія будутъ имѣть характеръ контроля и ни въ какомъ случаѣ не могутъ способствовать «развитію въ учителяхъ того качества, которымъ они теперь всего менѣе обладаютъ и безъ котораго немыслимо дѣйствительное преобразованіе средней школы,—самостоятельности».

Г. И. Керчикеръ въ статьѣ о «Профессіональныхъ заболѣваніяхъ рабочихъ на западѣ» разсматриваетъ вредныя производства, указываетъ на процентъ заболѣваній и родъ болѣзней, связанныхъ съ той или другой работой, затѣмъ перечисляетъ мѣры, принимаемыя въ различныхъ государствахъ для огражденія рабочихъ. Въ общемъ законодательная охрана рабочихъ отъ вредныхъ производствъ стоитъ далеко не высоко даже въ передовыхъ европейскихъ государствахъ; поэтому наиболѣе поучительными для насъ будутъ не столько указанія дѣйствующей практики, сколько выработанныя на цюрихскомъ международномъ съѣздѣ требованія для защиты рабочихъ. 1) Необходимо ввести особый списокъ вредныхъ производствъ, которымъ могли бы руководствоваться фабричная инспекція и мѣстныя власти. Это облегчило бы задачу тѣхъ учрежденій, которыя завѣдуютъ разрѣшеніемъ на открытіе промышленныхъ заведеній, и вмѣстѣ съ тѣмъ ясно указывало бы на тѣ требованія, которыя можно и должно предъявлять къ фабриканту. 2) Необходимо установить личную отвѣтственность предпринимателей за болѣзни рабочихъ, происшедшія во вредныхъ производствахъ. Въ настоящее время такая отвѣтственность примѣняется только въ несчастныхъ случаяхъ, но при распространеніи ея на всѣ заболѣванія, происходящія по винѣ фабриканта, послѣдній скорѣе бы началъ примѣнять различныя средства. 3) Во всѣхъ опасныхъ производствахъ должна быть совершенно запрещена работа малолѣтнихъ и женщинъ. 4) Для взрослыхъ рабочихъ точно также въ этихъ производствахъ длина рабочаго дня должна быть меньше, чѣмъ въ другихъ, неопасныхъ для здоровья производствахъ. 5) Необходимо совершенно запретить такія производства, вредъ которыхъ совершенно неустранимъ, но которыя могутъ быть замѣнены другими неопасными. Мы уже теперь знаемъ нѣсколько такихъ производствъ, въ кото-

рыхъ вредныя вещества были замѣнены безвредными. При выдачѣ премій за подобныя изобрѣтенія такая замѣна совершилась бы очень скоро».

«Образованіе», Іюль—августъ. *Г. А. Раздольскій* сообщаетъ о переворотѣ въ русской народной поэзіи: старая пѣсня вымираетъ, сохраняясь развѣ гдѣ-нибудь въ глухихъ углахъ, въ мѣстахъ, не тронутыхъ культурою, вдали отъ большихъ и промышленныхъ городовъ; всюду вытѣсняетъ ее новая пѣсня, съ новымъ складомъ и новымъ содержаніемъ. Новая пѣсня въ различныхъ мѣстахъ носитъ особыя названія: частушка, трясогузка, вертушка и др. Построеніе ея почти вездѣ одинаковое: по большей части это пятистопный хорей, мотивъ—однообразный, съ безконечнымъ повтореніемъ одной и той же несложной мелодіи. Вторженіе новой пѣсни въ деревню совершилось недавно: относительно Вологодской губерніи авторъ съ увѣренностью утверждаетъ, что лишь около 15 лѣтъ тому назадъ была занесена туда первая подобная пѣсня, разсказывающая о Ванькѣ, который побывалъ въ Питерѣ и купилъ себѣ калоши и «гармонь». Такимъ образомъ, сама пѣсня говоритъ о своемъ происхожденіи. Дѣйствительно, содержаніе новыхъ пѣсенъ показываетъ, что онѣ зародились въ городѣ, въ фабрично-трактирной средѣ. Пѣсня, разсказывавшая о вольной петербургской жизни, о «резинковыхъ калошахъ», о «рыжей изъ Парижа» и пр., понравилась и привилась въ деревнѣ, несмотря на протестъ стариковъ, и по образцу ея въ деревнѣ начали составляться свои пѣсни, воспѣвающія различныя мелочи жизни новой деревни. Тонъ у новой пѣсни — пошлый, часто крайне циничный, сюжеты почти исключительно — воспѣваніе сердечныхъ дѣлъ. Приведемъ нѣсколько образчиковъ:

«Шелъ я верхомъ, шелъ я низомъ,
У милашки домъ съ карнизомъ.
Посмотрѣлъ на уголокъ —
Милашка кушаетъ чаекъ».

«Ужъ ты, Ваня, Ваничка,
Насъ съ тобой не парочка:
У тебя пиньжакъ одѣтъ,
А у меня пальтушки нѣтъ».

Милая, горячая,
Тебя любить не для чего:
Сердце камень у тебя,
Сидишь, не взглянешь на меня.

Есть одна несомнѣнно прогрессивная черта въ этой пошлой лирикѣ — соблюденіе размѣра и риѳмы; это, очевидно, продуктъ школьной выучки. Риѳма составляетъ такую непремѣнную принадлежность новой пѣсни, что во имя ея нерѣдко жертвуютъ и содержаніемъ, и смысломъ. Авторъ выражаетъ увѣренность, что, овладѣвъ формою стиха, новая пѣсня со временемъ вольетъ въ эту форму и новое содержаніе, будетъ развивать болѣе глубокія и серьезныя темы; этотъ переворотъ можетъ совершиться только тогда, когда образованіе нашего народа перестанетъ быть одною грамотностью, когда оно будетъ вести за собой умственное и нравственное преобразованіе человѣка, и авторъ призываетъ всѣхъ, кто можетъ, на борьбу съ этой фабричной лже-цивилизаціей путемъ широкаго просвѣщенія рабочей и крестьянской массы.

За границей.

Открытіе Франкфуртской академіи; мюнхенское общество дешевыхъ помѣщеній для рабочихъ и др. учрежденія подобнаго рода въ Англіи и Австріи. Во Франкфуртѣ недавно послѣдовало открытіе своеобразнаго учрежденія—академіи соціальныхъ и торговыхъ наукъ, устроенной на средства городской общины и института народнаго благосостоянія, условившихся совмѣстно пожертвовать на организацію академіи по 30.000 марокъ. Къ этому почину присоединилось политехническое общество и торговая палата, также внесшіе по 5.000 марокъ. Кромѣ того, организаціонный комитетъ разсчитываетъ на пожертвованія, которыя уже начали притекать съ разныхъ сторонъ, и на плату за лекціи, такъ что существованіе академіи считается вполнѣ обезпеченнымъ въ матеріальномъ отношеніи. Цѣль этого учрежденія, которому предсказывается широкая будущность,—приблизить теорію къ практикѣ и содѣйствовать прогрессу соціальныхъ и торговыхъ наукъ посредствомъ самостоятельныхъ научныхъ работъ и изслѣдованій. Учредители академіи желаютъ поставить ее внѣ какихъ бы то ни было политическихъ партій и сдѣлать ее какъ можно доступнѣе, чтобы дать возможность находящимся на государственной и городской службѣ чиновникамъ, адвокатамъ, судьямъ и т. д. разсмотрѣть свой кругозоръ и свои познанія въ области соціально—политическихъ и экономическихъ наукъ. Академія также имѣетъ въ виду содѣйствовать правильному развитію промышленной дѣятельности посредствомъ привлеченія къ научнымъ занятіямъ лицъ, занимающихся торговою профессіею. Содѣйствуя расширенію умственнаго кругозора торговцевъ и промышленниковъ и болѣе основательному знакомству ихъ съ соціальными науками, учредители надѣются способствовать въ то же время и разрѣшенію нѣкоторыхъ важныхъ соціальныхъ проблемъ.

Оффиціальное открытіе академіи уже состоялось, но функціонировать она начнетъ только съ весны будущаго года. Германская печать всѣхъ партій очень сочувственно отнеслась къ идеѣ устройства этой академіи; остается только ждать результатовъ ея дѣятельности.

Вопросъ объ устройствѣ здоровыхъ и удобныхъ помѣщеній для рабочихъ выдвигается теперь на первый планъ во многихъ европейскихъ государствахъ. Въ Германіи въ разныхъ мѣстахъ организуются ферейны съ цѣлью устройства жилищъ для рабочихъ и результаты дѣятельности этихъ симпатичныхъ ферейновъ весьма утѣшительны. Въ Мюнхенѣ еще очень недавно организованное общество для улучшенія жилищъ рабочихъ насчитываетъ уже 452 члена и имѣетъ капиталъ приблизительно въ 420.000 марокъ. Общество уже вошло въ сношеніе съ разными крупными промышленниками, а также съ рабочими ферейнами и ссудосберегательными кассами, такъ какъ предполагаетъ выдавать рабочимъ ссуды на постройку домовъ. По выплатѣ своего долга, который разсрочивается на извѣстное число лѣтъ, рабочій становится собственникомъ. Кромѣ этого, общество устраиваетъ коллективныя помѣщенія для рабочихъ, состоящія изъ собранія маленькихъ квартиръ, устроенныхъ согласно требованіямъ гигіены. Въ такихъ домахъ какъ семейный, такъ и одинокій рабочій получаетъ за ничтожную плату удобное, свѣтлое и здоровое помѣщеніе. Покамѣстъ мюнхенское общество ограничивается только этимъ, но предполагаетъ значительно расширить свою дѣятельность съ увеличеніемъ числа членовъ и возрастаніемъ своихъ средствъ.

Въ Австріи, которая и въ области практической соціальной политики до сихъ поръ отставала отъ другихъ, оправдывая сказанное про нее нѣкогда Наполеономъ: «L'Autriche est toujours en retard ou d'une idée, ou d'une armée, ou d'une année»—сдѣланы теперь значительные шаги впередъ и уже присту-

плено къ осуществленію проекта устройства дешевыхъ народныхъ жилищъ, представшаго на промышленную выставку въ Вѣнѣ, устроенную по случаю юбилея императора Франца-Іосифа. Въ настоящее время застроены уже 2.300 квадратныхъ метровъ въ одномъ изъ загородныхъ участковъ Вѣны. Кромѣ того, два большихъ дома отведены исключительно подъ общежитія,—мужское и женское. Въ мужскомъ общежитіи существуетъ достаточно мѣста для 66 человѣкъ, въ женскомъ—для 43. Есть комнаты для двоихъ и даже для троихъ, но желающіе могутъ получить отдѣльную комнату въ свое пользованіе. Плата назначена очень небольшая и только зимою нѣсколько увеличивается, когда приходится топить комнаты, зато каждый изъ жильцовъ пользуется даровою стиркою бѣлья, ванною. При общежитіи устроена пріемная комната, гдѣ обитатели могутъ собираться въ свободное время, и очень недурная библіотека, снабженная газетами и журналами, а также сочиненіями по разнымъ отдѣламъ знанія и техническими справочными книгами и руководствами. Однако, и тутъ есть оборотная сторона медали, которая заключается въ нѣкоторомъ стѣсненіи свободы живущихъ въ общежитіи и обитатели общежитія въ особенности жалуются на то, что управителю дано право осматривать во всякое время помѣщеніе, чтобы слѣдить за порядкомъ. Въ настоящее время поднятъ вопросъ объ устраненіи этого неудобства и о томъ, чтобы каждый квартирантъ считался лично отвѣтственнымъ за соблюденіе порядка и правилъ общежитія.

Семейныя квартиры, устроенныя въ спеціально выстроенныхъ для этой цѣли домахъ, не оставляютъ желать ничего лучшаго. Эти квартиры разсчитаны на 130 семействъ и въ общемъ въ нихъ могутъ помѣститься 630 человѣкъ. Но это считается высшей цифрой и большее число жильцовъ не допускается, причемъ хозяевамъ квартиръ не разрѣшается сдавать комнатъ или пускать ночлежниковъ. Плата за квартиры назначена слѣдующая: за двѣ комнаты и кухню уплачивается отъ $15^1/_2$ до $18^1/_2$ флориновъ въ мѣсяцъ, за одну комнату съ кухней отъ 10 до 13 флориновъ, причемъ въ эту цѣну входитъ стирка бѣлья. Каждая квартира имѣетъ отдѣльный чердакъ и погребъ для храненія припасовъ.

Мѣсто, избранное для постройки этихъ народныхъ жилищъ, очень благопріятное въ гигіеническомъ отношеніи, такъ какъ непосредственно за домами находится свободное пространство и по близости—возвышенность, покрытая лѣсомъ. Сообщеніе съ городомъ вполнѣ удобное, такъ какъ въ непосредственной близости находится станція конножелѣзной дороги.

Примѣръ Вѣны вызвалъ подражаніе и, по словамъ австрійскихъ газетъ, въ нѣсколькихъ большихъ промышленныхъ городахъ Австріи возникла идея организаціи обществъ съ цѣлью устройства дешевыхъ помѣщеній для народа.

Въ Англіи давно уже существуютъ разныя строительныя общества (Building Societies), задавшіеся цѣлью устройства для рабочихъ дешевыхъ и здоровыхъ помѣщеній. Кромѣ того, въ Лондонѣ нѣсколько лѣтъ тому назадъ было основано очень симпатичное общество по почину лорда Роутона, который исключительно посвящаетъ свою дѣятельность самымъ бѣднѣйшимъ классамъ лондонскаго населенія, населяющимъ ночлежные пріюты. Придя въ ужасъ отъ тѣхъ порядковъ и той грязи, которые составляютъ обычную принадлежность такихъ пріютовъ, лордъ Роутонъ организовалъ общество и при содѣйствіи его членовъ устроилъ въ самыхъ бѣднѣйшихъ лондонскихъ кварталахъ ночлежные дома, которые такъ называются его именемъ «Rowton Houses». Въ этихъ домахъ отъ 700 до 800 человѣкъ могутъ найти пріютъ на ночь, причемъ за нѣсколько пенсовъ получаютъ не только чистую постель, но и ужинъ и имѣютъ право пользоваться книгами, потому, что въ каждомъ такомъ «отелѣ для бѣдныхъ»—какъ ихъ называютъ между прочимъ имѣется очень недурная библіотека избранныхъ сочиненій. Роутоновскіе отели устроены только для мужчинъ, но теперь предполагается устроить такой же точно отель и для безпріютныхъ жен-

щинъ. Одна богатая дама изъ высшаго лондонскаго общества, поощряемая примѣромъ лорда Роутона, пожертвовала для этой цѣли 30.000 ф. стерлинговъ. Лондонскія газеты выражаютъ увѣренность, что этотъ починъ встрѣтитъ желательное сочувствіе въ лондонскомъ обществѣ и найдетъ какъ всегда много подражателей.

Одинъ изъ французскихъ журналистовъ сообщаетъ о довольно крупномъ пожертвованіи, сдѣланномъ однимъ докторомъ въ пользу устройства въ Парижѣ кооперативной хлѣбопекарни, по образцу тѣхъ, какія существуютъ въ Бельгіи. Докторъ Казиміръ—такъ зовутъ жертвователя—славянинъ по происхожденію, но натурализованный французъ. Онъ изучалъ медицину въ Бельгіи и въ бытность свою студентомъ чрезвычайно заинтересовался дѣятельностью кооперативныхъ обществъ и даже принялъ участіе въ кооперативномъ движеніи. Вернувшись во Францію, которая стала для него второй родиной и проникнутый убѣжденіемъ, что всякій долженъ, насколько это возможно, согласовать свои дѣйствія со своими принципами, докторъ Казиміръ рѣшилъ пожертвовать свой капиталъ на организацію кооперативнаго общества. Но его 100.000 фр. должны будутъ составить только основной капиталъ, такъ какъ докторъ Казиміръ предполагаетъ дать своему обществу наиболѣе широкое развитіе. Съ этою цѣлью общество выпуститъ акціи по 50 фр. каждая, которыя будутъ уплачиваться въ извѣстные сроки, но пріобрѣтать эти акціи могутъ только рабочія ассоціаціи и лица принадлежащія къ той же политической партіи, къ какой принадлежитъ и самъ докторъ Казиміръ, 50 проц. изъ чистаго дохода кооперативнаго общества должно будетъ поступать въ кассу этой политической партіи. Докторъ Казиміръ твердо вѣритъ въ успѣхъ своего дѣла, благодаря которому рабочіе будутъ имѣть возможность получать хлѣбъ по болѣе дешевой цѣнѣ чѣмъ теперь, и, кромѣ того, они будутъ считаться прямымъ участниками предпріятія и получать дивидендъ.

— Народъ извлечетъ изъ нашего предпріятія прямыя матеріальныя выгоды,— сказалъ Казиміръ французскому журналисту, изложивъ ему свою теорію коопераций, а рабочая партія получитъ весьма солидный источникъ доходовъ, и я надѣюсь, что и во Франціи современемъ кооперативныя общества пріобрѣтутъ такое же значеніе, какъ въ Англіи и Бельгіи.

Французскій журналистъ, изложивъ свою бесѣду съ докторомъ Казиміромъ, замѣчаетъ, что для Франціи было бы большимъ счастьемъ, еслибъ у нея нашлось побольше такихъ самоотверженныхъ дѣятелей, какъ этотъ докторъ, уроженецъ южной Россіи, посвятившій свою жизнь странѣ, которая теперь стала для него родиной.

Фабричная работа замужнихъ женщинъ. Въ германской печати происходитъ въ настоящее время горячая полемика по вопросу о фабричной работѣ замужнихъ женщинъ. Еще три года тому назадъ въ рейхстагъ было внесено партіей центра предложеніе отмѣнить или ограничить работу замужнихъ женщинъ, въ видахъ того вреда, которое она приноситъ здоровью женщины—матери и ея будущему потомству и вслѣдствіе нравственныхъ соображеній, такъ какъ фабричная работа отрываетъ женщину отъ домашняго очага.

Предложеніе центра, какъ и слѣдовало ожидать, вызвало очень оживленныя пренія въ германскомъ рейхстагѣ. Было рѣшено обратиться съ запросомъ къ фабричнымъ инспекторамъ и ко всѣмъ лицамъ, имѣющимъ дѣло съ фабричною работою женщинъ, относительно вліянія этой работы на ихъ нравственное и физическое здоровье и положеніе семьи. Разслѣдованіе продолжалось три года и, наконецъ, получены отзывы какъ инспекціи, такъ и промышленныхъ совѣтовъ, представляющіе выдающійся интересъ во многихъ отношеніяхъ. Прежде всего результаты этого разслѣдованія служатъ наилучшимъ доказательствомъ безполезности и, пожалуй, даже вреда предлагаемой центромъ «изъ гуманитарныхъ

принциповъ» реформы. Всѣ прусскіе фабричные инспектора и надзиратели и всѣ промышленныя ассоціаціи, за исключеніемъ христіанско-соціалистскаго союза рабочихъ на ткацкой фабрикѣ, высказались противъ предлагаемой центромъ мѣры, на томъ основаніи, что главною причиной, которая гонитъ замужнюю женщину на фабрику, является нужда, недостатокъ заработка главы семьи. Статистическія данныя, представленныя фабричными инспекторами, указываютъ, что положеніе рабочихъ вовсе не улучшилось съ ростомъ фабричной промышленности и повышеніемъ заработной платы, такъ какъ соразмѣрно съ этимъ возрасла арендная плата за помѣщеніе и цѣны на жизненные продукты. Количество замужнихъ женщинъ, работающихъ на фабрикѣ, всегда служитъ указаніемъ на плохое положеніе рабочихъ и на нужду, которую терпитъ ихъ семья. «Эта горькая нужда заставляетъ женщинъ прибѣгать къ фабричному труду, говорится въ докладѣ инспекторовъ, и запрещеніе замужнимъ женщинамъ работать на фабрикахъ только ухудшитъ положеніе рабочихъ семей и заставитъ женщинъ искать подспорья въ кустарной промышленности или въ другихъ какихъ-нибудь занятіяхъ, которыя все равно помѣшаютъ ей отдавать свое время своимъ дѣтямъ и своему домашнему хозяйству, но не внесутъ никакого особеннаго благосостоянія въ положеніе семьи».

Однако, не одна только эта причина заставляетъ женщину идти на фабрику. Работая на фабрикѣ съ юныхъ лѣтъ и затѣмъ выйдя замужъ, женщина скоро убѣждается, что она не обладаетъ ни нужными знаніями, ни привычками, ни умѣніемъ вести домашнее хозяйство и воспитывать дѣтей. По мнѣнію фабричныхъ инспекторовъ, фабричная работница чувствуетъ себя «выбитой изъ колеи» лишь только ей приходится заниматься чѣмъ-нибудь другимъ. Сила привычки во многихъ случаяхъ гонитъ ее на фабрику, также какъ и убѣжденіе, что только такимъ путемъ она можетъ быть полезна своей семьѣ.

Депутаты партіи центра очень много распространялись о вредѣ, который приноситъ фабричная работа физическому здоровью замужней женщины и ея нравственности. Но вѣдь нравственность и физическое здоровье дѣвушки также страдаютъ отъ этого! Разслѣдованіе показало, что зародыши разныхъ фабричныхъ болѣзней пріобрѣтаются дѣвушками большею частью до брака и, слѣдовательно, онѣ выходятъ замужъ уже съ расшатаннымъ организмомъ. Что же касается нравственныхъ соображеній, на которыя особенно напирали депутаты центра, то имъ справедливо возразили на это, что предлагаемый ими законопроектъ можетъ привести какъ разъ къ обратнымъ результатамъ, т.-е. увеличить число незаконныхъ сожительствъ, вытравленій плода и вообще содѣйствовать скорѣе усиленію разврата на фабрикахъ, нежели уменьшенію его.

О значеніи фабричнаго труда женщинъ краснорѣчиво говорятъ представленныя фабричными инспекторами цифры, указывающія, что въ 1899 г. работало на фабрикахъ 83.632 женщины старше шестнадцатилѣтняго возраста. Наибольшія цифры женскаго труда падаютъ на долю бумагопрядильныхъ фабрикъ, швейныхъ мастерскихъ, прачешныхъ, фабрикъ съѣстныхъ припасовъ, консервовъ, кондитерскихъ издѣлій, кирпичныхъ и фарфоровыхъ заводовъ. На этихъ послѣднихъ заводахъ, какъ оказывается по статистикѣ, число замужнихъ женщинъ превышаетъ число дѣвушекъ работницъ и ужъ это одно краснорѣчиво свидѣтельствуетъ о бѣдственномъ положеніи семьи рабочаго въ этихъ промышленныхъ округахъ. По всей вѣроятности, вопросъ о фабричномъ трудѣ замужнихъ женщинъ вызоветъ еще горячія пренія, но врядъ ли онъ будетъ рѣшенъ въ духѣ желательномъ для центра. Но благодаря тому, что центръ возбудилъ его, быть можетъ удастся провести нѣкоторыя благодѣтельныя мѣры, вообще облегчающія положеніе и работу на фабрикахъ женщинъ какъ замужнихъ, такъ и незамужнихъ.

Изъ области женскаго движенія въ Австріи. Австрія, вступивъ на путь расширенія правъ женщины, не останавливается на полдорогѣ. Четыре года тому назадъ, было разрѣшено женщинамъ держать экзаменъ на аттестатъ зрѣлости, а затѣмъ, черезъ годъ послѣ этого, онѣ уже получили право поступать на философскіе факультеты и добиваться докторской степени. Но доступъ на медицинскіе факультеты былъ для нихъ до сихъ поръ закрытъ. Онѣ допускались лишь какъ вольнослушательницы и то не на весь курсъ медицинскихъ наукъ, такъ что лишены были возможности получить правильное медицинское образованіе. Но тѣ, которыя имѣли дипломъ доктора-медицины изъ какого-нибудь заграничнаго университета, допускались къ экзамену, правда, очень строгому, но дававшему имъ все-таки право практики въ Австріи. Это былъ уже шагъ впередъ. Однако, такое ненормальное положеніе вещей не могло продолжаться долго. Съ одной стороны, австрійское правительство признавало права женщинъ на полученіе диплома доктора медицины, но только отказывало имъ въ правѣ пріобрѣтать необходимыя для этого знанія въ родныхъ университетахъ. Молодыя дѣвушки, избиравшія эту карьеру, должны были отправляться учиться заграницу, что обыкновенно стоило дорого и не для всѣхъ было доступно. Многіе органы австрійской печати вступились за женщинъ и стали доказывать нелѣпость и ненормальность такого положенія вѣщей. Начавшаяся агитація въ пользу безусловнаго допущенія женщинъ, имѣющихъ аттестаты зрѣлости, на медицинскіе факультеты, увѣнчалась успѣхомъ: въ сентябрѣ этого года состоялось правительственное распоряженіе, открывающее имъ двери медицинскихъ факультетовъ и фармацевтическихъ институтовъ. Почти вся австрійская печать сочувственно привѣтствовала это распоряженіе австрійскаго правительства «Neue Freie Presse» въ длинной передовой статьѣ, посвященной этому вопросу, говоритъ о томъ переворотѣ, который постепенно совершился въ воззрѣніяхъ общества и правительства на призваніе женщины. «Тотъ день, когда изъ стѣнъ австрійскаго университета выйдутъ первыя женщины, удостоенныя званія «Doctor medicinae universalis», будетъ въ Австріи днемъ соціальнаго прогресса!» восклицаетъ австрійская газета, отвѣчая на жалобы нѣкоторыхъ приверженцевъ «добраго стараго времени», когда отъ женщины требовалось только, чтобы она умѣла шить, вязать и стряпать и весь ея кругозоръ ограничивался бы дѣтской и кухней.

Однако, австрійское министерство просвѣщенія, сдѣлавъ такой быстрый шагъ впередъ, повидимому, побоялось все-таки усиленія женской конкуренціи и поэтому не рѣшилось удовлетворить другое требованіе, касающееся открытія женскихъ гимназій, гдѣ бы дѣвушки, желающія идти въ университеты, могли получить необходимое образованіе и аттестатъ. Благодаря тому, что въ Австріи существуютъ только одна или двѣ такія гимназіи, открытыя на частныя средства, полученіе аттестата зрѣлости, дающаго право на поступленіе въ университетъ, все-таки очень затруднительно. Не всѣ могутъ получить дома необходимое для этого образованіе или поступить въ частную школу, а казенныхъ классическихъ гимназій, доступныхъ всѣмъ кошелькамъ, не существуетъ. Министерство просвѣщенія, на сдѣланный по этому поводу запросъ, отвѣтило, что не находитъ возможнымъ удовлетворить такое требованіе въ виду затратъ, которыя нужны для существующихъ высшихъ женскихъ школъ (курсъ которыхъ соотвѣтствуетъ курсу нашихъ женскихъ гимназій), дающихъ женщинамъ то образованіе, которое имъ необходимо для дома и педагогической дѣятельности. Министерство прибавило, что «пока» оно не видитъ надобности слишкомъ облегчать женщинамъ доступъ къ ученымъ степенямъ и находитъ, что это будетъ «не въ интересахъ» женской молодежи, если большая часть ея такимъ путемъ будетъ отвлечена отъ своихъ прямыхъ обязанностей. Наиболѣе же способныя, настойчивыя и сильныя и при данныхъ условіяхъ могутъ добиться своей цѣли».

Такимъ образомъ австрійскіе университеты открываютъ свои двери женщинамъ. Вѣроятно, скоро онѣ получатъ доступъ и на юридическіе факультеты, такъ какъ министерство просвѣщенія уже обратилось ко всѣмъ юридическимъ факультетамъ съ запросомъ по этому поводу. Факультеты должны высказать свое мнѣніе относительно того, могутъ ли женщины быть допущены къ занятію юридическими науками и къ государственнымъ экзаменамъ на полученіе академической степени. Вѣнскій и пражскій факультеты высказались въ утвердительномъ смыслѣ. Въ засѣданіи грацскаго факультета восемь голосовъ противъ трехъ высказались въ пользу допущенія женщинъ къ юридической профессіи, тѣмъ не менѣе въ отзывѣ факультета была сдѣлана оговорка, что министерство, прежде чѣмъ принять окончательное рѣшеніе, должно произвести разслѣдованіе и обратиться съ запросомъ въ другія государства (гдѣ женщинамъ уже открытъ доступъ на юридическіе факультеты) относительно тѣхъ результатовъ, къ какимъ привела эта мѣра. Кромѣ того, грацскій факультетъ требуетъ, чтобы министерство опубликовало отзывы всѣхъ остальныхъ факультетовъ.

Городъ Медіашъ въ Трансильваніи поручилъ постройку новой городской больницы молодой дѣвушкѣ, имѣющей званіе архитектора, Эрикѣ Пауласъ. Эрика Пауласъ—швейцарка, дочь инженера. Она занималась подъ руководствомъ своего отца и не посѣщала никакого спеціальнаго учебнаго заведенія. Послѣ трехъ лѣтъ практическихъ занятій, она выдержала блестящимъ образомъ экзаменъ на званіе архитектора. Представленные ею проекты обратили на себя вниманіе профессоровъ. Но ей не легко было пробить себѣ дорогу и получить заказы, такъ какъ женщина-архитекторъ представляла нѣчто новое и потому не внушала довѣрія. Однако, послѣ того, какъ она выполнила съ замѣчательнымъ успѣхомъ нѣсколько построекъ, порученныхъ ей смѣлыми людьми, ея репутація была установлена и теперь у нея нѣтъ недостатка въ заказахъ.

Первый международный конгрессъ по исторіи религіи. Четыре года тому назадъ, французскій аббатъ Шарбонелль, мечтавшій объ устройствѣ международнаго конгресса религій во время всемірной выставки въ Парижѣ, началъ объѣзжать всѣ большіе города и мѣстечки Франціи и Бельгіи и проповѣдывать свою идею. Католическій міръ взволновался и на странствующаго проповѣдника посыпались громы и молніи и онъ былъ объявленъ чуть ли не еретикомъ. Строго консервативное направленіе католической церкви подъ вліяніемъ іезуитовъ и доминиканцевъ не допускало никакихъ компромиссовъ, къ которымъ стремилась такъ называемая передовая католическая партія, мечтающая о примиреніи свободомыслія съ католицизмомъ. Шарбонелль не выдержалъ натиска своихъ противниковъ; онъ вышелъ изъ церкви и такимъ образомъ его проектъ конгресса религій не увидѣлъ свѣта. Многіе, впрочемъ, даже изъ сочувствующихъ идеѣ такого конгресса, опасались, пожалуй, не безъ основанія, что онъ превратится въ театръ военныхъ дѣйствій и вмѣсто мирныхъ философскихъ разсужденій, на немъ будутъ происходить ожесточенныя схватки между представителями различныхъ религій и религіозныхъ теченій, которыя не представляютъ ничего поучительнаго для остальной публики.

Какъ бы тамъ ни было, но идея конгресса религій не имѣла успѣха и самъ Шарбонелль въ концѣ концовъ отказался отъ ея осуществленія. Вмѣсто этого, парижскій философскій факультетъ рѣшилъ созвать по случаю выставки международный конгрессъ по исторіи религій, который долженъ былъ носить чисто научный характеръ въ противоположность конгрессу объ организаціи котораго мечталъ Шарбонелль, выдвигавшій на первый планъ этическо-религіозныя идеи. Конечно, организація конгресса по исторіи религій не могла встрѣтить такихъ препятствій, какія встрѣчала идея Шарбонелля и въ началѣ сентября международный конгрессъ открылъ свои засѣданія подъ предсѣда-

тельствомъ Альберта Ревилля. Конгрессъ собирался частью въ Сорбоннѣ, частью во дворцѣ конгрессовъ на самой выставкѣ. Стеченіе публики было громадное.

Засѣданія конгресса съ начала до конца носили строго научный характеръ и ни разу въ пренія конгресса не проникъ полемическій духъ. Въ отдѣльныхъ секціяхъ конгресса были прочтены очень интересные и выдающіеся въ научномъ отношеніи доклады, въ особенности въ первой секціи, занимавшейся подъ предсѣдательствомъ бельгійскаго сенатора графа Гобле д'Альвіелла религіями некультурныхъ народовъ и пережитками старинныхъ языческихъ религій, сохранившимися въ видѣ народныхъ преданій у различныхъ цивилизованныхъ народовъ. Вторая секція, подъ предсѣдательствомъ члена института Сенара была посвящена индійскимъ и японскимъ религіямъ. На засѣданіяхъ этой секціи присутствовали, между прочимъ, двое ученыхъ буддистовъ изъ Японіи. Въ третьей секціи, въ которой участвовали множество иностранныхъ членовъ-корреспондентовъ французскаго института, въ засѣданіяхъ занимались семитическими религіями. Четвертая секція отведена была религіямъ Греціи и Рима и, наконецъ, пятая, гдѣ предсѣдательствовалъ деканъ претестантско-теологическаго факультета въ Парижѣ Сабатье, посвящена была христіанству. Въ общемъ собраніи всѣхъ секцій профессоръ Сенаръ прочелъ очень интересный докладъ о происхожденіи буддизма, а Сабатье—о критикѣ библіи, Жанъ Ревилль, изъ «Ecole des Hautes Etudes», секретарь конгресса, сдѣлалъ сообщеніе о методахъ преподаванія исторіи религіи и о прогрессѣ въ этомъ направленіи.

Нѣкоторые изъ докладовъ, прочитанные въ общихъ собраніяхъ, вызвали шумное одобреніе многочисленной публики, наполнявшей залу конгресса; особенно произвела впечатлѣніе рѣчь профессора римскаго университета графа Губернатиса, который въ заключительномъ общемъ собраніи распространился о высокихъ нравственныхъ задачахъ конгресса и о его громадномъ научномъ значеніи. Во всякомъ случаѣ, конгрессъ этотъ можно назвать удачнымъ во всѣхъ отношеніяхъ. Онъ носилъ совершенно иной характеръ, нежели чикагскій конгрессъ религій, но зато онъ и не вызвалъ никакихъ ожесточенныхъ споровъ и непріятныхъ столкновеній.

Въ послѣднемъ засѣданіи была вотирована резолюція относительно созыва второго такого же конгресса черезъ четыре года. Выборъ же мѣста для этого конгресса предоставленъ коммиссіи, которой будетъ поручена его организація.

Китайскіе курьезы. Врядъ ли въ цѣломъ мірѣ найдется другой такой народъ, который бы питалъ такое пристрастіе къ устройству всевозможныхъ ассоціацій, какъ китайцы. Въ каждой китайской провинціи можно насчитать по крайней мѣрѣ нѣсколько тысячъ такихъ ассоціацій, и многія изъ этихъ ассоціацій поражаютъ своими курьезными цѣлями. Быть можетъ, такое обиліе ассоціацій объясняется тѣмъ, что китайская имперія, не смотря на свой характеръ абсолютной монархіи, въ сущности представляетъ не что иное, какъ обширную демократію, проникнутую всякаго рода соціалистскими тенденціями. Вліяніе центральной власти на жизнь націи тамъ очень незначительна. Наслѣдственнаго дворянства, имѣющаго своихъ вассаловъ, тамъ не существуетъ и его замѣняетъ подкупное чиновничество, эксплуатирующее народъ самымъ безсовѣстнымъ образомъ и вынуждающее китайцевъ искать защиты въ разнаго рода ассоціаціяхъ противъ притѣсненій и вымогательствъ чиновниковъ.

Нѣкоторыя изъ китайскихъ обществъ и ассоціацій очень древняго происхожденія. «Revue des Revues» описываетъ нѣсколько такихъ ассоціацій, наиболѣе курьезныхъ. За одинадцать вѣковъ до Р. Х. китайскій императоръ Венъ-Вангъ основалъ «Общество печатанія о покинутыхъ костяхъ», имѣющее цѣлью отыскивать и предавать погребенію трупы умершихъ, не похороненныхъ надлежащимъ образомъ. Общество это доставляло гробы бѣднымъ и реставрировало

могилы, о которыхъ никто не заботился. Члены этого погребальнаго общества должны были отыскивать брошенныя кладбища и въ опредѣленное время года всѣ отправлялись туда, вооруженные лопатами и заступами и приводили въ порядокъ запущенное кладбище. Работа эта иногда продолжалась долго, два-три мѣсяца, и все это время сосѣднія деревни считали своимъ долгомъ кормить членовъ общества, занимавшихся такимъ симпатичнымъ дѣломъ.

Другое общество, тоже древняго происхожденія, это «общество вытаскиванія утопленниковъ изъ воды», также основанное за семь или восемь вѣковъ до Р. Х. Члены этого общества также заботятся объ умершихъ, но только объ утопленникахъ и вытаскиваютъ ихъ изъ воды, чтобы предать погребенію. Въ прежнія времена члены этого общества отличались самоотверженіемъ и преданностью своей идеѣ и пользовались большимъ уваженіемъ среди народа, но современемъ это измѣнилось, когда въ члены этого общества стали поступать преимущественно лѣнтяи и игроки, выманивающіе деньги отъ народа подъ предлогомъ сооруженія могилы для утопленника, но тратящіе ихъ на удовлетвореніе своей страсти къ игрѣ.

Общество пожарныхъ въ Китаѣ еще болѣе древняго происхожденія. Оно было основано за 27 вѣковъ до Р. Х. и тажке прежде состояло только изъ людей, пользовавшихся прекрасною репутаціей и достойныхъ уваженія. Теперь все это измѣнилось и члены этой ассоціація набираются преимущественно среди подонковъ общества, не внушающихъ ни малѣйшаго довѣрія. Очень культурную ассоціацію представляетъ такъ называемая «фабрика мандариновъ»—общество, имѣющее цѣлью содѣйствовать назначенію своихъ членовъ на разныя административныя должности. Въ это общество вступаютъ обыкновенно тѣ изъ кандидатовъ, которымъ не удается получить никакого поста въ администраціи, за неимѣніемъ необходимыхъ средствъ для подкупа. Члены общества доставляютъ необходимую сумму для раздачи взятокъ и подкупа властей, отъ которыхъ зависитъ назначеніе. Когда кандидатъ, наконецъ, получаетъ его, то картина сразу мѣняется; онъ уже не терпитъ больше недостатка въ деньгахъ, стекающихся къ нему со всѣхъ сторонъ, и можетъ вознаградить тѣхъ, кто помогъ ему выпутаться.

Китай переполненъ всякаго рода бандитами, шайки которыхъ прекрасно организованы и которыя грабятъ, жгутъ и убиваютъ. Императорскія войска никогда не рѣшаются произвести на нихъ нападеніе и они безнаказанно наводятъ терроръ на все населеніе и заставляютъ его исполнять свою волю. Эти бандиты также представляютъ ассоціацію и человѣкъ, ограбленный ими, никогда не обращается къ полиціи для разыскиванія виновныхъ, а отправляется къ главѣ ассоціаціи бандитовъ и вступаетъ съ нимъ въ соглашеніе. При извѣстной ловкости пострадавшему въ такихъ случаяхъ всегда удается вернуть награбленное у него имущество, уплативъ только небольшую сумму въ кассу ассоціаціи.

Въ Китаѣ существуетъ также ассоціація нищихъ, которая не только признана властями, но даже пользуется ихъ покровительствомъ. Нищенство представляетъ своего рода промышленность и настолько развито въ Китаѣ, что власти волей-неволей должны считаться съ корпораціей нищихъ, которая имѣетъ большое вліяніе на жизнь народа. Въ Пекинѣ, напримѣръ, члены этого общества составляютъ одну шестую часть всего населенія. Глава ихъ—«принцъ или князь нищихъ»—пользуется абсолютною властью надъ остальными членами и имѣетъ право жизни и смерти надъ всѣми нищими столицы. Онъ раздѣляетъ на группы всѣхъ своихъ членовъ и указываетъ каждой группѣ ту часть города, гдѣ они должны дѣйствовать. Помощники его слѣдятъ за тѣмъ, чтобъ приказанія его строго выполнялись и наказываютъ палками нищихъ, нарушающихъ указанныя имъ границы и заходящихъ въ чужой округъ. Въ этой ассоціаціи все уста-

новлено заранѣе съ математическою точностью: вставаніе, отъѣздъ, возвращеніе и даже слова, которыя нищимъ предписывается произносить, чтобы разжалобить прохожихъ, а также ихъ поступки съ тѣми, кто отказывается подать имъ милостыню.

Весь дневной сборъ однако поступаетъ въ руки принца или короля, который, конечно, беретъ себѣ львинную долю, а остальное распредѣляетъ между членами общества. Горе тому, кто скроетъ часть суммы, собранной имъ! Въ первый разъ онъ подвергается только наказанію, состоящему въ томъ, что ему наносятъ пятьдесятъ ударовъ подошвой башмака по лицу. Въ случаѣ же рецидива его присуждаютъ къ смертной казни. Приговоренный ни откуда не можетъ ожидать помощи, такъ какъ полиція никогда не вмѣшивается въ распри принца нищихъ со своими членами или подданными.

Нельзя себѣ представить ничего несноснѣе и назойливѣе китайскаго нищаго. Если онъ сталъ возлѣ какого-нибудь дома, то не уйдетъ оттуда ни за что, пока не получитъ нѣсколько грошей, которые онъ считаетъ, что ему обязаны дать. Онъ будетъ стоять у дверей пять или шесть часовъ подрядъ, подъ палящими лучами или дождемъ, или подвергаясь зимней стужѣ. Все это ему нипочемъ. Но если хозяинъ дома, думая поскорѣе отдѣлаться отъ назойливаго нищаго, подастъ ему милостыню, то это будетъ большою ошибкой, такъ какъ нищій будетъ постоянно возвращаться, да еще пришлетъ своихъ товарищей.

Въ Пекинѣ каждый домъ обложенъ извѣстнымъ сборомъ, размѣры котораго опредѣляются принцемъ нищихъ. Хозяинъ дома волей-неволей долженъ уплачивать эту дань, такъ какъ иначе его можетъ постигнуть какая-нибудь непріятность: сгоритъ его домъ, или—что еще важнѣе!—нищій лишитъ себя жизни у дверей его дома. Самоубійство изъ мести составляетъ въ Китаѣ довольно обыкновенное явленіе и тотъ, противъ котораго направлена эта месть, подвергается не только большимъ непріятностямъ, но случается даже, что попадаетъ въ тюрьму и подвергается пыткамъ, если онъ не можетъ откупиться и заплатить хорошія деньги семьѣ самоубійцы и похоронить его на свой счетъ.

Многіе изъ китайскихъ купцовъ находили даже выгоднѣе для себя ежегодно выплачивать извѣстную опредѣленную сумму королю нищихъ и этотъ послѣдній выдаетъ имъ свидѣтельство за своею подписью и печатью, которое и выставляется въ лавкѣ на самомъ видномъ мѣстѣ. Владѣлецъ лавки такимъ образомъ избавляется отъ назойливости нищихъ, такъ какъ ни одинъ нищій китаецъ не остановится у дверей магазина, гдѣ вывѣшено такое свидѣтельство. Въ случаѣ свадьбы или похоронъ обычай требуетъ, чтобы королю нищихъ вносилась извѣстная сумма, иначе свадебная или похоронная процессія будетъ окружена толпою нищихъ, которыхъ не удастся удалить ни угрозами, ни ударами.

Два раза въ годъ нищіе имѣютъ право, въ теченіе двѣнадцати часовъ, брать горсть риса изъ мѣшковъ, поставленныхъ у входа въ лавки. Мѣшки, конечно, опорожняются очень быстро, но ихъ надо немедленно наполнять снова до истеченія двѣнадцати часовъ, такъ какъ, въ противномъ случаѣ, лавочникъ можетъ навлечь на себя большія непріятности.

Въ случаѣ какихъ-либо смутъ и безпорядковъ эта армія нищихъ является источникомъ тревоги для правительства, которое старается тогда, посредствомъ золота, привлечь ее на свою сторону. Но не всегда удается соблазнить ихъ даже золотомъ, потому что они знаютъ, что грабежъ доставитъ имъ гораздо большія выгоды. Если король нищихъ заключитъ какое-нибудь невыгодное для нихъ соглашеніе, то подданные возмущаются противъ него. Въ 1860 г. нищіе убили своего вождя за то, что онъ заключалъ невыгодное для корпораціи соглашеніе съ центральною властью. Во время войны съ Японіей нищіе грабили и поджигали лавки, такъ что все населеніе Пекина желало, чтобы поскорѣе пришла непріятельская армія и защитила ихъ отъ арміи нищихъ, положивъ конецъ

ихъ грабежамъ и насиліямъ, терроризирующимъ мирныхъ гражданъ. Эти нищіе, вѣроятно, не оставались безучастными и во время послѣднихъ событій и, разумѣется, воспользовались смутами, чтобы грабить и убивать.

Интересное открытіе. Англійскія газеты сообщаютъ о чрезвычайно любопытномъ открытіи, сдѣланномъ тремя австралійскими телеграфистами, которые во время своихъ странствованій по западной Австраліи наткнулись на огромное подземное озеро. Въ 12-ти миляхъ къ западу отъ южно-австралійской границы и въ девяти миляхъ къ сѣверу отъ морского берега они увидѣли среди пустынной мѣстности, лишь изрѣдка поросшей чахлымъ кустарникомъ, большое углубленіе и, спустившись въ него, нашли на глубинѣ 100 футъ входъ въ пещеру. Предпріимчивые путешественники осторожно спустились и въ эту пещеру и по подземному корридору, который все уходилъ вглубь, дошли до огромнаго расширенія, гдѣ находились два подземныхъ озера съ прекрасною чистою водой. Они измѣрили то, которое было поменьше; оно оказалось шириною въ 40 ярдовъ и глубиною въ 15 футъ, но глубины другого озера, которое было вдвое больше перваго, они не могли измѣрить. За этимъ озеромъ виднѣлся еще подземный ходъ, но путешественники не рѣшились забираться такъ далеко и вернулись назадъ.

Черезъ нѣсколько дней они снова отправились къ этому же мѣсту въ сопровожденіи одного очень искуснаго пловца, чтобы сдѣлать точный промѣръ. Они соорудили плотъ и спустились на немъ въ большое озеро. Промѣръ далъ слѣдующіе результаты: у берега озеро имѣло въ глубину 13 футъ, сорокъ ярдовъ далѣе — 16 футъ и еще далѣе — 32 фута. Вода была до того прозрачна, что при свѣтѣ факеловъ можно было ясно различить скалистый грунтъ озера. Для большей безопасности путешественники прикрѣпили плотъ канатомъ къ берегу и могли такимъ образомъ отплыть на разстояніе 100 ярдовъ. Такъ какъ у нихъ не было болѣе длиннаго каната, то они не рѣшились плыть дальше, опасаясь какъ бы не наткнуться на водопадъ или водоворотъ, который бы увлекъ ихъ въ глубину. Открытіе это произвело большую сенсацію въ Австраліи, тѣмъ болѣе, что золотоискатели во время своихъ поисковъ золота и другіе изслѣдователи, искавшіе плодородныхъ участковъ внутри страны, не разъ упоминали о такихъ подземныхъ бассейнахъ чистой воды. Однако никогда потомъ не удавалось снова отыскать эти подземные водохранилищт и поэтому разсказы о нихъ считались до сихъ поръ выдумкой. Въ 1889 году одинъ южно-австралійскій землемѣръ, отправившійся во главѣ экспедиціи для производства таксаторскихъ работъ вдоль телеграфной линіи черезъ пустыню къ порту Дарвина, наткнулся на трупъ какого-то человѣка, который повидимому долго пролежалъ въ этомъ мѣстѣ, такъ какъ былъ почти мумифицированъ. Около несчастнаго найдена была тетрадь и хотя подъ вліяніемъ солнечныхъ лучей и песчаныхъ бурь, листки тетради совсѣмъ испортились, но все-таки можно было разобрать, что это былъ дневникъ, въ которомъ бѣдняга погибшій въ австралійской пустыни, записалъ свои приключенія. Дневникъ начинался 10-го марта 1888 года.

«Сегодня утромъ мы выступили вдвоемъ съ Джексономъ,—писалъ несчастный. Онъ одинъ остался изъ маленькой, состоявшей изъ трехъ человѣкъ экспедиціи, отправившейся на поиски за плодородными участками и погибшей въ пустынѣ. Джексонъ, дошедшій почти до безсознательнаго состоянія вслѣдствіе мученій жажды, былъ найденъ племенемъ чернокожихъ и спасенъ ими. Онъ остался у нихъ нѣкоторое время и затѣмъ отыскалъ, наконецъ, дорогу къ телеграфной линіи, гдѣ я и встрѣтился съ нимъ случайно, объѣзжая свой участокъ, Я взялъ его съ собой и далъ ему работу на нашей станціи. Въ благодарность за это онъ разсказалъ мнѣ о рубиновыхъ розсыпяхъ и обѣщалъ показать мнѣ, гдѣ они находятся. Я довѣряю ему вполнѣ, какъ проводнику—

«bushman», но такъ какъ онъ человѣкъ безъ всякаго образованія и притомъ очень молчаливый, то я и не могу находить большого удовольствія въ его обществѣ, вотъ почему я и вздумалъ писать дневникъ ради развлеченія».

«17-го марта. Благодаря послѣднимъ грозамъ, мы могли все время безпрепятственно подвигаться впередъ, не ошущая недостатка въ водѣ. Мы уже приближаемся къ той мѣстности, которую Джексонъ изслѣдовалъ во время своего двухлѣтняго пребыванія среди чернокожихъ. Вдали уже виднѣется голубоватая полоса: это горный хребетъ Макдональдъ. Мы надѣемся завтра утромъ достигнуть ущелья.

«18-го марта. Въ горахъ вода находится въ изобиліи. Джексонъ сказалъ мнѣ, что онъ узнаетъ многія вершины, которыя должны находиться по близости ущелья, гдѣ онъ видалъ такое множество рубиновъ. Я чувствую сильное возбужденіе.

«19-го марта. Вечеръ. Мы развели огонь и отдыхаемъ въ виду ущелья. Мы нашли его безъ труда. Я собралъ уже около 10 крупныхъ и 50 мелкихъ рубиновъ; нѣкоторые изъ этихъ камней великолѣпны и должны быть очень цѣнными. Джексонъ, повидимому, не понимаетъ, какое сокровище онъ открылъ. Онъ цѣнитъ эти камни очень невысоко. Такъ какъ тутъ и воды и пищи для лошадей вдоволь и провіанта у насъ достаточно, то мы и рѣшили пробыть здѣсь дня два, чтобы дать нашимъ лошадямъ хорошенько отдохнуть, прежде чѣмъ пустимся въ обратный путь.

«20-го марта. Мы замѣтили нѣсколько пещеръ въ горахъ. Одна изъ нихъ повидимому очень велика. Завтра мы отправимся ее изслѣдовать.

«25-го марта. Я пережилъ много ужаснаго за эти четыре дня. О, зачѣмъ я не вернулся тотчасъ же послѣ того, какъ нашелъ рубины, вмѣстѣ съ Джексономъ! Теперь, пожалуй, мнѣ никогда не выбраться изъ пустыни. Но постараюсь описать, что случилось со мною. Мы отправились рано утромъ, чтобы изслѣдовать большую пещеру. Въ началѣ мы не нашли въ ней ничего особеннаго. Какъ всегда было много летучихъ мыслей. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ мы замѣтили на скалахъ слѣды дыма, какъ будто туземцы располагались здѣсь лагеремъ. Послѣ нѣкоторыхъ поисковъ Джексонъ нашелъ проходъ, по которому мы и отправились. Въ одномъ мѣстѣ мы почувствовали сильнѣйшій сквозной вѣтеръ и наши свѣчи чуть не погасли. Вдругъ проходъ расширился, и мы очутились въ широкомъ пространствѣ пещеры, но своды были такъ низки, что мы не могли выпрямиться во весь ростъ. Какая-то черная фигура, словно большая обезьяна, вскочила со своего мѣста и исчезла. «Что это было?» вскричалъ я.—«Это Инкарра,—спокойно отвѣчалъ Джексонъ.—Я слышалъ объ нихъ отъ чернокожихъ. Но что они изъ себя представляютъ—я не знаю; быть можетъ, вымирающее племя дикарей».

«Мы пошли къ тому мѣсту, гдѣ скрылась черная фигура. Мы слышали какой-то плескъ и скоро убѣдились, что тутъ протекаетъ довольно большой подземный источникъ, на берегу котораго, на мокромъ пескѣ, можно было различить слѣдъ человѣческой ноги. Мы усѣлись на скалѣ, воткнули свои свѣчи въ гравій и принялись завтракать. Я пробовалъ разспросить Джексона объ этомъ странномъ племени, но онъ ничего не зналъ о немъ. Воды источника текли спокойно у нашихъ ногъ и, казалось, онъ не былъ глубокъ, такъ какъ при свѣтѣ свѣчи мы могли различить бѣлый песокъ на днѣ. Источникъ исчезалъ подъ сводами пещеры вдали. Но оттуда къ намъ достигалъ какой-то странный запахъ, который я никакъ не могъ опредѣлить, и поэтому предложилъ отправиться дальше въ бродъ, чтобы изслѣдовать, куда течетъ источникъ, имѣвшій для меня какое-то неотразимое обаяніе. Вода была очень холодна, но не глубока. Спустя 20 минутъ мы уже достигли другой большой пещеры, но тутъ насъ ожидало удивительное зрѣлище. Пещера была наполнена зловоннымъ

дымомъ и вокругъ огня сидѣли на корточкахъ какія-то ужасныя существа, которыя съ дикимъ крикомъ вскочили при видѣ насъ и начали бѣгать кругомъ. Придя нѣсколько въ себя отъ изумленія, мы рѣшились, наконецъ, приблизиться, чтобы разсмотрѣть, что это за созданія, но намъ это не удалось: они убѣгали при нашемъ приближеніи въ самые темные углы пещеры и мы не могли ихъ разглядѣть. Насколько я могъ, однако, различить при такомъ скудномъ освѣщеніи, это были человѣческія существа, дикари, стоявшіе, вѣроятно, на самой низкой ступени развитія, еще ниже австралійскихъ негровъ, но все-таки это были люди. У нихъ были длинныя руки, головы, покрытыя лохматыми волосами, и ростомъ они были очень малы. Одежды не было и слѣда и на тѣлѣ не было замѣтно ни малѣйшей татуировки. Они издавали не то свистъ, не то какое-то ворчаніе и бѣгали вокругъ. Я приблизился къ огню и увидалъ какія-то маленькія кости не то рыбъ, не то пресмыкающихся. Вдругъ Джексонъ вскочилъ съ своего мѣста и схватилъ одного изъ дикарей, который бѣшено отбивался. Я поспѣшилъ на помощь къ Джексону и намъ удалось вдвоемъ удержать дикаря. Это былъ, повидимому, молодой человѣкъ, едва пяти футовъ ростомъ, съ очень длинными и тонкими ногами и руками. Сильно дрожа всѣмъ тѣломъ, онъ извивался въ нашихъ рукахъ. Голова его была обросшая курчавыми волосами, лобъ едва былъ замѣтенъ, глаза маленькіе и красные, налившіеся кровью. Я часто замѣчалъ, что австралійскіе негры, разгорячившись или же находясь въ возбужденномъ состояніи, издаютъ непріятный и сильный запахъ, но никогда еще этотъ запахъ не казался мнѣ такимъ отвратительнымъ, какъ въ данную минуту. Вдругъ дикарь вырвался изъ нашихъ рукъ и исчезъ. Моимъ первымъ движеніемъ, такъ же какъ и Джексона, было вымыть руки.

— Вернемся назадъ,— сказалъ Джексонъ.

«Онъ былъ очень блѣденъ и, видимо, смущенъ. О, еслибъ я его послушалъ тогда! Но мое любопытство было слишкомъ возбуждено. Мы зажгли новую свѣчу и отправились изслѣдовать пещеру, которая была изрядно велика. Странныя существа, обитавшія въ ней, убѣгали, словно звѣри, дѣлая прыжки при нашемъ приближеніи. Мы ясно слышали журчаніе воды, словно она протекала въ какое-то отверстіе. Вдругъ Джексонъ закричалъ мнѣ, что онъ нашелъ какое-то отверстіе, вродѣ туннеля, куда течетъ источникъ, и прежде чѣмъ я успѣлъ крикнуть ему, чтобы онъ былъ остороженъ, онъ поскользнулся, упалъ и съ крикомъ исчезъ подъ водой.

«Я остолбенѣлъ отъ ужаса. Я сознавалъ въ эту минуту только одно—что теперь я остался одинъ въ этой ужасной пещерѣ, населенной какими-то страшными существами. Я приблизился къ тому мѣсту, гдѣ исчезъ подъ водой мой несчастный спутникъ и ощупалъ рукой гладкій уступъ, очень скользкій, такъ что и меня ожидала бы та же участь, если бы я неосторожно ступилъ на край пропасти. Дрожа отъ страха, я прилегъ на край и прислушался къ журчанію воды. Страннымъ образомъ, мнѣ скоро стало казаться, что журчаніе становится громче, и, дѣйствительно, это такъ было. Я съ ужасомъ долженъ былъ убѣдиться, что вода въ источникѣ прибываетъ и притомъ очень быстро, такъ что можетъ закрыть мнѣ обратный путь... Скоро мои опасенія оправдались: я оказался узникомъ въ пещерѣ и, въ довершеніе отчаянія, съѣстные припасы, которые я неосторожно оставилъ на берегу источника, исчезли подъ водой! Самое ужасное было то, что свѣча у меня догорала и я скоро долженъ былъ очутиться въ полнѣйшей темнотѣ. Эта мысль привела меня въ такое состояніе ужаса, что я бросился бѣжать по берегу источника, поминутно спотыкаясь и падая. Вдругъ меня осѣнила мысль. У меня были съ собою спички и часы. Я рѣшилъ зажигать по одной спичкѣ черезъ каждые четыре часа и такимъ образомъ надѣялся протерпѣть до тѣхъ поръ, пока вода начнетъ спадать.

«Прошло 60 часовъ прежде чѣмъ вода спала настолько, что я могъ вы-

браться изъ пещеры. Что я вытерпѣлъ за это время—не поддается описанію! Мнѣ кажется, я лишился чувствъ, когда увидѣлъ солнечный свѣтъ. Когда я пришелъ въ себя, была уже свѣтлая, звѣздная ночь. Я лежалъ у входа въ пещеру. Кругомъ меня была такая тишина, какая только бываетъ въ австралійской пустынѣ. Я не ощущалъ ни голода, ни страха, а только какое-то блаженное чувство успокоенія, охватывавшее все мое существо. Я лежалъ и смотрѣлъ на Южный Крестъ, который высоко сверкалъ надо мною. Вскорѣ я заснулъ и когда проснулся, солнце стояло высоко. Я пошелъ къ нашему оставленному лагерю и нашелъ тамъ все въ неприкосновенности. Я развелъ огонь и подкрѣпилъ себя пищей. Воспоминаніе о несчастномъ Джексонѣ не давало мнѣ покоя. Его смерть лежала у меня на совѣсти. Отчего я не послѣдовалъ его совѣту и не вернулся?.. Теперь я долженъ былъ одинъ искать дорогу въ пустынѣ.

«Но лошади исчезли. Я не могу ихъ найти. Мнѣ приходится пѣшкомъ добираться до телеграфной станціи. Быть можетъ, я найду лошадей гдѣ-нибудь у водоемовъ. По счастью, разстоянія между водоемами не очень велики. Но я рѣшилъ, что какъ только доберусь до нашей станціи и отдохну, то немедленно займусь снаряженіемъ новой экспедиціи въ пещеру. Меня ужасно занимаетъ эта удивительная подземная роса. Итакъ, впередъ и не терять мужества!..»

На этомъ кончается дневникъ. Авторъ его оказался однимъ изъ служащихъ на телеграфной линіи. Онъ пользовался уваженіемъ и любовью своихъ товарищей и, по наведеннымъ справкамъ, дѣйствительно отправился въ какую-то экспедицію въ сопровожденіи Джексона, взявъ шестимѣсячный отпускъ; съ тѣхъ поръ о немъ ничего не было слышно. Среди австралійскихъ туземцевъ, въ самомъ дѣлѣ, распространены разсказы объ «инкаррасахъ»—подземныхъ обитателяхъ пещеръ, но европейцамъ до сихъ поръ не удавалось удостовѣриться въ правдивости этихъ разсказовъ. Находка подземныхъ озеръ, сдѣланная недавно тремя телеграфистами, напомнила объ этомъ дневникѣ погибшаго изслѣдователя и теперь вновь зародилась мысль о снаряженіи экспедиціи для болѣе подробнаго изслѣдованія пещеръ, въ надеждѣ, что удастся, быть можетъ, наткнуться въ нихъ и на слѣды пребыванія подземной расы.

Изъ иностранныхъ журналовъ.

«Revue des Revues». — «Humanitarian». — «Globus». — «English Magazine».

Фредерикъ Пасси, президентъ французскаго общества международнаго третейскаго суда, вспоминаетъ въ «Revue des Revues» нѣкоторые эпизоды изъ своей дѣятельности въ пользу мира и братства народовъ и государствъ. Онъ началъ активно участвовать въ пропагандѣ мира съ 1867 г., но уже раньше, по случаю наводненія въ Луарскомъ департаментѣ въ 1856 г., онъ напечаталъ статью подъ заглавіемъ «Maux naturels et maux artificièls» въ которой указывалъ на величайшее противорѣчіе, заключающееся въ томъ, что люди возмущаются по случаю гибели нѣсколькихъ десятковъ или сотенъ во время стихійныхъ бѣдствій и чувствуютъ состраданіе къ этимъ несчастнымъ жертвамъ, между тѣмъ истребленіе нѣсколькихъ десятковъ и сотенъ тысячъ людей во время войны не возбуждаетъ ни въ комъ ужаса и отвращенія, и люди даже занимаются изобрѣтеніемъ способовъ истребленія, еще болѣе ужасныхъ, и хвастаются этимъ, какъ какимъ-нибудь доблестнымъ подвигомъ. Въ другихъ статьяхъ, написанныхъ по разнымъ поводамъ, онъ нѣсколько разъ высказывалъ свое мнѣніе о войнѣ и выражалъ опасеніе, что война должна скоро возникнуть. Въ 1867 г., однако, ему удалось, благодаря энергичной пропа-

гандѣ, предотвратить столкновеніе между Франціей и Германіей и побудить оба государства мирно разрѣшить Люксембургскій вопросъ. Но въ 1870 г. попытка оказалась безуспѣшной, такъ какъ заинтересованныя націи объявили, что обстоятельства не допускаютъ въ данномъ случаѣ никакого посредничества для рѣшенія вопроса.

Мысль объ устройствѣ международной и постоянной лиги мира возникла послѣ 1867 г. Проповѣдники этой лиги доказывали, что необходимо «предупреждать войны, ковать желѣзо, пока оно горячо» и что только тогда дѣятельность лиги можетъ быть плодотворной. Съ этою цѣлью была организована дѣятельная пропаганда въ пользу идеи мира и третейскаго суда. Фредерикъ Пасси, избранный генеральнымъ секретаремъ Лиги, конечно, принялъ дѣятельное участіе въ этой пропагандѣ. Дѣятельность лиги, однако, была обставлена большими затрудненіями. Во Франціи она не встрѣчала должнаго сочувствія и у Пасси бывали по этому поводу объясненія съ министромъ внутреннихъ дѣлъ. Когда онъ хотѣлъ отправиться въ 1868 г. въ Эльзасъ, чтобы тамъ проповѣдывать свои идеи мира, то ему запретили говорить объ этомъ и предложили ограничиваться въ своихъ лекціяхъ только областью экономическихъ вопросовъ, напримѣръ, вопросами труда. «Мы не можемъ дозволить, чтобы васъ закидали каменьями,—говорили ему.—Эльзасцы хотятъ только войны».

Но Пасси не испугался. «Если потерять камни, то вѣдь они васъ не достанутъ; остальное ужъ мое дѣло». Онъ нашелъ, что населеніе Эльзаса вовсе не такъ воинственно настроено, какъ это думали во французскомъ министерствѣ внутреннихъ дѣлъ. Вездѣ, какъ въ Страсбургѣ, такъ и въ Мюльгаузѣ, онъ слышалъ только о желаніи мира. «Намъ нужно было говорить о мирѣ», заявляли ему. Еще въ маѣ 1870 г. на общемъ собраніи «Peace Society» Пасси произнесъ рѣчь, въ которой высказывалъ надежды на миръ. Но всѣ его усилія и даже личное обращеніе къ императору Вильгельму, которому Пасси написалъ письмо, не привели ни къ чему и не остановили кровопролитія.

Послѣ войны 1870 г. лига мира оказалась разсѣянной и прошло два года прежде чѣмъ удалось собрать ея членовъ, которые образовали уже новое общество: «Société française des amies de la Paix», такъ какъ о международной лигѣ тогда не могло быть и рѣчи. Въ 1878 г. состоялъ въ Парижѣ всеобщій конгрессъ обществъ мира подъ предсѣдательствомъ Адольфа Франка. Это былъ первый шагъ. Второй конгрессъ мира, гораздо болѣе значительный, состоялся въ 1889 г. Въ немъ уже принимало участіе сто обществъ мира и было постановлено, что конгрессъ мира будетъ собираться ежегодно. Съ этого времени дѣйствительно собраніе обществъ мира приняло періодическій характеръ. Эти собранія происходили уже въ разныхъ городахъ, въ Лондонѣ, Римѣ, Бернѣ, Антверпенѣ, Чикаго, въ Гамбургѣ, Будапештѣ и Туринѣ. Вслѣдствіе резолюціи принятой въ Римѣ въ 1891 г. и подтвержденной въ Бернѣ въ 1892 г. было основано международное бюро обществъ мира, резиденція котораго находится въ Бернѣ и которое служитъ центромъ и связующимъ звеномъ между отдѣльными дѣятелями въ пользу мира.

Фредерикъ Пасси, бывшій въ теченіе столькихъ лѣтъ ревностнымъ апостоломъ мира, продолжаетъ твердо вѣрить въ пользу и успѣхъ своей проповѣди. Онъ тщательно подбираетъ всѣ случаи рѣшенія столкновеній посредствомъ международнаго третейскаго суда и видитъ въ этихъ фактахъ доказательство торжества идеи мира. Ни Филиппинская, ни Трансваальская война не нарушаютъ его оптимистической вѣры въ то, что близокъ часъ, когда правители и государства поймутъ весь ужасъ кровопролитій и перестанутъ прибѣгать къ намъ для рѣшенія своихъ споровъ.

Въ «Humanitarian» напечатанъ рядъ статей, написанныхъ женщинами и обсуждающихъ экономическое положеніе англійской и американской женщины въ различныхъ областяхъ: въ торговлѣ и промышленности, въ журналистикѣ, въ домашнемъ быту и т. д. Въ первой статьѣ доказывается фактами способность женщины къ промышленному труду и выносливость ея организма. Всѣ аргументы, приводимые противъ работы женщинъ, въ основѣ своей имѣютъ только желаніе уменьшить конкурренцію, которую составляетъ женскій трудъ, и ничего больше.

Во второй статьѣ говорится о положеніи женщины въ журналистикѣ. Журналистика была бы прекраснымъ занятіемъ для женщинъ, если-бы не было такъ много «женщинъ-журналистовъ». «Насъ слишкомъ много!» восклицаетъ авторъ статьи, тоже женщина журналистъ. По ея словамъ, положеніе женщины въ журналистикѣ вовсе не такое завидное. Несмотря на сотни женщинъ, сотрудничающихъ въ лондонской и провинціальной печати, лишь очень немногія занимаютъ отвѣтственное положеніе и дѣлаютъ серьезную работу. Авторъ объясняетъ это тѣмъ, что огромное большинство женщинъ, избирающихъ эту профессію, не имѣютъ ровно никакой подготовки и находитъ даже, что она не нужна, вслѣдствіе распространеннаго ложнаго убѣжденія, что «искусство писать самое легкое». По этой причинѣ женщины, работающія въ журналистикѣ, не могутъ успѣшно конкурировать съ мужчинами, которые пишутъ передовыя и политическія статьи, иностранныя корреспонденціи и т. д. При надлежащей подготовкѣ, женщины могли бы исполнять всѣ эти обязанности, но теперь такихъ женщинъ, которыя занимаютъ въ англійской журналистикѣ отвѣтственное положеніе, можно сосчитать по пальцамъ. Авторъ находитъ, кромѣ того, что такъ называемыя «женщины-любительницы» (amateur woman journalist) наносятъ огромный вредъ профессіональнымъ журналисткамъ. Благодаря первымъ, установилось несерьезное отношеніе къ женскому труду въ журналистикѣ и профессіональнымъ журналисткамъ трудно уничтожить укоренившееся противъ нихъ предубѣжденіе.

Любопытныя свѣдѣнія сообщаетъ авторъ статьи объ экономическомъ положеніи женщинъ въ Америкѣ. Нѣкоторыя изъ американскихъ женщинъ очень много говорятъ о своихъ правахъ и о своемъ желаніи ихъ добиться, другія же, ничего не говоря, прямо приходятъ и заявляютъ о своихъ правахъ. Эти-то послѣднія и содѣйствуютъ успѣху женскаго равноправія и открываютъ другимъ женщинамъ доступъ всюду. Въ настоящее время въ Америкѣ почти нѣтъ такой области, гдѣ бы не нашлось работающихъ женщинъ. Женщины-проповѣдники занимаютъ уже вполнѣ признанное оффиціальное положеніе въ штатахъ. Семнадцать протестантскихъ сектъ, въ томъ числѣ баптисты, конгрегаціоналисты, унитаристы и «соединенныя братья» принимаютъ женщинъ въ качествѣ проповѣдницъ. Такихъ проповѣдницъ насчитывается въ настоящее время 250 и онѣ имѣютъ своихъ прихожанъ и несутъ всѣ обязанности приходскаго священника. Одна изъ этихъ женщинъ, Августа Чэтенъ, докторъ богословія, пользуется большою извѣстностью, какъ выдающійся проповѣдникъ. Въ «парламентѣ религій», на чикагской выставкѣ, она была избрана предсѣдательницей очень важной коммиссіи и произнесла двѣ прекрасныя рѣчи. Она работаетъ на этомъ поприщѣ давно, съ 1853 г., много путешествовала за границей и разъѣзжала по разнымъ городамъ союза, гдѣ произносила проповѣди. Кромѣ того, она участвуетъ, какъ дѣятельный членъ, въ университетскомъ движеніи.

Въ нѣкоторыхъ случаяхъ и мужъ и жена, оба исполняютъ пасторскія обязанности, каждый въ своемъ приходѣ, а иногда вмѣстѣ. Авторъ приводитъ примѣръ одного такого счастливаго супружества, работающаго совмѣстно въ одномъ изъ штатовъ.

Женщины-архитекторы давно уже не составляютъ рѣдкости въ Америкѣ и

имѣютъ практику въ большихъ городахъ. Въ теченіе довольно долгаго времени женщины добивались права исполнять обязанности лоцмана и теперь въ Америкѣ есть уже нѣсколько лоцмановъ женскаго пола. Первая изъ нихъ, пользующаяся въ настоящее время репутаціей одного изъ самыхъ искусныхъ лоцмановъ въ Америкѣ, выдержала весьма серьезный и строгій экзаменъ и вынесла много придирокъ. Но мистриссъ Годжеръ—такъ зовутъ этого лоцмана—не оробѣла, и ея экзаменаторъ, несмотря на все свое желаніе не допустить ее получить званіе лоцмана, все-таки долженъ былъ признать, въ концѣ концовъ, что она удовлетворяетъ всѣмъ требованіямъ. Авторъ перечисляетъ еще нѣсколько профессій, которыя американскія женщины взяли приступомъ, и кончаетъ заявленіемъ, что женщины вездѣ укрѣпились настолько прочно, что мужчины уже бросили мысль о соперничествѣ съ ними и о возможности ихъ вытѣснить изъ захваченныхъ ими областей труда.

Нѣмецкій географическій журналъ «Globus» занимается вопросомъ, какія области земного шара слѣдуетъ еще считать неизвѣстными? Авторъ статьи, посвященной этому вопросу, говоритъ, что XIX вѣкъ можно назвать вѣкомъ географическихъ открытій, но несмотря на огромные успѣхи, сдѣланные въ этомъ направленіи, все-таки осталось еще не мало неизслѣдованныхъ земель, не только въ области сѣвернаго и южнаго полюсовъ, но и внутри азіатскаго, африканскаго, американскаго и австралійскаго континентовъ. Въ Азіи, напримѣръ, въ области Тибета, несмотря на успѣхи русскихъ, англійскихъ и французскихъ путешественниковъ, еще многое остается неизслѣдованнымъ. Много работы для изслѣдователей предстоитъ также въ области Гималаевъ, въ Индо-Китаѣ, въ Китаѣ, на Формозѣ и т. п., не говоря уже объ Аравіи, представляющей совсѣмъ «пустое мѣсто» на географической картѣ.

Девятнадцатый вѣкъ можетъ въ особенности похвалиться своими успѣхами въ Африкѣ, огромныя области которой оставались долго неизвѣстными и только во второй половинѣ послѣдняго столѣтія усиліями Ливингстона, Стэнли и др. путешественниковъ было сорвано покрывало съ «таинственнаго континента». Тѣмъ не менѣе, при взглядѣ на карту Африки, мы можемъ убѣдиться, что въ дебряхъ и пустыняхъ Африки еще надолго хватитъ работы смѣлымъ африканскимъ изслѣдователямъ.

Сѣверная Америка также не вполнѣ изслѣдована во многихъ мѣстахъ, что на первый взглядъ можетъ показаться мало вѣроятнымъ. Результаты изысканій, произведенныхъ въ послѣднее время въ Аляскѣ и въ сѣверо-западной области Сѣверной Америки, указали, однако, съ достаточною, ясностью какъ мало была извѣстна до сихъ поръ эта область. Всѣ карты оказались или неправильными, или весьма неполными и только теперь благодаря экспедиціямъ, снаряженнымъ канадскимъ и американскимъ правительствами, ошибки эти исправлены. Въ Лабрадорѣ также есть неизслѣдованныя области. Въ центральной Америкѣ Гондурасъ, Никарагуа и Коста-Рика скрываютъ еще не мало тайнъ. Въ Южной Америкѣ условія такія же, какъ и въ Африкѣ. Огромные, дѣвственные лѣса по берегамъ притоковъ Амазонки, занимающіе пространство почти равное Франціи, до сихъ поръ еще не изслѣдованы и нога европейца не вступала въ нихъ. То же самое относится къ лѣсамъ Боливіи, къ Атакамѣ, Патагоніи и Огненной Землѣ, гдѣ остались еще неизслѣдованныя области.

Что касается Австраліи, то внутренность ея до сихъ поръ мало извѣстна. Изъ островковъ, Новая Гвинея представляетъ наиболѣе интересную область для путешественника, такъ какъ въ большей своей части она смѣло можетъ быть названа «terra incognita». «Поверхность нашей планеты извѣстна намъ лишь въ главныхъ чертахъ,—говоритъ авторъ статьи,—но остается еще не мало закоул-

ковъ и такихъ пространствъ, куда никто не заглядывалъ. Это задача будущихъ изслѣдователей».

Нынѣшнія событія въ Китаѣ побудили англійскую печать обратить вниманіе на китайскій кварталъ въ лондонскомъ Истъ-Эндѣ. Одинъ изъ лондонскихъ журналистовъ посѣтилъ недавно этотъ кварталъ и описалъ свои впечатлѣнія въ «English Magazine». Число «сыновъ неба» въ этомъ кварталѣ простирается до 3.000 и, по словамъ журналиста, больше всего поражаетъ въ нихъ стремленіе англизироваться. Англичанамъ совершенно нечего стараться сдѣлать китайцевъ похожими на англичанъ—это происходитъ какъ-то само собой. Всѣ китайцы бѣгло говорятъ по-англійски и передѣлываютъ свои имена въ англійскомъ духѣ, такъ, напримѣръ: «Вонгъ чунгъ-ве» переименовывается въ Чарьза Конга и т. д. Многіе китайцы женились на англичанкахъ и, повидимому, живутъ очень счастливо. Журналистъ бесѣдовалъ съ одною красивою и молодою ирландкой, которая, овдовѣвъ послѣ перваго мужа, вышла замужъ за китайца и теперь очень довольна. Она расхваливаетъ своего желтаго супруга, который обращается съ нею прекрасно, никогда не бьетъ ее и работаетъ для нея, какъ волъ. Съ первымъ же мужемъ она натерпѣлась много горя! Послѣднія событія въ Китаѣ не оказали никакого дурного вліянія на взаимныя отношенія лондонцевъ и китайцевъ, проживающихъ въ этомъ столичномъ кварталѣ. Эти отношенія по прежнему очень хороши. Многіе изъ китайцевъ обращены въ христіанство, но, въ виду ихъ полнаго равнодушія къ какой бы то ни было религіи, они только *по имени* христіане и по прежнему исполняютъ многіе обряды языческой религіи вмѣстѣ съ христіанскими обрядами, не видя особенной разницы между ними.

У Круппа *).

Близъ Эссена, въ рейнской провинціи Пруссіи, существуетъ величайшій въ свѣтѣ стале-литейный заводъ Круппа, у котораго, по размѣрамъ производства и величинѣ занимаемой территоріи, нѣтъ соперниковъ во всемъ свѣтѣ. Этотъ заводъ представляетъ одно изъ грандіознѣйшихъ проявленій развитія капитализма вообще и въ частности является какъ бы изображеніемъ промышленнаго развитія Германіи, превратившейся сравнительно въ непродолжительное время въ передовую страну капитализма. По выраженію принца Наполеона Бонапарте, посѣтившаго заводъ еще въ 1868 г., это «государство въ государствѣ». Во главѣ этого государства стоитъ съ 1887 г. внукъ основателя завода, единственный владѣлецъ его, пушечный король Фридрихъ-Альфредъ Круппъ. Отецъ его, человѣкъ желѣзной воли, всю жизнь свою твердо стоялъ на стражѣ своей власти. Въ случаѣ, напр., броженія умовъ онъ обращался съ воззваніемъ къ

*) Dr. W. Kley, «Bei Krupp.» Eine socialpolitische Reiseskizze. Leipzig. 1899. Книга заключаетъ въ себѣ историческій очеркъ развитія Крупповскихъ заводовъ и описаніе существующихъ на нихъ учрежденій для рабочихъ. Интересныя фактическія данныя обильно пересыпаны собственными разсужденіями автора, который стоитъ на точкѣ зрѣнія узкаго патріотизма. Онъ находитъ, что «соціальная политика» Круппа вѣрно намѣчаетъ тотъ путь, которому должно слѣдовать въ этомъ вопросѣ и государство. Докторъ Клей настолько ослѣпленъ дѣятельностью Круппа, что не замѣчаетъ нѣкоторыхъ, на ряду съ несомнѣнно хорошими, отрицательныхъ ея сторонъ, въ родѣ, напр., стѣсненія рабочихъ и чрезмѣрной опеки надъ ними. Въ концѣ своей книги, послѣ замѣчаній о томъ, что только широкое развитіе промышленности ведетъ къ улучшенію положенія рабочихъ, къ поднятію уровня ихъ потребностей (standard of life), онъ въ увлеченіи восклицаетъ, что еще долго будутъ отливаться пушки, и Крупповскому заводу нечего опасаться за свое будущее.

своимъ рабочимъ, предлагая недовольнымъ уходить съ фабрики и заявляя, что если окажется необходимость, онъ, не задумываясь, уволитъ самаго нужнаго ему рабочаго, замѣченнаго въ подстрекательствѣ на заводѣ. Во время кризисовъ бывало, что плата рабочимъ понижалась и предостерегалось, что всякое выраженіе недовольства со стороны рабочихъ будетъ служить поводомъ къ удаленію изъ завода. Однажды, въ предупрежденіе грозящихъ безпорядковъ, Круппъ написалъ цѣлую брошюру, въ которой, обращаясь къ рабочимъ, разъяснялъ имъ съ своей точки зрѣнія весь вредъ для нихъ соціалистическихъ ученій и внушалъ, что единственнымъ средствомъ противъ бѣдности является трудолюбіе и бережливость. «Безъ этихъ качествъ,—говорилъ онъ,—ничего не помогутъ самое лучшее правительство и самые лучшіе законы». Во время предвыборной агитаціи 1887 г. Круппъ говоритъ въ воззваніи къ рабочимъ: «Интересы нѣмецкаго государства—наши интересы», и предостерегаетъ отъ враждебныхъ правительству кандидатовъ, убѣждая поддерживать правительственную политику милитаризма. Самъ Круппъ воздерживался отъ непосредственнаго участія въ политикѣ. Сынъ же его, нынѣшній владѣлецъ завода, Фридрихъ-Альфредъ Круппъ былъ избранъ въ 1893 г. депутатомъ въ рейхстагъ.

Начало Крупповской фирмѣ было положено Петромъ-Фридрихомъ Круппомъ въ 1810 г. Въ 1811 г. была устроена первая доменная печь для приготовленія стали. Поводомъ къ охватившему въ то время многихъ стремленію открыть секретъ приготовленія стали послужило запрещеніе ввоза въ Германію англійскихъ стальныхъ фабрикатовъ.

Первоначально это была небольшая мастерская, въ которой работалъ самъ хозяинъ съ однимъ—двумя рабочими, самъ же заботился и о продажѣ своихъ издѣлій. Время, благодаря всеобщему экономическому застою, мало благопріятствовало развитію новыхъ предпріятій. Но уже въ 1812 г. Круппъ объявилъ, что у него изготовляются всѣ сорта тонкой стали, а въ 1818 г. построилъ, не дождавшись правительственной субсидіи, первыя мастерскія. Ежедневно изготовлялось едва 400 ф. стали. Въ 1822 г. союзомъ для развитія промышленности въ Прусскомъ королевствѣ было оффиціально признано, что сталь Круппа по доброкачественности и прочности равняется англійской, а въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ даже превосходитъ ее. Въ 1826 г. П. Ф. Круппъ умеръ, передавъ тайну открытаго имъ искусства и начатое предпріятіе вдовѣ и 14 лѣтнему сыну Альфреду. Первое время дѣла шли такъ плохо, что въ теченіе 15 лѣтъ едва окупались издержки, и не получалось никакого дохода, но Альфредъ Круппъ обладалъ необыкновенной энергіей и настойчивостью. По его собственному признанію, ему не разъ приходилось проводить за работой цѣлыя ночи, питаясь самой скромной пищей. За недостаткомъ средствъ, онъ исполнялъ обязанности и кузнеца, и инженера и бухгалтера и комивояжера, но твердо и неуклонно двигался впередъ. Понемногу заводъ сталъ все больше и больше развиваться; въ 1832 г. было уже 10 рабочихъ, въ 1844 г., въ противовѣсъ австрійской конкуренціи, основана фирма Круппъ и Шоллеръ. Въ 1847 г. была изготовлена первая трехфунтовая пушка. Цѣлью Круппа стало вытѣснить англичанъ, занимавшихъ первое мѣсто въ этой отрасли промышленности. На лондонской выставкѣ 1851 г. была одержана первая значительная побѣда за глыбу стали въ 45 центнеровъ и шестифунтовую пушку, и фабрикаты Круппа пріобрѣли всемірную извѣстность, фигурируя изъ года въ годъ на разныхъ европейскихъ и всемірныхъ выставкахъ. Производство все болѣе и болѣе расширялось; благодаря развитію техники, постоянно вводились разныя усовершенствованія, происходили разныя изобрѣтенія. Наконецъ, фирма стала получать большіе заказы на оружіе, и главной отраслью Крупповскаго завода сдѣлалось производство пушекъ; до 1895 г. ихъ изготовлено было свыше 30.000. Въ настоящее время фирма достигла колоссальныхъ размѣровъ: на

заводѣ существуютъ десятки различныхъ мастерскихъ, дѣйствуетъ свыше 3.000 различныхъ машинъ, изъ нихъ 306 паровыхъ котловъ, 113 паровыхъ молотовъ и т. п. Приблизительное максимальное производство дня въ 1877 г. составляли: 1.000 гранатъ, 120 вагонныхъ осей, 160 вагонныхъ колесъ, 430 рессоръ, 1.800 шинъ.

Въ концѣ 80-хъ и началѣ 90-хъ годовъ фирма расширилась присоединеніемъ частныхъ сталелитейныхъ заводовъ и мастерскихъ. Кромѣ того, Круппъ пріобрѣлъ въ собственность ганноверскіе каменно-угольные участки и желѣзные рудники въ сѣверной Испаніи. Для перевозки желѣзной руды въ Германію построены особые пароходы и проложена желѣзная дорога. Такимъ образомъ, Круппу нечего бояться возвышенія цѣнъ на сырье, явившагося результатомъ необыкновенно быстраго развитія промышленности въ Рейнской провинціи: потребность Крупповскаго завода въ желѣзной рудѣ совершенно удовлетворяется собственными рудниками (ежедневно добывается 48.000 центнеровъ желѣзной руды и 60.000 центнеровъ каменнаго угля). Фирмѣ принадлежитъ болѣе 500 желѣзныхъ рудниковъ, изъ которыхъ только часть находится въ дѣйствіи, остальные состоятъ въ резервѣ. Для пробы оружій есть собственное стрѣльбище.

Съ 1896 года фирма занялась, по особому договору съ судо-машиностроительнымъ обществомъ «Германія» еще кораблестроеніемъ; на корабельной верфи въ 1899 году работало около 3.000 чел. Несомнѣнно, что въ недалекомъ будущемъ фирма станетъ вполнѣ самостоятельной и въ этой отрасли дѣятельности.

Число всѣхъ лицъ, занятыхъ на Крупповскихъ заводахъ, вмѣстѣ съ ихъ семьями свыше 100.000 человѣкъ, а собственно рабочихъ вмѣстѣ съ служащими 41.750 человѣкъ. Приблизительно $^1/_5$ всего населенія Рейнской провинціи непосредственно находитъ здѣсь средства къ существованію.

О чудовищныхъ размѣрахъ фирмы Круппа наглядно свидѣтельствуютъ слѣдующія данныя. Въ 1894—1895 гг. годичное потребленіе заводомъ воды равнялось годичному потребленію гор. Дрездена (336.000 жителей. 285 литровъ въ секунду). Свѣтильнаго газа въ годъ израсходовано приблизительно столько, какъ въ гор. Дюссельдорфѣ. У фирмы собственныя желѣзнодорожныя вѣтки: обыкновенная, соединяющаяся съ казенной желѣзной дорогой, съ 16 локомотивами и 590 вагонами, и узкоколейная—20 локомотивовъ и 709 вагоновъ. Собственная телеграфная сѣть охватываетъ 31 станцію съ 57 аппаратами Морзе; въ 1894—1895 гг. отправлено 13.547 депешъ; 322 телефонныхъ станціи, въ среднемъ 800 телефонныхъ сообщеній въ день. Кромѣ того, при заводѣ есть собственная химическая лабораторія, пробирное учрежденіе, пожарная съ 74 электрическими сигналами.

Такіе колоссальные размѣры производства, создавшіе это государство въ государствѣ, дали возможность устроить рядъ учрежденій для рабочихъ. Быстрый ростъ промышленности, вызвавшій въ промышленныхъ центрахъ большую скученность населенія, естественно выдвинулъ вопросъ о квартирахъ для рабочихъ. Круппъ пошелъ навстрѣчу этой нуждѣ, выстроивши какъ въ центрѣ, такъ и на окраинахъ своихъ владѣній, въ рудникахъ и горныхъ участкахъ, цѣлый рядъ домовъ, отдаваемыхъ въ наймы своимъ рабочимъ. Въ 1891 году уже было выстроено 3.659 жилищъ для рабочихъ. Спросъ на эти квартиры такъ великъ, что очень многимъ приходится отказывать, и преимущество обыкновенно отдается рабочимъ, поработавшимъ уже по крайней мѣрѣ 10 лѣтъ на заводѣ. За всѣми квартирами установленъ отъ фирмы надзоръ, лежащій на обязанности особыхъ квартирныхъ контролеровъ. Права и обязанности жильцовъ изложены въ 48 параграфахъ, за соблюденіемъ которыхъ и смотрятъ эти контролеры. Они пользуются правомъ входа въ квартиры рабочихъ во всякое время и не только слѣдятъ за соблюденіемъ гигіеническихъ правилъ, но могутъ вторгаться и въ частную жизнь квартирантовъ въ случаѣ «неприлична-

го» поведенія послѣднихъ. Каждый квартирантъ обязанъ соблюдать порядокъ и тишину въ домѣ и мирно жить со своими сосѣдями, говорится, между прочимъ, въ одномъ изъ параграфовъ. При разныхъ недоразумѣніяхъ, производится разслѣдованіе дѣла и увѣщаніе виновной стороны Продолжительныя ссоры могутъ повести къ отказу отъ квартиры. Родители являются отвѣтственными за поведеніе своихъ дѣтей. Въ заключаемомъ обыкновенно письменно контрактѣ говорится, что рабочій обязанъ соблюдать всѣ условія и немедленно очистить квартиру при уходѣ съ фабрики. Въ 1891 году основной квартирный капиталъ равнялся 12.256.075 марокъ, а квартирный доходъ 484.675 марокъ, что даетъ 2,1%, а это процентъ ниже принятаго въ государствѣ. Годовая плата за квартиру въ двѣ комнаты отъ 52—60 марокъ, въ три комнаты отъ 120—150 марокъ. Квартира для служащихъ изъ семи комнатъ стоитъ въ среднемъ 800 марокъ въ годъ. Во многихъ рабочихъ квартирахъ принимаются также ночлежники.

Одной изъ самыхъ большихъ рабочихъ колоній является Кроненбергъ вблизи завода. Въ этой колоніи 226 громадныхъ 3-хъ этажныхъ домовъ съ населеніемъ свыше 8.000 человѣкъ. Это—типичный городъ рабочихъ. Вдоль прямыхъ улицъ, обсаженныхъ деревьями, тянутся большіе сѣрые каменные дома. При многихъ изъ нихъ сады и площадки, а кромѣ того одинъ общій большой садъ въ родѣ парка съ аллеями и скамейками. Въ центрѣ колоніи почта, рынокъ, на которомъ нѣсколько разъ въ недѣлю бываетъ большой базаръ, ресторанъ. Въ ресторанѣ помѣщается библіотека, залъ для собраній отдѣльныхъ ферейновъ и залъ съ галлереями на 1.200—1.500 человѣкъ, гдѣ устраиваются обыкновенно рабочими разныя празднества. Онъ служитъ также театромъ и гимнастическимъ заломъ. Въ колоніи помѣщаются отдѣленія потребительной лавки; школа съ 16 классами, содержимая всецѣло на счетъ фирмы; на главной улицѣ дома для служащихъ, для священника, аптека.

Площадки и сушильни при квартирахъ по одной на три семьи, а иногда и отдѣльныя для каждой. При каждой квартирѣ отдѣльный погребъ и клозетъ. За исключеніемъ квартиръ о 6-ти комнатахъ входъ въ домъ общій для нѣсколькихъ семействъ. Конюшенъ и хлѣвовъ въ этой колоніи не существуетъ. Всѣ квартиры отвѣчаютъ какъ полицейско-строительнымъ, такъ и гигіеническимъ требованіямъ. Въ такомъ же родѣ и остальныя рабочія колоніи, отличающіяся одна отъ другой тѣми или иными размѣрами, тѣмъ или инымъ типомъ построекъ. Въ нѣкоторыхъ колоніяхъ газовое освѣщеніе улицъ, канализація.

Существуетъ также особая колонія для инвалидовъ, построенная Круппомъ въ память отца «для доставленія на закатѣ дней спокойнаго существованія инвалидамъ рабочимъ». Здѣсь квартиры разсчитаны на маленькія семейства, состоящія, напр., изъ мужа, жены, двухъ внуковъ. Есть также отдѣльныя квартиры для вдовъ рабочихъ.

Для холостыхъ рабочихъ существуетъ такъ называемый менажъ. Сначала онъ былъ разсчитанъ на 200 человѣкъ, потомъ постепенно расширялся, въ 1873 г. въ немъ было 1.775 жильцовъ, а въ настоящее время около 500. Съ 1884 г. всякій простой рабочій, не женатый и не живущій у родственниковъ, обязанъ жить въ менажѣ. Въ менажѣ обязательно живетъ управляющій менажемъ и полицейскій.

Плата за содержаніе рабочаго старше 16-ти лѣтъ 80 пфенниговъ въ день, моложе 16-ти лѣтъ — 60 пфен. Погашенія затраченнаго на постройку зданія капитала фирма не имѣетъ въ виду.

Обитатели менажа обязаны соблюдать строгій порядокъ и чистоту и подчиняться всѣмъ требованіямъ, изложеннымъ въ особомъ уставѣ. Вотъ нѣкоторыя изъ этихъ требованій:

Въ менажъ не принимаются лица съ особенно непріятными тѣлесными недостатками, очень нечистоплотные, пьяницы и буяны.

Всякій, удаляемый изъ менажа, немедленно увольняется съ фабрики и наоборотъ.

Помѣщаются обыкновенно по нѣсколько человѣкъ въ одной комнатѣ, изъ которыхъ одинъ по выбору долженъ смотрѣть за порядкомъ.

Общіе для всѣхъ столовая и залъ открыты отъ $5^1/_2$ часовъ утра до 10 часовъ вечера. Въ 10 часовъ огонь уже вездѣ потушенъ. Являющійся слишкомъ поздно къ обѣду, безъ уважительной на это причины, какъ, напр., записка мастера, обѣда не получаетъ.

Постельное бѣлье мѣняется каждыя три недѣли, полотенце каждую недѣлю.

Умываются всѣ въ умывальныхъ комнатахъ, убирая каждый самъ послѣ себя. Каждый обязанъ, по крайней мѣрѣ по воскресеньямъ и праздникамъ основательно мыться и мѣнять бѣлье, къ столу являться съ чистыми руками и непокрытой головой.

Предполагается, какъ сказано въ одномъ изъ параграфовъ, что въ случаѣ какихъ-нибудь безпорядковъ всякій живущій въ менажѣ всегда будетъ доводить о нихъ, для принятія необходимыхъ мѣръ, до свѣдѣнія начальства.

Надзоръ за менажемъ лежитъ на управляющемъ, который, вмѣстѣ съ помощникомъ, разбираетъ возникающія недоразумѣнія и въ крайнихъ случаяхъ, напр., драки, прибѣгаетъ къ полицейской помощи. Онъ же смотритъ за доброкачественностью продуктовъ.

Въ менажѣ получаются газеты, существуетъ библіотека, кегли, билліардъ.

Для неженатыхъ квалифицированныхъ рабочихъ (Facharbeiter), зарабатывающихъ болѣе, чѣмъ простые, существуетъ два отдѣльныхъ дома, такъ называемое Logierhäuser; плата за содержаніе въ нихъ выше, чѣмъ въ менажѣ, и жильцы пользуются сравнительно бо̀льшей свободой. Управленіе этими домами принадлежитъ его членамъ, выбирающимъ на опредѣленный срокъ представителя изъ собственной среды, а хозяйствомъ завѣдуетъ особая хозяйка, обыкновенно жена или вдова кого-нибудь изъ рабочихъ. Живутъ по одному или нѣсколько человѣкъ въ одной комнатѣ. За комнату для одного платится 10 м. въ мѣсяцъ, за содержаніе 1,25 м. въ день.

Вообще квартирная плата рабочаго Крупповскаго завода составляетъ отъ $^1/_{20}$ до $^1/_{10}$ его заработка, тогда какъ вычислено, что въ большихъ нѣмецкихъ городахъ рабочіе уплачиваютъ за одни начлежныя мѣста отъ $^1/_{10}$ до $^1/_6$ своего жалованья.

Въ началѣ 90-хъ годовъ была сдѣлана попытка уклоненія отъ системы наемныхъ квартиръ. Круппъ пожертвовалъ капиталъ въ 500.000 м. съ тѣмъ, чтобы изъ него выдавалась трехпроцентная ссуда каждому рабочему, желающему построить или пріобрѣсти собственный домъ, если онъ получаетъ жалованья менѣе 3.000 м. въ годъ. Къ услугамъ желающихъ даровые техники. Капиталъ погашается въ теченіе 25-ти лѣтъ. Въ 1892 г. уже было около 70-ти домовладѣльцевъ среди рабочихъ. Въ Эссенѣ и окрестностяхъ это нововведеніе не привилось, а получило нѣкоторое распространеніе тамъ гдѣ дешева земля и строительные матеріалы.

Далѣе изъ Крупповскихъ учрежденій для рабочихъ заслуживаетъ вниманія потребительное общество, съ 73 лавками. Центральной лавкой общества служитъ такъ называемый Крупповскій базаръ, громадное трехэтажное зданіе, за которымъ помѣщается кладовая и резервуаръ для керосина, куда непосредственно опорожняются цѣлые вагоны. Общество владѣетъ собственными мастерскими, какъ сапожная, портняжная, щеточная; имѣетъ свои мельницы, пекарню, бойни, рестораны, кофейни. При бойняхъ устроены различныя приспособленія для копченія, соленія, приготовленія колбасъ. Въ пекарнѣ работаетъ ежедневно 29 человѣкъ и расходуется 260 центнеровъ муки. Изъ виннаго погреба, для котораго работаетъ особый бочаръ съ 9-ю подмастерьями, продается ежедневно

около 500 бутылокъ вина. Расходъ сахару равенъ потребленію средняго нѣмецкаго города въ 40—50 т. жителей, а мясныхъ продуктовъ хватило бы для города съ населеніемъ въ 25—30 т. Кромѣ того, при обществѣ есть фабрика приготовленія для льда, гладильное заведеніе. Ежегоднымъ распредѣленіемъ прибыли между своими покупателями общество понижаетъ цѣну на купленные товары на 5—7% и доставляетъ такимъ образомъ въ среднемъ каждой семьѣ не менѣе 50 м. дивиденда въ годъ, если считать, по статистикѣ Энгеля, что расходъ на прокормленіе одной рабочей семьи составляетъ около 730 м. въ годъ. Въ 1898 г. было предъявлено къ разсчету 11.000 книжекъ.

При заводѣ устроенъ цѣлый рядъ кассъ для помощи рабочимъ и служащимъ. Пенсіонная касса существуетъ на членскіе взносы и взносы фирмы. Каждый членъ вноситъ $2^1/_2$% своего заработка, пока послѣдній не превосходитъ 2.000 м. въ годъ. Фирма вноситъ сумму, равную суммѣ членскихъ взносовъ, что составляетъ около $^1/_2$ мил. марокъ. Правомъ на полученіе пенсіи пользуются: 1) рабочіе, состоявшіе непрерывно въ теченіе 20 лѣтъ членами кассы, 2) рабочіе, потерявшіе способность къ труду послѣ 15 лѣтъ особенно тяжелыхъ работъ, 3) вдовы и законныя дѣти умершихъ членовъ, получавшихъ уже пенсію или дослужившихся до нея. Послѣ 20-лѣтней службы съ жалованьемъ въ 1.200 м., пенсія равняется 480 м., послѣ 40 лѣтней—840 м. въ годъ. Пенсія выдается вообще въ размѣрѣ 40% послѣдняго жалованья и съ каждымъ годомъ возрастаетъ на $1^1/_2$%, пока не достигнетъ $^3/_4$ годоваго жалованья. Вдова получаетъ $^1/_2$ пенсіи мужа, каждый ребенокъ 5%, а въ случаѣ смерти матери $7^1/_2$%, пока вся сумма не достигнетъ 90% пенсіи. Есть полупенсіонеры. Изъ капитала въ 5 мил. марокъ, которымъ располагаетъ пенсіонная касса, на пенсіи расходуется ежегодно свыше $^3/_4$ мил. м. Въ продолженіе 13 лѣтъ своего существованія пенсіонная касса уплатила 4.460.432 м. 15 пф. пенсій, а по составленнымъ на 10 лѣтъ впередъ таблицамъ въ 1907 г. расходъ на пенсіи достигнетъ $1^1/_2$ мил. м.

Рабочіе, утратившіе способность къ работѣ вслѣствіе несчастныхъ случаевъ, получаютъ пенсію изъ государственной страховой кассы, въ которую фирма вноситъ ежегодно 200.000 м. Есть особая касса для инвалидовъ, оказывающая поддержку въ тѣхъ случаяхъ, когда государственной страховой преміи бываетъ недостаточно. Въ 1899 г. Круппъ пожертвовалъ въ эту кассу еще $^1/_2$ мил. марокъ съ тѣмъ, чтобы доходы съ этого капитала шли на вспомоществованіе: 1) потерявшимъ способность къ работѣ раньше срока, положеннаго для пенсій, а также ихъ вдовамъ и сиротамъ, 2) неспособнымъ къ работѣ вслѣдствіе продолжительной болѣзни, при недостаточности помощи изъ кассы для больныхъ, 3) крайне нуждающимся въ случаѣ разныхъ непредвидѣнныхъ несчастій въ семьѣ, 4) пенсіонерамъ, впавшимъ въ крайнюю нужду, благодаря разнымъ неблагопріятнымъ случаямъ.

Въ 1887 г. Круппъ пожертвовалъ, въ память своего отца, на разныя благотворительныя и общественныя цѣли 500 т. марокъ. Доходъ съ этого капитала предназначается на пособіе лицамъ, желающимъ продолжать свое научное или спеціальное образованіе, на постройку жилищъ для рабочихъ, вообще на все, что посредственно или непосредственно ведетъ къ поднятію матеріальнаго и нравственнаго уровня низшаго класса населенія.

Существуетъ еще касса для больныхъ, которая помогаетъ заболѣвшимъ членамъ какъ деньгами, такъ и врачебными пособіями. Они содержатъ 28 врачей.

Крупповская больница состоитъ изъ 5 бараковъ, куда принимаются за очень небольшую плату и посторонніе. Есть особый домъ для выздоравливающихъ со всѣми необходимыми приспособленіями и отдѣльные эпидемическіе бараки. Въ интересахъ охраненія здоровья рабочихъ, существуетъ санитарная коммиссія, которая заботится о введеніи необходимыхъ гигіеническихъ мѣро-

пріятій, о предупрежденіи болѣзней, борьбѣ съ эпидеміями и т. п. Ведется статистика заболѣваемости и смертности: въ 1870 г. умирало 1,2%, въ 1897 г. 0,8.

Подобно тому, какъ для рабочихъ существуютъ также разныя вспомогательныя кассы и для служащихъ, получающихъ болѣе 2 т. марокъ. Служащіе съ окладомъ жалованья свыше 10.000 м. не имѣютъ права на пенсію.

Въ обществѣ страхованія жизни участвуютъ какъ рабочіе, такъ и служащіе.

Сберегательная касса выдаетъ 5%. Сберегательныя марки продаются во всѣхъ отдѣленіяхъ потребительнаго общества. Фирма очень заботится о пріученіи къ сбереженію еще съ дѣтскихъ лѣтъ, начиная со школьниковъ и подмастерьевъ. Подмастерье получаетъ изъ жалованья, начинающагося обыкновенно съ 60 пф. и доходящаго до 2,50 м, только половину, а остальное выдается въ концѣ ученія.

Существуетъ особая школа для продолженія начальнаго образованія, такъ называемая Fortbildungsschule, посѣщеніе которой обязательно для всѣхъ подмастерьевъ. Отличавшіеся въ этой школѣ большими способностями сыновья мастеровъ и рабочихъ при желаніи получаютъ изъ предназначеннаго на эти цѣли капитала стипендіи для продолженія дальнѣйшаго образованія.

Кромѣ того, существуетъ не мало народныхъ школъ, выстроенныхъ въ рабочихъ колоніяхъ и городскихъ рабочихъ кварталахъ и предоставленныхъ въ распоряженіе общинъ.

Заслуживаютъ вниманія еще промышленная школа (Industrieschule) и школа домоводства, находящіяся въ вѣдѣніи потребительнаго общества. Въ промышленной школѣ два отдѣленія: младшее для дѣтей школьнаго возраста съ программой народной школы и старшее, въ которомъ обучаются различнымъ рукодѣліямъ женщины и дѣвушки старше 14 лѣтъ. Плата за правоученіе самая незначительная—20 пфен. въ мѣсяцъ, но лучшимъ ученицамъ и она возвращается назадъ при окончаніи курса. Въ школѣ домоводства обучаютъ кулинарному искусству и разнымъ необходимымъ въ домашнемъ хозяйствѣ женскимъ работамъ: стиркѣ, починкѣ и т. п. Правоученіе безплатное, а за содержаніе 3 м. въ мѣсяцъ, несостоятельныя совсѣмъ освобождаются. Лучшія ученицы, какъ и въ промышленной школѣ, получаютъ при выходѣ денежную премію. При школѣ устроена дешевая столовая съ платой за обѣдъ 35 пфен. Эта столовая предназначена, главнымъ образомъ, для вдовъ, сиротъ и инвалидовъ рабочихъ, не имѣющихъ своего хозяйства. Семейные рабочіе могутъ получать изъ нея обѣдъ въ случаѣ болѣзни хозяйки.

Изъ всего изложеннаго можно видѣть, что матеріальное положеніе рабочихъ на Крупповскихъ заводахъ нѣсколько лучше обычнаго положенія нѣмецкихъ рабочихъ. Кромѣ того, заработная плата рабочихъ, занятыхъ въ машиностроительномъ и металлическомъ производствахъ, нигдѣ въ Германіи не достигаетъ такой высоты, какъ въ Эссенѣ. Здѣсь средняя недѣльная плата равняется 27—30 м., тогда какъ въ другихъ мѣстахъ рѣдко поднимается выше 20 м. Свыше 67% крупповскихъ рабочихъ получаютъ болѣе 4 м. (около 2 р.) въ день, приблизительно около 33% болѣе 3 м. и только незначительная часть, менѣе 10%, подростки и подмастерья, получаютъ менѣе 3 м. въ день.

Крупповскіе заводы, со своимъ грандіознымъ производствомъ и всѣми учрежденіями для рабочихъ и служащихъ, съ одной стороны наглядно свидѣтельствуютъ о томъ, что крупное производство выгодно не только для капиталистовъ, но и для рабочихъ, а съ другой—намѣчаютъ тѣ формы, въ которыя выльется производство будущаго, свободное отъ многихъ отрицательныхъ сторонъ нынѣшнихъ крупныхъ капиталистическихъ предпріятій.

Н. Новоборская.

НАУЧНАЯ ХРОНИКА.

Гигіена. О вредѣ употребленія въ пищу конины.—**Физіологія.** О такъ называемомъ физіологическомъ свѣтѣ.—**Медицина.** Объ отравленіи окисью углерода (угаромъ).—**Ботаника.** О прививкѣ растеній. **Д. Н.—Химія.** 1) Освѣтительный газъ будущаго.—2) Уреинъ. **Н. М.—Астрономическія извѣстія. К. Покровскаго.**

Гигіена. *О вредѣ употребленія въ пищу конины.* Извѣстный нѣмецкій физіологъ Пфлюгеръ въ одной изъ послѣднихъ книжекъ своего журнала «Archiv für die gesamte Physiologie» (Bd. 80. Heft 3, 4 и 5) сообщаетъ свои наблюденія и опыты надъ вреднымъ вліяніемъ конины на пищевареніе и даетъ объясненіе хотя и неполное этого вреднаго вліянія *).

Въ первый разъ и въ чрезвычайно рѣзкой формѣ вредное вліяніе конины было замѣчено случайно на очень сильной, большой и здоровой собакѣ, вѣсомъ около двухъ пудовъ, которой въ теченіи нѣсколькихъ мѣсяцевъ давали въ пищу конину съ цѣлью рѣшенія вопроса, можетъ ли животное продолжительное время существовать и производить работу, питаясь исключительно мясомъ. Мясо приготовлялось для этого опыта слѣдующимъ образомъ: послѣ тщательнаго удаленія сухожилій и жира, его изрѣзывали въ мелкій фаршъ, помѣщали въ герметически закрывающіяся жестянки и стерелизовали посредствомъ нагрѣванія. Тотчасъ же, какъ начали кормить собаку этимъ мясомъ, у нея сдѣлался сильный поносъ и не прекращался во все время опыта. Анализъ экскрементовъ показалъ, что все большое и большее количество бѣлковъ мяса оставалось неусвоеннымъ. Разстройство пищеваренія все увеличивалось. Тогда Пфлюгеръ навелъ справки въ Кельнскомъ зоологическомъ саду относительно кормленія кониной хищныхъ звѣрей и узналъ, что всѣ они подвергались такому же разстройству вслѣдствіе употребленія въ пищу конины и что для уничтоженія этого вреднаго вліянія пробовали давать животнымъ вмѣстѣ съ мясомъ также и кости, но въ послѣднее время все-таки принуждены были замѣнить ее дешевыми сортами коровьяго мяса. Конина, по наблюденіямъ въ зоологическомъ саду, оказалась вредной—безразлично, употреблялась ли она сырой или вареной. Спеціальнымъ опытомъ Пфлюгеръ убѣдился, что фаршъ изъ конины, сваренный (вѣдь для стерелизаціи его нагрѣваютъ до 120°, слѣдовательно при этомъ мясо варится въ собственномъ соку) оказываетъ еще болѣе сильное дѣйствіе, чѣмъ сырой. Дальнѣйшія наблюденія показали, что подобное дѣйствіе конина оказываетъ на собакъ всегда, т.-е., что въ упомянутомъ выше случаѣ не было какой-либо индивидуальной особенности у животнаго, хотя, вообще, слабыя индивидуальныя отличія и наблюдаются. На кошекъ конина также дѣйствуетъ вредно, но меньше, чѣмъ на собакъ. Эти наблюденія и побудили Пфлюгера основательно заняться изслѣдованіемъ конины.

Отъ мяса другихъ животныхъ, употребляемыхъ въ пищу, конина отличается большимъ содержаніемъ гликогена, т.-е. вещества, весьма бизкаго къ крахмалу,

*) Его статья озаглавлена «Ueber die Gesundheitsschädigungen, welche durch den Genuss von Pferdefleisch verursacht werden».

вырабатываемаго печенью, и отсутствіемъ жира. Прежде всего Пфлюгеръ и попытался опредѣлить, не является ли отстутствіе жира причиной вреднаго вліянія, оказываемаго этимъ мясомъ или, вѣрнѣе сказать, не можетъ ли жиръ парализовать вредное вліяніе конины, такъ какъ вѣдь всякое другое мясо, хотя бы и совершенно лишенное жира, не оказываетъ подобнаго дѣйствія. Извѣстно, что баранинѣ приписываютъ дѣйствіе противуположное тому, какое оказываетъ конина, поэтому прежде всего Пфлюгеръ и испробовалъ, не окажется ли бараній жиръ способнымъ устранить разстройство, вызываемое кониной. На опытѣ оказалось, что если къ пяти фунтамъ конины прибавлять лишь $^1/_8$ фунта бараньяго жира, то вредное вліяніе ея совершенно устраняется. Бараній жиръ съ такимъ же результатомъ можетъ быть замѣнемъ твердымъ почечнымъ говяжьимъ жиромъ. Свиной почечный жиръ дѣйствуетъ слабѣе. Такимъ образомъ, оказывается, что небольшой прибавки жира достаточно, чтобы парализовать вредное вліяніе конины. Дѣйствію жира можно дать двоякаго рода объясненіе: 1) то что недостатокъ жира въ кoнинѣ и является причиной ея дѣйствія, или 2) что въ кoнинѣ находится особое вредное вещество и что жиръ служитъ противоядіемъ ему. Выше было упомянуто, что всякое другое мясо лишенное жира не оказываетъ того же дѣйствія, какъ конина; поэтому, вѣроятнѣе предположить, что въ кoнинѣ находится какое-нибудь вредное вещество. Яснѣе всего присутствіе такого вещества можетъ быть доказано полученіемъ его въ чистомъ видѣ и выясненіемъ его химической природы. Подобная попытка и была сдѣлана Пфлюгеромъ, но, къ сожалѣнію, онъ не довелъ своего изслѣдованія до конца. Какъ мы видѣли выше, нагрѣваніе не уничтожаетъ вреднаго дѣйствія конины. Поэтому Пфлюгеръ прежде всего и попробовалъ извлечь это предполагаемое вещество, вываривая конину. Оказалось, что вываренная конина не вызываетъ описанныхъ разстройствъ, тогда какъ полученный бульонъ, даже будучи прибавленъ къ коровьему мясу, тотчасъ же вызываетъ сильный поносъ. Этотъ результатъ вполнѣ объясняетъ почему мясо, сваренное въ своемъ соку, оказываетъ болѣе сильное дѣйствіе, чѣмъ сырое: при нагрѣваніи бѣлки мяса свертываются и сокъ его, содержащій вредное вещество, выжимается, при этомъ онъ сразу дѣйствуетъ на стѣнки кишечника въ большемъ количествѣ, чѣмъ при перевариваніи сырого мяса, когда это вещество освобождается постепенно, по мѣрѣ растворенія волоконъ мяса. Далѣе оказалось, что изъ сгущеннаго бульона при дѣйствіи на него большого количества спирта вредное вещество переходитъ въ спиртъ. При такой обработкѣ бульонъ даетъ осадокъ, который, будучи отфильтрованъ и освобожденъ отъ спирта посредствомъ высушиванія, оказался настолько же безвреднымъ, какъ и хорошо вываренное мясо. Полученный спиртовой растворъ, содержавшій, конечно, кромѣ ядовитаго вещества, еще многія другія, послѣ выпариванія далъ осадокъ, сохранившій ядовитыя свойства. Обыкновенный эфиръ, не растворяя всего осадка, извлекаетъ изъ него въ числѣ прочихъ также и явидовитое вещество. Такимъ образомъ, ядовитое вещество можетъ быть получено хотя и не въ совершенно чистомъ видѣ, но все же свободнымъ отъ множества примѣсей, сопровождающихъ его въ мясѣ и въ бульонѣ. Пфлюгеръ изслѣдовалъ это вещество въ химическомъ отношеніи, указываетъ нѣкоторыя его свойства и реакціи, но окончательно выяснить природу его пока не удалось.

Наблюденія Пфлюгера даютъ возможность разъяснить, въ чемъ именно состоитъ дѣйствіе вреднаго вещества конины на кишечникъ. Изъ физіологіи извѣстно, что поглощеніе жидкостей происходитъ почти исключительно въ тонкихъ кишкахъ. Въ желудкѣ и въ толстыхъ кишкахъ всасываніе происходитъ весьма слабо; слѣдовательно, чтобы жидкость сохранилась въ экскрементахъ необходимо одно изъ двухъ условій: или содержимое кишечника должно очень быстро пройти черезъ тонкія кишки, благодаря усиленію перистальтическихъ

движеній ихъ или же въ тонкихъ кишкахъ должно прекратиться всасываніе жидкостей, что можетъ произойти, напримѣръ, вслѣдствіе извѣстнаго измѣненія слизистой оболочки кишекъ. Въ опытахъ Пфлюгера дѣйствіе конины въ первый разъ сказывалось обыкновенно чрезъ сутки, но онъ же раньше показалъ, что при исключительно мясномъ питаніи мясо остается въ желудкѣ до тѣхъ поръ, пока совершенно не растворится, что происходитъ иногда въ теченіе цѣлыхъ сутокъ. Слѣдовательно, если на другой же день послѣ принятія конины появляются жидкіе экскременты, то можно думать, что пища, переваренная въ желудкѣ и остававшаяся тамъ около 24-хъ часовъ, какъ только перейдетъ въ кишки, подъ вліяніемъ вреднаго вещества конины весьма быстро проходитъ весь кишечникъ, такъ что жидкія составныя части ея не успѣваютъ въ достаточной мѣрѣ всосаться. Отсюда ясно, что важнѣйшее дѣйствіе этого вреднаго вещества состоитъ въ усиленіи перистальтическихъ движеній кишекъ. Однако, можно думать, что этимъ дѣйствіе конины на кишечникъ не ограничивается. Былъ произведенъ такой опытъ. Въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ собаку кормили исключительно кониной. Затѣмъ, съ опредѣленнаго дня ей стали давать смѣшанную пищу, т.-е. конину съ большимъ количествомъ жира и риса. Глубокія разстройства пищеваренія, которыя вызвало исключительное питаніе кониной, при новомъ режимѣ исчезли лишь двѣ недѣли спустя. Правда, исключительное питаніе мясомъ, напримѣръ, коровьимъ, въ концѣ концовъ, вызываетъ у животныхъ (собакъ) отвращеніе къ этому роду пищи и нѣкоторое разстройство пищеваренія. Но при переходѣ къ смѣшанному питанію это разстройство, появляющееся, повторяю, лишь по истеченіи большого срока, исчезло бы несравненно скорѣе, чѣмъ это было въ данномъ случаѣ. Отсюда съ нѣкоторой вѣроятностью можно заключить, что конина не только усиливаетъ перистальтику, но также вызываетъ измѣненія въ слизистой оболочкѣ кишекъ.

Опыты надъ полученіемъ противоядія вредному веществу конины показали, что лучше всего примѣнять твердый жиръ. Съ этою цѣлью были испытаны также мучнистыя вещества, какъ, напримѣръ, рисъ, которыя дали, однако, гораздо худшіе результаты, чѣмъ жиръ, и, кромѣ того, углекислый кальцій, т.-е. мѣлъ. Это послѣднее вещество было испробовано въ виду того, что въ Кельнскомъ зоологическомъ саду для уничтоженія вреднаго дѣйствія конины звѣрямъ давали кости, которыя, какъ извѣстно, содержатъ въ большомъ количествѣ соли кальція. Эти послѣдніе опыты были совершенно неудачны, такъ какъ мясо съ прибавленіемъ мѣла вызывало у животныхъ потерю аппетита. Дѣйствіе жира, какъ противоядія, можетъ быть объяснено слѣдующимъ образомъ. Извѣстно, что при перевариваніи значительныхъ количествъ жира, слизистая оболочка кишекъ бываетъ покрыта слоемъ этого вещества въ смѣси съ различными выдѣленіями печени и другихъ железъ, причемъ воды такой слой содержитъ очень мало: она весьма быстро при этомъ всасывается. Отсюда можно заключить, что жиръ непосредственно дѣйствуетъ на клѣтки слизистой оболочки, возбуждая ихъ къ усиленному всасыванію, т.-е. оказываетъ специфическое дѣйствіе въ обратномъ направленіи сравнительно съ вреднымъ веществомъ конины. Пфлюгеръ полагаетъ, что можно допустить, сверхъ того, еще и другое дѣйствіе жира, которое состоитъ въ томъ, что, выстилая слизистую оболочку, жиръ предохраняетъ ее отъ вліянія ядовитаго вещества; но это объясненіе находится, повидимому, въ противорѣчіи съ первымъ, такъ какъ жиръ вообще вызываетъ усиленное всасываніе растворовъ, а вредное-то вещество какъ разъ въ растворѣ и находится, то слѣдуетъ думать, что при дѣйствіи жира оно въ еще большемъ количествѣ проникаетъ черезъ слизистую оболочку. Вѣроятнѣе всего, жиръ настолько увеличиваетъ всасываніе, что парализуетъ противоположное дѣйствіе вреднаго вещества конины.

Изъ приведенныхъ изслѣдованій не трудно вывести, какія предосторожности

слѣдуетъ соблюдать, если является необходимость употреблять въ пищу конину, но, кромѣ того, на основаніи ихъ можно заключить, что, несмотря на предосторожности конина, за исключеніемъ того случая, когда она употребляется въ пищу совершенно вываренной—что врядъ ли кто станетъ дѣлать—въ концѣ концовъ, все-таки должна причинить вредъ для здоровья. Дѣйствіе вреднаго вещества ея не обнаружится непосредственно—если одновременно съ нею принимать въ пищу жиръ, но нельзя съ увѣренностью сказать, что оно совершенно не будетъ дѣйствовать на слизистую оболочку кишекъ; мы получимъ только комбинированное дѣйствіе двухъ веществъ, и трудно думать, чтобы вліяніе ихъ ничѣмъ не отразилось на организмѣ. Вѣдь врядъ ли можно предположить, что для организма пройдетъ безнаказанно употребленіе какого-либо яда и соотвѣтствующаго противоядія, если только они не даютъ между собою химическаго соединенія съ совершенно новыми нейтральными по отношенію къ организму свойствами; что касается вреднаго вещества конины и какого-либо жира, то болѣе чѣмъ сомнительно, чтобы они давали такое соединеніе, поэтому въ настояще время, мнѣ кажется, благоразумнѣе по возможности избѣгать употребленія въ пищу конины.

Физіологія. *О такъ называемомъ физіологическомъ свѣтѣ.* Наилучшимъ свѣтомъ является такой, который бы содержалъ больше всего свѣтовыхъ лучей, по возможности же меньше тепловыхъ и химическихъ, при условіи, разумѣется, чтобы онъ не обходился дорого. Наиболѣе приближается къ этому идеальному свѣту такъ называемый физіологическій свѣтъ, получаемый отъ свѣтящихся организмовъ. Такъ, по крайней-мѣрѣ, утверждаетъ Рафаэль Дюбуа, которому пришла мысль примѣнить для освѣщенія культуры соотвѣтствующихъ бактерій, и повидимому, достигъ хорошихъ результатовъ, такъ какъ въ апрѣлѣ этого года онъ могъ въ помѣщеніи всемірной выставки съ успѣхомъ демонстрировать изобрѣтенный имъ способъ освѣщенія. Въ концѣ лѣта онъ сообщилъ о своихъ изслѣдованіяхъ Парижской академіи. Его статья «Sur l'éclairage par la lumière froide physiologyque, dite lumière vivante» помѣщена въ Comptes rendus Ng. t. CXXXI. Какъ показали прежнія изслѣдованія Дюбуа, свѣтъ, получаемый отъ культуръ фотобактерій содержитъ ничтожно малое количество тепловыхъ лучей. Химическіе лучи находятся въ немъ въ такой слабой пропорціи, что наиболѣе чувствительныя фотографическія пластинки нужно подвергать дѣйствію этого свѣта въ теченіе нѣсколькихъ часовъ, чтобы получить изображеніе. Замѣчательно, что при помощи свѣта бактерій можно получить снимки предметовъ, закрытыхъ картономъ, деревомъ и т. д., совершенно какъ посредствомъ лучей Рентгена; сквозь алюминіевыя пластинки этотъ свѣтъ не проходитъ. Наиболѣе важный недостатокъ бактеріальнаго свѣта состоитъ въ томъ что онъ слишкомъ слабъ. Всѣ усилія Дюбуа и были направлены къ тому чтобы увеличить его интенсивность. Чтобы получить физіологическій свѣтъ возможно яркій быстро и удобно, Дюбуа примѣнилъ культуры опредѣленныхъ свѣтящихся бактерій въ жидкой средѣ спеціально выработаннаго имъ состава. Засѣявъ хорошей культурой микробовъ спеціально приготовленный бульонъ при обыкновенной температурѣ, очень скоро получаютъ свѣтящуюся жидкость. Помѣстивъ эту жидкость въ большіе стеклянные сосуды по возможности съ плоскими стѣнками, можно посредствомъ ихъ освѣтить комнату настолько сильно, что въ ней нетрудно различить черты лица на разстояніи нѣсколькихъ аршинъ, можно прочесть напечатанное и легко различить цифры на карманныхъ часахъ, въ особенности вечеромъ, когда глазъ привыкъ къ болѣе слабому свѣту, или послѣ непродолжительнаго пребыванія въ темной комнатѣ.

Жидкость, примѣненная Дюбуа для питанія свѣтящихся бактерій, состоитъ изъ воды, опредѣленнаго тройного вещества, т.-е. содержащаго кислородъ, во-

*

дородъ и углеродъ, далѣе одного изъ опредѣленныхъ веществъ, содержащихъ кромѣ этихъ элементовъ, еще азотъ, и, наконецъ, извѣстныхъ солей. Испытавъ множество различныхъ веществъ, Дюбуа нашелъ, что яркое свѣченіе получается лишь при опредѣленномъ составѣ питательной среды, а именно оказалось, что наилучшіе результаты въ качествѣ тройного соединенія даютъ глицеринъ и маннитъ, изъ числа азотистыхъ веществъ — пептоны и аспарагинъ и для доставленія бактеріямъ необходимаго фосфора—нуклеины, лецетинъ и фосфорно-каліевая соль. Пептоны даютъ хорошіе результаты, но представляютъ нѣкоторыя неудобства: если нужно имѣть большое количество свѣтящейся жидкости въ одномъ сосудѣ, то приходится черезъ такую жидкость постоянно пропускать воздухъ, необходимый для свѣченія, а такъ какъ въ пептонѣ весьма легко развиваются гнилостныя бактеріи, вслѣдствіе чего культуры начинаютъ издавать непріятный запахъ, а фотобактеріи перестаютъ свѣтить, то приходится этотъ воздухъ предварительно фильтровать или прокаливать. Аспарагинъ весьма удобенъ для этихъ культуръ, такъ какъ онъ не способенъ къ гніенію, но зато онъ довольно дорого стоитъ.

Дюбуа удалось получить весьма дешевыя питательныя среды, пользуясь избоиной (остатками маслянистыхъ сѣмянъ послѣ выжимки масла), такія среды всегда нужно тщательно стерилизовать и при культивированіи въ нихъ фотобактерій пропускать черезъ нихъ воздухъ, чтобы не допустить развитія гнилостныхъ бактерій. Продолжительность свѣченія культуръ измѣняется въ зависимости отъ количества питательныхъ веществъ, аэраціи, отъ чистоты культуръ и отъ температуры. У Дюбуа одна культура сохранила способность свѣтиться въ теченіе полугода.

Такимъ образомъ при помощи культуръ въ жидкой средѣ удалось получить освѣщеніе такое же, какъ въ ясную лунную ночь. «Я имѣю основаніе надѣяться,—говоритъ Дюбуа,—что сила этого свѣта можетъ быть весьма значительно увеличена и что практическое значеніе этого способа вскорѣ будетъ признано». Не такъ давно общее вниманіе обратилъ на себя чрезвычайно оригинальный способъ полученія энергіи, основанный на жизнедѣятельности дрожжей, которыя способны, производя броженіе въ подходящей средѣ, выдѣлять углекислоту подъ большимъ давленіемъ. Была устроена машина, подобная паровой, которая приводилась въ дѣйствіе при помощи углекислоты, выдѣляемой дрожжами. Практическаго примѣненія, повидимому, этотъ новый источникъ силы не нашелъ. Очень можетъ быть, что Дюбуа и выработаетъ способъ освѣщенія при помощи бактерій, но врядъ ли ему предстоитъ будущность, такъ какъ слишкомъ усовершенствованы существующіе способы освѣщенія, съ которыми ему предстоитъ конкурировать.

Медицина. *Объ отравленіи окисью углерода* (*угаромъ*). Какъ извѣстно, красный пигментъ крови—гемоглобинъ способенъ образовать непрочныя соединенія съ различными газами; при дыханіи, въ легкихъ, онъ соединяется съ кислородомъ воздуха, затѣмъ, приходя въ прикосновеніе съ тканями тѣла отдаетъ имъ этотъ кислородъ, чтобы, возвратившись въ легкія, снова образовать такое же непрочное соединеніе. Окись углерода, которая легко образуется при неполномъ сгораніи угля въ печахъ и поэтому примѣшивается къ комнатному воздуху, если рано закрыть трубу, имѣетъ большее сродство къ гемоглобину, чѣмъ кислородъ, такъ что легко вытѣсняетъ этотъ газъ изъ крови, будучи примѣшана къ воздуху даже въ весьма маломъ количествѣ. Такимъ образомъ ядовитость окиси углерода зависитъ отъ того, что она, соединяясь съ гемоглобиномъ, лишаетъ его возможности передавать кислородъ воздуха тканямъ, слѣдовательно при угарѣ человѣкъ погибаетъ отъ задушенія. Соединеніе гемоглобина съ окисью углерода (какъ и съ другими газами) все же настолько непрочно, что, приходя въ соприкосновеніе съ атмосферой, совершенно лишенной

этого газа, оно разлагается. Поэтому, люди, отравившіеся окисью углерода, иногда на чистомъ воздухѣ оправляются. Такимъ образомъ въ общихъ чертахъ процессы, происходящіе при отравленіи окисью углерода, разъяснены, но все же въ нихъ есть много частностей, которыя остаются непонятными, если принимать во вниманіе лишь химическія свойства гемоглобина и физическія условія дѣйствія на него газовъ. Такъ, напримѣръ, оказывается, что если животному ввести непосредственно въ кровь окись углерода въ такомъ количествѣ, которое при вдыханіи причиняетъ смерть,—животное не умираетъ. Далѣе для различныхъ видовъ животныхъ нужны различныя несоотвѣтствующія ихъ размѣрамъ количества окиси углерода, чтобы вызвать отравленіе. Это послѣднее обстоятельство хорошо разъясняется весьма интересными наблюденіями Монтуори о которыхъ сообщаетъ «Naturwiss. Rundschau». Изъ этихъ наблюденій между прочимъ, оказалось, что соединеніе гемоглобина съ окисью углерода въ соприкосновеніи съ тканью легкаго гораздо быстрѣе разлагается, чѣмъ само по себѣ и притомъ независимо отъ того, происходить ли это въ самомъ организмѣ или при искусственныхъ условіяхъ, т.-е. если въ сосудъ съ кровью, насыщенной окисью углерода, опустить кусокъ свѣжей ткани легкаго. Разъ въ процессъ выдѣленія окиси углерода изъ организма замѣшана дѣятельность живыхъ клѣтокъ, то понятнымъ становится и существованіе различій въ этомъ отношеніи между разными видами животныхъ. Такая особенность ткани легкаго безъ сомнѣнія является средствомъ защиты организма противъ отравленія окисью углерода. Но несмотря на то, что въ организмѣ существуетъ такое спеціальное приспособленіе, нерѣдко случается, что человѣкъ, отравившійся окисью углерода, хотя бы и помѣщенный еще съ признаками жизни въ атмосферу, не содержащую этого газа, все-таки погибнетъ вслѣдствіе отравленія, т.-е., слѣдовательно, окись углерода не успѣваетъ выдѣлиться изъ организма, когда уже недостатокъ въ кислородѣ приводитъ къ смертельному исходу. Поэтому, попытка Моссо *) примѣнить кислородъ подъ увеличеннымъ давленіемъ при отравленіи окисью углерода заслуживаетъ полнаго вниманія. Моссо съ этой цѣлью устроилъ металлическіе аппараты, которые могли бы вмѣстить собакъ, кроликовъ и обезьянъ и были бы способны выдержать давленіе до 10 атмосферъ. Въ этихъ аппаратахъ различныя животныя, будучи подвергнуты дѣйствію кислорода подъ давленіемъ 2 атмосферъ или воздуха подъ давленіемъ 10-ти атмосферъ съ примѣсью въ обоихъ случаяхъ 6% окиси углерода, оставались живы, тогда какъ при обыкновенномъ давленіи отравленіе обнаруживается даже при дѣйствіи 0,1% этого газа. Если животныхъ, находящихся въ указанной выше смѣси окиси углерода съ воздухомъ или кислородомъ, при повышенномъ давленіи вывести изъ аппарата, то онѣ тотчасъ погибаютъ. Если же въ аппаратѣ, сохраняя давленіе, замѣнить смѣсь газовъ чистымъ кислородомъ или воздухомъ, то окись углерода выдѣляется изъ крови животныхъ и по прошествіи приблизительно ½ часа они могутъ быть выведены изъ аппарата уже безъ всякой опасности. Этотъ фактъ весьма интересенъ съ физіологической точки зрѣнія, такъ какъ онъ показываетъ, что животныя могутъ жить насчетъ кислорода, раствореннаго въ жидкости крови и несоединеннаго съ гемоглобиномъ, потому что въ этихъ опытахъ, очевидно, весь гемоглобинъ былъ соединенъ съ окисью углерода; для того, чтобы организмъ довольствовался кислородомъ, раствореннымъ въ крови, необходимо только соотвѣтствующее давленіе этого газа. Этотъ опытъ важенъ и въ практическомъ отношеніи. Если организмъ, отравленный окисью углерода и не способный принимать кислородъ при томъ давленіи, при какомъ онъ находится въ воздухѣ, можетъ усваивать этотъ газъ при повышенномъ давленіи, то, слѣдо-

*) *Mosso*, «Action physiologique et applications thérapeutiques de l'oxygène comprimé». Comptes rendus de l'Académie des sciences T. 131. № 10.

вательно, помѣщая отравленное животное въ кислородъ подъ высокимъ давленіемъ, мы дадимъ ему возможность дышать насчетъ этого кислорода и постепенно освободиться отъ окиси углерода. Прямой опытъ подтвердилъ это заключеніе: двѣ обезьяны, помѣщенныя въ атмосферу, содержащую $1^{0}/_{0}$ окиси углерода, по истеченіи $^{1}/_{2}$ часа были совершенно отравлены; ихъ дыханіе почти остановилось; тогда одну изъ нихъ оставили на воздухѣ, и она скоро умерла, другую же помѣстили въ кислородъ, сжатый до 2-хъ атмосферъ, она тотчасъ оправилась и по истеченіи $^{1}/_{2}$ часа была выведена изъ аппарата совершенно здоровой. Нерѣдко случается при взрывахъ газа въ рудникахъ, что рабочіе, извлеченные изъ шахтъ, остаются живыми нѣсколько часовъ, иногда даже нѣсколько дней и затѣмъ погибаютъ. Они были бы спасены, если бы ихъ тотчасъ же помѣстили въ сжатый кислородъ. Устроить соотвѣтствующее приспособленіе не трудно, а сжатый кислородъ подъ давленіемъ 120 атмосферъ имѣется въ продажѣ. Впрочемъ, за отсутствіемъ особыхъ приспособленій, примѣненіе чистаго кислорода даже и подъ атмосфернымъ давленіемъ, судя по опытамъ Моссо, въ нѣкоторыхъ случаяхъ отравленія окисью углерода должно принести существенную пользу.

Ботаника. *О прививкѣ растеній.* Жизненныя отправленія растеній весьма мало разграничены и обособлены по сравненію съ высшими животными. Во многихъ случаяхъ одинъ и тотъ же органъ у нихъ служитъ для различнаго рода физіологической дѣятельности. Поэтому можно было бы ожидать, что даже и весьма далеко стоящіе другъ отъ друга представители растительнаго царства въ физіологическомъ отношеніи окажутся сходными между собой. Въ дѣйствительности, однако, оказывается иное: достаточно вспомнить, что многіе паразитные грибы пріурочены къ строго опредѣленнымъ видамъ высшихъ растеній и не заражаютъ даже ближайшихъ ихъ родичей. Это показываетъ, что между сходными видами одного рода можетъ существовать какое-то различіе (очевидно обусловленное неодинаковостью физіологическихъ процессовъ), либо въ составѣ ихъ соковъ, которые въ одномъ случаѣ пригодны для гриба, въ другомъ нѣтъ, либо въ свойствахъ клѣточной оболочки, которыя только у одного вида допускаютъ вторженіе грибныхъ нитей. Съ этой точки зрѣнія казалось вполнѣ понятнымъ общепринятое правило, что *прививаются другъ къ другу лишь растенія, принадлежащія къ одному семейству*, особенно въ виду выяснившейся чрезвычайной сложности отношеній привитаго растенія къ дичку. Впрочемъ, извѣстны нѣкоторые весьма рѣдкіе примѣры естественнаго сростанія различныхъ древесныхъ растеній, далеко стоящихъ другъ отъ друга въ системѣ, какъ, напр., дуба и ясеня, липы и ели, но искусственно подобнаго соединенія не было получено. Правда, имѣются свидѣтельства древнихъ писателей объ удачныхъ прививкахъ подобнаго рода, но большинствомъ ученыхъ они считаются ошибочными. Поэтому, большой интересъ представляетъ сообщеніе Даніэля (который давно уже занимается изученіемъ прививокъ) о томъ, что ему удалось получить 12 случаевъ соединенія посредствомъ прививки растеній изъ различныхъ семействъ. Вотъ эти растенія: 1) фасоль (сем. бобовыхъ) и желтоволосникъ (Xanthium, сем. сложноцвѣтныхъ), 2) фасоль и клещевина (сем. молочайныхъ), 3) подсолнечникъ (сем. сложноцвѣтныхъ) и дыня (сем. тыквенныхъ), 4) капуста (сем. крестоцвѣтныхъ) и томатъ (сем. пасленовыхъ), 5) душистая ромашка (сем. сложноцвѣтныхъ) и томатъ, 6) земляная груша (сем. сложноцвѣтныхъ) и пасленъ, 7) coleus (сем. губоцвѣтныхъ) и achyranthus (сем. амарантовыхъ), 8) зольникъ (сем. сложноцвѣтныхъ) и томатъ, 9) астра (сем. сложноцвѣтныхъ) и флоксъ (сем. Polemoniaceae), 10) coleus и томатъ, 11) кленъ (сем. кленовыхъ) и сирень (сем. маслиновыхъ), 12) циннія (сем. сложноцвѣтныхъ) и томатъ. Во всѣхъ этихъ прививкахъ получилось совершенно прочное сростаніе. Лучше всего удавались прививки, когда растенія

были сходны по росту и силѣ. Къ сожалѣнію, короткая замѣтка Даніэля (озаглавленная «Sur les limites de possibilité du greffage chez les végétaux» и помѣщенная въ № 3 т. 131 Comptes rendus Парижской академіи) не дастъ яснаго представленія о томъ, насколько дѣйствительно прививки оказались удачны. Какъ бы то ни было, результаты опытовъ Даніэля не уничтожаютъ, разумѣется, представленія о существованіи тонкихъ физіологическихъ отличій между растеніямии; что же касается взаимодѣйствія растеній при прививкѣ, то наблюденія Даніэля еще болѣе усложняютъ этотъ вопросъ хотя и указываютъ новый путь для изслѣдованій. Вѣдь нельзя думать, чтобы любое растеніе могло привиться ко всякому другому, слѣдовательно нужно опредѣлить, въ чемъ должно заключаться сходство между растеніями, чтобы они могли быть соединены посредствомъ прививки, что представляетъ собою крайне сложную задачу, между тѣмъ какъ по господствующимъ воззрѣніямъ возможность прививки опредѣляется родствомъ растеній, сходство же близкихъ видовъ даже и въ мелкихъ чертахъ легко предположить а priori, да кромѣ того изученіе ихъ производится въ широкихъ предѣлахъ, служа общей задачѣ выясненія законовъ наслѣдственности. **Д. Н.**

Химія. 1) *Освѣтительный газъ будущаго.* Къ числу новинокъ, которыми были такъ богаты послѣднія десятилѣтія истекающаго девятнадцатаго вѣка во всѣхъ областяхъ науки и техники, должно причислить и тѣ разнообразные освѣтительные матеріалы, во многомъ содѣйствовавшіе улучшенію условій человѣческой жизни. Петролеумъ, свѣтильный газъ, добываемый изъ каменнаго угля, электрическій свѣтъ подъ тѣмъ или другимъ изъ видовъ его практическаго примѣненія до сихъ поръ еще конкурируютъ между собою. Въ самое послѣднее время вниманіе публики обращено на новый газъ—ацетиленъ, которому нѣкоторые предсказываютъ блестящую будущность, называя его «газомъ будущаго». Въ настоящей замѣткѣ мы и хотимъ познакомить читателя ближе съ природой этого газа, хотя, нужно замѣтить, быстрое распространеніе велосипеда доставило широкую извѣстность и ацетиленовому фонарю.

Ацетиленъ есть газъ съ непріятнымъ запахомъ; его химическая формула, C_2H_2, показываетъ, что частица этого газа заключаетъ два атома углерода и два атома водорода. Первымъ получилъ ацетиленъ Дэви въ 1836 году. Открытіе это было однако вскорѣ забыто и только въ 1863 году французскому химику Бертело удалось получить тотъ же самый газъ изъ этилена, главной составной части обыкновеннаго свѣтильнаго газа, въ которомъ небольшое количество ацетилена имѣется на лицо. Съ того времени было предложено много способовъ полученія этого газа, которые не могли, однако, имѣть примѣненія въ техникѣ. Уже Вёлеру было извѣстно, что отъ сплавленія угольной пыли съ известью получается продуктъ, который при соприкосновеніи съ водою даетъ подобный ацетилену, горючій газъ. Продуктъ, полученный Вёлеромъ есть ничто иное, какъ хорошо многимъ знакомое тѣло—карбидъ кальція. Въ большемъ количествѣ карбидъ былъ полученъ Муассаномъ въ электрической плавильной печи при 3.000° Ц. изъ угля и извести. Техническій способъ приготовленія карбида въ настоящее время основанъ на принципѣ, данномъ Муассаномъ и изобрѣтенъ американцемъ Вильсономъ. Такимъ образомъ, говоря объ ацетиленѣ, нельзя не познакомиться вкратцѣ съ свойствами карбида. Карбидъ представляетъ темносѣрое, довольно однородное вещество. Оно состоитъ, соотвѣтственно химической формулѣ CaC_2, изъ одного атома металла кальція, который очень трудно получить въ видѣ металла, и изъ двухъ атомовъ углерода. Продажный карбидъ, обыкновенно не отличается чистотою и содержащіяся въ немъ разнообразныя подмѣси значительно ухудшаютъ качество добываемаго газа, а потому и цѣнность продажнаго карбида далеко не одинакова. Приготовляется онъ въ видѣ

палочекъ въ 30 сантиметровъ длиною и 3 сант. въ діаметрѣ. Главную массу карбида доставляетъ Сѣверная Америка, которая доставила на рынокъ 10.000 тоннъ въ 1898 году. Его приготовленіе выгодно лишь тамъ, гдѣ для полученія сильнаго электрическаго тока имѣются въ распоряженіи дешевыя природныя силы; такъ, напримѣръ, большая часть потребляющагося въ Германіи карбида доставляется акціонернымъ обществомъ алюминіевой индустріи въ Нейгаузенѣ, которое пользуется паденіемъ воды въ Рейнѣ, какъ силой для добычи электрической энергіи.

Полученіе ацетилена изъ карбида само по себѣ чрезвычайно просто: достаточно бросить кусочекъ карбида въ сосудъ съ водою и тотчасъ освобождающійся газъ большими пузырями поднимается вверхъ, а вода, вслѣдствіе образованія извести пріобрѣтаетъ молочный цвѣтъ. Этотъ въ высшей степени простой способъ полученія имѣлъ слѣдствіемъ, что множество лицъ стали производить опыты надъ этимъ газомъ и, не имѣя достаточныхъ свѣдѣній объ опасныхъ свойствахъ его, не соблюдали всѣхъ необходимыхъ предосторожностей, что и привело къ цѣлой массѣ несчастныхъ случаевъ, о которыхъ то и дѣло сообщалось въ газетахъ за послѣдніе годы. Поэтому и теперь не мѣшаетъ предупредить всякаго, что обращеніе съ легко доступнымъ карбидомъ и ацетиленомъ безъ соблюденія достаточной осторожности сопряжено съ опасностью.

Различные аппараты для добыванія ацетилена основаны на двухъ принципахъ: или даютъ доступъ воды къ карбиду, или же, наоборотъ, вводятъ карбидъ въ воду. Первый способъ практикуется при всѣхъ маленькихъ, переносныхъ аппаратахъ, какъ, напримѣръ, при велосипедныхъ фонаряхъ, гдѣ капли воды, падая на кусочки карбида, производятъ каждый разъ небольшія порціи газа. По этой системѣ устроенъ цѣлый рядъ разнообразныхъ ацетиленовыхъ лампъ, которыя являются такимъ образомъ миніатюрными газовыми заводами. Невыгодной ихъ стороной является то обстоятельство, что не можетъ быть сдѣлано необходимой очистки газа и далѣе, вслѣдствіе небольшихъ количествъ дѣйствующей воды, происходитъ легко перегрѣваніе всего аппарата а вмѣстѣ съ нимъ и разложеніе ацетилена. Послѣднее обстоятельство не имѣетъ существеннаго значенія въ велосипедныхъ фонаряхъ, такъ какъ быстрое движеніе дѣйствуетъ охлаждающимъ образомъ. Для полученія большого количества ацетилена въ техникѣ примѣняются лишь аппараты второго рода, причемъ новое усовершенствованіе заключается въ томъ, что карбидъ опускается въ воду въ особомъ продырявленномъ сосудѣ или «патронѣ». Этотъ способъ, въ настоящее время очень распространенный, имѣетъ важное удобство; освобождающійся газъ по мѣрѣ накопленія, поднимаетъ плавающій на поверхности воды колоколъ, съ которымъ связанъ патронъ и вмѣстѣ съ тѣмъ вытягиваетъ постепенно изъ воды и самый патронъ такъ что выдѣленіе газа прекращается. Если газъ изъ-подъ колокола выпустить, послѣдній вновь опускается, а вмѣстѣ съ тѣмъ начинается новое выдѣленіе газа. Мы не останавливаемся на описаніи многочисленныхъ другихъ аппаратовъ для производства ацетилена; при всѣхъ большихъ, подобнаго рода, заводахъ—газъ пропускается черезъ разнаго рода растворы, гдѣ онъ очищается отъ паровъ воды и другихъ подмѣсей и сохраняется далѣе въ газометрахъ для употребленія.

Газъ безцвѣтенъ и обладаетъ очень непріятнымъ, напоминающимъ чеснокъ запахомъ, который, по всей вѣроятности, зависитъ отъ вышеупомянутыхъ подмѣсей, встрѣчающихся въ карбидѣ. Запахъ этотъ многимъ, вѣроятно, извѣстенъ, такъ какъ ацетиленъ образуется при неровномъ горѣніи газа въ обыкновенныхъ газовыхъ горѣлкахъ. Онъ легче воздуха и при 80° ниже нуля подъ давленіемъ въ восемь атмосферъ можетъ быть сгущенъ въ жидкость. Въ этомъ видѣ онъ также поступаетъ въ продажу въ особыхъ, кованныхъ, желѣзныхъ бутыляхъ, предварительно испытанныхъ, въ которыхъ давленіе регулируется посред-

ствомъ особаго приспособленія. Бутыли должны сохраняться въ прохладномъ мѣстѣ. Горитъ ацетиленъ блестяще-бѣлымъ свѣтомъ и съ большимъ выдѣленіемъ сажи. Пламени не хватаетъ темнаго ядра, какъ у обыкновеннаго газа, и его температура нѣсколько ниже.

Главнымъ препятствіемъ для быстраго распространенія и примѣненія въ широкихъ размѣрахъ ацетилена до сихъ поръ была его способность разлагаться съ очень сильнымъ взрывомъ, если ацетиленъ смѣшается съ окружающимъ воздухомъ. Эта склонность къ взрыву находится въ зависимости отъ того, что, какъ говоритъ физика, ацетиленъ есть соединеніе эндотермическое, т.-е., что образованіе ацетилена происходитъ съ поглощеніемъ тепла, которое съ его разложеніемъ сразу становится свободнымъ. Уже подмѣси 17°/o воздуха достаточно, чтобы сдѣлать его взрывчатымъ; дѣйствіе взрыва сильнѣе всего, когда газъ и воздухъ смѣшаны въ пропорціи 1 : 9; опасность взрыва исчезаетъ лишь при содержаніи 97°/o воздуха. Однако, и чистый ацетиленъ можетъ быть разложенъ со взрывомъ посредствомъ взрыва небольшого количества гремучей ртути. Если ацетиленъ становится нечистымъ—это также можетъ повлечь къ образованію взрывчатыхъ соединеній Опасность взрыва увеличивается съ давленіемъ, подъ которымъ находится газъ. Жидкій ацетиленъ дѣйствуетъ поэтому, какъ взрывчатое вещество, но въ желѣзныхъ бутыляхъ можетъ, тѣмъ не менѣе, доставляться безъ опасности. Если же сосудъ разбивается—это почти всегда ведетъ къ взрыву.

Многочисленные несчастные случаи повели къ тому, что многія правительства обставили приготовленіе ацетилена такими строгими предохранительными мѣрами, что почти вся ацетиленовая техника была бы неминуемо убита, если бы постепенно законодательство не было значительно смягчено. Теперь можно сказать съ увѣренностью, что техника проложила дорогу дальнѣйшему распространенію ацетилена, усовершенствовавши аппараты для его производства и потребленія. При давленіи, не доходящемъ до двухъ атмосферъ, чистый ацетиленъ не опаснѣе любого другого свѣтильнаго газа. Къ тому же нужно принять въ соображеніе, что, во-первыхъ, при выходѣ газа изъ вмѣстилища это легче замѣтить, такъ какъ ацетиленъ имѣетъ болѣе сильный запахъ, чѣмъ свѣтильный газъ, во-вторыхъ, что онъ менѣе ядовитъ, чѣмъ послѣдній и, наконецъ, въ-третьихъ, что для полученія одинаковой степени освѣщенія нужно меньшее количество ацетилена, чѣмъ другого газа. Неудивительно поэтому, что первое примѣненіе и первыя надежды, съ которыми техника приступила къ ацетилену, было его примѣненіе, какъ освѣтительнаго матеріала. Сообразно съ родомъ горѣлки, сила свѣта ацетилена превышаетъ отъ $4^1/_2$ до 19 разъ силу свѣта свѣтильнаго газа. Но такъ какъ при примѣненіи обыкновенныхъ горѣлокъ ацетиленъ давалъ бы сильную копоть (вслѣдствіе обильнаго содержанія углерода онъ требуетъ большого количества воздуха для полнаго сгоранія), его выпускаютъ изъ очень узкихъ щелеобразныхъ отверстій, имѣющихъ то неудобство, что они легко засоряются. Лучше оказались горѣлки съ двумя отверстіями, гдѣ газъ выходитъ изъ двухъ другъ къ другу направленныхъ трубочекъ. Въ настоящее время въ употребленіи однѣ только горѣлки съ приводомъ воздуха. Еще лучше, чѣмъ чистый газъ, оказалась смѣсь газовъ. Если къ свѣтильному газу, для повышенія его свѣтильной способности, прибавляютъ паровъ богатыхъ углеродомъ веществъ, какъ, напр., бензолъ, то говорятъ, что газъ карбируютъ. Для такого карбированія былъ съ успѣхомъ примѣненъ ацетиленъ; такъ какъ подобнаго рода смѣси легче взрываютъ, чѣмъ чистые газы, то смѣшеніе происходитъ или при выходѣ изъ газометра, или теперь по большей части уже въ самой горѣлкѣ. Много было сдѣлано опытовъ и съ очень удачными результатами для рѣшенія вопроса, далеко еще не рѣшеннаго въ окончательной формѣ, объ освѣщеніи вагоновъ желѣзныхъ дорогъ. Оказалась

наиболѣе выгодною смѣсь съ 75% того газа, который теперь въ обычномъ употребленіи на желѣзныхъ дорогахъ: сила свѣта увеличивается въ четыре раза и въ то же время цѣна освѣщенія поднимается вовсе незначительно. При 50% газа опасность взрыва вовсе исчезаетъ. Какъ топливо ацетиленъ имѣетъ еще мало примѣненія; его пламя, однако, въ $2^1/_2$ раза жарче, чѣмъ у свѣтильнаго газа. Попытки найти выгодное примѣненіе ацетилена для газомоторовъ не дали благопріятныхъ экономическихъ результатовъ. Пока цѣна ацетилена еще значительно выше цѣны свѣтильнаго газа. Въ Германіи одинъ килограммъ карбида стоитъ въ мелкой продажѣ около 20 коп. и даетъ около 300 л. газа. По Аренсу, одинъ часъ горѣнія при силѣ свѣта въ 30 свѣчей обходится около $1^1/_2$ коп. и если сравнить, во что обходятся другіе способы освѣщенія, то оказывается, что ацетиленъ пока еще не можетъ конкурировать съ усовершенствованными способами газоваго освѣщенія. Тамъ, гдѣ нѣтъ газовыхъ заводовъ и гдѣ есть крупныя зданія для освѣщенія—школы, гостинницы и т. п., новый газъ найдетъ, навѣрное, все большее и большее распространеніе. Во всякомъ случаѣ, предъ свѣтильнымъ газомъ онъ имѣетъ много преимуществъ: онъ даетъ больше свѣта, меньше нагрѣваетъ и для полученія не требуетъ большихъ затратъ на центральный заводъ. Передъ электрическимъ освѣщеніемъ онъ имѣетъ тоже важныя преимущества: онъ дешевле и легче получается. Опасность освѣщенія ацетиленомъ при теперешнихъ прочныхъ и цѣлесообразныхъ аппаратахъ не выше, чѣмъ при другихъ способахъ освѣщенія («Himmel und Erde.» Heft 9. 1900).

2) *Уреинъ—новая составная часть мочи.* Въ засѣданіи физико-математическаго отдѣленія Императорской Академіи Наукъ въ Петербургѣ 6-го сентября 1900 года прочтено было сообщеніе д-ра В. О. Моора, имѣющее огромный научный интерессъ и въ будущемъ могущее оказаться богатымъ и практическими слѣдствіями. Изучая легко окисляющіяся вещества, дающія типичную реакцію синяго окрашиванія съ желѣзистосинеродистымъ каліемъ и другими солями, д-ръ Мооръ нашелъ, какъ онъ самъ выражается, «къ великому своему изумленію», что человѣческая моча содержитъ большое количество органическихъ веществъ, дающихъ ту же типичную реакцію, о которой мы только что упомянули. Сдѣлавши много повѣрочныхъ опытовъ, авторъ пришелъ къ убѣжденію, что ни одна изъ органическихъ и неорганическихъ составныхъ частей мочи не могла быть причиной названной реакціи, и что, слѣдовательно, дѣйствующимъ агентомъ можетъ быть лишь неизвѣстное до сихъ поръ химическое вещество. Три мѣсяца упорной работы было посвящено для изолированія этого таинственнаго вещества и, наконецъ, 5 іюля 1900 г. д-ръ Мооръ открылъ, что человѣческая моча содержитъ нѣкоторое жидкое органическое вещество и притомъ въ количествѣ, превышающемъ количество мочевины. Какъ же случилось, что вещество такой важности и въ такомъ количествѣ ускользнуло отъ вниманія изслѣдователей? Произошло это просто отъ того, что до сихъ поръ всѣ анализы мочи производились съ предвзятой идеей, что моча состоитъ изъ воды и твердыхъ органическихъ и неорганическихъ веществъ.

Сущность сообщенія и составляетъ подробно описанный методъ изолированія новой составной части мочи, причемъ авторъ сразу заявляетъ, что точное изученіе физическихъ и химическихъ свойствъ новаго тѣла, а равнымъ образомъ и его физіологической роли не входило въ его задачу, такъ какъ эта послѣдняя по своей обширности можетъ быть лишь дѣломъ совмѣстнаго труда ученыхъ всѣхъ націй. Мы не будемъ описывать всѣхъ пріемовъ, какими авторъ пользовался для полученія новаго вещества, такъ какъ это можетъ интересовать только спеціалистовъ, упомянемъ лишь о результатахъ. Полученное жидкое вещество похоже на прованское масло; оно блѣдно-желтаго цвѣта,

горькаго вкуса, на ощупь производитъ впечатлѣніе жирнаго вещества, на бумагѣ даетъ пятна, похожія на жирныя, только менѣе яркія. Удѣльный вѣсъ—1,065. Количество его вдвое превосходитъ количество мочевины. Количество оказывалось далеко не всегда одинаковымъ, но его было всегда вдвое больше, чѣмъ мочевины. Вещество легко растворяется въ водѣ во всѣхъ пропорціяхъ и въ алкоголѣ. Первые опыты привели автора къ заключенію, что новое тѣло принадлежитъ къ алкоголямъ ароматическаго ряда. При 80° С. начинается разложеніе его, при 120° оно оставляетъ чистый углеродъ въ видѣ угля. Жидкость имѣетъ характерный запахъ; специфическій запахъ мочи и зависитъ отъ этого тѣла. Замѣчательна ея способность къ окисленію: 50 куб. сант. человѣческой мочи отнимаетъ кислородъ у 2 граммовъ марганцовокислаго калія. Въ экономіи природы эта жидкость играетъ чрезвычайно важную роль, такъ какъ мочевина безъ ея присутствія не разлагается на амміакъ (NH^3) и углекислоту (CO^2). Такимъ образомъ, безъ участія этой жидкости вся органическая матерія превратилась бы, въ концѣ концовъ, въ мочевину, которая оставалась бы безъ дальнѣйшаго измѣненія, а, слѣдовательно, всякая животная и растительная жизнь, въ концѣ концовъ, должна была бы рано или поздно прекратиться. Новая жидкость, будучи по природѣ клейкой, прилипаетъ къ мельчайшимъ количествамъ мочевины, поглощаетъ въ большомъ количествѣ кислородъ и дѣйствуетъ имъ на мочевину и такимъ образомъ является главной причиной амміачнаго броженія мочевины. Опыты показали д-ру Моору, что моча, изъ которой удалена названная органическая жидкость, можетъ подвергаться дѣйствію окислителей въ теченіе цѣлой недѣли и не даетъ вовсе амміачнаго броженія. Д-ръ Мооръ сообщаетъ въ заключеніе громадной важности фактъ, что найденное имъ органическое вещество есть давно искомая причина тѣхъ сложныхъ токсическихъ симптомовъ, которые извѣстны подъ общимъ названіемъ уреміи. Кролики, вѣсомъ болѣе одного килограмма, погибали отъ 4—5 куб. сантиметровъ этого яда съ признаками отравленія, похожими на отравленіе морфіемъ.

Принимая во вниманіе, что эта органическая жидкость является наиболѣе характерной составной частью мочи, придающей послѣдней ея характерный запахъ, что она является главной причиной амміачнаго броженія мочи, затѣмъ, что ея количество превосходитъ количество мочевины и, наконецъ, что она является причиной уремическихъ явленій, авторъ открытія предлагаетъ дать новому веществу названіе—уреинъ.

Въ настоящее время въ химической лабораторіи Императорской Академіи Наукъ производится точное изслѣдованіе новаго вещества подъ наблюденіемъ академика Бельштейна и понятно то вниманіе, съ которымъ будутъ слѣдить за ходомъ этихъ работъ всѣ люди науки: оно имѣетъ не только отвлеченный научный, теоретическій интересъ, но и практическія послѣдствія этого открытія могутъ оказаться въ высшей степени важными. Быть можетъ, врачи будутъ въ состояніи спасти жизнь и избавить отъ страданій множество людей, которые такимъ образомъ своимъ спасеніемъ будутъ обязаны открытію д-ра Моора. Н. М.

Астрономическія извѣстія.

Новая попытка къ наиболѣе точному опредѣленію разстоянія солнца. Опредѣлить непосредственно разстояніе солнца даже съ грубымъ приближеніемъ въ настоящее время невозможно, но на основаніи третьяго закона Кеплера, который устанавливаетъ соотношеніе между временами обращенія пла-

нетъ съ ихъ разстояніями отъ солнца, разстояніе послѣдняго отъ земли будетъ найдено, если удастся опредѣлить разстояніе земли отъ какой-нибудь планеты. Впервые этотъ методъ былъ употребленъ въ 1672 г. французами, организовавшими одновременныя наблюденія Марса съ двухъ пунктовъ земного шара: Парижа и Кайенны. Положенія планеты относительно звѣздъ въ каждомъ изъ этихъ пунктовъ было различно. По относительному смѣщенію планеты астрономы умѣютъ вычислить ея разстояніе подобно тому, какъ землемѣръ можетъ опредѣлить разстояніе неприступнаго предмета, измѣривши длину какого-нибудь базиса и опредѣливши направленіе отъ концовъ этого базиса къ предмету. Особенно выгодно, конечно, опредѣленіе разстоянія планеты въ то время, когда она болѣе близка къ намъ. Для Марса подходящія условія повторяются черезъ каждые 16 лѣтъ и астрономы нѣсколько разъ пользовались этимъ обстоятельствомъ даже въ новѣйшее время. Такъ, хорошіе результаты получены были по наблюденіямъ Марса въ 1862 и 1877 годахъ.

Особенно цѣнятъ астрономы для опредѣленія разстоянія солнца прохожденіе по его диску планеты Венеры. Къ сожалѣнію, эти прохожденія случаются не часто. Они съ извѣстной правильностью повторяются четыре раза въ 243 года: черезъ $105^1/_2$, 8, $121^1/_2$ и опять 8 лѣтъ, причемъ всегда приходятся на іюнь или декабрь. Послѣднія два прохожденія наблюдались 1874 г., декабря 9-го, и 1882 г., декабря 6-го. Ближайшія слѣдующія будутъ въ 2004 году, іюня 8 го. и 2012 г., іюня 6-го.

Для наблюдателей, расположившихся въ различныхъ пунктахъ земли, Венера пройдетъ на дискѣ солнца вообще по различнымъ хордамъ, для одного ниже, для другого выше. Относительное смѣщеніе позволитъ вычислить разстояніе планеты отъ земли, опредѣляется же оно по разности временъ прохожденій Венеры по диску.

Моменты вступленія Венеры на дискъ солнца для наблюдателей, которые видятъ одинъ и тотъ же путь, но находятся въ различныхъ пунктахъ, также будутъ различны. Наблюдатель, находящійся восточнѣе, замѣтитъ вступленіе раньше, въ то время какъ для западной обсерваторіи Венера еще не дошла до диска солнца. Разность этихъ моментовъ также опредѣляетъ разстояніе Венеры отъ земли.

Такимъ образомъ, наблюденія для опредѣленія разстоянія солнца по прохожденіямъ Венеры сводятся къ опредѣленію моментовъ вступленія и схожденія планеты съ диска солнца, равно какъ и внутреннихъ прикосновеній дисковъ. Но внѣ солнечнаго диска Венера не видна, такъ какъ обращена къ намъ въ это время неосвѣщенной стороной. Ее можно замѣтить только въ то время, когда она закроетъ собой краешекъ солнца. Наблюденія внѣшняго прикосновенія (вступленія и схожденія) такимъ образомъ не совсѣмъ точны, особенно для малыхъ трубъ. При наблюденіяхъ же внутреннихъ прикосновеній, вредное вліяніе на опредѣленіе момента оказываетъ искаженіе формы планеты—такъ называемая «темная капля»—черная точка, которая въ видѣ мостика соединяетъ край диска планеты съ краемъ диска солнца. Трудно бываетъ рѣшить, когда же собственно было прикосновеніе дисковъ.

Наблюденія прохожденій Венеры въ 1761 и 1769 годахъ были обработаны окончательно Энке только въ 1835 г. и дали для разстоянія солнца отъ земли 153 милліона километровъ—результатъ который являлся въ нѣкоторомъ родѣ классическимъ и продержался безъ всякихъ возраженій цѣлыхъ тридцать лѣтъ. Но изслѣдованіе Ганзена надъ движеніемъ луны привело его къ необходимости уменьшить разстояніе солнца на $^1/_{30}$ всей величины. Прохожденія Венеры въ 1874 и 1882 г. поэтому вновь привлекаютъ астрономовъ. Для ихъ наблюденія снаряжается много (особенно въ 1874 г.) экспедицій съ тщательно выработан-

ными планами и хорошими наблюдательными средствами. Результатъ этихъ желаній даетъ для разстоянія солнца около 148 милліоновъ километровъ.

Подобно прохожденію Венерѣ, наблюдали также и прохожденія Меркурія для опредѣленія разстоянія солнца, но съ меньшей выгодой, потому что Меркурій дальше отъ земли, чѣмъ Венера. Точно также, подобно наблюденіямъ Марса пробовали связать одновременныя наблюденія на сѣверныхъ и южныхъ обсерваторіяхъ малыхъ планетъ. Хотя разстояніе послѣднихъ гораздо больше, чѣмъ разстояніе Марса и Венеры, но положеніе ихъ могутъ быть опредѣлены точнѣе потому что онѣ являются не дисками, а точками.

Пытались вычислять разстояніе солнца по обстоятельствамъ движенія луны около земли, которая подвергается возмущенію со стороны солнца. Наконецъ, лабораторные опыты опредѣленія скорости свѣта, въ связи съ наблюденіями астрономическихъ явленій по которымъ можно было найти время, употребляемое свѣтомъ на прохожденіе разстоянія солнца до земли, также позволили опредѣлить послѣднее.

Наиболѣе вѣроятное значеніе изъ всѣхъ опредѣленій находится въ предѣлахъ 149,13 и 148,12 милліоновъ километровъ, т.-е. неточность достигаетъ цѣлаго милліона километровъ.

Въ 1898 году на частной обсерваторіи общества «Уранія» въ Берлинѣ астрономъ Виттъ открылъ малую планету, орбита которой, какъ оказалось на половину лежитъ между орбитами Марса и земли. До тѣхъ поръ знали нѣсколько планетокъ, которыя изъ области между Марсомъ и Юпитеромъ вступаютъ внутрь орбиты Марса, но ни одна изъ нихъ не подходитъ такъ близко къ земной орбитѣ, какъ новая, названная Эротомъ. Въ томъ мѣстѣ, гдѣ земля бываетъ 22-го января, орбиты земли и Эрота приближаются другъ къ другу всего на 21 милліонъ километровъ, планета бываетъ такимъ образомъ, въ $7^1/_2$ разъ ближе, чѣмъ солнце и, слѣдовательно, особенно пригодна для опредѣленія разстоянія послѣдняго. Такой случай какъ разъ былъ въ 1894 году. Теперь онъ повторится только въ 1938 году. Нельзя не пожалѣть поэтому, что до 1892 года планета осталась неоткрытой.

Изъ ближайшихъ слѣдующихъ приближеній Эрота къ землѣ наиболѣе выгоднымъ является то, которое будетъ въ концѣ нынѣшняго года. Хотя разстояніе планеты на этотъ разъ уже значительно больше, чѣмъ въ 1894 году, приблизительно такое, какое имѣетъ Марсъ въ наиболѣе выгодномъ случаѣ, тѣмъ не менѣе, въ виду большихъ удобствъ наблюденія малой планеты безъ диска явилась идея воспользоваться этимъ приближеніемъ для новаго опредѣленія разстоянія солнца. Въ этой работѣ примутъ участіе нѣсколько обсерваторій какъ сѣвернаго, такъ и южнаго полушарія Стараго и Новаго Свѣта, причемъ опредѣленія положеній планеты будутъ сдѣланы самыми разнообразными средствами: съ помощью измѣренія нитянымъ микрометромъ, особымъ сложнымъ по конструкціи инструментомъ—геліометромъ и съ помощью фотографіи.

Для вывода разстоянія солнца будутъ комбинироваться наблюденія планеты въ ея восточномъ и западномъ положеніи отъ меридіана, сдѣланныя на одной и той же обсерваторіи; наблюденія, произведенныя въ сѣверномъ полушаріи, съ тѣми, которыя будутъ сдѣланы въ южномъ, и, наконецъ, наблюденія европейскихъ обсерваторій съ наблюденіями сѣверо-американскихъ обсерваторій.

Тщательно будетъ усчитано движеніе планеты, которое должно опредѣляться непосредственно по наблюденіямъ. Наблюденія по возможности должны производиться въ теченіе двухъ-трехъ мѣсяцевъ, каждый вечеръ и каждое утро и вообще при каждомъ даже случайномъ просвѣтѣ неба.

Положенія звѣздъ, къ которымъ будутъ отнесены положенія планеты, должны быть спеціально опредѣлены съ возможной точностью.

Яркость Эрота во время наибольшаго приближенія къ землѣ достигаетъ 8,4

величины, что для геліометровъ вообще ужъ довольно слабо, такъ что, вѣроятно, участіе въ работѣ этихъ инструментовъ будетъ ограничено.

Юбилей Скіапарелли. Лѣтомъ текущаго года исполнилось сорокъ лѣтъ дѣятельности знаменитаго итальянскаго астронома Скіапарелли. Кому неизвѣстно это почтенное имя? Съ нимъ связаны многія интересныя и важныя открытія. Скіапарелли первый разглядѣлъ своимъ исключительно близорукимъ, но зоркимъ глазомъ нѣжныя детали въ строеніи поверхности Марса, подавшія послѣ поводъ къ фантастическимъ предположеніямъ о томъ, что Марсъ населенъ разумными существами. Скіапарелли установилъ несомнѣнную связь падающихъ звѣздъ съ кометами и открылъ такимъ образомъ источникъ происхожденія этихъ интересныхъ явленій. Имъ сдѣлано 11.000 измѣреній двойныхъ звѣздъ, которыя составили толстый томъ, имъ открыта планета Гесперія. Онъ указалъ, что Меркурій всегда обращенъ къ солнцу одной стороной своей поверхности, какъ луна къ землѣ, такъ что время его вращенія около своей оси равняется времени обращенія около солнца и т. д. Соотечественники почтили Скіапарелли изданіемъ книги, содержаніе которой составляютъ: біографія юбиляра, его портретъ, видъ дома, гдѣ онъ родился, приходской церкви, прославленной его работами трубы и подробный списокъ его работъ и открытій, его 206 статей и рисунковъ. Скіапарелли теперь $65^{1}/_{2}$ лѣтъ. Онъ родился 14-го марта въ 1835 г. въ Савильяно, въ Пьемонтѣ. Въ своемъ родномъ городѣ онъ учился въ гимназіи, послѣ которой $15^{1}/_{2}$ лѣтъ поступилъ въ Туринскій университетъ. Въ 1856 г. онъ взялъ было мѣсто доцента элементарной математики въ Туринской гимназіи, но преподавалъ всего два мѣсяца. Онъ получилъ стипендію для продолженія своего астрономическаго образованія и отправился въ Берлинъ, гдѣ занимался въ продолженіи $2^{1}/_{2}$ лѣтъ подъ руководствомъ знаменитаго Энке, потомъ онъ годъ практиковался въ наблюденіяхъ на нашей Пулковской обсерваторіи подъ руководствомъ Отто Струве и Виннеке.

По возвращеніи въ Италію, Скіапарелли получилъ мѣсто на Миланской обсерваторіи, а черезъ два года (въ 1862 г.) сдѣлался директоромъ ея, оставаясь въ этой должности до послѣднихъ дней.

Скіапарелли состоитъ почетнымъ и дѣйствительнымъ членомъ 48 академій и ученыхъ обществъ, получилъ нѣсколько научныхъ премій за свои труды, между прочимъ премію Лаланда Парижской академіи наукъ два раза—въ 1868 и 1890 гг.

Потокъ падающихъ звѣздъ 2-го ноября. Звѣздные дожди, которые ожидались съ такимъ интересомъ въ 1898 и 1899 годахъ, совсѣмъ, какъ извѣстно, не наблюдались. Потокъ Леонидъ, съ главной массой котораго земля должна была встрѣтиться 3-го ноября прошлаго года, на этотъ разъ, вѣроятно, прошелъ на большомъ отъ насъ разстояніи, какъ впередъ разсчиталъ астрономъ Berberich. Съ еще меньшей надеждой можно ждать эффектнаго явленія въ нынѣшнемъ году, но такъ какъ время оборота потока около солнца въ точности все-таки неизвѣстно, то на случай стоитъ послѣдить за небомъ въ первыхъ числахъ ноября, и если удастся замѣтить, хотя бы нѣсколько, падающихъ звѣздъ на востокѣ—близъ созвѣздія Льва, нанести ихъ на карту, такъ какъ эти наблюденія могутъ служить цѣннымъ матеріаломъ при изслѣдованіи современнаго состоянія интереснаго потока. Въ крайнемъ случаѣ можно ограничиться счетомъ числа метеоровъ, которые упадутъ за ночь. Наблюденія я просилъ бы направлять мнѣ по адресу Юрьевской астрономической обсерваторіи.

К. Покровскій.

БИБЛІОГРАФИЧЕСКІЙ ОТДѢЛЪ
ЖУРНАЛА
„МІРЪ БОЖІЙ“.
Октябрь. 1900 г.

Содержаніе: — Беллетристика. — Публицистика. — Критика и исторія литературы. — Юридическія науки. — Исторія всеобщая. — Политическая экономія и соціологія. — Новыя книги, поступившія въ редакцію. — Новости иностранной литературы.

БЕЛЛЕТРИСТИКА.

Т. Щепкина-Куперникъ. «Незамѣтные люди», «Ничтожные міра сего».—*И. Потапенко.* «Повѣсти и разсказы», 2 т. — *И. Саловъ.* «Три разсказа». — *Эд. Эстонье.* «Жюльенъ Дарто».

Т. Щепкина-Куперникъ. Незамѣтные люди. Ц. 1 р. — Ничтожные міра сего. М. 1900. Ц. 1 р.—Два томика маленькихъ разсказцевъ г-жи Щепкиной-Куперникъ вполнѣ гармонируютъ съ тѣмъ маленькимъ, слабенькимъ дарованіемъ, которымъ судьба надѣлила автора. Все въ этихъ разсказикахъ такое тихенькое, скромненькое, сентиментально-сладенькое и благоприличное, какъ фарфоровыя куколки, курьезные китайцы, пастушки, пасхальныя яйца съ сувенирами, которыми каждому, навѣрное, приходилось восхищаться въ дѣтствѣ въ комнатѣ своей бабушки. И авторъ, какъ настоящая бабушка, такъ любовно ходитъ за ними, такъ старательно стираетъ съ нихъ пыль, что отъ долгой и постоянной чистки они потеряли всѣ краски и стали удивительно округленными. Благодаря этой любовной отдѣлкѣ, всѣ герои и героини г-жи Щепкиной-Куперникъ потеряли всю жизненность, всѣ живыя черты и превратились въ фарфоровыхъ истуканчиковъ, съ которыми авторъ жонглируетъ не безъ кокетства и изящной манерности. О чемъ бы ни разсказывала г-жа Щепкина-Куперникъ, какихъ бы, повидимому, печальныхъ сторонъ жизни ни касалось ея перо, все получаетъ оттѣнокъ сенитиментальной слащавости и идеальной любовности, вообще—не здѣшняго грубаго міра, съ его грязью, страстями, грубыми болями и злымъ горемъ. Такова, напр., ея «Мать», — первый разсказъ, — хотя и испивающая съ горя, но за то, что за идеальная мать! Куска не доѣдаетъ, ночей не досыпаетъ, лишь бы удоволить свою красавицу дочку, которая ей платитъ холодностью и стремится уйти изъ дому. Удивительно безчувственное существо, хотя и прочувствованно декламирующее стихотвореніе Некрасова: «Великое, святое слово мать». Далѣе, вотъ бабушка, пріѣхавшая къ сыну, гдѣ все ей чуждо,—и богатая обстановка и красивая невѣстка, и шумныя сборища гостей, и не знаетъ бѣдная бабушка, «зачѣмъ билось ея сердце», какъ называется разсказъ. Но вдругъ родится внукъ, и бабушка поняла, зачѣмъ билось ея сердце,—оказывается, для внука. «Ба-ба!—ясно повторилъ ребенокъ и засмѣялся. Марья Романовна молча прижала къ себѣ внучка. Слезы потекли по щекамъ ея. И ясно, всей полнотой благодарнаго чувства сознала она въ эту минуту, зачѣмъ билось еще ея старое серде». Хорошо пишетъ г-жа Щепкина-Куперникъ, говоритъ умиленный читатель, но когда онъ доходитъ до разсказа «Глазки» или «Свидѣтель жизни», тутъ отъ умиленія книга вы-

даетъ у него изъ рукъ. «Глазки»—это юная дѣвица, самоотверженно замѣняющая глаза ослѣпшему знаменитому писателю и за свое благородство получающая хорошаго мужа, который въ свою очередь получаетъ хорошее мѣсто. А «свидѣтель жизни»—это старый-престарый лакей, который въ домѣ своей госпожи-генеральши все бьетъ посуду, за что генералъ хочетъ отдать его въ богадѣльню, но генеральша не можетъ съ нимъ разстаться, ибо онъ—«свидѣтель ея жизни».

И таковы-то всѣ «незамѣтные люди» и «ничтожные міра сего», одинъ другого лучше, одинъ другого краше, превосходнѣе по добродѣтели и всяческой душевной красотѣ. Одни хотя «немножечко дерутъ, зато хмѣльнаго въ ротъ ни капли не берутъ», другіе,—какъ злополучная мать, если не прочь отъ хмѣльнаго, зато ужъ не дерутъ, а, напротивъ,—себя позволяютъ драть. «Слишкомъ много чистоты!» скажетъ, пожалуй, иной зоилъ, нарочно пародируя слова Калхаса, но «для чистаго все чисто», скажемъ ему мы словами Писанія и этимъ, надѣемся, вполнѣ отпарируемъ зоильское злопыхательство. Если же, въ концѣ-концовъ, надо правду сказать, отъ этой чистоты становится «и кюхель бекерно, и тошно», то въ этомъ мы усматриваемъ лишь плоды злонравія, давно уже воцарившагося въ нашей литературѣ и испортившаго вкусъ у читателей.

И. Потапенко. «Безъ промаха» и «Святочные разсказы».—«Докторъ Кочневъ». Разсказы. Москва. 1900 г. Изд. Д. П. Ефимова. Ц. 1 р. 50 к. за томъ. Новое изданіе двухъ томовъ разсказовъ и повѣстей г. Потапенко не даетъ ничего особеннаго ни для характеристики его таланта, ни для разнообразія его творчества. Большая часть этихъ разсказовъ печаталась въ газетныхъ фельетонахъ подъ общей рубрикой «Рождественскихъ разсказовъ», и этимъ вполнѣ исчерпывается ихъ достоинство и содержаніе. Совершенно случайные по характеру, почти анекдотическіе, они написаны не безъ юмора, составляющаго такую характерную черту этого писателя, живо и вполнѣ литературно. Лучшимъ изъ этихъ разсказовъ слѣдуетъ признать «Примиреніе», напечатанный въ свое время у насъ. Содержаніе его—ссора двухъ сельскихъ батюшекъ—даетъ живую картину быта сельскаго духовенства, превосходно описываемаго всегда авторомъ. Двѣ повѣсти «Докторъ Кочневъ», и «Безъ промаха», захватываютъ міръ интеллигенціи и петербургскаго чиновничества. Въ первой авторъ дѣлаетъ попытку дать психологію мужа-рыцаря, приносящаго въ жертву женѣ свою честь, лишь-бы оградить ея доброе имя и семейный очагъ, для обоихъ дорогой и любимый. Печальный результатъ этой жертвы, которая, какъ и всѣ жертвы въ дѣлѣ любви, приводитъ только къ ненужному страданію для обѣихъ сторонъ, подчеркиваетъ трудность разрѣшенія сложныхъ вопросовъ интимной жизни, какъ-бы ни были высоко-нравственны обѣ стороны. Къ сожалѣнію, повѣсть написана очень бѣгло, скомкана и производитъ впечатлѣніе скорѣе наброска для большого романа, который такъ и оставленъ въ видѣ наброска. Еще ниже по достоинству повѣсть «Безъ промаха». Написанная на половину въ видѣ писемъ, она не что иное, какъ плохо разсказанный анекдотъ, страшно растянутый, съ постоянными потугами на остроуміе и неудачами по этой части. Читая такія странныя произведенія несомнѣнно талантливѣйшаго автора, который можетъ давать такія продуманныя и прекрасно написанныя вещи, какъ его бытовыя повѣсти, разсказы изъ деревенскаго и духовнаго быта и общественные романы,—испытываешь досадливое ощущеніе, какъ при видѣ всякой напрасной и неразсчетливой траты силъ.

И. А. Саловъ. Три разсказа. Изд. ред журн. «Читатель». М. 1900 г. Ц. 75 к. Три разсказа г. Салова — «Витушкинъ», «Мужицкая калгота» и «Медоломы» принадлежатъ къ числу лучшихъ его произведеній, описывающихъ жизнь деревни. Авторъ превосходно знаетъ свой деревенскій уголокъ, часть Саратовской губ., степную область Поволжья, и умѣетъ съ рѣдкимъ мастерствомъ

рисовать крестьянскіе и деревенскіе типы своей мѣстности. Эти очерки его напоминаютъ тургеневскую манеру по ясности описанія и художественной простотѣ. Какой-нибудь прасолъ и мелкій мошенникъ Витушкинъ или медоломъ, скупающій на пасѣкахъ медъ, могли-бы занять мѣсто даже среди типовъ изъ «Записокъ охотника». Нѣсколько хуже «Мужицкая калгота», напоминающая по манерѣ письма картинки народнической литературы, что сейчасъ же лишаетъ эту вещь правдивости, хотя и въ ней отдѣльныя сцены недурно написаны. Только теперь, когда разсѣялся кошмаръ народничества, можно видѣть, какимъ гнетомъ лежалъ онъ на художественной литературѣ, извращая даже такіе устойчивые таланты, какъ г. Салова, который, какъ простой и знающій наблюдатель деревни, занимаетъ видное мѣсто. Но именно тогда лишь онъ и хорошъ, когда пишетъ свободно, не поддаваясь народнической тенденціи, съ ея вѣчнымъ нытьемъ съ одной стороны, и колѣнопреклоненіемъ—съ другой Его «Медоломы», напр., прелестный очеркъ, дышащій свѣжестью лѣса и запахомъ меда. Ни одной лишней черточки, что вносила-бы диссонансъ въ эту картинку лѣсной жизни, ничего дѣланнаго, что нарушило-бы естественность и живость изображенныхъ героевъ. И совершенно иное эта «Мужицкая калгота», гдѣ, конечно, кулаки ѣдятъ поѣдомъ «міръ», а «міръ» глупъ, какъ годовалый младенецъ, и даетъ себя ѣсть всякому, кому не лѣнь. Стариной à la Каронинъ и Новодворскій повѣяло на насъ отъ этой «калготы», одно названіе которой уже отдаетъ «подоплекой» и прочими прелестями въ народническомъ вкусѣ. Третій разсказъ «Витушкинъ»—недурной по простотѣ очеркъ, въ которомъ живо и безъ претензій нарисованъ типъ мелкаго деревенскаго прасола, мошенничающаго на каждомъ шагу, но не лишеннаго нѣкоторыхъ добродушныхъ черточекъ, дѣлающихъ его еще естественнѣе и ярче.

Эд. Эстонье. «Жюльенъ Дарто». Романъ. Изд. ред. «Жизнь». Переводъ съ французскаго А. Комарской. Ц. 60 к. 1900 г. Парижъ въ теченіе всего текущаго столѣтія сохраняетъ за собой роль міровой сцены, гдѣ на виду у всѣхъ разыгрывается соціальная борьба въ ея наиболѣе чистомъ видѣ, безъ прикрытія какими-нибудь покровами. То, что въ другихъ странахъ происходитъ въ глубокомъ мракѣ, здѣсь совершается при полномъ блескѣ солнца, отчего все совершающееся въ Парижѣ и получаетъ такое огромное значеніе. Политическая борьба, парламентскія партіи, столкновеніе идей—все получаетъ особый блескъ, яркость и интенсивность, и отсюда разливается по всему міру, вызывая то изумленіе, то негодованіе, привлекая враговъ или друзей, но никого не оставляя равнодушнымъ. Всѣ, одни сознательно, другіе инстинктивно, понимаютъ, что эта блещущая всѣми красками жизнь имѣетъ и къ нимъ прямое или косвенное отношеніе, задѣваетъ ихъ такъ или иначе и, во всякомъ случаѣ, глубоко поучительна, даже какъ простое зрѣлище. Этимъ объясняется быстрое проникновеніе французской литературы и ея вліяніе, такъ какъ она съ удивительной смѣлостью обнажаетъ передъ читателями сокровенные уголки парижской жизни, вскрываетъ ея изнанку и подводитъ итоги. Одно изъ такихъ произведеній, отражающихъ въ себѣ нѣкоторыя стороны этой кипучей жизни, представляетъ романъ Эстонье. Какъ художественное произведеніе, «Жюльенъ Дарто», въ оригиналѣ «Le Ferment»—бродило, дрожжи,—довольно посредственная вещь. Характеры въ немъ скорѣе намѣчены, психологія чуть-чуть затронута, положенія не развиваются. Авторъ больше занятъ основной идеей, для которой персонажи служатъ лишь иллюстраціей. Идея его—разлагающее значеніе буржуазіи въ современномъ строѣ. Не анархизмъ, еще менѣе соціализмъ—грозятъ подкопомъ современному обществу. Для этого они слишкомъ слабы. Да къ тому же они и не нужны. Есть болѣе сильное и грозное начало, которое все разрушаетъ, подготовляя почву для новой жизни. Это—капиталъ и его раба—буржуазія, лишенная всякихъ принциповъ, же-

лающая одного—богатства для наслажденій и признающая одну власть денегъ. Одно изъ лицъ романа, идеалистъ Шеню, говоритъ въ началѣ, указывая на массу интеллигентовъ-недоучковъ, которымъ приходится за жалкіе гроши служить буржуазіи и капиталу,—что они—«дрожжи, та невидимая закваска, которой необходимо ради охраненія своего существованія измѣнитъ, разложитъ окружающую среду. Вотъ они, эти дрожжи! Это всѣ ученые, всѣ надорвавшіеся, всѣ переутомленные, всѣ обманутые, для которыхъ уже не существуютъ болѣе понятія о нравственности, которые утратили вѣру въ небесное правосудіе и требуютъ отъ земли того, что она имъ можетъ дать! Они замѣсятъ ту квашню, которая преобразуютъ міръ!..—Мы, —восклицаетъ онъ со своимъ товарищемъ - анархистомъ, Градуаномъ, — закваска будущаго человѣчества! Мы, постигшіе, почему жить такъ тяжело... Мы, узнавшіе муку никогда неудовлетворенныхъ желаній...» Чтобы рѣзче оттѣнить фантастичность этихъ увѣреній, авторъ замѣчаетъ: «Имъ казалось, что въ этихъ пустыхъ словахъ, похожихъ на кабалистическія формулы, заключается тайна счастья. Логика была забыта, мистицизмъ уносилъ ихъ на своихъ крыльяхъ. Химерическіе идеалы поднимались на ихъ горизонтѣ, подобно солнцу, и, ослѣпленные, они уже не видѣли настоящаго пути и преклонялись передъ своими грезами, какъ передъ дѣйствительностью». Не такъ думаетъ ихъ третій товарищъ Дарто.

Всѣ они воспитанники одного и того же высшаго политехническаго заведенія и думаютъ завоевать себѣ положеніе при помощи своихъ дипломовъ. Дарто въ особенности вѣритъ въ это. Сынъ мужика, онъ не даромъ вышелъ изъ крестьянской среды, онъ хочетъ добиться у общества признанія за нимъ права на все, чѣмъ оно пользуется, всѣхъ благъ культуры. Иначе, зачѣмъ его вытащили изъ грубой мужичьей культуры, зачѣмъ дали понять все значеніе «добра, красоты, высшихъ наслажденій?.. Естьсправедливость на землѣ, и онадолжна поддержать его». Но на каждомъ шагу онъ убѣждается, что все это добро и красота не для него, что въ лучшемъ случаѣ, путемъ приниженія своего человѣческаго достоинства, пресмыкаясь предъ капиталомъ на службѣ у него, онъ можетъ добиться только жалкаго мѣщанскаго прозябанія, немногимъ выше положенія простого рабочаго. На опытѣ извѣдавъ, что высокія слова о справедливости, правосудіи, о значеніи интеллектуальнаго превосходства—«пустыя слова», а деньги—все, что только сила капитала можетъ поднять его на вершину общества, Дарто всю силу души, всѣ помышленія направляетъ въ одну сторону—къ богатству, какой бы цѣной оно ни досталось. Онъ отвергаетъ любовь честной порядочной дѣвушки, такъ какъ это связало бы его, и при помощи темныхъ услугъ одного своего товарища, который служитъ секретаремъ у министра, добивается учрежденія одной изъ тѣхъ дѣловыхъ компаній, которыми такъ богата исторія промышленнаго міра Франціи. И вотъ на вершинѣ благополучія онъ осмѣиваетъ мечты своихъ прежнихъ товарищей и объясняетъ свое значеніе въ соціальномъ процессѣ анархисту Градуану, покусившемуся на его жизнь, чтобы отомстить за тѣхъ, кого раздавилъ Дарто въ своемъ побѣдоносномъ шествіи. «Также, какъ и тебя, меня пичкали надеждами и обѣщаніями. Какъ ты, я извѣдалъ всѣ страсти, всѣ стремленія, былъ честолюбивъ! И жизнь не давала мнѣ ни въ чемъ отвѣта Ненужное образованіе—и никакого выхода, ничего, за что можно бы ухватиться. Нѣкоторые вѣрятъ въ Бога, въ будущую жизнь... Все пустяки. У меня были семья, домъ, имущество, — я отдалъ домъ и имущество, отказался отъ семьи, потому что не хотѣлъ жить съ мужиками. Общество, научивъ меня гнушаться ими, обязано было поддержать меня, или, по крайней мѣрѣ, не вмѣшиваться въ мои дѣла. Пока я подчинялся его законамъ, оно оставляло меня въ бѣдности; въ тотъ день, когда я пренебрегъ ими и пошелъ другой дорогой, оно и тутъ стало воздвигать передо мной всякія препятствія... О, я ненавижу его, также какъ

и ты, и даже больше! Ненависть у насъ одна, но идемъ мы разными путями!.. Ты говоришь, что власть—обманъ и произволъ, что правосудіе подкупно, что религія лжетъ, — все это одни слова, которыхъ никто не слушаетъ и которымъ не вѣрятъ. Власть, правосудіе, религію—я все куплю! Мнѣ достаточно будетъ только показаться!.. Гдѣ я, тамъ нѣтъ чести, добра, кастовыхъ преимуществъ... Изъ насъ двоихъ анархистъ—это я, я—дѣлецъ, аферистъ, выскочка, стремящійся взять отъ жизни всѣ наслажденія!» И далѣе, заканчивая свою филиппику противъ современности, Дарто подводитъ общій итогъ: «Между нами: ты, анархистъ, идеалистъ, дикарь, смирившійся Шеню, или я, лишенный всякихъ принциповъ—мы всѣ работаемъ въ одномъ направленіи. Мы—сѣмена будущаго, но не сѣмена жизни, а сѣмена смерти, взрощенныя слѣпой буржуазіей, которыя убьютъ ее!»

Приведенныя выдержки, заключающія идею романа, показываютъ, насколько это—тенденціозное произведеніе, далеко нехудожественное по формѣ. Но какъ исторія разложенія юной души, весьма характерная для современной парижской жизни,—она очень поучительна и заслуживаетъ вниманія.

А. Б.

ПУБЛИЦИСТИКА.

Я. В. Абрамовъ. «Наши воскресныя школы». — *Е. Шмурло.* «Голодный годъ».

Я. В. Абрамовъ. «Наши воскресныя школы». Ихъ прошлое и настоящее. СПБ. 1890 г. Цѣна 1 р. 50 к. Стр. 351. Воскресныя школы въ Россіи возникли въ 60-хъ годахъ не изъ подраженія Зап. Европѣ, гдѣ онѣ носили по преимуществу конфессіональный характеръ, а какъ самостоятельная попытка интеллигенціи дать доступъ населенію къ знанію въ той формѣ, какая подсказывалась общими условіями и настроеніемъ того времени. Изъ первыхъ самостоятельно возникшихъ воскресныхъ школъ видную роль сыграли Кіевскія, устроенныя по иниціативѣ проф. Павлова въ 1859 г. Въ короткое время—въ теченіе 1 года съ небольшимъ—въ Кіевѣ было открыто 7 воскресныхъ школъ. Съ весны того же 1859 г. по январь 1861 г., отчасти по иниціативѣ того же профессора Павлова, въ Петербургѣ было открыто 19 воскресныхъ школъ. Любопытно, что въ устройствѣ ихъ дѣятельное участіе принимали военное вѣдомство, министерство нар. просвѣщенія и с.-петербургская ремесленная управа. Съ 1859 по 1862 годъ по всей Россіи, въ губернскихъ и уѣздныхъ городахъ, было устроено не менѣе сотни воскресныхъ школъ, а по инымъ даннымъ свыше трехсотъ. Однако, рядомъ съ такимъ распространеніемъ воскресныхъ школъ, какъ разъ тогда, когда онѣ могли считать пройденнымъ хотя бы отчасти періодъ подготовительной, черновой работы, готовились уже «мѣры предупрежденія и пресѣченія». Еще въ маѣ 1860 г. и въ 1861 г. воскреснымъ школамъ было предписано держаться строго опредѣленныхъ границъ преподаванія въ предѣлахъ программы приходскихъ училищъ; выборъ учредителей и преподавателей былъ строго регламентированъ и за общимъ веденіемъ дѣла установленъ самый строгій надзоръ. Въ 1862 году *всѣ* воскресныя школы всей Россіи были *закрыты*, «впредь до преобразованія ихъ на новыхъ основаніяхъ».

Мѣра эта оказала такое дѣйствіе, что до конца 80-хъ годовъ воскресныя школы существовали лишь въ очень небольшомъ числѣ, въ видѣ отдѣльныхъ не особенно прочныхъ попытокъ. Вышедшія въ 1864 и 1874 гг. «По-

ложенія о начальныхъ училищахъ», хотя и узаконяли существованіе воскресныхъ школъ, приравнивая ихъ къ начальнымъ училищамъ, но не повлекли за собою оживленія въ дѣлѣ ихъ устройства. Съ 70-хъ годовъ въ столицахъ и нѣкоторыхъ губернскихъ городахъ появились воскресныя школы, устроенныя городскими управленіями, но школъ, открытыхъ по частной иниціативѣ, за время отъ 1862 по 1882 гг. почти не встрѣчается, и примѣръ Харьковской частной женской школы Х. Д. Алчевской почти не вызываетъ себѣ подражанія. Причины этого явленія г. Абрамовъ видитъ въ тѣхъ теоріяхъ, которыя царили въ нашемъ обществѣ въ 80-е годы, въ препятствіяхъ, какими встрѣчались всякія проявленія частной иниціативы въ дѣлѣ народнаго образованія, а также и въ маломъ знакомствѣ общества съ дѣятельностью существовавшихъ ранѣе воскресныхъ школъ. Изъ возникшихъ за это время воскресныхъ школъ особенно выдѣлились Харьковская, въ Петербургѣ на Шлиссельбургскомъ тракту и въ Тифлисѣ.

Съ особеннымъ вниманіемъ останавливается авторъ на описаніи Харьковской частной женской воскресной школы, сдѣлавшейся образцовой и по многолюдству, и по постановкѣ дѣла, и по вліянію на вновь устраиваемыя воскресныя школы. Школа начала функціонировать съ сотнею ученицъ, а къ 1894—1895 учебному году число ихъ достигло уже 536, всего же за 17 лѣтъ (съ 1878—1879 по 1894—1895 учебный годъ) черезъ школу прошло болѣе 4½ тысячъ учащихся. Внѣшнія отношенія школы всегда опредѣлялись принципомъ полной гласности; и непосредственно, и письменно Харьковская школа всегда охотно удовлетворяла запросы всѣхъ, обращавшихся къ ней за совѣтомъ или содѣйствіемъ къ устройству новой школы. Благодаря этой готовности придти на помощь товарищамъ по дѣлу, а также благодаря систематическому участію Харьковской воскресной школы на выставкахъ, вліяніе ея распространилось очень далеко и прямо или косвенно вызвало къ жизни цѣлый рядъ новыхъ школъ. Нужно, однако, сказать, что, говоря объ усиленіи въ обществѣ интереса къ Харьковской воскресной школѣ, г. Абрамовъ безъ излишней скромности связываетъ его съ появленіемъ своей статьи въ «Сѣв. Вѣстникѣ» за августъ 1888 г. По словамъ автора, «статья эта вызвала огромный наплывъ посѣтителей въ Харьковскую школу, являвшихся сюда изъ всѣхъ концовъ Россіи, и вмѣстѣ съ тѣмъ наплывъ писемъ» и т. д., стр. 213. Правда, онъ признаетъ, что появленіе книги «Что читать народу» содѣйствовало распространенію свѣдѣній о школѣ, но такъ какъ выходъ въ свѣтъ ея перваго тома относится еще къ 1884 г., а наплывъ посѣтителей и вообще интересующихся школой особенно увеличился именно съ осени 1888 года, когда появилась означенная статья, то связь между этими двумя явленіями дѣлается въ изложеніи г. Абрамова достаточно ясной.

Слѣдующій отдѣлъ: «Новѣйшій періодъ исторіи школъ», г. Абрамовъ начинаетъ съ 1888 г., когда по всей Россіи возобновилось движеніе по открытію воскресныхъ школъ, прерванное такъ фатально въ 1862 году. Возобновленіе этого движенія г. Абрамовъ объясняетъ распространеніемъ въ обществѣ свѣдѣній о Харьковской воскресной школѣ, въ чемъ главную заслугу приписываетъ все той же статьѣ своей. На стр. 241-й онъ повторяетъ то же, что говорилъ раньше, но въ еще болѣе рѣшительныхъ выраженіяхъ. «Первыя проявленія этого движенія были уже во второй половинѣ 1888 года. Въ августѣ мѣсяцѣ появилась въ «Сѣв. Вѣстникѣ» моя статья, посвященная описанію Харьковской частной женской воскресной школы, и вслѣдъ затѣмъ въ эту школу стали приходить со всѣхъ концовъ Россіи запросы отъ лицъ, познакомившихся со школой по моей статьѣ»... и т. д. «Вслѣдъ затѣмъ въ разныхъ городахъ стали возбуждаться ходатайства объ открытіи воскресныхъ школъ. Все это движеніе проявилось», по словамъ автора, не менѣе чѣмъ въ 15 го-

родахъ, но къ практическимъ послѣдствiямъ въ 1888 г. успѣло привести только въ трехъ—Одессѣ, Новороссiйскѣ и Орлѣ. Слишкомъ односторонне также рисуетъ г. Абрамовъ и роль Харьковской школы; отнюдь не желая умалять ея значенiя, мы не можетъ, однако, не напомнить г. Абрамову, что къ этому времени успѣли окрѣпнуть и двѣ другiя, названныя имъ самимъ «образцовыми», школы въ Петербургѣ по Шлиссельбургскому тракту и въ Тифлисѣ. Почему же г. Абрамовъ, говоря о новомъ движенiи въ дѣлѣ устройства воскресныхъ школъ, усиленно подчеркиваетъ роль Харьковской школы и совершенно умалчиваетъ о двухъ другихъ? Не потому ли, что г. Абрамовъ не писалъ о нихъ?

Изъ приведенной авторомъ таблицы видно, что за 12 лѣтъ съ 1888 г. по 1899 годъ было открыто 283 частныхъ воскресныхъ школы (муж. 95, ж. 147, смѣш. 41); присоединяя сюда 30 школъ, устроенныхъ столичными городскими управленiями и 16 частныхъ школъ, открытыхъ до 1888 г., найдемъ, что общее число всѣхъ воскресныхъ школъ въ настоящее время превышаетъ 300. Кромѣ того, уже съ конца 80-хъ годовъ во многихъ селахъ стали устраиваться воскресныя школы, число которыхъ теперь опредѣляется многими тысячами. Интересное явленiе также представляютъ собою тюремныя воскресныя школы. Школы эти стали открываться только въ 90-хъ годахъ и къ настоящему времени ихъ насчитывается болѣе 30.

Въ главѣ «Современное состоянiе воскресныхъ школъ» г. Абрамовъ подводитъ итогъ всѣмъ цифровымъ и др. даннымъ о воскресныхъ школахъ въ настоящее время. Изъ данныхъ этихъ приведемъ лишь самыя общiя: къ январю 1900 г. частныя воскресныя школы имѣлись въ 175 городахъ, изъ которыхъ 106 имѣли по одной воскресной школѣ, 49 по 2 школы, 12 городовъ съ тремя школами, 4 съ четырьмя и по одному городу съ 5, 6, 8 и 11 школами. Учащихся во всѣхъ этихъ школахъ въ теченiе учебнаго года перебывало около 50 тысячъ, изъ нихъ около 2/3 составляли женщины; по возрастному составу учащiеся больше чѣмъ на половину (59%) моложе 15 лѣтъ, причемъ женщины въ среднемъ значительно моложе мужчинъ; по времени продолжительности обученiя учащiеся дѣлились такъ: учащихся первый годъ было въ среднемъ около 60%, учащихся второй годъ и дальше—около 40%. Всѣ воскресныя школы вмѣстѣ выдаютъ изъ своихъ библiотекъ ежегодно до 400—500 тысячъ книгъ для чтенiя; годовой бюджетъ всѣхъ 286 частныхъ школъ составляетъ немного болѣе 50 тысячъ рублей, такъ что въ среднемъ каждая школа расходуетъ въ годъ около 175 рублей, а среднiй учащiйся обходится около 1 рубля въ годъ. Учащихъ за годъ было приблизительно 5.808 человѣкъ, причемъ женщины-преподавательницы составляли около 77% всего числа учащихъ.

Мы довольно подробно остановились на передачѣ содержанiя книги г. Абрамова, потому что она представляетъ первую попытку свести въ одно цѣлое разбросанный во всевозможныхъ перiодическихъ и другихъ изданiяхъ цѣнный матерiалъ по вопросу о нашихъ воскресныхъ школахъ. Но книга «Наши воскресныя школы» поучительна и интересна не только съ этой стороны: она важна еще и тѣми практическими свѣдѣнiями и тою возможностью сравненiя, какiя она даетъ читателю, соприкасающемуся съ дѣломъ воскресныхъ школъ; изолированнымъ дѣятелемъ воскресныхъ школъ она даетъ сознанiе общности и единства интересовъ съ другими работниками на томъ же поприщѣ. Но признавая всю цѣнность и современность труда г. Абрамова, не можемъ обойти молчанiемъ тѣ, настолько же неумѣстныя, насколько и претенцiозныя, экскурсiи въ область публицистики, какiя дозволяетъ себѣ г. Абрамовъ. Такъ, напримѣръ, говоря, что дѣятелями воскресныхъ школъ явились по преимуществу люди, подвигнутые на работу исключительно любовью къ дѣлу, сознанiемъ

обязанности работать для просвѣщенія народной массы и т. д., онъ добавляетъ: «Этотъ маленькій частный примѣръ особенно удобенъ для провѣрки разныхъ историческихъ теорій, видящихъ въ жизни человѣческихъ обществъ лишь слѣпую необходимость или, еще проще, чисто матеріальные факторы и совершенно не замѣчающихъ главнаго фактора исторіи—человѣческой личности съ ея нравственными качествами» (стр. 97). Очевидно, г. Абрамовъ понимаетъ «разныя историческія теоріи» слишкомъ ужъ «матеріально». Дальше перечисляя причины затишья въ движеніи по устройству воскресныхъ школъ въ 80-е годы, онъ говоритъ: «Для многихъ работа въ области народнаго просвѣщенія казалась даже совсѣмъ пустымъ дѣломъ, своего рода самообманомъ, закрываніемъ глазъ на настоящее дѣло. Люди мечтали о томъ, какъ сразу перепрыгнуть въ золотой вѣкъ, безъ медленной, кропотливой культурной работы, которая должна вестись всюду и вездѣ, вплоть до послѣдняго захолустнаго уголка. Отголоски этого страннаго направленія можно услышать и теперь, но теперь такія заявленія о незначительномъ значеніи культурной работы заставляютъ чаще смотрѣть на ихъ авторовъ, лишь какъ на людей невѣжественныхъ, тогда какъ двадцать—тридцать лѣтъ тому назадъ такое теченіе пользовалось значительнымъ престижемъ» (стр. 98). Слишкомъ ужъ легко и просто раздѣлывается г. Абрамовъ какъ съ «этимъ страннымъ направленіемъ», такъ и съ «разными историческими теоріями». Зато чрезвычайно многозначительны и широковѣщательны слова, которыми г. Абрамовъ заканчиваетъ одинъ изъ отдѣловъ своей книги: «Да, исторія первыхъ воскресныхъ школъ составляетъ цѣнную страницу въ исторіи нашей интеллигенціи и за эту страницу много невольныхъ грѣховъ можетъ быть прощено послѣдней» (стр. 77). О какихъ это грѣхахъ говоритъ г. Абрамовъ? Ему слѣдовало бы выразиться опредѣленнѣе.

Въ заключеніе можемъ сказать по поводу книги г. Абрамова его же словами: да, книга по исторіи нашихъ воскресныхъ школъ составляетъ цѣнную страницу въ литературѣ по исторіи нашего народнаго просвѣщенія и за эту страницу много невольныхъ (и вольныхъ) публицистическихъ грѣховъ можетъ быть прощено г. Абрамову. *М. Б.*

Е. Шмурло. «Голодный годъ» (1898—1899). Письма въ «С.-Петербургскія Вѣдомости». 1900 г. Изд. «Книжное Дѣло». Если литературнымъ памятникомъ голода 1891—1892 гг. явились во всѣхъ отношеніяхъ замѣчательныя воспоминанія г. Короленко «Въ голодный годъ», то второй голодъ промелькнулъ въ литературѣ совершенно незамѣтно. Письма г. Шмурло, изданныя имъ отдѣльно въ нѣсколько обработанномъ видѣ, являются единственными воспоминаніями объ этомъ тяжеломъ времени, и уже по одному этому имѣютъ право на вниманіе. И въ самомъ дѣлѣ, второй голодъ, хотя и уступавшій первому по охваченному имъ району, былъ, тѣмъ не менѣе, явленіемъ огромнаго значенія и для нѣкоторыхъ мѣстностей важнѣе, чѣмъ голодъ 1891—1992 г. Такимъ онъ былъ и для описываемой авторомъ мѣстности—Уфимской губ., гдѣ голодъ разразился послѣ цѣлаго ряда подготовительныхъ неурожаевъ и довершилъ разрушеніе крестьянскаго хозяйства, не только уже пошатнувшагося, но почти павшаго. Голодный годъ потому и былъ здѣсь голоднымъ, что до того населеніе уже ничего не имѣло и только тянулось, перебиваясь отъ урожая до урожая, и когда насталъ годъ безъ *всякаго* урожая, явился голодъ въ своемъ, такъ сказать, чистомъ видѣ. Изъ скрытаго состоянія онъ перешелъ въ явное, что и составляло самую характерную черту этого второго голода. Населеніе не было застигнуто врасплохъ, оно ждало голодъ, подвигалось къ нему съ неумолимой послѣдовательностью и встрѣтило его съ тѣмъ глубокимъ равнодушіемъ, какъ все, что неизбѣжно. Въ своихъ письмахъ г. Шмурло даетъ рядъ картинъ такой всеобщей нищеты, что, читая эти описанія, только изум-

ляешься, какъ могло жить при такихъ условіяхъ милліонное населеніе посѣщенныхъ имъ уѣздовъ. Дѣло не только въ томъ, что оно жило, но какъ-то ухитрялось еще протянуть такое бытіе и во время голода. Правда, явилась помощь, о которой говоритъ авторъ очень подробно, но такая помощь могла только поддержать status quo, ничего не измѣнивъ по существу. А между тѣмъ голодное время прошло, и населеніе снова вернулось къ тому же жалкому прозябанію, что и прежде. Какой же отсюда выходъ? Авторъ нигдѣ не задается этимъ вопросомъ, но онъ самъ возникаетъ. Постепенное ухудшеніе, затѣмъ полное разореніе, и опять то же, что было до голода. Во время голода является помощь, хотя и скромная, но все же помощь,—а потомъ? Получается странный выводъ, что голодное время лучше неголоднаго, такъ какъ при голодѣ кормятъ, а при отсутствіи голода, т.-е. при скрытомъ его состояніи, предоставляется всякому самому изыскивать средства пропитанія. Но средствъ этихъ нѣтъ. Край почти дикій, не тронутый промышленностью, нѣтъ ни фабрикъ, ни заводовъ, ни отхожихъ промысловъ за дальностью разстоянія. Остается положиться на ту удивительную силу приспособляемости, которая помогла населенію жить до голода и во время онаго, что она же поможетъ жить и до новаго голода, когда опять явится помощь, ибо, какъ говоритъ почтенный авторъ, «есть два магическихъ слова—знаніе и любовь», и если первымъ мы не богаты, то второй — развѣ у насъ мало? увѣряетъ г. Шмурло. Вѣримъ ему охотно, и эта вѣра нѣсколько облегчаетъ тяжелое впечатлѣніе его писемъ.

А. Б.

КРИТИКА И ИСТОРІЯ ЛИТЕРАТУРЫ.

П. Д. Боборыкинъ. «Европейскій романъ въ XIX в.»—*В. Я. Смирновъ.* «Жизнь и поэзія Н. М. Языкова». — *Эмиль Фагэ.* «Политическіе мыслители и моралисты XIX в.».—*І. Штоль.* «Миѳы классической древности».

П. Д. Боборыкинъ. «Европейскій романъ въ XIX столѣтіи». Романъ на Западѣ за двѣ трети вѣка. 1900 г. Всякій трудъ, предпринятый съ серьезными намѣреніями, при добросовѣстномъ отношеніи къ дѣлу, какъ бы a priori обязываетъ къ серьезной его оцѣнкѣ. Мы не подвергаемъ сомнѣнію серьезныхъ намѣреній г-на Боборыкина, задавшагося цѣлью въ своей книгѣ объ «Европейскомъ романѣ въ XIX вѣкѣ», содѣйствовать «болѣе прочному установленію правъ человѣческаго изящнаго творчества на самостоятельность, очистить, хоть немного, еще весьма невоздѣланное поле нашихъ литературно-критическихъ взглядовъ отъ сорныхъ травъ», т.-е. отъ «закоренѣлыхъ предразсудковъ, предвзятыхъ мѣрилъ и отживающихъ предубѣжденій». Мы готовы вѣрить его добросовѣстности, но со всѣмъ тѣмъ находимся въ большомъ затрудненіи подвергнуть названный трудъ серьезному разбору: и повиненъ въ этомъ самъ авторъ, врядъ ли вполнѣ отчетливо выяснившій себѣ свои намѣренія. И, во-первыхъ, нужно ли доказывать *права* художественнаго творчества на самостоятельность? Не относится ли это мнѣніе къ числу «отживающихъ предубѣжденій», ибо принципъ самостоятельности творчества давно провозглашенъ, установленъ, признанъ, и мы не знаемъ, чтобы кто-либо теперь его оспаривалъ. Несамостоятельный трудъ, и вообще говоря, не можетъ вызвать къ себѣ большого интереса, а несамостоятельное творчество—едва заслуживаетъ названія творчества. Суть, стало быть, въ эпитетѣ «изящный»: имѣетъ ли право изящное творчество на самостоятельность? Но какъ же иначе? Тутъ какое-то «словесное» недоразумѣніе, причемъ авторъ, признавъ формулы «чистое искусство» и «искус-

ство для искусства» отжившими опредѣленіями, предлагаетъ замѣнить слово искусство выраженіемъ «изящное» или «прекрасное» творчество, но тутъ же онъ дѣлаетъ оговорку: «и прекрасное творчество не можетъ быть чистымъ, т.-е. независимымъ въ своемъ развитіи отъ всѣхъ сторонъ психо-соціальной жизни культурнаго человѣчества. Но какъ самостоятельная область душевной дѣятельности, оно нуждается въ такомъ же самостоятельномъ обслѣдованіи». Итакъ, «прекрасное творчество» (недоумѣваемъ, зачѣмъ понадобилось автору замѣнять такимъ двусмысленнымъ и неловкимъ терминомъ понятное и принятое выраженіе художественное творчество, художественная дѣятельность и т. п.?) самостоятельно, но въ то же время зависимо. Соотвѣтственно и его изученіе должно быть самостоятельнымъ, но въ то же время «зависимымъ», т.-е. мы должны помнить, что всѣ произведенія духовной дѣятельности человѣка находятся въ зависимости отъ психическаго организма человѣка и что нельзя изучить одного безъ другого. Это аксіома: ни спорить, ни доказывать тутъ нечего, если не «припускать», какъ выражается авторъ, «отжившія предубѣжденія» въ видѣ фантастическихъ (т.-е. или несерьезныхъ, или отошедшихъ въ область преданія) противниковъ, которые отрицали бы права художественнаго творчества на самостоятельность. Г. Боборыкинъ имѣетъ въ виду утилитаристовъ и моралистовъ. Но тѣ и другіе, подчиняя художественное творчество служебнымъ цѣлямъ, ограничиваютъ, правда, его свободу, считая «чистое искусство» празднымъ, а иногда и вреднымъ занятіемъ, тѣмъ не менѣе не покушаются на его самостоятельность. И это вопросъ серьезный, ибо личная свобода художника и значеніе его произведеній подвергаются при этомъ оцѣнкѣ съ точки зрѣнія общественной, съ которой нельзя не считаться: Платонъ изгонялъ художниковъ и поэтовъ изъ своей идеальной республики; позднѣйшіе моралисты и соціальные мыслители пошли на уступки, но при этомъ искусство дѣлилось на настоящее, полезное для общества, и ненастоящее, ложное, вредное и т. д. О томъ или другомъ жизненномъ значеніи произведеній искусства можно спорить, при этомъ, однако, не отрицая правъ художественнаго творчества на самостоятельность. Г. Боборыкинъ самъ указалъ, что и съ его точки зрѣнія творчество, будучи самостоятельнымъ, въ то же время не представляется независимымъ; точно такъ же и въ реальной жизни: ни мы сами, ни наши поступки, ни дѣла, въ какой бы ни было области, не могутъ быть избавлены отъ «зависимости», не только обусловленности отъ разныхъ обстоятельствъ, но и отвѣтственности передъ другими. Иное дѣло, если разсматривать вопросъ съ точки зрѣнія процессовъ творчества: въ такомъ случаѣ принципъ свободы творчества можетъ представиться необходимымъ условіемъ художественной правды. Какъ согласовать эти два, нерѣдко противорѣчивыя условія: личную независимость художника и его отвѣтственность передъ другими за созданное, это вопросъ, котораго г. Боборыкинъ не касается. Между тѣмъ, въ этой дилеммѣ— едва ли не вся суть дѣла въ безконечныхъ спорахъ о полезномъ и безцѣльномъ, или даже вредномъ искусствѣ, спорахъ, которые, въ свою очередь, могутъ стать праздными; тотъ, кто испытываетъ извѣстное удовлетвореніе отъ художественнаго произведенія, уже тѣмъ самымъ признаетъ его цѣлесообразность, хотя бы и внѣ практическихъ интересовъ; кому же данное произведеніе ничего не говоритъ, тотъ съ своей точки зрѣнія имѣетъ полное право отрицать его значеніе: онъ можетъ измѣнить свой взглядъ, лишь когда пойметъ его иначе. Третій, наконецъ, въ зависимости отъ усвоеннаго имъ міросозерцанія, можетъ наотрѣзъ отказаться отъ всякаго соприкосновенія съ областью художественнаго творчества, или крайне сузить его районъ: такому лицу безполезно доказывать права «изящнаго творчества на самостоятельность»; онъ скорѣе можетъ сдаться лишь на доводы въ пользу значенія искусства. И поучительный примѣръ въ этомъ отношеніи представляетъ разсужденіе гр. Л. Н. Толстого объ искусствѣ: начавъ съ отрицанія красоты,

онъ закончилъ не только ея—хотя бы и не явно выраженнымъ, но логически подразумѣваемымъ признаніемъ, но и настоящимъ гимномъ въ честь искусства, которому приписывается огромное значеніе. При всей непослѣдовательности и видимыхъ противорѣчіяхъ разсужденія Льва Николаевича, оно гораздо болѣе утверждаетъ неотъемлемыя права искусства на самостоятельность, чѣмъ quasi—научные пріемы г. Боборыкина, который запутывается въ неясныхъ опредѣленіяхъ и смутныхъ формулахъ. Они смутны, ибо, прежде всего, языкъ автора часто совершенно непонятенъ: онъ пеститъ иностранными словами, какъ будто авторъ-*писатель*, умѣющій, однако, выражаться въ своихъ беллетристическихъ произведеніяхъ, признанный, талантливый романистъ не считаетъ возможнымъ думать по-русски, или признаетъ дурной слогъ привилегией разсужденія? Уже цитированное выраженіе—«припускать себя къ области прекраснаго» довольно любопытно. Далѣе, встрѣчаются такіе обороты: «можетъ ли дѣйствительная жизнь... непосредственно дѣйствовать на развитіе художественнаго романа, безъ извѣстныхъ предрасположеній (у кого: у жизни или у романа?..), уже пріобрѣтенныхъ собирательной психіей развитого человѣчества въ данную эпоху и въ данной странѣ (183)?» «...Онъ писалъ вещи, отвѣчающія на другую сторону его мозговой организаціи (349)». «Вѣрные нашей задачей, мы даже и такого писателя, какъ Бальзакъ, беремъ, главнымъ образомъ, не какъ идивидуальность... мы смотримъ и на него, какъ на продуктъ творческой психіи извѣстной генераціи» (443). Что значитъ «творческая психія», мы отказываемся понять, какъ недоумѣваемъ такимъ выраженіямъ, какъ «отрицательный взмахъ таланта» (389), «творческо эстетическія опредѣленія», «матеріально-духовная культура» (372), «субъективныя чувства, дойдя до первыхъ годовъ XIX в., выражаясь философскимъ терминомъ, дифференцировались, пошли въ аналитическую работу» (385), «сліяніе сочеталось»... (390) и т. д. и т. д. Подъ рубрикой «Лучшій методъ» приведена слѣдующая фраза: «Мы думаемъ, что самымъ лучшимъ методомъ изложенія въ вопросѣ о содержаніи творческихъ произведеній будетъ такой, который пользуется основнымъ критеріемъ, связаннымъ съ опредѣленіямъ того, главнымъ образомъ, какъ замыслы дѣлались все свободнѣе отъ унаслѣдованныхъ традиціонныхъ мотивовъ, и какъ происходили одновременно и дифференціація отдѣльныхъ моментовъ творческаго воспроизведенія и интеграція, т.-е. сгущеніе творческихъ идей (204)».

У автора, повидимому, «сгущеніе идей» дошло до значительной степени, но его «творческое воспроизведеніе» въ данномъ трудѣ, т.-е. въ этюдѣ объ европейскомъ романѣ на западѣ—сводится лишь къ затемненному воспроизведенію нѣкоторыхъ взглядовъ и положеній французскихъ критиковъ: главнымъ образомъ Брюнетьера, отчасти Тэна и Эннекэна, котораго книга о научной критикѣ особенно «импонируетъ» нашему маститому романисту По отношенію къ указаннымъ писателямъ авторъ проявляетъ «зависимую самостоятельность». Въ пространныхъ вступительныхъ и вводныхъ главахъ, подъ разными громкими заглавіями, г. Боборыкинъ пытается установить настоящія основы научной критики, но при неясномъ представленіи о дѣйствительно, а не мнимо-научныхъ пріемахъ, постоянно смѣшиваетъ задачи исторіи литературы и критики, въ тѣсномъ смыслѣ слова, оспариваетъ права критики на самостоятельность сужденій, и заканчиваетъ игрой словъ: «иной читатель этой книги можетъ, пожалуй, найти, что и мы (выступивъ противъ критики похвалъ и порицаній) позволяемъ себѣ постоянно формулировать извѣстные приговоры. Приговоры—нѣтъ; оцѣнки—да. Безъ такихъ «оцѣнокъ» немыслима никакая критическая работа». Весь споръ въ словахъ: *оцѣнка* литературнаго произведенія можетъ быть одновременно и *приговоромъ*, и заключаетъ въ себѣ *похвалу* или *порицаніе*. Суть въ правильности оцѣнки, въ справедливости приговора, въ убѣдительности похвалъ или порицаній. Когда они высказываются голословно, то,

очевидно, лишены значенія. Но право судить принадлежитъ всякому, а приговоры или оцѣнки суть прежде всего индивидуальныя сужденія. И въ этомъ отношеніи критика существенно разнится отъ науки: послѣдняя устанавливаетъ данныя, но не производитъ оцѣнокъ. Критика, требуя знаній и пониманія дѣла, есть во многомъ искусство: заказывать ей пути, дѣло рискованное и неблагодарное. «Мы оцѣниваемъ только сравнительное достоинство, пишетъ г. Боборыкинъ,—держась сравнительнаго изученія. Мы не признаемъ ни абсолютовъ, ни безусловныхъ шедевровъ». Становясь на сравнительную точку зрѣнія, и мы припомнимъ, что въ нашей литературѣ, года два тому назадъ, вышла книга, аналогичная по замыслу съ трудомъ г-на Боборыкина: это «Русскій романъ» г-на Головина, у котораго первыя главы тоже посвящены краткому обозрѣнію судебъ европейскаго романа на Западѣ; но г. Боборыкинъ расширилъ объемъ, задачи, распредѣливъ на два тома матеріалъ, который у г. Головина заключенъ въ одной книгѣ. Въ виду обширности матеріала, этому можно было бы лишь порадоваться; авторъ несомнѣнно проявляетъ большую начитанность и знакомъ въ подлинникахъ съ произведеніями иностранной литературы на нѣсколькихъ языкахъ. Но это «многознаніе» не всегда приводитъ къ вразумительности выводовъ и, хотя и при болѣе скромныхъ рамкахъ работы, мы принуждены все же отдать во многомъ предпочтеніе изложенію г. Головина, благодаря его большей ясности, несмотря на многіе пробѣлы въ этой книгѣ и нѣсколько поверхностныя, хотя порой остроумныя, сужденія.

Быть можетъ, второй, обѣщанный, но еще не обнародованный томъ г. Боборыкина, спеціально о русскомъ романѣ, дастъ болѣе положительные результаты: авторъ, подводя итоги своей почти 30-ти-лѣтней дѣятельности романиста, можетъ дѣйствительно сообщить интересныя данныя, «оживляя, гдѣ нужно, характеристики и самихъ писателей-романистовъ, и настроеній публики, и литературныхъ нравовъ—личными воспоминаніями». Г. Боборыкинъ правъ, замѣтивъ, что «пониманію всей совокупности писательскаго творчества не можетъ не помогать личное знакомство съ тѣми, кто связалъ свое имя съ исторіей развитія изящной литературы за извѣстный періодъ». Отчета объ такихъ личныхъ знакомствахъ и личныхъ воспоминаніяхъ мы отъ него и ожидаемъ въ слѣдующемъ томѣ его труда. *Ѳ. Батюшкинъ.*

Смирновъ, В. Я. «Жизнь и поэзія Н. М. Языкова». Критико-біографическое изслѣдованіе. Пермь. 1900 г. Какое значеніе можетъ имѣть изслѣдованіе жизни и дѣятельности Н. М. Языкова? Жизнь Языкова богата различными литературными отношеніями, онъ былъ знакомъ съ Пушкинымъ, жилъ нѣкоторое время и дружилъ съ Гоголемъ. Наконецъ, находился въ очень близкихъ отношеніяхъ съ первыми славянофилами. Поэтому, данныя его біографіи пріобрѣтаютъ значительный интересъ, вызываемый, правда, не самимъ Языковымъ, а тѣми лицами, съ которыми онъ соприкасался. Изслѣдованіе, приносящее новыя, свѣжія свѣдѣнія о Н. М. Языковѣ, будетъ имѣть, поэтому, извѣстное историко-литературное значеніе. Анализъ самыхъ произведеній Языкова врядъ ли можетъ дать что-либо цѣнное для исторіи литературы, скорѣе онъ будетъ интересенъ съ слѣдующей точки зрѣнія. Поэзія Языкова и его современниковъ имѣетъ массу общихъ мотивовъ; форма часто поражаетъ своей одинаковостью. Такой анализъ имѣетъ теоретическій интересъ: на немъ можно прослѣдить различные фазисы такихъ мало обслѣдованныхъ литературныхъ явленій, какъ вліяніе, заимствованіе, подражаніе, зависимость.

Критико-біографическое изслѣдованіе г. Смирнова не обладаетъ, къ сожалѣнію, ни однимъ изъ этихъ достоинствъ. Оно не только не даетъ новыхъ данныхъ, но и не принимаетъ во вниманіе имѣющихся въ печати. На всемъ протяженіи своей книги г. Смирновъ не обнаруживаетъ никакого знакомства съ солидной статьей г. Шенрока «Ник. Мих. Языковъ», помѣщенной въ «Вѣстникѣ

Европы» за 1897 годъ въ 11 и 12 №№. Это очень странно; «В. Е.» несомнѣнно извѣстенъ г. Смирнову, ибо онъ цитируетъ его кое гдѣ, его книга помѣчена 1900 годомъ. Статья Шенрока, написанная по письмамъ Н. М. Языкова, сообщаетъ очень много новыхъ данныхъ къ его біографіи. Ждать какихъ-нибудь теоретическихъ выводовъ отъ г. Смирнова не приходится. Онъ приступилъ къ своему критическому изслѣдованію по той причинѣ, что «оцѣнка достоинствъ поэзіи Н. М. Языкова лежитъ на душѣ современной критики и составляетъ ея отвѣтственный долгъ передъ памятью поэта» (стр. 3), и въ этой оцѣнкѣ г. Смирновъ не далеко ушелъ отъ Бѣлинскаго, даже совсѣмъ не ушелъ, повторивъ мнѣніе Бѣлинскаго о значеніи Языкова въ исторіи литературы. Любопытный читатель, узнавъ, что страницъ въ книгѣ г. Смирнова 266, поинтересуется, чѣмъ же заполнены эти страницы, если авторъ не даетъ никакого историко-литературнаго анализа. Да большая часть труда г. Смирнова занята обильными и длинными цитатами изъ стихотвореній Н. М. Языкова и затѣмъ послѣдовательнымъ пересказомъ почти всѣхъ стихотвореній Языкова. Сначала дѣлается изложеніе содержанія, а потомъ выводится главная мысль. Вотъ два примѣра критическихъ дарованій г. Смирнова: «Въ популярномъ стихотвореніи «Пловецъ», напоминающемъ отчасти стихотвореніе Жуковскаго съ тѣмъ же заглавіемъ, поэтъ приглашаетъ товарищей отправиться на лодкѣ въ море во время свирѣпой бури, чтобы добраться среди сердитыхъ волнъ до воображаемой «блаженной страны», гдѣ царитъ ясная и тихая погода но, въ концѣ-концовъ, онъ восклицаетъ: «Туда выносятъ волны только сильнаго душой!» Такимъ образомъ, въ этомъ стихотвореній Языковъ выражаетъ призывъ къ энергичной дѣятельности для осуществленія въ жизни идеальныхъ стремленій». А вотъ еще анализъ г. Смирнова: «Въ стихотвореніи «Пловецъ» (1831 г.) изображается слѣдующая картина: по широкому водному пространству бушуютъ волны, несмотря на это, челнокъ, въ которомъ находится поэтъ съ друзьями, быстро мчится впередъ; вдали... отливается солнечный свѣтъ. Поэтъ желаетъ, чтобы онъ приблизился, но буря не прекращается. Въ этомъ стихотвореніи Языковъ, безъ сомнѣнія, выражаетъ неосуществленное стремленіе къ тихой обстановкѣ взамѣнъ бурнаго разгула» (стр. 148). Эти разборы очень напоминаютъ тѣ, которые нѣкогда читатели со скукой дѣлали, сидя на школьной скамейкѣ. Г. Смирновъ, не ограничиваясь однимъ изложеніемъ содержанія съ указаніемъ главной мысли, пытается писать по стихотвореніямъ Языкова его жизнь и всякую строчку, въ которой поэтъ говоритъ отъ своего я, относитъ за счетъ Языкова. Пріемъ страшно грубый! Поэтическая вольность вездѣ есть и нельзя же переносить на автора все, что онъ пишетъ о себѣ. Это—общее правило, а Языковъ самъ же даетъ ключъ къ нѣкоторымъ своимъ стихотвореніямъ: «Я пѣлъ виновныя мечты, я посвящалъ рукой безбожной дары поэзіи подложной очамъ подложной красоты». Вообще планъ и исполненіе всей работы очень напоминаетъ планъ классныхъ сочиненій. Очевидно, у г. Смирнова очень свѣжи классныя воспоминанія. И пишетъ г. Смирновъ языкомъ вполнѣ класснаго сочиненія. Вотъ образцы стиля г. Смирнова: «Языковъ принималъ участіе въ борьбѣ славянофиловъ съ западниками, почему и самъ у послѣднихъ не оставался въ долгу, въ смыслѣ отрицательныхъ и рѣзкихъ отзывовъ о его поэзіи» (стр. 2). «Воейковъ отличался безцеремоннымъ наѣздничествомъ въ литературной критикѣ» (стр. 29). «Непосредственная двухмѣсячная связь съ Пушкинымъ подѣйствовала живительно на Языкова» (стр. 85), и т. п.

П. Щеголевъ.

Эмиль Фагэ. «Политическіе мыслители и моралисты XIX вѣка. Третья серія. Стендаль, Токвиль, Прудонъ, Сентъ-Бёвъ, Тэнъ, Ренанъ». Переводъ съ французскаго А. И. Коганъ и П. А. Рождественскаго. Ц. 1 р. 50 к. У насъ (см. май 1900 г., «Библ. отд.») ужъ давался отчетъ о первой серіи крити-

ческихъ этюдовъ Эмиля Фагэ, въ которой фигурировали Де-Местръ, Бональдъ, г-жа Сталь, Бенж. Констанъ, Ройе-Коларъ и Гизо. Это—люди, дѣятельность которыхъ, по мнѣнію автора, стоитъ въ положительной или отрицательной связи съ великой революціей; они или боролись съ ней, или поддерживали ея принципы. Вторая серія (она еще не переведена) посвящена мыслителямъ, вѣрившимъ въ необходимость и возможность организаціи новой «духовной власти» (pouvoir spirituel), которая должна была руководить совѣстью и просвѣтить волю. Это—Сенъ-Симонъ, Фурье, Ламне, Баланшъ, Кинэ, Кузенъ и Огюстъ Контъ. Серія мыслителей, собранныхъ въ настоящемъ томикѣ, не имѣетъ даже такой очень общей объединяющей особенности, которая связываетъ мыслителей двухъ первыхъ серій. Фагэ самъ первымъ долгомъ отмѣчаетъ ихъ, такъ сказать, разношерстность; но, тѣмъ не менѣе, и настоящая книжка находится въ связи съ двумя другими. Если Сенъ-Симонъ, Фурье и др. были апостолами новой духовной власти, искренно и горячо стремились водворить ее, то люди настоящей серіи какъ нельзя болѣе убѣдительно доказываютъ несостоятельность этихъ полумистическихъ исканій. Это—«или скептики, или позитивисты, или простые наблюдатели».

Остановимся пока на этомъ пунктѣ. Что скептицизмъ мало вяжется со страстной пропагандой новой духовной власти, это понятно само собой; что «простые наблюдатели» мало объ этомъ заботятся, это, говоря вообще, тоже естественно; не менѣе естественно и то, что позитивизмъ не представляетъ для такой проповѣди очень удобной почвы. Но вѣдь никто не станетъ спорить съ тѣмъ, что Контъ позитивистъ; между тѣмъ, Фагэ помѣщаетъ его по сосѣдству съ Ламне и находитъ въ немъ черты пророка новой духовной власти. Позитивная религія—терминъ, принадлежащій самому Конту, и терминъ, который отвѣчаетъ цѣлой системѣ. Значитъ тутъ не все такъ гладко, значитъ самъ по себѣ позитивизмъ не препятствуетъ концепціи духовной власти, хотя бы очень своеобразной. Почему же Прудонъ и Тэнъ, которыхъ Фагэ имѣетъ тутъ въ виду главнымъ образомъ, говоря о позитивистахъ, должны были констатировать несостоятельность Конта? Не придется ли искать другого объясненія.

Фагэ убѣжденъ, что потребность въ духовной власти всегда будетъ существовать, что индивидуализмъ, несмотря на упорную борьбу съ этой потребностью, не преодолѣетъ ея окончательно, и если для духовной власти не найдутъ новаго выраженія, она воскреснетъ въ своихъ традиціонныхъ формахъ. Поэтому Фагэ серьезно ожидаетъ во Франціи XX вѣка возстановленія католицизма или протестантизма. Онъ, правда, открещивается всѣми силами отъ такого явленія, но для насъ характерна самая вѣра. Фагэ не скрываетъ и своихъ желаній. Онъ хотѣлъ бы, чтобы XX вѣкъ принесъ его родинѣ нѣчто другое—аристократію; соціальная конструкція этой аристократіи для него совершенно неясна, но вѣдь для такихъ пожеланій это не важно. Онъ только хочетъ, чтобы она научилась не быть эгоистичной, чтобы тѣмъ сохранить за собою господство: вѣдь всѣ аристократіи гибли вслѣдствіе эгоизма своихъ членовъ; спасеніе ея въ послѣдовательномъ осуществленіи славнаго девиза: liberté, égalité, fraternité; равенство—это антитезисъ свободы; свобода аристократична; равенство—демократично, т.-е. деспотично (для Фагэ это одно и то же); синтезъ между ними заключается въ братствѣ. Отсюда выводъ, что въ человѣчествѣ есть одинъ активный элементъ любовь, а въ частности патріотизмъ.

Такой политическій сентиментализмъ (мы затрудняемся иначе квалифицировать мечтанія нашего автора) какъ нельзя болѣе характеренъ для Фагэ. Въ угоду ему онъ распредѣлилъ «моралистовъ и политиковъ» по тремъ совершенно произвольнымъ серіямъ; въ угоду ему онъ избралъ только тѣхъ, которые у него фигурируютъ; въ угоду ему онъ остановился только на тѣхъ сторонахъ міросозерцанія своихъ мыслителей, которыя характерны именно съ этой стороны. Для

того, чтобы раскрыть всѣ передержки и подтасовки (повидимому, въ большинствѣ случаевъ неумышленныя), понадобилось бы подробно проанализировать всѣ три серіи, что мы не можемъ сдѣлать въ короткой рецензіи. Мы только въ самыхъ общихъ чертахъ намѣтимъ самыя главныя изъ напрашивающихся въ изобиліи возраженій.

Ясно, что если дѣло идетъ о доказательствѣ постепенной смѣны господствующаго моральнаго и политическаго міросозерцанія, то прежде всего необходимо считаться съ хронологіей. Между тѣмъ, Гизо и Ройе-Коларъ фигурируютъ въ первой серіи, а Стендаль въ третьей. Между тѣмъ, міросозерцаніе двухъ первыхъ характерно, главнымъ образомъ, для сороковыхъ годовъ, а міросозерцаніе послѣдняго для тридцатыхъ; мы выбрали яркій примѣръ. Чтобы провести принципъ послѣдовательности, потребовалась бы такая капитальная перетасовка, что отъ схемы Фагэ не осталось бы ровно ничего. Это значитъ, что говорить о несостоятельности цѣлаго міровоззрѣнія нельзя; если ужъ очень хочется Фагэ, можно констатировать нѣсколько отдѣльныхъ несостоятельностей. Это разъ. А, во-вторыхъ, если даже эта несостоятельность подмѣчена вѣрно и характерна, какъ общій симптомъ, уполномочиваютъ ли только разсмотрѣнные мыслители говорить о нихъ, какъ о выразителяхъ міросозерцанія данной эпохи или даннаго общества. Вотъ тутъ-то и кроется самая капитальная передержка. Почему въ послѣдней серіи нѣтъ двухъ такихъ мыслителей, какъ Луи-Бланъ и Мишле. Вѣдь, во всякомъ случаѣ, они являются политиками не въ меньшей мѣрѣ, чѣмъ, напр., Стендаль, и моралистами не въ меньшей мѣрѣ, чѣмъ, напр., Токвиль. А если поставить ихъ рядомъ съ Прудономъ и постараться привести въ связь всѣхъ троихъ, отъ характеристики Прудона, данной Фагэ, не останется ровно ничего, и вся конструкція потребуетъ капитальнѣйшей переработки. Тутъ ужъ придется говорить не о несостоятельности идеи духовной власти, а о ростѣ идеи общественной солидарности, которой Мишле сослужилъ такую службу своимъ художественнымъ талантомъ и трезвымъ соціальнымъ чувствомъ. А идеями Луи Блана (конечно, переработанными) до сихъ поръ питается значительная часть французскаго общества. Да наконецъ, развѣ литература, та литература, которую имѣетъ въ виду Фагэ, цѣликомъ отражаетъ ростъ общественнаго самосознанія. Не много ли онъ хочетъ отъ Тэна и Ренана? Чтобы изрекать такіе приговоры, нужно обращаться не къ классикамъ, а порыться въ брошюрахъ, листкахъ, газетахъ и журналахъ, гдѣ эстетическое чувство строгого академика будетъ на каждомъ шагу возмущаться. Сколько поправокъ потребовала бы его схема! Опасно ставить соціальные діагнозы и прогнозы съ такими методами критики и вдвойнѣ опасно считать доказаннымъ аналитическимъ путемъ то, во что заранѣе установила вѣра.

Къ сожалѣнію, мѣсто не позволяетъ намъ входить въ разсмотрѣніе отдѣльныхъ этюдовъ; мы бы могли сильно подтвердить вышеизложенныя общія соображенія. Русскій переводъ, въ сравненіи съ подлинникомъ, языкъ котораго сверкаетъ и искрится, доводя читателя до одурѣнія своими парадоксами, очень блѣденъ; не все въ немъ ладно по части терминологіи и собственныхъ именъ (на стр. 95 переводчики сдѣлали капитальное географическое открытіе: Тюрингія оказалась во Франціи), но въ общемъ удовлетворителенъ.

А. Дживелеговъ.

Г. В. Штоль. «Миѳы классической древности». Переводъ съ нѣмецкаго В. И. Покровскаго и П. А. Медвѣдева. Изданіе третье, свѣренное съ пятымъ нѣмецкимъ изданіемъ, съ приложеніемъ карты древней Греціи. Томъ второй. Съ 49 политипажами. 1899. (551 стр.). Цѣна 3 р. «Миѳы классической древности» Штоля давно пользуются у насъ заслуженной извѣстностью. Книга эта предназначается для юношества, и съ нею обыкновенно знакомятся на школьной скамьѣ. Имѣя въ виду познакомить читателей съ богатымъ содер-

жаніемъ древне-классической миѳологіи, авторъ не задается никакими научными цѣлями, а только излагаетъ содержаніе миѳовъ, располагая ихъ въ такой последовательности, которая можетъ быть названа хронологической или, лучше сказать, прагматической, такъ какъ о хронологіи миѳовъ можно говорить только условно. Излагая какой-либо миѳъ, авторъ обыкновенно выбираетъ наиболѣе интересную его обработку въ литературѣ и передаетъ его содержаніе, строго придерживаясь текста подлинника. Это обстоятельство дѣлаетъ книгу очень удобной для введенія не только въ миѳологію грековъ и римлянъ, но и въ область древне-классической литературы и искусства, которыя находятся съ нею въ такой тѣсной связи.

Второй томъ книги Штоля (первый томъ вышелъ третьимъ изданіемъ въ 1896 году) излагаетъ обширный циклъ миѳовъ о Троянской войнѣ. Сообразно съ принятой системой изложенія, въ зависимости отъ источниковъ, наиболѣе подробно изложены тѣ миѳы, которые составляютъ содержаніе поэмъ Гомера, т.-е. десятый годъ войны до смерти Гектора и странствованія Одиссея послѣ Троянской войны. Кромѣ того, подробно изложены тѣ миѳы, которые послужили сюжетами трагедій Эсхила, Софокла и Эврипида. Такимъ образомъ, читатель знакомится съ содержаніемъ «Ифигеніи въ Авлидѣ», «Гекубы», «Ифигеніи въ Тавридѣ» и «Андромахи»—Эврипида, «Аякса» и «Филоктета»—Софокла, «Агамемнона» и «Эвменидъ»—Эсхила. Миѳы о странствованіяхъ Энея и о взятіи Трои изложены по «Энеидѣ» Виргилія, большая часть содержанія которой тоже нашла себѣ мѣсто въ книгѣ.

Иллюстраціи изображаютъ произведенія древней пластики, и къ нимъ приложены краткія объясненія. Алфавитный указатель миѳологическихъ именъ дѣлаетъ книгу пригодной и для справокъ. Приложенная къ книгѣ карта древней Греціи даетъ возможность оріентироваться въ главнѣйшихъ географическихъ данныхъ, встрѣчаемыхъ въ миѳахъ, хотя ея данныя довольно скудны, такъ какъ почти вовсе игнорируютъ историческую географію.

Изложеніе не лишено увлекательности, что и создало книгѣ широкое распространеніе. Внѣшность изданія можно назвать даже изящной. Всѣ эти достоинства позволяютъ надѣяться, что книга Штоля и въ своемъ новомъ изданіи встрѣтитъ тотъ же благосклонный пріемъ въ средѣ читателей и будетъ, какъ и прежде, съ пользой служить имъ введеніемъ въ обширную область древне-классической литературы и искусства. *Д. Кудрявскій.*

ЮРИДИЧЕСКІЯ НАУКИ.

А. Дукмасовъ. «Вопросы права и закона».

А. І. Дукмасовъ. «Вопросы права и закона». Спб. 1900 г. Цѣна 1 р. 50 к. Изданіе автора. Книга г. Дукмасова составилась изъ статей, которыя въ теченіе 1892—1899 гг. были напечатаны въ періодическихъ изданіяхъ: въ «Журналѣ гражданскаго и уголовнаго права», «Журналѣ Юридическаго Общества при Спб. университетѣ» и «Наблюдателѣ». Статьи эти посвящены вопросамъ, которые теперь обсуждаются законодательною властью и которыми озабочено все наше общество. Желаніе внести въ это дѣло и свою лепту побудило автора собрать ихъ въ одну книгу.

Всѣ статьи автора, за исключеніемъ одной, перепечатаны безъ измѣненій. Объ этомъ нельзя не пожалѣть. Нѣкоторыя мѣста могли бы смѣло быть выпущены, и книга отъ этого только выиграла бы. Всѣ эти мѣста не имѣютъ прямого отношенія къ тѣмъ вопросамъ, которые излагаются авторомъ съ та-

кимъ знаніемъ дѣла. Говоритъ ли авторъ о судѣ присяжныхъ, разсматриваетъ ли онъ соотношеніе началъ общественности и бюрократизма въ судебной дѣятельности или вопросъ о бюрократизмѣ въ судѣ, останавливается ли онъ на вопросѣ о предѣлахъ власти сената, какъ верховнаго кассаціоннаго суда,— авторъ вездѣ обнаруживаетъ самое близкое знакомство съ предметомъ, его выводы являются результатомъ многолѣтнихъ наблюденій, какъ судебнаго дѣятеля, чутко относящагося ко всему, что проходитъ предъ его глазами и въ чемъ ему приходится принимать активное участіе. Къ такимъ выводамъ можно и должно прислушиваться, они являются весьма цѣнными, въ особенности въ настоящее время, когда весь нашъ судебный и правовой строй находятся накануне крупныхъ реформъ.

Но чуть только авторъ попутно, а иногда и мимолетно, коснется вопросовъ, совершенно чуждыхъ ему, онъ высказываетъ сентенціи, которымъ совсѣмъ не мѣсто въ его книгѣ. Такъ, напр., на стр. 115, въ статьѣ «Бюрократизмъ въ судѣ», авторъ говоритъ: «Россія хотя и мирно, но заполоняется иностранщиной, въ руки которой, кромѣ нѣкоторыхъ и притомъ важныхъ частей территоріи, переходятъ и торговля, и всѣ наши производительныя силы, какъ это обнаружилось угрожающимъ образомъ на нижегородской выставкѣ 1896 г. и продолжаетъ обнаруживаться въ столь частыхъ извѣщеніяхъ объ открытіи у насъ разныхъ иностранныхъ предпріятій». На стр. 74, въ статьѣ «Начало общественности и бюрократизма въ судебной дѣятельности», авторъ, сопоставляя между собою главнѣйшія вѣрованія, между прочимъ, указываетъ на «исламъ, показавшій себя въ теченіе цѣлаго ряда столѣтій столь хищнымъ и мертвящимъ, и родственный ему, хотя еще болѣе низменный, еврейскій талмудизмъ». Невольно удивляешься, читая эти строки, откуда у автора такое близкое знакомство какъ съ исламомъ, такъ и съ талмудомъ. Далѣе, на стр. 66, въ той же статьѣ, авторъ говоритъ: «Бывшій ген.-губ. восточной Сибири Синельниковъ, описывая тамошнее чиновничество еще столь недавняго времени (70-хъ годовъ), выдающимися особенностями его дѣятельности выставляетъ: взяточничество, поборы, хищенія, спаиваніе народа при помощи евреевъ и пр.». Какое поразительное легковѣріе! Авторъ забываетъ, что въ восточной Сибири евреевъ очень немного, и они насчитываются тамъ десятками. При томъ же, что это за особенность въ дѣятельности сибирскаго чиновника—«спаиваніе народа», при помощи евреевъ или безъ ихъ помощи?

Всѣ эти и подобныя имъ мѣста, равно и ссылки на «Исторію Россіи» Иловайскаго (стр. 142) смѣло могли бы быть выпущены. Наличность же ихъ можетъ только смутить и предубѣдить читателя, который не ознакомится вслѣдствіе этого съ книгой цѣликомъ и пропуститъ тѣ цѣнныя данныя, которыя содержатся въ книгѣ и ради которыхъ стоитъ пренебречь указанными промахами и недочетами.

А цѣнное въ настоящей книгѣ заключается въ слѣдующемъ.

Авторъ—убѣжденный защитникъ великихъ началъ, положенныхъ въ основу судебныхъ уставовъ 20 ноября 1864 г. Отстаиванію этихъ началъ посвящены четыре лучшія статьи г. Дукмасова: «Начала общественности и бюрократизма въ судебной дѣятельности», «Бюрократизмъ въ судѣ», «Судъ и жизнь» (статья о судѣ присяжныхъ) и «Къ вопросу о судѣ присяжныхъ». Отстаивая бытіе судебныхъ уставовъ противъ недостойныхъ на нихъ посягательствъ, авторъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, даетъ яркую картину тѣхъ отклоненій отъ предначертаній великаго законодательнаго памятника 1864 г., которыя, къ сожалѣнію, приходится наблюдать въ нашемъ судебномъ строѣ.

Отмѣченныя нами статьи настолько важны, что мы хотѣли бы остановить на нихъ вниманіе читателей. Предпринятыя преобразованія въ области правосудія, говоритъ авторъ, должны быть согласованы не съ отдѣльными, хотя бы и практическими, данными, а съ общими жизненными началами. Таковыми

являются начала общественности и бюрократизма (стр. 64). *Бюрократизмъ* и *общественность* суть два начала, которыми управляются человѣческія общества и которыя, по природѣ своей, совершенно противоположны одно другому. Сущность бюрократизма, его душа, есть *личное усмотрѣніе*, проявляющееся въ приказаніи, требующемъ безпрекословнаго подчиненія и не считающемъ нужнымъ сообразоваться съ началами общежитія, т.-е. съ вѣчными и непреложными законами человѣческаго бытія; жизненная же сила общественности заключается именно въ этихъ законахъ—въ изученіи и согласованіи съ ними нашей дѣятельности; въ противоположность бюрократизму, эта дѣятельность совершается открыто, подъ живымъ контролемъ общества, а, слѣдовательно, и подъ отвѣтственностью дѣятеля. Руководителями ея служатъ разумъ и совѣсть—два высшихъ начала человѣческой природы; поэтому она такъ плодотворна и благодѣтельна. Личное же усмотрѣніе, выражая собою обыкновенно только одни личныя побужденія и стремленія—факторы измѣнчивые, безпринципные,—относится къ области низшихъ духовныхъ силъ человѣческой природы (стр. 114—115). Переходя къ вопросу о томъ, какъ *общественность* и *человѣчество* выражаются въ современной судебной дѣятельности, авторъ говоритъ: «Всѣми компетентными представителями юридической мысли признается, что *независимость* судьи должна быть полною и что только при этомъ условіи судья будетъ въ состояніи рѣшать дѣла по своей совѣсти и по своему убѣжденію, а не по указаніямъ со стороны. Между тѣмъ, продолжаетъ авторъ, у насъ теперь независимость судей признана только въ принципѣ, на дѣлѣ же осуществляется далеко не въ той мѣрѣ, въ какой это необходимо для правосудія. Теперь она существуетъ только, такъ сказать, на концѣ судебной дѣятельности—въ видѣ *несмѣняемости*, въ силу которой судья не можетъ быть устраненъ отъ должности по личному усмотрѣнію, а только на основаніи закона — по разсмотрѣніи его вины судебнымъ порядкомъ; начало же судебной службы и дальнѣйшее движеніе, какъ и награды, зависятъ всецѣло отъ личнаго усмотрѣнія. И вотъ это-то право назначенія на должность, повышенія по службѣ и награжденія составляетъ тотъ «чудодѣйственный жезлъ», при помощи котораго личное усмотрѣніе даетъ тотъ или другой тонъ всему судебному вѣдомству» (стр. 79—80).

Но, продолжаетъ авторъ, наиболѣе замѣтное для всѣхъ проявленіе личнаго усмотрѣнія—это рѣзкость обращенія предсѣдательствующаго относительно подсудимаго и его защитника, обрываніе ихъ безъ всякихъ, достойныхъ уваженія, поводовъ. Рѣзкое обращеніе предсѣдательствующаго сопровождается обыкновенно обвинительнымъ направленіемъ всего судебнаго слѣдствія, которое поэтому нерѣдко производитъ тяжелое впечатлѣніе какой-то травли подсудимаго. «Получается беззаконное, тайное соединеніе обвинительной и судейской функцій въ лицѣ предсѣдательствующаго—величайшее предательство, какое только можно себѣ представить, потому что совершается оно, прикрываясь именемъ самого правосудія! Не правильнѣе ли была бы на дверяхъ такого суда, вмѣсто словъ: «правда и милость да царствуютъ въ судахъ», написать: «Laschiate ogni speranza»? (стр. 87—88).

Приведя еще нѣсколько примѣровъ отклоненія судебныхъ порядковъ отъ велѣній судебныхъ уставовъ, авторъ переходитъ къ характеристикѣ современной прокуратуры, являющейся, по мнѣнію г. Дукмасова, самымъ крупнымъ проявленіемъ бюрократизма въ нашей судебной дѣятельности. Авторъ указываетъ на несовмѣстимость ея съ правильной постановкой судебной власти, на необходимость преобразованія ея, въ смыслѣ оставленія за нею значенія только обвинительной власти, и настаиваетъ на томъ, что законоохранительныя обязанности, нынѣ возлагаемыя на прокурорскій надзоръ, могутъ быть правильно исполняемы только судебною властью, при чемъ приводитъ поразительный случай отстаиванія судебною властью противъ прокуратуры интересовъ обвиненія (стр. 89—100).

Изъ изложеннаго видно, какъ высоко авторъ ставитъ судъ, какъ возвышенно онъ понимаетъ назначеніе судьи.

Авторъ не могъ не коснуться въ своихъ статьяхъ больного мѣста нашего судебнаго строя—предварительнаго слѣдствія. Указывая на общепризнанные недостатки предварительнаго слѣдствія, авторъ отмѣчаетъ еще одинъ крупный пробѣлъ его, — недопущеніе защиты на предварительномъ слѣдствіи. Защита обвиняемаго на предварительномъ слѣдствіи, говоритъ г. Дукмасовъ, находится въ положеніи предмета благотворительности: она поручена, какъ бы «по оказіи», представителямъ властей: судебной (слѣдователю) и даже обвинительной (прокуратурѣ), хотя и украшенной фикціей «блюстителя закона». Такъ какъ обязанности защиты несовмѣстимы съ обязанностями этихъ властей, то на судъ, подобно дѣлу Палемъ, приходитъ множество другихъ дѣлъ съ разными темными пятнами, и тамъ дѣла эти терпятъ крушеніе. Будь у Палемъ защитникъ на предварительномъ слѣдствіи, изслѣдованіе психическаго состоянія было бы произведено тогда же, и дѣло сразу рѣшилось бы правильно. Доводы, продолжаетъ авторъ, обыкновенно приводимые противъ допущенія защиты на предварительномъ слѣдствіи, далеко, однако же, не исключаютъ возможности такого допущенія. Нѣтъ основаній опасаться «разглашенія дѣла», такъ какъ слѣдователю должно быть предоставлено право держать производство или нѣкоторыя части его извѣстное время въ секретѣ, если въ томъ, дѣйствительно представится надобность (стр. 118—119). Какъ видятъ читатели, защита на предварительномъ слѣдствіи не является для автора пугаломъ, котораго ужасаются наши судебные дѣятели, большинство которыхъ считаетъ допущеніе защиты на предварительномъ слѣдствіи гибелью всего судебнаго строя и правосудія, когда честному судебному дѣятелю не остается иного исхода, какъ подать въ отставку!

Въ статьяхъ, посвященныхъ суду присяжныхъ, авторъ горячо отстаиваетъ жизненность этого института, сохраненіе котораго въ его настоящемъ видѣ представляется необходимымъ. Авторъ, впрочемъ, желалъ бы внести одну поправку. Онъ настаиваетъ на необходимости сдѣлать функціи присяжныхъ доступными провѣркѣ и установить отвѣтственность ихъ не только за подкупъ, но и за всѣ вообще случаи неправосудія. Для этого авторъ рекомендуетъ снять тайну съ совѣщанія присяжныхъ засѣдателей посредствомъ записанія въ особомъ протоколѣ въ совѣщательной комнатѣ, кто изъ нихъ подалъ голосъ *за*, кто *противъ* обвиненія (стр. 150—151).

Съ подобной поправкой мы никакъ не можемъ согласиться. Намъ она представляется крайне опасной для правосудія и потому нежелательной. Вся сила суда присяжныхъ заключается въ его независимости. Независимость же присяжныхъ можетъ существовать только при сохраненіи тайны ихъ совѣщаній. Только при этой тайнѣ существуетъ гарантія, что присяжный засѣдатель, подавая въ совѣщательной комнатѣ свой голосъ за обвиненіе или за оправданіе подсудимаго, руководствуется только своимъ убѣжденіемъ, своею совѣстью. Подобная поправка, предлагаемая авторомъ, насъ, сверхъ того, удивляетъ, ибо въ другомъ мѣстѣ, на стр. 177, авторъ, говоря также о судѣ присяжныхъ, совершенно основательно замѣчаетъ, что въ рѣшеніи судебныхъ дѣлъ для судьи можетъ быть только одинъ руководитель — его совѣсть. При предлагаемой же авторомъ поправкѣ вносится въ рѣшенія судебныхъ дѣлъ элементъ посторонній, въ видѣ внѣшняго давленія, неизбѣжнаго при открытой подачѣ присяжными засѣдателями голосовъ.

Мы не могли исчерпать всего богатаго содержанія книги г. Дукмасова. Отмѣченныя нами статьи прочтутся съ большимъ интересомъ и не спеціалистами. Поэтому мы и рекомендуемъ книгу г. Дукмасова всѣмъ интересующимся затронутыми въ ней вопросами.

Книгу свою г. Дукмасовъ посвящаетъ университету, великому учителю, съ которымъ неразрывно связаны и лучшіе годы жизни, и самыя свѣтлыя стремленія души. *Э. М—съ.*

ИСТОРІЯ ВСЕОБЩАЯ.

Ed. Gibbon. «The decline and fall of the roman empire» — *Инсаровъ.* «Современная Франція».

The decline and fall of the roman empire. by Edward Gibbon. Edited by J. B. Bury. Vols I—VII. London. 1897—1900. Въ 1896 году, по поводу столѣтней годовщины со дня смерти Гиббона, въ Британскомъ музеѣ, по распоряженію королевскаго историческаго общества, были выставлены въ витринахъ для интересующихся собственноручныя замѣтки и автографы историка. Одна изъ нихъ касается измѣненія, которое Гиббонъ счелъ нужнымъ внести въ фразу предисловія, когда онъ готовилъ второе изданіе своей книги. Эта фраза въ первомъ изданіи читается такъ: «переворотъ, который всегда будетъ вспоминаться и который еще ощущаютъ всѣ земные народы». Гиббонъ придалъ ей такой видъ: «...паденіе римской имперіи,—вліяніе языка, религіи и законовъ которой долго сохранится въ нашей странѣ и въ сосѣднихъ странахъ Европы». Рукописная замѣтка, сопровождающая это измѣненіе и объясняющая его, гласила: «NB. М-ръ Юмъ сказалъ мнѣ, что, исправляя свою «исторію», онъ всегда старался сокращать превосходныя степени и смягчать даже положительныя» (to reduce superlatives and soften positives»). Вотъ почему Гиббонъ и вычеркнулъ слова «земные народы» изъ фразы о вліяніи паденія Рима: «Развѣ Азія и Африка отъ Японіи до Марокко хоть какъ-нибудь помнятъ о римской имперіи?»—укоризненно спрашиваетъ себя честный англичанинъ.

Если-бы мудрому правилу Юма и Гиббона о превосходныхъ степеняхъ слѣдовали почаще біографы автора «Паденія римской имперіи», то, навѣрное, они не назвали бы этотъ трудъ безсмертнымъ и не заявили-бы (какъ это сдѣлалъ Гизо), что «après lui il ne reste plus afaire») *). Всѣ эти «превосходныя степени» совершенно излишни, когда рѣчь идетъ о книгѣ такихъ достоинствъ и такого значенія. Вполнѣ достаточно признать ее не старѣющей, т.-е. до сихъ поръ *въ своемъ цѣломъ* сохранившей научное значеніе, не смотря на вполнѣ доказанную ошибочность и явную устарѣлость нѣкоторыхъ отдѣльныхъ частей. Въ настоящей бѣглой библіографической замѣткѣ будетъ умѣстно лишь въ самыхъ общихъ чертахъ охарактеризовать нынѣшнее положеніе книги Гиббона въ исторической литературѣ. Писана была эта работа Гиббономъ въ теченіе всей его жизни; работалъ онъ надъ нею ohne Hast, ohne Rast и имѣлъ полную возможность при ея литературной обработкѣ пустить въ дѣло весь свой недюжинный литературный талантъ. Съ внѣшней стороны «Исторія» обработана замѣчательно изящно и въ исторической прозѣ можетъ по праву занять мѣсто рядомъ съ трудами Маколея и Костомарова; это обстоятельство сильно способствовало быстрому и блестящему успѣху первыхъ томовъ. Но было здѣсь налицо и другое обстоятельство: знаменитыя 15-я и 16-я главы, гдѣ авторъ говоритъ о судьбахъ ранняго христіанства, пріобрѣли сразу въ Англіи и, отчасти, во Франціи «интересъ скандала» и падкая къ такому интересу публика, даже не имѣвшая никакого касательства къ исторической

---

*) Preface de l'éditeur, стр. 46. «Histoire de la decadence» etc., Paris. 1819. T. I.

наукѣ, нарасхватъ требовала у книгопродавцевъ новыхъ и новыхъ изданій. Эти главы возбудили цѣлую полемическую бурю при своемъ появленіи и позже, вплоть до 1870—1880 гг. текущаго столѣтія ея отголоски временами давали себя чувствовать: полемика съ покойнымъ историкомъ велась довольно оживленная даже въ юбилейномъ 1896 году. Подобно тому, какъ люди, никогда не слыхавшіе о Ренанѣ, — авторѣ грамматики восточныхъ языковъ, «Аверроэса» и «Св. Павла». — полагаютъ, что всѣ его заслуги ограничиваются написаніемъ легкой, фельетонной и фразерской «Vie de Jésus», такъ точно многіе первые читатели гиббоновой «Исторіи» оставляли безъ вниманія мощную и яркую обрисовку положенія римской имперіи при послѣднихъ императорахъ и весь свой интересъ сосредоточивали на модныхъ 15-й и 16 й главахъ, которыя по своимъ внутреннимъ достоинствамъ вовсе не заслуживали такого предпочтенія. Но, кромѣ этихъ побочныхъ обстоятельствъ, книга Гиббона завоевала себѣ успѣхъ своими, дѣйствительно, рѣдкими научными качествами: глубоко-добросовѣстной и вѣской разработкою и оцѣнкою источниковъ, безпристрастнымъ и спокойнымъ, чисто научнымъ топомъ повѣствованія и поразительно стройной архитектурой изслѣдованія. Какъ общій обзоръ судебъ императорскаго Рима и восточной имперіи, работа Гиббона остается до сихъ поръ не превзойденной. Нашествіе варваровъ полнѣе разработано Годгкиномъ *), исторія церкви Гфререромъ и цѣлою плеядою другихъ изслѣдователей, исторія Византіи правдивѣе и обстоятельнѣе выяснена Успенскимъ, Папарригопуло, Васильевскимъ, Крумбахеромъ, — и все же Гиббонъ остается пока книгою, съ которой начинаютъ изученіе первыхъ полуторыхъ тысячъ лѣтъ нашей эры. У Гиббона вся громада историческаго матеріала, надъ которой онъ работалъ, связана одною мыслью—именно мнѣніемъ, что вся исторія европейскаго человѣчества отъ смерти Марка Аврелія до паденія Константинополя является однимъ сплошнымъ культурнымъ спускомъ по наклонной плоскости. Эта мысль, конечно, теперь уже не можетъ быть принята въ ея полнотѣ: разработка византійской исторіи и культуры показала ясно, что Византія вовсе не была духовнымъ кладбищемъ, что она прожила свою интересную и богатую культурную жизнь, и что смотрѣть на нее, какъ на нѣчто мертворожденное, тусклое и безцвѣтное, какъ на страну духовнаго сна—нѣтъ основаній. Но при всей ошибочности, эта мысль, проходящая красною нитью чрезъ «Исторію» Гиббона, сдѣлала ее, съ архитектурной точки зрѣнія, вполнѣ безукоризненной. Художественный талантъ историка, возвышающій до истиннаго драматизма изображеніе такихъ событій, какъ нашествіе Алариха или борьба Византіи съ арабами, его умѣнье переносить сознаніе читателя и въ душу первыхъ магометанъ, и въ лагерь Константина, и къ дикарямъ-славянамъ, — все это до сихъ поръ дѣлаетъ его книгу увлекательною, какъ талантливая беллетристика.

Нужно отдать справедливость издателю, г. Бьюри, профессору дублинскаго университета: въ обширномъ введеніи и въ примѣчаніяхъ издателя, сопровождающихъ каждый томъ, онъ передаетъ читателю весьма много любопытныхъ сопоставленій между работою Гиббона и изслѣдованіями современныхъ ученыхъ. Съ полнымъ вниманіемъ отнесся издатель къ русскимъ ученымъ: имена Васильевскаго, Успенскаго, Кондакова, Кулаковскаго (Ю. А.) пестрятъ на страницахъ примѣчаній. Эти примѣчанія и сжатое, но содержательное введеніе дѣлаютъ изданіе Бьюри лучшимъ изъ всѣхъ существующихъ. Цѣна прекраснаго изданія въ переплетахъ 42 шиллинга за 7 томовъ, т.-е. около 20 р. 50 к. У насъ есть переводъ Гиббона, но онъ слишкомъ дорогъ. Фирма Солдатенкова, издавшая въ 1885 году этотъ переводъ (г. Невѣдомскаго) оказала бы истин-

*) Hodgkin, «Italy and her invaders» (Vols I—VII).

*

ную услугу русской читающей публикѣ, если бы переиздала этотъ въ общемъ удовлетворительный переводъ, присоединивъ къ нему предисловіе и примѣчанія Бьюри и назначивъ нѣсколько меньшую цѣну. Пришлось бы только просмотрѣть транскрипцію собственныхъ именъ, которая иногда бываетъ у г. Невѣдомскаго нѣсколько произвольною (вспомнимъ указанное уже ему наименованіе французскаго ученаго Сенъ-Мартена—святымъ Мартиномъ). Такое новое, свѣренное съ изданіемъ Бьюри, исправленное и удешевленное изданіе Гиббона было бы не послѣднею заслугою фирмы К. Т. Солдатенкова предъ читающимъ обществомъ. Общедоступное изданіе явилось бы нѣсколько запоздавшею помин кою Гиббона, столѣтній юбилей котораго въ 1896 году лишь въ Россіи изъ всѣхъ цивилизованныхъ странъ прошелъ совершенно безслѣдно,—хотя историкъ Византіи, связанной съ русской исторіей, могъ бы и у насъ быть вспомянутъ не только одною единственною брошюркою г. Лютова.—*Евг. Тарле.*

Инсаровъ. Современная Франція. Исторія третьей республики. Спб. 1900 г. Изд. т-ва «Знаніе». Ц. 2 р. 50 к. Въ теченіе настоящаго столѣтія во Франціи шесть разъ перемѣнился образъ правленія—имперія, реставрація, іюльская монархія, республика 48 г., вторая имперія и третья республика. Всѣ эти правленія не отличались прочностью и долговѣчностью, и только третья республика дошла до тридцатилѣтія, переживъ рядъ критическихъ моментовъ, когда самое существованіе ея было подвергнуто сомнѣнію. Возникнувъ въ минуту жестокаго погрома, третья республика приняла тяжкое наслѣдіе, оставленное ей разнузданнымъ режимомъ второй имперіи. Возстаніе парижской коммуны усугубило трудности положенія, и если тѣмъ не менѣе Франція вышла побѣдительницей изъ всѣхъ затрудненій, это доказало, какую силу заключалъ въ себѣ французскій народъ, силу какъ матеріальную, такъ и нравственную. Но большой вопросъ, смогла ли бы Франція развернуть въ полной мѣрѣ эти силы при другомъ образѣ правленія, менѣе гибкомъ, менѣе свободномъ и менѣе устойчивомъ? Достоинство третьей республики для французскаго народа именно въ томъ и заключается, что при этомъ режимѣ всѣ, до тѣхъ поръ находившіяся въ скрытомъ состояніи, силы получили возможность придти въ дѣйствіе, и результатомъ ихъ столкновенія на безчисленныхъ путяхъ общественной жизни явилось то прочное положеніе, какое занимаетъ теперь Франція на міровой аренѣ. Если теперь приходится нерѣдко слышать упреки по адресу Франціи въ отсталости, даже въ упадкѣ ея экономическаго и умственнаго престижа, то ихъ надо брать съ большими оговорками. То, что является отсталостью и упадкомъ для Франціи, было бы величайшимъ прогрессомъ для всякой другой страны. Справедливо негодуютъ по поводу такихъ дѣлъ, какъ панамское или дѣло Дрейфуса, по поводу усиленія клерикализма или отсталости рабочаго законодательства во Франціи. Но самое раскрытіе панамскаго дѣла и волненіе всей страны изъ-за невиннаго осужденія есть величайшее торжество свободной Франціи. Усиленіе клерикализма уравновѣшивается необычайнымъ интеллектуальнымъ подъемомъ общества и рабочей массы, явившимся какъ отпоръ. Мы видимъ въ современной Франціи любопытнѣйшее и поучительнѣйшее кипѣніе всѣхъ общественныхъ силъ, которымъ дана возможность проявить себя въ дѣйствіи. На-ряду съ темными силами прошлаго, очень еще могущественными и живучими, борются силы новаго и грядущаго, борются энергично, съ упоеніемъ, съ полной вѣрой въ торжество и побѣду, что и дѣлаетъ исторію современной Франціи самой интересной и глубоко поучительной.

Книга г. Инсарова излагаетъ эту исторію очень сжато, болѣе политическую сторону, чѣмъ соціальную. Послѣдняя въ значительной степени отодвинута назадъ въ его изложеніи, что лишаетъ его книгу до извѣстной степени глубины и того значенія, какое она могла-бы имѣть, если-бы авторъ имѣлъ возможность

отвести соціальной сторонѣ столько же вниманія, сколько политической. Но это не можетъ и не должно быть возложено на отвѣтственность автора. Слишкомъ жгучи вопросы, которыхъ приходится при этомъ касаться, и сжатость изложенія мѣстами несомнѣнно имѣетъ характеръ вынужденнаго умолчанія. Зато политическая исторія изложена весьма подробно, полна блестящихъ характеристикъ и главныхъ описаній событій. Борьба партій, безчисленныя смѣны министерствъ, перемѣны президентовъ получаютъ въ изложеніи г. Инсарова правильную оцѣнку и вѣрное освѣщеніе. Въ общемъ его книга даетъ интересную и правильную картину политической жизни Франціи за тридцатилѣтній періодъ. Книга начинается съ разсказа о франко-прусской войнѣ и коммунѣ и доведена до всемірной выставки 1900 года. Такъ какъ въ нашей литературѣ вовсе нѣтъ книги, посвященной исторіи третьей республики, въ книгѣ Сеньобоса эта исторія доведена до половины 80-хъ годовъ,—то «Современная Франція» г. Инсарова, заполняя такой существенный пробѣлъ, тѣмъ самымъ уже заслуживаетъ полнаго вниманія. Написана она очень хорошо, живымъ языкомъ и читается съ неослабѣвающимъ интересомъ. Въ заключеніе отмѣтимъ еще одно достоинство книги. Хотя авторъ придерживается вполнѣ опредѣленныхъ взглядовъ, весьма ясно оттѣняя все отрицательное въ дѣятельности буржуазной республики, тѣмъ не менѣе, онъ остается вездѣ вполнѣ объективнымъ.

А. Б.

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЭКОНОМІЯ. СОЦІОЛОГІЯ.

М. Гродецкій. «Аграрный вопросъ и его соціальная роль».—*Э. Абрамовскій.* «Психологическія основы соціологіи».

Михаилъ Гродецкій, Аграрный вопросъ и его соціальная роль. (La question agraire et son role social par Michel Grodetzky. Thése d'agrégation présentée à la Faculté des sciences sociales de l'Université Nouvelle de Bruxelles. Ixelles-Bruxelles 1899 г.). Въ рецензіи на книгу Герца мы уже указывали, что въ послѣднее время традиціонный взглядъ на эволюцію аграрныхъ отношеній все болѣе и болѣе утрачиваетъ подъ собою почву. Справедливость этого мнѣнія подтверждается и лежащей передъ нами книжкой нашего соотечественника, г. Гродецкаго.

Вполнѣ справедливо, отвергая мнѣніе о тождественности индустріальной и аграрной эволюціи, авторъ указываетъ рядъ моментовъ, благодаря которымъ мелкое производство въ сельскомъ хозяйствѣ получаетъ возможность успѣшно конкурировать съ крупными. Эти благопріятные для мелкаго хозяйства моменты, по мнѣнію автора, слѣдующія: 1) большая сравнительно съ крупнымъ, производительность *хозяйства*; 2) сравнительная независимость отъ рынка; 3) способъ распредѣленія произведеннаго продукта (здѣсь авторъ имѣетъ въ виду то, что сельскій хозяинъ-капиталистъ долженъ изъ своего дохода покрыть слѣдующіе расходы: 1) процентъ на оборотный капиталъ, 2) ренту, 3) предпринимательскую прибыль и 4) заработную плату наемныхъ рабочихъ, тогда какъ для мелкаго хозяина его участокъ земли имѣетъ значеніе лишь, какъ средство приложенія его рабочей силы, какъ средство удовлетворенія его непосредственныхъ потребностей); 4) независимость отъ цѣнъ на рабочія руки.

Если, далѣе, въ техническомъ отношеніи, мелкій хозяинъ часто оказывается хуже вооруженнымъ, нежели крупный, то, въ интересующемъ насъ отношеніи, обстоятельство это не играетъ рѣшающей роли: характеръ культуры

въ мелкомъ хозяйствѣ можетъ быть таковъ, что онъ дѣлаетъ совершенно излишнимъ примѣненіе дорого стоющихъ и очень сложныхъ по всей конструкціи машинъ. Эта дороговизна, въ свою очередь, можетъ сдѣлать *экономически* нераціональнымъ примѣненіе такихъ машинъ въ крупномъ хозяйствѣ: намъ станетъ это вполнѣ ясно, если мы припомнимъ, что въ сельскомъ хозяйствѣ *рабочій періодъ*, сравнительно съ индустріей, очень коротокъ.

Первый указанный нами пунктъ—большая производительность мелкаго *хозяйства*—можетъ, пожалуй, вызвать недоумѣніе у читателя; однако, это—не подлежащій сомнѣнію фактъ, подтверждаемый рядомъ статистическихъ данныхъ. Здѣсь важно имѣть въ виду часто упускаемое изъ вниманія различіе между производительностью *единицъ труда* и производительностью *единицъ земельной площади*. Если, по производительности на единицу труда, крупное производство, несомнѣнно, стоитъ выше мелкаго, то по производительности на единицу земельной площади наблюдается какъ разъ обратное.

Авторъ не ограничивается однимъ только экономическимъ анализомъ своеобразнаго характера аграрной эволюціи: онъ предлагаетъ вниманію читателя и необходимо вытекающіе отсюда соціально-практическіе выводы, имѣющіе особенно цѣнное и жизненное значеніе для западно-европейской демократіи.

Что касается использованнаго авторомъ матеріала, то онъ и далеко не полонъ, и, за рѣдкими исключеніями, взятъ изъ вторыхъ, а иногда изъ третьихъ рукъ. Автору можно поставить также въ упрекъ и то, что онъ заходитъ слишкомъ далеко, считая чуть ли не отходную крупному производству въ сельскомъ хозяйствѣ.

Воспользуемся кстати случаемъ, чтобы указать на ошибку, въ какую впадаетъ авторъ, вслѣдъ за г. *С. Закомъ*, статьей котораго «Земля и капитализмъ» онъ очень широко пользуется. Въ своей статьѣ (Р. Б. 1898, 12, стр 63—64) г. Закъ подвергаетъ сомнѣнію общепринятое положеніе, что земледѣльческіе капиталы отличаются низкимъ органическимъ строеніемъ. На основаніи данныхъ американскихъ хозяйственныхъ переписей, онъ приходитъ къ выводу, что въ сельскомъ хозяйствѣ на одного рабочаго приходится капитала больше, чѣмъ въ обрабатывающей промышленности. Онъ сопоставляетъ, при этомъ, *только* стоимость строеній и инвентаря, такъ какъ соотвѣтствующихъ данныхъ о стоимости матеріаловъ не имѣется. Но вѣдь а priori уже очевидно, что стоимость матеріаловъ обрабатывающей промышленности гораздо выше стоимости матеріаловъ земледѣлія. Кромѣ того. г. Закъ упустилъ изъ виду еще одно важное обстоятельство: стоимость скота (2.208,77 милліоновъ долларовъ) необходимо расчленить на двѣ части — стоимость *рабочаго* скота и стоимость скота, играющаго, напр., въ скотоводческихъ хозяйствахъ, роль матеріала, и только первую часть, т.-е., стоимость *рабочаго скота*, должно было бы принять въ разсчетъ *). Тогда, несомнѣнно, у г. Зака получился бы *иной* выводъ.

І. Давыдовъ.

Эдуардъ Абрамовскій. I. «Психологическія основы соціологіи». II. «Историческій матеріализмъ и принципъ соціальнаго явленія». Переводъ съ французскаго С. И. Ершова. Изданіе магазина «Книжное Дѣло». Москва 1900. Цѣна 50 коп. Авторъ этой интересной брошюры принадлежитъ къ числу *критическихъ* сторонниковъ доктринъ экономическаго матеріализма. Не довольствуясь тѣмъ эмпирико-догматическимъ направленіемъ, какое до послѣдняго времени господствовало среди теоретиковъ экономическаго матеріализма, онъ пытается дать доктринѣ гносеологическое обоснованіе и съ этой цѣлью выяснятъ психологическія основы соціологіи.

---

*) «При откармливаніи скота... скотъ есть... подвергающійся обработкѣ сырой матеріалъ» (К. Марксъ, капиталъ, I т., стр. 136).

Свой анализъ онъ начинаетъ съ указанія на вѣчную антиномію между свободой и необходимостью. Если необходимость, генетическая точка зрѣнія царитъ въ сферѣ научнаго познанія, то въ сферѣ политики, морали, вообще человѣческой практики не меньшимъ господствомъ пользуется *идеалъ*, *свобода*, моментъ *случайности*. Разрѣшеніе этого противорѣчія возможно лишь въ томъ случаѣ, если исходнымъ пунктомъ мы возьмемъ «*то*, *что*, *неизбѣжно обусловливая явленіе, само, однако, не есть явленіе*». Такимъ исходнымъ и объединяющимъ пунктомъ является человѣкъ, какъ *мыслящее существо*, *субъектъ*. Это именно то *постоянное* въ нашемъ «я», въ нашей текучей конкретной психикѣ, что даетъ намъ возможность сознавать себя, выдѣлять въ нѣчто обособленно существующее среди массы окружающихъ насъ явленій; это *то*, благодаря чему человѣкъ сознаетъ себя тѣмъ же самымъ «я» и вчера, и сегодня, и во дни своей юности, и во дни глубокой старости. Это «я», передъ которымъ проходитъ, въ непрестанномъ процессѣ измѣненія, все существующее, вся совокупность какъ физическихъ, такъ и психическихъ явленій, *непознаваемо*, ибо оно само все познаетъ, противопоставляетъ себя всѣмъ явленіямъ. Это всепознающее и самонепознаваемое «я»—не какая-нибудь метафизическая сущность, это не кантовская *трансцендентальная апперцепція*. чистое, первоначально-неизмѣнное сознаніе: авторъ апеллируетъ въ данномъ случаѣ къ живой конкретной психологіи человѣка, къ тому, что каждый знаетъ непосредственно изъ своей повседневной практики, интуитивно.

Благодаря такому исходному пункту и возможно примирить указанное выше противорѣчіе: все то, что въ сферѣ явленія, объекта есть лишь простое звено въ непрерывной цѣпи причинъ,—здѣсь, передъ лицомъ познающаго «я», получаетъ этическій характеръ, подчиняется обязательнымъ нормамъ. Эти двѣ существенно противорѣчивыя области—субъектъ и объектъ, царство свободы, нравственной оцѣнки, и царство строгой обусловленности—образуютъ единое и недѣлимое цѣлое, обѣ онѣ—лишь составныя части единаго *принципа явленія*, который въ то же время есть принципъ мыслящаго субъекта.

Тотъ же характеръ носитъ принципъ явленія и въ сферѣ соціологіи. Соціальное явленіе не составляетъ какой-либо особой категоріи явленій, помимо явленій физическихъ и психическихъ: это тѣ же физическія и психическія явленія, но въ извѣстномъ отношеніи къ субъекту: явленіе физическое, противополагаясь субъекту, какъ бы одухотворяется и пріобрѣтаетъ *психическій* характеръ, не переставая, однако, быть *вещью*, т.-е. чѣмъ-то протяженнымъ, психическое же явленіе становится соціальнымъ тогда, когда, не переставая быть состояніемъ нашего сознанія, пріобрѣтаетъ *объективный* характеръ, является, по отношенію къ субъекту, чѣмъ-то внѣшнимъ, *обязательнымъ*, для него.

Этотъ *психо-объективный* характеръ соціальныхъ явленій послужилъ основаніемъ для возникновенія гипотезъ коллективнаго *сверхъиндивидуальнаго сознанія*. Авторъ вполнѣ справедливо настаиваетъ на томъ, что если и можно говорить о такомъ трансцендентальномъ сознаніи, то сознаніе это не существуетъ какъ бы обособленно отъ индивидуальнаго сознанія, оно сливается съ нимъ, выражая собой все *общее*, *обязательно-объективное* въ сознаніи отдѣльныхъ людей. И лишь *постольку* индивидуально-психическое становится соціальнымъ явленіемъ.

Такимъ образомъ, между индивидуальными состояніями различныхъ умовъ и соціальнымъ явленіемъ существуетъ отношеніе *элементовъ къ синтезу*. Эта синтетическая дѣятельность, превращающая сокровенно-субъективное въ соціальное явленіе, въ нѣчто объективное, общеобязательное, выполняется *мыслящимъ субъектомъ*, *апперцепціей*. Превращая все физическое и индивидуально-психическое въ соціальное, апперцепція тѣмъ самымъ обнаруживаетъ

свой глубоко соціальный характеръ; она позволяетъ намъ, благодаря этому, считать человѣческій интеллектъ имѣющимъ *соціальную природу*, а индивидуума—простой абстракціей: ибо все то, что характеризуетъ одно «я» въ отличіе отъ другого «я»,—все это составляетъ область инструкціи, область субъективныхъ переживаній и совершенно погашается въ апперцепціи. «Индивидуальность,—замѣчаетъ авторъ,—это *предмысленная* душа, незатронутая мыслью туманная масса чувствовательной интуиціи.

Здѣсь же находитъ себѣ разрѣшеніе и вопросъ объ отношеніи личности къ обществу: это—отношеніе интуитивной (предмысленной) стороны нашего сознанія къ его апперцептивной сторонѣ.

Итакъ, въ результатѣ предыдущаго анализа оказывается, что послѣдней инстанціей, къ которой приходится апеллировать въ области соціологіи, является *апперцепція*, самъ *мыслящій субъектъ*; и соціальныя явленія суть лишь его *объективація*. Поэтому-то, къ явленіямъ соціальной жизни, помимо генетической точки зрѣнія, и прилагаются моральные критеріи. «Все, проникнутое апперцепціей,—говоритъ авторъ,—представляетъ открытое поле для этическихъ нормъ, для свободы идеала. Апперцепція *морализуетъ* явленія... Приложеніе къ соціальному міру двойного метода—творческаго и научнаго—навязывается само собой: всюду, гдѣ человѣкъ находитъ самого себя, тамъ, наряду съ причинностью, всегда появляется цѣлесообразность, долгъ, идеалъ, обладаетъ *случайностью*, присущей субъекту».

Марксизмъ очень долго грѣшилъ и грѣшитъ противъ справедливости этой мысли: его теоретики неоднократно выражались такъ, словно жизнь безъ остатка дѣлится на науку; но этотъ свой теоретическій постулатъ они постоянно сами же опровергали своей практической дѣятельностью, своими непрестанными и успѣшными стремленіями къ осуществленію своихъ идеаловъ. И въ этомъ случаѣ, какъ и всегда, жизнь оказалась самымъ строгимъ и неумолимымъ критикомъ.

Установивъ принципъ соціальнаго явленія, по которому *оно* есть не что иное, какъ *объективація человѣка, какъ мыслящаго существа*, авторъ примѣняетъ далѣе этотъ принципъ къ доктринѣ экономическаго или, какъ онъ выражается, историческаго матеріализма. Въ своемъ отношеніи къ этой доктринѣ, онъ, на нашъ взглядъ, стоитъ на правильной точкѣ зрѣнія. Отвѣтъ на вопросъ: чѣмъ именно опредѣляется соціальная организація?—онъ ищетъ не въ «экономической структурѣ», «производительныхъ силахъ» и т. п., а «въ самомъ человѣкѣ, какъ единственномъ конкретномъ элементѣ, неразрывно соединяющемъ въ себѣ индивидуальную и соціальную сторону міра, мысль и природу, цѣлесообразность и чувствованіе». Экономическій «факторъ» не можетъ быть выдѣленъ, изъ цѣлаго соціальной жизни, въ видѣ опредѣляющей причины; если политика и идеологія являются слѣдствіемъ экономіи, то, съ тѣмъ же правомъ, можно утверждать и обратное, что экономія есть слѣдствіе политики и идеологіи: въ живомъ общественномъ человѣкѣ, съ его разнородными потребностями и способностями, все это слито воедино, какъ едины и цѣлостны его аффективная жизнь и мысль *).

Таково отношеніе автора къ доктринѣ экономическаго матеріализма. Къ сожалѣнію, мѣстами онъ выражается не совсѣмъ ясно и точно и можетъ дать поводъ заподозрить его въ дуализмѣ, хотя дуалистическая точка зрѣнія ему совершенно чужда.

Даваемый имъ анализъ трехъ главныхъ историческихъ моментовъ—рабскаго хозяйства, феодальнаго и современнаго капиталистическаго—далеко не-

---

*) Аналогичный этому взглядъ, въ иной формулировкѣ съ иной аргументаціей, читатель найдетъ въ очеркѣ *І. Давыдова*: «Что же такое экономическій матеріализмъ?» Изданіе В. Н. Головина. Харьковъ. 1900 г.

удовлетворителенъ: анализъ этотъ очень кратокъ, а мѣстами поверхностенъ. Автору, повидимому, остались неизвѣстными новѣйшія изслѣдованія по античной исторіи, которыя въ иномъ свѣтѣ, чѣмъ это принимали раньше, рисуютъ роль свободнаго труда въ древнемъ мірѣ.

Несмотря на эти и нѣкоторые другіе мелкіе недочеты, брошюра г. Абрамовскаго заслуживаетъ серьезнаго вниманія, какъ одна изъ попытокъ дать доктринѣ экономическаго матеріализма прочное гносеологическое обоснованіе и выяснить ея истинный, непротиворѣчивый и чуждый догматизма характеръ.

Переводъ выполненъ удовлетворительно. Только напрасно переводчикъ не разбивалъ часто встрѣчающихся длинныхъ періодовъ на болѣе короткія фразы: это въ значительной степени облегчило бы для читателя, не искусившагося въ тонкостяхъ гносеологіи, усвоеніе мыслей автора. Напрасно также, вмѣсто общепринятаго выраженія «*денежное* хозяйство», онъ употребляетъ «*монетное* хозяйство».

I. Давыдовъ.

НОВЫЯ КНИГИ, ПОСТУПИВШІЯ ВЪ РЕДАКЦІЮ ДЛЯ ОТЗЫВА

(съ 15-го августа по 15-ое сентября 1900 г.).

Гётчинсонъ. Вымершія чудовища. Изд. кн. маг. «Знаніе». Ц. 1 р. 20 к. Спб. 1900 г.

Саловъ. Три разсказа. Изд. ред. журн. «Читатель». Мск. 1900 г. Ц. 75 к.

И. Потапенко. Докторъ Кочневъ и др. разск. Изд. кн. скл. Ефимова. Мск. 1900 г. Ц. 1 р. 50 к.

И. Потапенко. Безъ промаха и святочные разсказы. Изд. кн. скл. Ефимова. Мск. 1900 г. Ц. 1 р. 50 к.

И. С. Тургеневъ. Неизданныя письма къ г-жѣ Віардо и его французскимъ друзьямъ. (1846—1882). Собр. и изд. г. Гальперинымъ-Каминскимъ. Мск. 1900 г. Ц. 2 р.

Теодоръ Іеске-Хоинскій. Заходящее свѣтило. Ком. изъ врем. Марка-Аврелія. Перев. съ польск. М. Коссовскаго. Мск. 1900 г. Ц. 1 р. 50 к.

Э. Вернеръ. Ром. Перев. съ нѣм.: Фата-Моргана. Ц. 1 р. 50 к. Смѣлымъ Богъ владѣетъ. Ц. 1 р. Вольной дорогой. Ц. 1 р. 25 к. Судъ Божій. Ц. 1 р. Освобожденный отъ проклятія. Ц. 1 р. 50 к. Заколдованное золото. Ц. 1 р. Въ добрый часъ. Ц. 1 р. Эгоистъ. Ц. 1 р. Изданія кн. скл. Ефимова. Мск. 1900 г.

І. А. Томсонъ. Жизнь животныхъ. Вып. I. Съ 15 рис. Изд. магаз. «Книжное Дѣло». Мск. 1900 г. Ц. 30 к.

Саловъ, И. А. Несобравшіяся дрожжи. Разск. Изд. журн. «Читатель». Мск. 1900 г. Ц. 60 к.

М. Д. Бутинъ. Сибирь, ея до-реформенные суды и условія веденія торговыхъ и промышл. дѣлъ до сооруженія Сиб. ж. д. Спб. 1900 г.

Федченко, Б. и Флеровъ, А. Водяныя растенія Средней Россіи. Иллюстр. опредѣлитель водяныхъ растеній. Мск. 1900 г. Ц. 25 к.

Лидовъ. О полученіи трудно сгорающихъ углеродистыхъ газовъ. Харьковъ. 1900 г. Ц. 1 р.

И. Козловскій. Краткій очеркъ исторіи русской торговли. Вып. II (Отъ Екатерины II до наст. времени). Кіевъ. 1900 г. Ц. 60 к.

О. Мирбо. Дурные пастыри. Драма въ 5 дѣйств. Пер. съ франц. Изд. Головнина «Соврем. европейскіе беллетристы». Вып. II. Харьковъ. 1900 г.

Кальдеронъ. Сочиненія. Пер. съ исп. К. Д. Бальмонта. Вып. I. Мск. 1900 г. Ц. 90 к.

Фаресовъ, А. И. Въ одиночномъ заключеніи. Спб. 1900 г. Ц. 1 р.

Страховъ, Н. Н. О методѣ естественныхъ наукъ и значеніи ихъ въ общемъ образованіи. Изд. Матченко. Кіевъ. 1900 г.

Эртель, А. И. Офицерша. Подъ шумъ вьюги. Изд. ред. журн. «Русская Мысль». Мск. 1900 г. Ц. 15 к.

Маминъ-Сибирякъ, Д. Н. Башка. (Изъ разск. о погибшихъ дѣтяхъ). Изд. журн. «Русская Мысль». Мск. 1900 г. Ц. 10 к.

Бѣлинскій, В. Г. Полное собраніе сочиненій въ 12 т. Подъ ред. и съ примѣч. С. А. Венгерова. Томъ II съ прил. акв. портр. Спб. 1900 г. Ц. 1 р. 25 к.

Энциклопедія семейнаго воспитанія: Вып. XXII — *А. Н. Острогорскій.* Объ отношеніи семьи къ школѣ. Вып. XXIII — *В. В. Гориневскій.* О нормальной дѣтской обуви. Вып. XXIV—*П. Ѳ. Каптеревъ.* Идеи о первоначальномъ воспитаніи въ классической древности. Вып. XXV— *А. Н. Филиппов*ъ. О физическихъ упражненіяхъ дѣтей. Цѣна кажд. вып. 30 к. Изд. Родит. Кружка при Педагогич. Музеѣ. Спб. 1900 г.

Комарскій, Ф. С. Семейный университетъ. Собр. популярн. лекцій для самообразованія. Курсъ II. Спб. 1900 г. Цѣна по подпискѣ 10 р. безъ дост.; допускается разсрочка.

Литературный сборникъ въ память женщины-врача Е. П. Серебрянниковой (на учр.

стипендiи въ женск. медиц. институтѣ). Спб. 1900 г. Ц. 2 р. 50 к.

Красносельскiй, А. И. Мiровоззрѣнiе гуманиста нашего времени. Основы ученiя Н. К. Михайловскаго.

Масарикъ, проф. Чешск. универс. Философскiя и соцiологическiя основанiя марксизма. Перев. съ нѣм. П. Николаева. Изд. Солдатенкова. Мск. 1900 г. Ц. 2 р.

Китайская императрица Си-Тай-Геу. Китайское войско въ Манчжурiи. Изд. журн. «Вѣстникъ Всемiрной Исторiи». Ц. 30 к.

Религiозныя вѣрованiя съ древнѣйшихъ временъ до нашихъ дней. Сборникъ лекцiй и статей иностр. ученыхъ и публиц. Перев. съ англ. В. А. Тимирязева. Изд. А. С. Суворина. Спб. 1900 г. Ц. 2 р.

Франко-русскiй словарь. Сост. по диксiонеру Larouss'a, инж. пут. сообщ. В. Каменскiй. Спб. 1900 г. Ц. 5 р.

М. Тихвинскiй. Методъ и система современной химiи. Изд. О. Н. Поповой. Образовательная библiотека. Спб. 1900 г. Ц. 2 р.

Д. Кайгородовъ. О длинноногихъ и длинноносыхъ птицахъ. Чтенiе для народа. (Съ рис.). Спб. Изд. А. С. Суворина. 1900 г. Ц. 20 к.

Д. Кайгородовъ. Начальная ботаника. Для городск. училищъ (съ рис.). Спб., изд. Суворина 1900 г. Ц. 60 к.

Проф. Т. Флоринскiй. Малорусскiй языкъ и украинско-русскiй литературный сепаратизмъ. Спб. 1900 г. Ц. 60 к,

Леонъ Буржуа. Воспитанiе французской демократiи. Съ прилож. ст. Дюкло— Недостатки общественнаго образованiя. Перев. съ франц. А. Зарайской. Мск. 1900 г. Изд. А. Никитина. Ц. 1 р.

Русское Общество охраненiя народнаго здравiя. Труды коммиссiи по вопросу объ алкоголизмѣ, мѣрахъ борьбы съ нимъ и для выработки нормальн. устава заведенiй для алкоголиковъ. Подъ ред. М. Н. Нижегородцева. Спб. 1900 г.

Н. Павловъ. Опытъ систематическаго сборника задачъ для начальн. обученiя ариѳметикѣ. Ч. II, 7-е исправл. изд. Казань. 1900 г. Ц. 20 к.

Министерство Финансовъ. Россiя въ концѣ XIX в. Подъ общ. ред. В. И. Ковалевскаго. Спб. 1900 г.

Министерство Финансовъ. Окраины Россiи. Сибирь, Туркестанъ, Кавказъ. Подъ ред. П. П. Семенова. Спб. 1900 г.

Н. Карышевъ. Земскiя ходатайства. 1865—1889 гг. Мск. Изд. кн. м. Ланге. 1900 г. Ц. 1 р. 50 к.

Генри Джоржъ. Синтетическая философiя Герберта Спенсера. Критич. очеркъ, перев. съ англ. С. Д. Николаева. Мск. Изд. Конусова. Ц. 20 к.

А. К. Бороздинъ. Протопопъ Аввакумъ. Очеркъ изъ исторiи умственной жизни русск. общества въ XVII в. Изд. 2-е, дополн: и испр. А. С. Суворина. Спб. 1900 г. Ц. 2 р. 50 к.

А. К. Бороздинъ. Сто лѣтъ литературнаго развитiя. Спб. 1900 г. Изд. Суворина. Ц. 50 к.

Торквато-Тассо. Освобожденный Iерусалимъ. Ч. I, II и III. Перев. съ итальянскаго Д. Минъ. Дешевая библiотека А. С. Суворина. Спб. 1900 г. Ц. 75 к.

Изданiя М. Д. Орѣхова. «Новая библiотека». Спб. 1900 г.:

А. А. Яблоновскiй. Удружилъ. Старый панъ. Осѣдлость. Ц. 8 к.

Н. Кобринская. Якимъ Мачукъ. Ц. 8 к.

Освобожденiе негровъ въ Америкѣ. Изъ ром. Герштекера. Сокращ. А. О. Ц. 10 к.

И. Н. Потапенко. Рѣдкiй праздникъ. Ц. 10 к.

Д. Н. Маминъ-Сибирякъ. Великiй грѣшникъ. Ц. 10 к.

Д. Н. Маминъ-Сибирякъ. Страшные дни. Искушенiе. Ц. 5 к.

Н. А. Некрасовъ. Сост. Ф—въ. Изд. О Н. Поповой. Спб. 1900 г.

Кн. В. В. Барятинскiй. Лоло и Лала. Спб. 1900 г. Ц. 60 к.

Евг. Чириковъ. Очерки и разсказы. Спб. 1900 г. Изд. О. Н. Поповой и А. Е. Колпинскаго. Изд. 2-е Ц. 1 р.

Бичеръ-Стоу. Хижина дяди Тома. Сокращ. перев. О. Н. Поповой. Изд. О. Н. Поповой. Спб. 1900 г. Ц. 25 к.

К. М. Фофановъ. Иллюзiи. Спб. Изд. Суворина. Ц. 2 р.

Антонъ Чеховъ. Повѣсти и разсказы. Изд. А. Маркса. Ц. 1 р. 50 к., съ пер. 1 р. 75 к.

Де-Сталь. Коринна или Италiя. Т. I и II. Новая библiотека Суворина. Спб. 1900 г. Ц. 60 к. за томъ.

НОВОСТИ ИНОСТРАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ.

«Ein Sommer in China» von Paul Goldmann. (*Лѣто въ Китаѣ*). Книга эта выходитъ вторымъ изданіемъ. Авторъ ея, журналистъ по призванію, описываетъ очень увлекательно свою поѣздку въ Китай, пребываніе въ китайскихъ городахъ. interview съ различными высокопоставленными чиновниками и т. д.

(Berliner Tageblatt).

«The six systems of Indian philosophy» by Max Müller (Longmans and C°). (*Шесть системъ индійской философіи*). Ученый авторъ этой книги, выпустившій уже въ свѣтъ не мало трудовъ, имѣющихъ цѣлью популяризировать идеи индійскихъ философскихъ школъ, разсматриваетъ теперь всѣ философскія системы Индіи и знакомитъ читателя съ ихъ главными чертами и значеніемъ въ исторіи человѣческой мысли.

(Daily News).

«Tramping with Tramps». Studies and Sketthes of Vagabond Life. By Josiah Flynt. With illustrations. (*Бродяжничество съ бродягами*). Чрезвычайно интересная книга во многихъ отношеніяхъ. Въ ней описываются жизнь и приключенія человѣка, желавшаго изучить бродягъ и познакомиться съ ихъ бытомъ, изслѣдовать отношеніе бродяжничества къ преступленію и причины этого явленія. Русскіе, германскіе, американскіе и англійскіе бродяги проходятъ передъ взорами читателя, передъ которыми раскрывается чрезвычайно любопытная страничка соціальной жизни страны.

(Athaeneum).

«Ernste Antworten auf Kinderfragen» Ausgewählte Kapitel aus einer praktischen Pëdagogik fürs Haus. Von D-r Rud. Penzig. Berlin (Ferd. Dümmles) Preis: 2,80 M. (*Серьезные отвѣты на вопросы дѣтей*). Второе, дополненное и исправленное изданіе книги, встрѣтившей въ высшей степени сочувственный пріемъ во всѣхъ кружкахъ, соприкасающихся съ обществомъ этической культуры. Авторъ выдѣляетъ изъ безчисленнаго множества вопросовъ, которыми дѣти имѣютъ обыкновеніе осыпать взрослыхъ, тѣ, которые надо считать особенно типичными для даннаго возраста. Авторъ указываетъ на огромное значеніе отвѣтовъ, получаемыхъ дѣтьми на вопросы, задаваемые родителямъ и воспитателямъ. Эти отвѣты вліяютъ на образованіе дѣтской души. Авторъ отводитъ также большое мѣсто школѣ и ея вліянію на образованіе характера. Книга проникнута глубокимъ идеализмомъ и вѣрою въ то, что соотвѣтствующее воспитаніе можетъ создать лучшихъ людей будущаго и именно эту великую задачу, какъ говоритъ авторъ,—всегда должны имѣть въ виду родители и воспитатели.

(Litterarische Echo).

«Outlines of the History of Religion» by John K. Ingram. Author of the «History of Political Economy», «A History of Slavery» etc. (Blacks). (*Очерки исторіи религіи*). Очень почтенный трудъ, давно задуманный и тщательно исполненный авторомъ многихъ, весьма солидныхъ историческихъ изслѣдованій. Эта книга должна привлечь вниманіе всѣхъ мыслящихъ и просвѣщенныхъ читателей, такъ какъ представляетъ въ высшей степени интересное изложеніе исторіи религіи.

(Literary World).

«Some Social and Political Pioneers of the Nineteenth Century» by Ramsden Balmforth (Swan Sonnenshein). (*Нѣсколько политическихъ и соціальныхъ піонеровъ девятнадцатаго вѣка*). *Цѣна: 2 ш. 6 п.* Интересные и хорошо написанные очерки, представляющіе настоящую портретную галлерею важнѣйшихъ дѣятелей нашего вѣка. Коббетъ, Фрей, Дуэнъ, Шэфтсбюри, Кобденъ, Милль, Кингсли, Карлейль, Рёскинъ, Моррисъ и др. приковываютъ вниманіе читателей въ описаніяхъ автора, ихъ жизни и дѣятельности и того вліянія, которое они имѣли на современную жизнь.

(Literary World).

«Early Childhood» by Margaret Mc. Millan. (Swan Sonnenshein). Price: 3 s. 6 d. (*Раннее дѣтство*). Эта весьма содержа-

тельная книга принадлежитъ къ области педагогической литературы, такъ какъ въ ней говорилось о воспитаніи въ первоначальной школѣ, о первыхъ впечатлѣніяхъ, получаемыхъ ребенкомъ, о нравственномъ воспитаніи, объ отсталыхъ въ умственномъ развитіи дѣтяхъ, переутомленіи и т. п.

(Bookseller).

«*From Sphinx to Oracle*» *by Arthur Silva White* (*Hurst and Blackett*) *with Illustrations and Maps. Price 16 sh.* (*Отъ сфинкса къ оракулу*). Очень интересная книга, изъ которой читатель можетъ почерпнуть свѣдѣнія о знаменитой магометанской сектѣ въ Африкѣ, основателемъ которой былъ Сади-Али-Сенусси и которая насчитываетъ теперь нѣсколько милліоновъ послѣдователей. Развитіе этой секты давно уже возбуждаетъ тревогу, такъ какъ достаточно малѣйшей искры, чтобы вызвать страшный взрывъ мусульманскаго фанатизма, который охватитъ всю сѣверную Африку отъ Средиземнаго моря до озера Чадъ.

(Morning Post).

«*Histoire de la Presse française depuis 1789 jusqu'à nos jours*» *par Henri Avenel.* (*Исторія французской печати съ 1789 г. до нашихъ дней*). Живо и увлекательно написанная исторія французской печати, изображающая въ яркихъ чертахъ ея эволюцію и ту борьбу, посредствомъ которой она достигла своего нынѣшняго развитія. Къ тексту приложено болѣе 250 портретовъ знаменитѣйшихъ публицистовъ революціи, конвента, директоріи, первой имперіи и обѣихъ реставрацій, а также важнѣйшихъ и вліятельнѣйшихъ журналистовъ Іюльской монархіи, республики 1848 г., второй Имперіи и нынѣшней республики. Къ этой портретной галлерeѣ приложены воспроизведенія текста старинныхъ газетъ «Ami du Peuple», «Vieux Cordelies», «National de 1848» и нѣкоторыхъ современныхъ газетъ.

(Temps).

«*Das Thierleben der Erde*» *von Wilh. Haacke und Wilh. Kuhnert. Verlag von Martin Oldenbourg in Berlin 1—7 Lieferung.* (*Животная жизнь на землѣ*). Это сочиненіе, выходящее выпусками, отличается отъ всѣхъ другихъ научно-популярныхъ книгъ этого рода въ томъ отношеніи, что авторы его не придерживаются строго-научной системы, дѣлающей изложеніе сухимъ и утомительнымъ для читателя, а стараются заинтересовать его яркими картинами изъ жизни природы. Читатель невольно, подъ вліяніемъ увлекательнаго чтенія, вступаетъ въ общеніе съ природой и совершаетъ прогулки вмѣстѣ съ авторами, по лѣсу, горамъ, спускается на дно морей и возносится къ облакамъ.

(Frankfurter Zeitung).

«*The English Pre-Raphaelite Painters, their associates and Successors*» *by Percy H. Bate. London.* (*George Bell and Sons*). (*Англійскіе прерафаэлиты художники, ихъ приверженцы и преемники*). Книга, заключающая въ себѣ исторію и критическій разборъ прерафаэлизма, снабжена многочисленными снимками съ картинъ прерафаэлитскихъ художниковъ и читается съ большимъ интересомъ.

(Morning Post).

«*Les problèmes politiques et sociaux à la fin du XIX siècle*» *pas Edouard Driault.* (*Политическія и соціальныя проблемы конца XIX вѣка*). Авторъ пробуетъ освѣтить политическія и соціальныя проблемы, съ которыми приходится имѣть дѣло всѣмъ великимъ державамъ, и выяснить причины политическихъ столкновеній и запутаннаго европейскаго положенія. Конечно, авторъ больше всего занимается вопросами, касающимися Франціи, и намѣчаетъ тѣ великія проблемы, которыя ей предстоитъ рѣшить.

(Frankfurter Zeitung).

«*Kriminalität und Altruismus*» *Studien über abnorme Entwicklung und normale Gestaltung des Lebens und Wirkens der Geselschaft von D-r. med. Eduard Reich. Verlag von F. W. Beeker Arnoberg. 1900.* (*Преступность и альтруизмъ*). Въ первомъ томѣ этого сочиненія разсматривается развитіе преступности и системы предупрежденія преступленій, а во второмъ—развитіе національно-экономической идеи и системы взаимности. Авторъ затрогиваетъ жгучія проблемы современной криминалистики и выясняетъ недостатки карательной системы. Онъ не особенно интересуется статистикою преступленій, но удѣляетъ много вниманія литературѣ, касающейся этихъ вопросовъ, и обнаруживаетъ при этомъ громадную эрудицію. Врядъ ли можно найти другую подобную книгу, въ которой была бы такъ подробно изложена литература вопроса.

(Frankfurter Zeitung).

«*Les écrivains et les Moeurs*» *par Henry Bordeaux* (*Писатели и нравы*). Авторъ въ отдѣльныхъ очеркахъ, имѣющихъ между собою лишь весьма слабую связь, разсматриваетъ всѣ выдающіяся явленія литературы за послѣдніе три года и ищетъ въ нихъ отраженіе нравовъ и воззрѣній общества.

(Journal des Débats).

«*Through the first Antarctic Night*» *by D-r Frederick A. Cook* (*Heinemann*). (*Во время первой антарктической ночи*). Чрезвычайно интересное описаніе экспедиціи къ южному полюсу, въ которой авторъ принималъ участіе въ качествѣ врача и антрополога. Впрочемъ, автору не пришлось производить антропологическихъ изслѣдованій.

потому что въ мѣстности, которую онъ посѣтилъ не было жителей. Экспедиція, въ которой онъ участвовалъ, была первою экспедиціей, перезимовавшей въ области южнаго полярнаго круга.

(Morning Post).

«*China, the long-lived Empire*» *by Eliza Rupamah Scidmore* (*Macmillan and C°*) *London*. (*Китай, долголѣтняя имперія*). Авторъ соединяетъ съ наблюдательностью путешественника ширину взглядовъ и способность проникать въ самую глубь вещей. По мнѣнію автора, легенда о распаденіи Китая не имѣетъ достаточно прочныхъ основаній; кризисъ, который переживаетъ теперь Китай, не представляетъ ничего новаго. Это не болѣе, какъ обыкновенная перемѣна династій, не разъ уже происходившая въ Китаѣ въ тысячелѣтніе промежутки времени. Однако китайцы, несмотря на эти перемѣны, оставались все тѣмъ же однороднымъ неизмѣннымъ и непонятнымъ народомъ, какой бы народъ ни побѣждалъ ихъ или бралъ ихъ подъ свое покровительство. Физическая выносливость и жизненность этого народа, какъ расы, замѣчательна и авторъ старается въ своемъ описаніи Китая разъяснить читателямъ эти особенности китайскаго народа. Европа присутствуетъ теперь при такомъ же періодическомъ кризисѣ, составляющемъ въ Китаѣ обычное явленіе, и изъ этого ей не слѣдуетъ выводить преждевременныхъ заключеній о паденіи и разложеніи цѣлаго государства. Авторъ подтверждаетъ свои заключенія результатами своего продолжительнаго наблюденія и изученія китайской жизни и китайскаго народа. Книга очень интересная и представляющая весьма цѣнный вкладъ въ современную литературу о Китаѣ.

(Morning Post).

«*The Scientific Basis of Morality*» *by G. Gore. London*. (*Swan Sonnenschein*). *(Научныя основы нравственности)*. Цѣль этой книги, какъ сказано въ предисловіи, доказать, что все поведеніе человѣка, его физическая, умственная и нравственная жизнь покоятся на научныхъ основахъ, т. е. что великія силы природы и научные законы являются главными руководителями жизни и та всеміpная энергія, которая дѣйствуетъ согласно великому закону природы, является главнымъ двигателемъ и силою, управляющею физическимъ, нравственнымъ, религіознымъ и соціальнымъ поведеніемъ человѣка. На 600 страницахъ своего прекрасно написаннаго сочиненія авторъ доказываетъ вліяніе науки на матеріальный, умственный и нравственный прогрессъ человѣчества. Автору можно поставить въ упрекъ однако, что онъ слишкомъ мало отводитъ мѣста современному этическому ученію.

(Morning Post).

«*Ethics and Religion*» *London*. (*Swan Sonnenschein*). (*Этика и религія*). Книга эта заключаетъ въ себѣ манифестъ, изданный обществомъ этической пропаганды съ цѣлью выяснить методы и цѣли этическихъ обществъ. Кромѣ того, въ книгѣ собраны статьи и лекціи, прочитанныя членами различныхъ этическихъ обществъ Европы и Америки, ясно указывающія тожественность ихъ цѣлей, методовъ и стремленій, несмотря на отсутствіе между ними непосредственной связи.

(Morning Post).

Издательница А. Давыдова

Редакторъ Викторъ Острогорскій.

Вся душа его возстала въ гнѣвномъ, жестокомъ протестѣ. Въ первый разъ въ жизни онъ испытываетъ настоящую страсть. Будь, что будетъ, онъ не позволитъ Элеонорѣ мѣшать ему.

Онъ машинально пошелъ по узенькой тропинкѣ, ведущей отъ террасы къ *podere* внизу и вскорѣ уже шагалъ по росистой травѣ, подъ сѣнью оливъ. Старая вилла высилась надъ нимъ, темная, похожая на крѣпость. Чья это комната тамъ, на западномъ углу, не *ея?* Нѣтъ. У него были основательныя причины помнить, что ее перевели на восточную половину дома, возлѣ библіотеки, возлѣ стекляннаго корридора. Теперь это, должно быть, окно Элеоноры.

Что же это за свѣтъ вдругъ мелькнулъ въ нихъ? Менистей закинулъ голову назадъ и смотрѣлъ съ удивленіемъ. Одно изъ оконъ, на которыя онъ смотрѣлъ, распахнулось и въ немъ показалась освѣщенная фигура. Онъ шагнулъ впередъ. Элеонора! Что-то упало возлѣ него. Онъ слышалъ трескъ сломанной вѣтки. Пораженный удивленіемъ, онъ стоялъ неподвижно и все глядѣлъ на окно. Нѣкоторое время оно оставалось открытымъ. Потомъ въ немъ опять показалась фигура, не та, что раньше. Дрожь волненія и восторга пробѣжала по его тѣлу. То была *она*.

Но окно закрыли, свѣтъ погасъ и вездѣ стало опять темно и тихо.

Тогда онъ зажегъ спичку и сталъ шарить рукой подъ ближайшимъ деревомъ. Да! Вотъ упавшая вѣтка. Но что же сломало ее? Онъ жегъ одну спичку за другой, держа ихъ въ лѣвой рукѣ, а другой взрывая сухую землю, съ помощью перочиннаго ножика. Онъ нащупалъ кучку камней и земли и думалъ сначала, что это обломокъ отъ полуразрушенной стѣны, находившейся рядомъ, но освѣтивъ эту кучку слабымъ, мерцающимъ свѣтомъ спички, онъ замѣтилъ кусочки терракотты. Его глазъ, напрактиковавшійся въ такихъ вещахъ, не могъ ошибиться. То были обломки головки, имѣвшей около 3-хъ дюймовъ между лбомъ и подбородкомъ.

Та самая головка, что онъ подарилъ Элеонорѣ въ Неми! Проборъ, раздѣлявшій волосы, сохранился нетронутымъ и прелестное очертаніе щекъ также.

Онъ узналъ эти линіи и сходство съ Люси. Онъ вспомнилъ свой разговоръ съ Элеонорой въ саду и, бережно собравъ въ одну руку кусочки, направился къ терассѣ.

— Выброшено изъ окна въ садъ, ночью, очевидно, Элеонорой. Но почему?

Онъ думалъ о томъ, что обѣ женщины были вмѣстѣ, въ полуночной тишинѣ, пока онъ шагалъ здѣсь одинъ, и въ немъ просыпалось сознаніе запутанности человѣческихъ отношеній и вліяніе рока. Но онъ бросилъ вызовъ этому настроенію, съ отвагою только что народившейся страсти и принялся обдумывать программу дѣйствій, съ рѣшимостью человѣка, который чувствуетъ, что надъ нимъ нависла гроза и понимаетъ, что главная опасность не въ силѣ внѣшняго врага, но въ чистотѣ души женщины, которую онъ любитъ.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

ГЛАВА ПЯТНАДЦАТАЯ.

— Можете ли вы выносить эту жару,—съ тревогой спрашивала Люси.

— О, скоро станетъ прохладнѣе, — былъ томный отвѣтъ.

Элеонора и Люси сидѣли рядомъ въ просторномъ старинномъ ландо; напротивъ нихъ сидѣла француженка, горничная м-ссъ Бергойнъ, Мари, молчаливая и угрюмая. На козлахъ, возлѣ кучера, правившаго тощими гнѣдками, помѣщался быстроглазый, опрятно одѣтый юный лакей, сопровождавшій дамъ въ Торре Аміата.

Они только что покинули выстроен-

ный на холмахъ городъ Орвіето, быстро спустились въ долину, лежащую къ юго-западу отъ горнаго хребта и теперь поднимались опять по противоположному склону. По мѣрѣ того, какъ они карабкались выше и выше, Люси, вниманіе которой одно время было всецѣло поглащено усталостью ея хрупкой спутницы, начинала замѣчать и цѣнить необычную красоту окружающей природы. Ея напряженный тревожный взоръ принялъ болѣе спокойное выраженіе и на душѣ у нея постепенно становилось все радостнѣе.

Налѣво, по мѣрѣ того, какъ дорога зигзагами поворачивала къ востоку, передъ ними раскидывался дивный городъ, который путешественники, видавшіе Палестину, сравниваютъ съ Іерусалимомъ, — такъ круто, высоко и обрывисто поднимается гребень горы, на которой стоитъ Орвіето, надъ темно-оранжевой бездной, такъ глубоки долины вокругъ, такъ странно и полно сливаются городскія постройки съ утесами, такъ рѣзко выдѣляется площадь большого собора, подобнаго храму Сіона.

Было 6-е іюня, и день выдался очень знойный. Дорогу покрывалъ толстый слой бѣлой пыли. Смоковницы и виноградныя лозы надъ зрѣющими хлѣбами, были уже почти въ полномъ уборѣ; между колосьями алѣли ярко-красные маки; по пыльнымъ краямъ дороги росли шпалерами дикія розы необыкновенно густыхъ и яркихъ цвѣтовъ, гладіолусы и еще какіе-то голубые цвѣты, поражая непривычный взоръ сѣверянина.

Дорога повернула назадъ, и передъ нашими путницами открылась широкая долина, имѣющая выходъ на западѣ за Орвіето—долина Пальи, съ окружившими ее съ обѣихъ сторонъ лѣсистыми холмами голубовато-зеленаго цвѣта, съ раскинувшимися по склонамъ холмовъ городами, крошечными деревушками и вьющимися, какъ лента, дорогами, съ протекающей посрединѣ темной извилистой и многоводной рѣкой. Зной лежалъ всюду — на ослѣпительно-бѣлыхъ стѣнахъ домовъ, на молодой зелени виноградниковъ, на отливающихъ золотомъ спѣлыхъ колосьяхъ, на лицахъ оборванныхъ красавцевъ дѣтей, бѣжавшихъ босикомъ и безъ шапокъ за экипажемъ, на крестьянахъ, работающихъ въ виноградникахъ, на опущенныхъ головахъ лошадей и кирпично-красномъ лицѣ возницы.

— И отчего было барынѣ не остаться въ Орвіето! — пробормотала Мари, оборачиваясь то на городъ, то на свою госпожу.

Элеонора слабо улыбнулась и потрепала дѣвушку по рукѣ.

— *Rassure toi, Marie*! Вспомни, какъ мы скоро и хорошо устроились на виллѣ.

Мари покачала завитою головкой. Если имъ за три мѣсяца удалось сдѣлать Маринату приличной и обитаемой, это еще не причина, чтобы опять забираться въ глушь.

У Люси были свои опасенія. Номинально она путешествовала подъ покровительствомъ Элеоноры Бергойнъ, но на дѣлѣ обо всѣхъ приходилось заботиться ей, и она чувствовала на себѣ серьезную и тревожащую отвѣтственность. Онѣ цѣлую недѣлю провели въ Орвіето, ради Элеоноры. Она не то, чтобы опасно заболѣла, но все же была очень слаба; при такихъ условіяхъ было, очевидно, невозможно поселиться въ какомъ то медвѣжьемъ углу, вдали отъ докторовъ и аптеки. А потому онѣ пріютились въ маленькой итальянской гостинницѣ на краю города и кое-какъ убивали время.

Нѣтъ, все это, навѣрное, сонъ — этотъ знойный вечеръ, старая оборванная коляска, незнакомая пыльная дорога—и она сейчасъ проснется въ своей комнаткѣ въ Маринатѣ, съ окномъ, выходящимъ на Монте-Каво.

Но едва эта мысль промелькнула въ головѣ Люси, какъ она снова почувствовала на своемъ лицѣ дыханіе свѣжаго утренняго вѣтерка, вѣявшаго имъ въ лицо, когда онѣ съ Элеонорой мчались чуть свѣтъ внизъ по склону холма Маринаты, затѣмъ по улицамъ Альбано, уже оживленнымъ и шумнымъ, несмотря на раннiй часъ утра, и по краю страннаго зеленаго кратера Ариціи, который

точно глядитъ вверхъ, на большой віадукъ Пія IX-го, — все дальше, къ Чеккинѣ, станціи желѣзной дороги, проходящей внизу по равнинѣ.

Это было бѣгство—какъ же назвать иначе задуманное въ ночь наканунѣ, когда врожденный здравый смыслъ подсказалъ Люси, что единственный способъ обезпечить спокойствіе себѣ и Элеонорѣ — это уйти, поставить точку теперь же, не давъ развиться положенію, избѣжавъ всякихъ дальнѣйшихъ сценъ съ м-ромъ Мэнистеемъ.

Она припоминала подробности—записку, оставленную тетѣ Пэтти, съ предупрежденіемъ, что онѣ, пользуясь утренней прохладой, отправились въ Римъ за покупками; затѣмъ телеграмму съ надписью «Спѣшная», посланную позже, когда Мэнистея уже не могло быть на виллѣ, такъ какъ въ этотъ день его друзья, клерикалы и ультрамонтаны, давали своимъ противникамъ генеральное сраженіе, въ которомъ Мэнистей былъ обязанъ принять участіе; потомъ пріѣздъ изумленной и запыхавшейся тети Пэтти въ маленькій отель, гдѣ онѣ скрывались отъ знакомыхъ; наконецъ, долгія совѣщанія — сначала тети Пэтти съ Элеонорой, потомъ ея же съ Люси.

Странная маленькая женщина эта тетя Пэтти! Что ей извѣстно? Догадалась ли она обо всемъ? Что произошло между нею и м-рсъ Бергойнъ? Когда онѣ съ Люси, наконецъ, остались однѣ, дѣвушка чуткой душой угадала въ старушкѣ какое-то отчужденіе, сдержанность; не чувствовалось того расположенія, той доброты, съ какой она прежде всегда относилась къ своей гостьѣ. Можетъ быть, тетя Пэтти осуждала ее? Можетъ быть, у нея были свои планы и тайныя надежды относительно своего племянника и м-ссъ Бергойнъ, и Люси, изъ непростительнаго честолюбія, встала имъ поперекъ дороги?

Какъ бы тамъ ни было, Люси угадала невысказанный упрекъ: «Вы, должно быть, поощряли его»,—и за нимъ, быть можетъ неискоренимую гордость рода и положенія въ обществѣ, дѣлавшую ее, Люси, неподходящей партіей для Эдуарда Мэнистея. Въ глубинѣ души у Люси до сихъ поръ болѣло и ныло при воспоминаніи объ этомъ получасовомъ разговорѣ съ тетей Пэтти.

Но она не выдала себя ничѣмъ, и въ заключеніе тетя Пэтти со слезами расцѣловала ее, жалобно восклицая:

— Это очень-*очень* хорошо съ вашей стороны! Вы позаботитесь объ Элеонорѣ?

Люси еще слышала свой отвѣтъ: — «Конечно! конечно!»—И тутъ же недоумѣвающее восклицаніе тети Пэтти:— «Еслибъ только кто-нибудь посовѣтовалъ мнѣ, что мнѣ дѣлать съ *нимъ*!»

Потомъ ей вспомнилось, какъ она, по уходѣ тети Пэтти, стояла передъ окномъ, глядя на узенькій переулокъ и съ изумленіемъ спрашивая себя, почему это «очень хорошо» съ ея стороны и почему всѣ, даже она сама, считаютъ ее какъ будто виноватой и отвѣтственной за такое разстройство всѣхъ ихъ плановъ? Ей вдругъ захотѣлось смѣяться, такъ это все было запутано и странно.

И опять сердце ея затрепетало отъ боли и жалости, когда въ ушахъ ея зазвучалъ надтреснутый голосъ Элеоноры:

— Къ чему говорить, что вы ничего не знаете, что онъ ничего не сказалъ! Не все ли равно! *Я* знаю. Если вы останетесь, онъ не дастъ вамъ покоя—его воля непреклонна. Если вы уѣдете, онъ догадается, что это устроила я. У меня не хватитъ физическихъ силъ скрыть свое участіе, а онъ можетъ быть очень жестокъ, когда ему идутъ наперекоръ. Что мнѣ дѣлать? Я пожелала бы прямо домой, но я могу умереть въ дорогѣ. А, впрочемъ, почему бы и нѣтъ?

Тяжело дыша, прерывающимся голосомъ Элеонора разсказала ей о своемъ состояніи, о появленіи прежнихъ симптомовъ, вѣстниковъ возобновленія болѣзни, задержанной въ своемъ развитіи. Страхъ физической боли въ перемежку съ взрывами отчаянія одинокой убитой горемъ души — о, это было ужасно! Никогда не забыть Люси этихъ ужасныхъ минутъ, съ виду такихъ спокойныхъ, когда она сидѣла, держа руки

Элеоноры въ своихъ и глядя въ бездну тоски и скорби, внезапно раскрывшуюся передъ нею!

Тѣмъ временемъ лошади, всѣ въ мылѣ, терпѣливо карабкались выше и выше.

Вскорѣ онѣ поднялись на гребень горы, откуда, оглянувшись, можно было въ послѣдніи разъ увидать Орвіето, и очутились на обширной площадкѣ, покрытой рѣдкой, сожженной солнцемъ растительностью, по которой бродили стада овецъ и козъ, бѣлыхъ, черныхъ, коричневыхъ подъ охраной оборванныхъ пастуховъ. Мѣстами чернѣли полосы пахатной земли, и на нихъ—группы пахарей; тамъ и сямъ виднѣлись *остеріи* и возлѣ нихъ, подъ тѣнью сѣверной стѣны, столики, залитые виномъ. Фермъ почти не было видно. Разъ, посреди обнаженныхъ, выжженныхъ солнцемъ полей, показалось высокое зданіе, вродѣ фабрики или завода. Возница указалъ на него кнутомъ и промолвилъ: «*Ecco! La fattoria»!* Въ одномъ мѣстѣ открылась странная кучка подземныхъ жилищъ, съ трубами, приходившимися вровень съ землею; оттуда, словно изъ нѣдръ земли, высыпала толпа оборванныхъ пещерныхъ дѣтей поглядѣть на коляску и выклянчить у проѣзжихъ нѣсколько *soldi*.

Но была у этой сожженой солнцемъ пустыни и своя красота —дрокъ, цѣпко впивавшійся въ почву, скрѣпляя ее и оберегая отъ всего пришлаго, чуждаго. Мѣстами ѣхать приходилось по толстымъ залежамъ туфа; мѣстами же цѣлыя пространства были покрыты дрокомъ, стлавшимся золотистымъ ковромъ подъ ослѣпительно яркимъ небомъ. Огромные коршуны описывали круги надъ землею; въ рѣдкихъ лѣсахъ громко и весело заливались соловьи; всюду лежали стаями какія-то маленькія золотистыя птички. Знойный, пустынный, безводный и жаждущій край—сердце Италіи—край, гдѣ утесы всѣ изрыты могилами таинственнаго племени этрусковъ — этого Мельхиседека народовъ, пришедшаго невѣдомо откуда, «безъ отца и безъ матери»—край, на западѣ примыкающій къ полной губительныхъ міазмовъ Мареммѣ и высотамъ Аміаты, а на югѣ къ лѣсамъ Витербо.

Элеонора смотрѣла на дорогу и на поля глазами, смутно припоминавшими, съ сердцемъ, какъ всегда, преданнымъ во власть былаго, *tempo felice*, нынѣ умершаго. Это она придумала ѣхать сюда. Какъ-то разъ, въ прошломъ ноябрѣ, она съ тетей Пэтти и Мэнистеемъ, провели нѣсколько дней въ Орвіето, въ гостяхъ у своихъ итальянскихъ друзей. Обратное путешествіе въ Римъ они совершили на половину въ экипажѣ, отправившись изъ Орвіето на Больсену и Витербо, и по дорогѣ останавливались ночевать въ уголкѣ дивной и чарующей красоты, глубоко врѣзавшемся въ память и воображеніе Элеоноры. Этимъ ночлегомъ они были обязаны своимъ итальянскимъ друзьямъ, хорошо знакомымъ съ владѣльцемъ дивнаго уголка; управляющій зналъ объ этомъ знакомствѣ и пріютилъ путниковъ на ночь. Томясь отъ іюньскаго зноя, Элеонора съ горькой тоской вспоминала тотъ ясный ноябрьскій день, свѣжій воздухъ горъ, измѣнившійся уборъ деревьевъ и восторгъ Мэнистея при видѣ этой странной угрюмой природы, дубовыхъ лѣсовъ надъ Пальей и дивной церкви на *Monte-Fiascone*.

Но теперь онѣ съ Люси направлялись не въ помѣстье и не въ домъ управляющаго, гдѣ когда-то нашли пріютъ. Въ ту поѣздку, гуляя съ Мэнистеемъ въ густомъ дубовомъ лѣсу, раскинувшемся на склонѣ холма, пониже *palazzo*, они случайно наткнулись на заброшенный монастырь, гдѣ въ одномъ изъ уголковъ помѣщалась крестьянская семья, съ полуразрушенной часовней и потускнѣвшими фресками въ ней, приписываемыми Питти.

Какъ хорошо она помнила негодованіе Мэнистея при видѣ этой картины разрушенія! Онъ осмотрѣлъ каждый уголокъ монастыря и часовни, все время громя «савойскихъ разбойниковъ» и высчитывая, сколько бы стоило купить этотъ участокъ земли у «мошенниковъ»-муниципаловъ города Орвіето и возвратить его прежнимъ владѣльцамъ-кармелитамъ.

Тѣмъ временемъ Элеонора болтала съ *massaja*, женою фермера и узнала отъ нея, что въ зданіи монастыря еще уцѣлѣло нѣсколько жилыхъ комнатъ, койкакъ меблированныхъ, и что лѣтомъ изъ городскихъ обывателей, кто попроще, иной разъ пріѣзжаютъ сюда ради прохлады и перемѣны—плато вѣдь лежитъ на высотѣ 3.000 ф. надъ уровнемъ моря. Элеонора освѣдомилась, пріѣзжаютъ ли сюда англичане.

— *Inglesi! no!—mai Inglesi!*—удивилась фермерша.

Семья *contadino* состояла въ дальнемъ родствѣ съ хозяиномъ отеля въ Орвіето, и тотъ иной разъ посылалъ къ нимъ гостей. Элеонора, восхищенная красотой и безлюдностью этого уголка, записала фамилію крестьянина и всѣ подробности.

— Что если бы мы пріѣхали сюда поработать!—вскользь замѣтилъ Мэнистей, съ видимымъ сожалѣніемъ оглядываясь назадъ, когда они ѣхали обратно. И съ этого момента имя *Torre Amiata* звучало пріятно для слуха Элеоноры.

Неджели онъ вспомнитъ и пустится въ погоню за ними? Едва ли. Онъ, навѣрное, подумаетъ, что въ такую жару онѣ могли поѣхать только на сѣверъ. Ему и въ голову не придетъ искать ихъ въ Италіи.

Покачиваясь на подушкахъ экипажа, Элеонора не могла думать ни о чемъ—ни о чемъ, кромѣ послѣднихъ сценъ на виллѣ и въ Римѣ. Въ умѣ ея мелькали отдѣльныя фразы изъ ея письма къ Мэнистею. Неужели она сдѣлала его своимъ врагомъ навсегда? Мысль эта ныла въ ея душѣ, какъ живая рана, высасывавшая изъ нея кровь и силы. Но въ ея настоящемъ состояніи—страстной пожирающей ревности, эту боль было легче терпѣть, чѣмъ другое—чѣмъ боль при мысли видѣть Люси покоренной, Люси на ея мѣстѣ!

«Люси Фостеръ ѣдетъ со мной,—объяснила она въ письмѣ.—Мы хотимъ побыть немного вдвоемъ, прежде чѣмъ она уѣдетъ въ Америку. А чтобы намъ никто не мѣшалъ, мы предпочитаемъ недѣльки двѣ-три не сообщать вамъ своего адреса. Я написала папà, что на время уѣзжаю съ пріятельницей отдохнуть и набраться силъ. Вы съ тетей Пэтти легко можете устроить такъ, чтобы не было лишнихъ разговоровъ по поводу нашего отъѣзда. Надѣюсь и вѣрю, что вы это сдѣлаете. Разумѣется, если мы попадемъ въ бѣду, или въ затруднительное положеніе, мы сейчасъ же дадимъ знать объ этомъ своимъ друзьямъ».

Какъ онъ принялъ это? Иногда Элеонора думала о его гнѣвѣ и разочарованіи съ ужасомъ, иногда съ мстительнымъ наслажденіемъ, отравлявшимъ все ея существо. Элеонора Бергойнъ умирала, быть можетъ, не столько отъ болѣзни сердца, которой доктора даютъ такія длинныя названія, сколько отъ того, что ея прирожденная кротость превратилась въ ненависть и страстную злобу.

Онѣ свернули на широкое открытое мѣсто, кое-гдѣ, черезъ большіе промежутки, перегороженное проволочными изгородями. По обѣимъ сторонамъ дороги тянулись пастбища, покрытыя тощей растительностью, или же просто песокъ и камни. На западѣ, куда онѣ направлялись, изъ-за края широкаго плато выглядывали далекія багряныя вершины. На востокъ и на югъ вдоль горизонта тянулись лѣса.

Коляска свернула съ шоссе на проселочную, едва намѣченную дорогу, очевидно, составлявщую частную собственность.

— Ага! помню!—вскричала Элеонора, приподымаясь.—Вонъ тамъ *palazzo*—и деревня!

Дѣйствительно, передъ ними высилась старая вилла, построенная въ стилѣ эпохи Возрожденія, съ длинными плоскими кровлями, прелестной *loggia* и спускающимися террасами виноградниками. Деревушка изъ сѣраго камня, казалось, составлявшая отдѣльную часть утесовъ, изъ которыхъ она возникла, тѣснилась вокругъ виллы, вторгалась въ оливковые сады, карабкалась на самыя стѣны. Почва мало-по-малу становилась рыхлѣе и плодороднѣе. Кущи фиговыхъ деревьевъ и виноградники перемежались съ полями зеленѣющихъ хлѣбовъ и люцерны въ цвѣту. Навстрѣчу попадались.

крестьяне, спѣшившіе домой съ работы—мужчины верхомъ на ослахъ, женщины съ дѣтьми на рукахъ; при видѣ коляски, онѣ останавливались и глядѣли ей вслѣдъ, переговариваясь между собой.

Внезапно изъ придорожной канавы вынырнули двѣ воинственнаго вида фигуры.

— Карабинеры!—въ восторгѣ вскричала Люси.

Она успѣла подружиться съ нѣсколькими карабинерами, пока онѣ объѣзжали вокругъ Альбанскаго озера, состоящаго подъ военной охраной, и, увидавъ ихъ здѣсь, почувствовала себя, какъ бы подъ надежной защитой.

Высунувшись изъ коляски, она закивала гововой двумъ смуглолицымъ красавцамъ; тѣ улыбались ей въ отвѣтъ.

— Далеко ли отсюда до *Santa Trinita?*

— *Un miglio grasso*, *signorina* (добрая милая). *Etutto*. Но вы запоздали. Васъ ждутъ уже съ полчаса.

Возница принялъ это за упрекъ и обиженно указалъ кнутомъ на дымящіяся спины лошадей. Карабинеры разсмѣялись и, помѣстившись по обѣимъ сторонамъ коляски, проводили ее до самой деревни.

— Слушайте, мы какъ будто домой возвращаемся!—съ удивленіемъ воскликнула Люси.

Дѣйствительно, навстрѣчу имъ высыпало все населеніе деревни, только что вернувшееся съ полевыхъ работъ. На нихъ указывали пальцами, смѣялись, болтали, дружески указывали дорогу кучеру: «*Santa! Trinità*»! «*Ecco*»! «*Santa Trinita*»! — раздавалось со всѣхъ сторонъ, надъ цѣлымъ лѣсомъ поднятыхъ кверху жестикулирующихъ рукъ.

— Откуда они знаютъ?—съ удивленіемъ спрашивала Элеонора, глядя на собравшуюся толпу.

Люси обратилась съ тѣмъ же вопросомъ къ молодому человѣку на козлахъ.

— Они знали еще вчера, какъ только вы заказали коляскѣ пріѣхать. Глядите-ка, вонъ онѣ, телеграфныя проволоки. Ну, онѣ и принесли вѣсточку. Весь околодокъ знаетъ. Ихъ всегда волнуетъ пріѣздъ *forestieri*, особенно въ это время года.

— О, намъ нельзя здѣсь остаться!—простонала Элеонора, ломая руки.

— Вѣдь это только крестьяне,—утѣшала Люси, нѣжно гладя ея руку.—Вы видались съ графиней, когда первый разъ были здѣсь?

И она посмотрѣла вверхъ, на высокій желтый *palazzo*, возвышающійся надъ городкомъ, на длинный западный фасадъ его, залитый блескомъ заката.

— Нѣтъ. Ея не было. А *fattore*, у котораго мы ночевали, ушелъ отъ нихъ въ январѣ. Теперь тамъ новый управляющій.

— Но тогда вѣдь нѣтъ никакой опасности!—молвила по французски Люси глядя прямо въ глаза Элеонорѣ своимъ глубокимъ пристальнымъ взглядомъ, славно безмолвно утѣшая и ободряя ее.

Эленора невольно прижимала руку къ груди, съ тоской озираясь вокругъ и припоминая. Вотъ они уже проѣхали деревню, спускаются, въѣхали въ лѣсъ. Вотъ и бѣлыя стѣны монастыря, окна безъ стеколъ на разрушенномъ концѣ зданія, а у воротъ двора фермы, пріютившейся тутъ же—*la capoccia*, дюжая, съ грубыми чертами лица, ухмыляющаяся женщина, которую Элеонора узнала сразу.

Она съ усиліемъ заставила себя выйти изъ экипажа на пыльную дорогу. Когда она въ послѣдній разъ шла по этой дорогѣ, Мэнистей былъ возлѣ нея, и каждая жилка, каждый нервъ въ ея тѣлѣ трепетали возрождающейся любовью и радостью.

ГЛАВА ШЕСТНАДЦАТАЯ.

— Можете ли вы примириться съ такой обстановкой? Будетъ ли вамъ здѣсь удобно?—почти съ очаяніемъ спрашивала Люси.

Онѣ находились въ одной изъ четырехъ, или пяти пустыхъ комнатъ, отданныхъ въ ихъ распоряженіе. Кровать съ соломеннымъ матрацомъ, два-три сломанныхъ стула, остатки мебели, изъѣденной червями, наполняли комнату, прежде, очевидно, служившую кельей. Полъ былъ кирпичный и очень грязный. Прислоненный къ стѣнкѣ, прорванный въ нѣсколькихъ мѣстахъ холстъ съ грубымъ изображеніемъ св. Лаврентія на раскаленной рѣшеткѣ, также напоминалъ о бывшемъ назначеніи комнаты.

Элеонора и Люси накупили въ Орвіето много всякой всячины съ цѣлью устроиться поудобнѣе, но вещей ихъ еще не прислали. Въ ожиданіи, Мари плакала—разливалась въ сосѣдней комнатѣ, а хозяйка ходила удивленная, сумрачная и немножко сердитая. Гости, пріѣзжавшіе изъ Орвіето, никогда ни на что не жаловались. Чего еще этимъ барынямъ нужно?

Элеонора оглянулась кругомъ, слабо улыбнулась и шепнула:

— Это то пустяки!

Затѣмъ посмотрѣла на Люси.

— Какъ мы заботимся о васъ! Какъ вамъ у насъ хорошо и удобно!

Она уронила голову на руки и залилась истерическимъ смѣхомъ, который легко могъ перейти въ рыданія.

— Мнѣ!—вскричала Люси. — Какъ будто мнѣ не все равно, гдѣ спать и что ѣсть! Вы—другое дѣло. Когда пріѣдутъ вещи, можно будетъ устроить васъ немножко удобнѣе, но теперь — сегодня...

Она оглядѣла пустую комнату и нахмурилась.

— Дѣлать-то нечего, а то бы я сейчасъ принялась за дѣло.

— *Ecco, signora!*—съ торжествомъ вскрикнула хозяйка, внося въ комнату старое, чуть живое кресло, обитое ковровой матеріей, — повидимому, единственный предметъ роскоши, который можно было найти въ монастырѣ.

Элеонора поблагодарила, но женщина не ушла, а осталась стоять, упершись руками въ бока и наблюдая за ними. Лобъ ея былъ нахмуренъ, но лишь отъ того, что она соображала, какъ бы и чѣмъ бы умилостивить эти странныя существа, которымъ, повидимому, некуда было дѣвать денегъ.

— Ахъ!—вскричала она вдругъ,—да вѣдь барыни еще не видали нашей *bella vista!*—нашей *loggia! Santa Madonna!* Да я никакъ спятила! *Signorina!* идите-ка сюда—*venga, venga lei!*

И, сдѣлавъ знакъ Люси, она распахнула дверь въ углу комнаты, до тѣхъ поръ незамѣченную пріѣзжими. Люси и Элеонора послѣдовали за ней и даже Элеонора присоединилась къ восторженнымъ возгласамъ Люси.

— *Ecco!* Вотъ!—съ гордостью повторяла *massaja*, какъ будто весь этотъ ландшафтъ былъ ея собственностью.

— *Monte Amiata! Selvapendente-Paglia*—видите мостикъ тамъ внизу?—*veda lei?* Подъ Сельвапенденте? Вонъ тѣ лѣса на горѣ всѣ принадлежатъ *Casa Guerrini* — *tutto, tutto*, куда глазомъ ни кинь! А вонъ тотъ домикъ на холмѣ—это охотничій *casa di caccia*—бѣднаго дона-Эмиліо, котораго убили на войнѣ.

Она продолжала болтать безъ умолку на своемъ *patois*, не всегда понятномъ даже привычному уху Элеоноры, о вдовствующей графинѣ, о ея дочери и сынѣ, о новой дорогѣ, проведенной дономъ Эмиліо черезъ лѣсъ, о ремонтѣ и перестройкѣ виллы Гверини—обо всѣхъ его затѣяхъ, покончившихся вмѣстѣ съ его смертью; о синдикѣ Сельвапенденте, нерѣдко пріѣзжавшемъ на лѣто въ *Torre Amiata*; о монахиняхъ новаго монастыря, недавно выстроеннаго у подножія холма; о тамошнемъ *fattore*, сынъ котораго былъ при томъ, какъ ранили дона Эмиліо, и самъ слышалъ, какъ бѣдный молодой баринъ умолялъ своихъ людей пристрѣлить его, чтобы избавить его отъ мученій, и оставался при донѣ Эмиліо до самой его смерти и потомъ принесъ графинѣ его записную книжку и часы.

— Графиня здѣсь?—спросила Элеонора, съ испуганнымъ и напряженнымъ выраженіемъ лица; выраженіе это въ послѣднее время сдѣлалось у нея обычнымъ, словно каждая новость, сообщаемая ей, только дѣлала бремя жизни еще тяжелѣе.

— Ну, конечно, графиня здѣсь! И она, и донна Тереза безвыѣздно живутъ на виллѣ. Прежде, бывало, въ это время года онѣ уѣзжали въ Римъ и во Флоренцію, но теперь—нѣтъ, никуда.

Снизу донесся шумъ—дѣтскій плачъ и лай собаки. Хозяйка всплеснула руками, вскрикнула: «Что они дѣлаютъ съ малюткой?» и скрылась.

Люси сходила за кресломъ и кстати принесла пару шелковыхъ флорентинскихъ одѣялъ, вынутыхъ изъ дорожной корзины. Затѣмъ она разостлала ихъ на кирпичномъ полу *loggia*, принесла хромоногій столъ изъ комнаты Элеоноры, ея дорожный мѣшокъ и шаль.

— Да не хлопочите вы такъ обо мнѣ!—почти жалобно выговорила Элеонора, когда Люси усадила ее въ кресло, укутала ей ноги пледомъ и положила на столикѣ возлѣ нея книги. Люси, съ тихимъ ласковымъ смѣхомъ, наклонилась и поцѣловала ее.

— Ну, теперь надо пойти осушить слезы Мари, а потомъ сбѣгать внизъ и розыскать кухню. Говорятъ, кухарка нашлась и обѣдъ скоро будетъ готовъ. Развѣ это не мило? Я увѣрена, что и вещи сейчасъ пріѣдутъ. Въ жизнь свою не видала такой красоты! — вскричала Люси, по-дѣтски хлопая въ ладоши и поворачиваясь лицомъ къ чудному виду, открывавшемуся съ балкона на гору, лѣсъ и рѣку.—И какъ здѣсь все странно —удивительно странно! Совсѣмъ другая Италія! Взять хоть бы эти лѣса—они отлично могли бы расти у насъ въ Мэнѣ. Виноградниковъ совсѣмъ не видно — ни одного. А воздухъ—свѣжесть-то какая! Ну, развѣ это не прелесть? Развѣ придетъ въ голову, что мы на высотѣ 3.000 футъ. Я увѣрена, что здѣсь можно будетъ устроить васъ удобно. Я сейчасъ отправлю подводу назадъ въ Орвіето за всякой всячиной. И вы здѣсь живо поправитесь, совсѣмъ поправитесь—правда? Ну, скажите же, что поправитесь!

Дѣвушка упала на колѣни возлѣ Элеоноры, держа въ своихъ рукахъ исхудалыя руки больной. Ея лицо, откинутое назадъ, утратило выраженіе беззаботной веселости, углы ея рта вздрагивали.

Но Элеонора не тронулась этимъ порывомъ нѣжности. Въ сотый разъ уже за этотъ день она задавала себѣ жгучій, мучительный вопросъ: «Любитъ она его или нѣтъ?»

— Разумѣется, я поправлюсь,—молвила она небрежно, гладя волосы молодой дѣвушки,—а если и нѣтъ—что за бѣда?

Люси покачала головой и выговорила тихо, рѣшительно.

— Вы должны поправиться. И все должно уладиться.

Элеонора молчала. Въ душѣ она съ каждой минутой все яснѣй сознавала, что случившагося ни измѣнить, ни поправить нельзя и что для нея все кончено безповоротно. Но какъ сказать Люси, что теперь все ея существованіе зависитъ не отъ того, есть ли для нея самой надежда, но отъ того, чтобы этой надежды не было для Мэнистея?

Люси со вздохомъ поднялась на ноги и пошла хлопотать по хозяйству.

Элеонора осталась одна. Ея лихорадочно блестѣвшіе глаза были устремлены на западъ, горѣвшій всѣми красками заката, и синія непривѣтныя горы на горизонтѣ, но ни того, ни другого она не видѣла.

Снизу доносились веселые голоса расшалившихся дѣтей и другіе, погрубѣе—деревенскихъ кумушекъ, собравшихся посудачить о пріѣзжихъ. Вдали послышался стукъ колесъ, потомъ показалась *carro*—подвода изъ Орвіето, и за ней—вся деревня, съ живѣйшимъ интересомъ наблюдавшая за распаковываніемъ вещей, обмѣниваясь критическими замѣчаніями по поводу каждаго извлеченнаго предмета и толкая другъ дружку, чтобы протиснуться въ первый рядъ. Даже *padre parocco*—приходской священникъ и докторъ остановились поглядѣть, проходя мимо. Люси, суетившаяся около подводы, успѣла, однакоже, разсмотрѣть улыбающееся лицо молодого священника въ плоской широкополой шляпѣ и рясѣ съ капюшономъ, и рядомъ сосредоточенно-угрюмое лицо доктора, который стоялъ, разставивъ ноги, и дымилъ, какъ труба.

Но Люси некогда было вглядываться въ толпу. Она показывала возчикамъ,

куда поставить печь, привезенную изъ Орвіето, въ темной и полуразрушенной кухнѣ, помѣщавшейся въ нижнемъ этажѣ, на бѣгу восхищаясь аппетитнымъ запахомъ *risotto* и *pollo*, изготовляемыхъ ихъ новой кухаркой, мѣстной знаменитостью, сестрой ихъ хозяйки, ухитрявшейся обходиться, повидимому, и безъ огня, и безъ кухонной посуды.

Люси обо всемъ совѣтовалась съ юнымъ Чекко, который былъ не такъ изящно воспитанъ, какъ Альфредо, но не менѣе его услужливъ, и поминутно устремлялся то туда, то сюда, изъ желанія угодить своимъ барынямъ и въ надеждѣ разыскать гдѣ-нибудь ложки и вилки, чтобы накрыть на столъ. Мимоходомъ Люси утѣшала и смѣшила Мари, которая въ эту минуту была убѣждена, что Италія сущій адъ, а *Torre Amiata* — самое худшее мѣсто въ немъ.

Такъ въ этотъ мягкій прохладный вечеръ заброшенное пустынное зданіе оживилось шумнымъ веселымъ говоромъ, тяжелыми шагами мужчинъ, вносившихъ вещи, дѣтскимъ крикомъ и визгомъ, возгласами кухарки и Чекко, занимающейся мелодической итальянской рѣчью Люси. Только Элеонора была одна — и какъ тягостно было ей одиночество!

Она сидѣла на томъ же мѣстѣ, гдѣ оставила ее Люси, не двигаясь, свѣсивъ руки. Она всегда была тонка, но въ послѣднія недѣли исхудала до того, что стала похожа на тѣнь. Даже одѣта она была не такъ изысканно, какъ прежде, хотя и въ небрежности наряда сквозило врожденное изящество женщины, которая не можетъ накинуть на голову платокъ, или надѣть садовую шляпу, не постаравшись, чтобы это было ей къ лицу— особенность натуры, сохраняющаяся и въ скорби и въ отчаяніи. Всегда тонкія, а теперь обострившіяся отъ худобы черты носили печать уже не одухотворенной красоты, а болѣзни и вызывали состраданіе.

Одиночество давило ее, преслѣдовало и угнетало. Она не могла примириться съ нимъ. Она боролась съ нимъ, отталкивала его, какъ испуганный ребенокъ борется съ волной, настигающей его на берегу. Всего нѣсколько недѣль тому назадъ она была такъ счастлива, такъ богата друзьями—свѣтъ относился къ ней такъ ласково и тепло!

А теперь ей казалось, что у нея совсѣмъ нѣтъ друзей — никого, къ кому бы она могла обратиться, никого, кого ей хотѣлось бы видѣть, кромѣ этой дѣвушки—этой дѣвушки, съ которой она знакома всего какихъ-нибудь два мѣсяца и ради которой она покинута!

Элеонора думала о зимѣ, проведенной въ Римѣ, о вечерахъ, доставлявшихъ ей столько удовольствія, о женщинахъ, которыя ей нравились и которымъ она нравилась въ свою очередь, для которыхъ ея страстная потребность любить и быть любимой дѣлала ее восхитительной. Но подъ наружной привѣтливостью Элеоноры таилась гордая сдержанность, о чемъ многіе даже и не подозрѣвали. У нея не было повѣренныхъ. Она знала, что ея отношеніе къ Мэнистею понято и признано римскимъ обществомъ, что на ихъ дружбу смотрятъ, какъ на романъ, въ которомъ не столько дурно, сколько смѣшно было бы искать чего-либо скандальнаго, и многія добрыя души надѣются, что этотъ романъ кончится тѣмъ же, чѣмъ обыкновенно кончаются подобные романы. Все это она знала. Она гордилась своимъ мѣстомъ возлѣ Мэнистея, гордилась тѣмъ, что Римъ безмолвно признавалъ ея права на него. Но души своей она не открывала никому. Дикая сцена съ Люси была единственной и не имѣла себѣ ничего подобнаго въ исторіи ея жизни.

И теперь ей никого не хотѣлось видѣть—никого. Съ инстинктомъ раненаго животнаго, она отворачивалась отъ подобныхъ себѣ. Ея отецъ? Развѣ онъ когда-нибудь составлялъ что-нибудь для нея? Тетя Пэтти? Эта сочувствовала и жалѣла ее, но именно потому Элеонора была рада разстаться съ ней. Другіе родственники? Нѣтъ! Счастливая она могла любить ихъ; несчастной—ей не было до нихъ дѣла. Неудачное замужество сковало ей уста и языкъ, оледѣнило ея душу. Этотъ ледъ растаялъ только на время, только для того, чтобы источники ея жизни въ концѣ-концовъ изсякли.

Вся ея душа представляла собой одну сплошную рану. Въ ту минуту, когда она, какъ прикованная, стояла недвижно во мракѣ и видѣла, какъ Мэнистей склонился къ безчувственной Люси, и слышала, какъ онъ шепталъ слова любви и нѣжности, сѣкира упала и подсѣкла дерево ея жизни у корня.

И теперь—странная иронія судьбы—единственное сердце, въ которомъ она искала опоры, единственная рука, за которую она цѣплялась, были сердце и рука Люси!

— Зачѣмъ, зачѣмъ мы пріѣхали сюда? — вскричала она съ испугомъ, приподымаясь въ креслѣ.

Ну не нелѣпость-ли это бѣгство? Для нея оно унизительно, потому что выдаетъ то, чего ни одна женщина не должна показывать другимъ, но, какъ ударъ Мэнистею, не имѣетъ ровно никакого значенія. Смѣшно безполезно! Неужели онъ откажется отъ Люси потому только, что ей удалось спрятать отъ него дѣвушку на нѣсколько недѣль? Развѣ эта упорная, непреклонная воля спасуетъ передъ временнымъ пораженіемъ? Если бы даже ей удалось отправить Люси въ Америку, не давъ имъ повидаться между собою,—развѣ нѣтъ пароходовъ и желѣзныхъ дорогъ, чтобы привести нетерпѣливаго влюбленнаго къ цѣли его желаній? Какая глупая, ребяческая затѣя!

Да и то еще вопросъ—удастся-ли ей довести до конца задуманное? Можетъ быть, онъ уже теперь гонится за ними по горячимъ слѣдамъ? Такъ легко можетъ статься, что онъ припомнитъ это мѣсто—его уединенность и то, какъ восхищалась имъ Элеонора! Она вздрогнула и выпрямилась. Ей казалось, что она уже слышитъ его шаги по дорогѣ.

Но тутъ душа ея воспрянула, исполненная жестокаго торжества, восторга, потрясшаго все ея хрупкое тѣло. Она можетъ быть спокойна! Она прочно укрѣпилась въ сердцѣ Люси. Не такая это натура! Люси не захочетъ купить свою радость цѣною муки другого. Нѣтъ! нѣтъ! Люси не влюблена въ него!—упрямо твердилъ ея бѣдный умъ.—Она заинтересована, растрогана, возбуждена. Эдуардъ можетъ произвести впечатлѣніе на каждую женщину, если захочетъ. Но время и перемѣна мѣста скоро ослабятъ это впечатлѣніе, сгладятъ эти первыя молодыя мечты. Между ними нѣтъ истиннаго сродства—нѣтъ и не можетъ быть.

Но даже предположивъ, что она ошибается, предположивъ, что сердце Люси серьезно затронуто, все-же Элеонора могла быть спокойна. Она хорошо знала, какое впечатлѣніе произвело и производитъ съ каждымъ днемъ все сильнѣе ея горе и слабость на нѣжное сердце Люси.

Уже однимъ тѣмъ, что она будетъ жить на глазахъ у Люси, она добьется своего. Съ первыхъ дней она разгадала эту сильную, хотя и застѣнчивую натуру, и разсчитывала именно на то, чего боялся Мэнистей.

Иногда, на нѣсколько мгновеній, какъ наклоняются надъ пропастью, она воображала себя уступающей, призывающей назадъ Мэнистея, отрекающейся отъ своихъ правъ, опрокидывающей преграду, воздвигнутую ея мстительной тоской. Она долго мысленно останавливалась на возможныхъ подробностяхъ—рисовала себѣ добросовѣстное сопротивленіе Люси,—страсть Мэнистея, его нетерпѣніе, обаяніе, соблазнъ его рѣчей, сцены, въ которыхъ сдержанность Люси, вмѣстѣ съ ея красотой, только будили въ немъ всю искренность и деликатность чувства, на которыя онъ былъ способенъ и, наконецъ, тающій ледъ, смягченіе наружной суровости, подъ которой скрывалось золотое сердечко Люси. Нѣтъ! Люси не способна на страсть, возражала она себѣ, съ лихорадочной, гнѣвной настойчивостью. Какъ могла бы она ужиться съ Мэнистеемъ, со всѣми его крайностями и недостатками?

И неожиданно, въ ряду видѣній прошлой зимы, Элеонора увидала себя за письменнымъ столомъ и Мэнистея, склонившагося надъ нею; онъ взялъ у нея изъ руки перо, прислонился плечомъ къ ея плечу. Его рука была сильна, нервна и безпокойна, какъ онъ самъ. Ея романическому воображенію нрави-

лось отыскивать въ линіяхъ этой руки прихотливость и силу. Когда эта рука дотрагивалась до ея собственныхъ тонкихъ пальцевъ, ей казалось, что эти пальцы съ трудомъ удерживаются, чтобы не прижаться къ его ладони, и она поспѣшно отдергивала ихъ, чтобы какъ-нибудь не выдать себя невольнымъ движеніемъ, но все же не такъ скоро отдергивала, чтобы въ головѣ ея не успѣла промелькнуть быстрая, какъ молнія, мысль, что если броситься къ нему на грудь? Одинъ мигъ, и все будетъ сказано, все поставлено на карту! А потомъ, восторгъ, или отчаяніе,—не все ли равно?

Развѣ Люси осмѣлилась бы лелѣять такую мечту? Безумная ревность Элеоноры ликовала, при мысли о дѣвической холодности Люси, о ея «накрахмаленности», надъ которой когда-то подтрунивалъ Мэнистей. Какъ невѣроятно, что она могла привлечь его и продолжаетъ привлекать! Всѣ недостатки и несовершенства Люси проходили предъ критическимъ взоромъ Элеоноры.

Съ минуту она разсматривала ее холодно, съ ненавистью, какъ врагъ.

Но тотчасъ же въ ней произошла перемѣна—она внезапно почувствовала отвращеніе къ самой себѣ и ужасъ передъ этими новыми горькими и неизмѣнными чувствами, вторгшимися въ ея душу и крадущими ея собственное я, тѣ черты характера, которыя она безсознательно любила въ себѣ, какъ любили ихъ другіе, зная, что она поистинѣ, на дѣлѣ, то, чѣмъ ее считаютъ другіе—кроткая, ласковая, добрая отъ природы.

И въ концѣ концовъ — бѣдняжка! — все это смѣнилось приливомъ не менѣе отвратительной нѣжности и раскаянія по отношенію къ Люси, которыя, однако же, не принесли облегченія, потому что ни на минуту не ослабили безумнаго напряженія ея воли.

Серебряная ночь неслышно кралась по землѣ, поглощая краски заката, затягивая мерцающей голубой дымкой золото и пурпуръ на западѣ.

Элеонора лежала въ постели. Ловкія ручки Люси произвели волшебную перемѣну въ ея комнатѣ и теперь Элеонора на-скоро, въ приливѣ раскаянія, наказывала Мари позаботиться, хоть немного объ удобствахъ миссъ Фостеръ и распаковать ея вещи.

Люси убѣжала изъ комнатъ, заваленныхъ платьями и чемоданами. Она надѣла шляпу и легонькую накидку и тихонько вышла въ широкій корридоръ, въ который открывались съ двухъ сторонъ два ряда маленькихъ комнатокъ, когда-то служившихъ кельями кармелиткамъ. Только 5 комнатъ на западномъ концѣ зданія, «аппартаменты», занимаемые ими, сохранили еще стѣны въ цѣлости и непротекающую крышу. Въ комнатахъ, расположенныхъ дальше по корридору, окна были безъ стеколъ, штукатурка обвалилась со стѣнъ и свѣшивалась съ потолка большими кусками. На восточномъ концѣ корридора было большое окно, въ которое только недавно вставили стекло, для удобства лѣтнихъ жильцовъ. Восходящая луна лила потоки свѣта, озаряя запустѣніе бывшихъ келій, со стѣнами, позеленѣвшими отъ сырости. Свѣжій горный вѣтеръ со свистомъ врывался въ окно и свободно разгуливалъ по комнатамъ. Люси даже вздрогнула, такъ онъ былъ свѣжъ, и перестала удивляться негодованію француженки-горничной.

Потомъ она тихонько спустилась по старой каменной лѣстницѣ въ нижній этажъ. Здѣсь былъ такой же корридоръ и такія же келіи по сторонамъ его, но еще въ худшемъ запустѣніи. На дальнемъ концѣ его виднѣлся свѣтъ и слышались голоса, тамъ была кухня, гдѣ ютилась семья *contadino*. Но между массивной входной дверью, которую Люси хотѣлось открыть, и огонькомъ вдали, полъ въ корридорѣ былъ земляной, весь въ ямахъ и трещинахъ, а по сторонамъ какія-то пещеры, въ былое время служившія для склада вина и масла, монастырскими кухнями или погребами. Теперь это были черныя берлоги, которыхъ избѣгали благоразумные люди; здѣсь даже въ полдень было темно, потому что окна были заложены досками. Въ этой части корридора пахло конюшней, и Люси догадалась, что въ одной изъ дальнихъ пещеръ помѣщаются оселъ и мулъ *contadino*.

«Можно ли намъ здѣсь оставаться?»—говорила она себѣ, не то смѣясь, не то дѣйствительно дивясь и не вѣря, чтобы это было возможно.

Затѣмъ она отодвинула тяжелый желѣзный болтъ, запиравшій старую двойную дверь, и вышла на монастырскій дворъ, половина котораго приходилась внизу проѣзжей дороги, круто спускавшейся отъ деревни, половина—выше ея.

Люси сбѣжала нѣсколько шаговъ вправо.

Восхитительно!

Передъ ней открылась маленькая обитель, съ двойными колоннами, увѣнчанными римскими арками, а позади, въ дальней части двора, часовня и крошечная колокольня. При лунномъ свѣтѣ каждая линія, каждое лѣпное украшеніе выдѣлялись совершенно явственно. Этотъ свѣтъ превращалъ кирпичъ и штукатурку въ серебро и слоновую кость. Безмолвіе было полное, чистота воздуха абсолютная, и надъ всѣмъ этимъ были разлиты волшебныя чары красоты и ночи. Люси представились полустертые фрески въ заброшенной часовнѣ, лица святыхъ и ангеловъ, глядящихъ въ темноту и безмолвіе.

Она вышла на дорогу и стала спускаться внизъ, къ лѣсу, со всѣхъ сторонъ карабкавшемуся ей навстрѣчу.

А! Такъ, кромѣ главнаго зданія монастыря, гдѣ находятся ихъ «аппартаменты», есть еще флигель, идущій подъ прямымъ угломъ направо, и въ немъ тоже жилыя комнаты! Въ самомъ дальнемъ окнѣ виднѣлся свѣтъ и противъ свѣта движущаяся фигура, высокая, черная—навѣрное, священникъ. Да! Когда фигура подошла ближе къ окну и стала спиной, Люси совершенно явственно различила тонзуру на головѣ и сутану *).

Какъ странно! Хозяйка ничего не говорила относительно того, что въ домѣ есть другіе жильцы. А эта высокая худая фигура не имѣла ничего общаго съ маленькимъ улыбающимся *parocco* **), котораго Люси разглядѣла въ толпѣ.

Она пошла дальше, дивясь видѣнному.

*) Рясу.
**) Приходскій священникъ.

О, этотъ лѣсъ! Какъ странно онъ сползалъ, точно огромная, осѣвшая на землю туча, къ блестящей лентѣ рѣки и снова карабкался вверхъ по другую сторону ея! То былъ дубовый лѣсъ, странно напоминавшій Люси лѣса Америки и сѣверной Англіи. Но когда дѣвушка подошла ближе и увидала озаренную луной нѣжную зелень вереска и ежевики, мысли ея снова вернулись къ «землѣ Сатурна».

За лѣсомъ, на горизонтѣ, голубыя горы, легкія, воздушныя, какъ мечта, и надъ всѣмъ этимъ сіяющее звѣздами ясное небо.

А, вотъ и соловьи запѣли, и среди щелканья и переливовъ—та же заунывная нота—крикъ маленькой бурой совы, что и въ оливковыхъ рощахъ Маринаты. Люси затаила дыханіе. На глазахъ ея выступили слезы,—слезы тоски и воспоминанія.

Но она не дала пролиться этимъ слезамъ. Стоя на маленькомъ расчищенномъ пространствѣ у дороги, откуда видно было далеко кругомъ, она вся отдавалась волнующей поэзіи, зная, что такія волненія не влекутъ за собою укоровъ совѣсти и не разслабляютъ воли. Какъ далека, безконечно далека она была отъ дяди Бена и крытаго гонтомъ домика въ Вермонтѣ! Лѣто было въ самомъ разгарѣ, и всѣ англичане и американцы давно покинули югъ Италіи. Теперь Италія, спровадивъ гостей, была у себя дома на распашку, жила своей собственной богатой и полной жизнью, не видя иностранцевъ и не думая о нихъ. Да, на этихъ горахъ и въ этихъ лѣсахъ и вообще не думали о нихъ, хотя внизу, по долинѣ, проходилъ старый почтовый трактъ изъ Флоренціи въ Римъ, по которому когда-то Гёте и Винкельманъ ѣхали въ «вѣчный городъ». Люси чувствовала себя такъ, какъ будто вчера еще всѣмъ чужая, туристка, она сегодня, какъ дитя, вошла въ кругъ семьи. Она приподняла уголокъ покрывала Италіи и прижалась къ ея теплой материнской груди.

Ахъ, что бы мы ни дѣлали, съ чувствомъ бороться трудно. Люси не успѣла оглянуться, какъ душа ея уже снова

была во власти прежнихъ думъ. Эти недѣли быстро смѣняющихся событій развязали ей душу и языкъ. Какъ легко ей было бы въ эту ночь говорить обо всемъ этомъ съ тѣмъ, кто теперь разлученъ съ нею, можетъ быть, навсегда! А онъ—какъ бы онъ слушалъ ее, чаще всего, конечно, съ нетерпѣніемъ! Какъ бы онъ насмѣхался надъ ней и дразнилъ ее! А потомъ быстро смягчившійся тонъ, ласковый взоръ чудныхъ глазъ, догматизмъ рѣчей, властный и, вмѣстѣ съ тѣмъ, нѣжный—тираннія, которая можетъ одновременно вызывать въ женщинѣ и страхъ, и любовь!

Но какъ тяжело и больно думать о Мэнистеѣ! Люси чувствовала себя пристыженной, униженной. Ихъ бѣгство предполагаетъ увѣренность въ томъ, чего онъ, въ сущности—что бы ни доказывала Элеонора—никогда, никогда не говорилъ ей, въ чемъ она, слѣдовательно, не имѣла права быть увѣренной. Гдѣ онъ? Что-то онъ думаетъ? Ея сердце рванулось къ нему, какъ птичка къ гнѣзду.

Затѣмъ мгновенно наступила реакція—рѣзкая и суровая: Люси стала корить, упрекать себя. Стоя здѣсь ночью, надъ лѣсомъ, глядя поверхъ деревьевъ на смутно выступавшіе вдали бѣлые утесы *Monte Amiata*, она чувствовала себя, въ этой странной и прекрасной странѣ, наединѣ съ призывами духа, съ голосами совѣсти и состраданія, взывавшими къ ней изъ глубины ея собственной души.

Съ долгимъ, протяжнымъ вздохомъ, словно подымая тяжесть, дѣвушка подняла руки надъ головой и медленно закрыла ими глаза, чтобы ничего не видѣть и не чувствовать.

— Мама!—прошептала она. — Мама, родная если бы ты была здѣсь—одинъ часокъ!

Она собрала всѣ силы души, шепнула: «Помоги мнѣ, Боже!» вздрогнула, замѣтивъ какія слова она безсознательно произнесла и пошла дальше, внизъ по тропинкѣ. Ей хотѣлось заглянуть въ лѣсъ, подышать его ароматами, окунуться, въ его безмолвіе. Ночь была такъ хороша, что трудно было разстаться съ ней.

Внезапно она увидала въ темнотѣ свѣтящуюся точку и почувствовала запахъ табачнаго дыма.

У дороги лежалъ человѣкъ. При видѣ Люси онъ вскочилъ на ноги. Дѣвушка остановилась и ужъ хотѣла было убѣжать, но услыхала веселое: «*Buona sera, signorina!*» и узнала голосъ, слышанный ею вчера.

То былъ красавецъ-карабинеръ. Люси быстро подошла къ нему, говоря:

— Я вышла пройтись. Погода такъ хороша! Вы все еще дежурите? А гдѣ же вашъ товарищъ?

Онъ улыбнулся и указалъ рукой по направленію къ лѣсу.

— Тамъ у насъ шалашъ. Мы спимъ поочереди: сначала Руджіери, потомъ я; потомъ опять Руджіери. Намъ не часто случается ходить по этой дорогѣ, но, когда пріѣзжаютъ *forestieri*, надо же посторожить.

— Но вѣдь здѣсь же нѣтъ разбойниковъ?

Онъ оскалилъ бѣлые зубы.

— Я какъ-то застрѣлилъ двоихъ вотъ изъ этого ружья.

— Но не здѣсь же?

— Нѣтъ, тамъ, за горами—въ Мареммѣ.—Онъ неопредѣленно указалъ рукой на западъ и покачалъ головой.— Худыя мѣста и народъ худой въ Мареммѣ.

— О, да, я знаю,—засмѣялась Люси.— У васъ, коли что плохо, вы сейчасъ говорите, что это изъ Мареммы. Когда у насъ сегодня порвалась упряжь, нашъ кучеръ сказалъ «*Che vuvle!* *). Она куплена въ Мареммѣ!» Скажите мнѣ, кто живетъ въ этой части монастыря— вонъ тамъ?

Она повернулась и указала на свѣтившееся вдали окно.

Солдатъ сплюнулъ и не отвѣтилъ, потомъ набилъ трубку и медленно выговорилъ:

— Это, синьорина, тоже *форестьере*.

— Священникъ, не правда ли?

Карабинеръ опять отвѣтилъ не сразу.

— И священникъ — и не священникъ, — сказалъ онъ, помолчавъ, и

*) Чего вы хотите?

вдругъ засмѣялся, съ прирожденной безпечностью итальянца.

— Попъ, который не правитъ обѣдни, что ужъ за попъ!

— Я не понимаю,—молвила Люси.

— *Perdio!* [1]) Намъ не все ли равно!—опять засмѣялся солдатъ.—Здѣшній народъ не сталъ бы ломать себѣ голову, еслибъ... Ну, да, вы понимаете, синьорина,—онъ немного понизилъ голосъ,—у поповъ много власти—*molto, molto!* [2]). Донъ Теодоро—здѣшній *parroco*—вѣдь это онъ основалъ *cassa rurale* [3]). Нужны *contadino* деньги на посѣвъ ли, дочь ли выдать замужъ, купить ли новую телѣгу, или быка—куда идти? Къ *parroco*. Съ тѣхъ поръ, какъ пошли эти новые банки, всѣ деньги въ рукахъ у поповъ—*capisce* [4]). Какъ нужно, такъ иди, проси, а безъ поповъ ужъ не обойдешься. А потому, вы понимаете, синьорина, съ ними ссориться не рука. Приходится любить ихъ друзей и...

Его усмѣшка и жестъ досказали остальное.

— Но въ чемъ же дѣло?—допытывалась удивленная Люси.—Онъ совершилъ преступленіе?

И она съ любопытствомъ посмотрѣла на фигуру, виднѣвшуюся въ монастырскомъ окнѣ.

— *E un preto spretato* [5]), синьорина.

— *Spretato?*

Люси наморщила лобъ. Слово было ей незнакомо.

— *Scomuniato!*—со смѣхомъ пояснилъ карабинеръ.

— Отлученный отъ церкви?

Люси почувствовала острую жалость, смѣшанную со страхомъ.

— Почему? Что онъ сдѣлалъ?

Карабинеръ опять засмѣялся. Смѣхъ этотъ былъ отвратителенъ, но Люси уже привыкла къ странному обычаю итальянскаго простонародія—издѣваться надъ несчастьемъ. Итальянецъ страстенъ, но не чувствителенъ; онъ инстинктивно ненавидитъ все патетическое, сентиментальное.

— *Chi sa* *), *signorina?* Съ виду онъ спокойный старичекъ. Да намъ-то онъ ничего не сдѣлаетъ; мы зорко слѣдимъ за нимъ. Онъ, бывало, одѣлялъ ребятишекъ *confetti*, да матери запретили брать отъ него что бы то ни было. Джіанни,—онъ указалъ на монастырь, и Люси поняла, что онъ говоритъ о *contadino*.—Джіанни ходилъ къ дону Теодоро спрашивать, не выставить ли его. Но донъ Теодоро не сказалъ ни «да», ни «нѣтъ». Платитъ онъ хорошо, а все-таки на деревнѣ говорятъ, пусть бы, молъ, уходилъ по добру, по здорову. Боятся, какъ бы съ жатвой чего не вышло—не накликалъ бы онъ бѣды.

— А *padre parroco* не разговариваетъ съ нимъ?

Антоніо засмѣялся.

— Когда донъ Теодоро встрѣчается съ нимъ на дорогѣ, онъ не замѣчаетъ его—*capisce, signorina?* И всѣ другіе священники тоже. Для него у нихъ нѣтъ глазъ. Такъ ужъ епископъ приказалъ.

— И всѣ здѣсь дѣлаютъ то, что имъ прикажутъ священники?

Въ тонѣ Люси звучалъ инстинктивный протестъ пуританки противъ всѣмъ управляющаго и надо всѣмъ господствующаго католицизма.

Антоніо снова засмѣялся какимъ-то глуповатымъ смѣхомъ человѣка, знающаго, что нѣкоторыя вещи не стоитъ даже и пытаться объяснять иностранцамъ.

— Они знаютъ свое дѣло—попы-то! *Ma*—вотъ кто богатъ, такъ богатъ. Всѣ эти послѣдніе годы—столько банковъ, кассъ, *società*! Этимъ скорѣй удержишь людей въ рукахъ, чѣмъ молитвами.

Возвращаясь домой, Люси все время съ неослабѣвающимъ интересомъ слѣдила за освѣщеннымъ окномъ. Священникъ, отлученный отъ церкви, притомъ иностранецъ! Почему онъ скрывается именно здѣсь—въ глуши провинціи, гдѣ ревность къ католической вѣрѣ граничитъ съ фанатизмомъ?

[1]) Клянусь Богомъ!
[2]) Много, много!
[3]) Сельскую кассу взаимопомощи.
[4]) Понимаете?
[5]) Это попъ-разстрига.

*) Кто знаетъ?

Утро, прохладное, чудное, встало надъ горами и лѣсомъ.

Элеонора слѣдила за тѣмъ, какъ полоски свѣта, падавшія сквозь деревянныя ставни, все ярче выдѣлялись на бѣлой стѣнѣ. Она устала отъ своихъ мыслей, устала отъ безсонной ночи. Старое зданіе было полно странныхъ звуковъ—то шепотъ, то гулкое эхо, то будто кто-то ползетъ и бормочетъ про себя; все это дѣйствовало на нервы. Ея комната сообщалась съ комнатой Люси, и въ обѣихъ входныя двери были снабжены болтами, новизна которыхъ, пожалуй, свидѣтельствовала о страхахъ, пережитыхъ здѣсь другими дачниками до нихъ. Болты были задвинуты; тѣмъ не менѣе Элеонора испытывала приступы внезапнаго страха и ночь провела безъ сна, подъ тяростнымъ гнетомъ душевной борьбы въ соединеніи съ физическими неудобствами.

На башнѣ деревенской церкви пробило семь. Элеонора соскользнула съ постели. подъ рукой у нея лежалъ прелестный, изящный пеньюаръ,—одинъ изъ нѣсколькихъ, недавно присланныхъ ей изъ Парижа. Глядя на нихъ, Люси не разъ втихомолку дивилась, какъ можетъ кто-нибудь считать себя въ правѣ тратить такъ много денегъ на такія вещи.

Элеонора, само собой, не испытывала по этому поводу ни малѣйшихъ упрековъ совѣсти. Она привыкла къ изящнымъ дорогимъ туалетамъ, привыкла тратить на нихъ много денегъ и никогда не думала о томъ, что можно одѣваться иначе. Но въ это утро, закутавшись въ тонкій шелковый *saut de lit*, надъ которымъ такъ много трудились руки и головы блѣдныхъ дѣвушекъ въ душной атмосферѣ парижскихъ мастерскихъ, и увидавъ свое лицо и плечи въ разбитомъ зеркалѣ, висѣвшемъ на стѣнѣ, она содрогнулась, словно увидавъ призракъ и долго сидѣла неподвижно, въ полутьмѣ, вздрагивая подъ тонкимъ кружевомъ и кисеей, облекавшими ея тѣло. Кончено! Все кончено для нея—всѣ мелкія женскія радости! Было ли у нея хоть одно платье, которое бы не напоминало ей о Мэнистеѣ, заказывая которое, она бы не соображалась втайнѣ съ вкусами и требованіями другого человѣка, которыя она изучила, пожалуй, не хуже своихъ собственныхъ?

Она вспомнила лицо доктора въ Орвіето, вспомнила слова, которыхъ она не дала ему выговорить, потому что боялась услышать ихъ. Внезапный страхъ смерти, одинокой безотрадной кончины охватилъ ея душу. Умереть съ этой невысказанной мукой, съ крикомъ сердца, замерзшимъ на устахъ! Умереть нелюбимой, неудовлетворенной ей, которая отдавала всю душу, всю себя, постоянно, какъ волна разбивается о каменную дамбу. Какъ можетъ Богъ, если Онъ есть, обрекать человѣка на такой удѣлъ въ этомъ мірѣ? Или Егонѣтъ совсѣмъ? Но развѣ загадка разрѣшается легче оттого, что вы устраните Его?

Заставивъ себя, наконецъ, встать, Элеонора отворила дверь, ведущую на *лоджію*.

Оно все еще здѣсь—это дивное чудо міра!—лѣсъ, утесы, рѣка, облака, пронизанныя лучами, серебряный блескъ пшеницы, цвѣты, яркіе, какъ искры, въ травѣ, а людскія сердца разбиваются, человѣческая жизнь гаснетъ, и кладбище тамъ, на холмѣ, придвигаетъ все ближе и ближе ряды металлическихъ крестовъ и вѣнковъ!

Неожиданно, съ сѣнокоса, вдали у дороги, донеслась пѣсня. Молодой крестьянинъ, высокій и статный, косилъ, медленно подвигаясь впередъ, на дальнемъ концѣ поля. Скошенная трава ложилась передъ нимъ правильными рядами; каждый взмахъ косы говорилъ объ увѣренной въ себѣ, радостной силѣ. Онъ пѣлъ звонкимъ рѣзкимъ голосомъ, типичнымъ итальянскимъ голосомъ, немного въ носъ, отчеканивая слова.

Мало-по-малу Элеонора поняла, что въ пѣснѣ идетъ рѣчь о прощаніи дѣвушки съ ея возлюбленнымъ, уходящимъ на зиму работать въ Маремму.

Пахари идутъ въ Маремму—
Охъ! какъ долго ждать до іюня!
Мое сердце все въ тревогѣ,
Одинокое здѣсь, при лунѣ.
О, луна!—ты знаешь мой страхъ и тоску,
Знаешь, почему я такъ страдаю—
О! пришли мнѣ его назадъ изъ Мареммы,
Куда онъ идетъ, а мнѣ идти нельзя!

Парень пѣлъ небрежно, безъ выраженія, не вникая въ слова, то и дѣло прерывая пѣсню, чтобы поточить косу, и опять начиная сначала. Въ ушахъ Элеоноры эта пѣсня звучала, какъ голосъ самого утра—какъ эхо всеобщихъ стоновъ разлуки, то на день, то на нѣсколько мѣсяцевъ, то навсегда, наполняющихъ міръ.

Она была слишкомъ взволнована, чтобы наслаждаться видомъ, открывающимся съ *loggia*, слишкомъ взволнована, чтобы опять лечь въ постель. Она распахнула дверь въ комнату Люси, но Люси еще крѣпко спала. За то внизу слышались голоса и шаги. Семья крестьянина давнымъ давно уже была на ногахъ.

Элеонора пріодѣлась, надѣла шляпу и тихонько спустилась внизъ. Когда она отворила наружную дверь, ее замѣтили ребятишки и окружили ее гурьбой,—смуглые, большеглазые, съ пальцами во рту. Она направилась къ часовнѣ и маленькой обители, хорошо памятнымъ ей. Дѣти подняли крикъ и нырнули назадъ въ монастырь, но, пока она дошла до часовни, они были уже опять возлѣ нея, старшій мальчикъ съ ключемъ въ рукѣ.

Элеонора взяла ключъ и вступила въ переговоры съ дѣтьми. Они должны уйти и оставить ее одну—совсѣмъ одну. За это, когда она выйдетъ изъ церкви, они получаютъ *сольди*. Дѣти закивали головами, въ знакъ пониманія, забились въ уголъ и стали ждать.

Элеонора вошла. Въ высокія круглыя окна свѣтило ясное утреннее солнышко и еще холодные лучи его играли на выбѣленныхъ стѣнахъ. Уцѣлѣли нетронутыми штукатуркой только двѣ старинныя фрески, выдѣлявшіяся, какъ нѣжные цвѣты, на грубой, изжелта-бѣлой окраскѣ стѣнъ. Одна изображала мученическую смерть св.Екатерины, другая—распятіе Спасителя. Блѣдно-голубыя и лиловыя краски на картинѣ, рѣзкая чистота зеленыхъ тоновъ и прозрачность алыхъ—удивительно гармонировали съ общимъ веселымъ и опрятнымъ видомъ заброшенной часовни. Убогій маленькій алтарь на дальнемъ концѣ разваливающаяся отъ времени исповѣдальня, да нѣсколько стульевъ—вотъ и все убранство часовни.

Возлѣ одного изъ этихъ стульевъ Элеонора опустилась на колѣни. Когда она оглянулась, физическая слабость и постоянное сосредоточиваніе всѣхъ мыслей на одномъ и томъ же предметѣ и личности сдѣлали ее на мигъ жертвой иллюзіи, такой сильной и яркой, что ее скорѣе можно было назвать галлюцинаціей.

Возлѣ нея стоялъ Мэнистей, въ томъ самомъ платьѣ, какое онъ носилъ въ ноябрѣ; въ одной рукѣ у него была шляпа; его кудрявая голова была откинута назадъ; онъ только-что отвелъ глаза отъ картины, чтобы поймать ея взглядъ. Эти глаза всегда были полны живого довѣрія, шла-ли рѣчь о достоинствахъ картины, или о судьбахъ страны.

— Школа, несомнѣнно, Пинтуриччіо, но работа здѣшняя. Та же рука—вы не находите?—что и въ маленькой часовнѣ при соборѣ. Элеонора, вы помните?

Она вздрогнула и со стономъ закрыла лицо руками. Ужели эти галлюцинаціи зрѣнія и слуха отнынѣ будутъ преслѣдовать ее всюду? Ужели слѣды пребыванія Мэнистея въ этомъ мірѣ останутся для нея навѣки неизгладимыми? И земля, и воздухъ будутъ хранить отпечатокъ его тѣла и звукъ голоса, и нужны будутъ только ея измученныя сердце и чувства, чтобы призракъ ожилъ, началъ двигаться и говорить?

Она стала молиться отрывочными фразами, безъ надежды, что ея молитва будетъ услышана,—какъ часто молилась въ послѣднее время. То было страстное возмущеніе человѣческой воли противъ судьбы жестокой, несправедливой, безжалостной—порывъ не самоотверженія, но самоутвержденія, походившаго въ ней на безуміе, такъ чуждо оно было обычному складу ея души.

Чтобы онъ пользовался мной до послѣдней минуты, а потомъ бросилъ—иди, куда хочешь, на всѣ четыре стороны! Чтобы я расчистила ему путь, помогла дойти до цѣли, а потомъ стушевалась, трусливо сошла съ дороги! Такъ нѣтъ же? Не бывать этому! Онъ

то же будетъ страдать! И пусть знаетъ, что такова воля Элеоноры, что эта Элеонора стоитъ у него поперекъ дороги!

А на самомъ дѣлѣ, въ тайникахъ души шевелилось странное и горькое сознаніе, что она съ самаго начала позволяла ему цѣнить себя слишкомъ дешево, что она довольствовалась—и какъ охотно довольствовалась тѣмъ, что ему угодно было давать ей, что если бы она требовала большаго, была менѣе деликатна, менѣе утонченна въ своей любви, онъ бы, можетъ быть, боялся ея и больше цѣнилъ.

Она слышала, какъ отворилась входная дверь, но въ то же мгновеніе замѣтила, что по лицу ея текутъ слезы, и не посмѣла оглянуться. Она опустила вуаль и заставила себя успокоиться, насколько это было возможно.

Вошедшій, повидимому, тоже опустился на колѣни. Движенія и походка были тяжелыя.

Должно быть, какой-нибудь крестьянинъ»,—подумала Элеонора.

Но все же это сосѣдство было ей непріятно. Часовня перестала быть убѣжищемъ, гдѣ можно дать волю чувству. Минуту спустя она поднялась съ колѣнъ и пошла къ двери, но, при видѣ человѣка, стоявшаго на колѣняхъ, тихонько вскрикнула. Тотъ, удивленный, всталъ и пошелъ ей навстрѣчу.

— *Madame!*

— Отецъ Бенеке! *Вы* здѣсь?—прошептала Элеонора, прислоняясь къ стѣнѣ, чтобы не упасть—такъ слаба она была и такъ испугана этимъ внезапнымъ появленіемъ человѣка, котораго она въ послѣдній разъ видѣла на порогѣ стеклянной галлереи въ Маринатѣ всего какихъ-нибудь двѣ недѣли тому назадъ.

— Боюсь, сударыня, что я вамъ помѣшалъ,—въ замѣшательствѣ, глядя на нее, выговорилъ старый священникъ.— Я уйду.

— Нѣтъ, нѣтъ!—сказала Элеонора, протягивая руку, почти обычнымъ своимъ голосомъ и съ обычной улыбкой.— Я только очень удивилась; это было такъ неожиданно. Кто бы могъ ожидать встрѣтить васъ здѣсь, отецъ мой!

Священникъ не отвѣтилъ. Они вмѣстѣ вышли изъ часовни. Ребятишки, завидѣвъ Элеонору, съ радостнымъ визгомъ бросились къ ней, но при видѣ ея спутника остановились, какъ вкопанные.

Дѣтскія лица омрачились, вдругъ словно окаменѣли; черныя глазки сверкали злобой. Мальчишки моментально набрали камешковъ, швырнули ихъ черезъ плечо въ священника, съ крикомъ: «*Bestia! Bestia*»! и бросились врассыпную, кто куда, братья таща сестеръ, старшіе—младшихъ,—только бы скорѣй съ глазъ долой.

— Гадкіе мальчишки!—съ негодованіемъ вскричала Элеонора.—Что съ нимъ такое? Я обѣщала дать имъ нѣсколько *сольди*. Они не замѣтили васъ, отецъ мой?

Она смолкла, пораженная выраженіемъ лица своего спутника.

— Они?—хрипло переспросилъ отецъ Бенеке.—Вы говорите о дѣтяхъ? О нѣтъ, они ничего мнѣ не сдѣлали!

Что съ нимъ произошло съ тѣхъ поръ, какъ они въ послѣдній видались на виллѣ? Конечно, опять столкновеніе съ начальствомъ и церковью? Можетъ быть, онъ уже отлученъ? Лишенъ сана? Однако, онъ носитъ рясу?

Но страхъ за самое себя скоро заглушилъ любопытство. Эта встрѣча разбивала всѣ ихъ планы. Отецъ Бенеке въ каждый данный моментъ можетъ войти въ сношенія съ Мэнистеемъ, если уже теперь не переписывается съ нимъ. Какъ имъ не везетъ! Это просто ужасно!

Они вмѣстѣ вышли на дорогу. Элеонора не знала, какъ начать разговоръ, придумывала фразу за фразой и всѣ отвергала. Наконецъ, она выговорила какимъ, то жалобнымъ—тономъ:

— Какъ это странно, отецъ мой, видѣть васъ—здѣсь!

Священникъ не сразу отвѣтилъ. Походка у него стала какая-то странная неувѣренная. Элеонора замѣтила, что ряса на немъ въ пыли и разорвана и что онъ давно не брился. Присущая ему своеобразная и трогательная прелесть, вытекавшая изъ контраста между его крупной сильной фигурой, унаслѣдован-

ной отъ отцовъ и дѣдовъ, швабскихъ крестьянъ, и необычайной нѣжностью чертъ и цвѣта лица, дѣтски яснымъ и кроткимъ выраженіемъ глазъ,—какъ то стушевалась. Онъ отупѣлъ и ослабъ. Теперь онъ имѣлъ видъ непривѣтливаго, неопрятнаго старика, съ красными отъ безсонницы глазами придавленнаго какимъ-то тяжкимъ горемъ.

— Вы помните, что я говорилъ вамъ и м-ру Мэнистею въ Маринатѣ? —съ усиліемъ выговорилъ онъ, наконецъ.

— Да. Вы взяли назадъ ваше письмо?

— Взялъ. А потомъ пріѣхалъ сюда. У меня есть старый другъ—каноникъ въ Орвіето. Онъ какъ-то разсказалъ мнѣ объ этомъ уголкѣ...

Элеонора смотрѣла на него, и въ душѣ ея воскресла вся ея природная доброта и способность къ состраданію.

— Боюсь, что вы много пережили за это время,—выговорила она грустно и тихо.

Священникъ молчалъ, но рука его, опиравшаяся на палку, дрожала.

— Я не смѣю задерживать васъ, сударыня,—неожиданно заговорилъ онъ.— Вы, вѣроятно, желаете пройти къ себѣ? Я слышалъ, что здѣсь ожидаютъ пріѣзда двухъ англійскихъ леди, но никакъ не думалъ...

— Еще бы! Какъ могло бы вамъ прійти въ голову... Отецъ мой, я вовсе не тороплюсь. Теперь еще очень рано. Не разскажете ли вы мнѣ подробнѣе обо всемъ, происшедшемъ съ вами? Вѣдь вы,—она отвернулась,—вы разсказали бы м-ру Мэнистею?

Священникъ вздохнулъ...

— Ахъ, мистеръ Мэнистей, надѣюсь, онъ здоровъ, сударыня?

Элеонора покраснѣла.

— Я думаю. Онъ и миссъ Мэнистей еще въ Маринатѣ. Отецъ Бенеке...

— Сударыня?

Элеонора отвернулась, ударяя зонтикомъ по камешкамъ на дорогѣ.

— Вы бы сдѣлали мнѣ большое одолженіе, если бы пока не сообщали о моемъ пребываніи здѣсь никому изъ вашихъ друзей въ Римѣ, ни даже — ровно никому. Прошлой осенью я случайно попала сюда и мнѣ здѣсь очень понравилось. И вотъ мы съ миссъ Фостеръ—вы помните молоденькую американку, которая гостила у насъ? — собрались и рѣшили пріѣхать сюда. На виллѣ стало слишкомъ жарко; кромѣ того, мы... у насъ были другія причины. И теперь мы хотѣли бы побыть немного совсѣмъ однѣ, не давая знать о себѣ даже друзьямъ. Вы, конечно, уважите наше желаніе? Я въ этомъ увѣрена.

Она подняла на него глаза, тяжело дыша. Вся краска сбѣжала съ ея лица. Ея тревога и волненіе были слишкомъ замѣтны. Священникъ поклонился.

— Я буду скроменъ, сударыня, — произнесъ онъ съ достоинствомъ, подобающимъ его сану.—Могу я попросить васъ извинить меня. Мнѣ надо сходить въ Сельвапенденте за письмомъ.

Онъ снялъ свою плоскую касторовую шляпу, низко поклонился и пошелъ дальше крупными шагами, раскачиваясь на ходу.

Элеонора поспѣшила назадъ въ монастырь. Дѣти ждали ее у дверей и увидавъ, что она одна, взяли обѣщанные сольди все съ тѣмъ же угрюмымъ видомъ. Дверь отворила ей сама Люси.

— Ахъ, вы бродяжка!—съ упрекомъ вскричала дѣвушка, обнимая Элеонору. Развѣ можно выходить, не напившись кофе? Идемте, я все приготовила на *loggia*. Гды вы были? И почему... что случилось?

Элеонора, по дорогѣ въ свою комнату, разсказала ей о неожиданной встрѣчѣ.

— А, такъ вотъ кто былъ тотъ священникъ, котораго я видѣла вчера вечеромъ,—вскричала Люси.—А я только что хотѣла разсказать вамъ о своемъ приключеніи. Отецъ Бенеке! Какъ странно! Ужасно странно! И какъ это не кстати! Вотъ почему у васъ такой измученный видъ.

И, не слушая ничего больше, Люси усадила Элеонору въ покойное кресло въ тѣни, принесла кофе, хлѣбъ, фрукты съ маленькаго столика, который она сама помогла Чекко накрыть, и до тѣхъ поръ не отошла, пока не заставила Элеонору выпить чашку кофе и

стоящему классу рыбъ. За ними слѣдуютъ двоякодышащія. потомъ болѣе совершенныя амфибіи (земноводныя), затѣмъ рептиліи (пресмыкающіяся) и, наконецъ, въ болѣе позднее время наивысше организованные классы позвоночныхъ, птицы и млекопитающія. Среди послѣднихъ прежде всего явились только наиболѣе низкія и несовершенныя формы, яйцекладущія однопроходныя; затѣмъ сумчатыя безъ плаценты, и еще позже болѣе совершенныя млекопитающія съ плацентой. И среди послѣднихъ сперва явились только низшія формы, затѣмъ высшія и только въ болѣе близкій намъ третичный періодъ изъ этихъ послѣднихъ постепенно развился человѣкъ.

Если вы прослѣдите историческое развитіе растительнаго царства, то и здѣсь вы найдете подтвержденіе этого закона. Также и среди растеній, первоначально существовали только низшіе, наименѣе совершенные классы водорослей. За ними слѣдовали папоротники. Но тогда еще не было никакихъ цвѣтковыхъ растеній или явнобрачныхъ. Послѣднія только позже нашли свое существованіе и именно съ голосѣмянныхъ (хвойныхъ и саговыхъ), которыя въ отношеніи всей своей организаціи занимаютъ болѣе низкое мѣсто среди остальныхъ цвѣтковыхъ растеній (покрытосѣмянныхъ), составляя, такимъ образомъ, переходъ отъ папоротниковъ къ покрытосѣмяннымъ. Эти послѣднія, въ свою очередь, развились гораздо позже, и здѣсь сначала возникли цвѣтковыя растенія безъ кроны (monocotyledones и monochlamydes) и только послѣ этого растенія съ кроной (dichlamides). Наконецъ, среди послѣднихъ низшія раздѣльнолепестныя предшествовали сростнолепестнымъ. Весь этотъ послѣдовательный рядъ представляетъ собой неопровержимое доказательство закона прогрессивнаго развитія.

Спрашивая себя, чѣмъ обусловливается этотъ фактъ, мы должны обратиться за отвѣтомъ опять, какъ въ случаѣ дифференцировки, къ естественному подбору въ борьбѣ за существованіе. Ясно представляя себѣ все значеніе естественнаго подбора, особенно же сложное взаимодѣйствіе различныхъ законовъ наслѣдственности и приспособленія, вы увидите въ немъ только ближайшее необходимое слѣдствіе, не только расхожденіе типа, но и усовершенствованіе его. Совершенно то же самое мы видимъ въ исторіи человѣческаго рода. И здѣсь естественнымъ и необходимымъ результатомъ постоянно возрастающаго раздѣленія труда человѣчества являются новыя изобрѣтенія и усовершенствованія во всѣхъ отрасляхъ дѣятельности. Вообще прогрессъ покоится на дифференцировкѣ и, подобно ей, составляетъ непосредственное и необходимое слѣдствіе естественнаго подбора въ борьбѣ за существованіе.

Стремясь къ разумному и правильному пониманію мѣста человѣка въ природѣ и его отношенія къ позваваемому имъ міру явленій, безусловно необходимо совершенно объективно сравнить естественную исторію человѣка съ исторіей остальныхъ организмовъ и особенно животныхъ. Мы уже раньше видѣли, что важные физіологическіе законы наслѣдственности и приспособленія совершенно одинаково прилагаются какъ къ человѣческому организму, такъ и къ животнымъ и растеніямъ. Какъ здѣсь, такъ и тамъ, они находятся въ постоянномъ взаимодѣйствіи. Поэтому и естественный подборъ при посредствѣ борьбы за существованіе вызываетъ преобразованіе какъ въ человѣческомъ обществѣ, такъ и въ жизни животныхъ и растеній, создавая при этомъ какъ здѣсь, такъ и тамъ, новыя формы. Это сравненіе человѣческихъ и животныхъ отношеній особенно важно въ томъ случаѣ, если мы будемъ разсматривать великіе законы расхожденія и прогресса, какъ непосред-

ственное и необходимое слѣдствіе естественнаго подбора въ борьбѣ за существованіе.

Сравнительное обозрѣніе исторіи народовъ или такъ называемой «всемірной исторіи» прежде всего вамъ покажетъ, какъ общій результатъ, постоянно *возрастающее многообразіе* человѣческой дѣятельности какъ въ отдѣльной жизни человѣка, такъ и въ общей жизни семействъ и государствъ. Эта дифференцировка или обособленіе, это постоянно возрастающее расхожденіе человѣческаго типа и формы человѣческой жизни вызывается все дальше идущимъ, все глубже захватывающимъ раздѣленіемъ труда индивидовъ. Въ то время какъ древнѣйшія и самыя низкія ступени человѣческой культуры повсюду открываютъ намъ приблизительно одни и тѣ же грубыя и простыя отношенія, въ каждый изъ слѣдующихъ періодовъ исторической жизни мы находимъ все большее разнообразіе нравовъ, обычаевъ и учрежденій у различныхъ націй. Возрастающее раздѣленіе труда обусловливаетъ соотвѣтственное видоизмѣненіе формъ, постоянно усиливающееся многообразіе ихъ въ различныхъ отношеніяхъ. То же самое можно сказать и о развитіи человѣческаго лица. Среди низшихъ человѣческихъ племенъ большинство индивидовъ столь сходно, что европейскіе путешественники часто не могли ихъ отличить. Съ возрастаніемъ культуры въ соотвѣтственной степени дифференцируется и физіономія индивидовъ. Наконецъ, у весьма развитыхъ культурныхъ народовъ несходство очертаній лица идетъ столь далеко, что только въ рѣдкихъ случаяхъ мы затрудняемся отличить между собой два лица.

Вторымъ высшимъ основнымъ закономъ въ исторіи народовъ является великій законъ прогресса или совершенствованія. Вообще исторія человѣчества есть исторія *прогрессивнаго развитія* его. Конечно, вездѣ и во всякое время въ отдѣльныхъ случаяхъ мы находимъ регрессивные шаги или, такъ сказать, косые пути прогресса, ведущіе лишь къ однообразному и внѣшнему совершенствованію, и все болѣе и болѣе отдаляющіе отъ высшей цѣли достиженіе внутренняго достоинства и благородства. Но вообще движеніе по пути развитія человѣчества всегда было и есть прогрессивнымъ, все болѣе и болѣе отдаляющимъ человѣка отъ его обезьянообразныхъ предковъ и все болѣе приближающими его къ его сознательно-поставленнымъ идеальнымъ цѣлямъ.

Вопреки закону прогресса, въ культурной исторіи иногда происходятъ крупныя регрессивныя явленія, какъ, напр., темное средневѣковье, наступившее вслѣдъ за ярко блестящей эпохой классической древности. Помимо роковыхъ внутреннихъ и внѣшнихъ причинъ, содѣйствовавшихъ плачевной гибели послѣдней, этотъ обратный шагъ средневѣковья преимущественно обусловливается презрѣніемъ къ природѣ, служившимъ тогда предметомъ проповѣди христіанства, и деспотическимъ подавленіемъ всякаго свободнаго проявленія ума со стороны всемогущей іерархіи. Однако и въ этотъ мрачный періодъ культурной исторіи въ тиши развивалось много зародышей возрожденія, которыя послѣ реформаціи распустились въ новые цвѣты культуры. Но, кромѣ того, промежутокъ времени почти тысячелѣтія, обнимающій темную эпоху средневѣковья, въ глазахъ натуралиста кажется короткимъ при сравненіи его съ сотнями тысячъ лѣтъ, протекшихъ, какъ доказываютъ новѣйшія доисторическія изслѣдованія, со времени появленія человѣческаго рода.

Если вы теперь захотите узнать, какими причинами обусловливаются эти два великихъ закона развитія человѣчества, законъ обособленія

и законъ прогресса, то для этого вы должны сравнить ихъ съ соотвѣтственными законами развитія животнаго міра. Глубоко вдумавшись, вы придете къ заключенію, что какъ явленія, такъ и причины ихъ въ обоихъ случаяхъ совершенно одинаковы. Какъ въ ходѣ развитія человѣчества, такъ и въ мірѣ животныхъ, оба основные закона дифференцировки и совершенствованія всецѣло объясняются механическими причинами, единственно обусловливаются естественнымъ подборомъ въ борьбѣ за существованіе.

Разсуждая такимъ образомъ, быть можетъ, вы натолкнетесь на вопросъ: «не тождественны ли эти законы? Нѣтъ ли постоянной связи между прогрессомъ и расхожденіемъ?» Этотъ вопросъ не разъ становился предметомъ вниманія, и Карлъ-Эрнстъ Беръ, напр., одинъ изъ величайшихъ изслѣдователей въ области исторіи развитія, высказалъ въ качествѣ высшаго закона, управляющаго ходомъ развитія животнаго тѣла, слѣдующее положеніе: «степень развитія (или совершенствованія) является также степенью обособленія (дифференцировки) частей». Какъ ни правильно въ общемъ это положеніе, однако оно не имѣетъ общаго значенія. Напротивъ, во многихъ отдѣльныхъ случаяхъ бываетъ, что расхожденіе и прогрессъ совсѣмъ не совпадаютъ другъ съ другомъ. *Не всякій прогрессъ есть дифференцировка, и не всякая дифференцировка есть прогрессъ.*

Что касается совершенствованія или *прогрессивнаго развитія*, то уже прежде путемъ чисто анатомическихъ разсужденій былъ выставленъ законъ, состоящій въ томъ, что совершенствованіе организмовъ, главнымъ образомъ, основано на раздѣленіи труда отдѣльныхъ органовъ и частей тѣла, и что существуютъ, кромѣ того, и другія органическія преобразованія, обусловливающія прогрессъ въ организаціи. Такимъ преобразованіемъ является въ особенности *уменьшеніе числа однородныхъ частей.* Сравнить, напр., многоножекъ (myriapoda) или низшихъ ракообразныхъ членистоногихъ животныхъ, несущихъ великое множество ножекъ, съ пауками, постоянно снабженныхъ только четырьмя парами ногъ, и съ насѣкомыми обладающими только тремя парами ногъ. Здѣсь, какъ и въ весьма многихъ другихъ подобныхъ примѣрахъ, подтверждается этотъ законъ. Сокращеніе числа ножекъ является прогрессомъ въ организаціи членистоногихъ животныхъ. Точно также уменьшеніе числа однородныхъ позвонковъ хребта является прогрессомъ въ организаціи позвоночныхъ животныхъ. Рыбы и амфибіи съ весьма большимъ числомъ однородыхъ позвонковъ сообразно съ этими ниже и менѣе совершеннѣе, чѣмъ птицы и млекопитающія, у которыхъ не только гораздо болѣе дифференцированы позвонки, но и значительно сокращено число однородныхъ позвонковъ. По этому же закону, затѣмъ, цвѣты со множествомъ тычинокъ менѣе совершенны, чѣмъ цвѣты родственныхъ растеній съ ограниченнымъ числомъ тычинокъ.

Другой важный законъ прогресса, совершенно не зависящій отъ дифференцировки, даже нѣкоторымъ образомъ противорѣчащій ему, есть законъ *централизаціи.* Вообще говоря, цѣлый организмъ тѣмъ болѣе совершенный, чѣмъ больше единства въ немъ, чѣмъ больше части подчинены цѣлому, чѣмъ сильнѣе централизованы органы и ихъ функціи. Такъ, напр., кровеносная система наиболѣе совершенна тамъ, гдѣ существуетъ централизирующее сердце. Такъ же точно соединенная мозговая масса, образующая спинной мозгъ позвоночныхъ и брюшной мозгъ высшихъ членистыхъ животныхъ, совершеннѣе, чѣмъ менѣе централизованная ганглiозная цѣпочка низшихъ членистыхъ живот-

ныхъ и разсѣянная система узловъ мягкотѣлыхъ животныхд. Колонія сифонофоръ, подобно человѣческому культурному государству, тѣмъ болѣе устойчива и совершенна, что сильнѣе централизирована. При этомъ, однако, не слѣдуетъ забывать, что понятіе совершенства относительное лишь, не абсолютное. Въ виду трудностей, встрѣчающихся при детальномъ изложеніи закона прогресса, я не буду здѣсь входить въ подробности; послѣднія вы найдете въ превосходномъ «Морфологическомъ ученіи» Брауна и въ моей «Общей морфологіи» (I, 370, 550; II 257—266).

Въ то время, какъ, съ одной стороны, мы встрѣчаемъ явленія прогресса, совершенно не зависящія отъ расхожденія, съ другой стороны мы весьма часто наблюдаемъ дифференцировки, представляющія не усовершенствованіе, а наоборотъ, регрессивныя образованія. Легко понятно, что преобразованія каждаго животнаго и растительнаго вида не всегда представляютъ улучшеніе. Напротивъ, многія явленія дифференцировки, непосредственно выгодныя для организма, въ то же время, однако, и вредны и для него, и притомъ постольку, поскольку они ограничиваютъ общую жизнеспособность его. Нерѣдко наступаетъ обратное движеніе въ сторону болѣе простыхъ условій жизни, вызывающихъ вслѣдствіе приспособленія къ нимъ дифференцированія въ регрессивномъ направленіе. Если, напр., организмы, до того времени свободно живущіе, привыкаютъ къ паразитической жизни, то при этомъ они подвергаются обратному развитію. Животныя, до того времени обладавшія хорошо развитой нервной системой и острыми органами чувствъ, равно какъ способностью и свободнымъ движеніемъ, теряютъ ихъ вслѣдствіе паразитическаго образа жизни; они при этомъ проходятъ болѣе или менѣе регрессивное развитіе. Эта дифференцировка, взятая сама по себѣ, представляетъ регрессивный шагъ, хотя для паразитическаго организма приноситъ несомнѣнную выгоду. Такое животное, признавшее въ борьбѣ за существованіе жить на счетъ другого, сохранивъ безполезные для него глаза и орудія движенія, будетъ только терять матеріалъ: и, лишившись этихъ органовъ, они пріобрѣтали массу истрачиваемаго на поддержаніе ихъ питательнаго матеріала, который оно употребитъ на пользу другихъ частей. Въ борьбѣ за существованіе между различными паразитами, очевидно, выиграютъ наименѣе требовательные, что, естественно, благопріятствуетъ *регрессивному развитію* ихъ.

Что происходитъ здѣсь съ цѣлымъ организмомъ, то совершается и въ отдѣльныхъ частяхъ его. И здѣсь дифференцировка этихъ частей, ведущая въ извѣстной степени къ обратному развитію и наконецъ къ потерѣ отдѣльныхъ органовъ, является регрессивнымъ шагомъ; но для организма въ его борьбѣ за существованіе она можетъ быть выгодна. Бороться легче и свободнѣе, сбросивъ съ себя безполезный баластъ. Поэтому, всюду среди болѣе развитыхъ животныхъ и растительныхъ формъ встрѣчаются процессы расхожденія, ведущіе къ обратному развитію, и, наконецъ, къ потерѣ отдѣльныхъ частей. Здѣсь мы прежде всего встрѣчаемъ важныя и поучительныя явленія запущенныхъ или рудиментарныхъ органовъ.

Припомнимъ, что уже въ первой лекціи я привелъ эти весьма замѣчательные факты, этотъ важнѣйшій въ теоретическомъ отношеніи рядъ явленій, въ качествѣ убѣдительнаго доказательства справедливости ученія о происхожденіи. Мы называли тогда рудиментарными

или недоразвитыми органами тѣ части тѣла, которыя устроены для опредѣленной цѣли и тѣмъ не менѣе существуютъ совершенно безцѣльно. Вспомните животныхъ, постоянно живущихъ въ темнотѣ, въ пещерахъ или подъ землей, и никогда поэтому не употребляющихъ свои глаза. У этихъ животныхъ мы находимъ скрытые подъ кожей настоящіе глаза, нерѣдко такъ же образованные, какъ и глаза дѣйствительно видящихъ животныхъ; и однако же, эти глаза никогда не функціонируютъ и не могутъ функціонировать по той простой причинѣ, что они затянуты непрозрачною кожицей, и поэтому, ни одинъ лучъ не проникаетъ въ нихъ. Предки этихъ животныхъ, свободно жившіе на дневномъ свѣтѣ, обладали хорошо развитыми глазами, покрытыми прозрачной роговой оболочкой, и дѣйствительно служившими имъ къ видѣнію. Но привыкая мало-по-малу къ подземному образу жизни и, лишившись дневного свѣта, они перестали употреблять свои глаза и достигли того, что послѣдніе регрессировались и сдѣлались негодными къ видѣнію.

Весьма яркіе примѣры рудиментарныхъ органовъ представляютъ, далѣе, крылья птицъ, неспособныхъ летать, напр., крылья страусообразныхъ бѣгающихъ птицъ (страусъ, казуаръ и т. д.). Эти птицы отвыкли отъ летанія и вслѣдствіе этого потеряли способность владѣть крыльями, между тѣмъ какъ привычки къ быстрому бѣганію вызвали чрезвычайное развитіе ногъ. Но несмотря на это, крылья остались, хотя и въ недоразвитой формѣ. Весьма часто встрѣчаются такія недоразвитыя крылья въ классѣ насѣкомыхъ, большинство изъ которыхъ летаетъ. На основаніи сравнительно анатомическихъ и другихъ причинъ можно съ увѣренностью сдѣлать заключеніе, что всѣ нынѣ живущія насѣкомыя (кузнечики, жуки, пчелы, клопы, мухи, бабочки и т. д) происходятъ отъ одной единственной общей основной формы, родоначальнаго насѣкомаго, обладавшаго двумя парами развитыхъ крылышекъ и тремя парами ногъ. Но существуетъ весьма много насѣкомыхъ, у которыхъ та или другая пара крыльевъ болѣе или менѣе регрессирована, и не мало такихъ, у которыхъ они даже совсѣмъ исчезли. Во всемъ порядкѣ, напр., мухъ или двукрылыхъ недоразвивается или даже совершенно пропадаетъ задняя пара крыльевъ, а у вѣерокрылыхъ передняя пара крыльевъ. Но, кромѣ того, въ каждомъ порядкѣ насѣкомыхъ встрѣчаются отдѣльные роды или виды, у которыхъ крылья достигли болѣе или менѣе значительной степени недоразвитія или исчезновенія; въ особенности это замѣчается у паразитовъ. Часто самка безкрыла, а самецъ снабженъ крыльями, какъ, напр., у свѣтящагося жука или иванова червячка (lampyrus), у вѣерокрылыхъ и т. д.

Очевидно, что частичное или полное регрессивное развитіе крыльевъ насѣкомыхъ возникло, благодаря естественному подбору въ борьбѣ за существованіе. Дѣйствительно, насѣкомыя, лишенныя крыльевъ, встрѣчаются по преимуществу тамъ, гдѣ летаніе для нихъ было бы рѣшительно безполезно или даже вредно. Но фактически, развитіе какъ способности, такъ и склонности къ полету допускаетъ индивидуальныя различія. Такимъ образомъ, худо летающіе индивиды пріобрѣтаютъ превосходство предъ хорошо летающими; они рѣже заносятся вѣтромъ въ море, и дольше живутъ, чѣмъ хорошо летающіе индивиды того же вида. Это обстоятельство при посредствѣ естественнаго подбора на протяженіи многихъ поколѣній необходимо должно привести къ пол-

ному недоразвитію крыльевъ. Мы могли бы чисто теоретическимъ путемъ вывести это заключеніе, подтверждаемое теперь многими наблюденіями. Дѣйствительно, на изолированныхъ островахъ отношеніе безкрылыхъ насѣкомыхъ къ снабженнымъ крыльями прямо поразительно велико, гораздо больше, чѣмъ у насѣкомыхъ материковъ. Такъ, напр., по Уолластону изъ 550 видовъ жуковъ, населяющихъ островъ Мадеру, 200 безкрылы или снабжены столь несовершенными крыльями, что совсѣмъ не могутъ летать, и среди 29 родовъ, исключительно свойственныхъ этому острову, не менѣе 23 такихъ видовъ. Наслѣдственное неупотребленіе крыльевъ, отвыканіе отъ полета въ борьбѣ съ опасными вѣтрами доставило здѣсь болѣе вялымъ жукамъ великое преимущество въ борьбѣ за существованіе. У другихъ безкрылыхъ насѣкомыхъ недостатокъ крыльевъ приноситъ выгоду по другимъ причинамъ. Разсматриваемыя сами по себѣ потери крыльевъ есть регрессивный шагъ въ развитіи; но для организма среди особенныхъ условій она является большой выгодой въ борьбѣ за существованіе.

Говоря о рудиментарныхъ органахъ, я упомяну еще здѣсь о легкихъ змѣй и змѣевидныхъ ящерицъ. Всѣ позвоночныя, обладающія легкими, амфибіи, рептиліи, птицы и млекопитающія, имѣютъ пару легкихъ, правое и лѣвое. Но если тѣло чрезвычайно утончается и вытягивается, какъ у змѣй и змѣевидныхъ ящерицъ, то одно легкое не помѣщается подлѣ другого, и для механизма дыханія несомнѣнно выгодно развитіе только одного легкаго. Одно единственное большое легкое дѣйствуетъ лучше, чѣмъ два небольшихъ, лежащихъ другъ подлѣ друга,—отсюда у этихъ животныхъ почти безъ исключенія развивается только правое или только лѣвое легкое. Другое совершенно недоразвивается, являясь безполезнымъ рудиментомъ. Почти у всѣхъ птицъ по другимъ причинамъ недоразвивается правый яичникъ и остается безъ функціи; одинъ только лѣвый яичникъ развивается и доставляетъ яйца.

О томъ, что такими совершенно безполезными и лишними рудиментарными органами обладаетъ также человѣкъ, я упоминалъ уже въ первой лекціи, и тогда же, въ качествѣ такихъ органовъ, привелъ мышцы, движущія уши. Кромѣ того, сюда же принадлежитъ замѣчательный рудиментный остатокъ хвоста, состоящій у человѣка изъ трехъ-пяти послѣднихъ позвонковъ, и свободно выступающій у человѣческаго эмбріона въ теченіе первыхъ двухъ мѣсяцевъ его развитія. Позже онъ вполнѣ покрывается мышцами. Этотъ рудиментарный человѣческій хвостъ служитъ неопровержимымъ доказательствомъ того несомнѣннаго факта, что человѣкъ произошелъ отъ хвостатыхъ прародителей. У женщинъ этотъ зачаточный хвостъ обыкновенно длиннѣе на одинъ позвонокъ, чѣмъ у мужчинъ; въ женскомъ копчикѣ нерѣдко можно ясно различить пять отдѣльныхъ позвонковъ, между тѣмъ какъ у мужчинъ по большей части только четыре. Въ болѣе раннія періоды зародышеваго развитія число ихъ еще больше. Такъ же сохранились и рудиментарныя мышцы человѣческаго хвоста, нѣкогда уличавшія его. Безхвостыя человѣкообразныя обезьяны (горилла, шимпанзе, орангъ, гиббонъ) обнаруживаютъ такія же отношенія, какъ и человѣкъ.

Другимъ рудиментарнымъ органомъ человѣка, свойственнымъ, однако, только мужчинѣ и встрѣчающимся также у всѣхъ самцовъ млекопитающихъ, являются молочныя железы груди. Послѣднія, какъ извѣстно, находятся въ дѣятельномъ состояніи только у женскаго пола. Однако, извѣстны отдѣльные случаи, когда у различныхъ млекопитаю-

щихъ, а именно, у человѣка, у овцы, и козы, молочныя железы достигали полнаго развитія въ мужскомъ полѣ и доставляли молоко для питанія дѣтенышей. Гумбольдтъ встрѣтилъ въ южно-американскомъ дѣвственномъ лѣсу одинокаго поселенца, жена котораго умерла послѣ родовъ. Въ отчаяніи онъ прижималъ новорожденнаго ребенка къ своей груди; при этомъ путемъ продолжительнаго раздраженія, вызываемаго въ рудиментарныхъ молочныхъ железахъ постоянными сосательными движеніями, угасшая ихъ дѣятельность снова была призвана къ жизни.

Не менѣе интересный случай представляютъ какъ уже ранѣе упомянутыя рудиментарныя мышцы наружнаго уха человѣка; обыкновенно, прежняя дѣятельность ихъ вполнѣ исчезнетъ; тѣмъ не менѣе, у отдѣльныхъ лицъ вслѣдствіе продолжительнаго упражненія онѣ могутъ приводить уши въ движеніе. Вообще рудиментарные органы у различныхъ индивидовъ одного и того же вида часто крайне различно развиваются, у одного довольно сильно, у другого весьма слабо. Для цѣлей объясненія это обстоятельство въ такой же степени весьма важно, какъ и тотъ фактъ, что эти рудиментарные органы у эмбріоновъ, или вообще въ весьма раннюю пору жизни, гораздо больше и сильнѣе въ сравненіи съ остальнымъ тѣломъ, чѣмъ у развитыхъ и взрослыхъ организмовъ. Особенно легко это обнаружить на рудиментарныхъ органахъ размноженія растеній (тычинкахъ и плодникѣ), о чемъ я говорилъ раньше. Въ молодыхъ цвѣтковыхъ почкахъ они относительно больше, чѣмъ въ развитомъ цвѣткѣ.

Тогда уже я замѣтилъ, что рудиментарные или недоразвитые органы составляютъ сильнѣйшую опору монистическаго или механическаго міровоззрѣнія. Если противники его, дуалисты и телеологи, поймутъ громадное значеніе этихъ фактовъ, то вмѣстѣ съ тѣмъ они должны принять его. Комичныя попытки объясненія ихъ, что этими рудиментарными органами Создатель надѣлилъ организмы «ради симметріи» или «для формальной обстановки» или «ради соблюденія общаго творческаго плана», убѣдительно доказываютъ только полное безсиліе этого ложнаго міровоззрѣнія. Я долженъ здѣсь повторить, что даже если бы мы ровно ничего не знали объ остальныхъ явленіяхъ развитія, то и тогда бы только на основаніи рудиментарныхъ органовъ мы должны были признать истинной теорію измѣняемости видовъ. Ни одинъ противникъ ея не въ силахъ дать намъ хотя бы слабый отблескъ допустимаго объясненія этихъ чрезвычайно замѣчательныхъ и важныхъ явленій. Почти нѣтъ ни одной выше развитой животной или растительной формы, которая бы не обладала какими-либо рудиментарными органами, и почти каждый разъ можно показать, что послѣдніе явились результатомъ естественнаго подбора, что они заглохли подъ вліяніемъ неупотребленія и отвыканія.

Явленія *регрессивнаго образованія* относятся совершенно обратно тому, какъ явленіе *прогрессивнаго образованія*, наблюдаемыя при возникновеніи новыхъ органовъ вслѣдствіе привыканія къ новымъ условіямъ жизни, подъ вліяніемъ употребленія еще неразвитыхъ частей. Часто утверждаютъ наши противники, что происхожденіе совершенно новыхъ частей совершенно не можетъ быть объяснено теоріей измѣняемости видовъ. Между тѣмъ, это объясненіе обыкновенно не представляетъ никакихъ трудностей для лицъ, знакомыхъ съ анатоміей и физіологіей. Всякій, проникнутый духомъ сравнительной анатоміи и исторіи развитія, не найдетъ ничего непонятнаго ни въ происхожде-

ніи новыхъ органовъ вслѣдствіе дѣятельнаго приспособленія, ни въ полномъ исчезновеніи рудиментарныхъ органовъ. Уничтоженіе послѣднихъ является здѣсь противоположностью возникновенія первыхъ. Оба процесса суть явленія дифференцировки, столь же просты, какъ и всѣ остальныя, и легко могутъ быть механически объяснены дѣятельностью естественнаго подбора въ борьбѣ за существованіе.

Ближе присматриваясь къ первому появленію новыхъ органовъ, по большей части мы ничего не замѣтили, кромѣ болѣе сильнаго роста извѣстной части существующаго органа. Но въ то время, какъ эта часть по законамъ раздѣленія труда и перемѣны функціи исполняетъ другія отправленія, вскорѣ становится видимымъ видоизмѣненіе формы, мало-по-малу приводящее по принципу подбора къ развитію новаго органа. Это новообразованіе такъ же опредѣляется физіологическими законами роста и питанія, какъ и въ обратномъ случаѣ рудиментарныхъ органовъ—регрессивное образованіе.

Общее значеніе недоразвитыхъ или рудиментарныхъ органовъ для главнѣйшихъ вопросовъ *натурфилософіи* не можетъ быть достаточно полно оцѣнено. (Ср. XIX гл. моей «Общей морфологіи». Т. II, стр. 266). Поэтому, можно было бы основать особое «ученіе о нецѣлесообразности» въ противовѣсъ старому общеизвѣстному «ученію о цѣлесообразности». Въ то время, какъ это послѣднее, дуалистическая телеологія, въ концѣ концовъ приводитъ насъ къ сверхъестественной догмѣ и къ суевѣріямъ, въ лицѣ перваго, монистической *дистелеологіи*, мы пріобрѣтаемъ прочный фундаментъ для нашего механическаго міропониманія. Всѣ сложныя сооруженія природы — частью цѣлесообразныя, а частью и весьма нецѣлесообразныя — суть лишь результаты безсознательнаго процесса слѣпо дѣйствующаго *естественнаго подбора*; разумное пониманіе его приводитъ насъ черезъ «*телеологическую механику*» къ чистому монизму.

ТРИНАДЦАТАЯ ЛЕКЦІЯ.

Исторія зародыша и исторія поколѣнія.

Общее значеніе исторіи зародыша (онтогеніи).—Недостатокъ нашего теперешняго образованія.—Факты индивидуальнаго развитія.—Сходство зарожденія у человѣка и позвоночныхъ.—Человѣческое яйцо.—Оплодотвореніе.—Неуничтожаемость души.—Дробленіе.—Образованіе зародышевыхъ листовъ.—Гаструляція.—Зародышевая исторія развитія центральной нервной системы, конечностей, челюстныхъ дугъ и хвоста.—Причинная зависимость между исторіей зародыша (онтогеніей) и исторіей поколѣнія (филогеніей).—Основной біогенетическій законъ.—Сокращенное развитіе (палингенезисъ) и нарушенное развитіе (ценогенезисъ).—Лѣстница сравнительной анатоміи.—Отношеніе ея къ палеонтологическому и эмбріональному роду ступеней развитія.

Въ широкихъ кругахъ образованныхъ людей, болѣе или менѣе живо интересующихся въ настоящее время нашимъ ученіемъ о развитіи, къ сожалѣнію, почти никогда наглядно не изучаютъ фактовъ органическаго развитія. Человѣкъ, подобно прочимъ млекопитающимъ, рождается въ развитой уже формѣ. Вылупившійся изъ яйца

цыпленокъ, какъ и всѣ другія птицы, является въ готовой, развитой формѣ. Но тѣ удивительные процессы, благодаря которымъ возникаютъ эти законченныя животныя формы, остаются совершенно неизвѣстными громадному большинству. Однако, эти мало обращающіе на себя вниманія процессы скрываютъ въ себѣ источникъ познанія, не сравнимый по его общему значенію ни съ какимъ другимъ. Въ самомъ дѣлѣ, здѣсь совершается передъ нашими глазами *развитіе, какъ осязаемый фактъ*; достаточно только положить нѣсколько куриныхъ яицъ въ подогрѣваемый аппаратъ для вылупленія и внимательно въ теченіе трехъ недѣль наблюдать подъ микроскопомъ ихъ развитіе, чтобы понять чудеса развитія высокоорганизованной птицы изъ одной единственной простой клѣтки. Вы можете прослѣдить шагъ за шагомъ своими собственными глазами это удивительное превращеніе, и шагъ за шагомъ вы можете обнаружить, какъ одинъ органъ развивается изъ другого.

Уже по одному тому, что въ этой области передъ нашими глазами выступаютъ факты развитія въ ихъ осязаемой дѣйствительности, я считаю необходимымъ обратить ваше вниманіе на безконечно-важные и интересные процессы, на *онтогенезисъ или индивидуальное развитіе организмовъ*, и преимущественно на *исторію зародыша позвоночныхъ животныхъ*, со включеніемъ *человѣка*. Я особенно рекомендовалъ бы вамъ глубоко задуматься надъ этими чрезвычайно замѣчательными и поучительными явленіями, подробное изложеніе которыхъ вы можете найти въ моей «Антропогеніи»; ибо, съ одной стороны, они принадлежатъ къ сильнѣйшимъ опорамъ теоріи измѣняемости видовъ и вообще *монистическаго міровоззрѣнія*; съ другой же стороны, до послѣдняго времени они только немногими оцѣнены сообразно ихъ неизмѣримо широкому значенію.

Поистинѣ надо удивляться, когда начинаетъ разсуждать еще теперь господствующее въ широчайшихъ кругахъ глубокое невѣжество въ фактахъ индивидуальнаго развитія человѣка и вообще организмовъ. Эти необычайно важные факты въ ихъ главнѣйшихъ основныхъ группахъ были установлены уже болѣе ста лѣтъ тому назадъ великимъ нѣмецкимъ натуралистомъ Каспаромъ-Фридрихомъ Вольфомъ въ его классической «Theoria generationis». Но подобно тому, какъ основанная въ 1809 году ламарковская теорія измѣняемости видовъ полстолѣтія находилась въ состояніи дремоты, изъ которой только въ 1859 году Дарвинъ пробудилъ ее къ новой безсмертной жизни, такъ и теорія эпигенезиса Вольфа почти цѣлую половину столѣтія оставалась неизвѣстной. Только послѣ того, какъ Окенъ опубликовалъ въ 1806 году свою исторію развитія кишечнаго канала, и Мекель перевелъ въ 1812 году на нѣмецкій языкъ трудъ Вольфа о томъ же предметѣ, теорія Вольфа широко распространилась и стала основаніемъ для всѣхъ послѣдующихъ изслѣдованій исторіи индивидуальнаго развитія. Изученіе зародышевой исторіи достигло затѣмъ могучей широты, и вскорѣ появились классическія изслѣдованія двухъ друзей Христіана Пандера (1817) и Карла-Эрнста Бера (1819). Особенно же сдѣлавшая эпоху «Исторія развитія животныхъ» Бера установила важнѣйшіе факты, касающіеся онтогеній позвоночныхъ, помощью столь отличныхъ наблюденій, въ связи съ столь превосходными философскими соображеніями, что она сдѣлалась необходимымъ основаніемъ для пониманія этой важнѣйшей животной группы, заключающей въ себѣ и человѣка. Однихъ этихъ фактовъ уже достаточно, чтобы рѣшить вопросъ о мѣстѣ чело-

вѣка въ природѣ—глубочайшую изъ всѣхъ проблемъ. Разсмотрите внимательно и сравните между собой 18 фигуръ, изображенныхъ въ нижеслѣдующихъ III и IV таблицахъ шести различныхъ позвоночныхъ животныхъ, и вы убѣдитесь, что философское значеніе эмбріологіи превышаетъ всякую оцѣнку.

Можно теперь спросить, что знаютъ наши такъ называемые «образованные круги», такъ высоко ставящіе культуру девятнадцатаго столѣтія, объ этихъ важныхъ біологическихъ фактахъ, объ этой необходимой основѣ нашего пониманія своего собственнаго организма? Что знаютъ объ этомъ наши спекулятивные философы и теологи, полагающіе возможнымъ достигнуть, путемъ ли чистаго умозрѣнія или помощью сверхъестественнаго вдохновенія,—пониманія человѣческаго организма? Да, что знаетъ объ этомъ даже большинство натуралистовъ, не исключая и такъ называемыхъ «зоологовъ»?

На этотъ вопросъ придется отвѣтить съ сильной краской стыда, и мы будемъ принуждены такъ или иначе сознаться, что эти неоцѣнимо важные факты исторіи человѣческаго зародыша еще понынѣ большинству совершенно неизвѣстны. Даже многіе, знакомые съ ними, далеко не сознаютъ ихъ истинной цѣны. Здѣсь мы во-очію видимъ, на какомъ косомъ, одностороннемъ пути до сихъ поръ еще покоится прославленная образованность девятнадцатаго вѣка. Невѣжество и предразсудокъ суть почва, на которой большинство людей создаетъ свое пониманіе какъ собственнаго организма, такъ и его отношеніе къ окружающему міру; эти же столь яркіе, столь осязательные факты, способные пролить свѣтъ истины, совершенно игнорируются ими.

Главнымъ виновникомъ этого прискорбнаго, трудно поправимаго факта, безспорно, является наше высшее школьное образованіе, прежде всего такъ называемая «классическая система гимназическаго образованія». Глубоко погруженная въ схоластику средневѣковья, она все еще не можетъ рѣшиться воспринять въ себя колоссальные успѣхи естествознанія нашего столѣтія. До сихъ поръ еще главной задачей ея служитъ не объединенное знаніе природы, часть которой мы сами составляемъ, и настоящаго культурнаго міра, въ которомъ мы живемъ; а наоборотъ, точнѣйшее изученіе исторіи древнихъ государствъ и, конечно, прежде всего латинской и греческой грамматикъ. Само собою разумѣется, основательное знаніе классической древности является важной и необходимой частью нашего высшаго образованія; но любовь, пониманіе ея даютъ намъ гораздо больше наши художники и скульпторы, этическіе и драматическіе поэты, чѣмъ классическіе филологи и вселяющіе страхъ составители грамматикъ. Но чтобы наслаждаться и понимать поэтовъ, мы такъ же мало нуждаемся въ подлинномъ текстѣ, какъ въ библіи. Огромная трата времени и рабочей силы, которой требуетъ пышный спортъ классической грамматики, могла бы быть употреблена безконечно болѣе цѣлесообразно на изученіе замѣчательной области явленій, сдѣлавшейся доступной намъ въ послѣднюю половину столѣтія, благодаря гигантскимъ успѣхамъ естествознанія, особенно же геологіи, біологіи и антропологіи.

Но, къ сожалѣнію, несоотвѣтственность между ежедневно возростающимъ познаніемъ реальнаго міра и ограниченной исходной точкой нашего такъ называемаго идеальнаго образованія юношества со дня на день становится все сильнѣе и сильнѣе. Эти образованные люди, играющіе въ практической культурной жизни вліятельную роль, тео

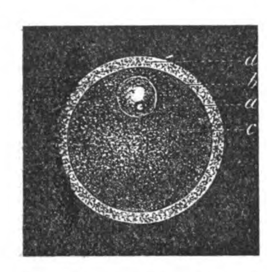
логи и юристы, а также превосходные учителя, филологи и историки обладаютъ весьма скромными знаніями важнѣйшихъ явленій дѣйствительно существующаго міра и истинной естественной исторіи Строеніе и происхожденіе нашего земного шара, какъ и нашего собственнаго человѣческаго тѣла, столь сильно подвинутое поразительными успѣхами современной геологіи и антропологіи, сдѣлавшихъ его однимъ изъ интереснѣйшихъ объектовъ знанія, для большинства остается неизвѣстнымъ. Говорить о человѣческой и яйцевой клѣткѣ и ея развитіи, значитъ или разсказывать смѣшную басню, или впадать въ грубую непристойность. Между тѣмъ эта исторія клѣтокъ открываетъ намъ рядъ дѣйствительно познанныхъ фактовъ, которые своимъ общимъ интересомъ и высокимъ значеніемъ превосходятъ всѣ другіе факты обширной области человѣческаго познанія.

Такъ какъ цѣль этихъ лекцій заключается единственно въ томъ, чтобы содѣйствовать общему познанію естественныхъ истинъ и распространить въ широкихъ кругахъ разумное воззрѣніе на отношенія человѣка къ остальной природѣ, то вы найдете вполнѣ правильнымъ, если я оставлю безъ вниманія широко распространенные предразсудки о привилегированномъ исключительномъ положеніи человѣка въ природѣ. Гораздо лучше, я просто приведу вамъ эмбріологическіе факты, изъ которыхъ вы сами съумѣете вывести заключеніе о несостоятельности этихъ предразсудковъ. Я тѣмъ болѣе просилъ бы васъ глубоко вдуматься въ эти факты исторіи зародыша, что я держусь того твердаго убѣжденія, что общее знакомство съ нею можетъ способствовать только интеллектуальному облагораживанію и вслѣдствіе этого духовному совершенствованію человѣческаго рода.

Изъ безконечно обильнаго и интереснаго опытнаго матеріала, доставляемаго намъ эмбріональной исторіей позвоночныхъ животныхъ, я хотѣлъ бы прежде всего выдвинуть нѣкоторые факты, имѣющіе чрезвычайно высокое значеніе, какъ вообще для теоріи измѣняемости видовъ, такъ и для примѣненія ея къ человѣку. Человѣкъ въ началѣ своего индивидуальнаго существованія представляетъ простое лицо, одну единственную маленькую клѣтку, такъ же какъ и всякій другой животный организмъ, возникающій путемъ полового размноженія. Человѣческое яйцо въ существенныхъ чертахъ сходно съ яйцевыми клѣтками всѣхъ прочихъ млекопитающихъ, а при сравненіи съ яйцомъ высшихъ млекопитающихъ совершенно не можетъ быть отличено. Изображенное на фиг. 5 яйцо можетъ быть отнесено какъ къ человѣку или обезьянѣ, такъ и къ собакѣ, лошади или какому-либо другому высшему млекопитающему. Не только форма и строеніе, но и величина яйца у большинства млекопитающихъ такая же, какъ и у человѣка, именно, около $^1/_5$ м.м. въ поперечникѣ. 120 часть дюйма, такъ что яйцо при благопріятныхъ условіяхъ можно видѣть вооруженнымъ глазомъ въ видѣ маленькой крупинки. Различія, дѣйствительно существующія между яйцевыми клѣтками различныхъ млекопитающихъ и человѣка, состоятъ не въ образованіи, но въ химической смѣси, въ молекулярномъ составѣ бѣлковаго углеродистаго соединенія, изъ котораго главнымъ образомъ построено яйцо. Эти тонкія индивидуальныя отличія всѣхъ яицъ, особенно въ молекулярной структурѣ ядра, по всей вѣроятности, покоятся на непрямомъ или потенціальномъ приспособленіи (и именно, въ частности, на законѣ индивидуальнаго приспособленія); хотя для

чрезвычайно грубыхъ распознавательныхъ средствъ человѣка они непосредственно не ощутимы, но, будучи проведены черезъ хорошо обоснованныя косвенныя заключенія, они являются передъ нами, какъ первыя причины первоначальнаго различія всѣхъ индивидовъ.

Яйцо человѣка, какъ и всѣхъ другихъ млекопитающихъ, представляетъ шарообразный пузырекъ со всѣми главнѣйшими свойствами простой органической клѣтки (фиг. 5). Наиболѣе существенною частью его является слизистое клѣточное вещество, или протоплазма (*c*), для куринаго яйца извѣстная подъ именемъ «желтка», и окружаемое имъ *клѣточное ядро* или nucleus, носящее здѣсь особое названіе «зародышеваго пузырька». Этотъ послѣдній представляетъ нѣжный прозрачный, какъ стекло, шарикъ бѣлковаго вещества, приблизительно 0,01 mm. въ поперечникѣ и окружаетъ гораздо меньшее рѣзко отграниченное круглое *ядрышко* (*a*) или nucleolus клѣтки (такъ называемое «зародышевое пятнышко» яйца).



Фиг. 5. Яйцо человѣка, въ сто разъ увеличенное. *a*—ядрышко или nucleolus (такъ называемое зародышевое пятнышко яйца); *b*—ядро или nucleus (такъ называемый зародышевый пузырекъ яйца); *c*—клѣточное вещество или протоплазма (такъ называемый желтокъ яйца); *d* — клѣточная оболочка или мембрана (желточная оболочка яйца млекопитающихъ вслѣдствіе ея прозрачности названа zona pellucida). Яйца другихъ млекопитающихъ имѣютъ совершенно такую же простую форму.

Снаружи шарообразная яйцеклѣтка млекопитающаго покрыта толстой, стеклообразной кожицей, *клѣточной или желточной оболочкой*, извѣстной подъ особымъ названіемъ zona pellucida (*d*). Яйца многихъ низшихъ животныхъ (напримѣръ, многихъ медузъ), напротивъ, суть голыя клѣтки безъ всякаго внѣшняго покрова.

Какъ только такое яйцо (ovulum) млекопитающаго достигнетъ полной зрѣлости, оно выходитъ изъ женскаго яичника, въ которомъ оно возникло, въ яйцеводъ и черезъ эту узкую трубку проникаетъ въ болѣе обширное вмѣстилище плода, въ матку (uterus). Оплодотворенная при встрѣчѣ съ мужскимъ сѣменемъ, или спермой, яйцеклѣтка развивается въ этомъ вмѣстилищѣ въ зародышъ (эмбріонъ), и покидаетъ его только тогда, когда зародышъ вполнѣ разовьется и сдѣлается способнымъ выйти на свѣтъ при посредствѣ акта рожденія въ видѣ молодого млекопитающаго.

Процессъ *оплодотворенія*, прежде считавшійся весьма таинственнымъ и поразительнымъ явленіемъ, теперь, благодаря великимъ успѣхамъ знанія послѣднихъ десятилѣтій, особенно же благодаря превосходнымъ изслѣдованіямъ братьевъ Оскара и Рихарда Гертвига, Эдуарда Страсбургера, Бючли и мн. др., сдѣлался вполнѣ яснымъ и совершенно непонятнымъ для насъ. Мы теперь знаемъ, что оплодотвореніе яйца, наиболѣе существенный моментъ въ половомъ размноженіи, не что иное, какъ *сліяніе двухъ различныхъ клѣтокъ*, отцовской сѣмянной клѣтки и материнской яйцеклѣтки. Изъ тысячи маленькихъ подвижныхъ жгутиковыхъ клѣтокъ, плавающихъ въ мужской сѣмянной жидкости, одна только проникаетъ въ женскую яйцеклѣтку и вполнѣ сливается съ нею. При такомъ сліяніи двухъ половыхъ клѣтокъ, главное значеніе имѣетъ *копуляція обоихъ клѣточныхъ ядеръ*. Мужское ядро сѣмянной клѣтки сливается съ ядромъ женской яйцеклѣтки и возни-

каетъ при этомъ новое *ядро поколѣнія* или родовое ядро (Stammkern), nucleus новой родовой клѣтки (cytula).

Уже 30 лѣтъ тому назадъ я опредѣлилъ въ своей общей морфологіи (т. I, стр. 288) значеніе этихъ двухъ активныхъ частей клѣтки въ томъ, «что внутреннее ядро завѣдуетъ наслѣдственной передачей наслѣдственно пріобрѣтаемыхъ признаковъ, внѣшняя же *плазма* (или цитоплазма) исполняетъ задачу приспособленія къ условіямъ внѣшняго міра». Это положеніе всецѣло подтверждено многочисленными тщательными изслѣдованіями послѣдняго времени. Мужское *сѣмянное ядро* передаетъ при оплодотвореніи наслѣдственные свойства *отца,* между тѣмъ какъ женское *яйцевое ядро* содѣйствуетъ наслѣдственной передачѣ особенностей *матери.*

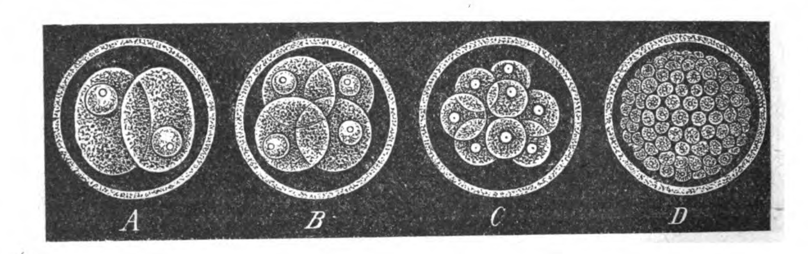
Родовая клѣтка (cytula) или такъ называемая «*оплодотворенная яйцеклѣтка*» (часто неудачно называемая также «первой клѣткой дробленія») представляетъ поэтому совершенно *новое существо.* Ибо какъ ея вещество является матеріальнымъ продуктомъ отцовской сѣмянной клѣтки и материнской яйцеклѣтки, такъ и нераздѣльныя съ нимъ жизненныя свойства возникли изъ смѣшенія физіологическихъ свойствъ обоихъ родителей. Индивидуальная смѣсь признаковъ, наслѣдственно получаемая каждымъ ребенкомъ отъ обоихъ родителей, сводятся къ смѣшиванію обоихъ ядерныхъ массъ въ моментъ оплодотворенія. Съ этого важнѣйшаго момента и начинается впервые живое существованіе индивида, а не около времени рожденія, наступающаго у человѣка только спустя 9 мѣсяцевъ.

Общее значеніе этихъ чрезвычайно интересныхъ процессовъ оцѣнено далеко не въ той мѣрѣ, какой оно заслуживаетъ. Ограничиваясь лишь однимъ изъ важнѣйшихъ слѣдствій ихъ, замѣтимъ, что эти процессы бросаютъ совершенно новый свѣтъ на важный вопросъ личной неуничтожаемости. Мистическая догма неуничтожаемости человѣческой особи уже полстолѣтія тому назадъ рѣшительно опровергнута великими успѣхами сравнительной физіологіи и онтогеніи, сравнительной психологіи и психіатріи. Тѣмъ не менѣе, могло еще оставаться нѣкоторое сомнѣніе въ томъ, сохраняетъ-ли независимость отъ мозга хотя бы *часть* нашей душевной жизни и не опредѣляется-ли она дѣятельностью нематеріальной «души». Но это сомнѣніе тотчасъ разсѣется, какъ только вы ближе, познакомившись съ процессомъ оплодотворенія, узнаете, что даже тончайшія свойства обоихъ родителей наслѣдственно передаются ребенку при помощи акта оплодотворенія, и что эта наслѣдственная передача исключительно основана на смѣшеніи двухъ копулирующихъ клѣточныхъ ядеръ. Человѣческая особь, какъ и всякое другое многоклѣточное животное, представляетъ только преходящую форму органической жизни. Съ ея смертью порывается цѣпь ея жизнедѣятельности столь же полно, какъ послѣ акта оплодотворенія она получаетъ свое начало.

Измѣненія формы и преобразованія, претерпѣваемыя оплодотвореннымъ яйцомъ внутри матки, прежде чѣмъ это яйцо получитъ форму молодого млекопитающаго, должны быть чрезвычайно замѣчательными; у человѣка въ началѣ они протекаютъ совершенно также, какъ и у остальныхъ млекопитающихъ. Прежде всего оплодотворенное яйцо млекопитающаго ведетъ себя такъ, какъ и одноклѣточный организмъ, самовольно стремящійся къ самостоятельному размноженію, какъ, напримѣръ, амеба (ср. фиг. 2, стр. 101). Именно, путемъ описаннаго

раньше процесса клѣточнаго дѣленія, простая яйцевая клѣтка распадается на двѣ клѣтки (фиг. 6 *A*).

Этотъ процессъ дѣленія клѣтокъ повторяется другъ за другомъ много разъ. Такимъ способомъ изъ двухъ клѣтокъ (фиг. 6 А) возникаетъ четыре (фиг. 6 В), изъ четырехъ — восемь (фиг. 6 С), изъ восьми — шестнадцать, изъ шестнадцати — тридцать два и т. д. При этомъ каждый разъ дѣленіе клѣточнаго ядра предшествуетъ дѣленію клѣточнаго вещества или протоплазмы. Такъ какъ дѣленіе послѣдней всегда начинается образованіемъ поверхностныхъ кольцевидныхъ *бороздъ*, то и весь процессъ называютъ *бороздованіемъ или дробленіемъ яйца*, и продукты его, маленькія клѣтки, возникшія путемъ повторнаго дѣленія на-двое, *шарами дробленія или бороздованія* (бластомеры). Однако, весь процессъ не что иное, какъ простое повторное *клѣточное дѣленіе*, и продукты его суть настоящія голыя *клѣтки*. Наконецъ, отъ такого продолжительнаго дѣленія или «дробленія» яйца млекопитающаго получается такъ называемая тутовая форма зародыша (morula), тутообразный или малинообразный шаръ, состоящій изъ весьма многочисленныхъ маленькихъ шариковъ, голыхъ ядерныхъ клѣтокъ (фиг. 6 D). Эти клѣтки суть тѣ кирпичи, изъ которыхъ



Фиг. 6. Первое начало развитія яйца млекопитающаго, такъ называемое «дробленіе» (размноженіе яйцевой клѣтки путемъ повторнаго дѣленія). *A*—яйцо распалось при помощи первой борозды на двѣ клѣтки. *B*—дѣленіемъ пополамъ онѣ распадаются на четыре клѣтки. *C*—эти послѣднія распались на восемь клѣтокъ. *D*—путемъ продолжающагося дѣленія возникаетъ шарообразная куча безчисленныхъ клѣтокъ, форма малиновой ягоды или тутовый зародышъ (morula).

строится тѣло молодого млекопитающаго. Каждый изъ насъ однажды представлялъ изъ себя такой простой малинообразный, составленный изъ маленькихъ клѣтокъ шаръ, или морулу.

Дальнѣйшее развитіе шарообразной кучи клѣтокъ, представляющей теперь тѣло молодого млекопитающаго, состоитъ прежде всего въ томъ, что она превращается въ шарообразный пузырь, въ то время какъ внутренняя часть его наполняется жидкостью. Этотъ пузырь называютъ *зародышевымъ пузыремъ* (бластула — vesicula blastadermica). Стѣнка его вначалѣ составлена только изъ однородныхъ клѣтокъ. Но вскорѣ въ опредѣленномъ мѣстѣ стѣнки появляется круглое утолщеніе одновременно съ усиленнымъ размноженіемъ расположенныхъ здѣсь клѣтокъ; это утолщеніе и является теперь закладкой для собственнаго тѣла зародыша или эмбріона, остальная же часть зародышеваго пузыря служитъ только для питанія эмбріона. Утолщенный кружокъ или эмбріональная закладка вскорѣ послѣ этого удлиняется и вслѣдствіе растяженія противоположныхъ краевъ получаетъ

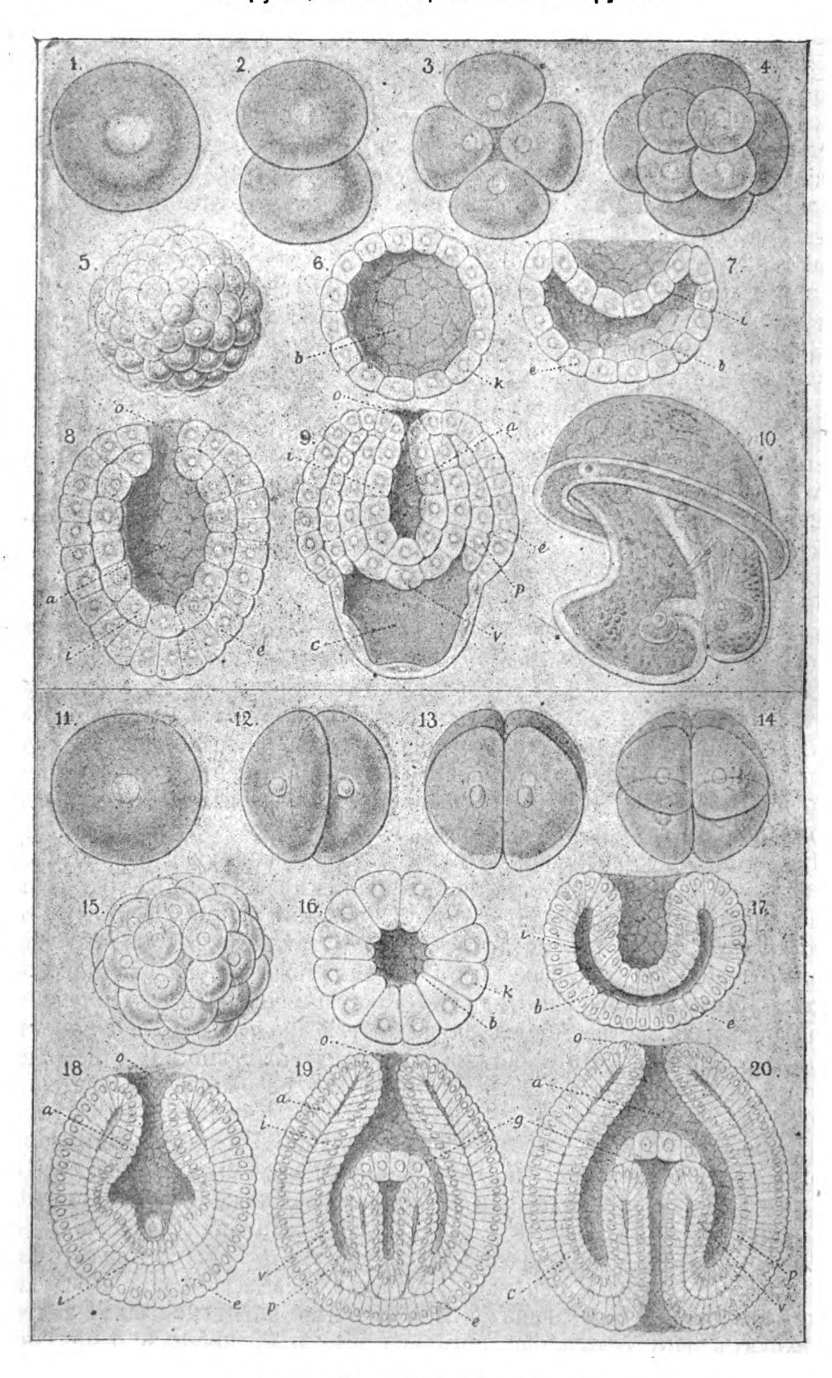
подошвообразную или бисквитообразную форму (см. ниже фиг. 7). На этой стадіи развитія, въ первоначальной закладкѣ зародыша или эмбріона, въ существенныхъ чертахъ сходны еще не только млекопитающія со включеніемъ человѣка, но даже всѣ позвоночныя вообще, всѣ млекопитающія, птицы, рептиліи, амфибіи и рыбы: часто ихъ совсѣмъ нельзя отличить другъ отъ друга, иногда же они различаются то своей величиной или не существенными особенностями формы, то образованіемъ яйцевыхъ оболочекъ и желточнымъ придаткомъ. У всѣхъ ихъ тѣло составлено не изъ чего другого, какъ изъ двухъ только тонкихъ слоевъ или пластовъ простыхъ клѣтокъ; они лежатъ другъ на другѣ, подобно круглымъ тонкимъ листьямъ, отчего и называются «первичными зародышевыми листками». Наружный или верхній зародышевый листокъ называется *кожнымъ листкомъ (экзодерма)*, внутренній или нижній — *кишечнымъ листкомъ (энтодерма)*.

Зародышевая форма животнаго тѣла, состоящая, такимъ образомъ, только изъ двухъ первичныхъ зародышевыхъ листковъ, общая всѣмъ многоклѣточнымъ животнымъ (или metazoa) и поэтому, представляетъ величайшее значеніе. Общее распространеніе этой двупластовой зародышевой формы у всѣхъ metazoa, и отсюда слѣдующая «гомологія обоихъ первичныхъ зародышевыхъ листковъ», я уже указывалъ въ 1872 году въ моей морфологіи известковыхъ губокъ, и затѣмъ въ моемъ «ученіи о теоріи гастреи» я привелъ достаточное число доказательствъ этого. Такъ какъ эта важная зародышевая форма въ своемъ первоначальномъ чистомъ видѣ сходна съ двустѣннымъ бокаломъ, то я и назвалъ ее бокаловиднымъ зародышемъ *(гаструла)* и процессъ образованія его *гаструляціей*. Уже тогда (1872, стр. 467 т. I) на основаніи поразительнаго сходства гаструлы у всѣхъ многоклѣточныхъ животныхъ я заключилъ, что всѣ эти metazoa (соотвѣтственно основному біогенетическому закону) должны происходить изъ одной единственной общей родоначальной формы, и эта гипотетическая исходная форма, въ главнѣйшихъ чертахъ образованная сходно съ бокаловидной гаструлой, и есть *гастрея*.

Гаструли млекопитающихъ, какъ и многихъ другихъ высшихъ животныхъ, благодаря особеннымъ условіямъ своего развитія, теряетъ первоначальную бокаловидную форму, принимая форму диска. Но этотъ *зародышевый дискъ* (дискогаструла) представляетъ только вторичное видоизмѣненіе или модификацію первоначальнаго бокаловиднаго зародыша. Какъ у этого послѣдняго, такъ и у перваго два первичныхъ зародышевыхъ листка позже распадаются на *четыре вторичныхъ зародышевыхъ листка*. Но и они состоятъ исключительно изъ однородныхъ клѣтокъ; однако, каждый изъ нихъ имѣетъ особенное значеніевъ постройкѣ тѣла позвоночнаго животнаго. Изъ верхняго или наружнаго зародышеваго листка происходитъ верхняя кожица (эпидермисъ) вмѣстѣ съ центральными частями нервной системы (спинной и головной мозгъ); изъ нижняго или внутренняго листка возникаетъ только внутренняя нижняя кожица (эпителій), выстилающая весь кишечный каналъ отъ рта до заднепроходнаго отверстія вмѣстѣ съ придаточными желѣзами его (легкими, печенью, слюнными желѣзами и т. д.); изъ двухъ промежуточныхъ, залегающихъ между ними зародышевыхъ листковъ происходятъ всѣ остальные органы (срав. о процессахъ развитія зародыша человѣка и животныхъ мою «Антропогенію» и мое «Ученіе о теоріи гастрен»).

Табл. II.

Гаструляція или образованіе гаструлы.



1—10. Прудовикъ (lymnaeus).
11—20. Стрѣловидный червякъ (sagitta).

Гаструляція, обнимающая пять первыхъ ступеней эмбріональнаго развитія metazoa, на этой таблицѣ представлена въ своей простѣйшей и первоначальной формѣ, въ видѣ образованія *архигаструлы* (фиг. 8 и 18); всѣ прочія формы зародышеваго развитія должны быть разсматриваемы какъ вторичныя модификаціи этой первичной формы. Фиг. 1—10 показываетъ образованіе гаструлы *мягкотѣлаго животнаго,* общеизвѣстнаго прудовика, или болотной улитки (lymnaeus), согласно изслѣдованіямъ Карла Рабля; фиг. 11—20 изображаетъ гаструляцію стрѣловиднаго червяка (sagitta) по изслѣдованіямъ Гегенбауера и Гертвига. Буквы во всѣхъ фигурахъ имѣютъ одно и то же значеніе:

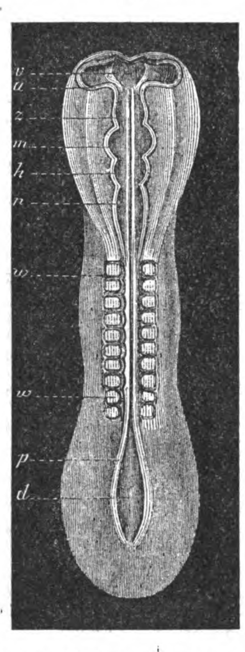
a—первичный кишечникъ (progaster),
o—первичный ротъ (prostoma),
e—кожный листокъ (эктодерма).
i—кишечный листокъ (энтодерма),
g—половыя клѣтки (gonocyta),
k—зародышевый покровъ (бластодерма),
b—зародышевая полость (blastocelon),
c—полость тѣла (coeloma),
p—кожноволокнистый листокъ (паріэтальный листокъ),
v—кишечноволокнистый листокъ (висцеральный листокъ).

Фиг. 1 и 11—*первоначальная клѣтка* (cytula) или «оплодотворенная яйцевая клѣтка» (названная также «первымъ шаромъ дробленія»). Фиг. 2 и 12—дѣленіе на двое цитулы. Фиг. 3 и 13—дѣленіе на двое каждой половины ея. Фиг. 4 и 14—раздѣленіе ея на восемь шаровъ дробленія или бластомеръ. Фиг. 5 и 15—*тутовидный зародышъ* (морула). Фиг. 6 и 16—*пузыревидный зародышъ* (бластула, полый шаръ въ разрѣзѣ). Фиг. 7 и 17—*чепцевидный зародышъ* (depula) или впячиваніе бластулы. Фиг. 8 и 18—*бокаловидный зародышъ* (гаструла) въ разрѣзѣ. Фиг. 9 и 19—целомная личинка (coelomula) въ разрѣзѣ. Фиг. 10 и 20—личинка со ртомъ и заднепроходнымъ отверстіемъ.

Процессы возникновенія изъ столь простого строительнаго матеріала, изъ четырехъ простыхъ, составленныхъ только изъ клѣтокъ зародышевыхъ листовъ, столь разнородныхъ, чрезвычайно сложно составленныхъ частей тѣла взрослаго позвоночнаго животнаго, заключается, во-первыхъ, въ повторномъ дѣленіи и, поэтому, размноженіи клѣтокъ; во-вторыхъ, въ раздѣленіи труда или дифференцировкѣ этихъ клѣтокъ; въ-третьихъ, въ неравномѣрномъ ростѣ клѣточныхъ группъ, и, въ-четвертыхъ, въ соединеніи разнородно развитыхъ и дифференцированныхъ клѣтокъ для образованія различныхъ органовъ. Такъ постепенно совершается прогрессъ или совершенствованіе, которое можно шагъ за шагомъ прослѣдить въ развитіи эмбріональнаго тѣла. Простыя эмбріональныя клѣтки, составляющія тѣло позвоночнаго животнаго, относятся между собой, какъ граждане, желающіе создать государство. Одни принимаютъ на себя одну дѣятельность, другіе—другую, и исполняютъ ее ко благу цѣлаго. Благодаря этому раздѣленію труда и дифференцированію формы, а также благодаря связанному съ нимъ совершенствованію (органическому прогрессу), становится возможнымъ для цѣлаго государства исполнять дѣятельность, невозможную для отдѣльнаго индивида. Все тѣло позвоночнаго животнаго, подобно всякому другому многоклѣточному организму, представляетъ, такимъ образомъ, республиканское государство клѣточекъ; оно, поэтому, можетъ отправлять тѣ органическія функціи, которыя никогда не могли бы совершить одиночныя клѣтки-отшельники (какъ, напр., амеба или одноклѣточное растеніе).

Прослѣдимъ дальше индивидуальное развитіе тѣла позвоночнаго животнаго и посмотримъ, что предпринимаютъ прежде всего сограждане эмбріональнаго организма. По срединной линіи пластинки, составленной изъ четырехъ клѣточныхъ зародышевыхъ листковъ и по формѣ напоминающей соринку, появляется весьма тонкая бороздка, такъ называемый «первичный желобокъ», помощью котораго скрипкообразное тѣло раздѣляется на двѣ равныхъ боковыхъ половины, правую и лѣ-

вую части или антимеры. Съ обѣихъ сторонъ этой бороздки или желобка поднимается верхній или наружный зародышевый листокъ, въ формѣ продольной складки, и двѣ такихъ складки сростаются затѣмъ надъ желобкомъ по средней линіи, образуя такимъ образомъ цилиндрическую трубку. Эта трубка носитъ названіе мозговой или медулярной трубки, такъ какъ здѣсь происходитъ закладка центральной нервной системы, *спинного мозга* (medula spinalis). Сперва онъ заостряется спереди и сзади, и въ такомъ видѣ онъ остается на всю жизнь у низшихъ позвоночныхъ, лишенныхъ головного мозга и черепа, ланцетниковъ (amphioxus). Но у всѣхъ прочихъ позвоночныхъ животныхъ, отличающихся отъ первыхъ, какъ черепныя животныя или краніоты, вскорѣ становится видимымъ различіе между переднимъ и заднимъ концомъ медулярной трубки, причемъ первый раздувается, превращаясь въ круглый пузырь, закладку головного мозга.



Фиг. 7. Эмбріонъ млекопитающаго или птицы, въ которомъ недавно заложены пять мозговыхъ пузырей. *v*. Передній мозгъ. *z*. Промежуточный мозгъ. *m*. Средній мозгъ. *h*. Малый мозгъ. *n*. Задній мозгъ. *a*. Мозговые пузыри. *w*. Первичный позвонокъ. *d*. Спинная струна или хорда (просвѣчивающая черезъ мозгъ).

У всѣхъ краніотъ, т.-е. у всѣхъ позвоночныхъ, снабженныхъ черепомъ и мозгомъ, послѣдній, представляющій первоначально только пузыревидное вздутіе передняго конца спинного мозга, вскорѣ распадается на пять другъ за другомъ слѣдующихъ пузырей при помощи четырехъ поверхностныхъ поперечныхъ перетяжекъ. *Пять* этихъ *мозговыхъ пузырей*, изъ которыхъ впослѣдствіи образуются всѣ различныя части столь сложно построеннаго мозга, представлены въ изображенномъ на фиг. 7 эмбріонѣ въ ихъ первоначальной закладкѣ. При этомъ все равно, разсматриваемъ ли мы эмбріонъ собаки, курицы, черепахи или какого-нибудь другого высшаго позвоночнаго, ибо эмбріоны различныхъ черепныхъ животныхъ (по крайней мѣрѣ, трехъ высшихъ классовъ, рептилій, птицъ и млекопитающихъ, въ стадіи, изображенной на фиг. 7) еще крайне сходны или различаются только несущественными признаками. Вся форма ихъ тѣла представляетъ еще простую, тонкую, листовидную пластинку. Лицо, ноги, внутренности и т. д. еще совершенно отсутствуютъ. Но пять мозговыхъ пузырей уже ясно отграничены другъ отъ друга.

Первый пузырь, *передній мозгъ* (*v*) особенно важенъ, такъ какъ онъ преимущественно образуетъ такъ называемые *большіе гемисферы или полушарія* головного мозга, т.-е. тѣ части его, которыя служатъ мѣстомъ высшей умственной дѣятельности. Чѣмъ выше развита эта послѣдняя у позвоночнаго животнаго, тѣмъ больше растутъ обѣ половины передняго мозга, или большія полушарія, на счетъ четырехъ прочихъ пузырей, залегая спереди и вверху надъ остальными частями его. У человѣка, гдѣ они относительно наиболѣе сильно развиты соотвѣтственно высшей духовной дѣятельности его, они позже почти вполнѣ покрываютъ сверху всѣ прочія части (срав. таб. III и IV). *Второй* пузырь, *промежуточный мозгъ* (*z*) образуетъ въ особенности

ту часть мозга, которую называютъ *зрительнымъ бугромъ*, и стоитъ въ ближайшемъ отношенiи къ глазамъ (*a*), вырастающихъ въ видѣ двухъ пузырей справа и слѣва передняго мозга и позже залегающихъ въ глубинѣ промежуточнаго мозга. *Третiй* пузырь, *среднiй мозгъ* (*m*) по большей части идей на образованiе такъ называемаго *четверохолмiя* сильнаго мозгового расширенiя, особенно большого у рыбъ и такъ же сильно развитого у рептилiй и птицъ, между тѣмъ какъ у млекопитающихъ оно значительно регрессируетъ въ своемъ развитiи. *Четвертый* пузырь, *малый мозгъ* (*h*) образуетъ вмѣстѣ съ мозжечкомъ (cerebellum) такъ называемыя *малыя полушарiя*, ту часть мозга, относительно значенiя которой существуютъ противорѣчивыя предположенiя, но которая, повидимому, завѣдуетъ, главнымъ образомъ, координацiей движенiй. Наконецъ, *пятый* пузырь, *заднiй мозгъ* (*n*), развивается въ весьма важныя части центральной нервной системы, которыя называютъ затылочнымъ или чаще *продолговатымъ мозгомъ* (medulla oblongata). Онъ является центральнымъ органомъ дыхательныхъ движенiй и другихъ важныхъ функцiй, и его поврежденiя немедленно вызываетъ смерть, между тѣмъ какъ большiя полушарiя можно по частямъ удѣлять и, наконецъ, совсѣмъ уничтожать, не причиняя этимъ смерти позвоночному животному; при этомъ исчезнетъ только его высшая духовная дѣятельность.

Пять мозговыхъ пузырей первоначально одинаково закладываются у всѣхъ позвоночныхъ, вообще обладающихъ мозгомъ, и постепенно развиваются у различныхъ группъ столь разнородно, что впослѣдствiи весьма затруднительно въ совершенно развитомъ мозгу снова распознать тѣ же самыя части. Въ раннюю стадiю развитiя, изображенную на фиг. 7, еще невозможно рѣзко отличать между собой эмбрiоновъ различныхъ амнiотъ (т.-е. млекопитающихъ птицъ и рептилiй); характеристическiя признаки отдѣльныхъ группъ появляются только позже.

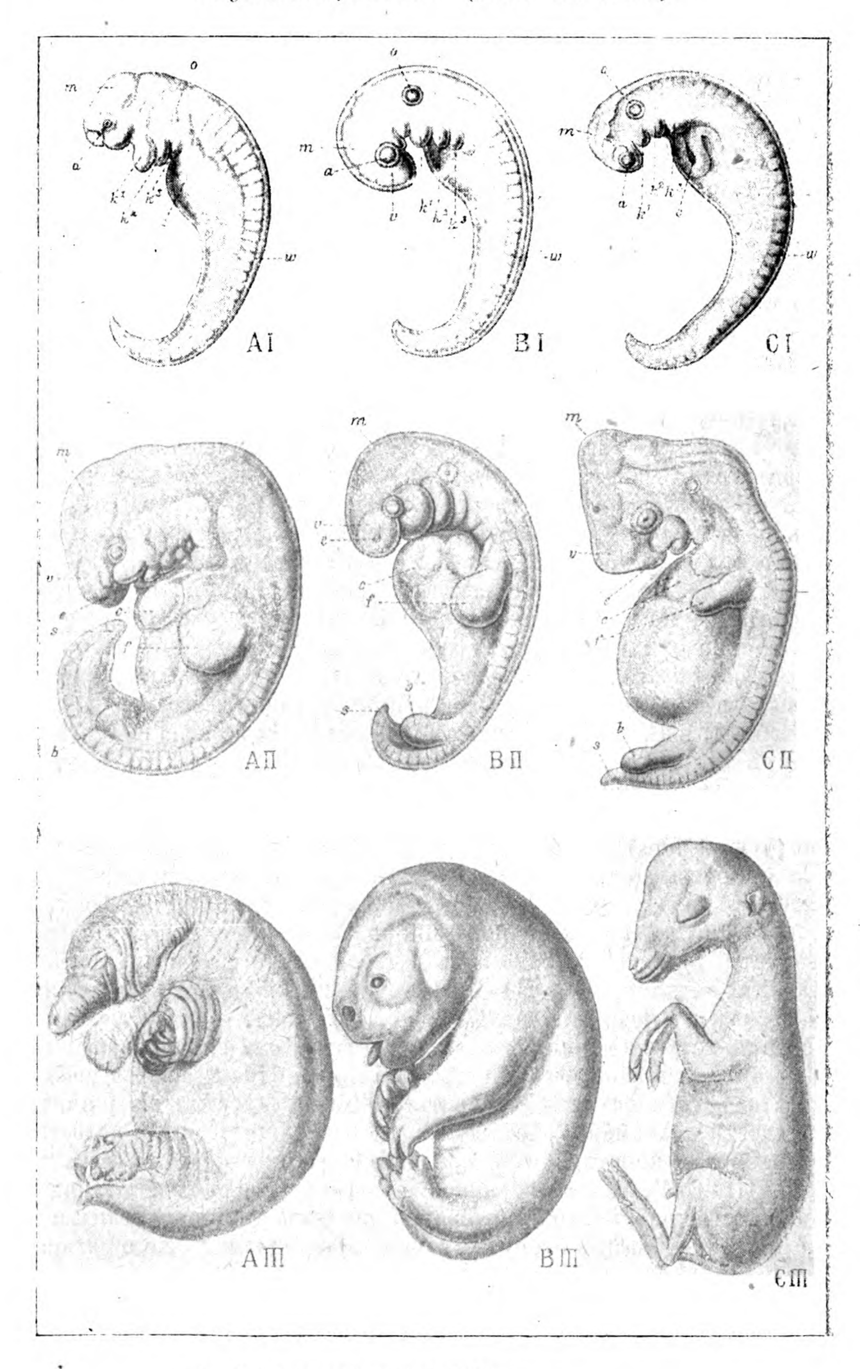
На таб. III и IV я сопоставилъ эмбрiоновъ шести различныхъ млекопитающихъ въ трехъ послѣдовательныхъ ступеняхъ развитiя, а именно: *A—однопроходное* животное (муравьиный ежъ, *echidna*), *B—сумчатое* (сумчатый медвѣдь, *phascolarcots*), C — *копытное* (олень, *cetrus*), *D*—хищное (кошка, felis), *E обезьяна (macacus)* и *F*—человѣкъ (homo). Всѣ фигуры изображаютъ зародышей въ одной и той же постановкѣ ихъ, съ лѣвой стороны; первая ступень (или верхнiй рядъ) сильнѣе увеличена, чѣмъ вторая ступень (среднiй рядъ) и эта сильнѣе увеличена, чѣмъ третья ступень (нижнiй рядъ). Въ своей антропогенiи (1891) я сопоставилъ на таб. VIII и IX соотвѣтственныя три стадiи развитiя восьми другихъ млекопитающихъ (сумчатой крысы, свиньи, козули, коровы, собаки, летучей мыши, кролика, человѣка). Эти фигуры дополняютъ приведенныя здѣсь изображенiя: къ сожалѣнiю, однако, нельзя показать точно соотвѣтственныя стадiи развитiя всѣхъ ихъ, вслѣдствiе значительной трудности сохраненiя зародышей (въ особенности болѣе молодыхъ).

Зародыши млекопитающихъ, представленныя въ первомъ (верхнемъ) ряду таб. III и IV, всѣ еще крайне сходны и несущественно отличаются отъ соотвѣтственныхъ стадiй развитiя прочихъ амнiотъ (птицъ и рептилiй). Всѣ они обнаруживаютъ въ сущности одно и то же образованiе пяти мозговыхъ пузырей, жаберныхъ дугъ (*k*), позвоночнаго столба (*w*) и т. д. Также и на второй ступени развитiя, въ среднемъ поперечномъ ряду (*A*2 — *F*2) характеристическiя особенности отдѣльныхъ отрядовъ млекопитающихъ еще недостаточно отчетливо выражены. Онѣ только отчасти могутъ замѣчены въ третьей стадiи, изображенной въ нижнемъ поперечномъ ряду (*A*3 — *F*3)

*

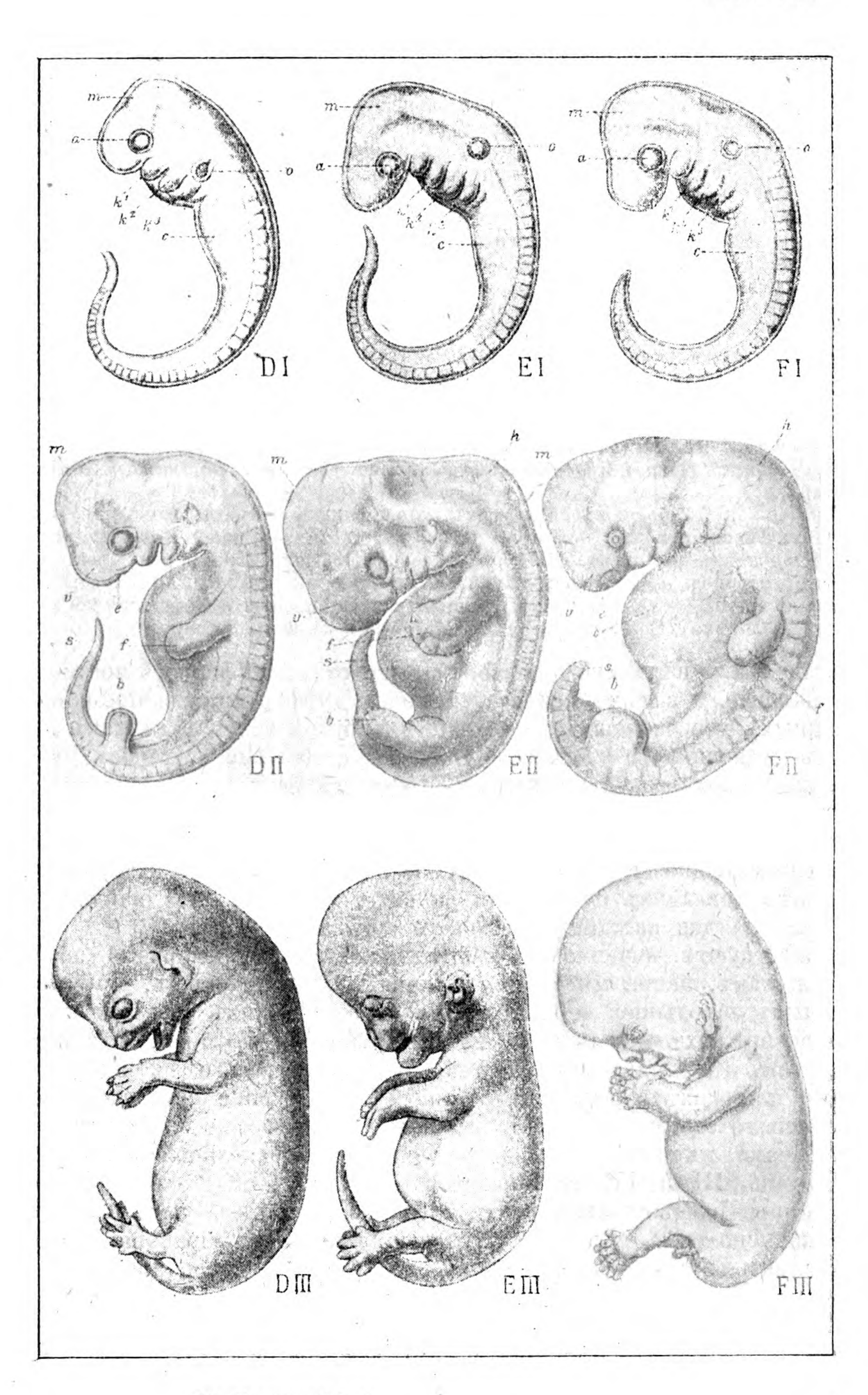
Табл. III.

Зародыши или эмбріоны шести различныхъ млекопитающихъ на трехъ ступеняхъ развитія (Табл. III и IV).



A. Муравьиный ежъ (echidna).
B. Сумчатый медвѣдь (phascolactor).
C. Олень (cervus).

Табл. IV.



D. Кошка (felis).
E. Хвостатая обезьяна (macacus).
F. Человѣкъ (homo).

Въ первой изображенной здѣсь ступени (верхній поперечный рядъ) зародыши всѣхъ млекопитающихъ обладаютъ еще почти одинаковой формой тѣла. На этой рыбообразной ступени развитія имѣются еще три пары жаберныхъ дугъ (к 1—к 3) и между ними свободныя жаберныя щели. Глазъ (*a*) и органъ слуха (*o*)—простые пузырьки, отшнуровавшіеся отъ кожи. *m*. Средній мозгъ. *c*. Сердце. Конечности еще совершенно отсутствуютъ.

Вторая ступень развитія (средній поперечный рядъ) также обнаруживаетъ еще отчасти сохранившіяся жаберныя дуги; но плавникообразныя закладки парныхъ конечностей уже ясно замѣтны, вверху передніе ноги (*f*), внизу задніе ноги (*b*); обѣ пары представляютъ еще нерасчлененныя пластинки. Хвостъ (*s*), въ которомъ задній конецъ членистаго позвоночнаго столба ясно виденъ до самой верхушки, закрученъ по направленію къ животу.

Въ третьей ступени развитія (въ нижнемъ поперечномъ ряду) голова и конечности уже столь значительно развиты, что можно болѣе или менѣе легко распознать позднѣйшіе характеристическіе признаки соотвѣтствующаго рода млекопитающаго. Всѣ фигуры представлены съ лѣвой стороны и слабо увеличены. Закривленная спина обращена вправо.

A. *Муравьиный ежъ* (echidna). Представитель *однопроходныхъ* (monotremata).

B. *Сумчатый медвѣдь* (phascolarctos). Представитель *сумчатыхъ* (marsupialia).

C. *Олень* (Cervus). Представитель *копытныхъ* (ungulata).

D. *Кошка* (felis). Представитель хищныхъ (carnivora).

E. Хвостатая обезьяна (macacus). Представитель *обезьянъ* (simiae).

F. Человѣкъ (homo). Представитель наивысше развитыхъ *приматовъ* (anthropomorpha).

Изображеніе эмбріоновъ 14 другихъ позвоночныхъ на трехъ соотвѣтствующихъ ступеняхъ развитія можно найти на четырехъ таблицахъ моей *Антропогеніи* (IV изд. 1891); и именно на таб. VI и VII зародыши шести различныхъ sauropsida (ящерицы, крокодила, черепахи, курицы, страуса); на таб. VIII и IX зародыши восьми mammalia (сумчатой крысы, свиньи, козули, коровы, собаки, летучей мыши, кролика, человѣка). Срав. при этомъ XIV докладъ къ антропогеніи.

Я показалъ вамъ здѣсь первоначальное сходство формъ и постепенно наступающее, а затѣмъ все возрастающее дифференцированіе эмбріоны различныхъ позвоночныхъ на частномъ примѣрѣ мозга, такъ какъ этотъ органъ душевной дѣятельности имѣетъ особенный интересъ. Но я такъ же точно могъ бы взять вмѣсто мозга сердце или конечности, короче всякую другую часть тѣла; всюду повторяется одно и то же чудо творенія: а именно, всѣ части у различныхъ позвоночныхъ первоначально одинаковы, и только мало-по-малу выступаютъ ихъ различія. Въ моихъ докладахъ о «Исторіи развитія человѣка» вы найдете доказательства для каждаго отдѣльнаго органа.

Существуютъ, конечно, не многія части тѣла, разнородно образованныя, какъ, напр., *конечности* различныхъ позвоночныхъ. Но у рыбообразныхъ зародышей верхняго ряда (*A*1 — *F*1) ихъ совсѣмъ нѣтъ и у болѣе зрѣлыхъ зародышей (*A*2 — *F*2) первыя закладки какъ переднихъ, такъ и заднихъ конечностей появляются только въ видѣ короткихъ и широкихъ пластинокъ. Только позже на конечномъ расширеніи ихъ появляется закладка пяти пальцевъ, а еще позже особенная форма ихъ; однако, въ началѣ пальцы соединены плавательной перепонкой.

На таб. III и IV въ верхнемъ ряду (*A*1 — *F*1) эмбріоновъ еще нельзя опредѣлить слѣды характеристичной формы взрослаго животнаго. Но они ясно обнаруживаютъ чрезвычайно важное образованіе, общее первоначально всѣмъ позвоночнымъ, впослѣдствіи превращающееся въ разнообразнѣйшіе органы. Конечно, всѣ вы знаете *жаберныя дуги* рыбъ, костныя дуги, залегающія съ каждой стороны шеи, въ числѣ трехъ или четырехъ, и несущія органы дыханія рыбъ, жабры (двойные ряды красныхъ листковъ). Эти жаберныя дуги и лежащія между ними жаберныя щели у человѣка и у другихъ млекопитающихъ, а также у птицъ и рептилій, первоначально такія же, какъ и у всѣхъ прочихъ

позвоночныхъ. (На фиг. A — F три жаберныхъ дуги лѣвой стороны шеи обозначены буквами *к*1, *к*2, *к*3). Но въ первоначальномъ видѣ онѣ остаются только у рыбъ, превращаясь въ органы дыханія. У всѣхъ же прочихъ позвоночныхъ они идутъ частью на образованіе лица, частью на образованіе слухового органа.

Наконецъ, я хотѣлъ бы еще разъ остановить ваше вниманіе при сравненіи эмбріоновъ, изображенныхъ на III и IV таб. на *человѣческомъ хвостикѣ,* свойственномъ въ первоначальной закладкѣ какъ человѣку, такъ и всѣмъ прочимъ позвоночнымъ. Открытіе «хвостатыхъ людей» долгое время съ нетерпѣніемъ ожидалось многими монистами, желавшими на этомъ доказать ближайшее родство человѣка съ прочими млекопитающими. Дуалистическіе же противники, въ свою очередь, съ гордостью заявляли, что полное отсутствіе хвоста представляетъ важнѣйшее отличіе тѣла человѣка отъ животныхъ, причемъ въ то время они забывали многихъ, нынѣ существующихъ безхвостыхъ животныхъ. Но въ первые мѣсяцы своего развитія человѣкъ обладаетъ такимъ же настоящимъ хвостомъ, какъ и родственныя ему безхвостыя обезьяны (оранъ, шимпанзе, горилла), и какъ вообще позвоночныя животныя. Но въ то время какъ у большинства ихъ онъ въ теченіе своего развитія все болѣе удлиняется, у человѣка и у безхвостыхъ млекопитающихъ съ нѣкотораго момента развитія онъ регрессируетъ и, наконецъ, совсѣмъ исчезаетъ. У развитого человѣка остатокъ хвоста можетъ быть открытъ въ видѣ недоразвитого, рудиментарнаго органа, образующаго задній или нижній конецъ позвоночнаго столба,—безошибочное свидѣтельство происхожденія его отъ хвостатыхъ предковъ.

Еще и по нынѣ большинство людей склонно отвергать важнѣйшее слѣдствіе теоріи измѣняемости видовъ, палеонтологическое развитіе человѣка изъ обезьянообразныхъ и затѣмъ изъ низшихъ млекопитающихъ, считая невозможнымъ такое преобразованія органической формы. Но пусть они отвѣтятъ мнѣ, развѣ явленія индивидуальнаго развитія человѣка, изложенныя здѣсь въ основныхъ чертахъ, сколько-нибудь менѣе удивительны? Развѣ не замѣчателенъ въ высочайшей степени тотъ фактъ, что всѣ позвоночныя изъ разнообразнѣйшихъ классовъ, рыбы, амфибіи, рептиліи, птицы и млекопитающія, въ первые періоды ихъ эмбріональнаго развитія, совершенно не могутъ быть отличены другъ отъ друга: и даже гораздо позже, когда рептиліи и птицы уже ясно отличаются отъ млекопитающихъ, собака и человѣкъ обнаруживаютъ почти одно и то же строеніе тѣла? Правда, если сравнить между собой два ряда развитія, и спросить, какой изъ нихъ болѣе замѣчательный, то *онтогенія,* или краткая и быстрая исторія развитія индивида окажется гораздо болѣе загадочной, чѣмъ *филогенія,* или продолжительная и медленная исторія развитія *поколѣнія.* Ибо одинаково поразительное превращенія формы и преобразованіе поколѣнія на протяженіи многихъ тысячъ лѣтъ, совершается индивидомъ, напротивъ, въ промежутокъ немногихъ недѣль или мѣсяцевъ. Очевидно, это чрезвычайно быстрое и рѣзко замѣтное преобразованіе индивида, въ онтогенезисѣ, *фактически* установленное путемъ непосредственнаго наблюденія, само по себѣ гораздо болѣе замѣчательно, чѣмъ соотвѣтствующее ему болѣе медленное и постепенное преобразованіе, пройденное длинною цѣпью предковъ того же индивида въ филогенезисѣ.

Оба ряда органическаго развитія, онтогенезисъ индивида и филогенезисъ поколѣнія, къ которому онъ принадлежитъ, находятся въ тѣснѣйшей причинной связи. *Исторія зародыша есть извлеченіе исторіи*

поколѣнія, или другими словами: *онтогенія* есть оглавленіе *филогеніи*. Эту теорію, которую я считаю чрезвычайно важной, я старался подробно обосновать во второмъ томѣ моей общей морфологіи, и по отношенію къ человѣку я провелъ ее въ моей «Антропогеніи». Какъ я доказалъ тамъ въ отношеніи каждой отдѣльной системы органовъ человѣка, *онтогенезисъ, или развитіе индивида, есть краткое и быстрое, обусловливаемое законами наслѣдственности и приспособленіи повтореніе (оглавленіе) филогенезиса или развитія соотвѣтственнаго поколѣнія*, т. е. прародителей, образующихъ цѣпь предковъ соотвѣтствующаго индивида. Это фундаментальное положеніе есть важнѣйшій общій законъ органическаго развитія, *основной біогенетическій законъ* (Сравмое «Ученіе о теоріи гастреи». 1877 г., стр. 70).

Сходство многихъ зародышевыхъ формъ высшихъ животныхъ съ развитыми формами родственныхъ низшихъ животныхъ столь рѣзко, что оно не ускользнуло уже отъ болѣе старой натурфилософіи; Окенъ, Тревиранусъ и другіе указали его уже въ началѣ нашего столѣтія. Мекель ужъ въ 1821 году говорилъ «о сходствѣ въ развитіи вида и ряда животныхъ». Беръ въ 1828 году критически изслѣдовалъ вопросъ, въ какой степени въ предѣлахъ даннаго типа или поколѣнія (напримѣръ, позвоночныхъ) зародышевыя формы высшихъ животныхъ проходятъ существующія формы низшихъ. Но, разумѣется, о дѣйствительномъ пониманіи этого замѣчательнаго сходства не могло быть и рѣчи до тѣхъ поръ, пока ученіе о происхожденіи не было еще признано. Наконецъ, Дарвинъ, возведя въ 1859 году это ученіе на высоту общаго признанія, коротко указалъ въ XIV главѣ своего главнаго произведенія о великомъ значеніи эмбріологіи. Но только впервые Фрицъ Мюллеръ подробно и съ полной очевидностью выяснилъ его на примѣрѣ класса ракообразныхъ въ своей превосходной статьѣ «Въ защиту Дарвина». Въ то же время я самъ придалъ этой теоріи болѣе отчетливое пониманіе въ формѣ моего «основного біогенетическаго закона», а въ ученіи о теоріи гастреи, такъ же какъ въ антропогеніи, я подвергнулъ ее болѣе широкому развитію.

Въ тѣсной внутренней связи исторіи зародыша и поколѣнія я усматриваю одно изъ важнѣйшихъ и неопровержимыхъ доказательствъ теоріи измѣняемости видовъ. Никто не въ силахъ понять эти явленія, оставивъ безъ вниманія законы наслѣдственности и приспособленія; только эти послѣдніе могутъ объяснить ихъ. При этомъ совершенно особеннаго вниманія заслуживаютъ законы, которые мы раньше выяснили, какъ *законы сокращенной, одновременной и одномѣстной наслѣдственности*. Высоко организованный и сложный организмъ, какъ человѣкъ или другое млекопитающее животное, восходя отъ низшей ступени простой клѣтки и поднимаясь все выше въ своей дифференцировкѣ и совершенствованіи, проходитъ тотъ рядъ преобразованій, который его животные предки незапамятныхъ временъ прошли въ теченіе огромныхъ промежутковъ времени. Уже выше я указывалъ на этотъ важный параллелизмъ индивидуальнаго и родового развитія. Нѣкоторыя, весьма раннія и низкія стадіи развитія человѣка и высшихъ позвоночныхъ вообще несомнѣнно соотвѣтствуютъ нѣкоторымъ образованіямъ, сохраняющимся во все время жизни низшихъ расъ. Затѣмъ, наступаетъ преобразованіе рыбоподобнаго тѣла въ амфибіеобразное. Только значительно позже изъ него развивается тѣло млекопитающаго съ его опредѣленными характерными чертами строенія, и здѣсь снова можно подмѣтить въ послѣдовательныхъ стадіяхъ развитія рядъ ступеней

прогрессивнаго развитія, несомнѣнно соотвѣтствующихъ особенностямъ различныхъ порядковъ и семействъ млекопитающихъ. Но въ той же самой послѣдовательности мы видѣли предковъ человѣка и высшихъ млекопитающихъ въ исторіи земного шара: сперва рыбы, затѣмъ амфибіи, еще позже низшія и, наконецъ, высшія млекопитающія. Такимъ образомъ, эмбріональное развитіе протекаетъ совершенно параллельно палеонтологическому развитію всего поколѣнія, и это крайне важное и интересное явленіе можетъ быть разумно объяснено единственно и исключительно взаимодѣйствіемъ законовъ наслѣдственности и приспособленія.

Впрочемъ, чтобы правильно понять и примѣнить основной біогенетическій законъ, надо помнить, что наслѣдственное повтореніе первоначальной цѣпи основныхъ формъ въ соотвѣтственной и параллельной цѣпи зародышевыхъ формъ совершенно точно наблюдается только въ рѣдкихъ случаяхъ (или, строго говоря, никогда!). Въ самомъ дѣлѣ, мѣняющіяся условія существованія оказываютъ свое дѣйствіе на каждую отдѣльную форму зародыша въ такой же степени, какъ и на развитой организмъ. Кромѣ того, указанный выше законъ сокращенной наслѣдственности постоянно дѣйствуетъ въ сторону упрощенія первоначальнаго хода развитія. Съ другой же стороны зародышъ, благодаря приспособленію къ новымъ условіямъ жизни (напр., образованіе защитительныхъ покрововъ), пріобрѣтаетъ новыя формы, отсутствующія въ первоначальномъ передаваемомъ наслѣдственностью образѣ основной формы. При этомъ картина зародышевой формы (особенно позднѣйшихъ стадій развитія ея) необходимо должно болѣе или менѣе отступать отъ первоначальнаго вида соотвѣтственной прародительской формы, и тѣмъ больше, чѣмъ выше развитъ организмъ.

Поэтому, всѣ явленія индивидуальнаго развитія (онтогенезисъ) распадаются на двѣ различныхъ группы: первая группа обнимаетъ первичное развитіе или, такъ сказать, *извлеченное развитіе* (*palingenesis*) и приводитъ предъ нашими глазами тѣ древнія первичныя отношенія развитія, которыя при посредствѣ наслѣдственности переданы отъ первоначальныхъ формъ (напр., у человѣческаго эмбріона жаберныя дуги, хорда или спинная струна, хвостъ и т. д.). Вторая группа, напротивъ, охватываетъ *нарушенное развитіе* или, такъ сказать, поддѣльное развитіе (cenogenesis) и затемняетъ первоначальную картину хода развитія введеніемъ новыхъ чуждыхъ образованій, отсутствовавшихъ у древнихъ роденачальныхъ формъ и пріобрѣтенныхъ только путемъ *приспособленія* къ особеннымъ условіямъ индвиидуальнаго развитія зародышевыхъ формъ (такъ, напр., у человѣческаго эмбріона яйцевыя оболочки, желточный мѣшокъ, плацента и т. д.).

Всякое критическое изслѣдованіе и оцѣнка индивидуальнаго развитія прежде всего должны опредѣлить, что въ эмбріологическихъ фактахъ относится къ *палингенетическимъ* (древнегенетическимъ) *документамъ* — къ историческому извлеченію, и что изъ нихъ принадлежитъ *ценогенетическимъ* (новогенетическимъ) *измѣненіямъ* этихъ документовъ—историческому искаженію. Чѣмъ больше путемъ *наслѣдственности* сохранилось въ эмбріональной исторіи всякаго организма первоначальная *палингенія*, тѣмъ вѣрнѣе нарисована картина исторіи поколѣнія; чѣмъ больше, съ другой стороны, дѣйствовала нарушающимъ образомъ *ценогенія*, благодаря *приспособленію* зародышевыхъ формъ, тѣмъ сильнѣе стерта и искажена эта картина.

Чрезвычайно важный параллелизмъ палеонтологическаго и индиви-

дуальнаго ряда развитія обращаетъ наше вниманіе еще на третій рядъ развитія, стоящій съ этими двумя въ тѣснѣйшихъ отношеніяхъ и въ общемъ протекающій параллельно имъ. Это именно та лѣстница ступеней различныхъ формъ, которая составляетъ предметъ изслѣдованія *сравнительной анатоміи* и которую желательно было бы коротко называть систематическимъ развитіемъ. Подъ этимъ словомъ мы понимаемъ цѣпь разнородныхъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ родственныхъ и взаимносвязанныхъ формъ, существовавшихъ нѣкоторое время въ исторіи земли, а также въ настоящее время, *рядомъ другъ подлѣ друга*. Сравнительная анатомія, сравнивая вазличныя формы развитыхъ организмовъ другъ съ другомъ, старается познать общій первообразъ, лежащій въ основаніи многообразныхъ формъ родственныхъ видовъ, родовъ, классовъ и болѣе или менѣе замаскированный, благодаря дифференцировкѣ. Она стремится установить лѣстницу ступеней прогресса, обусловленныхъ различною степенью совершенствованія развѣтвленій родословнаго ствола. На приведенномъ здѣсь примѣрѣ позвоночныхъ сравнительная анатомія показываетъ намъ, какъ отдѣльные органы и ихъ системы въ различныхъ классахъ, семействахъ и видахъ позвоночныхъ неоднородно развились, дифференцировались и усовершенствовались. Она объясняетъ, въ какой степени представляется въ видѣ восходящей лѣстницы послѣдовательный рядъ классовъ позвоночныхъ, начиная отъ рыбъ, переходя черезъ амфибій и кончая млекопитающими, и внутри послѣдняго класса восходя отъ низшихъ къ высшимъ порядкамъ ихъ. Какой силы яркости и блеска достигло познаніе этого ступеньчатаго развитія органовъ, вы можете видѣть изъ сравнительно-анатомическихъ работъ Гете, Мекеля, Кювье, Іоганна Мюллера, Гегенбауера, Гексли. Фюрбрингера и др.; послѣдніе, примѣнивъ теорію измѣняемости видовъ къ сравнительной анатоміи, придали послѣдней совершенно новый видъ.

Послѣдовательный рядъ развитыхъ формъ, указываемый сравнительною анатоміей въ различныхъ ступеняхъ видоизмѣненія и совершенствованія ихъ, и называемый систематическимъ рядомъ развитія, соотвѣтствуетъ опредѣленной части ряда палеонтологическаго развитія; онъ является какъ бы анатомическимъ результатомъ его нъ настоящее время; вмѣстѣ съ тѣмъ онъ обнаруживаетъ параллелизмъ съ рядомъ индивидуальнаго развитія; послѣдній же, въ свою очередь, параллеленъ палеонтологическому ряду развитія.

Разнообразное дифференцированіе и неодинаковая степень совершенствованія, указывая сравнительной анатоміей въ систематическомъ рядѣ ступеней развитія, въ значительной степени обусловливается возрастающимъ разнообразіемъ условій существованія, къ которымъ приспособляются различныя группы въ борьбѣ за существованіе, и различной степенью быстроты и полности этого приспособленія. Консервативныя группы, наиболѣе прочно удерживающія наслѣдственно пріобрѣтенныя особенности, остаются вслѣдствіе этого на низшей ступени развитія. Группы же, наиболѣе быстро и многосторонне развивающіяся, охотно приспособляясь къ измѣняющимся условіямъ существованія, достигаютъ наивысшей степени совершенства. Чѣмъ продолжительнѣе развивался органическій міръ на протяженіи исторіи земли, тѣмъ больше должно быть расхожденіе низшихъ консервативныхъ и высшихъ прогрессивныхъ группъ, какъ это видно также изъ исторіи народовъ. Отсюда становится яснымъ также тотъ историческій фактъ, что наиболѣе совершенныя животныя и растительныя

группы въ относительно хорошій промежутокъ времени достигли весьма высокой степени развитія, въ то время, какъ низшія консервативныя группы все время остаются на первоначальной ступени развитія, или весьма медленно и постепенно совершенствуются

Въ такой же степени ясности обнаруживается это отношеніе и въ ряду предковъ человѣка. Акуловыя рыбы настоящаго времени стоятъ еще весьма близко къ первобытнымъ рыбамъ, принадлежащимъ къ древнѣйшимъ позвоночнымъ предкамъ человѣка, такъ же какъ настоящія низшія амфибіи (постоянно жаберныя и дышащія легкими саламандры) близки къ тѣмъ амфибіямъ, которыя прежде всего развились изъ рыбъ. Такимъ же образомъ и среди болѣе позднихъ предковъ человѣка однопроходныя и сумчатыя, древнѣйшія млекопитающія животныя, вмѣстѣ съ тѣмъ наименѣе совершенныя изъ нынѣ живущихъ животныхъ этого класса. Извѣстныхъ намъ законовъ наслѣдственности и приспособленія вполнѣ достаточно, чтобы объяснить это крайне важное и интересное явленіе, которое можно коротко охарактеризовать, какъ *параллелизмъ индивидуальнаго, палеонтологическаго и систематическаго развитія*, соотвѣтственнаго *совершенствованія* и соотвѣтственной *дифференцировки*. Ни одинъ изъ противниковъ теоріи измѣняемости видовъ не въ состояніи дать объясненіе этимъ чрезвычайно замѣчательнымъ фактамъ, между тѣмъ какъ при помощи теоріи измѣняемости видовъ, исходя изъ законовъ наслѣдственности и приспособленія, мы ясно понимаемъ ихъ.

Глубже всматриваясь въ этотъ параллелизмъ трехъ рядовъ развитія, мы должны прибавить къ этому еще дальнѣйшее опредѣленіе. *Онтогенія* или исторія индивидуальнаго развитія всякаго организма (эмбріологія и метаморфологія) представляетъ простую *неразвѣтвленную* или лѣстницеобразную цѣпь формъ; то же можно сказать и о той *части филогеніи*, которая содержитъ исторію палеонтологическаго развитія *прямыхъ предковъ* всякаго индивидуальнаго организма. Напротивъ, *вся филогенія*, вводящая насъ въ *естественную систему* каждаго органическаго поколѣнія (phylum) и изслѣдующая палеонтологическое развитіе *всѣхъ* отраслей этого родословнаго ствола представляетъ *развѣтвленный* или древовидный рядъ развитія, настоящее родословное дерево. Подвергнувъ сравнительному изслѣдованію развѣтвленія этого родословнаго дерева настоящаго времени и расположивъ ихъ по степени дифференцировки и совершенствованія, вы получите *систематическую* лѣстницу ступеней *сравнительной анатоміи*. Строго говоря, послѣдняя параллельна только части *всей* филогеніи, такъ же, какъ части онтогеніи; сама же онтогенія только *одна часть* филогеніи.

Въ послѣднее время неоднократно спорили о томъ, какой изъ этихъ трехъ большихъ рядовъ развитія имѣетъ наибольшее значеніе для трансформизма и для познанія родственныхъ отношеній поколѣній. Этотъ споръ безполезенъ, ибо, вообще говоря, всѣ три они одинаково высокаго значенія; но въ частности всякій филогенетическій изслѣдователь долженъ въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ опредѣлить, слѣдуетъ ли бо̀льшее значеніе придать палеонтологіи, или онтогеніи, или сравнительной анатоміи.

Всѣ передъ этимъ изложенныя явленія органическаго развитія, въ особенности этотъ генеалогическій параллелизмъ и законъ дифференцировки и прогресса, обнаруживающіеся въ каждомъ изъ этихъ трехъ рядовъ органическаго развитія, доставляютъ чрезвычайно вѣскія доказательства въ пользу справедливости теоріи измѣняемости видовъ.

Дѣйствительно, въ то время, какъ эти явленія только ею могутъ быть объяснены, противники ея не находятъ ни слѣда этого объясненія. Всѣ ученія о происхожденіи, *факты* органическаго развитія вообще остаются непонятными. Въ виду этого, мы были бы принуждены на этомъ основаніи принять ламарковскую теорію происхожденія, даже если бы мы не имѣли дарвиновской теоріи естественнаго подбора.

ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ ЛЕКЦІЯ.

Разселеніе и распространеніе организмовъ. Хорологія и ледниковый періодъ земли.

Хорологическіе факты и причины.—Однократное происхожденіе большинства видовъ въ одномъ единственномъ мѣстѣ: «срединной точкѣ творенія».—Распространеніе путемъ разселенія.—Активныя и пассивныя разселенія животныхъ и растеній.—Летающія животныя.—Аналогія между птицами и насѣкомыми.—Летающія мыши.—Способы перенесенія. — Перенесеніе зародышей при помощи воды и вѣтра. — Постоянное измѣненіе областей распространенія вслѣдствіе поднятій и опусканій почвы.—Хорологическое значеніе геологическихъ процессовъ.—Вліяніе перемѣны климата.—Ледяной или ледниковый періодъ земли.—Значеніе его для хорологіи.—Значеніе разселеній въ происхожденіи новыхъ видовъ.—Изолированіе колонистовъ. —«Миграціонный законъ» Вагнера.—Отношеніе миграціонной теоріи и теоріи естественнаго подбора.—Согласіе ея слѣдствій съ теоріей измѣняемости видовъ.

Какъ я уже неоднократно подчеркивалъ, хотя, однако, и недостаточно сильно, истинное значеніе и непреодолимая сила теоріи измѣняемости видовъ заключается не въ томъ, что она намъ выясняетъ тотъ или другой фактъ, но въ томъ, что она намъ *объясняетъ всю совокупность біологическихъ явленій*, что она дѣлаетъ понятнымъ намъ всѣ ботаническія и зоологическія явленія въ ихъ внутренней связи. Отсюда каждый мыслящій изслѣдователь тѣмъ сильнѣе, тѣмъ глубже проникается убѣжденіемъ въ справедливости ея, чѣмъ больше его взглядъ на отдѣльные біологическіе факты поднимается до высоты общаго созерцанія совокупной области растительной и животной жизни. Попытаемся теперь, исходя изъ этой широкой точки зрѣнія, окинуть однимъ взоромъ великую біологическую область, многообразныя и сложныя явленія которой получатъ, благодаря теоріи измѣняемости, необходимую простоту и поразительную ясность. Я имѣлъ въ виду здѣсь *хорологію* или ученіе о *мѣстномъ распространеніи организмовъ на земной поверхности*. Подъ этими словами надо понимать не только *географическое* распространеніе животныхъ и растительныхъ видовъ на различныхъ частяхъ земли, на материкахъ и островахъ, въ моряхъ и рѣкахъ; но и *топографическое* распространеніе и распредѣленіе ихъ въ *вертикальномъ* направленіи, ихъ поднятія на высоты горныхъ хребтовъ, ихъ опусканія въ глубины океана.

Какъ вамъ извѣстно, поразительныя хорологическія явленія—горизонтальное распространеніе организмовъ въ странахъ свѣта, и вертикальное ихъ распредѣленіе въ горныхъ высотахъ и морскихъ глубинахъ—уже съ давнихъ поръ возбуждало общій интересъ. Особенно широко изслѣдовали географію растеній Александръ Гумбольдтъ, Фредерикъ Шоу и Гризебахъ, географію животныхъ—Берггаусъ, Шмарда и Уоллесъ. Но хотя эти и нѣкоторые другіе естествоиспытатели сильно подвинули впередъ наши знанія о распространеніи животныхъ и растительныхъ формъ, сдѣлавъ вмѣстѣ съ тѣмъ доступной намъ обширную

относиться къ майскимъ законамъ о гражданскомъбракѣ, о надзорѣ за школами въ Пруссіи, о смѣшанныхъ школахъ въ Баденѣ; дѣйствительно, они протестовали противъ этихъ законовъ, или же, вѣрнѣе, интриговали противъ нихъ черезъ придворныхъ проповѣдниковъ и высокопоставленныхъ дамъ.

Поэтому лучшимъ союзникомъ правительства въ этой борьбѣ былъ либеральный протестантизмъ. Толчокъ къ образованію этой партіи данъ былъ первымъ томикомъ Бунзена «Знаменія времени», появившимся въ пятидесятые годы: Бунзенъ пришелъ въ неистовое раздраженіе, когда прочелъ пастырское посланіе майнцскаго епископа Кеттелера въ іюнѣ 1855 г. и увидѣлъ въ немъ обвиненіе нѣмецкаго народа въ томъ, что онъ, благодаря реформаціи, лишился предопредѣленнаго ему царства божьяго, точно такъ же, какъ и еврейскій народъ лишился своего званія народа божьяго за то, что распялъ Мессію, и нѣмцы потеряли совѣсть, благодаря реформаціи. Бунзенъ не могъ оставить безъ отвѣта столь неслыханную рѣчь, которая «достойна развѣ грубаго юнкера или невѣжественнаго попа, а не такого высоко образованнаго нѣмца и христіанскаго епископа». «Честь нашего народа — это святыня, бороться за нее, поскольку это не нарушаетъ правды, есть наша священная обязанность».

Бунзенъ выступилъ одинъ. Но шумъ и одобреніе, которыя вызвалъ въ широкихъ кругахъ его смѣлый шагъ, показали, что онъ былъ не одинокъ. Это было первымъ проблескомъ пробужденія среди нѣмцевъ здраваго смысла и совѣсти. Самое же пробужденіе послѣдовало лишь въ шестидесятыхъ годахъ. Либеральные протестанты образовали изъ себя «нѣмецкій протестантскій союзъ» и начали энергичную борьбу съ католическими притязаніями, шедшими извнѣ, и съ іерархическими вожделѣніями и фанатическою нетерпимостью въ своей собственной протестантской церкви. Уже въ 1869 одно собраніе въ Вормсѣ отвергло требованіе папы вернуться «въ единое лоно Христово», выраженное имъ въ «апостольскомъ посланіи» къ протестантамъ, и назвало объявленныя въ энцикликѣ и силлабусѣ положенія «пагубными для государства и противными культурѣ». Въ 1871 г. послѣ объявленія непогрѣшимости комитетъ союза высказалъ свое убѣжденіе «что эта фантазія о непогрѣшимости человѣка, съ ограниченными силами и ограниченными познаніями, если только ей будетъ предоставлено практическое вліяніе, угрожаетъ самому существованію государства. Она колеблетъ силу законовъ и повиновеніе законнымъ требованіямъ правительства; она разстраиваетъ религіозный миръ, одно изъ основныхъ условій нѣмецкаго единства, и дѣлаетъ невозможнымъ взаимное согласіе между различными церквами; она парализуетъ значеніе школы и вноситъ развращеніе въ воспитаніе юношества, уничтожаетъ всякое свободное изслѣдованіе, убиваетъ любовь къ истинѣ и такимъ образомъ разрушаетъ совѣстливость и правдивость въ нѣмецкомъ народѣ». Въ 1872 г. комитетъ выпустилъ воззваніе, въ которомъ онъ указывалъ на опасность для государства іезуитовъ и напомнилъ изреченіе папы Климента XIV, что «пока существуетъ общество Іисуса, невозможенъ миръ въ церкви».

Но съ этого времени положеніе осложняется, и въ борьбѣ съ «римскимъ колоссомъ» начинаютъ звучать новыя струны. По крайней мѣрѣ въ заявленіяхъ «союза» съ 1872 года замѣтно происходитъ поворотъ фронта. «Развѣ необходимо, чтобы къ борьбѣ противъ ультрамонтанизма присоединился новый расколъ евангелической церкви?» задается вопросъ въ воззваніи этого года. Въ 1882 г. говорится еще яснѣе:

«врагъ предъ стѣнами не единственная опасность, отъ которой мы должны защищаться. Онъ былъ бы гораздо менѣе опасенъ, если бы среди насъ самихъ не было явныхъ и скрытыхъ партійныхъ стремленій, добивающихся исключительнаго господства въ церкви и противорѣчащихъ духу реформаціи». Эта внутренняя борьба поглощала всѣ силы ферейна и парализовала его энергію, такъ же какъ и энергію государства, въ борьбѣ съ внѣшнимъ врагомъ.

11-го ноября 1883 г. протестантская Германія праздновала 400-лѣтній день рожденія Лютера. 1/3 нѣмцевъ изъ религіозныхъ предразсудковъ отказалась участвовать въ этомъ празднествѣ. Благодаря этому, торжественное настроеніе празднующихъ нѣсколько обострилось въ оппозиціонномъ направленіи. Въ рейнскихъ провинціяхъ, благодаря безтактной полемикѣ одного праздничнаго оратора и фанатизма возмущенныхъ этимъ пасторовъ, дѣло дошло даже до скандала и столкновенія между протестантами. Католическая пресса, конечно, не преминула воспользоваться этимъ случаемъ, чтобы снова забросать память великаго человѣка оскорбленіями; при этомъ пущена была, напримѣръ, въ обращеніе глупѣйшая басня о самоубійствѣ Лютера; все это свидѣтельствовало о гнусныхъ чувствахъ религіозной ненависти и не мало способствовало взаимному озлобленію.

Внутреннее состояніе протестантизма.

Мы уже видимъ, какой слабый отпоръ дала протестантская церковь, какъ противодѣйствіе съ ея стороны велось въ общемъ вяло и безуспѣшно: причина этого заключается въ томъ, что въ самомъ протестантизмѣ скрывается еще слишкомъ много непротестантскаго, слишкомъ сильныя іерархическія тенденціи, и потому свободомыслящіе элементы должны были тратить свои силы на внутреннюю борьбу. Это и было главнымъ поводомъ къ основанію Общества нѣмецкихъ протестантовъ, поставившемъ себѣ, согласно своимъ статутамъ, главною цѣлью «устройство нѣмецко-евангелической церкви на основаніи общиннаго принципа, борьбу со всѣми непротестантскими и іерахическими стремленіями внутри каждой отдѣльной церкви и вообще охраненіе правъ, чести, свободы нѣмецкаго протестантизма». Что касается перваго пункта, то въ немъ рѣчь шла объ организаціи церковнаго представительства по образу политической конституціи. Вмѣсто консисторіальнаго управленія, должны были образоваться, какъ въ реформатскихъ, такъ и въ лютеранскихъ странахъ, синоды изъ духовныхъ и міранъ. Первый шагъ къ этой цѣли былъ сдѣланъ въ Пруссіи еще въ 1846 г., когда созванъ былъ первый генеральный синодъ, а въ настоящее время это осуществлено въ общихъ чертахъ, именно, съ 1875 г. на ряду съ отдѣльными провинціальными синодами существуетъ общее представительство въ лицѣ генеральнаго синода; такая же организація введена и въ другихъ нѣмецкихъ государствахъ. Но то, чего добивалось Общество протестантовъ, широкое участіе міранъ въ церковныхъ дѣлахъ и искорененіе ортодоксальной и вѣроисповѣдной нетерпимости въ представителяхъ церкви,—не осуществилось. Почти повсюду, преимущественно же въ Пруссіи и Вюртембергѣ, въ особенности въ началѣ, синодъ попалъ въ руки правой партіи и «взялъ на себя задачу парализовать и подавлять всякое свободное движеніе среди духовенства и общинъ». И такимъ образомъ Общество протестантовъ должно было бороться съ ними и съ ихъ союзниками—про-

тестантскимъ духовенствомъ—за свое существованіе и за право быть и считаться равноправнымъ членомъ протестантской церкви. Но добиться этого признанія Обществу не удалось именно въ главныхъ протестантскихъ странахъ; только Баденъ и Веймаръ составляютъ въ данномъ случаѣ похвальное исключеніе.

Такимъ образомъ, мы приблизились къ дальнѣйшей цѣли протестантскаго Общества, которую оно формулировало такъ: «нѣмецкое Общество протестантовъ работаетъ надъ великой и трудной задачей обновленія церкви въ духѣ евангелической свободы и согласно со всѣмъ культурнымъ развитіемъ нашего времени». Но именно эту сосовременную культуру и отвергли ортодоксальные круги. По этой-то причинѣ они считали Общество протестантовъ и его членовъ «невѣрующими» и исключали ихъ болѣе или менѣе открыто изъ церковнаго союза. Такъ, однажды одно духовное лицо въ Берлинѣ, принадлежавшее Обществу протестантовъ, получило отъ своего товарища письмо, которое начиналось слѣдующими словами: «Честь имѣю сообщить вашему священству, что мы систематически, на сколько это возможно, прерываемъ всякое церковное общеніе со всѣми тѣми, которые не признаютъ основныхъ положеній нашей церкви, божественность Христа, Святую Троицу, искупленіе посредствомъ крови Христовой». И въ пылу борьбы противъ «невѣрія, раціонализма и Общества протестантовъ», берлинскій пасторъ Кнакъ еще въ 1868 г. отрицалъ систему Коперника и движеніе земли вокругъ солнца, потому что все это находится въ противорѣчіи съ книгой Іисуса Навина. Совершенно справедливо либеральныя газеты, въ особенности «Kladderadatsch», насмѣхались надъ этими новыми «темными людьми». И этотъ фанатизмъ отдѣльныхъ ревнителей, подкрѣпленный фанатизмомъ массъ и усиленный эхомъ множества голосовъ, часто затѣмъ повторялся на собраніяхъ пасторовъ и позднѣе въ синодахъ—это называется: «дать свидѣтельскія показанія». Обвиненія и протесты направлялись преимущественно противъ либеральныхъ профессоровъ университетовъ.

Досадно было особенно то, что во имя этого анти-протестантскаго духа нетерпимости церковныя власти затѣяли цѣлый рядъ процессовъ надъ евангелическими проповѣдниками; поводомъ къ этимъ процессамъ выставлялись требованія церковнаго порядка, на самомъ же дѣлѣ ими руководило стремленіе «установить іерахическую власть также въ области протестантизма и внутреннюю жизнь въ протестантизмѣ подчинить авторитету извѣстныхъ обязательныхъ догматовъ». Особенною страстью къ преслѣдованіямъ отличался уже въ шестидесятые годы лютеранскій конфессіонализмъ ганноверской церкви; также нетерпимо относилась и къ свободомыслящему духовенству «ревностная церковно-политическая» ортодоксія въ Пруссіи, — стоитъ только вспомнить о Сидовѣ Лиске и Госсбахѣ. Во времена Фалька президентъ консисторіи Германъ, независимый и тонкій мыслитель, старался, по возможности, избѣгать подобныхъ духовныхъ процессовъ. Когда же послѣ отставки Фалька и онъ долженъ былъ подчиниться усиливавшейся ортодоксіи, и когда въ восьмидесятыхъ годахъ партія придворныхъ проповѣдниковъ уніи, отчасти съ помощью императрицы, съумѣла привлечь вниманіе старѣющаго императора, тогда положеніе либеральнаго духовенства въ прусской церкви стало довольно критическимъ. Даже въ университетахъ заботились о томъ, чтобы подростающему поколѣнію теологовъ представить либерализмъ опаснымъ, могущимъ повредить ихъ будущей карьерѣ. Все это, конечно, должно было окончательно

*

подорвать дѣятельность протестантскаго Общества. Въ настоящее время Общество представляетъ изъ себя только маленькую кучку офицеровъ безъ арміи.

Эта неудача отчасти объясняется самымъ характеромъ движенія, которому недоставало ни ясности, ни рѣшительности.

Выступивъ за «право свободнаго развитія индивидуальныхъ особенностей въ предѣлахъ единой церковной организаціи», общество открыло свои двери какъ ортодоксамъ, такъ и либераламъ, и не удовлетворило поэтому ни тѣхъ, ни другихъ: одни находили его черезчуръ крайнимъ, другіе—черезчуръ умѣреннымъ. Поэтому, Штраусъ могъ въ пылу борьбу назвать представителей этого направленія—«половинчатыхъ» еще болѣе «абсурдными» людьми, чѣмъ «цѣльныя» стараго типа, временъ Гингстенберга. Борьба съ ортодоксіей, все сильнѣе поднимающей голову и собственная внутренняя работа оттѣснила небольшую кучку членовъ протестантскаго Общества еще болѣе налѣво, и теперь крайэлементы, все еще держащіеся въ сторонѣ, имѣютъ всѣ основанія соединиться съ этою мужественною группою и плечемъ къ плечу защищать послѣднія подвергающіяся опасности позиціи.

Основатели и вожди Общества протестантовъ принадлежали первоначально «къ теологіи примиренія», но научная работа идетъ своей дорогой и требуетъ отъ своихъ дѣятелей служенія своимъ собственнымъ цѣлямъ, что обнаружилось, между прочимъ, и въ этомъ теченіи. Люди, въ родѣ Гоцзмана и Вейльцекера, являются достойными преемниками и истинными послѣдователями Баура и его школы, они смѣло продолжали критическую работу въ этомъ направленіи съ глубокою и тонкою проницательностью истинныхъ ученыхъ, въ духѣ высокаго чисто научнаго безпристрастія, не обращая вниманія на нападки со всѣхъ сторонъ. Но и имъ не удалось избѣжать участи всякой теологіи.

Въ расколѣ между вѣрой и знаніемъ она беретъ на себя сначала роль посредницы. Имѣя своей задачей объединеніе религіозныхъ вѣрованій въ систему она должна ихъ согласовать и примирить съ успѣхами науки и научнымъ міросозерцаніемъ. Если на нѣкоторое время ей это и удается, то въ концѣ концовъ она сама неизбѣжно превращается въ науку, становится исторіею или философіею, и въ свою очередь приходитъ въ конфликтъ съ религіозными представленіями, во имя которыхъ предприняла свою работу. Тогда мы становимся свидѣтелями того, какъ подобные ученые богословы дѣлаются предметомъ крайне ожесточенныхъ нападокъ со стороны церкви, ихъ знанія и работа объявляются вредными для религіи и оскорбительными для вѣры, и со всѣхъ сторонъ они терпятъ нападки и обвиненія. Такимъ образомъ и теологія впадаетъ въ трагическое положеніе борьбы между вѣрой и знаніемъ—то положеніе, которое неизбѣжно переживаетъ всякій, глубокою чувствующій и мыслящій человѣкъ.

Школа Ритчля.

Въ то время, какъ подобные люди все рѣшительнѣе завоевывали полную свободу научнаго изслѣдованія и такимъ образомъ мало-помалу очутились на крайнемъ лѣвомъ крылѣ теологіи, между ними и ихъ ортодоксальными противниками опять выступило новое примирительное направленіе. Оно сбило съ позиціи либеральный протестантизмъ и на нѣкоторое время заняло въ научной теологіи первенствующее положеніе. Это была школа геттингенскаго теолога Ритчля. Ритчль

исходилъ отъ Баура, но порвалъ съ нимъ довольно безцеремонно, точно также какъ впослѣдствіи онъ рѣшительно отказался и отъ Шлейермахера въ довольно рѣзкомъ сочиненіи, написаннымъ по поводу его рѣчей о религіи. Отъ Баура его отдѣляло рѣшительное несочувствіе къ гегельянству и вообще отвращеніе отъ всякаго рода умозрѣній и метафизики, отъ Шлейермахера отрицательное отношеніе ко всему мистическому въ религіи. Намъ пришлось бы слишкомъ уклониться въ сторону, если бы мы захотѣли изложить догматическую систему Ритчля. Кромѣ того, это представляетъ особенныя трудности, такъ какъ въ различныхъ изданіяхъ своего главнаго сочиненія «Христіанское ученіе объ оправданіи и искупленіи» онъ ищетъ то теоретическихъ доказательствъ бытія Божія и значитъ признаетъ теологію наукой, то не только оспариваетъ вслѣдъ за Кантомъ самую возможность общепринятыхъ доказательствъ, но вообще и безусловно ихъ отстраняетъ. Въ этомъ пунктѣ мы видимъ образецъ того, какъ ловко умѣлъ онъ приспособляться къ теченіямъ своего времени. Въ 1862 г. философіи былъ данъ лозунгъ: назадъ къ Канту! Ритчль присоединяется къ этому лозунгу, примѣняя кантовскую теорію познанія къ своей теологіи и, повидимому, совсѣмъ по-кантовски отрицая всякую естественную теологію и религію. Между тѣмъ такимъ путемъ создано было особое мѣсто для вѣры въ отличіе отъ теоретическаго знанія: наука имѣетъ дѣло съ вопросами о бытіи, вѣра, напротивъ, съ вопросами о нравственной цѣнности. Признавая огромную практическую важность религіозныхъ вѣрованій для человѣка и оправдывая этимъ и существованіе, и то или иное содержаніе религіи, теологія Ритчля приближается къ ученію Фейербаха, что желаніе есть источникъ вѣры. Но именно въ этой постановкѣ и обнаружилось роковое, слабое мѣсто этой теологіи: она начинаетъ такой сильной критикой, и кончаетъ простымъ утвержденіемъ, что желательно—то и цѣнно, и въ силу этого истинно. Разумѣется это очень удобно, но, во-первыхъ, не соотвѣтствуетъ Канту, во-вторыхъ, невѣрно. Въ то же время это превращеніе религіи въ исключительно нравственное ученіе находится въ связи съ современными теченіями въ психологіи. Ослабляя дѣйствіе интеллектуальнаго элемента, наоборотъ, выдвигая личное могущество въ Богѣ, и придавая большое значеніе самодѣятельности человѣческой души, теологія приближается къ волюнтаристическому воззрѣнію, которое со временъ Шопенгауера занимаетъ первенствующее положеніе въ психологіи. Ритчль выводитъ христіанское міросозерцаніе, не непосредственно изъ ученія Христа, но изъ ученія христіанской общины; такимъ путемъ онъ избѣгаетъ цѣлаго ряда историческихъ трудностей и, выставляя на первый планъ христіанскую общину, являющуюся собственно объектомъ искупленія, онъ провозглашаетъ соціальный принципъ, и въ этомъ опять-таки угождаетъ духу времени. Такимъ образомъ, его теологія была вполнѣ «своевременна» и скоро вокругъ учителя образовалась «школа» молодыхъ теологовъ, которыхъ Ритчль, какъ крупная академическая величина, съ большимъ вліяніемъ, съумѣлъ втиснуть повсюду, даже на каѳедры протестантской теологіи. Къ нему примкнули преимущественно самые талантливые теологи — стоитъ только назвать работы по теоріи догмы одного изъ его послѣдователей, Адольфа Гарнака. Однако это не было широкимъ церковнымъ движеніемъ; это была теологическая «школа»; члены ея были вожди, но дружины войска за собой не имѣли. Уже изъ самаго понятія «школа» вытекало то, что по смерти учителя ученики—именно потому, что они были не дюжинными умами, стали больше самостоя-

тельно работать и вскорѣ разошлись въ разныя стороны: врядъ ли какая-нибудь школа имѣла болѣе эфемерное существованіе, чѣмъ школа Ритчля. Фактъ этотъ находится въ связи съ характеромъ его теологіи, съ ея неясностью и умышленною неопредѣленностью. Его уклончивое опредѣленіе божественности Христа есть въ сущности неприличная игра словами. Онъ признаетъ Христа Богомъ «для вѣрующихъ» но имѣетъ ли Христосъ значеніе Бога самъ по себѣ не только для вѣрующихъ, на этотъ вопросъ, противъ котораго не возражали ни Фейербахъ, ни Штраусъ, онъ избѣгаетъ отвѣтить. Само собою разумѣется, что ученики необходимо должны были разойтись во взглядахъ: дѣйствительно, Кафтанъ очень далеко отстоитъ отъ Германа. Противъ подобной игры словъ должны были вооружиться какъ слѣва, такъ еще болѣе справа, и разоблачить ее, какъ игру съ двойными картами; о такомъ «возрожденіи» истиннаго лютеранства религіозные люди не хотѣли слышать. Что бы ни способствовало паденію школы—внутреннее ли ея разложеніе, или нападки извнѣ—фактъ тотъ, что хотя и существуютъ въ настоящее время отдѣльные послѣдователи Ритчля, но школы Ритчля больше нѣтъ. «Христіанскій міръ», основанный въ качествѣ партійнаго органа школы, въ настоящее время переросъ узкія рамки ея, главнымъ образомъ благодаря соціальному, направленіе, которое онъ принялъ и началъ энергично проводить. Но вождемъ этого направленія сталъ другой. Самъ Ритчль въ торжественной рѣчи, произнесенной на праздновании 150-лѣтняго юбилея геттингенскаго университета, съ помощью недостойнаго перетолкованія и искаженія исторіи, изобразилъ либерализмъ и соціалъ-демократію вмѣстѣ съ ультрамонатнизмомъ плодомъ средневѣковаго міросозерцанія, отвергнулъ соціальное направленіе и отрицалъ всякую связь съ соціальными теологами. Такимъ образомъ онъ выпустилъ изъ рукъ послѣднюю карту, которая помогла ему выиграть игру и дала возможность его школѣ оказывать вліяніе на широкіе круги.

Напротивъ, рѣзкія нападки, направленныя съ ортодоксальной стороны противъ Адольфа Гарнака за его критическія замѣчанія по поводу апостольскаго вѣроученія, повели въ девяностыхъ годахъ къ сближенію ритчельянцевъ съ либералами и такимъ образомъ отодвинули ихъ далеко влѣво. Эта полемика стоитъ въ тѣсной связи съ движеніемъ, вызваннымъ Шремпфомъ, о которомъ мы еще будемъ говорить. Теперь же упоминаемъ о ней только потому, что она передвинула взаимное положеніе церковныхъ партій и поколебала господство ритчельянцевъ въ нѣмецкихъ университетахъ. Ортодоксія считаетъ въ настоящее время риттельянскихъ профессоровъ своими злѣйшими врагами, и такъ какъ ей удалось подчинить своему вліянію учебное начальство, особенно въ Пруссіи, то ритчельянцы лишились, такимъ образомъ, покровительства свыше. Такъ называемые «Strafprofessoren» различныхъ прусскихъ университетовъ должны были служить, главнымъ образомъ, пугаломъ для ритчельянцевъ и послѣ того, какъ молодыхъ теологовъ долго поучали, что они должны вѣрить въ то, во что хотятъ, теперь они скоро научатся вѣрить въ то, во что имъ прикажутъ.

Такимъ образомъ, по всей линіи побѣда досталась въ католицизмѣ ультрамонтански іезуитскому направленію, въ протестантизмѣ—ортодоксіи, которая на сѣверѣ имѣетъ болѣе конфессіональную окраску, на югѣ болѣе піэтистическую. Тамъ лишь отдѣльные голоса осмѣливаются протестовать противъ мракобѣсія; здѣсь нѣкоторые еще стойко держатся, но кучка свободомыслящихъ видимо уменьшается, и юное

поколѣніе, на которое можно бы было возложить надежды, очень немногочисленно. Но въ другомъ отношеніи разница между католицизмомъ и протестантизмомъ еще больше: тамъ народъ въ массѣ слѣдуетъ за своими вождями, епископами и священниками: 104 депутата центра, избранные при выборахъ 1898 г., снова это доказали. Въ протестантской церкви дѣло обстоитъ совсѣмъ иначе. Въ шестидесятыхъ и семидесятыхъ годахъ еще довольно большое число образованныхъ мірянъ принимало ревностное участіе въ борьбѣ отъ лица Общества протестантовъ; Блюнчли можетъ служить типическимъ образцомъ подобнаго рода людей. Въ настоящее время врядъ ли хоть одинъ человѣкъ въ Берлинѣ интересуется засѣданіями этого ферейна и вопросы, поднятые ритчлевской школой, стали академическими спорами, не имѣющими никакого интереса для широкой публики, и споръ объ апостольскомъ вѣроученіи лишь на одинъ моментъ привлекъ къ себѣ скорѣе любопытство, чѣмъ серьезное вниманіе; теологи-ритчльянцы остаются безъ послѣдователей. Религіозная тенденція, уже въ теченіе нѣсколькихъ послѣднихъ лѣтъ дающая себя чувствовать въ литературѣ, склоняется къ мистицизму и, слѣдовательно, находится въ полномъ противорѣчіи къ воззрѣніямъ Ритчля; значитъ, религіозное міросозерцаніе стоитъ совершенно въ сторонѣ отъ вліянія теологіи и развитія богословской мысли. Какъ же относится народъ къ религіи? Въ восточной Эльбѣ еще иногда протестантскій пасторъ руководитъ своими крестьянами при выборахъ, но не въ интересахъ церковно-политическихъ, а въ интересахъ политико-консервативныхъ; въ общемъ же именно рабочій людъ чувствуетъ себя совершенно чуждымъ церкви, принципіально придерживается положенія: «религія есть частное дѣло», а практически исповѣдуетъ поверхностный сознательно-антицерковный матеріализмъ. Мѣсто религіи занялъ соціальный вопросъ, представляющій наибольшій интересъ для эпохи. Къ этому вопросу мы теперь и обратимся.

Соціализмъ и соціалъ-демократія. Ранній періодъ.

Шестидесятые годы были сплошь заняты политической борьбой; благодаря ей, мы, нѣмцы, сдѣлались политическимъ народомъ, и еще въ семидесятые годы политическіе интересы стояли для насъ на первомъ планѣ. У однихъ это была радость о пріобрѣтенномъ національномъ единствѣ; у другихъ—скорбь и огорченіе вслѣдствіе утраты политической обособленности и подчиненія цѣлому, спеціально прусскому господству. Политическая работа была направлена на устройство и внутреннюю отдѣлку вновь основаннаго государства, въ либеральномъ духѣ, какъ присовокупляли, торжествуя, главные сотрудники, радикальныя же партіи, напротивъ, неудовлетворенныя, полныя сомнѣній, выступали съ болѣе крайними требованіями въ ту и другую сторону. И кульмуркампфъ имѣлъ сначала характеръ церковно-политической борьбы, борьбы изъ за власти, лишь впослѣдствіи все сильнѣе сталъ выдвигаться религіозный элементъ. Великимъ дѣятелемъ этой политической эры является Бисмаркъ, геніальный государственный мужъ и политическій вождь нѣмецкаго народа; въ его личности эпоха находитъ свое полное выраженіе. Поэтому людямъ 70-хъ годовъ такъ трудно было понять, какъ могли, кромѣ политическихъ, пробиться среди нихъ другіе интересы, и даже занять первенствующее мѣсто въ общественной жизни, и какъ политическая эра, едва начавшись и достигнувъ съ удивительною быстротой высшей точки своего развитія,

уже близилась къ концу съ тѣмъ, чтобы уступить мѣсто новому періоду, съ совершенно другими соціальными задачами. Поколѣніе 70-хъ годовъ сначала восприняло это новое движеніе, какъ что-то тягостное и тревожное, враждебное и несправедливое. Вслѣдствіе этогодолгое время старались не замѣчать его, и въ своемъ отношеніи къ нему напоминали страуса. Когда, въ 1874 году, послѣ выборовъ въ парламентъ, доставившихъ соціалъ-демократіи 352.000 голосовъ и 9 мандатовъ, я указалъ въ одной статьѣ на этотъ ростъ соціалъ-демократіи, какъ на характерный фактъ, редакція одного ежедневнаго журнала въ Берлинѣ отказалась ее помѣстить и напечатала вмѣсто нея торжественный гимнъ въ честь побѣды націоналъ-либеральной партіи, но вскорѣ нельзя было больше закрывать глаза, передъ новымъ явленіемъ; оно быстро расло и самые упорные умы были вовлечены въ водоворотъ новыхъ идей, или, присоединившись къ нимъ въ качествѣ друзей и приверженцевъ, или же преслѣдуя и побивая ихъ въ качествѣ противниковъ. Эти новыя идеи были идеями соціализма.

Французская революція 1789 года была дѣломъ третьяго сословія, буржуазіи; ея значеніе состоитъ въ томъ, что она на цѣлое столѣтіе упрочила торжество и господство третьяго сословія. И въ Германіи законодательство Штейна и Гарденберга принесло пользу главнымъ образомъ буржуазіи. Позднѣе, при наступившей реакціи, больше всего пострадала опять-таки буржуазія; доказательствомъ можетъ служить то, что повсюду на первомъ планѣ стояла борьба противъ цензуры и требованіе свободы печати. Носителями освободительнаго движенія во второмъ и третьемъ десятилѣтіи были студенты высшихъ учебныхъ заведеній; молодая Германія состояла изъ литераторовъ и журналистовъ. Революція 1848 года въ Германіи была также революціей преимущественно буржуазныхъ партій; объ этомъ свидѣтельствуетъ составъ франкфуртскаго парламента, въ который вошла главнымъ образомъ умственная аристократія народа, и содержаніе революціонныхъ мнѣній и требованій. И когда потомъ, въ концѣ пятидесятыхъ годовъ, вновь пробудилась политическая жизнь, то члены національнаго ферейна и церковно-либеральнаго Общества протестантовъ принадлежали опять-таки преимущественно къ образованному среднему сословію. По этой причинѣ Бисмаркъ проводилъ свою политику съ 1866 по 1878 г., почти исключительно съ помощью вышедшей изъ этого класса національно-либеральной партіи. Все это станетъ намъ яснѣе, если мы обратимся къ соціалистическимъ теченіямъ, въ которыхъ не было недостатка во время этого буржуазно-политическаго подъема. Зарожденіе соціалистическихъ идей въ Германіи относится къ началу столѣтія. Прежде всего можно назвать Песталоцци и Фихте: перваго съ его появившимся въ 1797 г. «Изслѣдованіемъ объ естественномъ ходѣ развитія человѣческаго рода», второго—съ «Замкнутымъ торговымъ государствомъ», вышедшимъ въ 1800 году. Но соціальная педагогика, къ которой стремился и о которой мечталъ Песталоцци, была оцѣнена лишь въ послѣднемъ десятилѣтіи нынѣшняго вѣка; соціалистическія же идеи Фихте вначалѣ приняты были за фантазіи, а политико-экономы и до сихъ поръ не признаютъ ихъ автора предвѣстникомъ соціализма. Въ тридцатые годы Гейне старался познакомить нѣмцевъ съ французскимъ соціализмомъ; нѣмецкіе изгнанники и странствующіе ремесленники знакомились съ соціализмомъ у самаго источника, во Франціи, а также въ Швейцаріи, и, возвращаясь на родину, приносили съ собой соціалистическія идеи. Особенно энергичнымъ агитаторомъ и пропагандистомъ этихъ идей вы-

ступилъ портной Вильгельмъ Вейтлингъ. Однако, это былъ иностранный товаръ, не находившій въ Германіи особенно много любителей, и, какъ ввозимый контрабандой, преслѣдовался полиціей и цензурой съ особенною жестокостью на границѣ, а внутри страны прятался за семью замками. Книга Лоренца Штейна «О соціализмѣ и коммунизмѣ во Франціи» казалась, по выраженію Рошера, «для нѣмецкой публики сороковыхъ годовъ сказкой изъ прекраснаго далека». Точно также въ книгѣ Беппинь «Книга эта принадлежитъ королю» изъ-за громкихъ фразъ о всеобщей свободѣ не обратили вниманія на потрясающія «бѣдствія» молодого швейцарца». При взглядѣ на описанную здѣсь нужду говорили: «тутъ нельзя помочь»; но мягкосердечная женщина находила, что «все-таки можно», и поставила себѣ задачей «заступиться за права несчастныхъ» и убѣждала «не строить семейныхъ склеповъ предкамъ тамъ, гдѣ живущіе не имѣютъ крова». Поэтому мы такъ мало знаемъ объ этомъ тайномъ соціализмѣ. Болѣе точныя свѣдѣнія мы получаемъ изъ романовъ Фанни Левальдъ и Гуцкова: и тамъ, и здѣсь прямо обозначается Парижъ, какъ исходный и собирательный пунктъ нѣмецкихъ соціалистовъ. Гораздо опредѣленнѣе были соціалистическія жалобы и требованія, заявленныя при возстаніи ткачей въ 1844 году или воспѣтыя Фрейлигратомъ въ его пѣсняхъ. Кромѣ того, мы уже говорили, что въ лицѣ Виктора Эме Губера изъ среды консервативной партіи явился выразитель соціалистическихъ идей, хотя, конечно, онъ не нашелъ отклика въ своихъ собратіяхъ.

Научная политическая экономія, наоборотъ, какъ «классическая», вплоть до Родбертуса находилась вполнѣ подъ вліяніемъ Адама Смита, котораго она совершенно ложно толковала въ смыслѣ крайняго laissez aller laissez faire. Ученіе о естественномъ правѣ дольше всего держалось здѣсь. Въ народномъ хозяйствѣ, какъ и въ государствѣ, находили естественный порядокъ, возникшій изъ дѣйствія естественныхъ потребностей; въ этомъ порядкѣ, по законамъ свободной конкуренціи, все резюмируется само собой. Поэтому политическая экономія никакъ не хотѣла допустить вмѣшательства государства въ процессъ экономическаго развитія: государство обязано только охранять собственность и свободу дѣятельности; всякая попытка направлять или руководить этою дѣятельностью, изнутри или извнѣ, путемъ законовъ, запрещеній или покровительственныхъ пошлинъ, причиняетъ только вредъ. Это была либеральная и оптимистическая точка зрѣнія на соціальное развитіе, которая, вопреки Родбертусу и Марло-Винкельбаху, вплоть до 1860 г. царила и въ теоріи, и на практикѣ—въ экономической политикѣ.

Между тѣмъ, въ революціонный 1848 годъ на одинъ моментъ какъ бы вспышкой молніи была освѣщена чисто соціалистическая картина, благодаря отдѣльнымъ возстаніямъ крестьянъ, участію фабричныхъ рабочихъ въ борьбѣ на баррикадахъ, формулированнымъ въ соціалистическомъ духѣ требованіямъ и программамъ и страстнымъ рѣчамъ отдѣльныхъ ораторовъ. Особенно рѣзко выразилось это направленіе въ «Новой Рейнской Газетѣ», которую редактировалъ въ Кельнѣ Фрейлигратъ вмѣстѣ съ Марксомъ и Энгельсомъ; они дѣйствительно старались придать политическому движенію пролетаріатскій характеръ. О Фейербахѣ мы также знаемъ, что его политическій радикализмъ принялъ въ то время соціалистическую окраску, а онъ выразилъ это въ знаменитомъ выраженіи «что человѣкъ ѣстъ, то онъ и есть».

Однако, всѣ попытки вовлечь буржуазную революцію въ соціалистическій фарватеръ рушились не только подъ давленіемъ быстро со-

бравшагося съ силами прусскаго правительства, но для нихъ вообще еще не пришло время. Въ 1848 году Германія была еще далеко не промышленнымъ государствомъ, и рабочая масса недостаточно организована и подготовлена.

Быть можетъ, и въ началѣ шестидесятыхъ годовъ было еще слишкомъ рано для этихъ попытокъ, несмотря на могучій экономическій и соціальный переворотъ, совершившійся съ 1848 года. Чуть ли не болѣе важное значеніе, чѣмъ развитіе крупной индустріи имѣло полное измѣненіе средствъ сообщенія и гигантскій прогрессъ техники. Благодаря этому совершилось радикальное преобразованіе способовъ производства, распредѣленія народонаселенія и, подъ вліяніемъ послѣдняго даже домашняго хозяйства. Благодаря этому также рѣзче обозначилась противоположность между богатствомъ и бѣдностью.

Въ это время сильный толчекъ развитію соціальныхъ идей сообщилъ Лассаль. Одинъ изъ замѣчательнѣйшихъ людей нашей нѣмецкой исторіи, онъ можетъ идти въ сравненіе развѣ только съ Ульрихомъ фонъ-Гуттеномъ, великимъ агитаторомъ XVI столѣтія, если оставить въ сторонѣ еще болѣе великихъ агитаторовъ своей эпохи — наряду съ Ульрихомъ фонъ-Гуттеномъ, его современника Лютера и рядомъ съ Лассалемъ—Бисмарка. Что Лассаль самъ чувствовалъ родство съ этими бурными и демоническими умами XVI столѣтія, доказываетъ его историческая трагедія Францъ фонъ-Сикингенъ, гдѣ онъ влагаетъ въ уста Ульриха фонъ-Гуттена слѣдующія слова:

Смотри, Францъ, только мелкія души не выполняютъ
Возможнаго, великій же человѣкъ осуществляетъ
Все, что онъ можетъ, въ великомъ дѣлѣ.

Особенно характерны для самого Лассаля слѣдующія обѣщанія Гуттена:

И если я не въ силахъ привести въ твой лагерь
Всадниковъ и другихъ воиновъ, я хочу совершить болѣе великое.
Перо должно стать барабаномъ для меня,
Имъ приводить народъ въ восторгъ я буду.
Въ твой лагерь полъ-Германіи оно должно привлечь,
Когда тебѣ придется противъ императора стоять.

Лассаль имѣлъ уже за собой бурное прошлое, когда въ 1862 г. онъ выступилъ на политическую арену. Извѣстнымъ сдѣлала его защита графини Гатцфельдъ, напоминяющая рѣчи Гуттена противъ герцога Ульриха Вюртембергскаго, и обвиненіе, которое онъ навлекъ на себя въ 1849 г. въ качествѣ сотрудника «Новой Рейнской Газеты» и противъ котораго онъ выступилъ съ блестящимъ пламеннымъ красноръчіемъ. Въ то же время онъ уже былъ выдающимся писателемъ по философскимъ и политико-экономическимъ вопросомъ. Онъ геніально истолковалъ и обработалъ въ духѣ Гегеля систему Гераклита, привлеченный родственнымъ ему πάντα ῥεῖ, этого греческаго фолософа, растворявшаго все неизмѣнное въ потокѣ бытія, и его этикой, основную идею которой онъ думалъ увидѣть въ «преданности общему дѣлу». Но, можетъ быть еще болѣе привлекало его яркое пламя революціи, пылавшее во всей этой системѣ.

Остроумнымъ спеціалистомъ онъ показалъ себя въ появившейся въ 1861 г. «Системѣ пріобрѣтенныхъ правъ», которая уже предвѣщала его переходъ отъ философіи къ политической дѣятельности; здѣсь онъ воспользовался очень плодотворною для агитаціи мысью изъ гегелевской діалектики—объ относительности всѣхъ правовыхъ учрежденій. При этомъ Лассаль оказался такъ же, какъ и въ своемъ главномъ поли-

тико-экономическомъ сочиненіи «Бастіа-Шульце», появившемся въ 1864 г., болѣе сильнымъ въ критикѣ, чѣмъ въ оригинальномъ мышленіи. Однако спеціалисты признаютъ, что съ появленіемъ этого сочиненія наступила новая эра для научной политической экономіи въ Германіи. Во всякомъ случаѣ полемики его можно было бояться его противникамъ, кто бы они ни были—манчестерскіе политико-экономы, свободомыслящіе друзья рабочихъ или историки литературы, въ родѣ Юліана Шмидта: такъ могуче оглушали его удары, остроумныя насмѣшки его, какъ отравленныя стрѣлы, наносили смертельныя раны. Но уваженіе, которое онъ пріобрѣлъ своими сочиненіями среди ученыхъ и образованныхъ людей, не удовлетворяло его безграничнаго тщеславія, которое влекло его къ истинному величію и славѣ и Бисмаркомъ было опредѣлено, «какъ честолюбіе высокаго полета». Вообще литературная дѣятельность рѣдко удовлетворяетъ природнаго оратора и агитатора. И Лассаль всегда чувствовалъ влеченіе къ политикѣ, на поприще которой онъ впервые выступилъ въ 1848 году и для которой съ 1859 г. благодаря новой эрѣ въ Пруссіи, былъ открытъ свободный путь. Въ 1859 г. появилась его брошюра «Итальянская война и политическая задача Пруссіи». Судя по этой брошюрѣ, его мѣсто было сначала въ рядахъ національнаго союза, а когда произошелъ конфликтъ—на сторонѣ прусской прогрессивной партіи. Но для многихъ изъ этихъ почтенныхъ и буржуазно-степенныхъ либераловъ въ этомъ человѣкѣ было слишкомъ много вулканическаго и демоническаго. Многіе находили неприличнымъ съ моральной точки зрѣнія его безнравственный образъ жизни и въ прошломъ, и въ настоящемъ. Помимо этого были еще внутреннія причины разрыва съ этой манчестерской партіей, относившейся отрицательно ко всякому вмѣшательству государства въ соціальное развитіе. Къ Бисмарку онъ также не хотѣлъ идти, ибо, какъ Цезарь, онъ предпочиталъ быть первымъ въ небольшомъ кругу, чѣмъ кому бы то ни было служить и подчиняться. При такихъ условіяхъ онъ перешелъ на сторону рабочихъ.

Прогрессивная партія смотрѣла на рабочихъ какъ на средство и отказывалась признать въ нихъ равноправныхъ членовъ. Точно также прогрессивная партія нехотѣла ничего слышать въ то время объ общемъ избирательномъ правѣ; хотя она мотивировала это боязнью передъ сельскимъ взбирательнымъ округомъ восточно-эльбскаго юнкерства, фактически это было собственно нежеланіе признать политическую равноправность и совмѣстное участіе рабочихъ въ общественной дѣятельности. Наконецъ, прогрессивная партія строго стояла на почвѣ англійско-манчестерской теоріи свободной торговли: «laissez aller laissez faire» по отношеніи къ индустріи и къ условіямъ труда считалось высшимъ правиломъ мудрости. Государственное вмѣшательство, точто такъ же, какъ и покровительственныя пошлины, считались несовмѣстимыми съ основоположеніями политическаго либерализма и были имъ рѣшительно отклонены. Только одинъ Шульце-Деличъ относился благосклонѣе. Но основанныя имъ, изъ искренняго желанія добра ассоціаціи, для закупки сырого матеріала и жизненныхъ продуктовъ общества взаимнаго кредита, принесли пользу только мелкой буржуазіи и ремесленникамъ, но не рабочему сословію. Но такъ какъ онъ не пошелъ дальше идей о взаимопомощи, то онъ являлся для Лассаля, быть можетъ, честнымъ человѣкомъ, но плохимъ дѣятелемъ и отсталымъ буржуа.

Такимъ образомъ, Лассаль долженъ былъ прежде всего порвать и

свести счетъ съ прогрессивной партіей. Это сдѣлалъ онъ рѣзко и безцеремонно къ радости и при ликующихъ возгласахъ консервативной «Кресговой Газеты».

Послѣ разрыва съ либерализмомъ, Лассалю приходилось создать что-нибудь новое, и начало этому онъ положилъ въ своемъ «гласномъ отвѣтѣ» отъ 1-го марта 1863 г. лейпцигскому центральному комитету для созыва общаго нѣмецкаго рабочаго конгресса. Здѣсь онъ развилъ свои три основныя положенія: ученіе о желѣзномъ законѣ заработной платы, требованіе государственнаго кредита для основанія производительныхъ ассоціацій и необходимость всеобщаго равнаго избирательнаго права. Но практическихъ результатовъ своей дѣятельности ему не удалось видѣть, такъ какъ уже 31-го іюля 1864 г. шальная пуля валахскаго дворянина Раковицы, изъ-за одной знатной кокетки, съ которой Лассаль одно время серьезно сошелся, положила на дуэли внезапный и прежде временный конецъ его бурной жизни.

Теперь оставлены въ сторонѣ и забыты его соціальныя идеи и въ особености желѣзные законы платы, формулированные имъ слѣдующимъ образомъ: «желѣзный экономическій законъ, опредѣляющій при современныхъ условіяхъ господства предложенія и спроса на трудъ заработную плату, гласитъ: средняя заработная плата всегда низводится до предѣловъ, необходимыхъ для поддержанія жизни, которые въ каждомъ народѣ, согласно существующимъ привычкамъ, опредѣляются необходимымъ минимумомъ для существованія и размноженія. Это та точка, около которой поденная плата колеблется подобно колебаніямъ маятника, не будучи въ состояніи на долгое время подняться выше, или же спуститься ниже. Заработная плата не можетъ на продолжительное время поднятся надъ среднимъ уровнемъ, ибо въ такомъ случаѣ, благодаря болѣе благопріятному положенію рабочихъ, произойдетъ умноженіе въ ихъ средѣ браковъ, увеличеніе рабочаго народонаселенія и слѣдовательно предложеніе рабочихъ рукъ, которыя опять понизятъ заработную плату прежняго уровня и даже ниже. Заработная плата не можетъ на долгое время пасть ниже уровня, необходимаго для поддержанія жизни, ибо тогда произойдетъ эмиграція, безбрачіе, воздержаніе отъ рожденія дѣтей и наконецъ, вызванное нищетой, сокращеніе числа рабочихъ, которые уменьшатъ предложеніе рабочихъ рукъ и поднимутъ заработную плату, на прежній уровень». Этотъ законъ, признанный даже такимъ умѣреннымъ соціалистомъ, какъ Родбертусъ, правильнымъ и натуральнымъ, явился самымъ острымъ оружіемъ въ борьбѣ въ ближайшее двадцатипятилѣтіе и признавался даже противниками во многихъ случаяхъ неопровержимымъ. Въ настоящее же время даже соціалъ-демократы признали его неправильнымъ, выбросили какъ старый хламъ. Точно также соціалъ-демократія сначала включила въ свою программу лассалевское требованіе государственной помощи для основанія производительныхъ товариществъ, но въ концѣ концовъ отвергла его, какъ нѣчто непрактическое, несовмѣстимое съ ея цѣлями и принципомъ. Партія также отказалась отъ положительнаго отношенія къ государству, которое Лассаль защищалъ какъ «древній огонь Весты всякой цивилизаціи» противъ манчестерцевъ какъ «современныхъ варваровъ», отказалась и отъ его національнаго вопроса, который заставилъ его завязать сношенія съ Бисмаркомъ. Въ особенности рѣшительно отброшена соціалъдемократіею мысль о соціальномъ «народномъ королевствѣ», которая временами занимала Лассаля.

Но его значеніе не заключается въ отдѣльныхъ идеяхъ, которыя даже большей частію не были оригинальны, а были имъ заимствованы у другихъ, но въ практическихъ результатахъ его дѣятельности. Онъ былъ основателемъ нѣмецкой соціалъ-демократіи и указалъ ей ближайшую цѣль—добиваться всеобщаго избирательнаго права. Онъ разгадалъ гораздо лучше, чѣмъ доктринеры-прогрессисты болѣе родственную ему, такъ какъ она была революціонной, великую натуру Бисмарка и понялъ, что послѣдній, идя смѣло къ цѣли противъ партіи прогрессистовъ, выброситъ имъ общее избирательное право, чтобы ихъ превзойти и перещеголять. Но, быть можетъ, самъ Бисмаркъ ему объ этомъ сказалъ. Во всякомъ случаѣ Бисмаркъ, также не безъ вліянія лассалевскихъ идей, въ 1866 году смѣло бросилъ жребій, за который его тогда такъ жестоко бранили и еще до сихъ поръ бранятъ и обвиняютъ: онъ включилъ въ конституцію сѣверно-нѣмецкаго союза, а затѣмъ въ конституцію германской имперіи всеобщее, прямое избирательное право, съ закрытою баллотировкою; это всенародное право, разъ введенное, не должно и не можетъ быть отмѣнено: это было бы началомъ конца.

Этотъ законъ упорядочилъ рабочее движеніе, и мало-по-малу ввелъ его въ русло мирной легальной дѣятельности. Въ то же время онъ является обязательнымъ дополненіемъ къ общей школьной и военной повинности и великимъ предохранительнымъ клапаномъ для накопляющейся въ глубинѣ революціонной энергіи. По этимъ двумъ причинамъ необходимо его твердо хранить и бороться за его неприкосновенность, какъ бы ни было это порой неудобно и какія бы тяжелыя обязанности не налагало это на руководящихъ дѣятелей. Въ этомъ рѣшительномъ пунктѣ сошлись агитаторъ-демократъ и консервативный государственный мужъ—сошлись въ ясномъ пониманіи злобы дня и въ смѣломъ проведеніи необходимой реформы. Поэтому-то Бисмаркъ никогда до самой смерти не отрекался отъ этого своего творенія.

Время, наступившее послѣ смерти Лассаля, для демократистическаго движенія было періодомъ общей путанницы. Мелкіе діадохи спорили изъ-за главенства въ партіи. Тѣмъ не менѣе, въ 1867 г. въ первый парламентъ сѣверно-нѣмецкаго союза вступили два лассальянца, а затѣмъ впродолженіи нѣсколькихъ лѣтъ фонъ-Швейцеръ искусно велъ дѣла партіи, пока соціалъ-демократическая партія не сложилась въ ея современномъ видѣ. Не останавливаясь на подробностяхъ, укажемъ лишь главные пункты ея исторіи.

Карлъ Марксъ внесъ въ программу соціалъ-демократіи интернаціональное направленіе. Въ противоположность Лассалю, Марксъ былъ человѣкъ холоднаго разсудка, безпощадный критикъ, человѣкъ безъ идеаловъ, ибо онъ не допускалъ никакихъ иллюзій, тоже агитаторъ, но не въ духѣ Гуттена, а скорѣе въ духѣ Мадзини. Онъ долго размышлялъ въ тиши, и плодомъ этого была его соціалистическая теорія, изложенная въ произведеніи «Капиталъ».

Исходный пунктъ ея составляетъ такъ называемое матеріалистическое пониманіе исторіи (экономическій матеріализмъ), ученіе о преимуществѣ экономическихъ теченій въ исторической жизни передъ политическими и умственными; историческая жизнь народовъ представляетъ въ сущности исторію классовой борьбы между имущими и неимущими, а все остальное есть лишь вторичныя явленія, «надстройка» надъ этими фундаментальными устоями. Въ этомъ историческомъ процессѣ буржуазія сыграла важную роль, устранивъ феодализмъ, но

постоянно повторяющіеся торговые кризисы, слѣдствіе безсистемнаго производства и перепроизводства, подвергають опасности буржуазный строй, покоящійся на частной собственности. Первой задачей будущаго строя будетъ экспропріація собственности и централизація всѣхъ средствъ производства въ рукахъ общества. Этотъ процессъ долженъ совершиться самъ собой, это—эволюція, и потому въ революціи, въ обыкновенномъ смыслѣ слова, нѣтъ нужды. Изображеніе этого процесса по своему плану является гегелевской конструкціей и выполнено по гегелевской схемѣ историческаго развитія и средствами діалектическаго метода, что само по себѣ не есть еще недостатокъ, такъ какъ въ основѣ этой схемы у Макса, какъ и у Гегеля, лежитъ богатый фактическій матеріалъ, взятый изъ исторіи и изъ наблюденій надъ дѣйствительной жизнью. Недостатокъ его, напротивъ, заключается въ отсутствіи психологическаго обоснованія, наиболѣе слабо развитаго во всей нѣмецкой философіи отъ Канта до Гегеля. Въ этомъ отношеніи Адамъ Смитъ стоитъ выше, ибо онъ предпосылаетъ своему сочиненію о богатствѣ народовъ теорію моральныхъ чувствъ. Матеріалистическое пониманіе исторіи, благодаря своей односторонности и исключительности, какъ разъ является наиболѣе сложною частью всего ученія.

Сторонники интернаціональнаго направленія долгое время вели ожесточенный споръ съ націоналистами-лассальянцами, пока обѣ партіи не объединились въ Готѣ въ маѣ 1875 года. Это соединеніе было закрѣплено особой программой, которая представляетъ изъ себя удивительную смѣсь марксистскихъ и лассальянскихъ основныхъ идей. Въ ней отмѣняется интернаціональный характеръ рабочаго движенія и вмѣстѣ съ тѣмъ въ угоду лассальянцамъ прибавлено: «дѣйствуя, однако сначала въ предѣлахъ національностей». Въ 1870—1871 годахъ, благодаря сильному національному подъему въ Германіи, партія понесла значительный уронъ. Національное сознаніе имѣло все-таки и въ особенности тогда громадную привлекательную силу, бо̀льшую, чѣмъ туманная идея о всеобщемъ братствѣ людей.

Но подъ вліяніемъ французскихъ милліардовъ, которые перекочевали въ Германію послѣ франко-прусской войны, вслѣдъ за національнымъ подъемомъ Германіи наступилъ и экономическій, заставшій недостаточно подготовленное для этого поколѣніе. Какъ бы опьяненіе охватило имущихъ, капитализмъ праздновалъ настоящія оргіи, самыя неблаговидныя предпріятія находили поддержку среди извѣстныхъ и благороднѣйшихъ людей, лихорадка спекуляціи охватила, какъ эпидемія, всѣ свои общества—дворянъ, высокопоставленныхъ, чиновниковъ, офицеровъ, ученыхъ, духовенство—пресса почти вся оказалась продажной; однимъ словомъ, всѣ съ легкимъ сердцемъ и безстыдно начали плясать вокругъ золотого тельца, психологія массъ обогатилась еще однимъ весьма неутѣшительнымъ наблюденіемъ. Ласкеру слѣдуетъ поставить въ особенную заслугу, что онъ въ то время въ прусской палатѣ депутатовъ смѣло вложилъ свой палецъ въ эту гніющую рану и раскрылъ весь ужасъ этой позорной страсти къ стяжанію. Назвать его поведеніе «не поддающейся описанію подлой комедіей» и приписать ему различные нечистые мотивы историкъ нѣмецкой соціалъ-демократіи долженъ былъ бы предоставить антисемитамъ. «Моральный паѳосъ» Ласкера былъ въ тѣ дни высоко искреннимъ. Однако и рабочій міръ пострадалъ отъ этого движенія. Деньги были дешевы, и вслѣдствіе этого вздорожали всѣ самыя необходимыя средства къ существованію. Результатомъ этого было нѣкоторое повышеніе заработной платы, когда же это повышеніе

заработной платы все-таки отставало отъ растущихъ цѣнъ на продукты, то положеніе рабочихъ еще болѣе ухудшилось. Тѣ же рабочіе, которымъ удалось достигнуть дѣйствительнаго, а не относительнаго только повышенія заработной платы, сумѣли лучше устроить свою жизнь. Но такъ какъ и они поддались вліянію дурного примѣра богачей, то многіе изъ нихъ пали жертвами искушенія и пользовались болѣе высокимъ заработкомъ лишь для безпутнаго наслажденія, какъ и богачи барышами, доставшимися биржевой игрой. Я самъ видѣлъ тогда въ Цюрихѣ по понедѣльникамъ молодыхъ рабочихъ, разъѣзжающихъ по улицамъ въ экипажахъ съ бутылками шампанскаго.

И вотъ наступило то, чего нужно было ожидать, катастрофа—великій крахъ 1873 года, захватившій въ свой водоворотъ не только однихъ виновныхъ. Прежде всего буржуазія должна была пожать то, что она посѣяла. Вслѣдъ затѣмъ наступившія въ связи съ кризисомъ увольненіе рабочихъ и внезапное пониженіе заработной платы обрушились на тысячи рабочихъ и рабочихъ семей, которые до сихъ поръ издали съ завистью наблюдали за этими оргіями капиталистовъ, а теперь должны были за нихъ расплачиваться. Въ этомъ заключается тяжелая вина, которую несетъ на себѣ буржуазія передъ рабочимъ міромъ.

Въ концѣ концовъ, соціалъ-демократія получила реальную выгоду отъ этой пляски вокругъ золотого тельца и число ея голосовъ, равнявшееся въ 1869 году 150.000 и упавшее въ 1871 г. до 10.200, возрасло въ 1874 г. до 352.000, число ея депутатовъ увеличилось съ 2 до 9.

Эра соціальныхъ реформъ.

Но вотъ наступилъ несчастный 1878 годъ съ его двумя достойными проклятія покушеніями на сѣдую голову императора Вильгельма I. Покушеніе Гёделя можно было считать слѣдствіемъ страстной соціалъ-демократической агитаціи, покушеніе же Нобилинга навѣрное ничего общаго съ ней не имѣетъ. Но прежде мы всѣ вѣрили въ эту связь; и однихъ охватилъ страхъ, заставившій ихъ поблѣднѣть передъ движеніемъ, которое ведетъ къ подобнымъ злодѣйствамъ, другихъ—гнѣвное возмущеніе, когда они представляли себѣ покрытое кровью лицо почтеннаго императора. Монархическое чувство въ то время было силой, которую нельзя было безнаказанно оскорблять. Подъ такимъ впечатлѣніемъ состоялись выборы въ парламентъ въ 1878 году, и въ результатѣ получилось большинство, готовое принять исключительный законъ противъ соціалъ-демократовъ.

Такимъ образомъ, за періодомъ культуръ-кампфа наступило господство закона о соціалистахъ отъ 1878 г. до 1890 г. Еще въ 1863 г. Бисмаркъ понялъ важность рабочаго вопроса и чѣмъ далѣе, тѣмъ все болѣе вооружался противъ феодальнаго, точно также, какъ и противъ либерально-манчестерскаго отношенія къ этому вопросу. Въ 1871 году онъ развилъ передъ министромъ торговли графомъ Иценплицомъ два основныхъ положенія своей будущей соціально-политической программы: путемъ законодательныхъ и административныхъ мѣръ пойти навстрѣчу тѣмъ желаніямъ рабочаго класса, которыя находятъ свое оправданіе въ измѣненіяхъ условій производства, путей сообщенія и цѣнъ, и вмѣстѣ съ этимъ, при помощи запретительныхъ мѣръ и карательныхъ законовъ, положить предѣлъ угрожающей государству агитаціи. Въ 1875 году онъ заявилъ Шмоллеру, что онъ, въ сущности, то же государственный соціалистъ, но пока не имѣетъ времени для про-

веденія этихъ реформъ. Однако, если тогда передъ нимъ «носилась мысль о великой государственной соціальной реформѣ въ пользу рабочихъ», то, по мнѣнію Шмоллера, это было ничто иное, какъ признаніе права на работу и въ «общемъ не болѣе какъ обѣщаніе государственныхъ работъ въ годы кризиса и въ случаѣ всякой другой крайней нужды»; болѣе широкія требованія рабочаго законодательства были, по свидѣтельству того же Шмоллера, отклонены еще въ 1878 г.

Во всякомъ случаѣ въ этомъ году соціальныя реформы не были проведены, а законъ о соціалистахъ, благодаря неопредѣленной формулировкѣ, вызывалъ неравномѣрныя дѣйствія властей, то болѣе репрессивныя, то менѣе, и этимъ обострялъ положеніе. Съ другой стороны, благодаря этому же закону, старыя распри между обоими направленіями сразу прекратились и партія объединилась.

Въ виду этого воинственнаго настроенія и агитаціи, которая продолжала вестись тайно или изъ-за границы, и въ виду растущаго озлобленія, соціальное посланіе о мирѣ императора Вильгельма I, отъ 17-го ноября 1881 года, не могло достигнуть своей ближайшей цѣли—успокоенія и примиренія. Это посланіе находилось въ связи съ великимъ переворотомъ во всей внутренней политикѣ Германіи съ 1879 года. Культуркампфъ былъ оконченъ, съ цѣлью достигнуть мира хотя бы въ одной сферѣ и, въ противовѣсъ разнузданности семидесятыхъ годовъ, выставить церковь органомъ порядка и единенія. Сельское хозяйство, особенно въ восточно-эльбскихъ провинціяхъ, страдало отъ неограниченной свободы обмѣна, и къ ея призыву о покровительствѣ присоединилась также часть индустріи, страдавшей отъ кризисовъ. Государство нуждалось также въ финансовой самостоятельности и послѣдняя могла быть достигнута только посредствомъ повышенія пошлинъ и налоговъ на средства потребленія; опасность, которой подвергалось государство со стороны соціалистовъ, требовала наряду съ мѣрами отпора, также мѣръ помощи и защиты. Можно, конечно, находить прискорбнымъ вызванный этимъ разрывъ Бисмарка съ либерализмомъ, но, во всякомъ случаѣ, этотъ актъ принадлежитъ къ самымъ крупнымъ дѣяніямъ Бисмарка, ибо онъ самостоятельно переработалъ свои прежніе взгляды, до всего дошелъ самъ, безъ помощи своихъ товарищей и тайныхъ совѣтниковъ и съумѣлъ склонить на свою сторону стараго императора, которому, впрочемъ, не трудно было отказаться отъ либераловъ и культуркампфа. Но чтобы понять всю важность событій этого года, необходимо принять во вниманіе громадный поворотъ, совершившійся въ европейской политикѣ. Въ этомъ же 1879 г. состоялся союзъ съ Австріей, который связалъ снова разорванные съ 1866 г. узы и, такимъ образомъ, было дано нѣкоторое удовлетвореніе пан-германистическимъ тенденціямъ; въ то время, конечно, союзъ этотъ былъ, главнымъ образомъ, направленъ противъ Россіи. Скоро было приступлено также къ подготовительнымъ работамъ въ области соціальныхъ реформъ, о которыхъ возвѣщала тронная рѣчь отъ 15-го февраля 1881 года, и еще яснѣе посланіе отъ 17-го ноября того же года. Здѣсь было сказано: «Уже въ февралѣ этого года мы высказали наше убѣжденіе, что исцѣленія соціальныхъ золъ слѣдуетъ искать не только на пути репрессіи соціалъ-демократическихъ демонстрацій, но въ равной мѣрѣ и въ положительномъ улучшеніи положенія рабочихъ. Мы считаемъ нашей государственной обязанностью обратить еще разъ вниманіе рейхстага на эту задачу. Мы съ тѣмъ большимъ удовлетвореніемъ взирали бы на успѣхи, которыми Богъ явно благословилъ наше

царствованіе, если бы намъ удалось когда-нибудь придти къ сознанію, что мы оставили по себѣ отечеству новое и продолжительное обезпеченіе внутренняго міра, а нуждающимся—бóльшую увѣренность въ помощи, на которую они имѣютъ право».

Въ посланіи отъ 14-го апрѣля 1883 года снова было высказано убѣжденіе, что «законодательство не должно ограничиваться полицейскими и карательными мѣрами для подавленія опасной для государства пропаганды, но должно стремиться для исцѣленія или, по крайней мѣрѣ, для облегченія этого зла, ввести реформы, которыя были бы направлены ко благу рабочихъ, къ улучшенію и обезпеченію ихъ намѣренія». Въ виду своего престарѣлаго возраста, императоръ приглашалъ поторопиться: пока Богъ даруетъ ему жизнь, «онъ не упуститъ ни одного находящагося въ его распоряженіи средства, которое способно было бы улучшить положеніе рабочихъ и внести миръ въ трудящіеся классы».

Эта программа, повторенная нѣсколько разъ и возвѣщенная въ торжественной формѣ, казалось была предназначена для того, чтобы сдѣлать перваго нѣмецкаго императора провозвѣстникомъ новой соціальной эры. Но она сдѣлала еще больше: она ввела новую точку зрѣнія на государство и его задачи, стоявшую въ прямомъ противорѣчіи какъ къ либеральнымъ, такъ и къ консервативнымъ воззрѣніямъ; это—реалистическая и государственно-соціалистическая точка зрѣнія. Такимъ образомъ, предстояла двойная задача: съ одной стороны, убѣдить въ важности и необходимости этихъ идей достаточные классы, которые держали въ своихъ рукахъ и парламентъ и законодательство; съ другой стороны, примирить низшіе классы съ высшими и, что еще важнѣе, съ государствомъ, которому они повернули спину, такъ какъ оно до сихъ поръ почти ничего для нихъ не сдѣлало. Въ какой степени первая задача удалась Бисмарку, можно судить по цѣлому ряду соціально-политическихъ законовъ, проведенныхъ въ восьмидесятые годы; я назову изъ нихъ три самыхъ главныхъ: законъ о страхованіи отъ болѣзней отъ несчастныхъ случаевъ и законъ объ инвалидности и обезпеченіи на время старости. Только свободо-мыслящая партія, упорно держась за свои либеральные принципы, почти наотрѣзъ отказалась отъ этой грандіозной реформы. Само собою разумѣется, этотъ законъ не былъ свободенъ отъ многихъ крупныхъ недостатковъ. Но, тѣмъ не менѣе, Шмоллеръ правъ, считая выдвинутый въ немъ на первое мѣсто страховой принципъ «однимъ изъ наиболѣе великихъ соціальныхъ пріобрѣтеній нашего столѣтія»; онъ правъ также, называя Бисмарка новымъ Моисеемъ, который «ударилъ своимъ жезломъ о твердый, сухой камень и извлекъ животворную струю соціальнаго обезпеченія». Тѣмъ болѣе жалкимъ кажется намъ Мерингъ, когда онъ въ своей «Исторіи нѣмецкой соціалъ-демократіи» осмѣиваетъ и потѣшается надъ этимъ «неуклюжимъ маневромъ, которымъ Бисмаркъ выпутался изъ замѣшательства», и надъ «убогими реформами» восьмидесятыхъ годовъ. Ненависть не должна ослѣплять: нельзя позволять себѣ сознательно превращать бѣлое въ черное.

Послѣ отмѣны закона о соціалистахъ въ 1890 году въ партіи началась внутренняя работа—выдѣлились два теченія: утопическое и реалистическое или соціально-политическое, причемъ послѣднее, чѣмъ далѣе, тѣмъ все болѣе завоевываетъ положеніе. Вмѣсто того, чтобы задаваться детальнымъ построеніемъ плана будущаго общественнаго устройства, реалистическое направленіе обращается къ задачамъ настоящаго и переводитъ партію на путь реформъ. Съ другой стороны,

все болѣе возрождаются національныя идеи Лассаля, широкія международныя перспективы начинаютъ уступать мѣсто болѣе узкимъ, но зато болѣе реальнымъ задачамъ въ рамкахъ національности. Въ виду всего этого, становится довольно вѣроятнымъ превращеніе соціалъ-демократіи въ радикальную партію реформъ.

Съ внѣшней стороны паденіе закона о соціалистахъ, 1-го октября 1890 года, послѣ двѣнадцатилѣтняго господства принесло, конечно, партіи прежде всего громадный тріумфъ и быстрое развитіе. Уже при выборахъ въ рейхстагъ въ февралѣ того же года она оказалась наиболѣе сильной изъ всѣхъ партій, въ 1893 году она получила 1.786.000 голосовъ, причемъ, конечно, далеко не всѣ, подавшіе за нее свой голосъ, должны быть причислены къ партіи; многіе изъ нихъ должны считаться сочувствующими, пожелавшими этимъ лишь выразить свое оппозиціонное настроеніе; выбраны были 44 соціалъ-демократическихъ депутата, число это при дополнительныхъ выборахъ увеличилось еще на нѣсколько человѣкъ. И въ большей части отдѣльныхъ ландтаговъ—за исключеніемъ прусскаго съ плохой классовой системой выборовъ—засѣдаютъ соціалъ-демократы и учатся здѣсь уживаться съ другими и принимаютъ съ своей стороны участіе въ разрѣшеніи неотложныхъ культурныхъ и законодательныхъ задачъ. Выборы въ рейхстагъ въ 1898 г., доставившіе партіи 2.100.000 голосовъ и 56 депутатовъ, указываютъ на то, что партія не достигла еще своего высшаго пункта, хотя мы быстрыми шагами приближаемся къ ней. Соціалъ-демократы этимъ приростомъ не довольны.

Катедеръ-соціализмъ.

Обращаясь къ исторіи науки, мы должны сказать, что политическая экономія не только не отставала отъ практическаго хода вещей, но по большей части шла впереди. Первымъ важнымъ шагомъ въ переходѣ отъ индивидуалистическаго къ государственно-соціалистическому направленію была борьба противъ манчестерскаго ученія о свободной торговлѣ. Въ этомъ отношеніи уже Листъ «перейдя отъ вопросовъ потребленія къ вопросамъ производства», сдѣлалъ центральнымъ пунктомъ своихъ разсужденій національный характеръ таможеннаго союза, освобожденіе національной промышленности отъ господства англійской индустріи, упроченіе національнаго рынка для національнаго ремесла, и ради этого требовалъ охранительныхъ пошлинъ.

Въ 1853 году Книсъ далъ политической экономіи то историческое направленіе, которое впервые могло разбить классическую школу, выросшую на почвѣ естественнаго права. Въ то же самое время, въ противоположность классической политической экономіи, Родбертусъ и Марксъ впервые дали соціализму въ Германіи научное обоснованіе. Но на нихъ смотрѣли тогда, какъ на чудаковъ и не обращали серьезнаго вниманія; даже споръ между Родбертусомъ и Кирхманномъ о причинахъ пауперизма и торговыхъ кризисахъ надѣлалъ мало шуму и не произвелъ особаго впечатлѣнія. Поэтому, Родбертусъ привѣтствовалъ появленія Лассаля, какъ новую зарю, хотя онъ рѣшительно отрицаетъ свое участіе въ его агитаторской дѣятельности Лассаля.

Въ шестидесятыхъ годахъ только одни спеціалисты вели научную борьбу противъ господствующей теоріи либеральнаго индивидуализма: Лассаль въ своемъ образцовомъ полемическомъ произведеніи «Бастіа Штольце» разобралъ критически эту теорію, не давая ничего поло-

жительнаго, а Марксъ въ первомъ томѣ своего «Капитала», отличающагося какъ огромной массой тщательно подобранныхъ фактовъ, такъ и обиліемъ новыхъ идей и остроумной діалектикой, на ряду съ критикой, предложилъ и положительное ученіе. Дюрингъ и Ланге, напротивъ, какъ не профессіональные политико-экономы, не привлекли къ себѣ серьезнаго отношенія со стороны спеціалистовъ. Ланге просто считался лассальянцемъ; между тѣмъ, примѣненіе дарвинистскихъ идей къ народному хозяйству въ его произведеніи «Рабочій вопросъ» и то высоко-гуманное настроеніе, съ которымъ онъ говоритъ объ этомъ вопросѣ, тогда еще безразличномъ и чуждомъ для большинства образованныхъ людей—все это было ново и очень важно. То же самое значеніе имѣла «Квинтэссенція соціализма» Шеффле, въ которой этотъ, много разъ мѣнявшій свои взгляды писатель, сдѣлалъ такъ много уступокъ соціализму, что, казалось, почти перешелъ въ него. Эта книжонка появилась въ началѣ семидесятыхъ годовъ. Но великій переворотъ совершился уже раньше. Почти въ это же время Брентано обратилъ вниманіе на англійскія рабочія гильдіи и видѣлъ въ этой взаимопомощи ремесленныхъ союзовъ средство для оздоровленія соціальныхъ условій и подъема рабочаго класса. Точно также Адольфъ Вагнеръ и Шенбергъ, въ противоположность индивидуалистическому и соціалистическому направленію, высказались за неограниченное вмѣшательство государства» и для практическаго разрѣшенія рабочаго вопроса требовали соціальныхъ реформъ, основанныхъ на комбинированіи взаимопомощи и государственной помощи. Нассе, Гельдъ и въ особенности Шмоллеръ, сдѣлавшійся извѣстнымъ, благодаря своему замѣчательному изслѣдованію о нѣмецкомъ кустарничествѣ въ XIX столѣтіи, вращались въ томъ же кругѣ идей. И всѣ они вмѣстѣ въ 1872 году, при участіи депутатовъ, журналистовъ, купцовъ и чиновниковъ, основали «Общество соціальной политики». Въ рѣчи, произнесенной при открытіи общества въ 1897 г., Шмоллеръ объявилъ, что общество, не обращая вниманія на политическій образъ мыслей своихъ членовъ, ставитъ себѣ задачей просвѣщать своею дѣятельностью, выводить на свѣтъ истину, вносить своими рѣчами, произведеніями, собраніями и публикаціями во всѣ партіи и классы ознакомленіе съ соціальными вопросами и прокладывать путь для осуществленія практической соціальной реформы. Объ успѣшной дѣятельности общества свидѣтельствуетъ съ одной стороны масса появившихся подъ его вліяніемъ книгъ и статей, для «пониманія соціальной дѣйствительности», съ другой стороны фактическое дѣйствіе, которое онъ оказывалъ на нѣмецкое законодательство, несмотря на всѣ нападки, со времени паденія Бисмарка и до 1892 года. «Мы не желали,—воскликнулъ Шмоллеръ въ вышеупомянутой рѣчи,—«мы никогда не желали въ корнѣ преобразовать народное хозяйство, въ наши намѣренія не входило представить законченный планъ будущаго соціальнаго устройства. Мы желаемъ только съ факеломъ науки указывать путь практикѣ, уяснить себѣ и если, возможно, отечеству нѣкоторыя частности и конкретныя формы соціальныхъ реформъ и явленій, и въ борьбѣ интересовъ и страстей дать мѣсто голосу справедливости, разума и науки». И онъ дѣйствительно съ полнымъ правомъ могъ гордиться, что дѣятельность общества въ теченіе 25 лѣтъ не была безплодна, что она создала много хорошаго и полезнаго.

Но и внѣ общества эти «государственные соціалисты» энергично работали, и ихъ научныя изслѣдованія во многихъ случаяхъ принесли пользу и практикѣ. Описательное направленіе политической экономіи

не только изслѣдовало прошлое, въ интересахъ настоящаго,—оно старалось также прямо разобраться въ настоящемъ, занявшись изученіемъ дѣйствительнаго положенія отдѣльныхъ рабочихъ группъ и отдѣльныхъ отраслей промышленности, и довершило такимъ образомъ жалкія анкеты, предпринятыя правительствомъ. Что сдѣлалъ школѣ Брентано для индустріи, то Кнаппъ сдѣлалъ для ознакомленія съ условіями быта сельскихъ рабочихъ въ своемъ капитальномъ произведеніи «Освобожденіе крестьянъ и происхожденіе сельскихъ рабочихъ въ старыхъ частяхъ Пруссіи» и въ отдѣльныхъ изслѣдованіяхъ, написанныхъ его учениками. Шмоллеръ отмѣняетъ на ряду съ исторической стороною соціальнаго вопроса этическую, его отношенія къ нравственности и пришелъ къ тому заключенію, что «главная причина всѣхъ соціальныхъ золъ лежитъ не въ имущественномъ неравенствѣ, но въ неравенствѣ образованія». Поэтому, онъ требуетъ, чтобы все вниманіе сосредоточено было на этого рода реформы, не только на доставленіе средствъ къ жизни, но и на поднятіе нравственнаго уровня, на развитіе знаній и способностей низшихъ классовъ.

Въ настоящее время катедеръ-соціализмъ царитъ въ нѣмецкой политической экономіи и, за немногими исключеніями, всѣ каѳедры политической экономіи заняты его молодыми представителями, причемъ, конечно, нѣтъ недостатка въ различныхъ оттѣнкахъ и разногласіяхъ. Однако, въ послѣднее время курсъ правительства нѣсколько мѣняется. Индивидуализмъ опять поднимаетъ голову, находитъ много приверженцевъ въ консервативныхъ слояхъ, ораторомъ его въ рейхстагѣ выступаетъ крупный заводчикъ баронъ фонъ-Штуммъ. Проявленіемъ этого новаго, ретрограднаго курса можетъ служить назначеніе нѣкоторыхъ профессоровъ на каѳедру политической экономіи, враждебныхъ катедеръ-соціализму, какъ, напр., Юліуса Вольфа, «реалиста, свободнаго отъ всякихъ иллюзій». Между тѣмъ, въ обществѣ къ соціалъ-демократіи начали относиться терпимѣе. Послѣ періода насмѣшекъ и презрѣнія, послѣдовалъ періодъ ненависти и раздраженія въ эпоху закона о соціалистахъ, затѣмъ за послѣднее время въ общественномъ мнѣніи совершился поворотъ въ пользу соціалъ-демократіи, особенно въ пользу той критики общественныхъ неустройствъ и указанія на необходимыя реформы, которыя были дѣломъ партіи.

Либерализмъ и соціалъ-демократія.

Этотъ поворотъ общественнаго мнѣнія повелъ къ тому, что въ 1879 г. наступилъ конецъ либеральному періоду бисмарковской эры. Либерализмъ дольше всѣхъ противился государственно-соціалистической политикѣ, ибо въ противоположность соціализму, онъ стоялъ за индивидуализмъ и капитализмъ. Въ средніе вѣка личность была связана на протяженіи всей жизни, отъ рожденія до смерти: всякій вѣрующій былъ подчиненъ церкви, вассалъ—своему феодалу, крѣпостные—своимъ помѣщикамъ, ремесленники—своимъ цехамъ, наука догмѣ, наконецъ даже поэтъ былъ связанъ табулатурой (правилами пѣсеннаго творчества). Противъ этихъ всюду проникавшихъ стѣсненій среди культурныхъ народовъ Европы съ XV столѣтія началось великое освободительное движеніе. Первая война этого эмансипаціоннаго движенія, первый великій актъ въ этой всемірно-исторической драмѣ была эпоха возрожденія и реформаціи; второй актъ—философія эпохи просвѣщеннаго абсолютизма и третій — французская революція. Въ

первомъ и второмъ актахъ Германія приняла выдающееся участіе; но то, что въ третьемъ актѣ Франція завоевала подъ сильнымъ напоромъ, но при постоянныхъ скачкахъ назадъ и судорогахъ,—то нѣмецкій либерализмъ вынужденъ былъ отвоевывать впродолженіи всего XIX столѣтія упорной борьбой за третье сословіе. Благодаря тому, что на всѣхъ трехъ ступеняхъ приходилось бороться съ ограниченіями личной свободы, освободительный процессъ новѣйшаго времени принялъ индивидуалистическое направленіе. Въ силу своего происхожденія и историческаго развитія, либерализмъ съ самаго начала является индивидуализмомъ, что не зависѣло отъ его свободнаго выбора и потому нельзя поставить ему въ вину,—это историческая необходимость, въ этомъ его заслуга и слава. Такъ какъ онъ нашелъ во всѣхъ областяхъ несправедливое подавленіе личности, то его борьба и была посвящена освобожденію личности. Эта борьба прежде всего обнаружилась въ эпоху возрожденія въ той эстетически-аристократической революціи высшаго европейскаго общества, когда оно, вернувшись къ античному міру, потребовало возстановленія въ искусствѣ, въ жизни, въ обществѣ, въ образованіи и воспитаніи правъ совершенной и индивидуальной личности и во всей ея естественной, жизнерадостной, чувственной ея непосредственности. Точно также борьба обнаружилась въ демократическихъ движеніяхъ реформаціи, гдѣ была провозглашена независимость вѣры и совѣсти отъ притязаній и власти церкви—«христіанинъ—свободный владыка въ мірѣ и никому не подчиненъ»,—говоритъ Лютеръ—и гдѣ на ряду съ христіанскими обязанностями и правами личности былъ открытъ въ душѣ каждаго человѣка давно заглохшій источникъ религіозной и нравственной силы. Она обнаружилась далѣе триста лѣтъ спустя въ новомъ монизмѣ, воскресившемъ тенденціи эпохи возрожденія и поставившемъ цѣлью эстетическое развитіе отдѣльной личности. И не менѣе она оказалась также въ ходѣ развитія новѣйшей философіи, которая съ самаго начала вмѣстѣ съ Декартомъ ставитъ «я» исходнымъ пунктомъ всякой истины, въ Лейбницѣ особенно оттѣняетъ индивидуальность, въ Кантѣ выводитъ даже законы природы изъ «я», приписываетъ далѣе ему творческую силу въ созданіи міра и, наконецъ, возводитъ это «я» въ цѣлое, абсолютное, весь міръ. Наконецъ, она проявляется въ отношеніи отдѣльной личности къ государству: за средневѣковой идеей европейской универсальной монархіи послѣдовала эпоха особыхъ самостоятельныхъ національныхъ государствъ, и на этой почвѣ опять-таки прежде всего развился индивидуалистическій деспотизмъ съ его единоличнымъ l'ètat c'est moi, далѣе измѣненіе этого принципа въ les moi sans l'ètat: эта послѣдняя атомистическая теорія государства, какъ конгломерата суверенныхъ индивидуумовъ, нашла свое выраженіе въ «Contrat social» Руссо и въ историческихъ фактахъ французской революціи. Этого взгляда на государство, по крайней мѣрѣ въ принципѣ, всегда держался либерализмъ.

Этотъ либеральный индивидуализмъ, благодаря именно его атомизму, можно назвать механическимъ міросозерцаніемъ, но не потому, что всякій индивидуализмъ долженъ быть механическимъ, — совсѣмъ напротивъ. Въ основѣ, въ глубинѣ своей сущности индивидуализмъ — стоитъ вспомнить Лейбница и Гердера—заключаетъ рѣзкій протестъ противъ механическаго, убивающаго индивидуальность, міросозерцанія; въ этомъ лежитъ его сила, источникъ его неоспоримыхъ правъ. Но онъ этого не понялъ и значитъ не понялъ самого себя: вотъ въ чемъ

лежитъ внутреннее противорѣчіе либерализма, благодаря которому онъ долженъ былъ, по крайней мѣрѣ въ этой формѣ, погибнуть; въ этомъ заключается его грѣхопаденіе, котораго онъ никогда не сумѣлъ искупить, именно въ своемъ отношеніи къ государству и обществу. Ибо какъ онъ представляетъ себѣ человѣчество? Какъ сумму индивидуумовъ, которые являются простыми атомами, изъ которыхъ каждый въ существенномъ равенъ другому, обладаетъ какъ и всѣ другіе, одинаковыми правами и независимо и одиноко стоитъ между всѣми другими. И когда они соединяются въ группы, то это совершается всегда только на время и случайно, произвольно и искусственно, на основаніи свободно заключенныхъ договоровъ. Поэтому, всѣ эти союзы не только не необходимы и неразрывны, но они основаны исключительно въ интересахъ отдѣльныхъ индивидуумовъ, они существуютъ только ради нихъ, слѣдовательно не господствуютъ надъ ними, но всегда отдѣльныя личности въ какой бы то ни было формѣ большинства или множества — остаются суверенными по отношенію къ этимъ союзамъ.

Въ области нравственности индивидуализмъ все строитъ на субъективномъ сознаніи и совѣсти и признаетъ добродѣтельнымъ того, кто руководствуется этимъ индивидуальнымъ критеріемъ. При нравственной оцѣнкѣ поведенія онъ не обращаетъ вниманія на результатъ поступка, но исключительно на добрую волю, мотивы на внутренній голосъ: «ты долженъ». Такимъ образомъ, человѣкъ абсолютно свободенъ, связанъ только самимъ собой, ибо нравственный законъ есть только законъ его собственной разумной природы, это автономія, а не гетерономія. Но въ существѣ государства и нравственности (даже у самого Канта) заключается анти-индивидуалистическій элементъ, и такимъ образомъ необходимъ коррективъ противъ всеобщаго примѣненія этой атомистической точки зрѣнія; вслѣдствіе этого, либеральная теорія никогда въ теченіе цѣлаго столѣтія не достигла полнаго безраздѣльнаго господства въ двухъ областяхъ. Въ ученіи о нравственности побѣдоносно выступало противъ теоріи индивидуализма ученія Шлейермахера и Гегеля; въ области государственной жизни выступилъ противъ него тотъ же самый Вильгельмъ фонъ-Гумбольдтъ, который вслѣдствіе измѣнившихся обстоятельствъ послѣ пораженія при Іенѣ, измѣнилъ свою точку зрѣнія и сталъ требовать отъ государства «заботъ о положительномъ благосостояніи своихъ гражданъ». Совсѣмъ иначе обстоитъ дѣло въ области общественной и экономической жизни. Здѣсь отношенія людей другъ къ другу ни въ теоріи, ни въ практикѣ не имѣютъ нравственнаго характера, здѣсь вся связь между людьми покоится на отношеніяхъ производства, обмѣна и потребленія; каждый предоставленъ самому себѣ и своимъ собственнымъ силамъ, каждый работаетъ лишь для себя и во имя своихъ интересовъ. Но для того, чтобы корабль былъ въ состояніи сойти съ мели, необходимо, какъ заявляетъ индивидуалистическое ученіе о народномъ хозяйствѣ, съ одной стороны устранить всѣ реальныя препятствія, съ другой—разбить нѣкоторыя привычныя воззрѣнія, которыя могутъ тоже служить помѣхой. Къ реальнымъ препятствіямъ относятся всѣ учрежденія, оставшіяся отъ эпохи среднихъ вѣковъ и владычества князей: крѣпостное право, барщину и наслѣдственную подчиненность, обязательную принадлежность къ цеху и сословію, ограниченіе свободы передвиженія съ мѣста на мѣсто и изъ страны въ страну, стѣсненія права осѣдлости и права гражданства, законы о бракѣ и семьѣ, фиксированіе государствомъ и

коммуной цѣнъ и заработной платы и регулированіе закономъ договоровъ о службѣ и работѣ. Въ области воззрѣній необходимо устранить понятіе о нравственной природѣ человѣка: до нея нѣтъ никакого дѣла наукѣ о народномъ хозяйствѣ и ученію объ обществѣ. Если наибольшаго успѣха достигаетъ тотъ, кто идетъ впередъ, не щадя никого, заботится лишь о себѣ и своихъ интересахъ, то индивидуалистическому ученію о народномъ хозяйствѣ нечего удерживать его отъ этого. Она знаетъ только одно: свободную конкуренцію и, какъ побудительную пружину всей жизненной дѣятельности, съ экономической точки зрѣнія, прибыль, ренту,—эгоизмъ.

Но какія изъ этого вытекаютъ послѣдствія? Результатъ конкуренціи совершенно противоположенъ исходной точкѣ ея: въ основѣ ея лежала прекрасная мысль, что всѣ люди по природѣ равны и потому имѣютъ одинаковыя права на борьбу за существованіе и на преслѣдованіе своихъ интересовъ. Въ результатѣ этой свободной борьбы получилась небольшая группа экономически сильныхъ и подавляющее большинство экономически слабыхъ. И государство не можетъ защитить экономически слабыхъ отъ эксплуатаціи, ибо оно не должно вмѣшиваться въ общественныя отношенія.

Коллективизмъ и партіи.

Коллективизмъ не слѣдуетъ отождествлять съ соціалъ-демократіею. Въ двухъ пунктахъ соціалъ-демократія безусловно несправедливо относится къ либерализму и индивидуализму. Она борется только за четвертое сословіе и борется за его господство, т.-е. она угрожаетъ другія сословія и классы лишить свободы и независимости; она не признаетъ того, что сдѣлалъ либерализмъ въ смыслѣ дифференціаціи, смѣшивая въ одну кучу и называя «реакціоннымъ» все, что не есть соціалъ-демократическое, такъ умственный пролетаріатъ она исключаетъ изъ состава рабочаго класса, но вмѣстѣ съ тѣмъ отказываетъ ему въ правѣ добиваться своихъ цѣлей и требовать спеціальной работы. Ея идеалъ будущаго напоминаетъ фабрику съ принудительнымъ трудомъ и нивеллирующимъ единообразіемъ. Это служитъ причиною серьезныхъ опасеній и для другихъ партій и оправдываетъ энергическое противодѣйствіе съ ихъ стороны. Наконецъ, игра съ понятіемъ «революціонеръ» нечестна и рискованна. То это понятіе означаетъ великій и всеобщій переворотъ, который долженъ быть результатомъ требованій и домогательствъ, то внезапный прыжокъ, ведущій насильственно къ цѣли, въ противоположность постепенному наступленію новаго порядка путемъ реформъ. Это равносильно насильственному перевороту и противорѣчитъ марксистскому пониманію исторіи и историческому опыту, который учитъ, что поколѣніе для такого переворота должно быть внутренно подготовлено и воспитано, въ противномъ случаѣ все останется по старому. Создайте новый міръ, и немедленно возникнетъ новое человѣчество, говоритъ революціонеръ; но это было бы чудомъ. Правда, и въ рядахъ соціалъ-демократовъ уже многіе не вѣрятъ въ это. На съѣздѣ въ Штутгардтѣ фонъ-Фольмаръ открыто заявилъ: «Насъ не могло бы постигнуть бо́льшее несчастіе, какъ если бы власть внезапно очутилась въ нашихъ рукахъ, такъ какъ мы не обладаемъ необходимой для этого политическою зрѣлостью». Такимъ образомъ, соціалъ-демократія находится въ состояніи внутренняго превращенія («линянія») изъ ре-

волюціонной партіи въ партію революціонныхъ реформъ. Такимъ образомъ, является возможность удовлетворить нетерпѣнію живущихъ, жаждущихъ увидѣть во-очію хоть часть этого новаго.

Изъ всего этого вытекаютъ своеобразныя перемѣщенія и перетасовки въ отношеніи другихъ партій и общественнаго мнѣнія къ соціализму. Мы уже говорили о томъ, что между Бисмаркомъ и Лассалемъ завязались сношенія въ то время, когда первый находился въ сильномъ конфликтѣ съ партіей прогрессистовъ, равно и о томъ, что «Крестовая Газета» привѣтствовала выступленіе Лассаля, какъ своего союзника. Вообще же отдѣльные члены консервативной партіи гораздо раньше обнаружили пониманіе соціалистическихъ идей, чѣмъ либералы: рядомъ съ Губеромъ и Родбертусомъ можно было бы назвать Лотара Бухера и Вагенера. Но въ общей массѣ консерваторовъ также мало понимали эти вопросы, какъ и всѣ и другіе, поэтому Бухеръ и Вагенеръ вышли изъ партіи, и Вагенеръ, основатель «Крестовой Газеты», довольно часто жаловался на это непониманіе своихъ товарищей. Они не поняли перехода Германіи отъ земледѣлія къ индустріи, и ихъ симпатіи лежали на сторонѣ земледѣлія и связанныхъ съ нимъ интересовъ, а не на сторонѣ промышленности и ея потребностей. Къ этому присоединились либеральныя требованія соціалъ-демократіи, ихъ критическое и отрицательное отношеніе къ существующему государству, а вскорѣ и антимонархическія и демократическія идеи, за которыя соціалъ-демократы стали прямо ненавистными консерваторамъ. Въ этомъ отношеніи они все больше опирались на мнѣнія Бисмарка. Когда же послѣ паденія Бисмарка работодатели, относившіеся отрицательно къ соціальнымъ реформамъ, и среди нихъ, главнымъ образомъ баронъ фонъ-Штуммъ, пріобрѣли сильное вліяніе на правительственные круги и имъ удалось отклонить новый курсъ отъ соціально-политическихъ реформъ, вражда снова обострилась, и въ настоящее время консерваторы и соціалисты находятся на діаметрально-противоположныхъ полюсахъ. Консерваторы не замѣчаютъ, или, можетъ быть, не хотятъ признаться, что въ ихъ аграрныхъ стремленіяхъ и въ требованіи государственной помощи для земледѣлія заключается добрая доля государственнаго соціализма, но они просятъ помощи, не думая о соціализмѣ, а во имя своей алчной и своекорыстной аграрной политики.

Либерализмъ, какъ индивидуалистическая система, съ самаго начала былъ далекъ отъ собственно соціальныхъ идей соціализма; только по невѣжеству, недоразумѣнію и оппортунизму, либерализмъ въ эпоху реакціи воспользовался соціалистами, какъ своими союзниками въ борьбѣ противъ правительства и смотрѣлъ на нихъ, какъ бы на свое собственное лѣвое крыло. Но эта дружба относилась только къ либеральнымъ, а не къ соціальнымъ элементамъ соціализма. Поэтому, уже въ 1848 году либерализмъ испугался вторженія соціализма въ революціонное движеніе въ Берлинѣ и Франкфуртѣ, въ Саксоніи и Баденѣ и съ досадой оттолкнулъ его отъ себя. Точно также соціальный ферейнъ и партія прогрессистовъ видѣли въ рабочихъ только радикаловъ и пользовались ими для своихъ цѣлей. Поэтому-то либерализмъ былъ крайне пораженъ и возмущенъ, когда Лассаль, Либкнехтъ и Бебель отвлекли отъ него рабочихъ и организовали ихъ въ самостоятельную партію. Такимъ образомъ, либерализмъ былъ въ началѣ антиподомъ новой партіи, хотя по совершенно другимъ мотивамъ. Партія прогрессистовъ съ самаго начала была противницей всякаго государственнаго соціализма, и главной представительницей манчестерской доктрины — стоитъ вспомнить

Бамбергера, Барта и, главнымъ образомъ, Евгенія Рихтера—и считали себя господствующею партіей въ рейхстагѣ, но теперь ея преобладанію нанесенъ былъ ударъ со стороны соціалъ-демократовъ, и она вынуждена была вступить съ ними въ борьбу. Націоналъ-либералы боролись съ соціалъ-демократіей преимущественно съ 1871 года, когда соціалъ-демократы стали все болѣе принимать антинаціональное направленіе, позднѣе они, какъ главные сотрудники Бисмарка, приняли участіе въ соціальномъ законѣ о соціалистахъ. Однако, когда самъ Бисмаркъ съ 1881 года и особенно съ 1883 года свернулъ на путь соціальныхъ реформъ, что партія послѣдовала за нимъ и приняла участіе въ соціальномъ законодательствѣ восьмидесятыхъ годовъ. Когда же Бисмаркъ палъ, оказалось, что доброжелательное отношеніе къ рабочимъ у многихъ націоналъ-либераловъ, чтобы не сказать у большинства, было неискренне. Націоналъ-либералы представляли собою собственно партію образованныхъ и достаточной буржуазіи и капитала; между прочимъ на Рейнѣ главной опорой и вождями были фабриканты. Такимъ образомъ данъ былъ лозунгъ, что народъ усталъ отъ обилія законовъ и долженъ раньше переварить новые соціальные законы, прежде чѣмъ идти дальше. Въ дальнѣйшемъ враждебное отношеніе къ соціалъ-демократіи скорѣе обострилось, чѣмъ ослабѣло, причемъ особенно отмѣчали въ ней революціонный элементъ, а «линянія» не замѣчали или не хотѣли замѣчать; и, наконецъ, бросили противъ катедеръ-соціалистовъ упрекъ Трейчке, что они покровительствуютъ соціалъ-демократіи и при этомъ настолько забыли о своемъ либеральномъ прошломъ, что стали взывать къ рѣшительнымъ мѣрамъ со стороны государственной власти противъ «государственнаго соціализма» и тѣмъ подвергали опасности свободу преподаванія. Для оправданія этихъ мѣръ ссылались на неблагодарность рабочихъ по отношенію къ государству и такимъ работодателямъ, какъ Круппъ и Штуммъ, сдѣлавшихъ для нихъ много полезнаго.

Только крайнее крыло либерализма, нѣмецкая народная партія, состоявшая, главнымъ образомъ, изъ южанъ, включая въ свою программу соціально-реформаторскія идеи въ самомъ широкомъ объемѣ и отнеслась очень доброжелательно къ соціалистическимъ требованіямъ рабочихъ. Это находилось безспорно въ связи съ тѣмъ историческимъ фактомъ, что народная партія вплоть до шестидесятыхъ годовъ старалась поддерживать сношенія съ рабочими союзами и затѣмъ обѣ партіи были солидарны въ либеральныхъ требованіяхъ и рѣзкой критикѣ государства и его органовъ, наконецъ, онѣ сходились въ ненависти противъ Бисмарка. Такимъ образомъ, народная партія, по крайней мѣрѣ въ теоріи, утвердительно разрѣшила вопросъ, рѣшенный въ большинствѣ случаевъ другими партіями отрицательно, слѣдуетъ ли соціалъ-демократію признавать партіей наравнѣ съ другими и признавать ее способной быть союзницей. Я нахожу разрѣшеніе даннаго вопроса въ утвердительномъ смыслѣ вполнѣ справедливымъ, ибо такимъ образомъ она войдетъ составной частью въ государственное цѣлое, будетъ привлечена къ совмѣстной работѣ въ общинномъ и государственномъ управленіи и этимъ путемъ скорѣе совершится превращеніе ея въ радикальную партію реформъ.

Соціалъ-демократія и церковь.

Наконецъ, остановимся на отношеніи центра къ соціалъ-демократіи. Но прежде чѣмъ говорить объ этомъ, необходимо сказать

нѣсколько словъ объ отношеніи соціалъ-демократіи къ религіи. «Религія это частное дѣло каждаго человѣка», такъ гласитъ коротко и ясно программа партіи; въ дѣйствительности же ея отношеніе совершенно другое, безусловно отрицательное: она противница церкви и религіи, ея отношеніе къ религіи атеистическое и матеріалистическое. О томъ, какъ это произошло, я уже раньше говорилъ. Тронъ и алтарь въ эпоху реакціи тѣсно соединились другъ съ другомъ, революціонная оппозиція противъ монархическаго государства коснулась поэтому также и церкви, Въ борьбѣ противъ ancien regime, какъ у энциклопедистовъ XVIII столѣтія, лучшимъ оружіемъ было самое радикальное міросозерцаніе—теперь какъ и тогда это былъ матеріализмъ. Кромѣ того, послѣдній благодаря своей поверхности, является легко понятнымъ, особенно доступнымъ массамъ и, какъ естественно-научное міросозерцаніе, заключаетъ въ себѣ нѣчто современное, что всегда импонируетъ полуобразованнымъ людямъ. Дѣйствительно, онъ особенно годенъ для людей, занимающихся физическимъ трудомъ: они имѣютъ дѣло съ веществомъ. ихъ больше всего интересуютъ законы матеріи и преодолѣніе препятствій и преградъ, связанныхъ съ нею, а на все это матеріализмъ даетъ самый прямой лучшій отвѣтъ.

Какъ же ко всему этому отнеслась церковь? Вооруженная противъ соціалъ-демократіи за ея атеистическій матеріализмъ и противо-церковныя тенденціи, церковь стала во враждебныя отношенія къ движенію.

Такое боевое отношеніе церкви не только не лежало въ основѣ ея, но было тактически неразумно. Поэтому уже съ самаго начала въ католической церкви стали громко раздаваться другіе голоса. Въ рейнскихъ провинціяхъ въ Вестфаліи, гдѣ среди сильно развивающейся индустріи дѣло шло о сохраненіи и укрѣпленіи ея собственнаго положенія, она легче могла понять соціальный вопросъ. Еще въ 1848 году епископъ майнцкій Кеттлеръ одинъ изъ первыхъ призналъ важность «великихъ соціальныхъ вопросовъ современности» и еще опредѣленнѣе въ 1864 году въ своемъ произведеніи «Рабочій вопросъ и христіанство» онъ подъ вліяніемъ Лассаля вступился за рабочихъ и ихъ требованія; и съ того времени никогда не прерывалась нить, связывающая рабочій союзъ съ католическимъ христіанствомъ. Штатлеръ въ рѣчи, сказанной по поводу двадцатипятилѣтняго юбилея «Общества соціальной политики» прямо заявилъ, что ферейнъ всегда имѣлъ много общаго съ соціально-политическими тенденціями центра, но только это не проявлялось въ дни культуръ-кампфа, такъ какъ среди членовъ ферейна большинство либералы. Но съ восьмидесятыхъ годовъ замѣтно сближеніе, «такъ какъ «Общество соціальной политики» и центръ, исходя изъ однихъ и тѣхъ же этическихъ, религіозныхъ и гуманныхъ взглядовъ, относились и относятся сочувственно къ рабочимъ». Въ 1877 году центръ выставилъ соціально-политическую программу; въ соціальномъ законодательствѣ восьмидесятыхъ годовъ онъ принималъ выдающееся участіе и люди вродѣ Гитце энергично выступили въ пользу законовъ объ ограждeніи рабочихъ. Въ 1880 году въ Мюнхенѣ-Гладбахѣ образовался союзъ католическихъ промышленниковъ и друзей рабочихъ подъ названіемъ «Рабочее благо», и подъ тѣмъ же именемъ и въ томъ же духѣ издается ежемѣсячный журналъ подъ редакціей Гитце. Самъ же Гитце въ 1893 году сдѣлался профессоромъ «христіанской науки объ обществѣ» въ Мюнстерѣ, и курсы для изученія этого христіанскаго соціализма привлекаютъ всегда большое число желающихъ. Среди другихъ вопросовъ, обсуждающихся на большихъ католическихъ сен-

тябрьскихъ собраніяхъ, соціально-политическія проблемы занимаютъ важное мѣсто; въ практическомъ же отношеніи церковь принимаетъ и безъ того очень ревностное участіе въ разрѣшеніи соціальныхъ задачъ всякаго рода путемъ соціально-научнаго просвѣщенія широкихъ круговъ общества, развитія благотворительности и строго конфессіональной организаціи рабочихъ, подмастерьевъ и т. п. Благодаря замѣчательно сплоченной организаціи ферейновъ, которой католическая церковь занималась съ 1848 г., католическія рабочія массы въ общемъ не были затронуты соціалъ-демократіей. Съ другой же стороны вмѣшательство папы въ соціальный вопросъ принесло больше вреда, чѣмъ пользы. Его энциклика Rerum novarum отъ 15-го мая 1891 года о соціальномъ вопросѣ говорила только, что итальянецъ Левъ XIII ничего не понимаетъ въ этомъ вопросѣ.

Иначе обстоитъ дѣло съ протестантизмомъ. Онъ гораздо позже вмѣшался въ этотъ вопросъ. Первымъ представителемъ государственно-соціалистическихъ воззрѣній на христіанско-библейской основѣ явился пасторъ Тодтъ, народившійся подъ вліяніемъ Родбертуса и Адольфа Вагнера. Затѣмъ энергически взялся за дѣло придворный проповѣдникъ Штеккеръ, поставившій своей цѣлью при помощи основанной имъ христіанско-соціальной рабочей партіи пріобрѣсти снова Берлинъ, который перешелъ отъ прогрессивной партіи къ соціалъ-демократіи. Христіанско-соціальная рабочая партія, основанная имъ въ 1878 году, должна была быть консервативной и христіанской, въ основѣ ея лежитъ «христіанская вѣра и любовь къ королю и отечеству», и потому она осуждаетъ соціалъ-демократію, «какъ непрактическую, нехристіанскую и непатріотическую». При этомъ онъ, однако, особенно сильно настаивалъ на государственной помощи для рабочихъ организацій и на проведеніи широкаго законодательства для защиты рабочихъ; въ своихъ рѣчахъ Штеккеръ шелъ еще дальше, чѣмъ въ опубликованной имъ программѣ. Съ основаніемъ этого ферейна связывались сначала самыя несбыточныя надежды.

Но торжествовать было рано. Благодаря тому, что Штеккеръ соединилъ эти соціальныя стремленія съ антисемитической травлей и обнаружилъ много слабыхъ сторонъ сначала въ церковномъ интригантствѣ, потомъ въ политической дѣятельности, безпрестанно нарушалъ завѣты христіанской любви и правдивости, движеніе не могло продолжаться съ успѣхомъ, а попытка его отвоевать Берлинъ совершенно не удалась. Вмѣстѣ съ тѣмъ оно потеряло благосклонное отношеніе свыше, которое можно было поддержать только привлеченіемъ массъ, но ихъ не было.

Едва ли не большее значеніе имѣла гораздо болѣе скромная и тихая дѣятельность евангелически-соціальнаго конгресса, созваннаго также Штеккеромъ въ 1890 году. Задачей его было «разъясненіе соціально-научныхъ вопросовъ и пріобрѣтеніе широкихъ круговъ образованнаго общества для христіанско-соціальнаго движенія». Главными участниками его вскорѣ стали среднія церковныя партіи, для которыхъ Штеккеръ по своимъ церковнымъ взглядамъ стоялъ слишкомъ вправо. Въ первое время въ конгрессѣ видѣли нѣчто въ родѣ церковной нейтральной почвы, на которой могли сходиться люди всѣхъ партій для совмѣстной работы въ дѣлѣ соціальнаго просвѣщенія, но мало-по-малу элементы, стоящіе направо, и соціальные реформаторы, стремящіеся энергично впередъ, были оттиснуты въ сторону; на конгрессѣ стала господствовать золотая середина, на которой можно бы-

ло держаться безъ особенныхъ затрудненій, но зато и безъ особенной пользы. Необходимо, однако же, признать, что подъ вліяніемъ конгресса многія духовныя лица были привлечены и заинтересованы соціально-политическими вопросами и реформами.

Націоналъ-соціальная партія.

Но вслѣдствіе осторожнаго, безпринципнаго и умѣреннаго направленія конгресса, болѣе энергичные реформаторы отъ него отдѣлились и пошли своею собственною дорогою. Руководительство этимъ движеніемъ взялъ на себя пасторъ Науманнъ, могучая, нравственная личность съ добрымъ сердцемъ и ясной головой. Сначала онъ примыкалъ къ Штеккеру, но скоро отбросилъ антисемитическіе и консервативные, а затѣмъ и христіанскіе и церковные пункты программы, основали новое направленіе и партію, націоналъ-соціальную, въ которой христіанство сохранено какъ «настроеніе». Она стоитъ ближе всѣхъ партій къ соціалъ-демократіи, критикуя, какъ и та, существующія условія, нападая очень рѣзко на работодателей, въ родѣ «короля» Штумма, и ставя себѣ задачей быть представительницей интересовъ рабочихъ. Вполнѣ понятно, что она является предметомъ нападокъ со стороны работодателей и спеціально Штумма въ парламентѣ и въ прессѣ. Она отличается отъ соціалъ-демократіи не соціальными и не соціалистическими, а политическими чертами, ибо она очень рѣшительно выступаетъ за національное государство, за армію, флотъ и колоніальную политику. Все это изложено Науманномъ, ставшимъ послѣ отреченія отъ пасторскаго званія политическимъ агитаторомъ и вождемъ партіи, въ многочисленныхъ рѣчахъ, а также въ его еженедѣльномъ изданіи «Помощь», тогда какъ выходившая ежедневно газета «Время» очень скоро прекратила свое существованіе по недостатку подписчиковъ. Это свидѣтельствуетъ, конечно, о томъ, что въ этомъ движеніи мы имѣемъ пока только офицеровъ безъ арміи. Въ Франкфуртѣ Науманну удалось найти небольшое число приверженцевъ среди рабочихъ; въ его первоначальные планы какъ разъ входило, путемъ возможно большихъ уступокъ, привлечь соціалъ демократовъ рабочихъ въ національный лагерь. Но его планы организовать прежде всего сильную армію, сильный флотъ и перспектива міровой войны, чтобы предоставить Германіи первенствующее мѣсто въ міровой торговлѣ, не имѣли притягательной силы для рабочихъ; въ области же соціальныхъ идей Науманнъ не могъ ничего предложить, что не было выставлено уже самими соціалъ-демократами. Его приверженцевъ, поэтому, слѣдуетъ искать не въ рабочихъ слояхъ народа, но почти исключительно среди образованныхъ людей: къ нему примкнули профессора университетовъ, студенты, старшіе учителя и другіе академики, главнымъ же образомъ, довольно большое число молодыхъ священниковъ; изъ простого же народа у него нѣтъ приверженцевъ. При выборахъ въ парламентъ въ 1898 году націоналъ-соціалы получили въ общемъ только 23.000 голосовъ и не провели ни одного своего кандидата. Въ этомъ лежитъ характерный симптомъ движенія. Онъ доказываетъ, что съ одной стороны соціализмъ пересталъ быть религіей для рабочаго народонаселенія, съ другой находитъ все больше приверженцевъ среди образованнаго класса. Отрадная сторона этого движенія заключается въ томъ, что оно парализуетъ то прискорбное раздѣленіе націи «на классъ образованныхъ и необразованныхъ», которое ведетъ съ собой соціали-

стическое движеніе. Націоналъ-соціалы признаютъ соціалъ-демократовъ своими «братьями» съ лѣвой стороны, особою партіею, имѣющей право на существованіе, ведутъ съ ними серьезные споры и высказываютъ сочувствіе въ тѣхъ случаяхъ, когда считаютъ ихъ правыми. Въ практическомъ отношеніи именно основной вопросъ о равноправности и способности заключать союзы является еще наиболѣе спорнымъ. Однако, дебаты по этому вопросу ведутъ все болѣе къ сближенію и взаимному пониманію, и работать въ этомъ направленіи есть обязанность всѣхъ, кто желаетъ мирнаго разрѣшенія и уложенія этого остраго вопроса.

Такъ какъ неоднократно дѣятелями этого христіанско-соціальнаго и націоналъ-соціальнаго движенія являлись священники, какъ Штеккеръ, Науманнъ, Гере, Венкъ, то и духовныя власти должны были стать въ извѣстное отношеніе къ движенію. Но они и здѣсь такъ же неудачно дѣйствовали, какъ съ католической стороны папа. Въ 1890 году евангелическая консисторія въ Берлинѣ обратилась къ прусскому духовенству съ циркуляромъ, въ которомъ она, подъ вліяніемъ соціальнаго и реформаторскаго ученія времени, взывала къ ихъ соціальнымъ обязанностямъ и требовала участія въ соціальной работѣ. Въ циркулярѣ даже была рѣчь о томъ, что церковь должна поставить себѣ задачей помочь удовлетворенію справедливыхъ требованій рабочихъ и предохранить ихъ трудъ отъ эксплуатаціи. Между тѣмъ, изъ лагеря Науманна стали раздаваться болѣе рѣзкіе голоса его, а пасторы стали указывать на большія соціальныя неурядицы въ сельскихъ округахъ восточной Эльбы; въ то же время «король Штуммъ» и консервативно-аграрное юнкерство стали поднимать шумъ противъ всего, что называется соціальнымъ и рѣзко нападать на христіанскій и государственный соціализмъ; тогда въ декабрѣ 1895 года былъ изданъ новый циркуляръ, который отмѣнилъ предъидущій и серьезно предостерегалъ духовенство отъ вмѣшательства въ соціальную борьбу. Консисторія при этомъ ссылалась на то, что изъ-за свѣтскихъ задачъ нерѣдко пренебрегаютъ пасторскою дѣятельностью, авторитетъ духовенства въ общинахъ колеблется и достоинство духовнаго сана компрометтируется, церковь не имѣетъ права быть третейскимъ судьею въ свѣтскихъ дѣлахъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ старались запугать и зажать ротъ христіански-соціальнымъ пасторамъ посредствомъ перемѣщеній и лишенія духовныхъ должностей тѣхъ, которые выступали въ качествѣ агитаторовъ. На сколько палъ престижъ Штеккера, объ этомъ свидѣтельствуетъ поведеніе генеральнаго синода въ декабрѣ 1897 года: когда Штеккеръ совершенно справедливо указалъ на различіе между двумя циркулярами и обрушился противъ второго, то на него не обратили ни малѣйшаго вниманія и одобрили рѣшеніе консисторіи.

Весь этотъ эпизодъ ясно показываетъ, какъ опасно для самой церкви участіе въ соціалистическомъ движеніи. Она попадаетъ такимъ образомъ на наклонную плоскость и не знаетъ, гдѣ и когда она достигнетъ края.

Помимо внѣшнихъ препятствій, націоналъ-соціальная партія сама страдаетъ отъ внутреннихъ противорѣчій и недоразумѣній. Самое отношеніе къ христіанству является довольно двусмысленнымъ. Когда Науманнъ и другіе выдающіеся члены партіи въ январѣ 1897 года обратились за сборомъ въ пользу гамбургскихъ портовыхъ рабочихъ, находившихся тогда въ стачкѣ, и ради этого выпустили воззваніе, гдѣ рѣшительно отрицали всякое партійное отношеніе къ стачечникамъ и намѣреніе способствовать ихъ побѣдѣ, то ихъ стали обвинять въ

нечестности. Кто въ борьбѣ изъ-за власти доставляетъ одной сторонѣ средства для продолженія борьбы, тотъ не стоитъ на нейтральной почвѣ, — этого не могли не знать люди, вродѣ Науманна и Геркнера. Послѣ выборовъ 1898 года въ партійной прессѣ и на дармштадтскомъ съѣздѣ представителей выступили на свѣтъ рѣзкія внутреннія противорѣчія: консервативное правое крыло подъ предводительствомъ Зома стоитъ противъ радикальнаго теченія, выразителемъ котораго является главнымъ образомъ, Гёте. Въ то время какъ первый выдвигаетъ на первый планъ національные и монархическіе принципы, а слѣдовательно и отрѣшеніе соціалъ-демократіи, для второго на первомъ мѣстѣ стоитъ соціальный элементъ и связь съ соціалъ-демократіей. Точно также аграрный вопросъ вызываетъ разногласіе: не всѣ согласны съ нападками Гёте на восточно-эльбскихъ помѣщиковъ и съ отрицательнымъ отношеніемъ Шульце-Геверница къ высокимъ пошлинамъ на хлѣбъ. Итакъ, партія страдаетъ, благодаря своему консервативному прошлому, съ которымъ она внутренно разошлась, но съ внѣшней стороны ей еще не хватаетъ мужества окончательно порвать съ нимъ.

При такихъ условіяхъ было вообще ошибкой основать особую націоналъ-соціальную партію, тѣмъ болѣе, что въ общемъ все вертится вокругъ личности Науманна и пока имъ однимъ держится. Организовать корпораціи, фракціи, партіи—лежитъ въ крови нѣмцевъ; академики уже со школьной скамьи привыкли къ своимъ корпораціямъ и союзамъ. Англичане въ этомъ отношеніи гораздо практичнѣе. И у нихъ существуютъ соціалисты, которые «набираются преимущественно изъ среднихъ классовъ и въ особенности изъ интеллигентнаго пролетаріата и работаетъ въ качествѣ учителей и журналистовъ или же занимаютъ высшія должности въ мѣстномъ управленіи». Они также объединились въ одно общество—«The Fabian Society»; но эти фабіанцы не составляютъ политической партіи, но ставятъ себѣ задачей только «пропитать фабіанскими идеями» существующія партіи и ферейны. Такіе же фабіанцы существуютъ въ Германіи, но они не имѣютъ особаго имени. Въ противоположность соціалъ-демократамъ они «не думаютъ, что наступитъ когда-нибудь моментъ, когда вопросъ о будущемъ строѣ будетъ рѣшенъ съ помощью выборовъ, или же только однимъ парламентскимъ голосованіемъ, что въ одинъ прекрасный день судьба пролетаріата съ одной стороны и имущихъ классовъ съ другой—будетъ поставлена на одну карту; но они думаютъ, что всякое ихъ пріобрѣтеніе явится только однимъ въ руду множества подобныхъ мѣропріятій, и задача ихъ партіи должна состоять въ томъ, чтобы поддерживать интересъ и поощрять къ этимъ частичнымъ завоеваніямъ». По отношенію къ работодателямъ они того мнѣнія, что пока сохраняется частная собственность, она налагаетъ извѣстныя обязанности; отъ работодателей не слѣдуетъ ожидать благодѣяній только въ старой патріархальной формѣ, но они должны отказаться отъ односторонняго пользованія своими господскими правами во имя соціальной справедливости. Главнымъ же образомъ они требуютъ, чего, конечно, въ бюрократическомъ и военномъ государствѣ трудно достигнуть, полной свободы и равноправія какъ для соціалистовъ, такъ и для соціалъ-демократовъ, поскольку они добиваются своихъ цѣлей законнымъ путемъ.

Въ этомъ направленіи дѣйствовалъ нѣкогда въ Англіи Карлейль, находившійся подъ вліяніемъ Фихте; съ нимъ мы еще встрѣтимся, какъ съ индивидуалистомъ.—Это—«геніальная путанная голова», почему Трейчке не безъ основанія называетъ «сомнительной» славу этого че-

ловѣка, значеніе котораго у насъ въ послѣднее время черезчуръ преувеличили. Со времени Альберта Ланге и среди насъ многіе стараются идти по тому же пути и тамъ найти средство къ «соціальному миру». Здѣсь, можетъ быть, будетъ не лишнимъ упомянуть о моей книгѣ «Соціальный вопросъ есть нравственный». Сюда можно причислить также союзъ нѣмецкихъ аграрныхъ реформаторовъ, основанный на идеяхъ американца Генри Джорджа, особенно съ тѣхъ поръ, какъ онъ благоразумно старается скрыть свою главную цѣль—превращеніе поземельной собственности въ достояніе общества, и выставляетъ слѣдующую задачу: «На землю, основу всякаго національнаго благосостоянія, долженъ быть распространенъ законъ, который разрѣшаетъ пользованіе ею только для постройки мастерскихъ и жилищъ, исключаетъ всякое злоупотребленіе ею и всякое повышеніе цѣны на землю, не обусловленное трудомъ отдѣльныхъ лицъ, предоставляетъ въ пользу всего народа».

Ко всему этому примѣшивается много невѣжества и диллетантизма, много доброжелательства и мало умѣнія. Вообще мы видимъ здѣсь больше доброй воли и чувства, чѣмъ знанія и практическаго пониманія. И тѣмъ отраднѣе тотъ фактъ, что въ нѣмецкихъ университетахъ посѣщеніе лекцій по политической экономіи сильно увеличилось и вошло въ моду, что были основаны соціально научныя студенческія общества, въ которыхъ изучаютъ соціальные вопросы, что устраиваютъ лѣтніе курсы по соціально-научнымъ предметамъ для духовныхъ лицъ, учителей и чиновниковъ; и такимъ образомъ проникаетъ потокъ политико-экономическихъ знаній въ широкіе круги нѣмецкаго общества. Все это сильно способствуетъ взаимному пониманію и примиренію нашего народа, который за двадцать лѣтъ соціалистическаго движенія успѣлъ сильно раздробиться. И безъ сомнѣнія, на исходѣ столѣтія можно сказать: опасность насильственнаго переворота и великой «катастрофы», казавшаяся намъ одно время близкой и неизбѣжной, отодвинута въ даль, а по мнѣнію многихъ даже совсѣмъ устранена, если только не будетъ вызвана насильственно или преднамѣренно. Во всякомъ случаѣ, это не должно означать, что соціальный вопросъ уже разрѣшенъ XIX мъ столѣтіемъ; оно нашло только путь къ разрѣшенію вопроса,—преобразованіе общества, путемъ соціальныхъ реформъ и «распространеніе истинныхъ понятій объ отношеніяхъ между индивидуумомъ и обществомъ въ экономической, нравственной и политической жизни»; вообще же соціальный вопросъ, по мнѣнію Трейчке, началъ «разлагаться на цѣлый рядъ отдѣльныхъ практическихъ вопросовъ». XIX вѣкъ довелъ дѣло до многообѣщающаго начала, главная же работа выпадетъ на долю XX столѣтія, которое по словамъ Шмоллера будетъ прежде всего «соціальнымъ».

Въ своемъ изложеніи соціальнаго вопроса я ограничился той стороной движенія, которая находится въ тѣсной связи съ рабочимъ вопросомъ. Мы пользуемся въ настоящее время словомъ «соціальный» въ болѣе широкомъ значеніи и привѣшиваемъ его, какъ ярлыкъ, ко всякому содержанію, причемъ самое содержаніе часто совсѣмъ имъ не затрагивается, и выраженіе остается пустой фразой. Подобное опьяненіе громкими словами и удовлетвореніе пустыми звуками является также характернымъ признакомъ временъ; въ общемъ же все это не имѣетъ никакого значенія. Я резюмирую здѣсь въ краткихъ словахъ все сказанное, чтобы дорисовать картину и дать возможность составить себѣ цѣльный взглядъ. Когда въ шестидесятые годы появился соціаль-

ный вопросъ, его въ началѣ не поняли и игнорировали, какъ странную и пустую утопію; затѣмъ его стали ненавидѣть, ибо онъ нарушилъ покой въ кругахъ національныхъ партій; вслѣдъ за тѣмъ страхъ и ужасъ охватили буржуазію, потому что онъ такъ могущественно сталъ распространяться, такъ юношески необузданно и такъ непочтительно держалъ себя и дѣйствительно прибѣгалъ къ угрожающимъ пріемамъ. Наконецъ, наука и чувство преобразовали его и въ настоящее время мы видимъ въ немъ даже много справедливаго какъ въ критикѣ нашей многопрославленной культуры, такъ и въ его политическихъ требованіяхъ. Но и соціалъ-демократія превратилась изъ довольно незрѣлой въ началѣ и дѣйствительно революціонной партіи въ эволюціонное движеніе и эволюціонную партію. Нынѣ это самая радикальная партія въ народѣ и въ парламентѣ, или быть можетъ уже не самая радикальная: діаметро-противоположный ему анархизмъ атакуетъ ее слѣва. Такимъ образомъ, въ широкихъ кругахъ относятся къ росту движенія совсѣмъ иначе, чѣмъ пятнадцать лѣтъ тому назадъ, безъ страха и ненависти, какъ къ полноправной партіи, только немного болѣе безпокойной, чѣмъ другія.

Только въ одномъ пунктѣ, а именно въ аграрномъ вопросѣ — господствуетъ полная неясность и незаконченность. Соціализмъ исторически развился, какъ явленіе, сопутствующее крупному производству въ индустріи и за нее онъ долженъ держаться, какъ за факторъ культурнаго развитія. Но является ли крупное производство наилучшей формой и для земледѣлія? А если нѣтъ, то какъ припомнить здѣсь соціалистическія идеи? Это для соціалъ-демократіи неразрѣшенный вопросъ будущаго, это вопросъ много обсуждавшейся аграрной программы.

ОТДѢЛЪ ТРЕТІЙ.

„МІРЪ БОЖІЙ"

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ

(25 листовъ)

ЛИТЕРАТУРНЫЙ и НАУЧНО-ПОПУЛЯРНЫЙ ЖУРНАЛЪ

для

САМООБРАЗОВАНІЯ.

Подписка принимается въ С.-Петербургѣ—въ главной конторѣ и редакціи: Лиговка, д. 25—8, кв. 5 и во всѣхъ извѣстныхъ книжныхъ магазинахъ. **Въ Москвѣ:** въ отдѣленіяхъ конторы—въ конторѣ *Печковской,* Петровскія линіи и книжномъ магазинѣ Карбасникова, Кузнецкій мостъ, д. Коха.

1) *Рукописи,* присылаемыя въ редакцію, должны быть *четко переписаны,* снабжены подписью автора и его адресомъ, а также и указаніемъ размѣра платы, какую авторъ желаетъ получить за свою статью. Въ противномъ случаѣ размѣръ платы назначается самой редакціей.

2) Непринятыя мелкія рукописи и стихотворенія не возвращаются, и по поводу ихъ редакція ни въ какія объясненія не вступаетъ.

3) Принятыя статьи, въ случаѣ надобности, сокращаются и исправляются, непринятыя же сохраняются въ теченіе полугода и возвращаются по почтѣ только по уплатѣ почтоваго расхода деньгами или марками.

4) *Лица,* адресующіяся въ редакцію съ разными запросами, для полученія отвѣта, прилагаютъ семикопѣечную марку.

5) Жалобы на неполученіе какого-либо № журнала присылаются въ редакцію *не позже двухъ-недѣльнаго срока* съ обозначеніемъ № адреса.

6) ***Иногороднихъ просятъ обращаться исключительно въ контору редакціи.*** Только въ такомъ случаѣ редакція отвѣчаетъ за исправную доставку журнала.

7) При переходѣ городскихъ подписчиковъ въ иногородные доплачивается 80 копѣекъ; изъ иногородныхъ въ городскіе 40 копѣекъ; при перемѣнѣ адреса на адресъ того-же разряда 14 копѣекъ.

8) Книжные магазины, доставляющіе подписку, могутъ удерживать за коммиссію и пересылку денегъ 40 коп. съ каждаго годового экземпляра.

Контора редакціи открыта ежедневно, кромѣ праздниковъ, отъ 11 ч. утра до 4 ч. пополудни. Личныя объясненія *съ редакторомъ по вторникамъ,* отъ 2 до 4 час., *кромѣ праздничныхъ дней.*

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

На годъ съ доставкой и пересылкой въ Россіи **8** руб., безъ доставки **7** руб., за границу **10** руб. Адресъ: С.-Петербургъ, Лиговка, 25.

Издательница А. Давыдова. Редакторъ Викторъ Острогорскій.

AP 50 Mir Bozhii
.M67
v.9
Oct
1900